ИЗЪ ПРОШЛОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Кандидаты на судебныя должности. — Вопросъ судоустройства и судебной политики. М. 1886, стр. IV + 179.

Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. — Пособіе для прокурорской службы. Т. I. — Прокуратура на Западѣ и въ Россіи. М. 1889, стр. VI + 552.

Инструкція чинамъ полиціи по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. Изд. 7-е. М. 1886.

Руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники. Изд. 4-е Спб. 1892.

Н. В. МУРАВЬЕВЪ

2:13

ИЗЪ ПРОШЛОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

СТАТЬИ ПО СУДЕБНЫМЪ ВОПРОСАМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1900

5
36

2894

ПОЛЕНО
ФОНД
22193

Въ настоящей книгѣ помѣщена большая часть журнальныхъ статей по различнымъ судебнымъ вопросамъ, написанныхъ за продолжительный періодъ времени. Занятый государственною службою, авторъ могъ отдавать литературно-юридической работѣ только немногіе и случайные свои досуги. Отсюда отрывочный, эпизодическій характеръ и скромное значеніе этихъ очерковъ, отнюдь не претендующихъ быть изслѣдованіями. Содержаніе ихъ тѣсно связано съ практическою дѣятельностью; она такъ или иначе наталкивала на темы, накопляла наблюденія и выводы, порою даже прямо побуждала подѣлиться ими съ интересующимися, въ болѣе широкой и свободной области печатнаго слова. Труды, уже давно сдѣлавшіеся его достояніемъ, оставлены и нынѣ безъ существенныхъ измѣненій, въ томъ самомъ видѣ, какъ они сложились подъ живымъ воздѣйствіемъ извѣстныхъ условій и явленій русской судебной жизни. Тотъ, кому дорого правильное, закономѣрное и плодотворное ея развитіе, найдетъ здѣсь искренній отголосокъ нѣкоторыхъ насущныхъ, прошлыхъ и нынѣшнихъ, заботъ и потребностей нашего судебнаго вѣдомства. Въ этомъ главный смыслъ предлагаемаго сборника.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Обрядъ публичной казни (1874 г.) 1
II. О предметѣ и изученіи уголовнаго судоустройства и судопроизводства (1875 г.). 59
III. Бродяги и бродяжество (1878 г.). 78
IV. Наши тюрьмы и тюремный вопросъ (1878 г.) 107
V. Къ ученію объ уголовномъ преслѣдованіи за преступленія по службѣ (1879 г.) 147
VI. Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей при сознаніи подсудимыхъ (1880 г.) 196
VII. Суррогатъ суда присяжныхъ (1880 г.) 234
VIII. О судебной службѣ (1886 г.) 268
IX. Сокращенные способы разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи и Австріи (1887 г.). 337
X. Къ вопросу о кандидатахъ на судебныя должности (1890—1891 г.) 373
XI. Общія основанія устройства и уголовной дѣятельности прокурорскаго надзора (1891—1892 г.). 399

1. Общія условія прокурорской службы.—2. Подготовка къ прокурорской службѣ.—3. Пополненіе и движеніе личнаго состава.—4. Служебное положеніе лицъ прокурорскаго надзора вообще.—5. Подчиненность.—6. Независимость.—7. Единство.—8. Отвѣтственность.—9. Вѣдомство прокурорскаго надзора и распредѣленіе въ немъ занятій.—10. Общія основанія уголовной дѣятельности.

ОБРЯДЪ ПУБЛИЧНОЙ КАЗНИ [1]).

(1874 г.).

C'est le crime qui fait la honte, ce n'est pas l'échafaud . . . .

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. внесли въ русскую жизнь новыя начала уголовнаго закона въ обширномъ смыслѣ. Эти начала, съ которыми только теперь медленно и постепенно начинаетъ свыкаться русскій народъ, или не имѣютъ ничего общаго съ его прошедшимъ юридическимъ бытомъ, или прямо идутъ въ разрѣзъ съ самыми основаніями уголовныхъ законовъ, отмѣненныхъ судебной реформой. Нѣтъ и не можетъ быть никакой существенной связи и даже простого сходства между двумя юридическими сферами, отжившей и начинающей жить. Между ними поставлена рѣзкая грань основными положеніями судоустройства и судопроизводства, и прошедшее съ его всѣмъ еще памятнымъ мракомъ, повидимому, остается только скорѣе забыть. Но если приглядѣться внимательнѣе къ новому закону и новому порядку вещей, то независимо отъ этого утѣшительнаго заключенія нельзя не обратить вниманія на разбросанные мѣстами въ судебныхъ уставахъ, правда, очень немногіе, но тѣмъ не менѣе сохранившіеся остатки прошедшаго. Они образуютъ частную и, очевидно, вовсе не крѣпкую связь между старымъ и новымъ; въ послѣднемъ они являются элементами ему безусловно чуждыми и нѣсколько вредящими тому свѣтлому и отрадному впечатлѣнію, которое и ученый юристъ, и юристъ-

[1]) Юридическій Вѣстникъ 1874 г., № 7 и 8.

практикъ вынесутъ изъ близкаго знакомства съ уставами и которое еще такъ недавно было торжественно засвидѣтельствовано европейской наукой уголовнаго права въ лицѣ знаменитаго ея представителя — покойнаго Миттермайера. Въ ряду такихъ прискорбныхъ остатковъ, незначительныхъ по количеству, но не маловажныхъ по качеству, первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, особому порядку исполненія приговоровъ, осуждающихъ преступниковъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Этотъ особый порядокъ, извѣстный въ законѣ подъ именемъ обряда публичной казни, цѣликомъ вошелъ въ новое уголовное судопроизводство изъ стараго, установленнаго 2 ч. XV т. св. зак. Наука и опытъ давно уже оцѣнили его по достоинству, но, сколько извѣстно, результаты этой оцѣнки еще не были заявлены въ нашей юридической литературѣ. А между тѣмъ вопросъ объ этомъ обрядѣ имѣетъ двойное, и юридическое и общественное, значеніе, не говоря уже о томъ, что онъ касается явленія, самая внѣшность котораго неминуемо возбуждаетъ во всякомъ, кому хоть случайно приходилось съ нимъ сталкиваться, самыя разнохарактерныя чувства:—отъ недоумѣнія и глубоко-тяжелаго впечатлѣнія до празднаго и грубаго любопытства включительно. Обрядъ публичной казни, имѣющій значеніе добавочнаго, но тѣмъ не менѣе тяжкаго уголовнаго наказанія, отнесенъ, однакоже, закономъ къ моментамъ уголовнаго процесса и опредѣляется въ обыкновенномъ своемъ примѣненіи не уложеніемъ о наказаніяхъ, а уставомъ уголовнаго судопроизводства. Такимъ образомъ, можно предположить, что этого обряда не коснется вовсе коренная реформа, въ скоромъ времени ожидающая наше уложеніе, и онъ останется въ силѣ и послѣ совершеннаго измѣненія содержанія, системы и цѣли существующихъ наказаній. Это обстоятельство придаетъ вопросу еще больше жизненности и побуждаетъ заявить о немъ передъ юридической публикой въ надеждѣ, что такой путь рано или поздно приведетъ къ его разрѣшенію, въ необходимости котораго мы глубоко убѣждены. Если же мы ошибаемся и вопросъ объ обрядѣ публичной казни будетъ затронутъ и разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ при пересмотрѣ уложенія, то и тогда, смѣемъ думать, наши

скромныя замѣтки и наблюденія, основанныя преимущественно на практикѣ и опытѣ, не останутся хотя бы безъ небольшой доли пользы въ виду неизвѣстности тѣхъ выводовъ и положеній, къ которымъ приведетъ упомянутый выше пересмотръ. Не сомнѣваясь въ томъ, что какъ бы ни маловажны были практическія указанія и личныя впечатлѣнія судебныхъ дѣятелей, они не могутъ пройти безслѣдно для закона и общества, мы рѣшаемся представить въ настоящемъ очеркѣ свои наблюденія и выводы по вопросу объ обрядѣ публичной казни, при исполненіи котораго намъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приходилось присутствовать неоднократно и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Тѣсные предѣлы очерка позволяютъ лишь вскользь коснуться теоретическаго значенія вопроса, его исторіи и положенія въ Западной Европѣ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это необходимо для объясненія и оправданія нашихъ выводовъ. Мы не придаемъ имъ большого значенія, но позволяемъ себѣ поручиться за совершенную достовѣрность фактовъ, на которыхъ они основаны.

I.

Существующій у насъ въ настоящее время обрядъ публичной казни имѣетъ значеніе, въ дѣйствительности, не столько процессуальнаго обряда, сколько особаго, добавочнаго уголовнаго наказанія, направленнаго противъ чести, одного изъ величайшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлеченнѣйшихъ благъ человѣка. Содержаніе обряда, весь порядокъ его исполненія прямо имѣютъ въ виду съ одной стороны умаленіе личной чести и безславіе самого преступника, а съ другой—доставленіе народу поучительнаго зрѣлища лишенія чести, какъ послѣдствія преступленія. Такимъ образомъ, нашему обряду публичной казни можетъ быть указано опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ уголовныхъ наказаній. Наказанія, поражающія личную честь, извѣстны уголовному праву всѣхъ народовъ и уже имѣютъ свою исторію. Являясь въ Западной Европѣ первоначально самостоятельными наказаніями, тѣсно связанными съ другими, направленными противъ тѣлесной неприкосновенности (тѣлесными наказаніями), они съ развитіемъ

общества и науки, съ постепеннымъ освобожденіемъ человѣческой личности, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка переходятъ въ наказанія дополнительныя къ главнымъ уголовнымъ наказаніямъ, направленнымъ противъ свободы. Это превращеніе совершается вмѣстѣ съ дробленіемъ обезчещивающихъ наказаній на наказанія, направленныя противъ гражданской чести (потеря и ограниченіе правъ состоянія), и на поражающія собственно личную честь. Касаясь нашего обряда публичной казни, мы, очевидно, имѣемъ въ виду только послѣднія. Ихъ же только знаетъ исторія европейскаго уголовнаго права въ средніе вѣка. При отсутствіи гражданской личной свободы, при совершенномъ поглощеніи личности сословными и государственными элементами, потеря правъ, какъ уголовное наказаніе, не могла имѣть опредѣленнаго мѣста и значенія, такъ какъ гражданскія права членовъ средневѣковаго общества были исключительныя, смутныя, юридически неопредѣленныя. За-то преобладающее и чуткое сознаніе личной чести допускало наиболѣе чувствительное пораженіе ея уголовной карой. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающее начало государственности и усиленіе правительственной власти, верховнаго источника преслѣдованія и возмездія за преступленія, требовали, чтобы лишеніе преступника чести было всенароднымъ примѣромъ, вызывающимъ трепетъ передъ государственной властью и той карательной силой, которой она вооружена. Отсюда публичность и театральная торжественность средневѣковыхъ казней, поражающихъ честь. Между этими казнями выставка у позорнаго столба, позорная колесница, публичное лишеніе сана или достоинства (expositon, carcan, dégradation, Pranger, Schandpfhal, Schandbühne) стоятъ рядомъ съ клейменіемъ, бичеваніемъ, отсѣченіемъ членовъ тѣла, лишеніемъ зрѣнія, снятіемъ кожи и т. д. Описаніями разнообразнѣйшихъ казней, въ которыхъ изощрялась изобрѣтательность законодателей и судей, наполнены современные анналы. Присутствуя при этихъ казняхъ, масса народа видѣла въ нихъ единственныя проявленія карающаго правосудія, облеченнаго въ тайну, и привыкала дрожать передъ нимъ. Только публичныя и осрамительныя наказанія вмѣстѣ съ тѣлесными могли дѣйство-

вать такимъ образомъ. И не только средніе вѣка, но и новое время, вплоть до конца XVIII столѣтія, отличались въ Западной Европѣ такимъ широкимъ и повсемѣстнымъ примѣненіемъ публичныхъ наказаній, направленныхъ на личную честь. Эпоха провозглашенія правъ человѣка и гражданина (déclaration des droits de l'homme et du citoyen) нанесла первый ударъ этому порядку вещей. Съ развитіемъ въ европейскомъ обществѣ началъ гуманности, духа критики и изслѣдованія появляются первые признаки освобожденія человѣческой личности въ сферѣ уголовнаго права, новые взгляды на цѣли и средства наказанія. Передовые мыслители и юристы одинъ за другимъ возстаютъ противъ безчеловѣчныхъ наказаній, несовмѣстныхъ ни съ цѣлью, ни съ основаніемъ уголовнаго правосудія. Идеи и выводы, выработанные наукой и вошедшіе въ сознаніе общества, проникаютъ и въ уголовныя законодательства. Прежде всего это отражается на смертной казни и наиболѣе близкихъ къ ней жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Мысли Беккаріи, перваго великаго противника смертной казни, вызываютъ ранніе, впослѣдствіи взятые назадъ, законы объ ея отмѣнѣ. Смертную казнь, а вмѣстѣ съ нею и другія обезображивающія и разрушающія здоровье наказанія уничтожаютъ кодексъ герцога Леопольда Тосканскаго, изданный въ 1786 г., декретъ законодательнаго собранія Французской республики въ IV году, распоряженія Императора Іосифа II въ 1781 и 1783 годахъ и окончательный имперскій законъ 1787 года. Но для наказаній, направленныхъ противъ личной чести, это время проходитъ безслѣдно. Ихъ почти не касаются или прямо одобряютъ ученые юристы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ положительныхъ законодательствахъ продолжаетъ господствовать безконечное разнообразіе осрамительныхъ каръ. Монтескьё въ „Духѣ законовъ“, высказавъ положеніе, что наказанія должны исходить изъ природы вещей и слѣдовательно соотвѣтствовать внутреннему содержанію преступленія, указываетъ на публичное посрамленіе, инфамію, какъ на одно изъ самыхъ справедливыхъ и цѣлесообразныхъ наказаній за преступленія противъ нравовъ. Еще дальше идутъ въ этомъ отношеніи воззрѣнія Бентама, такъ много сдѣлавшаго для

уголовнаго права. Онъ признаетъ публичное и личное безславіе спасительнымъ средствомъ наказанія. Нѣсколько страницъ его „Основныхъ началъ уголовнаго кодекса“ посвящены разбору этого средства уголовной кары и указанію того, какъ правильнѣе и лучше ими пользоваться. Публичность и театральность всякой экзекуціи онъ считаетъ непремѣннымъ условіемъ наказанія. Въ каждомъ родѣ его должны быть обезчещивающіе элементы, направленные, впрочемъ, по принципу, не столько противъ преступника, сколько противъ преступленія. Даже за внѣшнею обстановкой ауто-да-фе Бентамъ признаетъ неотъемлемыя достоинства и предлагаетъ исполненіе уголовныхъ приговоровъ обставить всевозможною публичною торжественностью, эмблемами и обрядами, примѣры и подробности которыхъ, по его мнѣнію, можно заимствовать изъ театральнаго міра. Такой порядокъ исполненія приговоровъ и осрамительное значеніе наказанія, говоритъ Бентамъ, обратило бы на преступника и преступленіе то общественное негодованіе, которое такъ часто и такъ несправедливо обращается на уголовные законы и примѣняющихъ ихъ судей, и показало бы обществу и народу, что правосудіе не мститъ, а даетъ высокій урокъ добродѣтели. Упоминая вскользь о недостаткахъ современныхъ ему осрамительныхъ наказаній, Бентамъ видитъ неудобство pilori, позорнаго столба, употреблявшагося въ Англіи для наказанія журналистовъ и памфлетистовъ, писавшихъ противъ правительства, лишь въ томъ, что вокругъ этого столба не полагалось по закону рѣшетки, и доступъ къ выставленному на позоръ осужденному былъ возможенъ для сочувствующаго ему народа, который собирался вокругъ него толпами и устраивалъ ему торжество.

Послѣ французской революціи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ положительномъ уголовномъ правѣ наступила реакція. Смертная казнь возвратилась въ законодательства, а съ нею въ многочисленныхъ европейскихъ кодексахъ, появленіемъ которыхъ отмѣчено это время, получили твердое право гражданства и многія безчеловѣчныя и осрамительныя наказанія. Поэтому и обезчещивающія наказанія сдѣлались строго опредѣленными

и вошли въ уголовные кодексы частью какъ самостоятельныя, частью какъ придаточныя къ каторгѣ, ссылкѣ, тѣлеснымъ наказаніямъ и т. д. Такъ продолжалось почти полстолѣтія, до движеній 1848 года, составляющихъ рѣзкій предѣлъ въ исторіи европейскаго государственнаго и народнаго строя. Безъ публичныхъ выставокъ, клейменія, разжалованія, публичнаго посрамленія имени преступника не обходилось ни одно тяжкое уголовное наказаніе. Въ государствахъ германскихъ, при господствѣ розыскного процесса и канцелярской тайны, эти карательныя мѣры представляются единственнымъ средствомъ передать народу результаты уголовнаго правосудія. Эта цѣль не имѣетъ мѣста въ странахъ, процессъ которыхъ издавна усвоилъ себѣ состязательныя формы и публичность. Въ Англіи, Франціи, Бельгіи и итальянскихъ государствахъ единственно остается попрежнему въ силѣ задача средневѣковыхъ наказаній — самыми страшными, неразборчивыми средствами внушить отвращеніе къ преступленію и страхъ передъ карающимъ правосудіемъ. Въ этомъ отношеніи счастливымъ и чуть ли не единственнымъ исключеніемъ является изданный въ началѣ тридцатыхъ годовъ уголовный кодексъ для герцогствъ Пармы и Піаченцы. Выборъ и система наказаній въ немъ почти буквально скопированы съ французскаго code pénal 1810 г., но съ совершеннымъ исключеніемъ смертной казни, тѣлесныхъ наказаній и публичной выставки у позорнаго столба (exposition, peine du carcan). Въ классической странѣ личной свободы и примѣненія ея въ уголовномъ правѣ—Англіи—и въ это, столь близкое къ намъ, время продолжалъ существовать въ теченіе всей почти первой половины нынѣшняго вѣка *pilori*, позорный столбъ для памфлетистовъ и пасквилянтовъ, несмотря на то, что еще за 30 лѣтъ до первой французской революціи, въ 1760 г., Боргъ энергично и грозно возставалъ противъ него въ парламентѣ и нашелъ себѣ не мало послѣдователей между позднѣйшими государственными людьми и юристами Англіи. И между тѣмъ въ теченіе того же пятидесятилѣтія въ Европѣ появляются одинъ за другимъ, правда, мѣстные, исключительные законы объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Еще въ 1809 г. они были уни-

чтожены въ герцогствѣ Нассау и въ нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ государствахъ Германскаго Союза. Но если за все это время уголовныя законодательства по отношенію къ осрамительнымъ наказаніямъ держатся принциповъ строгаго консерватизма и остаются глухи къ громко высказываемымъ требованіямъ общества и науки, то эта послѣдняя въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, подробно и всесторонне разсмотрѣвъ значеніе наказаній, направленныхъ противъ чести, единогласно, на самыхъ твердыхъ и убѣдительныхъ данныхъ теоріи и практики, отвергла ихъ примѣненіе. Для того, чтобы указать на европейскихъ криминалистовъ, оказавшихъ въ этомъ отношеніи наибольшія заслуги уголовному праву, пришлось бы перечислить имена почти всѣхъ выдающихся дѣятелей этой блестящей для развитія права эпохи. Уже въ 1835 году Росси утверждалъ въ своемъ „Трактатѣ уголовнаго права“ (L. III, ch. 10), что вопросъ объ осрамительныхъ наказаніяхъ не представляется уже болѣе вопросомъ. Затронутый въ трудахъ Фейербаха, Аббега и Ярке, этотъ вопросъ исчерпанъ и разрѣшенъ отрицательно знаменитѣйшими криминалистами, между которыми достаточно будетъ назвать Вехтера, Рихтера, Кестлина, Митермайера, Ф. Эли и въ новѣйшее время Гефтера, Фонъ-Вика, Вальберга, Гейра, Цушвердта, Глазера и друг. Наука уголовнаго права произнесла свой окончательный приговоръ надъ позорящими наказаніями вообще и надъ публичною выставкою въ особенности. Послѣ этого приговора для мыслящаго юриста уже не можетъ быть сомнѣній и затрудненій при разрѣшеніи вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ остаткамъ этихъ отжившихъ каръ въ положительномъ правѣ. Наука неопровержимо и ясно доказала, что онѣ подлежатъ безусловной отмѣнѣ, и этотъ выводъ мало-по-малу принятъ былъ всѣми европейскими законодательствами. Въ настоящее время на цивилизованномъ материкѣ Европы уже нѣтъ ни одного государства, уголовный кодексъ котораго опредѣлялъ бы публично осрамительныя наказанія. Исключеніе составляютъ лишь наши уложеніе о наказаніяхъ и уставъ уголовнаго судопроизводства. Въ главнѣйшихъ государствахъ Европы такое существенное измѣненіе въ

кодексахъ совершилось почти одновременно и относится, какъ уже было выше замѣчено, къ 1848 году и слѣдующему за нимъ пятилѣтію. Первый рѣшительный шагъ на этомъ пути принадлежитъ Франціи, въ эпоху ея второй республики. Декретомъ 12 апрѣля 1848 года отмѣнена ст. 22 code pénal, опредѣлявшая публичную выставку преступника (la peine de l'exposition publique), какъ добавочное наказаніе къ каторжной работѣ и долгосрочному заключенію въ смирительномъ домѣ (travaux forcés и reclusion). По ст. 22 кодекса, эта публичная выставка, по значенію своему и содержанію весьма сходная съ нашимъ настоящимъ обрядомъ публичной казни, состояла въ томъ, что до приведенія въ исполненіе приговора осужденный выставлялся на площади у позорнаго столба (о которомъ, впрочемъ, не упоминается въ текстѣ закона) въ теченіе часа, на виду у всѣхъ (aux yeux du public). Надъ головою преступника помѣщалась доска съ обозначеніемъ крупными и четкими буквами (en caractères gros et lisibles) имени, фамиліи, званія (profession), мѣстожительства, преступленія и наказанія, къ которому онъ приговоренъ. Но такого рода выставка опредѣлялась закономъ не безусловно. Въ той же 22 ст. суду съ присяжными (cour d'assises) предоставлено было важное право освобождать отъ публичной выставки преступника, приговореннаго къ срочной каторгѣ или заключенію въ смирительномъ домѣ. Это освобожденіе должно было быть именно выражено въ приговорѣ суда и не могло имѣть мѣста 1) при осужденіи къ безсрочной каторгѣ и 2) при рецидивѣ. Публичной выставкѣ во всякомъ случаѣ не подвергались, какъ у насъ, несовершеннолѣтніе (по французскому праву имѣющіе менѣе 18 лѣтъ отъ роду) и достигшіе 70-лѣтняго возраста. При этомъ, однакоже, вовсе не упоминается объ особомъ обрядѣ лишенія дворянскаго достоинства, очевидно потому, что подлежавшіе публичной выставкѣ подвергались вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданской деградаціи (dégradation civile), т.-е. лишенію всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ (ст. 28 и 34 code pénal). 6 лѣтъ спустя, декретомъ 31 мая 1854 года, уничтожена была гражданская смерть, которая по нашему дѣйствую-

щему праву ознаменовывается обрядомъ публичной казни или выставки и наступаетъ со времени его совершенія.

Около того же времени, 14 апрѣля 1851 года, было издано для Пруссіи новое уложеніе, замѣнившее ея старое уголовное законодательство—общій ландрехтъ 1794 года, не подвергавшійся въ теченіе всего своего существованія важнымъ измѣненіямъ. Въ новомъ уложеніи уже нѣтъ ни публичной выставки у позорнаго столба, ни тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ наказаній, направленныхъ противъ личной чести, которыми изобиловалъ ландрехтъ. Самая публичность наказаній устранена изъ кодекса; на основаніи 8 ст. его, даже смертная казнь совершается въ тюремной оградѣ, въ присутствіи лишь обязательныхъ и оффиціальныхъ свидѣтелей.

27 мая 1852 года издано въ Австріи новое уголовное уложеніе, сохранившее еще въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ тѣлесное наказаніе (розгами), но не знающее вовсе публичной выставки. Послѣдняя опредѣлялась ст. 17 и 22 прежняго уложенія 1803 года, какъ придаточное и увеличительное наказаніе (Schärfungsstrafe), и была отмѣнена еще закономъ 17 января 1750 года.

Изъ другихъ европейскихъ государствъ мы ограничимся указаніемъ на Бельгію и Испанію. Ихъ уголовные кодексы останавливаютъ вниманіе въ томъ отношеніи, что представляютъ наиболѣе продолжительное существованіе въ Европѣ публичной выставки. Въ Бельгіи, гдѣ со времени присоединенія ея къ Франціи при Наполеонѣ I дѣйствовалъ французскій code pénal, публичная выставка съ главнѣйшими своими аттрибутами существовала до изданія новаго уголовнаго уложенія, 8 іюня 1867 года. Въ Испаніи же въ 1848 году, въ самый разгаръ всевозможныхъ либеральныхъ движеній въ Европѣ, былъ изданъ кодексъ, въ которомъ, на ряду съ массою безчеловѣчныхъ наказаній, мало измѣнившихся съ среднихъ вѣковъ, назначалась и выставка преступника у позорнаго столба, къ которому онъ прикрѣплялся за шею желѣзнымъ ошейникомъ (argolla). Событія 1868 года и поворотъ въ государственной жизни Испаніи не измѣнили такого печальнаго состоянія уго-

ловнаго законодательства, и новый кодексъ 1870 года сохранилъ старую систему и выборъ наказаній.

Основанія и соображенія, по которымъ новѣйшая европейская наука, а за нею и положительныя законодательства пришли къ рѣшительному выводу о совершенномъ несогласіи осрамительныхъ наказаній съ принципами уголовнаго права и уголовной политики, отличаются замѣчательной силой и убѣдительностью. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ не лишнимъ прежде всего привести подлинный текстъ декрета 12 апрѣля 1848 года, которымъ во Франціи была отмѣнена публичная выставка преступниковъ: „принимая во вниманіе: 1) что публичная выставка унижаетъ человѣческое достоинство, навсегда опозориваетъ осужденнаго и лишаетъ его посредствомъ сознанія своего безславія всякой возможности исправленія; 2) что наказаніе это отличается страшнымъ неравенствомъ, такъ какъ, едва касаясь зачерствѣлаго преступника, оно наноситъ раскаивающемуся непоправимый ударъ, и наконецъ 3) что зрѣлище публичныхъ выставокъ заглушаетъ чувство жалости и пріучаетъ къ виду преступленій,—національное собраніе опредѣляетъ уничтоженіе публичной выставки". Въ приведенныхъ выраженіяхъ французскаго закона, несмотря на нѣкоторую напыщенность тона, свойственную французскимъ либеральнымъ постановленіямъ вообще и революціоннымъ въ особенности, представлена въ сжатой и краткой формѣ сущность главныхъ научныхъ выводовъ по вопросу о безчестящихъ наказаніяхъ. Не вдаваясь въ подробное изложеніе этихъ выводовъ и ихъ мотивовъ, мы ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями. Во всѣхъ извѣстныхъ въ наукѣ новѣйшихъ учебникахъ уголовнаго права публичная выставка, позорный столбъ поставлены рядомъ съ тѣлеснымъ наказаніемъ, клейменіемъ, изувѣчиваніемъ и прямо подведены подъ одно общее названіе варварскихъ и безчеловѣчныхъ (Кестлинъ, Бернеръ, Гольтцендорфъ, Эли). О наказаніяхъ этихъ европейскіе ученые говорятъ въ прошедшемъ времени, какъ объ историческомъ явленіи, имѣющемъ большое значеніе. Смертную казнь, совершаемую съ особенными безчестящими обрядами (покрываломъ на лицѣ преступника, доской съ надписью на

груди его и т. д.), Вальбергъ въ своей статьѣ о наказаніяхъ въ учебникѣ Гольтцендорфа считаетъ смертною казнью квалифицированною (т. II, стр. 457). По единогласному мнѣнію юристовъ, карательной власти государства подлежитъ лишь гражданская, а отнюдь не нравственная, такъ сказать, человѣческая личность преступника. Сообразно этому государство можетъ отнимать у него лишь его гражданскую честь, а не личную, нравственную. Предѣлы и содержаніе первой опредѣляются государствомъ и выражаются въ узаконенномъ пользованіи извѣстными гражданскими правами и благами; только ихъ и можетъ отнять государство, не погрѣшая противъ высшей справедливости и не выходя изъ круга своей власти. Вторая зависитъ отъ неуловимаго сознанія чести, развитого въ обществѣ и у отдѣльной личности и не поддающагося точнымъ опредѣленіямъ права. Это сознаніе оскорбляется самымъ дѣяніемъ преступника, а не понесеннымъ имъ наказаніемъ. Какъ понятіе нравственное и индивидуальное, личная честь стоитъ внѣ государственныхъ нормъ. Понятія о безчестномъ вырабатываются исторической жизнью общества, а не внушаются закономъ. Государство уже по одному тому не можетъ взять на себя лишеніе преступника личной нравственной чести, что постановленія уголовнаго закона о томъ, что̀ слѣдуетъ считать нравственно безчестнымъ и что̀ влечетъ за собою безчестящія наказанія, не всегда и не во всемъ сходятся съ представленіемъ общества о томъ же предметѣ. Такъ въ Англіи въ половинѣ XVIII вѣка памфлетисты оппозиціонной партіи за рѣзкія сужденія въ печати о дѣйствіяхъ министерства подвергались выставкѣ у позорнаго столба, а народъ тутъ же собирался около нихъ и дѣлалъ имъ овваціи. Въ этомъ смыслѣ криминалисты считаютъ всѣ вообще безчестящія наказанія, а между ними и публичную выставку, нравственно несправедливыми и неправомѣрными. Другія затѣмъ, болѣе частныя соображенія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пяти разрядамъ: 1) безчестящія наказанія не соотвѣтствуютъ главной цѣли наказанія—исправленію преступника, такъ какъ лишаютъ его всякаго человѣческаго достоинства, унижаютъ его человѣческую личность и въ его собствен-

номъ мнѣніи, и въ мнѣніи его согражданъ—свидѣтелей его позора, и навсегда преграждаютъ ему возвращеніе если не въ общество, то къ честной жизни. Они справедливо заставляютъ его считать себя отверженнымъ отъ добра и чести и тѣмъ подтверждаютъ его полное нравственное паденіе; 2) они отличаются чрезвычайной неравномѣрностью и находятся въ обратномъ отношеніи со степенью злой воли и нравственной испорченности. Чѣмъ послѣднія больше и глубже въ преступникѣ, тѣмъ безчестящія наказанія для него легче; чѣмъ грубѣе его природа, чѣмъ меньше сознаетъ онъ свое преступленіе, тѣмъ равнодушнѣе онъ смотритъ на нихъ. Наоборотъ, они дѣйствуютъ свыше мѣры мучительно на преступниковъ не вполнѣ испорченныхъ и раскаивающихся, а тѣмъ болѣе умственно развитыхъ; 3) они по самой сущности своей и свойствамъ не соотвѣтствуютъ необходимымъ условіямъ наказаній,—они недѣлимы, неоцѣнимы и невозвратимы въ случаѣ судебной ошибки; 4) самое исполненіе ихъ представляетъ для толпы лишь праздное зрѣлище, возбуждающее въ грубой части ея любопытство и безсознательное сожалѣніе къ преступнику, а въ болѣе образованной—состраданіе и невольное негодованіе къ правосудію, высокимъ значеніемъ котораго, между тѣмъ, всѣ эти страсти совершенно несовмѣстимы. Опытомъ дознано, что видъ этихъ наказаній (какъ и смертной казни) въ массѣ не внушаетъ страха передъ карающей властью, а лишь освоиваетъ ее съ преступленіемъ; 5) наконецъ, безчестящія наказанія при настоящемъ положеніи уголовнаго правосудія въ Европѣ становятся безцѣльными. Публичность и устность современнаго уголовнаго разбирательства отнимаютъ у нихъ ихъ прежнее значеніе единственнаго пути, посредствомъ котораго общество и народъ знакомились съ результатами процесса, облеченнаго въ глубокую канцелярскую тайну...

II.

Исторія собственно нашего настоящаго обряда публичной казни не лишена поучительности. Она между прочимъ доказываетъ, что наше древнее и новое (т.-е. предшествовавшее

судебной реформѣ) уголовное право не знало самостоятельныхъ всенародно и лично безчестящихъ наказаній и опредѣляло ихъ какъ придаточныя къ наказанію тѣлесному, котораго они были первыми и необходимыми условіями. Только новѣйшее законодательство искусственно связало ихъ съ лишеніемъ правъ и ссылкою, историческое же развитіе ихъ показываетъ, что въ сознаніи русскаго народа они были всегда лишь спутниками и внѣшней обстановкой одной первенствующей кары, направленной противъ жизни, здоровья и тѣлесной неприкосновенности.

Безчестящіе элементы наказанія и его публичность опредѣляются уже въ судебникахъ 1497 и 1550 гг. Съ усиленіемъ государственной власти и сосредоточеніемъ ея въ однѣхъ рукахъ выступаетъ въ уголовномъ правѣ государственное значеніе наказанія. Публичность составляетъ одно изъ главныхъ условій обоихъ видовъ наказаній того времени—смертной и торговой казней, послѣдней въ особенности. Самое ея названіе доказываетъ, что она совершалась „на торгу“ (базарѣ), въ присутствіи народа, съ публичной выставкой преступника. Формы публичности и публичнаго обезчещиванія становятся сложнѣе и разнообразнѣе ко времени соборнаго уложенія Царя Алексѣя Михайловича (1649). Торговая казнь, наказаніе кнутомъ, совершалась или просто въ извѣстномъ публичномъ мѣстѣ (иногда у приказа), или публично „на козлѣ“. Осрамительная цѣль наказанія ясно выражается въ слѣдующихъ словахъ уложенія, опредѣляющихъ одинъ изъ видовъ торговой казни: „бивъ у приказу кнутомъ на козлѣ, послати въ торгъ по рядамъ, чтобы про то вѣдали всякіе люди за что ему такое наказаніе учинено“ (Соб. Улож. Ц. Алекс. Мих. Изд. 1802 г., гл. 10, стр. 188). Въ сочиненіяхъ современныхъ писателей, обильныхъ описаніями казней, есть много указаній на чисто осрамительные элементы наказаній. По свидѣтельству Котошихина и Олеарія, публичное наказаніе часто сопровождалось эмблемами, заимствованными изъ обстановки и содержанія совершеннаго преступленія. Такъ, женщинъ, уличенныхъ въ блудѣ, водили во время наказанія кнутомъ по улицамъ нагими. Обвиняемымъ въ продажѣ табаку привѣшивали пачку его на шею, а обвиняемымъ въ продажѣ водки—флягу съ вод-

кой и т. д. То же господство публичнаго и безчестящаго наказанія представляетъ въ то время и уголовное право Западной Европы. Понятно поэтому, что, по Воинскому Артикулу Петра Великаго (1716 г.), въ которомъ система и формы наказаній заимствованы частью изъ уложенія и современныхъ ему обычаевъ, а частью изъ иностранныхъ законовъ—большая половина наказаній, по крайней мѣрѣ главныя, сопровождаются публичностью, а вмѣстѣ не чужды и осрамительнаго значенія. По отношенію къ послѣднему Воинскій Артикулъ, какъ содержащій законы собственно для войскъ и военныхъ чиновъ, установилъ особый и новый видъ наказанія, сущность котораго перешла по прямому наслѣдству и къ нашему нынѣшнему обряду публичной казни. Это—шельмованіе, лишеніе воинской чести. Какъ и теперь при совершеніи казни надъ дворяниномъ, по Воинскому Артикулу при шельмованіи палачъ переламывалъ надъ преступникомъ шпагу и кромѣ того объявлялъ его „шельмомъ“ (Пол. Собраніе Зак. т. V Воинск. Артик., гл. 21, ст. 99). Послѣдствіемъ такого наказанія было лишеніе всѣхъ правъ состоянія, выражавшееся тѣмъ, что осужденный считался внѣ закона.

Конецъ первой половины XVIII вѣка, послѣдніе годы царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, ознаменованъ большимъ успѣхомъ въ области уголовнаго законодательства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же успѣхъ положилъ основаніе разсматриваемому наказанію въ нынѣшней его формѣ. Съ указа Императрицы Елисаветы отъ 25 мая 1753 года слѣдуетъ считать начало, опредѣленіе и узаконеніе настоящаго обряда публичной казни (Пол. Собр. Зак. т. XIII, № 10101, стр. 838). Этимъ указомъ пріостановлено было дѣйствіе смертной казни, а по нѣкоторымъ преступленіямъ и дѣламъ „натуральная“ (такъ выражается указъ) смертная казнь замѣнена политическою, понятіе о которой впервые заявлено и произнесено закономъ. Политическая смерть заключалась, въ сущности, въ томъ же, въ чемъ она заключается и по дѣйствующему уложенію; надъ преступникомъ исполнялся весь обрядъ казни со всѣми ея аттрибутами, и за нимъ слѣдовали тѣ же гражданскія послѣд-

ствія, отсутствовало только матеріальное исполненіе смертной казни, которое замѣнялось юридической фикціей о смерти преступника. Такимъ образомъ явился въ законѣ обрядъ наказанія, заключавшійся въ публичной выставкѣ у позорнаго столба и другихъ безчестящихъ символахъ; условливаемый фиктивною политическою смертью преступника, онъ получилъ дѣйствительное значеніе самостоятельнаго осрамительнаго наказанія.

Цѣлое слѣдующее затѣмъ столѣтіе (1753—1863) не представляетъ почти никакихъ измѣненій въ исторіи публично-безчестящихъ наказаній и во взглядѣ на нихъ нашего уголовнаго законодательства. Обряду публичной казни подвергаются попрежнему приговоренные къ политической смерти, а въ связи съ торговою казнью и всѣ подлежащія ей лица. Въ настоящемъ видѣ своемъ, безъ соединенія съ одной стороны съ политическою смертью, а съ другой—съ тѣлесными наказаніями, онъ является впервые въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй, послѣ изданія жалованной грамоты Россійскому дворянству и городового положенія. Со времени этихъ законоположеній дворяне и купцы первыхъ двухъ гильдій, изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній, въ случаѣ лишенія всѣхъ правъ состоянія подвергались одной только публичной выставкѣ, т.-е. самому обряду, установленному для исполненія тѣлесныхъ наказаній. Но это изъятіе еще не узаконяетъ обряда публичной казни, какъ общаго, опредѣленнаго и для всѣхъ равнаго уголовнаго наказанія. За упомянутый періодъ времени не лишнимъ будетъ отмѣтить одно частное явленіе, не лишенное нѣкотораго интереса въ исторіи нашихъ безчестящихъ наказаній. Въ царствованіе Екатерины II предполагалась коренная реформа законодательства. Основанія этой реформы, изложенныя въ Наказѣ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія 1767 г., коснулись и уголовнаго права. Наказъ, распредѣляя по группамъ преступленія съ одной стороны и наказанія съ другой, ставитъ послѣднія въ прямой зависимости отъ сущности и характера первыхъ. Что касается до публично-осрамительныхъ наказаній, то они назначаются почти исключительно за преступленія противъ нравовъ. Имъ болѣе всего, по мысли Наказа,

соотвѣтствуетъ публичное безславіе, инфамія. Таковъ ограниченный и спеціальный кругъ примѣненія осрамительныхъ наказаній, который признавала Екатерина Великая. Здѣсь нельзя не видѣть прямого и яснаго вліянія тогдашняго направленія европейской мысли и науки вообще и политическихъ идей Монтескьё въ частности. Выше уже было замѣчено, что онъ указываетъ то же мѣсто публичному безславію, какъ уголовной карѣ, и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Но идеямъ Наказа не суждено было осуществиться. Наше уголовное законодательство сохранило свою историческую классификацію наказаній и въ теченіе слѣдующихъ почти ста лѣтъ его только вскользь коснулись современные научные выводы. А между тѣмъ въ главныхъ отдѣльныхъ частяхъ прогрессъ науки права и развитія общества сдѣлалъ свое дѣло. Цѣлый рядъ великихъ и человѣчныхъ законовъ, сохраняя за важнѣйшими и тягчайшими наказаніями публично-осрамительные элементы и значеніе, лишилъ ихъ жестокой и кровавой формы. Конецъ прошлаго и первая половина настоящаго столѣтій въ исторіи нашего уголовнаго права отмѣчены послѣдовательною отмѣною тѣлесныхъ наказаній для 70-лѣтнихъ преступниковъ (1798), смертной казни въ огромномъ большинствѣ случаевъ (1799), нещаднаго наказанія кнутомъ (1800), вырыванія ноздрей (1817) и т. д. На болѣе долгій періодъ времени сохранилось клейменіе и наказаніе плетьми. Этотъ періодъ завершился въ наше время великихъ преобразованій Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1863 года объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Съ нимъ окончили свое существованіе въ нашемъ уголовномъ законѣ публичныя лично безчестящія и физически разрушающія наказанія. Но какъ послѣдній слѣдъ ихъ въ томъ же непроизвольномъ историческомъ движеніи законодательства остался въ немъ обрядъ публичной казни, неотмѣненный закономъ 17 апрѣля 1863 года и облеченный въ опредѣленныя формы судебными уставами 20 ноября 1864 года. Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе сказать, что наше дѣйствующее положительное право и послѣ всѣхъ важныхъ реформъ сохранило публичное и безчестящее наказаніе. Сравнивая исторію его на нашей почвѣ съ исторіей его въ Западной Европѣ, мы не мо-

жемъ не замѣтить, что въ этомъ отношеніи, по результатамъ, по крайней мѣрѣ, мы шли почти параллельно и отстали отъ просвѣщеннѣйшихъ странъ Запада всего на какихъ-нибудь 6, 7 лѣтъ. Мы имѣемъ право сдѣлать такой выводъ, припоминая, что въ Бельгіи обрядъ публичной выставки преступниковъ къ позорному столбу былъ отмѣненъ лишь въ 1867 году. Какъ въ царствованіе Екатерины II мы должны были отмѣтить вліяніе европейской науки на положеніе у насъ вопроса о безчестящихъ наказаніяхъ, такъ въ наше время, при настоящемъ ихъ существованіи въ правѣ и практикѣ, мы можемъ указать на интересное явленіе, доказывающее, какъ послѣдовательно проходило и развивалось это вліяніе въ русской криминальной сферѣ, какъ оно передавалось по преемству мыслящимъ передовымъ русскимъ людямъ. Не касаясь вопроса о томъ, много ли дѣйствительныхъ авторитетовъ знаетъ исторія нашего уголовнаго права и законодательства, мы во всякомъ случаѣ должны признать это значеніе за дѣятелями нашихъ двухъ послѣднихъ уголовныхъ кодификацій 1845 года и 1864—1866 годовъ. Взгляды и мнѣнія редакторовъ обоихъ уложеній и судебныхъ уставовъ имѣютъ для насъ огромную важность и силу, и какъ историческіе факты, и какъ разумныя основанія дѣйствующаго права. Поэтому весьма знаменательно и важно для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса, что и въ 1845 г., и въ 1864 — 1866 годахъ наиболѣе компетентные русскіе юристы въ своихъ полуоффиціальныхъ соображеніяхъ и выводахъ опредѣленно и прямо высказались противъ публичнобезчестящихъ наказаній вообще и обряда публичной казни въ особенности. Они повторили и подтвердили и въ русскомъ уголовномъ правѣ то, къ чему около того же времени или немного раньше единогласно пришли европейскіе криминалисты. Составители уложенія 1845 года въ своей общей объяснительной запискѣ, возражая противъ сохраненія обряда публичной казни, полагали, „что въ весьма полезномъ дѣйствіи сихъ обрядовъ на простолюдиновъ можно сомнѣваться. Они современемъ, если будутъ нерѣдко повторяемы, вѣроятно обратятся въ родъ театральнаго зрѣлища, какъ обратилась и самая смерт-

ная казнь тамъ, гдѣ къ ней привыкли". Черезъ 30 лѣтъ, развивая и распространяя ту же мысль, редакторы устава уголовнаго судопроизводства 20 ноября 1864 года безусловно отвергаютъ сохраненіе въ новомъ законѣ обряда публичной казни для второстепенныхъ уголовныхъ наказаній, т.-е. за исключеніемъ смертной казни и политической смерти. „При первоначальномъ обсужденіи вопроса о публичности наказаній—говоритъ объяснительная записка 1863 г., стр. 472 и 473—принято было во вниманіе, что за состоявшимся, послѣ обнародованія основныхъ положеній преобразованія судебной части, Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1863 года, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія черезъ палачей и наложенія клеймъ, обрядъ публичнаго исполненія приговора надъ осужденными въ каторжную работу и на поселеніе заключается лишь въ позорномъ поѣздѣ осужденнаго на площадь, гдѣ читается приговоръ суда, и въ выставленіи его у позорнаго столба. При негласности судопроизводства обрядъ этотъ имѣетъ немаловажное значеніе, служа для общества единственнымъ проводникомъ послѣдствій карающаго правосудія. Но со введеніемъ публичности на судѣ и той торжественности, въ которую облекаются формы и обряды гласнаго судопроизводства вообще и суда съ присяжными въ особенности, исполненіе вышеозначеннаго обряда теряетъ свое значеніе. Составляя только окончаніе той драмы, которая происходила на судѣ публично, обрядъ этотъ представитъ народу одно праздное зрѣлище, безъ всякаго поучительнаго значенія. Мало того: послѣ потери своего устрашающаго характера, обрядъ этотъ можетъ подѣйствовать даже вредно на массу народонаселенія, представляя ей позоръ какъ бы единственнымъ наказаніемъ за тяжкія преступленія. Конечно, чѣмъ менѣе подавлено въ осужденномъ нравственное чувство, чѣмъ менѣе онъ преступникъ по ремеслу, тѣмъ положеніе его, при исполненіи этого обряда, будетъ мучительнѣе. Но для большей части осужденныхъ, а именно для всѣхъ тѣхъ, которые при совершеніи своихъ злодѣяній или руководились одними животными побужденіями, или успѣли убить въ себѣ всякое нравственное чувство, позорный столбъ не имѣетъ никакого значенія. Такимъ

образомъ, этотъ обрядъ отягощаетъ участь только тѣхъ осужденныхъ, которые принадлежатъ къ классу людей болѣе образованныхъ, которыхъ нравственныя силы будутъ и безъ того глубоко потрясены публичнымъ изслѣдованіемъ на судѣ ихъ вины и для которыхъ въ мѣстѣ ссылки наказаніе, по непривычкѣ къ работамъ, окажется гораздо чувствительнѣе. Наконецъ, сохраненіе этого обряда, во всѣхъ установленныхъ нынѣ случаяхъ, уничтожаетъ всякое различіе въ исполненіи наказанія надъ приговоренными къ ссылкѣ на поселеніе и въ каторжныя работы, сравнительно съ тѣми, которые осуждены на политическую смерть. Въ сущности въ послѣднемъ случаѣ исполняется тотъ же самый обрядъ, тогда какъ наказаніе политической смертью установлено для случаевъ, выходящихъ изъ общаго ряда преступленій, и служитъ замѣною смертной казни. Въ этихъ соображеніяхъ предполагалось справедливымъ сохранить публичность обряда совершенія наказанія только для смертной казни и политической смерти". Изъ журнала коммиссіи для составленія проекта уст. угол. суд-ва (1864 г. № 47, стр. 58) видно, что сохраненіе обряда публичной казни рѣшено было главнымъ образомъ на чисто формальномъ основаніи, независимо отъ соображеній и выводовъ уголовнаго права и уголовной политики. Ст. 153 основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства, изъ круга которыхъ не могла выходить коммиссія, было постановлено, что при исполненіи уголовныхъ приговоровъ должны быть соблюдаемы существовавшія до того времени общія правила. Эти правила, изложенныя во 2 ч. т. XV св. зак., не были отмѣнены указомъ 17 апрѣля 1863 года, который изъ содержанія и системы наказаній исключилъ только наказанія тѣлесныя, но вовсе не коснулся порядка исполненія того, что̀ осталось за ихъ отмѣною. Такимъ образомъ, въ виду молчанія уже изданныхъ общихъ законовъ, которые должны были послужить основаніемъ судебной реформы, коммиссія пришла къ юридически вѣрному заключенію о невозможности отмѣны стараго обряда публичной казни, который и вошелъ всецѣло въ уставъ уголовнаго судопроизводства. Коммиссія привела при этомъ и два второстепен-

ныхъ соображенія въ пользу обряда, 1-е отрицательное, заключающееся въ томъ, что отмѣна его могла бы чрезмѣрно ослабить карающее правосудіе, и 2-е положительное, доказывающее уравнительность этого обряда тѣмъ, что, по коренному началу уголовнаго права, чѣмъ выше состояніе, званіе и степень образованности преступника, тѣмъ болѣе вина его и тѣмъ строже должно быть наказаніе. Но не эти соображенія, какъ уже было сказано, а юридическая необходимость и сила неотмѣненнаго карательнаго закона послужили основаніемъ къ сохраненію обряда публичной казни, который поэтому явился въ судебныхъ уставахъ съ исключительнымъ и рѣдкимъ въ нихъ историческимъ значеніемъ. Это значеніе и путь, который ему пришлось пройти, объясняютъ то кажущееся противорѣчіе, по которому обрядъ публичной казни по формѣ и закону представляется лишь обрядомъ процессуальнымъ, особымъ порядкомъ исполненія приговора, а по сущности и содержанію— особымъ придаточнымъ наказаніемъ, направленнымъ противъ личной чести преступника. Послѣднее значеніе онъ получилъ благодаря тому, что отъ него отошло главное его содержаніе— тѣлесная казнь, и именно въ этомъ смыслѣ мы, говоря о немъ, выражались, что въ настоящемъ своемъ видѣ онъ опредѣленъ и узаконенъ судебными уставами.

По внѣшней своей формѣ и подробностямъ существующій обрядъ публичной казни заимствованъ изъ 2 ч. XV т. св. зак. При сравненіи опредѣляющей его статьи 541 этого послѣдняго съ ст. 963 уст. угол. суд. оказывается тождество, если не редакціи, то содержанія. Первая (ст. 541) изложена нѣсколько обширнѣе, съ подробнымъ догматическимъ указаніемъ религіозной стороны и цѣли обряда, выражающейся въ напутствіи преступника сопровождающимъ его священникомъ къ новой жизни. Въ уставѣ уголовнаго судопроизводства законъ о публичной казни имѣетъ исключительно повелительный смыслъ и содержитъ лишь перечисленіе внѣшнихъ формъ обряда. Но оба обряда, по старому уложенію 1845 года и по судебнымъ уставамъ 1864, имѣютъ между собою одно существенное и глубокое отличіе. По первому, обрядъ публичной казни былъ лишь

внѣшнею оболочкою тѣлеснаго наказанія, его обстановкой; если для лицъ привилегированныхъ онъ и тогда былъ тѣмъ, чѣмъ теперь вообще для всѣхъ, то это была только льгота, изъятіе изъ общаго правила. Настоящій обрядъ существуетъ самъ по себѣ и самъ для себя и имѣетъ полу-самостоятельное значеніе наказанія, въ видѣ публичной выставки у позорнаго столба, съ различными безчестящими элементами (надписью на груди, ломаніемъ шпаги надъ дворянами и т. д.). Изъ текстовъ ст. 541 т. XV 2 ч. св. зак. и ст. 963 уст. угол. суд. видно, что самую сущность обряда публичной казни, его raison d'être, составляетъ постигающая преступника въ моментъ совершенія обряда гражданская смерть, т.-е. прекращеніе всѣхъ прежнихъ гражданскихъ семейственныхъ и имущественныхъ правъ и отношеній. Въ первой изъ приведенныхъ статей говорится: „виновный, какъ присужденный къ гражданской смерти", а во второй: „къ осужденному, хотя бы онъ былъ приговоренъ не къ смертной казни, а къ наказанію, имѣющему значеніе гражданской смерти". Послѣднее выраженіе — „имѣющее значеніе гражданской смерти", прямо указываетъ на то, что сущность обряда представляется юридической фикціей, а не чѣмъ либо дѣйствительнымъ и осязаемымъ. Законъ старается облечь во внѣшнія, тѣлесныя формы отвлеченное понятіе о гражданской смерти преступника. Преобладаніе фикціи, тѣсно связанной съ обрядомъ публичной казни, выступаетъ и въ наименованіи обряда экзекуціей (execution, т.-е. смертная казнь), встрѣчающемся въ XIV т. св. зак. уст. о ссыльн. (ст. 14), и въ правилѣ, постановленномъ тѣмъ же уставомъ (ст. 126), о томъ, что со времени экзекуціи осужденный считается уже въ вѣдѣніи Тобольскаго приказа о ссыльныхъ, хотя бы и не оставлялъ еще самой мѣстности экзекуціи. Кромѣ смерти гражданской, постигающей преступника посредствомъ обряда публичной казни, опредѣленнаго уставомъ уголовнаго судопроизводства, законъ, въ ст. 71 улож. о наказ. изд. 1866 года, упоминаетъ еще о смерти политической, замѣняющей въ нѣкоторыхъ случаяхъ по Высочайшему повелѣнію смертную казнь. Эта политическая смерть знаменуется почти такимъ же обрядомъ, какъ и гражданская,

и очевидно совпадаетъ съ ней по назначенію и послѣдствіямъ, но отличается лишь съ формальной стороны тѣмъ, что относится къ преступнику, приговоренному къ смертной казни и помилованному, т.-е. къ неопредѣлительному исключенію изъ общаго правила, тогда какъ смерть гражданская на точномъ основаніи закона равно постигаетъ всѣхъ, приговоренныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ. Со стороны подробностей смерть политическая нѣсколько отличается отъ обыкновеннаго обряда публичной казни. Преступникъ, смотря по тому роду смертной казни, къ которому онъ былъ приговоренъ, на публичной площади или кладется на плаху, или поставляется подъ висѣлицей, что̀ и замѣняетъ для него обычный позорный столбъ обряда. Затѣмъ уже объявляется Высочайшее повелѣніе, дарующее ему жизнь. Со времени судебной реформы обрядъ политической смерти, сколько намъ извѣстно, былъ приведенъ въ исполненіе одинъ только разъ, а именно—надъ государственнымъ преступникомъ Ишутинымъ, однимъ изъ сообщниковъ Каракозова.

Примѣненіе, содержаніе и подробности нашего обряда публичной казни представляются въ слѣдующемъ видѣ: 1) онъ имѣетъ мѣсто при исполненіи приговоровъ надъ осужденными (безъ различія пола и состоянія) къ наказаніямъ уголовнымъ, влекущимъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, т.-е. къ каторжной работѣ безсрочной и срочной во всѣхъ ея видахъ и къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія и менѣе отдаленныя мѣста Сибири; 2) ему не подвергаются: а) престарѣлые, достигшіе 70-лѣтняго возраста и в) несовершеннолѣтніе, имѣющіе менѣе 21 года; 3) исполненію обряда предшествуетъ приготовленіе осужденнаго въ самомъ мѣстѣ его заключенія духовнымъ лицомъ его вѣроисповѣданія къ исповѣди и св. причащенію, или къ покаянію и молитвѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, хотя этого и не выражено прямо въ законѣ, что причащеніе св. таинъ всегда и непосредственно предшествуетъ обряду. Духовное лицо сопровождаетъ осужденнаго на мѣсто казни и напутствуетъ его во время обряда къ открывающейся передъ нимъ новой жизни; 4) на мѣсто казни осужденный доставляется: а) въ арестантскомъ платьѣ, б) съ надписью на груди о родѣ вины

(но безъ обозначенія имени), в) на возвышенныхъ черныхъ дрогахъ и г) окруженный воинской стражей; 5) исполненіе самаго обряда казни заключается: а) въ чтеніи во всеуслышаніе приговора суда, б) въ выставленіи осужденнаго у позорнаго чернаго столба въ теченіе 10 минутъ; 6) въ видѣ исключительныхъ подробностей обряда: а) осужденный за убійство отца или матери имѣетъ на лицѣ черное покрывало и б) надъ дворянами во время выставки у позорнаго столба переламывается шпага; 7) необходимыя приготовленія къ обряду публичной казни дѣлаются мѣстной полиціей, а распоряженіе о самомъ исполненіи лежитъ исключительно и всецѣло на прокурорѣ, котораго во время обряда сопровождаетъ секретарь суда, для чтенія приговора, и 8) совершеніе обряда публичной казни удостовѣряется особымъ протоколомъ за подписью прокурора и скрѣпою секретаря.

Исчисленныя правила и подробности обряда публичной казни, извлеченныя изъ текста закона, даютъ возможность сдѣлать окончательный выводъ о цѣли и содержаніи его съ точки зрѣнія того же закона. Установленіемъ обряда публичной казни законъ, очевидно, имѣетъ въ виду ознаменовать и выразить гражданскую смерть преступника для него самого и для народа черезъ а) религіозное его отрѣшеніе отъ прежней правовой жизни и переходъ къ новой, безправовой (увѣщаніе священника); б) публичность и гласность исполненія (публичное мѣсто казни и чтеніе приговора) и в) цѣлый рядъ позорящихъ элементовъ, уничтожающихъ личную честь преступника какъ для него самого, такъ и для его согражданъ (позорныя дроги, стража, надпись на груди, выставка у позорнаго столба, переламываніе шпаги). Но если таковы виды закона, его внутренняя, такъ сказать, теоретическая цѣль, то едва ли эти виды и эта цѣль достижимы на практикѣ. Практика доказала, а наука уголовнаго права разъяснила, что понятіе гражданской смерти преступника не имѣетъ дѣйствительнаго значенія и при примѣненіи остается одной лишь отвлеченной юридической фикціей. Для массы оно неясно и недоступно, масса не можетъ наглядно усвоить себѣ его сущности; за отсутствіемъ такого представленія она ищетъ

для себя въ совершающемся передъ ней обрядѣ другихъ болѣе понятныхъ впечатлѣній и выводовъ и находитъ ихъ въ неизгладимомъ позорѣ, поражающемъ на ея глазахъ личную честь преступника. Тотъ же позоръ, то же лишеніе личной чести (соразмѣрной личнымъ условіямъ) естественно стоитъ на первомъ планѣ и для самого преступника. Это ближайшее, наиболѣе чуткое, присущее человѣку чувство страдаетъ въ немъ прежде и сильнѣе всѣхъ другихъ. Послѣ, когда онъ одумается и успокоится, онъ сознаетъ, какихъ благъ лишился въ моментъ обряда. Но во время его, среди позорныхъ подробностей позорной обстановки, на глазахъ любопытной толпы—еще недавно его же согражданъ—стыдъ и сознаніе навсегда потерянной чести всплываютъ надъ всѣми другими ощущеніями. Таково практическое, народное и личное значеніе и смыслъ обряда публичной казни. Онъ является, поэтому, независимо отъ цѣли закона, прежде всего безчестящей карой и съ этой-то преимущественно стороны долженъ быть разсмотрѣнъ въ своемъ примѣненіи. Личныя и случайныя условія могутъ дать въ немъ перевѣсъ и другимъ сторонамъ, но главное общее и равное для всѣхъ основаніе останется и не можетъ быть обойдено при изложеніи данныхъ дѣйствительности.

Мы должны затѣмъ перейти къ самой существенной части нашей задачи—къ изложенію и повѣркѣ нашихъ личныхъ наблюденій и выводовъ. Мы говоримъ о явленіи, въ которомъ русское общество и русскіе люди сказываются во многихъ своихъ исключительныхъ и интересныхъ сторонахъ. О важности вопроса говорить не приходится, когда, можетъ быть, въ самый день прочтенія этихъ строкъ читатель слышалъ тревожный бой барабана и видѣлъ медленно двигающійся мрачный поѣздъ съ фигурой преступника на высотѣ.

III.

Намъ приходилось присутствовать при исполненіи обряда публичной казни въ столицѣ и нѣсколькихъ замосковныхъ великорусскихъ городахъ. Мѣстныя условія не остаются безъ вліянія на характеръ исполненія обряда, на внѣшнюю его

картину, а отчасти на внутреннюю сущность. Поэтому различія, вызываемыя этими условіями и представляющія извѣстный интересъ, не могутъ быть пропущены безъ вниманія и мы позволимъ себѣ ихъ отмѣтить, придерживаясь въ то же время порядка обряда и его подробностей въ столицѣ.

Съ передачей вошедшаго въ законную силу приговора, присуждающаго обвиненнаго къ уголовному наказанію, изъ окружнаго суда прокурору, наступаетъ послѣдній моментъ уголовнаго процесса—исполненіе приговора. Судебная власть въ лицѣ прокурорскаго надзора только даетъ этому исполненію надлежащее направленіе, приведеніе же въ исполненіе самой сущности приговора зависитъ исключительно отъ власти административной, губернскаго правленія, которое распоряжается препровожденіемъ осужденныхъ на мѣсто каторжныхъ работъ или поселенія. Этому послѣднему дѣйствію уголовнаго правосудія предшествуетъ исполненіе надъ преступникомъ обряда публичной казни, обыкновенно въ главномъ городѣ округа, гдѣ есть нужныя для этого приспособленія. Преступники, осужденные въ уѣздахъ временными отдѣленіями окружнаго суда, пересылаются для этого въ губернскій городъ или мѣстопребываніе суда. Исполненіе обряда публичной казни, продолжающееся круглый годъ по мѣрѣ накопленія приговоровъ, значительно учащается весною и возрастаетъ количествомъ вплоть до осени. До весны и лѣта даже задерживаются зимніе приговоры, потому что это время года особенно благопріятствуетъ исполненію обряда, происходящему публично на открытомъ воздухѣ, и обрядъ казни исполняется во всякомъ случаѣ во время навигаціи и до ея окончанія, такъ что большинство осужденныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь, во-время оказываются готовыми къ отправкѣ. Меньшая часть, назначаемая въ каторжныя тюрьмы (въ Вильнѣ, Бѣлгородѣ), отправляется въ разное время и она-то обыкновенно подвергается экзекуціи безъ различія времени года, т.-е. и зимою, и позднею осенью. Что касается до самаго порядка распоряженія по исполненію экзекуціи, то въ этомъ отношеніи въ разныхъ судебныхъ округахъ приняты двѣ системы. По одной, употребляемой, сколько намъ извѣстно, только въ нѣсколькихъ про-

винціальныхъ округахъ, прокуроръ окружнаго суда, получивъ изъ окружнаго суда подлинный приговоръ, передаетъ его для исполненія одному изъ своихъ товарищей, отъ котораго уже исходятъ всѣ дальнѣйшія распоряженія. Примѣняясь къ общему порядку, товарищъ прокурора самъ назначаетъ день и часъ совершенія обряда и поручаетъ полиціи къ этому времени сдѣлать всѣ нужныя приготовленія, самъ же обращается къ предсѣдателю окружнаго суда съ просьбой о назначеніи секретаря для объявленія приговора. Такимъ образомъ лицо прокурорскаго надзора является полнымъ и дѣйствительнымъ распорядителемъ исполненія приговора. По другой системѣ, принятой, между прочимъ, въ столицѣ, прокуроръ, получивъ приговоръ, прямо передаетъ его административной власти и ожидаетъ, когда полиціи заблагоразсудится назначить экзекуцію, для присутствованія при которой, по увѣдомленію полиціи и къ назначенному ею дню и часу, командируется лицо прокурорскаго надзора, который такимъ образомъ во времени и распредѣленіи этихъ своихъ обязанностей поставленъ въ зависимость отъ распоряженій полиціи. По поводу указанныхъ двухъ системъ нельзя не замѣтить, что первая во всякомъ случаѣ согласна съ точнымъ смысломъ закона, постановляющаго, что „всѣ распоряженія по исполненію приговора, выходящія изъ круга непосредственныхъ судебныхъ дѣйствій, относятся къ обязанностямъ прокурора“ (ст. 948 уст. угол. суд.).

Приготовленія, дѣлаемыя полиціею къ обряду публичной казни, кромѣ наряда должностныхъ лицъ и стражи, заключаются еще въ томъ, что на мѣстѣ исполненія обряда воздвигается эшафотъ, имѣющійся для этого при полиціи и каждый разъ вновь разбираемый. Эшафотъ этотъ состоитъ изъ возвышенной деревянной площадки, окрашенной черной краской, съ такимъ же позорнымъ столбомъ на одномъ краю ея. На эшафотъ ведетъ лѣстница изъ 6—8 ступенекъ, къ самому столбу также одна или двѣ ступеньки. Къ столбу прикрѣплены желѣзныя цѣпи съ наручнями, въ которыя вдѣваются руки преступника. Мѣстомъ для исполненія обряда публичной казни избирается обыкновенно та же самая площадь, на которой до

17 апрѣля 1863 года производилась торговая казнь и всѣ вообще тѣлесныя наказанія. Въ Москвѣ—это Конная площадь, расположенная довольно удобно для печальнаго своего назначенія. Въ разстояніи около 4 верстъ отъ центра города она образуетъ большое пустынное пространство уже на выѣздѣ изъ города, обставленное заборами, амбарами, другими нежилыми строеніями и только рѣдкими домами. Въ большей части губернскихъ городовъ мѣстомъ исполненія обряда публичной казни бываетъ единственная городская базарная площадь, расположенная всегда въ самомъ центрѣ, въ наиболѣе людной и бойкой мѣстности. Это условіе, совершенно и съ избыткомъ удовлетворяя публичности, которой требуетъ обрядъ, имѣетъ и весьма невыгодную сторону. Мирнымъ обывателямъ слишкомъ часто, а въ извѣстное время и ежедневно, волей-неволей приходится быть свидѣтелями, можетъ быть, поучительнаго, но во всякомъ случаѣ весьма тяжелаго зрѣлища. Слишкомъ рано и, такъ сказать, насильственно знакомитъ оно молодое поколѣніе съ ужасами и темными пятнами жизни. Но тяжесть и глубина впечатлѣнія скоро исчезаютъ для частныхъ и обязательныхъ очевидцевъ; онѣ замѣняются праздным любопытствомъ низкаго разбора, или, что̀ еще хуже, циническою и тупою привычкою къ тому, что̀ имѣетъ цѣлью быть торжественнымъ и поразительнымъ актомъ карающаго правосудія.

Исполненіе обряда публичной казни происходитъ обыкновенно утромъ, въ 8 — 10 часовъ. Въ Москвѣ дни исполненія безразличны, а въ губернскихъ городахъ они назначаются всегда въ базарные дни. Если въ этомъ отношеніи, по теоріи, имѣются въ виду наибольшая публичность и гласность, то ниже увидимъ, въ какой циничный разсчетъ преступника обращается иногда это условіе на практикѣ. Къ назначенному часу въ тюремный замокъ собираются по наряду должностныя лица— одинъ или нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ, полицейскій врачъ съ фельдшеромъ и конный и пѣшій конвой. По уставу, обряду публичной казни должны предшествовать исповѣдь осужденнаго и причащеніе св. таинъ, но это не всегда такъ бываетъ на дѣлѣ и тюремная администрація, свѣтская и духовная, часто

довольствуется ближайшимъ говѣньемъ арестанта. На дворѣ замка, среди выстроившагося конвоя, помѣщается позорная колесница или дроги, окрашенныя въ черное и запряженныя парой. На возвышенной части ея придѣлана скамейка съ высокой спинкой. На эту скамейку, спиной къ лошадямъ, садится осужденный и съ отогнутыми назадъ руками крѣпко привязывается веревкою къ спинкѣ. Одѣтый въ арестантское платье (т.-е. сѣрый халатъ, такую же круглую шапку и рукавицы), онъ имѣетъ на груди черную доску съ надписью явственными, далеко видными бѣлыми буквами о родѣ вины, напр., за убійство, за разбой, за подлогъ и т. д., иногда даже съ спеціальными признаками преступленія, напр., за кражу съ оружіемъ въ рукахъ. Осужденный, кромѣ привилегированныхъ, бываетъ закованъ. На той же колесницѣ, но ниже осужденнаго, помѣщается палачъ, или, за неимѣніемъ его, тюремный прислужникъ. Шествіе открываютъ два барабанщика, идущіе во главѣ пѣхотнаго конвоя, который подъ командой офицера окружаетъ колесницу. Второй, внѣшній, кругъ составляетъ конный жандармскій конвой. Съ прерывающимся по временамъ барабаннымъ боемъ медленно двигается позорный кортежъ по самымъ большимъ и люднымъ улицамъ столицы или губернскаго города, постепенно привлекая вокругъ себя негустую толпу любопытныхъ, по большей части праздной черни или мальчишекъ, провожающихъ его до мѣста назначенія. Кому случалось на своемъ раннемъ утреннемъ пути встрѣчать такое шествіе, тотъ знаетъ, какое странное, подавляющее, тяжелое впечатлѣніе оно производитъ. Уродливо трясущаяся наверху фигура преступника съ повисшей на грудь головой и искаженными чертами лица, бьющая въ глаза бѣлая надпись на груди его, вся обстановка позорной колесницы составляютъ какой-то странный контрастъ съ равнодушными, а иногда и весело смѣющимися лицами прислуги и солдатъ, съ суетою бѣгущей толпы, съ кипящей вокругъ будничной жизнью города, на мгновеніе пріостановившейся въ нѣмомъ ожиданіи, скоро ли пройдетъ шествіе, скоро ли изгладится непріятная картина..... Путь позорному поѣзду обыкновенно предстоитъ не близкій. Въ Москвѣ отъ тюремнаго замка (у Бутырской за-

ставы) до Конной площади (за Москвой рѣкой, въ Серпуховской части) онъ идетъ около двухъ часовъ. Зимою въ сильный морозъ и мятель, весной и осенью въ грязь и дождь—эти два часа представляются истиннымъ испытаніемъ для всѣхъ, составляющихъ поѣздъ, и еще однимъ лишнимъ страданіемъ для его виновника. По прибытіи поѣзда на мѣсто публичной казни начинается самое исполненіе ея обряда. Приближенія его ожидаютъ у эшафота товарищъ прокурора съ секретаремъ, тюремный священникъ, полицейскій врачъ съ фельдшеромъ, нѣсколько нижнихъ полицейскихъ чиновъ, да десятка полтора праздношатающихся изъ ближайшихъ мѣстностей. Медленно пробираясь по глубокой и вязкой грязи, двѣ трети года покрывающей площадь, поѣздъ съ колыхающейся колесницей посреднѣ подъѣзжаетъ къ самому эшафоту. Сидящій на козлахъ прислужникъ, имѣющій самую невзрачную внѣшность чуть не оборваннаго работника, мирно, какъ будто въ простой телѣгѣ, останавливаетъ разбитыхъ и понурыхъ лошадей. Пѣшій и конный конвой смыкаются вокругъ эшафота и образуютъ кругомъ него рѣдкую цѣпь, всѣ интервалы которой мало-по-малу занимаетъ прибывающая, но все-таки немногочисленная толпа. Внутри круга, передъ колесницей, остаются должностныя лица, къ которымъ присоединяется сопровождавшій поѣздъ отъ тюремнаго замка частный приставъ. По знаку товарища прокурора начинается позорная церемонія. Всѣ дальнѣйшія ея дѣйствія совершаются уже какъ бы сами собой, почти безъ всякаго распоряженія и указанія. Для всѣхъ оффиціально присутствующихъ все это давно уже обратилось въ привычную и тягостную процедуру, которую только надо поскорѣе сбыть съ рукъ. Палачъ, или замѣняющій его тюремный прислужникъ, по ступенькамъ сводитъ осужденнаго съ высокой колесницы и ставитъ его прямо передъ присутствующими лицами судебнаго вѣдомства. Затѣмъ происходитъ долгое отмыканіе ручныхъ кандаловъ, сопровождающееся ихъ отвратительнымъ лязгомъ. Съ преступника, все время стоящаго неподвижно и безучастно, снимаютъ шапку и рукавицы. По громогласному возгласу полицейскихъ чиновъ „шапки долой“ обнажаются головы зрителей. Раздается

команда двухъ офицеровъ, пѣхотнаго и жандармскаго (въ столицѣ, а въ губернскихъ городахъ жандармовъ не бываетъ вовсе, конвоемъ же обыкновенно командуетъ старшій унтеръ-офицеръ), конвой беретъ на караулъ. Приложивъ руки къ козырьку, должностныя лица выслушиваютъ приговоръ, который невнятно, путаясь и не разбирая, читаетъ исполняющій обязанность секретаря. Изъ этого чтенія только случайныя, безсвязныя слова и фразы достигаютъ до зрителей, которымъ, такимъ образомъ, остается узнавать причину и основаніе происходящаго передъ ними обряда только изъ лаконической (и не всегда грамотной) бѣлой надписи на груди осужденнаго. Самъ онъ, равнодушный или занятый другими чувствами, не слушаетъ хорошо знакомаго ему приговора. Не больше слѣдятъ за нимъ и должностныя лица, и секретарю остается только поскорѣе пробормотать приговоръ, чуть не про себя, что̀ онъ и дѣлаетъ, читая при этомъ обыкновенно не самый приговоръ, т. е. не весь его текстъ, а только резолюцію суда, т.-е. перечень присутствующихъ и названіе назначеннаго наказанія. И это сокращенное донельзя чтеніе приговора имѣетъ все ту же цѣль — поскорѣе покончить со всѣмъ затрудняющимъ и для всѣхъ непріятнымъ обрядомъ. Но иногда, въ исключительныхъ случаяхъ, такое сокращеніе чтенія приговора представляется неудобнымъ и на него не рѣшаются исполнители обряда. Бываетъ и такъ, что чтеніе обращается въ тягостное, чисто физическое испытаніе для присутствующихъ. Намъ извѣстенъ одинъ обрядъ публичной казни, во время котораго нужно было прочесть приговоръ въ формѣ указа сената (одного изъ старыхъ судебныхъ департаментовъ), состоявшаго изъ 25 писанныхъ листовъ. Дѣло было зимою, въ довольно сильный морозъ, и во время почти часового чтенія осужденному приходилось стоять съ открытою головою, а должностнымъ лицамъ съ невыразимымъ трудомъ держать у козырька усталыя и окостенѣвшія руки. За прочтеніемъ приговора совершается духовное напутствіе. Къ осужденному приближается священникъ въ эпитрахили и съ крестомъ въ рукѣ и вполголоса произноситъ небольшое слово; въ концѣ его преступникъ торопливо крестится и прикла-

вается ко кресту, который подаетъ ему священникъ. Мы не знаемъ, въ чемъ именно состоитъ напутствіе и увѣщаніе, сопровождающія преступника въ новую жизнь, но по немногимъ долетавшимъ до насъ словамъ и фразамъ мы могли заключить, что въ большинствѣ случаевъ они составляются по разъ принятому стереотипному образцу, состоятъ изъ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ и общественныхъ истинъ и произносятся съ тою же привычною поспѣшностью, которою отличается и весь обрядъ. Обыкновенно лицо осужденнаго остается безстрастнымъ и равнодушнымъ; очевидно, онъ или не слышитъ словъ священника, или они не производятъ на него никакого дѣйствія. Затѣмъ осужденнаго по ступенькамъ взводятъ на эшафотъ, и на виду у всѣхъ, лицомъ къ народу, выставляютъ къ позорному столбу. На него нахлобучиваютъ шапку, а руки, нѣсколько отогнутыя назадъ, вдѣваютъ въ желѣзныя наручни, цѣпями прикрѣпленныя къ столбу. Въ такомъ положеніи преступникъ, по закону, долженъ оставаться 10 минутъ, но на дѣлѣ остается гораздо меньше, потому что исполнители какъ-то невольно стараются сократить это тягостное время, которое тянется неимовѣрно долго и отзывается какой-то непреодолимой неловкостью на всѣхъ окружающихъ. Внутри цѣпи и кругомъ въ толпѣ водворяется томительное молчаніе, часто его какъ бы нарочно стараются нарушить должностныя лица посторонними разговорами вполголоса, но взгляды всѣхъ невольно обращаются къ возвышающемуся надъ толпой неподвижному преступнику. У осужденныхъ впечатлительныхъ, незакоснѣлыхъ, болѣе развитыхъ, именно въ это время съ неудержимой силой прорывается сознаніе позора. Неловкость и томительное чувство возрастаютъ до высокой степени одинаково и при видѣ обильныхъ слезъ, скатывающихся по лицу преступника, и при видѣ его дерзкой, вызывающей улыбки, обращенной къ властямъ и толпѣ. И то, и другое бываетъ нерѣдко, хотя чаще всего встрѣчается равнодушное, безстрастное молчаніе. Во время тѣхъ же 10 минутъ выставки у столба надъ дворянами ломается шпага. Старый заржавленный клинокъ съ офицерскимъ эфесомъ надламывается заранѣе и при началѣ обряда кладется на эшафотъ. По при-

казанію прокурора, исполняющій обязанности палача съ этимъ клинкомъ въ рукахъ подходитъ къ преступнику и, взойдя на одну съ нимъ возвышенную ступеньку у столба, становится съ нимъ лицомъ къ лицу, такъ близко, что, кажется, лица ихъ касаются другъ друга. Онъ поднимаетъ надъ головой осужденнаго шпагу и, переломивъ ее обѣими руками, бросаетъ оба куска, которые съ рѣзкимъ звукомъ среди окружающей тишины въ разныя стороны падаютъ на эшафотъ. Было время, когда въ ту же минуту осужденнаго за убійство на дуэли палачъ рукою ударялъ по щекѣ. Но вотъ прошло время выставки; осужденнаго по знаку прокурора сводятъ съ эшафота. По мѣстнымъ обычаямъ, иногда въ это время барабаны бьютъ отбой. При спускѣ съ эшафота уже ожидаетъ преступника наглухо закрытая обыкновенная арестантская карета, которая подъ частью того же конвоя, но уже безъ всякой торжественности, доставляетъ осужденнаго въ тюремный замокъ, до котораго его сопровождаетъ присутствовавшій при обрядѣ частный приставъ. Нѣкоторые исполнители считаютъ необходимымъ передъ самымъ началомъ обряда удостовѣриться въ тождествѣ преступника и спрашиваютъ его объ его имени, бывшемъ званіи и наказаніи, къ которому онъ приговоренъ. Этотъ пріемъ имѣетъ источникомъ весьма печальное происшествіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ городѣ *** при совершеніи обряда публичной казни надъ осужденнымъ за разбой произошла ужасная ошибка. Вмѣсто настоящаго осужденнаго на площадь, по непростительной ошибкѣ тюремнаго начальства, былъ доставленъ другой арестантъ, приговоренный за нанесеніе ранъ въ запальчивости и раздраженіи только къ заключенію въ рабочій домъ и очевидно вовсе не подлежавшій обряду публичной казни. Ошибка обнаружилась слишкомъ поздно и надъ несчастнымъ арестантомъ, недоумѣвавшимъ, но не рѣшившимся тутъ протестовать, былъ совершенъ обрядъ.

Остается затѣмъ разсмотрѣть положеніе въ существующемъ у насъ обрядѣ публичной казни трехъ дѣйствующихъ въ немъ факторовъ — исполнителей, народа и преступника. Практика представляетъ въ этомъ отношеніи матеріалъ настолько обильный,

что мы ограничимся лишь наиболѣе характерными извлеченіями изъ него.

Подъ именемъ исполнителей обряда публичной казни мы подразумѣваемъ всѣхъ должностныхъ лицъ, обязательно и оффиціально присутствующихъ при обрядѣ. Такими лицами являются товарищъ прокурора, секретарь суда (или его помощникъ), частный приставъ, священникъ и врачъ. Всѣ они по очереди командируются своимъ начальствомъ и, встрѣчаясь на площади во время исполненія обряда, естественно обмѣниваются своими личными взглядами на все передъ ними происходящее. Изъ этихъ взглядовъ, во множествѣ и при разныхъ обстоятельствахъ нами выслушанныхъ, мы пришли къ убѣжденію, что отношеніе къ обряду публичной казни всѣхъ его исполнителей почти всюду одинаковое. Это отношеніе выражается въ полномъ и ясномъ сознаніи совершенной практической безцѣльности обряда, его вреда и той напрасной матеріальной и нравственной тяжести, которою онъ отзывается на исполнителяхъ. Послѣдняя представляется прямымъ и логическимъ послѣдствіемъ первыхъ ощущеній. Обязанность, которую исполняютъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ ея безполезности и вредѣ, становится тягостною и невыносимою, исполняется неохотно и наскоро, съ плохо скрываемымъ принужденіемъ. Такова сущность взгляда исполнителей на обрядъ публичной казни. Каждый изъ нихъ внутренно смотритъ на него какъ на тяжелую и лишенную всякаго значенія комедію и своимъ личнымъ опытомъ можетъ подтвердить этотъ взглядъ. Каждый знаетъ, что и на народъ, и на преступниковъ обрядъ или вовсе не дѣйствуетъ, или дѣйствуетъ совершенно обратно очевиднымъ цѣлямъ закона. Безъ сомнѣнія, много и между исполнителями бываетъ людей равнодушныхъ къ своей обязанности, относящихся къ ней, какъ къ одной изъ неизбѣжныхъ формъ ремесла, но о такихъ людяхъ говорить не приходится, такъ какъ для нихъ не существуетъ въ жизни серьезныхъ вопросовъ и мыслей, и они, какъ добросовѣстные наемники, съ одинаковой готовностью и одинаковымъ безучастіемъ пошли бы исполнять и тѣлесное наказаніе надъ преступникомъ. Но и такія личности поддаются иногда общему

примѣру и съ чужого голоса повторяютъ единогласныя мнѣнія. Чуть не при каждомъ обрядѣ приходится слышать недоумѣвающій вопросъ: — скоро ли отмѣнятъ обрядъ, потерявшій съ отмѣною тѣлеснаго наказанія всякій смыслъ и значеніе! „Прежде хоть дѣло дѣлали — для тѣлеснаго наказанія вывозили“, — слышали мы отъ полицейскаго офицера, посѣдѣвшаго на своей службѣ, — „и преступникъ зналъ, что его на народѣ будутъ больно плетьми наказывать, и народъ понималъ, что вотъ-молъ что̀ за такое дѣло бываетъ. А теперь ни преступнику, ни народу, кромѣ потѣхи, ничего нѣтъ, да намъ (т.-е. чиновникамъ) только одно напрасное безпокойство“. Общее отношеніе исполнителей къ обряду сказывается во всемъ, даже во внѣшности. Полная форма въ одеждѣ соблюдается только военными; намъ случалось видѣть секретарей, являвшихся на площадь въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ и безъ всякихъ признаковъ мундира и шпаги и только подъ прикрытіемъ трехугольной шляпы и пальто. О поспѣшности исполненія мы уже говорили; она доходитъ до того, что весь обрядъ съ прочтеніемъ приговора, духовнымъ напутствіемъ и выставкою у столба оканчивается въ 5 — 10 минутъ, тогда какъ по закону одна только выставка должна продолжаться 10 минутъ. Кромѣ того, каждый изъ исполнителей, порознь, ясно понимаетъ и чувствуетъ свое ложное положеніе. Товарищъ прокурора знаетъ, что хотя онъ и есть распорядитель обряда, но никакихъ распоряженій отъ него не потребуется и онъ можетъ быть только молчаливымъ свидѣтелемъ того, какъ все пойдетъ своей чередой. Его дѣятельность проявляется только въ незамѣтномъ сокращеніи времени выставки съ 10 до 3 — 5 минутъ, за что̀ его внутренно не мало благодарятъ всѣ присутствующіе. Секретарь старается прочесть приговоръ какъ можно скорѣе и читаетъ его со всевозможными пропусками. Полицейскій врачъ хорошо знаетъ, что его присутствіе въ 99 случаяхъ изъ ста совершенно безполезно. Случаи необходимости подать осужденному медицинскую помощь во время обряда чрезвычайно рѣдки, и присутствіе врача при обрядѣ, очевидно, осталось еще отъ времени тѣлесныхъ наказаній. Полицейскій чиновникъ занимается исклю-

чительно соблюденіемъ внѣшняго порядка, слѣдитъ за тишиною въ публикѣ, за сниманіемъ шапокъ и т. д., но и въ этомъ смыслѣ не находитъ обыкновенно поводовъ къ распоряженіямъ, потому что шапки снимаются сами собою и тишина въ толпѣ любопытныхъ водворяется совершенная и не успѣваетъ нарушиться въ короткое время обряда. Священникъ, обыкновенно тюремный, знающій арестанта по мѣсту его заключенія, мало заботится о силѣ и дѣйствіи своихъ напутственныхъ увѣщаній, будучи увѣренъ заранѣе, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ они пропадутъ втунѣ и останутся одной простой служебной формальностью. Самыя внѣшнія условія обряда не мало способствуютъ тому, что имъ тяготятся исполнители. Поѣздка въ формѣ, рано утромъ, иногда въ дурную погоду, непроѣздную дорогу, на край города, ожиданіе позорнаго поѣзда на площади, покрытой $^2/_3$ года невылазною грязью, затѣмъ иногда продолжительное стояніе на холодѣ съ приложенной къ козырьку рукой,—все это не особенно заманчиво, и всего этого бываетъ желательно избѣгнуть. Какъ естественное слѣдствіе такого отношенія исполнителей къ обряду, является постоянное опаздываніе къ началу его то того, то другого: то лицъ судебнаго вѣдомства, то священника ждутъ на площади остальныя лица, собравшіяся вокругъ позорной колесницы съ сидящими еще на ней преступниками. Если опаздываетъ лицо прокурорскаго надзора, имъ приходится сидѣть привязанными на колесницѣ все время до его прибытія и, такимъ образомъ, осужденные претерпѣваютъ какъ бы двѣ позорныя выставки. Бываютъ, кромѣ того, конечно рѣдко, но все-таки бываютъ, и такіе случаи, во время которыхъ неловкое положеніе исполнителя превращается чуть не въ дѣйствительную опасность. Въ городѣ *** одинъ изъ преступниковъ, подлежавшихъ обряду публичной казни, осужденный на продолжительную каторжную работу, отличался чрезвычайнымъ озлобленіемъ, дикимъ буйствомъ и непослушаніемъ. Еще до исполненія надъ нимъ приговора, онъ громко высказывалъ намѣреніе отомстить лицамъ, принимавшимъ участіе въ его преслѣдованіи, и совершить новое преступленіе для того, чтобы затянуть и отсро-

чить свою отправку въ Сибирь. При исполненіи надъ этимъ арестантомъ обряда публичной казни онъ, раскованный во время чтенія приговора, кинулся, съ кандалами въ рукахъ, на стоявшаго передъ нимъ товарища прокурора, и неизвѣстно чѣмъ кончилось бы это происшествіе, если бы подбѣжавшіе солдаты во-время не схватили преступника и не повалили его на землю. Послѣ этого, при исполненіи въ томъ городѣ обряда публичной казни, принято было за правило, во время чтенія приговора, ставить передъ преступникомъ, съ двухъ сторонъ его, двухъ солдатъ конвоя съ ружьями, въ видѣ часовыхъ. Говоря объ исполнителяхъ, мы не упомянули объ одномъ лицѣ, которое по роли своей и значенію,— какъ это ни странно,— долженъ быть причисленъ къ исполнителямъ обряда публичной казни. Это лицо—палачъ, уцѣлѣвшій еще отъ стараго времени во многихъ губернскихъ городахъ и, за неимѣніемъ другой обязанности, сопровождающій преступниковъ при исполненіи надъ ними обряда публичной казни. Во многихъ мѣстностяхъ его замѣняютъ обыкновенно тюремные прислужники и сторожа, но намъ самимъ не приходилось присутствовать при обрядахъ, въ которыхъ весьма выдающимся и замѣтнымъ лицомъ былъ палачъ, въ синемъ русскомъ кафтанѣ, съ классической красной рубашкой подъ нимъ и большою окладистою бородою. Онъ помѣщался на колесницѣ у ногъ осужденнаго, сводилъ его на мѣсто исполненія обряда, взводилъ на эшафотъ и, оставаясь тамъ во все время выставки, эффектно расхаживалъ по помосту эшафота, затѣмъ сопровождалъ преступника въ тюрьму. На него съ любопытствомъ поглядывалъ народъ и вспоминалъ про старое время тѣлесныхъ казней, въ которое этому палачу принадлежала такая печальная роль. Такимъ образомъ, палачъ являлся живою связью между прежнимъ наказаніемъ плетьми и кнутомъ и новымъ обрядомъ публичной казни и своею личностью сближалъ ихъ между собою. А между тѣмъ, въ его присутствіи при обрядѣ не было ничего неправильнаго и страннаго, такъ какъ хотя о немъ и не упоминается въ новомъ законѣ (ст. 963 уст. угол. суд.), но, такъ сказать, механическая часть обряда,

исполненіе различныхъ подробностей, напр., переламываніе шпаги, по самой сущности дѣла, составляетъ обязанность палача.

Прослѣдить на практикѣ и опредѣлить дѣйствительное отношеніе народа къ обряду публичной казни — дѣло не легкое. Область наблюденій представляется слишкомъ неуловимою, если во время самаго исполненія обряда присматриваться къ тому, что̀ дѣлается кругомъ, въ толпѣ, въ чемъ выражаются ея ощущенія. Приходится довольствоваться намеками, оттѣнками, случайно подслушаннымъ возгласомъ и разговоромъ, рѣзкими, исключительными явленіями и, наконецъ, немногими общими свѣдѣніями о взглядѣ народа на преступленіе и тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Но въ важномъ значеніи этого взгляда собственно по отношенію къ обряду публичной казни сомнѣваться невозможно, такъ какъ большая часть соображеній, оправдывающихъ этотъ обрядъ, разсчитана на его публичное воздѣйствіе.

Составъ публики, собирающейся вокругъ эшафота болѣе или менѣе многочисленною толпою, довольно однообразенъ. Это по большей части окрестные обыватели, случайные прохожіе, школьники и мальчишки, вообще сѣренькій, малоразвитой умственно людъ. Въ толпѣ, среди массы армяковъ и чуекъ, рѣдко увидишь такъ называемое нѣмецкое платье. Но за-то иногда толпа на половину состоитъ изъ женщинъ. Между ними попадаются и хорошо одѣтыя, повидимому, купчихи. Онѣ являются, конечно, не случайно и не смѣшиваясь съ толпой, стоя въ экипажахъ, издали слѣдятъ за церемоніей. Очевидно, она интересуетъ ихъ безкорыстно и только одно праздное и сильное любопытство привлекаетъ ихъ съ ранняго утра на площадь. О такой публикѣ говорить не стоитъ; она собиралась во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, при всѣхъ печальныхъ зрѣлищахъ, производящихъ страхъ, жалость и другія сильныя ощущенія. И наша практика помнитъ еще разодѣтыхъ дамъ, съѣзжавшихся на смертную казнь какъ на гулянье и видомъ страшныхъ тѣлесныхъ каръ удовлетворявшихъ свою потребность сильныхъ впечатлѣній. Остается только пожалѣть, что и до сихъ поръ есть хоть нѣкоторая пища такому постыдному, болѣзненному любопытству, источникъ котораго въ безконечной праздности и глубоко испор-

ченномъ воображеніи. Это та же публика, что̀ собирается несчетными толпами въ залы засѣданія суда въ день разсмотрѣнія скандальныхъ и эффектныхъ процессовъ. Къ той же категоріи, только низшаго разряда, слѣдуетъ отнести небольшую толпу, образовавшуюся вокругъ позорнаго поѣзда съ преступникомъ и сопровождающую его на площадь. Въ этой же толпѣ, по отзывамъ опытныхъ полицейскихъ чиновниковъ, незамѣтно прибываютъ на площадь и карманные воры, которыхъ всегда найдется нѣсколько въ народѣ вокругъ эшафота, такъ какъ вниманіе публики, напряженно сосредоточенное на одномъ предметѣ, даетъ имъ возможность съ успѣхомъ заниматься своимъ ремесломъ. Мы же имѣемъ въ виду огромное большинство простой, случайной публики; на нее, неподготовленную къ зрѣлищу, явившуюся на него безъ предвзятой мысли, оно должно подѣйствовать въ прямомъ извѣстномъ направленіи, зависящемъ отъ характера и внутренняго смысла зрѣлища. Это дѣйствіе и будетъ лучшимъ мѣриломъ публичнаго значенія обряда публичной казни. Такой публики въ провинціальныхъ городахъ на базарной площади въ базарные дни бываетъ несравненно больше, чѣмъ въ столицѣ, гдѣ мало кто заглянетъ безъ особой надобности на конную площадь, расположенную въ самой отдаленной и пустынной мѣстности. Потомъ, въ губернскихъ городахъ, въ базарные дни, при первомъ звукѣ барабана, предшествующемъ прибытію осужденнаго на площадь, вокругъ эшафота иногда тысячною толпою собирается все населеніе базара. На нѣсколько минутъ ничего не значитъ бросить возы и передвижныя лавочки, а всякому хочется посмотрѣть, какъ будутъ „срамить“ преступника; „срамить“—это техническое слово, которымъ въ народѣ обозначается исполненіе обряда публичной казни. Оно лучше всѣхъ другихъ соображеній доказываетъ, что въ глазахъ и пониманіи народа обрядъ этотъ имѣетъ преимущественное, если не исключительное, срамительное значеніе. Между всѣмъ этимъ простымъ и скромнымъ людомъ, толпящимся вокругъ эшафота, $^2/_3$ навѣрно состоятъ изъ сельскихъ обывателей, изъ подгородныхъ, а иногда и дальнихъ деревень прибывшихъ на базаръ. Они-то и разносятъ по домамъ то впе-

чатлѣніе, которое произвелъ на нихъ обрядъ публичной казни. Изъ массы такихъ впечатлѣній слагается дѣйствіе обряда на народъ, публичное его значеніе. Это дѣйствіе, какъ намъ кажется, бываетъ двухъ родовъ: или безразличное, минутное, не переходящее границы простого любопытства, или глубоко симпатичное къ преступнику. Нельзя рѣшить, которое изъ двухъ составляетъ исключеніе, которое—общее правило. Вѣрнѣе, что они сливаются и перемѣшиваются, но во всякомъ случаѣ скорѣе преобладаетъ второе. Русскій народъ не жаденъ до эффектныхъ зрѣлищъ, они не составляютъ насущнаго хлѣба для его природы; во всю свою исторію онъ никогда не просилъ у тріумфаторовъ „panem et circenses“. А къ зрѣлищу публичной казни онъ привыкъ давно, и самый обрядъ ея не можетъ для него быть новостью. Поэтому онъ не волнуется при видѣ его, въ немъ не разгораются страсти и онъ смотритъ съ неизбѣжнымъ любопытствомъ грубаго, неразвитого человѣка, но въ этомъ любопытствѣ слишкомъ много спокойствія. Послѣднее поддерживается и самымъ невѣжествомъ, неразвитостью массы. Многіе плохо и смутно понимаютъ въ чемъ дѣло, что происходитъ передъ ними и ужъ во всякомъ случаѣ нравственно лишены возможности вынести для себя изъ происходящаго передъ ними обряда какой либо поучительный выводъ. Праздное, полусонное любопытство, тупое равнодушіе и непониманіе—вотъ что иногда приходится замѣтить, всматриваясь въ лица толпы, окружающей эшафотъ. Правда, бываютъ случаи, когда такое настроеніе рѣзко измѣняется, когда горячее, единодушное чувство охватываетъ толпу и мѣсто симпатіи заступаетъ глубокая, несдерживаемая ненависть къ преступнику и къ его извѣстному и ненавистному дѣянію. Но это случаи исключительные, рѣдкіе и не подходятъ подъ общее правило. Въ исторіи нашихъ публичныхъ казней послѣднее время представляетъ одинъ такой рѣзкій и выдающійся случай. Мы говоримъ объ исполненіи обряда публичной казни надъ лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Сергѣемъ Нечаевымъ. Многимъ памятно его поведеніе во время обряда, такое же, какъ и во время суда надъ нимъ. Газеты въ свое время сообщили подробности, изъ которыхъ мы лишь напо-

мнимъ, что во время слѣдованія Нечаева на позорной колесницѣ отъ тюремнаго замка до конной площади, народъ толпами бѣжалъ за нимъ и криками негодованія отвѣчалъ на дерзкія выходки преступника. Его везли на площадь лишь для обряда казни, но народъ былъ убѣжденъ, что этого мало, и въ толпѣ, сопровождавшей поѣздъ, кричали: „его надо разстрѣлять".

Послѣ осужденія преступника, съ той минуты, какъ онъ покончилъ всѣ свои разсчеты съ земнымъ правосудіемъ, для массы народа онъ почти перестаетъ быть преступникомъ и становится „несчастнымъ", заслуживающимъ прежде всего и больше всего жалости и состраданія. Это неизмѣнное настроеніе русскаго человѣка хорошо извѣстно юристу-практику; оно высказывается на каждомъ шагу. Въ засѣданіяхъ судовъ, представители народа въ судѣ, присяжные, съ вниманіемъ слѣдившіе за ходомъ дѣла, осудившіе дѣяніе подсудимаго и вынесшіе ему обвинительный приговоръ, иногда громко выражаютъ свое личное сожалѣніе о преступникѣ во время перерыва, окружаютъ его и разспрашиваютъ, иногда даже собираютъ ему денегъ. То же повторяется и въ присутствующей въ засѣданіяхъ публикѣ. На улицѣ, на большой дорогѣ, прохожіе, при встрѣчѣ съ партіей пересыльныхъ арестантовъ, отправляющихся въ далекій путь, выказываютъ искреннее, глубокое сожалѣніе о нихъ и считаютъ своимъ христіанскимъ долгомъ подать „несчастнымъ" посильную милостыню. Вспоминая о человѣкѣ осужденномъ и сосланномъ или понесшемъ другое наказаніе, крестьяне относятся къ нему безъ малѣйшей тѣни досады и ненависти. Болѣе добродушнаго и мягкаго отношенія къ своимъ преступникамъ, конечно, не знаетъ ни одинъ народъ. Русскіе люди еще не привыкли вѣрить въ безусловную правду судебнаго приговора и полагаться на его непогрѣшимость, а потому нерѣдко приходится слышать слова: „да еще виноватъ ли онъ, правильно ли его разсудили,—наговорить на человѣка легко, а можетъ быть онъ и совсѣмъ безвинный,—кто его знаетъ".... Какъ ни мало логичны и основательны такія мнѣнія, все-же они служатъ выраженіемъ народныхъ и общественныхъ сомнѣній въ дѣйствительной виновности преступника. Всѣ такія ощущенія незамѣтно

складываются, какъ мы уже сказали, въ невольную жалость къ осужденному, отъ которой остается уже очень немного до общаго сочувствія его судьбѣ и личности,—именно такое настроеніе сказывается всего чаще въ публикѣ, собравшейся на обрядъ публичной казни. Сожалѣніе усиливается и распространяется при видѣ печальной церемоніи обряда, его позорныхъ подробностей и потрясающей картины. Выводъ этотъ подтверждается и фактами, которымъ трудно найти другое объясненіе. Если по мѣстнымъ обычаямъ и взглядамъ начальства во время публичной казни не запрещается осужденному получать отъ народа подаяніе—его закидаютъ имъ изъ скудной денежными средствами, случайно собравшейся толпы. Особенно часто это бываетъ въ провинціи. Мѣдныя, даже серебряныя монеты со всѣхъ сторонъ подаются полицейскимъ служителямъ, для передачи ихъ на эшафотъ. Другія, несмотря на распоряженія и крики полиціи, летятъ туда же черезъ головы исполнителей. Тамъ собираетъ ихъ тюремный сторожъ или палачъ и въ виду прикованнаго къ столбу преступника кладетъ ихъ въ одно мѣсто до окончанія обряда. Случается, что между подаяніемъ попадутся и 1—2 кредитные билета. Въ городѣ *** намъ часто приходилось видѣть, какъ въ короткое время исполненія обряда сумма подаянія, полученнаго осужденнымъ, доходила до сравнительно громадной цифры—10 рублей. Мы видѣли, какъ добродушный народъ поспѣшно вынималъ свои трудовые гроши и какъ блестѣли и разбѣгались глаза преступника по мѣрѣ того, какъ увеличивалась маленькая кучка денегъ въ углу эшафота на шапкѣ палача. Мы тогда же невольно спрашивали себя,—это ли то величественное, устрашающее зрѣлище карающаго правосудія, одинаково благодѣтельное для народа и для преступника, которое имѣетъ въ виду законъ? Приходилось отвѣчать отрицательно и допускать заключеніе, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ законъ рѣзко разошелся съ жизнью. Мы не думаемъ, чтобы эта народная милостыня преступнику и послужила поводомъ къ назначенію обряда публичной казни обыкновенно въ базарные дни, когда на мѣсто исполненія обряда съѣзжаются тысячи народа, но слѣдствіемъ такого порядка вещей

было то, что осужденные считали себя глубоко обиженными, когда обрядъ казни исполнялся надъ ними въ обыкновенные дни и не стѣсняясь высказывали это тюремному начальству. Послѣднему извѣстно, что для многихъ арестантовъ день обряда былъ чуть не праздникомъ, о времени котораго они заботливо справлялись. Надежда на хорошую „выручку“ покрывала всѣ остальныя впечатлѣнія обряда и представляла единственный смыслъ, придаваемый ему главнымъ его дѣйствующимъ лицомъ. Иногда, возвращаясь съ площади, осужденный громко бранился, если выручка была мала, и съ торжествомъ являлся въ камеру нетерпѣливо ожидающихъ его товарищей, если она превосходила его ожиданія. Такимъ прискорбнымъ фактамъ удивляться нечего. Въ средѣ нашихъ обыкновенныхъ преступниковъ признаки раскаянія или по крайней мѣрѣ яснаго сознанія своего поступка, своего положенія—не малая рѣдкость, больше чѣмъ исключеніе. Тюремный воздухъ, острожный міръ доканчиваютъ дѣло, начатое порочными наклонностями, грубостью, непроницаемымъ невѣжествомъ, и человѣкъ, приходящій изъ этого міра на эшафотъ, къ позорному столбу, слишкомъ часто перестаетъ быть просто человѣкомъ и становится тѣмъ страннымъ, своеобразнымъ существомъ, которое мы знаемъ въ русскомъ арестантѣ. Но если указанное явленіе печально, не нужно забывать, что оно обязано своимъ существованіемъ законному обряду публичной казни, или, по крайней мѣрѣ, освящено имъ.

Мы упоминали уже выше, что, по мнѣнію законодателей и юристовъ Западной Европы, съ введеніемъ устнаго и гласнаго процесса обрядъ публичной казни теряетъ всякое значеніе проводника въ народъ началъ результатовъ уголовнаго правосудія. Это соображеніе всецѣло примѣнимо и къ нашему обряду и можетъ быть подкрѣплено еще другимъ замѣчаніемъ. Нашъ уголовный процессъ отличается замѣчательною послѣдовательностью и силой при огражденіи интересовъ и правъ обвиняемаго. Равноправность сторонъ вполнѣ обезпечена и нигдѣ въ процессѣ, чрезъ который проходятъ эти начала, обвиняемый не является безпомощной жертвой карающей власти. Каково бы ни было его преступленіе, ему до конца предоставляются права

человѣческой личности и охраняется отъ всякаго вторженія его внутренній духовный міръ. Такому гуманному отношенію закона къ обвиняемому идутъ въ разрѣзъ цѣль, содержаніе и подробности обряда публичной казни, который, однакоже, представляетъ лишь послѣдній моментъ процесса и опредѣляется однимъ съ нимъ закономъ. Доказательствомъ тому служитъ все изложенное выше, и вотъ почему мы сочли себя въ правѣ замѣтить, что обрядъ публичной казни въ его настоящемъ видѣ представляетъ явленіе, чуждое духу нашего уголовнаго права и судопроизводства.

Переходя затѣмъ къ отношенію самихъ осужденныхъ къ обряду публичной казни, мы имѣемъ возможность замѣтить, что по этому отношенію преступники довольно рѣзко распадаются на два разряда, весьма неравные по своему количественному составу: 1-й, многочисленный и обыкновенный, составляютъ осужденные равнодушные; 2-й, гораздо болѣе ограниченный и исключительный,—осужденные чувствительные къ обряду. Знакомство съ міромъ преступниковъ, ихъ жизнью и понятіями даетъ возможность провести между обоими разрядами довольно точныя границы. Обряду публичной казни подлежатъ лишь лица, лишенныя всѣхъ правъ состоянія, другими словами, самые тяжкіе уголовные преступники. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ этотъ признакъ предполагаетъ сравнительно продолжительное производство дѣла, долговременное содержаніе въ тюрьмѣ и чрезвычайную нравственную испорченность, независимую и отъ степени умственнаго развитія. Въ свою очередь, приведенныя условія рѣзко выдѣляютъ поставленнаго въ нихъ человѣка изъ среды и жизни другихъ людей не только въ общественномъ, но и въ чисто внутреннемъ, индивидуальномъ смыслѣ. Безусловно отрѣшая преступника отъ общества, они вводятъ его въ особый, замкнутый, своеобразный тюремный міръ. Жизнь, нравы, взгляды и убѣжденія этого міра не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что дѣлается внѣ его, и часто, напротивъ, представляютъ совершенное извращеніе дѣйствительности, явленія странныя и интересныя... Онъ имѣетъ свое обычное право, свои кодексы особой, установившейся нравственности и

чести. Чѣмъ безнравственнѣе и позорнѣе преступленіе въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ ниже паденіе преступника, чѣмъ грубѣе его природа и меньше умственное развитіе, тѣмъ тюремный воздухъ охватываетъ его тѣснѣе, тѣмъ скорѣе и прочнѣе становится онъ членомъ этого тюремнаго общества. Понятно, что представленія о чести, между ними выработавшіяся и укоренившіяся, круто расходятся съ общимъ понятіемъ чести, господствующимъ въ различныхъ сферахъ народа. Нельзя отрицать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы у такого рода преступниковъ не было своей особой, какъ говорится, каторжной чести, но несомнѣнно, что чувства чести, присущаго каждому свободному и чистому человѣку, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ ни находился, арестанты-преступники лишены безусловно Напротивъ, часто то, что въ глазахъ ихъ согражданъ безчестно и налагаетъ на человѣка неизгладимое пятно позора, для нихъ представляется дѣломъ самолюбія, молодечества; что въ глазахъ первыхъ унижаетъ нравственную личность человѣка, то для послѣднихъ возвышаетъ ея достоинство и цѣну и даетъ ей право на уваженіе товарищей. Это обыкновенные и необходимые результаты непримиримой борьбы съ закономъ и обществомъ; но и помимо такихъ случаевъ, позорное въ общепринятомъ смыслѣ положеніе, безчестящіе аттрибуты и символы для указаннаго разряда преступниковъ (которыхъ при настоящемъ положеніи тюремной части можно смѣло назвать закоренѣлыми и неисправимыми) не имѣютъ никакого значенія и проходятъ безслѣдно. Для нихъ поэтому безразличны и немыслимы публично-осрамительныя, лично безчестящія наказанія, а слѣдовательно и нашъ обрядъ публичной казни. Кругъ такихъ преступниковъ очерчивается довольно опредѣленно. Сюда относятся по преимуществу: 1) похитители по ремеслу и по привычкамъ (подразумѣвая подъ этимъ именемъ осужденныхъ и за разбои, и за грабежъ); 2) фальшивые монетчики, поддѣлыватели казенныхъ бумагъ и печатей; 3) убійцы съ цѣлью ограбленія; 4) обвиненные въ противоестественныхъ порокахъ и преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ и т. д. Лишенные всякаго сознанія чести и публич-

наго позора, они относятся къ ожидающему ихъ обряду публичной казни спокойно и равнодушно, какъ къ формальности, необходимо предшествующей отправленію на мѣсто ссылки, т.-е. тому, чего они ждутъ съ особымъ нетерпѣніемъ. Есть и нѣкоторые оттѣнки въ этихъ отношеніяхъ; одни почти открыто, цинически смѣются надъ обрядомъ, принимаютъ его какъ шутку и жалуются на то напрасное безпокойство, которое онъ имъ причиняетъ. Другіе пользуются обрядомъ, чтобы передъ толпою порисоваться молодечествомъ преступника и хоть на одно мгновеніе удовлетворить своей ненависти къ закону и власти, кинувъ присутствующимъ нѣсколько громкихъ и эффектныхъ, витіеватыхъ возгласовъ, разсчитанныхъ на невольный страхъ и сильное впечатлѣніе между слушателями. Третьи, наконецъ, личности, по-своему практическія и дальновидныя, видятъ въ обрядѣ публичной казни денежную выгоду для себя и, желая извлечь ее изъ подаяній публики въ возможно бо́льшихъ размѣрахъ, съ самаго эшафота стараются возбудить къ себѣ сочувствіе и жалость притворно-искаженнымъ лицомъ, потоками слезъ и всѣми грубо поддѣланными признаками дѣйствительнаго и невиннаго страданія. Тюрьма обнаруживаетъ много недюжинныхъ, сильныхъ характеровъ, разъ навсегда избравшихъ дорогу преступленія и порока. Преступники, надѣленные такими характерами, идутъ по этой дорогѣ или съ беззавѣтнымъ удалымъ весельемъ, которому терять нечего, или съ яростнымъ скрежетомъ ожесточенія и непримиримой злобы къ обществу и закону. И тѣ и другіе одинаково твердо держатся своего пути и послѣдовательны во всѣхъ отношеніяхъ своихъ къ внѣшнему міру. Они-то и составляютъ большую часть той категоріи преступниковъ, о которыхъ мы упоминали выше, и чаще другихъ появляются на эшафотѣ, относясь къ нему и къ окружающей его публикѣ съ полупрезрительнымъ, полутупымъ равнодушіемъ; они или почти вовсе не замѣчаютъ, или заставляютъ его служить своимъ личнымъ цѣлямъ. Очевидно, что онъ не можетъ имѣть для нихъ и тѣни карательнаго значенія. Всматриваясь въ лица осужденныхъ во время исполненія обряда публичной казни, мы могли прочесть на нихъ

или непониманіе происходящаго, или невозмутимую безстрастность, или явное и нахальное притворство. Въ тюрьмѣ между арестантами, готовящимися къ „вывозкѣ", не обходится безъ разговоровъ о ней, и намъ извѣстно, что наиболѣе частымъ мотивомъ этихъ разговоровъ бываетъ самая оригинальная похвала обряду публичной казни. Среди тюремнаго міра еще живо преданіе о плетяхъ и торговой казни и сравненіе настоящихъ порядковъ съ этимъ еще незабытымъ прошедшимъ невольно занимаетъ людей, которымъ на себѣ приходится испытать различіе. И вотъ, какъ результатъ этого сравненія, являются фразы въ родѣ того, что „теперь вывозка ничего не стоитъ, катанье одно, любезное дѣло, а вотъ прежняго бы попробовать". Такую фразу мы сами слышали отъ одного арестанта, нетерпѣливо освѣдомлявшагося о времени своей „вывозки" и спрошеннаго нами о причинахъ его нетерпѣнія. Указанное отношеніе большинства осужденныхъ къ обряду публичной казни вызываетъ иногда при исполненіи ея странныя и тягостныя сцены. Выше уже было замѣчено, что эшафотъ и позорный столбъ обращаются иногда въ средство для полученія подаянія. Иногда безцеремонность въ этомъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ Мы слышали, какъ осужденный, прикованный къ позорному столбу, громко и яростно бранился съ палачемъ, подбиравшимъ бросаемыя публикой деньги, подозрѣвая его въ намѣреніи утаить и присвоить себѣ часть сбора. У того же столба другой осужденный привѣтливо раскланивался съ публикой въ знакъ благодарности, когда къ нему на эшафотъ подавали прислужники болѣе крупное подаяніе въ видѣ серебряной монеты. Съ такимъ видомъ и выраженіемъ актеры раскланиваются за болѣе шумныя и лестныя рукоплесканія... На нашихъ глазахъ преступникъ, патріархально уѣзжая послѣ обряда на дровняхъ съ тюремнымъ сторожемъ, считалъ на колѣняхъ собранныя деньги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающее, точно не его сейчасъ позорно и публично постигла „гражданская смерть..." Не менѣе странны сцены эшафотной рисовки. Окидывая толпу взглядомъ, который старается сдѣлать страшнымъ, осужденный всходитъ на эшафотъ и традиціоннымъ поклономъ кланяется народу на всѣ 4 стороны, при

этомъ громкимъ и жалобнымъ голосомъ иногда приговариваетъ: „простите, православные, въ чемъ согрѣшилъ предъ вами окаянный". Слыша нѣсколько разъ этотъ возгласъ, мы невольно подумали, неужели это преданіе Стеньки Разина и Пугачева, изъ одного тюремнаго поколѣнія въ другое преемственно дошедшее до нашего времени? Но что̀ тогда было страшно и исполнено смысла, то теперь является грустной и пошлой комедіей... Иногда съ эшафота болѣе смѣлые и бойкіе осужденные покушаются держать къ народу цѣлыя рѣчи, но бой барабана мгновенно покрываетъ ихъ голосъ. Только слова: „напрасно терплю, православные, ни за что погибаю", которыми обыкновенно начинаются такія рѣчи, успѣваютъ долетать до толпы. Непзмѣнный мотивъ воззванія — несправедливое осужденіе, безвинное страданіе, козни органовъ власти суда. Называются имена тѣхъ изъ нихъ, которымъ преступникъ приписываетъ наибольшее участіе въ своемъ осужденіи, и иногда эти имена спровождаются цѣлымъ градомъ ругательствъ, заглушаемыхъ барабаномъ. Намъ случилось видѣть сцену, которая не могла не оставить глубокаго и тяжелаго впечатлѣнія. Исполнялся обрядъ публичной казни надъ дѣтоубійцей, зажиточнымъ крестьяниномъ, осужденнымъ за отравленіе маленькаго сына, съ цѣлью воспользоваться наслѣдствомъ, оставленнымъ ему дѣдомъ. Приговоренный къ безсрочной каторгѣ, преступникъ, высокій и видный мужчина съ сверкающими глазами и умнымъ блѣднымъ лицомъ, твердо и смѣло вошелъ на эшафотъ. Не успѣли приковать его къ столбу, какъ послышался его громовый и прерывистый голосъ. Искаженное злобой лицо подергивалось судорогой, голова дрожала отъ волненія и крѣпкія руки безсильно загремѣли кандалами. Обратившись къ народу, онъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ, пока опомнились отъ невольнаго страннаго чувства должностныя лица и приказано было бить въ барабанъ. Пересыпая слова потокомъ страшной брани, преступникъ сказалъ, что не онъ убійца своего сына, какъ написано у него на груди, а его самого, „отца несчастнаго и сокрушеннаго, убили для жизни, навѣки погубили безвинно". Затѣмъ онъ произнесъ имя того должностного лица, дѣйствіямъ котораго онъ исключительно приписывалъ свою участь,

и столько страстной, неутолимой, хоть и безсильной ярости было въ выраженіи, съ которымъ сказаны были послѣднія слова, въ звукѣ голоса, въ странныхъ и страшныхъ угрозахъ и ругательствахъ, что невольный ужасъ на мгновеніе пробѣжалъ по присутствующимъ. Народъ стоялъ вокругъ огромной толпою и, затаивъ дыханіе, ловилъ каждое слово. Испугъ и недоумѣніе отражались на лицахъ. Толпа какъ будто на минуту поддалась внутренней силѣ преступника, обаянію его грозной жалобы и не знала, что думать. Громъ барабана и сведеніе осужденнаго съ эшафота разрѣшили все напряженіе, но мы не могли не спросить себя, неужели такія сцены благотворны для преступника и назидательны для народа?...

Исключеніе изъ упомянутой категоріи преступниковъ и переходъ къ другому разряду составляютъ осужденные, преступники тоже по ремеслу и призванію, но умственно развитые, принадлежащіе къ сравнительно высшему, интеллигентному классу общества. Ихъ нравственное паденіе гораздо глубже и сознательнѣе испорченности тѣхъ безхитростныхъ, неразвитыхъ преступниковъ, о которыхъ мы говорили, но публичная казнь дѣйствуетъ и должна дѣйствовать на нихъ гораздо сильнѣе. Въ обществѣ они пользовались слишкомъ многими и слишкомъ цѣнными благами, чтобы не ощутить всей тяжести обрушившагося на нихъ позора. Имъ понятно, что кромѣ него въ моментъ публичной казни совершается невозвратимая потеря всѣхъ благъ человѣка и преимущественно тѣхъ, на которыхъ построена жизнь такихъ людей, ради которыхъ совершаютъ они преступленія. Истинной личной чести они, конечно, не знаютъ, но ее замѣняетъ для нихъ роль или положеніе въ обществѣ, между себѣ подобными, съ одной стороны, и наслажденіями міра сего, съ другой. И все это такъ позорно и страшно попирается обстановкой обряда, его публичностью. Отсюда то болѣзненное и сильное ощущеніе, которое такіе преступники почти никогда не могутъ скрыть во время обряда. Это ощущеніе не столько стыда и сожалѣнія, сколько злобнаго страданія и безсильнаго ожесточенія. Послѣднее и придаетъ ему тотъ же отрицательный характеръ по отношенію къ цѣли обряда, которымъ

отличаются всѣ уже разсмотрѣнныя его дѣйствія. Дѣлая возвратъ въ общество и хотя бы внутреннее примиреніе съ нимъ, — свидѣтелемъ позора, — немыслимымъ и невозможнымъ, обрядъ какъ бы даетъ послѣднюю санкцію полному нравственному паденію преступника и окончательно вооружаетъ всѣ его силы противъ добра, закона и чести. Терять ему становится больше нечего, а улучшеніе положенія можетъ быть только отъ успѣшнаго побѣга или новаго преступленія. Съ нравственной же стороны обрядъ публичной казни не вызываетъ раскаянія въ томъ, кто, не почувствовавъ его, дошелъ до эшафога, а напротивъ, усиливаетъ и укрѣпляетъ его закоренѣлость. Мы имѣли случай видѣть, какъ совершался обрядъ публичной казни надъ извѣстнымъ въ свое время докторомъ О*. осужденнымъ вмѣстѣ съ другими лицами за подлогъ только-что выпущенныхъ государственныхъ бумагъ на крупную сумму. Дѣло о немъ надѣлало много шума нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и молва представляла преступника, игравшаго въ дѣлѣ главную роль,—человѣкомъ развитымъ и умнымъ, высокообразованнымъ, чуть не замѣчательною личностью. Онъ появился на площади, привязанный къ позорной колесницѣ, рядомъ съ пастухомъ изъ Зубцовскаго уѣзда, осужденнымъ за грабежъ. Фигура послѣдняго, тупая и грубая, лицо, расплывшееся въ полу-наглую, полу-глупую широкую улыбку, представляло странный контрастъ съ выразительнымъ и блѣднымъ лицомъ его товарища. Глубокое и затаенное страданіе чуткаго и впечатлительнаго человѣка, помимо его воли, сказывалось въ его движеніяхъ и взглядѣ, въ нервной дрожи, которую онъ напрасно старался преодолѣть во время обряда. Во время продолжительнаго чтенія приговора онъ стоялъ, опустивъ глаза, закусивъ губы и судорожно сжимая блѣдныя, тонкія руки. Къ концу чтенія онъ не выдержалъ и, шатаясь, схватился за руки стоявшаго рядомъ съ нимъ тюремнаго прислужника, потомъ немного оправился, свободною рукою разстегнулъ воротъ голландской рубашки, выставившейся изъ-подъ халата, досталъ изъ кармана его флакончикъ съ какими-то солями и все время не отнималъ ихъ отъ лица. Была ли то искусная комедія или искреннее, непреодолимое волненіе, мы не могли опредѣлить,

по эти утонченныя манеры, эти сохранившія изящность проявленія горя среди обстановки обряда публичной казни, которую преступникъ, повидимому, слишкомъ хорошо понималъ и прочувствовалъ,—все это производило тяжелое и непріятное впечатлѣніе чего-то уродливаго, лишняго и неумѣстнаго... Когда его взвели на эшафотъ и привязали къ столбу спина съ спиною все съ тѣмъ же случайнымъ товарищемъ по публичному позору, народъ увидѣлъ, какъ ловкій и смѣлый фальсификаторъ безмолвно и горько заплакалъ, и, какъ дитя, глотая слезы и тихо всхлипывая, безсильно опустилъ на грудь голову, въ которой уже пробивалась сѣдина. „Шшь, сердечный, какъ убивается", тихо послышалось въ народѣ, и преступникъ пріобрѣлъ въ эту минуту то, чего нисколько не заслуживало его позорное, тонко задуманное и выполненное дѣло,—жалость и сострадание своихъ согражданъ... Не вдаваясь въ подробности объ осужденныхъ, чувствительныхъ къ обряду публичной казни и переносящихъ его съ особеннымъ страданіемъ, мы ограничимся лишь указаніемъ на то, что, по нашимъ наблюденіямъ, къ нимъ чаще всего принадлежатъ: 1) вообще осужденные за преступленія, въ которыхъ корысть не играетъ никакой роли, какъ, наприм., убійцы изъ побужденій не матеріальныхъ, по мести, ревности, любви къ другому, убійцы въ раздраженіи, поджигатели изъ мести и вражды, еретики, раскольники и т. п.; 2) принадлежащіе къ высшему классу общества развитые люди; 3) получившіе образованіе; 4) женщины; 5) молодые преступники, едва достигшіе совершеннолѣтія. Такая классификація, конечно, не можетъ служить неизмѣннымъ правиломъ, бываютъ исключенія и среди лицъ съ противоположными условіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и остаются лишь исключеніемъ изъ общаго. Изъ сдѣланнаго перечня, въ особенности по отношенію къ первому разряду, оказывается, что обрядъ публичной казни дѣйствуетъ сильнѣе и мучительнѣе на тѣхъ именно преступниковъ, которые еще не утратили своего человѣческаго достоинства, чувства чести и стыда, которые не могли или не успѣли закалиться въ преступленіи. Преступивъ законъ, большая часть ихъ дѣяніями своими не наложили на себя личнаго позора, по крайней мѣрѣ хоть въ собствен-

ныхъ своихъ глазахъ. Ихъ привели къ преступленію не столько нравственная испорченность и глубоко укоренившійся порокъ, сколько случай, темпераментъ и заблужденіе. Они доступны раскаянію и могутъ искренно и горько оплакивать свои дѣла. Словомъ, это всѣ тѣ, которые не совсѣмъ еще погибли, если не для общества, то для добра и чести, кому открытъ еще возвратъ къ нравственной чистотѣ. На нихъ обрядъ публичной казни ложится всей своею страшной тяжестью, они-то именно во время его исполненія получаютъ свыше мѣры содѣяннаго и терпятъ двойную кару—матеріальную и нравственную, которой не существуетъ для закоснѣлаго и нераскаяннаго преступника. Предѣлы и задача нашего очерка не имѣютъ цѣлью представить развитіе этой понятной и очевидной истины, которую французскій законъ 12-го апрѣля 1848 г. назвалъ страшной неравномѣрностью публично-осрамительнаго наказанія. Мы приведемъ въ видѣ примѣровъ лишь нѣсколько случаевъ изъ практики нашего обряда публичной казни. По отношенію къ нимъ нельзя не замѣтить, что если вообще все содержаніе обряда, его обстановка, его подробности производятъ и на развитого зрителя, и на безсознательную массу впечатлѣніе тяжелое и непріятное, иногда сильное и долгое, вызываютъ послѣдствія серьезныя и безусловно вредныя, то эти дѣйствія обряда неизмѣримо возрастаютъ и расширяются, когда преступникъ на виду у всѣхъ обращается въ жалкую, безпомощную жертву, подавленную и изнемогающую подъ непосильнымъ страданіемъ, отданнымъ на поруганье вмѣстѣ съ честью человѣческой личности. Мы не могли равнодушно слышать рыданія съ эшафота у позорнаго столба и полагаемъ, что мало найдется очевидцевъ обряда публичной казни, которые не почувствовали бы того же тягостнаго ощущенія. Мы помнимъ молодую женщину, осужденную за дѣтоубійство (новорожденнаго ребенка), лишившуюся чувствъ у позорнаго столба и упавшую на руки отвязывавшихъ ее людей, когда ее снесли съ эшафота и положили на травѣ передъ нимъ для того, чтобы привести въ чувство; блѣдное, истощенное лицо съ закрытыми глазами казалось мертвымъ. Докторъ, тутъ же присутствовавшій и осмотрѣвшій преступ-

ницу, нашелъ ее серьезно больною и выразилъ мнѣніе, что ея разстроенный организмъ не могъ выдержать нравственнаго потрясенія во время церемоній обряда. Но свидѣтельствовать осужденныхъ черезъ врачей передъ обрядомъ для опредѣленія, могутъ ли они безъ вреда для своего здоровья ему подвергнуться, по закону не полагается и было бы излишнею подробностью при наказаніи, неимѣющемъ по смыслу закона значенія тѣлеснаго. Мы помнимъ также женщину замужнюю, вовлеченную своимъ любовникомъ въ пассивное участіе при грабежѣ и приговоренную къ ссылкѣ на поселеніе не въ столь отдаленныя мѣста Сибири. Привезенная на площадь вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ, она въ продолженіе всего обряда не сводила съ него глазъ, налитыхъ кровью, а когда ее рядомъ съ нимъ поставили къ позорному столбу, она вдругъ закричала такимъ пронзительнымъ и страшнымъ голосомъ, что всѣ невольно вздрогнули. Потомъ она заголосила и съ громкимъ причитаньемъ, дико разносившимся по площади, стала укорять стоящаго рядомъ съ ней преступника въ своей погибели и вспоминать оставшихся дома безъ крова и хлѣба „малыхъ дѣтокъ, сиротокъ неповинныхъ“. Барабанный бой заглушилъ ея голосъ, но онъ долго еще раздавался въ ушахъ, а въ народѣ, медленно расходившемся съ площади, пошли толки о видѣнномъ, частью грубые и циническіе, частью не совсѣмъ лестные для карающаго правосудія. При большомъ стеченіи народа въ губернскомъ городѣ исполнялся обрядъ публичной казни надъ дворяниномъ полякомъ, поступившимъ въ военную службу солдатомъ, черезъ 25 лѣтъ уволеннымъ въ отставку съ офицерскимъ чиномъ. Онъ приговоренъ былъ къ каторгѣ за убійство своей жены, которую уличилъ въ невѣрности и убилъ на мѣстѣ. Участью его интересовалось губернское общество, и на площадь собралось много такъ называемой чистой публики. Спокойное и умное лицо преступника выражало твердую рѣшимость и гордое суровое смиреніе. Намъ показалось, что онъ давно готовился къ этой минутѣ и рѣшился вынести ее съ достоинствомъ, какъ неизбѣжную и заслуженную кару. За отсутствіемъ католическаго священника онъ не могъ принять духовнаго напутствія и въ

теченіе 23-хъ минутъ усердно и горячо молился одинъ, стоя на колѣняхъ. На эшафотъ онъ взошелъ размѣреннымъ и тихимъ шагомъ. Во всей его фигурѣ выражалось обдуманное спокойствіе и покорность; казалось, что отъ него не увидать присутствующимъ ни малѣйшаго проявленія слабости или волненія. Но и онъ не выдержалъ. Когда къ нему приблизился палачъ со шпагою и поднялъ ее у него надъ головою, ожидая снизу приказанія ломать, вся рѣшимость и достоинство измѣнили осужденному. Онъ поблѣднѣлъ какъ полотно и судорожно задвигался на своей ступенькѣ у столба. Лицо передернулось и исказилось, губы раскрылись, какъ бы желая что-то сказать. Откинувъ голову назадъ, сколько было можно, онъ съ широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на шпагу, которую въ это время неловко и съ трудомъ ломалъ надъ нимъ палачъ. Наконецъ шпага уступила, переломилась и куски ея, разлетѣвшись въ стороны, ударились объ эшафотъ Тогда среди всеобщей тишины послышалось на эшафотѣ громкое рыданіе преступника. Цѣлые ручьи слезъ потекли по лицу, покрытому морщинами, на сѣрый халатъ, и онъ, глотая слезы и всхлипывая, видимо старался, но не могъ удержать ихъ. Нѣсколько минутъ онъ плакалъ, какъ можетъ плакать только слабая, безпомощная женщина, а когда его стали отвязывать отъ столба, рыданія превратились чуть не въ истерику, и все кончилось нервнымъ припадкомъ, которому онъ, однакожъ, по словамъ тутъ же стоявшаго тюремнаго врача, еще ни разу во время своего заключенія не подвергался. „Вотъ вѣдь гордый и злобный какой человѣкъ,—вполголоса замѣтилъ тюремный священникъ,—совсѣмъ каменный, а какъ дворянской чести лишать стали, не сдержалъ своего сердца, духомъ упалъ...“ „Нашему такъ бы не сконфузиться,—сказалъ частный приставъ,—это все гоноръ шляхетскій“.

Въ другой разъ мы видѣли, какъ выводили на площадь для обряда публичной казни двухъ старыхъ скопцовъ. Сбросивъ въ послѣднюю минуту свою обыкновенную личину православія, они замотали головами и отвернулись, когда къ нимъ подошелъ священникъ съ крестомъ, и такъ и не приняли напутствія. Во время выставки на эшафотѣ народъ съ особымъ любопытствомъ

разсматривалъ ихъ сморщенныя, безволосыя, точно воскомъ налитыя лица. Они взошли на эшафотъ, усиленно и учащенно крестясь дрожащими руками и все время, пока стояли у столба, поднимали глаза къ небу и что-то бормотали своими старческими губами. Потомъ одинъ заговорилъ шамкающимъ и путающимся языкомъ. Мы могли разобрать только: „за вѣру, за вѣру безвинно страдаемъ, за Господа Бога за нашего"... Лица и фигуры преступниковъ говорили о напряженномъ умиленіи, чуть не о довольствѣ Было ясно, что они считали себя мучениками за вѣру, что старые фанатики почти наслаждались во время исполненія обряда, который сдѣлался для нихъ вовсе не неизгладимымъ безчестіемъ, а ореоломъ святости. И здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ только это намъ случалось наблюдать, онъ видимо и ясно не достигъ ни одной изъ своихъ цѣлей, а напротивъ, принесъ обратные результаты, противные общему духу и направленію закона.

Врядъ ли представляется надобность приводить еще примѣры изъ ихъ безчисленнаго количества, которое увеличивается съ каждымъ весеннимъ днемъ, съ каждымъ новымъ обрядомъ. Указанными фактами достаточно намѣчены нѣкоторыя дѣйствія обряда публичной казни на самихъ преступниковъ, и мы, считая свой слабый трудъ окопченнымъ, рѣшаемся сдѣлать изъ всего изложеннаго выше нѣсколько конечныхъ выводовъ.

Публично-осрамительныя наказанія вообще и въ частности публичная выставка преступниковъ или обрядъ публичной казни представляютъ въ теоріи и практикѣ права явленіе историческое, прошедшее уже черезъ всѣ фазисы своего развитія и давно отжившее. Въ Западной Европѣ наука уголовнаго права въ полномъ и тѣсномъ единеніи съ положительнымъ законодательствомъ повсемѣстно высказались противъ этихъ наказаній и въ силу строго логическихъ мотивовъ опредѣлили ихъ окончательную и безусловную отмѣну. Для современной европейской науки уголовнаго права, вопросъ о нихъ есть вопросъ уже давно рѣшенный и въ настоящее время для практики совершенно праздный и важный лишь въ историческомъ отношеніи. У насъ, въ Россіи, публично-осрамительныя наказанія имѣютъ

также свою исторію, но еще далеко не вступившую въ свой послѣдній періодъ. Для насъ они явленіе настоящаго, важное по своему содержанію и послѣдствіямъ и для законодателя, и для ученаго юриста, и для юриста-практика. Въ новомъ законѣ они оказываются живымъ остаткомъ стараго. Этотъ остатокъ связанъ съ общими и основными принципами новаго уголовнаго закона лишь искусственно и формально, противорѣча духу ихъ всею своею сущностью. Противъ его сохраненія уже 2 раза печатно и оффиціально высказались наиболѣе компетентные русскіе юристы. Въ свою очередь, наша новая судебная практика категорически и убѣдительно доказываетъ полную несостоятельность единственнаго, сохранившагося у насъ публично-осрамительнаго наказанія — обряда публичной казни. Эта несостоятельность очевидна для общества и глубоко имъ сознана. По отношенію къ исполнителямъ обрядъ публичной казни представляется тяжелою обязанностью, исполняемою съ убѣжденіемъ въ совершенной безуспѣшности своего дѣла. По отношенію къ народу и преступнику обрядъ этотъ не только не достигаетъ своихъ цѣлей, но по послѣдствіямъ даетъ результаты противоположные и слишкомъ часто вредные. И общество, и русскіе криминалисты, и русскіе преступники готовы къ тому послѣднему слову объ обрядѣ публичной казни, которое можетъ сказать одно только неустанно движущееся и развивающееся законодательство.

Прежде чѣмъ заключить нашъ очеркъ, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать одно бѣглое и небольшое замѣчаніе. Приходя къ убѣжденію о необходимости отмѣны обряда публичной казни, нельзя и думать отрицать абсолютное значеніе и важность 2-хъ дѣйствующихъ въ немъ факторовъ: публичности наказанія, съ одной стороны, и общественно-личнаго позора, какъ результата преступленія, съ другой. Извѣстная доля практической пользы, заключающейся въ томъ и другомъ, признается многими юристами. Все дѣло лишь въ выборѣ формъ и средствъ и въ способѣ пользованія ими. Предполагая для примѣра, что нашъ обрядъ публичной казни уже отмѣненъ, мы задаемъ себѣ вопросъ, чѣмъ же замѣнить публичное оглашеніе тяжкаго уголовнаго приговора и доведеніе его тѣмъ до всеобщаго свѣдѣ-

нія, а также и опредѣленное проявленіе для народа и преступника сознанія того, что преступленіе налагаетъ на виновнаго нравственное безчестье. Важно и желательно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, чтобы народъ зналъ о совершившемся тяжкомъ преступленіи и приговорѣ, его окончательно постигшемъ. Важно это, между прочимъ, и потому, что публика, присутствовавшая въ судебномъ засѣданіи, разнесетъ такія свѣдѣнія среди лишь ограниченнаго круга общества и дѣло затѣмъ можетъ проходить слѣдующую инстанцію и получить впослѣдствіи другой исходъ. Для разрѣшенія первой части вопроса можно было бы, намъ кажется, обратиться къ иностраннымъ кодексамъ. Изъ нихъ между прочими французскій и германскій (прусскій) опредѣляютъ оглашеніе приговора о тяжкомъ уголовномъ преступленіи путемъ печати, а первый, кромѣ того, и посредствомъ особыхъ объявленій, выставляемыхъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. На основаніи ст. 36 code pénal, приговоры судовъ, осуждающіе на смертную казнь, каторжныя работы, заключеніе въ крѣпости, заключеніе въ maison de force (reclusion) и лишеніе правъ (dégradation), печатаются въ газетахъ и вывѣшиваются: 1) въ главномъ городѣ департамента; 2) въ городѣ, гдѣ состоялся приговоръ; 3) въ той коммунѣ, гдѣ совершено преступленіе; 4) въ коммунѣ, гдѣ приговоръ приведенъ въ исполненіе; 5) въ прежнемъ мѣстѣ жительства преступника. По германскому уложенію въ правительственной газетѣ того города, въ которомъ дѣло рѣшено судомъ, приговоръ печатается, если онъ осуждаетъ преступника на смертную казнь, работы въ Zuchthaus (каторжныя) и заключеніе въ тюрьмѣ свыше 5 лѣтъ. Намъ кажется, что примѣненіе такого порядка и у насъ, при отмѣнѣ обряда публичной казни, было бы весьма удобно и далеко не безполезно, въ особенности въ будущемъ, съ развитіемъ грамотности, гласности и печати. Это было бы тѣмъ болѣе умѣстно, что и наше настоящее законодательство не чуждо указаннаго пріема уголовной политики и въ ст. 58 улож. о нак. опредѣляетъ оглашеніе приговора черезъ припечатаніе его въ вѣдомостяхъ, но лишь въ случаяхъ крайне исключительныхъ.

Что же касается до второй части вопроса, то мы можемъ

указать для разрѣшенія его только на изреченіе, поставленное въ видѣ эпиграфа къ настоящему очерку. Высокій смыслъ этого изреченія одинъ только можетъ опредѣлить замѣну нравственнаго позора, причиняемаго обрядомъ публичной казни въ законной формѣ. Теорія и опытъ доказали, что сознаніе безчестія, приносимаго преступленіемъ, не прививается законными насильственными средствами. Оно дѣйствительно и плодотворно только тогда, когда живетъ въ самомъ обществѣ и исходитъ изъ самаго существа преступнаго дѣянія, какъ его органическое и неизбѣжное послѣдствіе. Эшафотъ безсиленъ тамъ, гдѣ это сознаніе еще слабо, гдѣ общество относится легко къ преступленіямъ и преступникамъ. Онъ становится ненужнымъ и безцѣльнымъ, когда общество презираетъ преступника и отвращается отъ его дѣянія, не потому только, что такъ повелѣваетъ законъ и карательная власть, а потому, что преступленіемъ возмущается общественная совѣсть, чувство личной чести гражданина и человѣка, распространенное и укрѣпившееся въ народѣ. Русскому обществу далеко еще до такого высокаго общественнаго негодованія, но едва ли однѣ законодательныя мѣры могутъ способствовать его развитію.

Мы можемъ затѣмъ только выразить надежду, что разсмотрѣнный вопросъ будетъ возбужденъ въ ближайшемъ будущемъ въ установленномъ порядкѣ. Мы твердо убѣждены, что разрѣшеніе его въ пользу отмѣны обряда публичной казни вообще и сохраненія ея лишь для дѣйствительной политической смерти займетъ далеко не послѣднее мѣсто среди великихъ преобразованій нашего времени. Мы думаемъ, что постановленіе такого рода составитъ одно изъ крупныхъ преимуществъ предполагаемаго новаго уложенія о наказаніяхъ и будетъ встрѣчено съ глубокимъ сочувствіемъ и благодарностью всѣми, кому дороги успѣхъ закона и правильное юридическое развитіе народа. И если настоящій скромный очеркъ принесетъ этому дѣлу хотя малѣйшую долю пользы, мы сочтемъ себя счастливыми, а цѣль свою достигнутою [1]).

---

[1]) Обрядъ публичной казни отмѣненъ закономъ 22 мая 1880 г. для всѣхъ уголовныхъ наказаній, кромѣ смертной казни и политической смерти.

О ПРЕДМЕТѢ И ИЗУЧЕНІИ УГОЛОВНАГО СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА [1]).

(1875 г.).

Наука уголовнаго судоустройства и судопроизводства или судебно-уголовнаго права не требуетъ для опредѣленія своего предмета ни философскихъ изысканій въ области чистаго мышленія, ни восхожденія къ общимъ и основнымъ юридическимъ принципамъ. Отличаясь характеромъ по преимуществу практическимъ и реальнымъ, вѣрная своимъ жизненнымъ цѣлямъ, она довольствуется сознаніемъ того положительнаго факта, что государство, имѣя право преслѣдовать и наказывать своихъ преступниковъ, осуществляетъ это право посредствомъ установленія уголовнаго суда въ обширномъ смыслѣ понятія о немъ. Она предоставляетъ наукѣ права уголовнаго доказывать и выводить такое право государства на преслѣдованіе и наказаніе нарушителей уголовнаго закона и устанавлять, кто, когда и при какихъ условіяхъ можетъ считаться его нарушителемъ. Ученія судебно-уголовнаго права исходятъ, съ одной стороны, изъ простого факта существованія уголовнаго суда въ государствѣ, а съ другой—изъ безусловной необходимости его въ человѣческомъ обществѣ. Къ первому они относятся какъ къ явленію дѣйствительнаго міра, несомнѣнному и непреложному, вторую они

[1]) Вступительная лекція, читанная въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 16-го сентября 1875 года—Русскій Вѣстникъ 1875 г., октябрь.

принимаютъ за аксіому, положеніе, доказательствъ не требующее. Отсюда предметъ ихъ опредѣляется широко, свободно и просто. Наша наука разсматриваетъ и изучаетъ примѣняющій уголовный законъ, уголовный судъ, какъ государственное правовое учрежденіе, построенное на томъ же органическомъ соединеніи великихъ началъ правды, справедливости и пользы, которое проходитъ черезъ всѣ положительные юридическіе институты современнаго человѣческаго строя. Словомъ, это — наука объ уголовномъ судѣ.

Въ такомъ опредѣленіи не должно смущать то кажущееся съ перваго взгляда свойство его, по которому оно является какъ бы понятіемъ второго порядка, зависимымъ, второстепеннымъ, и которое, повидимому, можетъ привести къ заключенію о томъ, что наука объ уголовномъ судѣ не самостоятельна, что она есть только часть науки уголовнаго права, и притомъ часть, получающая отъ цѣлаго и всѣ свои высшіе принципы, и всѣ свои конечныя цѣли. Прежде всего такое заключеніе съ внѣшней стороны вполнѣ справедливо. Въ общемъ циклѣ ученій о репрессивномъ правѣ государства нерѣдко встрѣчается обобщеніе, по которому всѣ стороны этого права подводятся подъ одно общее понятіе, подъ одну общую науку — уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ. Она распадается на двѣ внѣшнимъ образомъ связанныя между собою части, матеріальное уголовное право, излагающее ученіе о нормахъ уголовнаго закона, о томъ, что̀ запрещается государствомъ подъ страхомъ наказанія, и уголовное право формальное или науку объ уголовномъ судѣ, излагающую самый порядокъ осуществленія уголовнаго закона, способы и формы его примѣненія. Въ указанномъ построеніи наша наука дѣйствительно представляется лишь частью одного огромнаго цѣлаго, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта часть, сама по себѣ взятая и разсматриваемая отдѣльно, не могла составлять отдѣльнаго цѣлаго, самостоятельнаго и свободнаго. Зависимость отъ одного общаго, верховнаго принципа, въ данномъ случаѣ отъ права государства преслѣдовать и наказывать преступниковъ, есть зависимость только внѣшняя, и не столько зависимость, сколько связь,

отношеніе. Приглядѣвшись внимательнѣе и ближе къ этому отношенію, мы увидимъ, что внутреннее, истинное значеніе нашей науки не только ставитъ ее рядомъ съ наукой уголовнаго права въ тѣсномъ смыслѣ его, но и съ извѣстной точки зрѣнія даже даетъ ей нѣкоторый перевѣсъ.

Изъ науки уголовнаго права извѣстно, что послѣднее есть необходимая санкція всѣхъ другихъ правъ человѣчества, сила непрестанно ихъ охраняющая и обезпечивающая, при свободномъ и правильномъ ихъ развитіи, свободную и правильную дѣятельность человѣка. Въ свою очередь, уголовный судъ можетъ быть названъ санкціей уголовнаго закона, необходимымъ условіемъ его дѣйствительности. Онъ есть та сила, которая приводитъ въ дѣйствіе уголовный законъ и безъ которой онъ оставался бы мертвою буквой, безпомощною и жалкою отвлеченною теоріей. Они стоятъ другъ къ другу въ отношеніи принципа къ средству, его осуществляющему. И если средство безъ цѣли и принципа есть орудіе гибельное и безсмысленное, то, наоборотъ, и принципъ безъ средства есть начало безжизненное и безполезное. Есть еще и другое, такъ сказать, практическое проявленіе этой связи. Оно касается качественнаго отношенія между тѣмъ и другимъ институтомъ и выражается въ ихъ вѣковомъ историческомъ опытѣ. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ хорошій уголовный законъ обыкновенно обусловливалъ собою хорошій уголовный судъ, и наоборотъ. Но если порою равновѣсіе это нарушалось, то всегда при одномъ и томъ же неизмѣнномъ условіи: не уголовный судъ запаздывалъ на пути улучшеній и реформы, а всегда уголовный законъ. Судъ шелъ впереди закона, имъ примѣняемаго, и сглаживая его неровности и разъединеніе съ жизнью, смягчалъ вредное дѣйствіе устарѣлыхъ его частей и подготовлялъ его полное обновленіе.

Таково жизненное практическое соотношеніе уголовныхъ суда и закона. Вопросъ о томъ, что̀ хуже и опаснѣе для благосостоянія всѣхъ вмѣстѣ и личной свободы каждаго отдѣльно, — дурное ли, несовершенное уголовное право страны или дурной, несовершенный ея уголовный судъ, положительно разрѣшается въ пользу послѣдняго. Гражданинъ можетъ еще

оградить себя отъ дурныхъ уголовныхъ законовъ, тщательно соображаясь съ ними, до извѣстной степени по ихъ указаніямъ стѣсняя свою свободу, не позволяя себѣ совершать того, что хотя само-по-себѣ не преступно, но запрещено несовершеннымъ закономъ. Но онъ лишенъ всякой возможности уберечь свою личность и свою свободу отъ уголовнаго суда жестокаго и неправаго. Невинный не можетъ предугадать, гдѣ, какъ и когда постигнутъ его удары уголовной репрессіи, и всегда остается подъ ними безпомощною и безсильною жертвой. Поэтому и въ историческомъ сознаніи общества и народа замѣтно рѣзко различное отношеніе къ тому и другому явленію. Между тѣмъ какъ запрещеніе того, что по нравственному убѣжденію народа должно быть дозволено, или молчаніе уголовнаго закона о томъ, что по тому же убѣжденію слѣдуетъ считать преступнымъ, возбуждаютъ только спокойное порицаніе, умѣренный протестъ развитыхъ слоевъ общества,—образъ невинно-преслѣдуемаго, невинно-осужденнаго и наказаннаго вызываетъ цѣлую бурю, неудержимый взрывъ негодованія, иногда съ быстротой и силой пламени охватывающій массы. Понятія о нравственно и законно-преступномъ слагаются вѣками, но всегда зависятъ отъ даннаго состоянія культуры, всегда отражаютъ на себѣ степень умственнаго развитія общества и тотъ свѣтъ, въ которомъ въ данную эпоху оно видитъ предметы. Къ жесточайшимъ казнямъ и пыткамъ среднихъ вѣковъ, преслѣдованіямъ магіи и чернокнижія, кровавымъ гоненіямъ еретиковъ и другихъ преступниковъ вѣры духъ нашего времени относится съ ужасомъ и негодованіемъ. Но мы знаемъ, что было время, когда за все это стояли и ратовали народныя вѣрованія, и всѣ эти теперь возмущающія насъ явленія были ихъ непосредственнымъ и прямымъ продуктомъ. Напротивъ того, горячее чувство негодованія при видѣ уголовной кары, поражающей невиннаго, по самой сущности своей безусловно; оно свойственно всѣмъ временамъ, всѣмъ странамъ, всякой цивилизаціи. Оно есть чувство естественное, прирожденное человѣку, стоящее внѣ всякой зависимости отъ его разсудка. Оно неизбѣжно высказывается во взглядѣ его на уголовный судъ. Исторія и современная жизнь

человѣчества представляютъ въ подтвержденіе сказаннаго многочисленныя и разнообразныя доказательства.

Нѣтъ страны въ мірѣ, которая стояла бы выше Англіи въ дѣлѣ культуры, и нѣтъ въ то же время въ образованномъ мірѣ страны, которая имѣла бы болѣе несовершенные уголовные законы, такую нестройную и пеструю массу историческихъ наслоеній, часто остатковъ жестокаго и темнаго прошлаго. А между тѣмъ англійскій уголовный судъ, прославленный своимъ совершенствомъ, служитъ до сихъ поръ первообразомъ современнаго уголовнаго суда европейскихъ народовъ и часто выставляется какъ ихъ неизмѣнный и недосягаемый идеалъ. И англичане съ тѣмъ глубокимъ національнымъ консерватизмомъ, который характеризуетъ англосаксонское племя, упорно держатся своего стараго уголовнаго суда и закона, ревниво охраняютъ ихъ отъ всякихъ реформъ и утверждаютъ, что послѣдній исправляется первымъ, и дурное уголовное право страны, примѣняемое хорошимъ ея уголовнымъ судомъ, не оставляетъ желать имъ ничего лучшаго.

Не менѣе рѣзкій примѣръ, хотя и въ другомъ отношеніи, представляютъ послѣднія наиболѣе выдающіяся событія въ юридической жизни Италіи. Къ немалому удивленію передовыхъ дѣятелей европейскаго общества, итальянское народное представительство въ 1873 году, послѣ ожесточенныхъ преній, значительнымъ большинствомъ высказалось не только за сохраненіе смертной казни въ уголовномъ кодексѣ, но и за нѣкоторое распространеніе ея дѣйствія. Вопросъ же о смертной казни, о необходимости ея уничтоженія, еще со временъ Миттермайера считается поконченнымъ и порѣшеннымъ въ европейской наукѣ. Такая единодушная защита смертной казни и побѣда ея, при разработкѣ новѣйшаго уголовнаго кодекса, основаннаго на послѣднихъ данныхъ науки и гуманныхъ идеяхъ одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ криминалистовъ, Каррары, можетъ считаться шагомъ назадъ, признакомъ нѣкотораго несовершенства національнаго уголовнаго права. Но то же самое итальянское представительство, опираясь на громко высказываемое общественное мнѣніе, рѣшительно отбросило предположеніе о временномъ пріостановленіи въ Сициліи дѣйствія суда присяжныхъ и дру-

гихъ гарантій уголовной юстиціи, пріостановленіи, между тѣмъ, вызываемомъ безпорядками въ этой провинціи.

Если мы затѣмъ обратимся къ собственному своему, русскому, уголовному праву, то и оно представитъ намъ также хорошій примѣръ и обычнаго равновѣсія его съ уголовнымъ судомъ, и исключительнаго превосходства послѣдняго. 20-го ноября 1864 года Россіи дарованъ былъ судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ, судъ, основанный на новыхъ, великихъ началахъ, признанныхъ всѣмъ человѣчествомъ. Ему было больше чѣмъ трудно, почти невозможно ужиться со старымъ, отжившимъ уголовнымъ закономъ, основаннымъ на началахъ глубоко противныхъ и враждебныхъ началамъ судебной реформы. И вотъ, не задолго предъ тѣмъ, 17-го апрѣля 1863 года, изъ нашего уголовнаго закона исчезли плети, розги, клейменіе—эти печальные аттрибуты старой уголовной юстиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ никто не сомнѣвался тогда, что и такое наше очищенное, очеловѣченное уложеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ времени и народной жизни, еще во многомъ расходится съ новыми основаніями суда и требуетъ въ будущемъ и частныхъ измѣненій, и коренного пересмотра. Это убѣжденіе не измѣнилось въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ дѣятельности новаго суда и равно проникло и въ сознаніе русскаго общества, русскихъ юристовъ, и въ законодательныя сферы. Уже нѣсколько лѣтъ производятся въ этихъ сферахъ оживленныя и усиленныя подготовительныя работы, которыя должны дать намъ исправленный и улучшенный уголовный законъ. Онъ образуетъ, вмѣстѣ съ уголовнымъ судомъ по судебнымъ уставамъ, великое и стройное зданіе нашего репрессивнаго права. Но представьте себѣ, что русскому обществу пришлось бы еще долго ожидать такого преобразованія въ области уголовнаго закона, что по тѣмъ или другимъ соображеніямъ оно было бы признано преждевременнымъ. Очевидно, при томъ новомъ уголовномъ судѣ, которымъ мы пользуемся, послѣдствія этого не могли бы быть особенно чувствительны и важны. Мы легче отнеслись бы къ нимъ, потому что они не коснулись бы разрушительно тѣхъ свѣтлыхъ упованій и надеждъ, которыя русскіе люди возлагаютъ на свой

новый судъ. Великіе коренные его принципы: гласность, устность, состязательность, участіе общественнаго элемента, независимость судебной власти, самостоятельность ея органовъ, правильное дѣленіе судебныхъ функцій, простота и быстрота процесса—все это остается безъ измѣненія незыблемыми и твердыми основами нашей уголовной юстиціи. И если бы намъ предложили на выборъ: остаться при старомъ уголовномъ законѣ или при старомъ уголовномъ судѣ, неужели мы поколебались бы въ выборѣ?

Итакъ, уголовный судъ ни въ теоріи, ни въ положительномъ правѣ не зависитъ непосредственно отъ уголовнаго закона, имѣетъ свою отдѣльную, обширную сферу и справедливо считается предметомъ самостоятельной и отдѣльной науки.

Примѣняя къ уголовному суду то механическое опредѣленіе силы, которое уже было употреблено нами раньше, вспомнимъ, что всякую силу можно разсматривать съ двухъ сторонъ и въ двухъ положеніяхъ. Во-первыхъ, со стороны ея существа, въ положеніи покоя, и, во-вторыхъ, со стороны ея дѣйствія, въ состояніи движенія. То же относится и къ уголовному суду. Самое понятіе о немъ естественно распадается на два составные отдѣла: на понятіе объ его устройствѣ, внѣшней и внутренней организаціи его частей, и на понятіе объ его дѣятельности, о порядкѣ, формахъ и способахъ дѣйствія этихъ частей. Сообразно такому дѣленію и наука объ уголовномъ судѣ распадается на двѣ части: на судоустройство и судопроизводство, уголовный процессъ въ тѣсномъ смыслѣ. Это своего рода статика и динамика уголовнаго суда. Такое дѣленіе имѣетъ коренной и естественный характеръ,—оно стоитъ на рубежѣ изученія нашей науки, правильно опредѣляетъ ея составъ и, устраняя всякія примѣси, вноситъ въ нее начало ясности и порядка. Простое и легкое по самой своей простотѣ, оно принадлежитъ новѣйшей наукѣ, и притомъ нѣмецкой ея разработкѣ. Нѣмецкіе процессуалисты впервые стали излагать уголовное судоустройство (Strafgerichtsverfassung) отдѣльно отъ уголовнаго судопроизводства (Strafprocessordnung). По ихъ примѣру, этотъ пріемъ употребляютъ и всѣ новѣйшія законодательства объ уголовномъ судѣ,

въ томъ числѣ и наши судебные уставы, посвящающіе судоустройству свой первый отдѣлъ—учрежденіе судебныхъ установленій, а уголовному процессу второй — уставъ уголовнаго судопроизводства Напротивъ того, французскіе юристы, достигшіе въ другихъ отношеніяхъ высокаго совершенства въ практической разработкѣ уголовно-процессуальнаго права, представляютъ обѣ части его слитно и смѣшанно, соединяя ихъ вмѣстѣ съ Наполеоновымъ кодексомъ подъ однимъ общимъ историческимъ названіемъ instruction criminelle, или болѣе точнымъ — procedure pénale. Такъ поступаетъ Буатаръ, наиболѣе ясный, точный и методическій изъ всѣхъ комментаторовъ французскаго уголовнаго процесса. На французскомъ юридическомъ языкѣ даже не существуетъ особаго термина для обозначенія судоустройства, такъ какъ выраженіе organisation judiciaire до сихъ поръ употребляется только въ смыслѣ преимущественно политическомъ, какъ названіе одной изъ вѣтвей публичнаго права Франціи и одной изъ частей ея конституціоннаго устройства. Слово же juridiction, употребляемое Фостеномъ Эли, Ортоланомъ и нѣкоторыми другими для обозначенія всей совокупности уголовныхъ судовъ, не вполнѣ точно опредѣляетъ этотъ предметъ, выражая собою скорѣе юрисдикцію, значеніе и степень судебной власти, предоставленной этимъ судамъ.

Останавливаясь на взаимномъ внутреннемъ соотношеніи судоустройства и судопроизводства, и относительное ихъ значеніе измѣряя по тому же качественному масштабу, который уже пригодился намъ при опредѣленіи общихъ отношеній между уголовнымъ закономъ и уголовнымъ судомъ, мы придемъ къ подобнымъ же или во всякомъ случаѣ сходнымъ выводамъ. Мы увидимъ, что уголовное судопроизводство къ своему судоустройству стоитъ почти въ такомъ же отношеніи, какое было отмѣчено нами для связи уголовнаго закона съ уголовнымъ судомъ. Начало равновѣсія проявляется и здѣсь. Обыкновенно совершенные законы уголовнаго процесса совпадаютъ съ такими же законами организаціи уголовныхъ судовъ. Первымъ приходится дѣйствовать по тѣмъ же началамъ и употреблять въ дѣятельности своей тѣ же пріемы, которые были положены въ основаніе послѣднихъ.

Удовлетворяя одной и той же цѣли, тѣ и другіе должны быть проникнуты однимъ духомъ, однимъ характеромъ. Поэтому реформы судоустройства и судопроизводства обыкновенно совершаются одновременно и солидарно. Такъ было у насъ при изданіи Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года; то же происходитъ теперь и въ Германіи при установленіи общегерманскаго имперскаго уголовнаго суда и такого же уголовнаго процесса. Германское общество и германская юридическая наука горячо и настоятельно требовали соединенія обѣихъ реформъ, и правительство нашло необходимымъ удовлетворить этому требованію. Проекты уставовъ обще-германскаго судоустройства и уголовнаго судопроизводства хотя и были выработаны и изданы отдѣльно и въ разное время, въ 1873 и 1874 годахъ, но весною будущаго года они должны быть вмѣстѣ и въ общей связи своей разсмотрѣны и утверждены германскимъ рейхстагомъ. Но при всякомъ нарушеніи указаннаго равновѣсія, несовершенное судоустройство оказывается неизмѣримо вреднѣе и опаснѣе несовершеннаго судопроизводства. Дурныя процессуальныя правила, гуманно и справедливо примѣняемыя хорошими судьями, теряютъ многіе изъ своихъ недостатковъ; наоборотъ, самые лучшіе законы процесса, въ рукахъ судей необразованныхъ, несвѣдущихъ, недобросовѣстныхъ, зависимыхъ или связанныхъ непосильными и противорѣчивыми обязанностями, легко и скоро превращаются въ страшныя орудія безграничнаго произвола, ведутъ къ безсудію и безправію. Поэтому улучшеніе судоустройства есть первый шагъ къ реформѣ уголовнаго суда. Судоустройство есть первое и могущественное орудіе гражданской свободы, одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ государственной жизни и лучшій признакъ нравственныхъ и политическихъ отношеній страны; съ него и должны начинаться юридическія реформы, дѣйствительныя улучшенія въ политическомъ и соціальномъ быту народа. Такъ въ современной Франціи, вѣрные этому взгляду, лучшіе дѣятели трибуны, магистратуры и науки давно уже краснорѣчиво и убѣдительно требуютъ коренного преобразованія организаціи французскихъ судовъ вообще и репрессивныхъ въ особенности. Стремленіе къ этой реформѣ есть наиболѣе замѣ-

чательный фактъ изъ уголовно-юридической хроники Франціи за послѣдніе годы. Заявленный въ 1872 году проектъ такой реформы Беранже вызвалъ цѣлую литературу новыхъ проектовъ, изслѣдованій, мелкихъ брошюръ, доказательствъ pro и contra. Нѣтъ сомнѣнія, что и парламентъ, въ юридической коммиссіи котораго находятся всѣ данныя этого движенія, не останется глухъ къ голосу общества и науки, и нельзя не предположить, что французскій уголовный судъ въ близкомъ будущемъ ожидаетъ реформа. Что же касается до уголовнаго процесса Франціи, то, если не считать нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій, за введеніе которыхъ стоятъ не столько общество и народъ, сколько немногіе просвѣщенные криминалисты-практики, онъ еще возбуждаетъ особенно горячее недовольство и, тѣсно связанный съ духомъ и вѣковыми преданіями національнаго права, вѣроятно долго въ своемъ настоящемъ видѣ продержится на французской почвѣ.

Опредѣливъ предметъ нашей науки и установивъ общія понятія о его значеніи и составѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ ступени, чрезъ которыя уголовный судъ прошелъ въ своемъ вѣковомъ, историческомъ развитіи среди культурныхъ народовъ Западной Европы. Въ этомъ развитіи легко отличить три главные періода: варварскій, феодальный, абсолютно-монархическій, и четвертый, современный, который переживаемъ и мы. Разсматривая ихъ по отношенію къ судоустройству, нельзя не замѣтить, что послѣднее, являясь само частью общаго государственнаго устройства, перешло черезъ всѣ фазисы развитія государственной власти и испытало на себѣ всѣ превратности, ее постигшія.

Въ уголовномъ судоустройствѣ перваго періода, у варварскихъ народовъ сѣвернаго происхожденія, господствуетъ грубо организованное народное начало, правосудіе отправляетъ народный вождь (dux, princeps, comes) вмѣстѣ съ свободными людьми народа, имѣющими право носить оружіе (boni homines, rachimburgii, witan). Вождь созываетъ ихъ въ періодическія собранія (mallum placita), руководитъ ихъ занятіями, но самъ не произноситъ приговора, а лишь принимаетъ его отъ boni homines

собранія и своею властью приводитъ въ исполненіе. Судопроизводство этого періода отмѣчено преобладаніемъ начала гласности и устности, въ простѣйшей и грубой формѣ его. Порядокъ и сущность процесса чисто обвинительные: обвиняемому противопоставляется обвинитель, которому грозитъ законъ тальйона, матеріальнаго возмездія, въ случаѣ если онъ отступитъ. Первое мѣсто между доказательствами занимаютъ поличное, поимка на мѣстѣ преступленія, сознаніе, рѣдко, и только мѣстами, пытки. Если нѣтъ сознанія, обвиняемый долженъ очистить себя присягою въ своей невинности или для такой же очистительной присяги представить друзей соприсяжниковъ (conjuratores, Eideshelfer). Вмѣсто очистительной присяги и при ея отсутствіи, скоро появляется судъ Божій, ордаліи, испытаніе стихійными силами природы и наконецъ судебный бой.

Феодализмъ заимствуетъ у варварской эпохи тѣ же формы судоустройства и процесса, лишь видоизмѣняя ихъ согласно съ основнымъ своимъ началомъ. Юстиція становится патримоніальною, правомъ собственности судьи-феодала, собственника и самой земли. Онъ созываетъ своихъ вассаловъ въ періодическія собранія, ассизы, провозглашаетъ и исполняетъ приговоръ, въ постановленіи котораго самъ попрежнему не принимаетъ участія. Основанныя частью на правѣ поземельной собственности, частью на правѣ суда, отъ него отдѣльномъ и подлежащемъ дѣленію, продажѣ, отдачѣ въ ленъ, юрисдикціи феодальнаго періода представляютъ пеструю картину розни и самостоятельности съ одной стороны, связанности и подчиненія съ другой. Король имѣетъ свой собственный судъ для непосредственныхъ своихъ вассаловъ. Великіе вассалы, мелкіе феодальные владѣтели, имѣютъ свои суды, отдѣльные отъ королевскихъ и лишь мѣстами имъ подчиненные въ качествѣ bassa justitia предъ justitia alta. Общины по мѣрѣ своего освобожденія получаютъ собственное право суда, такимъ же образомъ организованное. Наконецъ, церковь имѣетъ свою огромную юстицію, свои такъ-называемые суды христіанства (cours de chrétienté), отправляющіе каноническое правосудіе отъ имени епископовъ и князей церкви, на основаніи началъ римскаго и каноническаго права, подъ предсѣдательствомъ духовныхъ судей —

офиціаловъ. Изъ этого хаоса, смѣшенія и вмѣстѣ розни юрисдикцій возникаетъ принципъ суда посредствомъ равныхъ, judicium per pares, по силѣ котораго въ неравныхъ и разъединенныхъ группахъ феодальнаго общества справедливый судъ обезпечивается правомъ каждаго судиться предъ равнымъ себѣ, то-есть предъ членами одной съ нимъ общественной группы. Судопроизводство, сохраняя въ общихъ чертахъ прежнюю систему доказательствъ, оказываетъ явное и возрастающее предпочтеніе судебному поединку, въ особенности когда дѣло идетъ о рыцаряхъ и феодалахъ. Процессъ сводится къ подробному опредѣленію правилъ судебной битвы. Побѣжденный, но не погибшій въ ней считается виновнымъ и подлежитъ казни. Является и оригинальный, чисто средневѣковый способъ обжалованія — первый зародышъ нашей апелляціи. Обвиненный можетъ самъ предъявить противъ обвинившаго его суда обвиненіе въ безчестности приговора (deloyauté) и вызвать каждаго изъ своихъ судей на новый судебный бой (fausser la cour).

Начало монархическаго періода наступаетъ вмѣстѣ съ постепеннымъ усиленіемъ государственной королевской власти. Она успѣшно борется съ тѣмъ элементомъ розни, который преобладаетъ въ средневѣковомъ обществѣ, стремится подчинить себѣ всѣ его группы, а вмѣстѣ съ ними ихъ юстицію. Надъ ними вырастаетъ мало-по-малу крѣпкая государственная судебная власть, ввѣренная свѣдущему въ правѣ, замкнутому классу королевскихъ легистовъ. Вмѣстѣ съ вассальными отношеніями исчезаетъ и участіе общественнаго народнаго элемента какъ въ управленіи, такъ и въ судѣ. Судьи назначаются и оплачиваются королемъ и скоро образуютъ стройную іерархію и правильную систему уголовныхъ судовъ. Въ общей борьбѣ съ королевскою властью общую участь дѣлитъ и каноническая юстиція церкви. Она также уступаетъ мѣсто уже не патримоніальному, а общегосударственному суду. Возникаетъ новое, могучее, до сихъ поръ полное силы основное положеніе европейскаго судебнаго права: правосудіе исходитъ отъ короля (toute justice émane du roi, the King is the fountain of justice). Основанія для уголовнаго процесса этой эпохи даютъ правила и формы, выработанныя кано-

ническою юстиціей, практика церковныхъ судовъ. Ихъ опытъ оказывается наиболѣе пригоднымъ для стремленій монархической власти, наиболѣе отвѣчающимъ потребностямъ государственнаго объединенія. Католическая церковь, всегда горячо возстававшая противъ кровавыхъ доказательствъ феодальнаго процесса, ордалій и судебнаго поединка, для собственнаго своего процесса установляетъ не менѣе, если не болѣе кровавыя жестокія доказательства разнообразнѣйшими пытками. Въ изобрѣтеніи ихъ изощряется умъ и находчивость криминалистовъ святой инквизиціи. Каноническое право и каноническая юстиція оставляютъ въ наслѣдство новому судебному праву и государственной свѣтской юстиціи тотъ типъ уголовнаго судопроизводства, который извѣстенъ въ исторіи права подъ именемъ инквизиціоннаго процесса страшной и печальной памяти. Онъ побѣдоносно вытѣсняетъ и разбиваетъ на всѣхъ пунктахъ старое обвинительное начало. Исключительная дѣятельность суда, отсутствіе правъ сторонъ, полная письменность и глубокая канцелярская тайна процедуры, формализмъ и медленность, законная теорія доказательствъ, уголовныя доказательства совершенныя и несовершенныя, цѣлыя и частныя, главныя и второстепенныя, первичныя, производныя, презумпція виновности подсудимаго, безпощадное отношеніе къ его личности,—вотъ выдающіяся черты этого процесса.

Наконецъ, перейдя чрезъ всѣ перечисленныя превратности, въ наше время принципъ уголовнаго суда освобождается отъ всякихъ стѣсненій, очищается отъ примѣсей. Ему содѣйствуетъ въ этомъ наука, всесторонняя теоретическая и практическая разработка публичнаго и уголовнаго права. Во власти судебной новая доктрина признаетъ отрасль общей государственной власти; во власти уголовно-судебной—вѣтвь общей судебной власти. Законодательство правильно и стройно организуетъ уголовный судъ, предоставляя верховной власти назначеніе его органовъ, распредѣленіе ихъ по территоріи, наблюденіе за ними, приведеніе ихъ въ движеніе посредствомъ особыхъ учрежденій. Правую дѣятельность этихъ органовъ оно обезпечиваетъ гарантіями образовательнаго, умственнаго и нрав-

ственнаго ценза, независимости, имущественнаго обезпеченія, іерархическимъ подчиненіемъ, правилами подсудности. Къ этимъ органамъ и ихъ гарантіямъ присоединяется участіе въ судѣ общественнаго элемента въ лицѣ присяжныхъ, этого величайшаго уголовно-судебнаго завоеванія нашего времени. Судоустройство чрезъ вѣка развитія возвращается къ тому же основному, первичному своему принципу, но принимаетъ его въ правильной, систематической научной организаціи. Оно пользуется своимъ вѣковымъ опытомъ, удерживаетъ и соглашаетъ всѣ полезные элементы, возникшіе въ разные періоды, но, вмѣсто прежняго начала разъединенія и неравенства, проникается началомъ общаго подчиненія закону равенства всѣхъ предъ нимъ.

То же превращеніе совершается и въ судопроизводствѣ. Подъ могучимъ напоромъ новыхъ идей, предъ наплывомъ свѣта цивилизаціи, гуманности и прогресса, падаютъ одна за другою всѣ мрачныя стороны инквизиціоннаго процесса. Новая наука и общественное мнѣніе, во главѣ котораго она стремится идти, указываютъ то, что подлежитъ немедленной отмѣнѣ. Законодательства благоразумно слѣдуютъ этимъ указаніямъ, и на развалинахъ стараго порядка, изъ годныхъ обломковъ его и новыхъ великихъ идей жизненной, человѣчной правды и справедливости возникаетъ современный, такъ называемый смѣшанный уголовный процессъ, средній между грубо-состязательнымъ своимъ первообразомъ и строго-логическою системой процесса инквизиціоннаго. Нѣкоторыя формы и подробности перваго новый процессъ приноситъ въ жертву потребностямъ времени и мѣста; изъ второго же удерживаетъ все годное и достойное, справедливо удовлетворяющее неизбѣжнымъ требованіямъ общественнаго порядка. И если одна половина процесса — предварительная — вынуждена необходимостью и до сихъ поръ еще оставаться при многихъ инквизиціонныхъ элементахъ, то вторая совмѣщаетъ въ себѣ всѣ преимущества и гарантіи чистаго обвинительнаго судопроизводства: обвиненіе, противопоставленное подсудимому и его защитѣ, ихъ равноправность, устность, публичность, судъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Мѣсто презумпціи виновности засту-

паетъ предположеніе невинности подсудимаго, и обязанность его сознаваться и оправдываться переходитъ въ обязанность обвинителя доказать обвиненіе: Quilibet praesumitur bonus et honestus, donec probetur contrarium.

Обозрѣвая въ ихъ взаимной связи всѣ приведенные факты исторіи уголовнаго судоустройства и судопроизводства, замѣтимъ, что въ нихъ съ чрезвычайною ясностью проявляются четыре основные органическіе закона, которые управляютъ всѣми явленіями соціальной жизни человѣчества. Въ послѣдовательномъ переходѣ отъ одного начала къ другому и въ конечномъ возвращеніи основного изъ нихъ, уголовный судъ слѣдуетъ закону *развитія* или *происхожденія*. Въ передачѣ этихъ началъ изъ одной эпохи въ другую, изъ страны въ страну, отъ народа къ народу, выражается законъ *распространенія*. Общее и основное сходство между собою главнѣйшихъ институтовъ уголовнаго судоустройства и судопроизводства у современныхъ европейскихъ народовъ проявляетъ законъ ихъ *сродства*. Наконецъ, въ успѣшномъ развитіи этихъ институтовъ, въ постепенномъ ихъ усовершенствованіи, въ пользованіи временными ихъ недостатками для достиженія постоянныхъ и вѣрныхъ преимуществъ, дѣйствуетъ четвертый и послѣдній законъ—всемогущая сила *прогресса*. Возлагая на нее и надежды нашей науки, мы можемъ спокойно, безъ страстности и нетерпѣнія относиться къ тѣмъ улучшеніямъ въ области уголовнаго суда, на необходимости которыхъ настаиваютъ еще и теперь лучшіе ея дѣятели.

Остается затѣмъ въ общихъ чертахъ указать пригоднѣйшій способъ изученія науки объ уголовномъ судѣ. Какъ и всякую другую отрасль человѣческаго знанія, ее можно разсматривать и излагать съ разныхъ сторонъ, по разнымъ методамъ. Изъ раскрытія общихъ свойствъ и законовъ, составляющихъ естественную принадлежность тѣхъ явленій и фактовъ, которые наполняютъ собою область уголовной юстиціи, изъ внутренняго ихъ анализа, каждаго отдѣльно и въ общей связи, изъ оцѣнки ихъ по вѣчнымъ началамъ правды и справедливости, слагается *теорія* уголовнаго суда, его организаціи и его дѣятельности, судоустройства и судопроизводства, ученіе объ общихъ законахъ,

ими управляющихъ. Проявленія этихъ законовъ въ дѣйствительности, освященіе и утвержденіе законодательною санкціей какъ ихъ самихъ, такъ и логически выводимыхъ изъ нихъ правилъ и средствъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, входитъ въ составъ ученія о *положительномъ уголовно-судебномъ законодательствѣ.* Примѣненіе на дѣлѣ такихъ положительныхъ законовъ объ уголовномъ судѣ, столкновеніе ихъ съ міромъ реальнымъ, съ жизнью, возникающіе при этомъ затрудненія и сомнѣнія, вопросы и контроверзы, способы къ ихъ разрѣшенію, все это образуетъ собою *практику* уголовнаго суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматривая указанные законы, нельзя упустить изъ виду тотъ фактъ, что они, какъ все касающееся дѣлъ человѣческихъ, измѣнчивы и подвижны. Имъ свойственно развиваться и измѣняться въ двухъ направленіяхъ: во времени и въ пространствѣ. Изученіе ихъ во времени есть *исторія уголовнаго суда.* Обозрѣніе и сопоставленіе ихъ въ пространствѣ есть *наука сравнительнаго уголовнаго судоустройства и судопроизводства.*

Уже изъ самаго порядка послѣдовательности и логической связи приведенныхъ понятій очевидна ихъ тѣсная взаимная связь. Она простирается и на все внутреннее ихъ содержаніе. Теорія освѣжаетъ и очищаетъ положительное законодательство, двигаетъ его впередъ, заставляетъ его слѣдовать за духомъ и требованіями вѣка. Въ свою очередь, вмѣстѣ съ исторіею и сравнительнымъ изученіемъ, положительныя законодательства представляютъ для теоріи неисчерпаемый матеріалъ, непрестанно обновляемый практикой. Послѣдняя же, безъ теорій, указаній историческаго опыта и примѣровъ сравнительнаго обзора, неминуемо превращается въ мертвое собраніе канцелярскихъ совѣтовъ, въ сухое и механическое ремесло. Намъ стоитъ только вспомнить свою старую, дореформенную юриспруденцію, чтобы живо представить всѣ опасности и всю безплодность практики, рѣзко отдѣлившейся отъ теоріи. Разнообразныя нити связей между различными сторонами нашей науки такъ переплетены другъ съ другомъ, что нельзя коснуться одной, не затрогивая въ то же время и другихъ, не вызывая на первый планъ цѣлаго ряда близкихъ и сродныхъ понятій.

А потому слѣдуетъ признать, что для академическаго, возможно полнаго и вмѣстѣ возможно сжатаго изложенія науки объ уголовномъ судѣ лучшимъ и самымъ цѣлесообразнымъ методомъ по отношенію къ разнымъ сторонамъ этой науки представляется методъ эклектическій, выборный, т.-е. разсмотрѣніе каждаго начала, каждаго института уголовнаго суда, и съ точки зрѣнія общей теоріи, и на основаніи русскаго положительнаго законодательства, и по важнѣйшимъ современнымъ уголовно-процессуальнымъ кодексамъ, и въ историческомъ развитіи, и въ примѣненіи на практикѣ. Я предполагаю держаться именно такого способа при изложеніи своего курса, тѣмъ болѣе, что иностранная литература науки объ уголовномъ судѣ представляетъ весьма немного полныхъ руководствъ, на немъ основанныхъ, предоставляя этотъ методъ по преимуществу изслѣдованіямъ спеціальнымъ. Вообще современные методы изученія уголовнаго судоустройства и судопроизводства въ Западной Европѣ лишены однообразія и группируются по національностямъ. Въ странѣ ближайшей къ намъ, Германіи, по особеннымъ свойствамъ и стремленіямъ нѣмецкаго духа, преобладаетъ чистая теорія уголовнаго суда; это преобладаніе въ особенности ярко выражается въ томъ несмѣтномъ количествѣ отдѣльныхъ нѣмецкихъ монографій и изслѣдованій, которыми разработаны всѣ отрасли и части нашей науки, отъ самыхъ важныхъ и крупныхъ до мельчайшихъ подробностей процесса. Та же германская теорія своею могучею силой обобщенія помогла послѣднимъ политическимъ событіямъ подорвать всѣ основанія партикулярныхъ уголовно-судебныхъ законодательствъ Германіи и подготовить путь къ объединенію германскаго права, къ германской Rechtseinheit, этимъ въ сферѣ репрессивной скоро имѣющимъ осуществиться pia desideria нѣмецкихъ юристовъ. Нельзя однако не замѣтить, что и Германія, во всей своей огромной литературѣ уголовнаго судоустройства и процесса, за цѣлыя десятилѣтія можетъ насчитать всего четыре-пять капитальныхъ и полныхъ руководствъ по этому предмету. Таковы уже отчасти устарѣлые учебники

Миттермайера, Планка, Леве, болѣе современное руководство Цахаріэ, да новѣйшее изданіе труда Ортлофа. Наоборотъ, во Франціи господствуетъ систематическая разработка положительнаго права уголовнаго суда, достигшая высокой, почти недосягаемой степени совершенства. Полные, пространные и сжатые, всегда ясные, иногда поразительные силою и блескомъ изложенія, учебники французскаго уголовнаго процесса, основанные на строго экзегетическомъ методѣ, пришлось бы считать десятками. Имена Фостена Эли, Ортолана, Буатара, Беранже, Карно, Берья-С. При, Боннвиля, Боннье, Ламбера, Роланъ-де-Вилларга и столькихъ еще другихъ, имѣютъ громкую и справедливую извѣстность. Лекціи Буатара по уголовному судопроизводству въ Парижскомъ юридическомъ факультетѣ представляютъ несравненный примѣръ простого комментарія положительнаго закона, получившаго не только общее значеніе превосходнаго руководства къ изученію французскаго процесса, но и необходимой настольной книги одинаково и для теоретика, и для практика.

Отъ Англіи нечего ждать ни новой теоріи, ни правильной и полной разработки положительнаго права уголовнаго суда; въ ней полное владычество практики, вѣчно стремящейся хоть сколько-нибудь систематизировать и разобрать гигантскую массу англійскихъ статутовъ и основаній неписаннаго процессуальнаго права, Common Law, неизмѣнно сохраняемаго столько же въ многотомныхъ трудахъ Блакстона, Мансфильда, Брума, Стивена, Кампбелля и другихъ, сколько въ сознаніи, памяти и убѣжденіяхъ англійскихъ юристовъ и англійскаго народа.

Если же, въ заключеніе, мы обратимся къ Россіи, къ нашей собственной литературѣ объ уголовномъ судѣ, насъ поразитъ чрезвычайная скудость матеріала. Всего одинъ, недавно вышедшій новымъ изданіемъ учебникъ профессора Чебышева-Дмитріева, удовлетворяющій требованіямъ по преимуществу практическимъ, четыре-пять самостоятельныхъ изслѣдованій, десятка два хорошихъ журнальныхъ статей, да мелкія практическія замѣтки,—вотъ все, чѣмъ можетъ располагать наша новая русская наука уголовнаго процесса. Въ ней нельзя искать

пока капитальныхъ и обширныхъ работъ, самостоятельныхъ и сильныхъ направленій. Но мы, конечно, не забудемъ, какъ молода эта наука, считающая себѣ всего десять лѣтъ жизни, какъ богаты ея средства, какъ высока ея задача. Предъ нами, вмѣсто обильнаго научнаго матеріала, лежитъ небольшая книга нашего положительнаго законодательства объ уголовномъ судѣ: *Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года*. Скажемъ себѣ,—и мы не ошибемся,—что съ насъ довольно этой книги, малой по объему, великой по содержанію. Начала, въ ней проведенныя, такъ высоки и чисты, вліянія и послѣдствія ихъ такъ благодѣтельны для русской жизни, что дальше ихъ намъ не зачѣмъ и некуда идти. Позвольте же и мнѣ сосредоточиться на разъясненіи этихъ началъ, принять ихъ за основаніе и предѣлы своей задачи. Если мнѣ удастся, по мѣрѣ силъ и возможности, справиться съ этимъ труднымъ и священнымъ дѣломъ, я желалъ бы, въ концѣ своихъ усилій, увидѣть въ своихъ слушателяхъ будущихъ ревностныхъ дѣятелей и вѣрныхъ друзей суда 20-го ноября 1864 года. Я желалъ бы облегчить имъ пониманіе и примѣненіе его уголовныхъ началъ, и предоставляя въ ихъ полное распоряженіе небольшой опытъ моей судебной практики, хотя отчасти устранить отъ нихъ неизбѣжныя затрудненія новаго дѣла. Къ этому сводятся всѣ мои, смѣю думать, скромныя цѣли.

БРОДЯГИ И БРОДЯЖЕСТВО [1]).

(1878 г.).

Не на какомъ либо крупномъ выводѣ науки, не на яркомъ и въ глаза бросающемся событіи исторической жизни, не на жгучемъ и очередномъ, всѣхъ интересующемъ вопросѣ современнаго строя желаю я остановиться въ настоящей бесѣдѣ. Я ставлю себѣ задачу весьма скромную—сдѣлать бѣглый очеркъ одного сравнительно второстепеннаго явленія, принадлежащаго въ одно и то же время и къ уголовно-полицейской сферѣ, и къ области бытовыхъ отношеній и особенностей. Я буду говорить о бродягахъ и бродяжествѣ. Если къ явленію этому присмотрѣться поближе и повнимательнѣе — ему уже никакимъ образомъ нельзя будетъ отказать въ своеобразномъ значеніи и глубокомъ живомъ интересѣ, которые не видны, быть можетъ, лишь съ перваго взгляда, но поразительно возрастаютъ и расширяются при болѣе основательномъ знакомствѣ. Это одна изъ тѣхъ скрытыхъ сторонъ окружающей жизни, мимо которыхъ каждый проходитъ, не замѣчая ихъ потому, что они его непосредственно не касаются и не затрогиваютъ, а темныя вліянія и факты ихъ теряются въ массѣ другихъ болѣе выдающихся и назойливыхъ. А между тѣмъ она стоитъ вниманія — эта типическая страница русской общественной патологіи, ежедневно

[1]) Публичная лекція, читанная 5-го февраля 1878 года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на публичномъ курсѣ, открытомъ профессорами Университета для составленія капитала, проценты съ котораго предназначены на учрежденіе стипендій для дѣтей воиновъ и военныхъ врачей, пострадавшихъ въ минувшую войну съ Турціей. — Русскій Вѣстникъ, 1878 г., Май.

возобновляемая дѣятельностью уголовнаго судьи. Много въ ней остатковъ давно минувшаго прошлаго, много преданій и памяти о самыхъ тяжкихъ дняхъ его, много національнаго своеобразія и народной оригинальности, много человѣческихъ страданій, безысходнаго горя, мрачнаго отчаянія, непоправимаго зла и безповоротнаго паденія. Высоко надъ нею, ея почти не коснувшись, прошли реформы нашего времени. До сихъ поръ даже ждетъ она своего историка и изслѣдователя, первыя разысканія котораго неминуемо, прежде всего, должны будутъ столкнуться съ такою картиной:

Не проходитъ недѣли, чтобы въ уголовныхъ отдѣленіяхъ нашихъ окружныхъ судовъ не совершалось одной самой будничной, безхитростной процедуры. Въ судахъ, людямъ судебной профессіи она давно такъ всѣмъ присмотрѣлась и примелькалась по своей крайней простотѣ и неизмѣнному однообразію, что мало-по-малу спустилась до степени какой-то почти механической работы, сдѣлалась рядомъ неизбѣжныхъ и какъ бы безсодержательныхъ формальностей судопроизводства; публику же, общество процедура эта вовсе не интересуетъ, и потому она остается имъ почти неизвѣстною. Въ пустой, т.-е. свободной отъ постороннихъ слушателей, отъ публики, залѣ суда открывается судебное засѣданіе, отличающееся отъ обычныхъ совершеннымъ отсутствіемъ какого бы то ни было дѣйствительнаго изслѣдованія и повѣрки фактовъ,—отсутствіемъ всякаго состязанія, спора, борьбы, всегда характеризующихъ собою отправленіе правосудія. Надо всѣмъ, что происходитъ въ засѣданіи, какъ бы тяготѣетъ сознаніе, что все уже предрѣшено и извѣстно заранѣе, что измѣненій никакихъ быть не можетъ, что нужно только поскорѣе пройти по шаблону, исполнить нужные обряды—и дѣло съ концомъ. Предъ коллегіей судей груда тоненькихъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію въ этомъ засѣданіи,—дѣлъ, въ которыхъ уже заранѣе заготовлены сакраментальные вопросы и отвѣты о виновности и наказаніи, а нерѣдко и проекты самыхъ резолюцій. Обвинитель на своемъ мѣстѣ, скамья защиты въ громадномъ большинствѣ случаевъ пуста, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ защищать некого и нечего. Внѣ залы засѣданій,

по близости ея, ждетъ окруженная сильнымъ конвоемъ толпа подсудимыхъ, разнохарактерность которой исчезаетъ въ общемъ сѣромъ колоритѣ сѣрой арестантской одежды. Совершенное отсутствіе всякихъ признаковъ собственнаго платья подъ острожными халатами, грубое, потертое сукно и ветхій видъ ихъ, плохая обувь, въ рукахъ какое-то жалкое подобіе головного убора, равнодушныя и безучастныя лица, — все свидѣтельствуетъ о томъ, что толпа подсудимыхъ принадлежитъ къ самой послѣдней, никакимъ оффиціальнымъ тюремнымъ почетомъ не пользующейся категоріи арестантовъ. Одного за другимъ, каждаго минутъ на пятнадцать времени, вызываютъ этихъ подсудимыхъ, по распоряженію предсѣдательствующаго, въ залу засѣданія. Каждый занимаетъ свое мѣсто на эстрадѣ за рѣшеткой, у роковой скамьи, среди вооруженной стражи, и съ каждымъ съ математическою почти точностью повторяется одна и та же процедура. Первыми обычными вопросами, предлагаемыми подсудимому и имѣющими въ другихъ дѣлахъ одно только формальное значеніе, здѣсь почти исчерпывается процессъ; по крайней мѣрѣ, отвѣты на эти вопросы сразу освѣщаютъ юридическую сущность его и ясно показываютъ, кого именно судъ видитъ предъ собой. Трудно представить себѣ что-нибудь стереотипнѣе этихъ отвѣтовъ. „Какъ васъ зовутъ, какъ ваше имя, отчество и фамилія?“ — спрашиваетъ предсѣдатель. — „Не знаю, — раздается въ отвѣтъ, — *я не помнящій*“. Иногда заявляется какое-нибудь имя со знаменательнымъ прибавленіемъ, что *такъ люди зовутъ*. „Какого вы званія, кто вы такой?“ — продолжаетъ предсѣдатель. — „*Богъ знаетъ откуда я взялся*, не знаю, я не помнящій“. — „Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?“ — „Не знаю, кто его знаетъ“. — „Какой вы вѣры?“ — „Не знаю, а въ церковь хожу“. — „Гдѣ жили до взятія васъ подъ стражу?“ На это отвѣтъ почти неизмѣнный: „По разнымъ мѣстамъ, гдѣ день, гдѣ ночь“. На послѣдній вопросъ: „Чѣмъ занимались до взятія васъ подъ стражу?“ отвѣты бываютъ разнообразнѣе, но все это разнообразіе замыкается въ кругѣ трехъ, четырехъ варіантовъ: „Поденною работой, по міру ходилъ, Христовымъ именемъ питался, ничего не дѣлалъ“, а иногда проскользнетъ и непрошеное признаніе: „Мелкими кражами за-

нимался, воровалъ по малости, что̀ плохо лежитъ". Въ концѣ такой странной исповѣди обыкновенно выразительнымъ тономъ прибавляется: *да, я бродяга*, чтобы не оставалось уже болѣе никакихъ сомнѣній и было бы окончательно установлено гражданское положеніе подсудимаго Никто, впрочемъ, ни въ чемъ и не сомнѣвается. Читаютъ коротенькій обвинительный актъ, строчекъ 10—15, тоже самаго стереотипнаго содержанія; изъ него оказывается, что подсудимый былъ задержанъ какъ безпаспортный въ такомъ-то пунктѣ широкой Россіи, назвался такимъ-то именемъ и такимъ-то званіемъ, указалъ такое-то мѣсто своего происхожденія или приписки, и былъ туда пересланъ; затѣмъ данныя имъ свѣдѣнія о своемъ имени, званіи и происхожденіи не подтвердились, дѣйствительныя же остались не обнаруженными и самъ онъ объявилъ себя бродягою, не помнящимъ родства. Въ этомъ-то, т.-е. въ уголовномъ преступленіи бродяжества его и обвиняютъ, за это его и судятъ. Въ равнодушномъ и невнимательномъ молчаніи выслушиваетъ подсудимый обвинительный актъ и слѣдующій за прочтеніемъ его вопросъ предсѣдателя, въ которомъ излагаются законные признаки взводимаго на него преступленія: „Признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что переходили съ мѣста на мѣсто не только безъ вѣдома полицейскаго начальства и безъ установленнаго вида на жительство, но и безо всякихъ средствъ доказать свое настоящее состояніе и званіе, или же упорно отъ этого отказываясь, и кромѣ того въ томъ, что дали объ этомъ состояніи своемъ или званіи ложное показаніе?" Отвѣтъ на это немногосложенъ — или короткое: „Такъ точно, виноватъ, сызмальства бродяжничаю" — или полу-тупое, полусдержанное молчаливое утвержденіе. Больше никакихъ разъясненій не даетъ подсудимый: ему не о чемъ говорить, судьямъ нечего слушать. Въ двухъ словахъ предлагаетъ обвинитель примѣнить къ подсудимому уголовный законъ, карающій за бродяжество; защитника нѣтъ, подсудимый молчитъ, и судьи поспѣшно дописываютъ и подписываютъ всѣмъ хорошо знакомый приговоръ. Какъ-то странно звучитъ его необычная въ другихъ дѣлахъ формула: неизвѣстнаго званія человѣка, называющаго себя такимъ-то именемъ, какъ признаннаго винов-

нымъ въ бродяжествѣ и въ дачѣ ложнаго о званіи своемъ показанія, отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на одинъ годъ, а затѣмъ сослать для водворенія въ Восточную Сибирь съ употребленіемъ тамъ въ работы по усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго начальства, и кромѣ того наказать его розгами въ извѣстномъ размѣрѣ — maximum котораго составляетъ 40, а minimum—30 ударовъ. Съ прежнимъ безучастіемъ выслушиваетъ осужденный рѣшеніе своей темной участи и удаляется, уступая мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ другому своему тюремному товарищу, такому же, какъ и онъ, „бродягѣ, не помнящему родства". Жалобъ на приговоръ окружнаго суда почти никогда не бываетъ, тѣмъ болѣе, что жаловаться и не на что, и не зачѣмъ. Приговоръ быстро приводится въ исполненіе: при обыкновенномъ недостаткѣ мѣста въ исправительномъ отдѣленіи одна изъ ближайшихъ этапныхъ партій уводитъ съ собою осужденнаго бродягу по скорбной Владиміркѣ; бумажное производство сдается въ архивъ, и все кончено, ограниченныя средства человѣческаго правосудія сдѣлали свое дѣло.

Но какъ необычайно и ненормально слагаются въ данномъ случаѣ результаты ихъ примѣненія, какою аномаліей отзываются они среди отношеній гражданскаго быта! Они создаютъ въ немъ необыкновенное, хотя ясно обрисованное юридическое положеніе человѣка-бродяги, опредѣляемое поистинѣ поразительными чертами: это человѣкъ безъ имени, отчества и фамиліи, безъ роду и племени, безъ правъ и безъ званія, безъ происхожденія и безъ мѣстожительства, стоящій внѣ всякихъ политическихъ, гражданскихъ, семейныхъ, имущественныхъ отношеній, не принадлежащій къ обществу, но и не отвергнутый имъ, осужденный уголовнымъ судомъ, но и не преступникъ въ истинномъ, строгомъ смыслѣ этого слова. Не лучше этихъ юридическихъ свойствъ и другія свойства его положенія—личныя, нравственныя, бытовыя. Этотъ человѣкъ-бродяга есть человѣкъ безъ крова и безъ пропитанія, безъ труда и опредѣленныхъ занятій, безъ семьи и родныхъ, безъ друзей и знакомыхъ, съ никому неизвѣстнымъ прошедшимъ, съ настоящимъ въ тюрьмѣ и съ будущимъ въ ссылкѣ. Вѣчный бездомный скиталецъ, онъ обреченъ только въ тюрьмѣ

и ссылкѣ найти себѣ вѣрное и прочное пристанище; только онѣ могутъ дать ему печальное подобіе осѣдлости, крова и куска хлѣба, нѣчто въ родѣ имени и гражданскаго состоянія. Внѣ стѣнъ острога, за предѣлами ссыльнаго края — человѣческая и юридическая личность бродяги сводится къ нулю, и врядъ ли будетъ слишкомъ большимъ парадоксомъ сказать, что она существуетъ de facto, но не de jure. Выбитые или сами ушедшіе изъ рамокъ государственнаго строя и гражданскаго обихода, наши бродяги слегка напоминаютъ собою и древнихъ англійскихъ *outlaws*, людей внѣ закона, и *vagabonds, gens sans aveu*—этихъ страшилищъ французскаго полицейскаго порядка, но сходство не идетъ дальше нѣкоторыхъ общихъ признаковъ и второстепенныхъ особенностей, а всякое сравненіе сдѣлается невозможнымъ и неумѣстнымъ, какъ только предъ нами предстанетъ всесторонне очерченный типъ русскаго бродяги, и мы должны будемъ убѣдиться, что онъ представляетъ оригинальное произведеніе русской почвы, живой продуктъ цѣлаго безконечнаго, сложнаго ряда историческихъ, географическихъ, правовыхъ и бытовыхъ условій русской жизни. Не упуская изъ виду, что разсматриваемые съ такой точки зрѣнія бродяги и бродяжество, какъ сфера ихъ дѣятельности и существованія, оказываются явленіемъ современнымъ, жизненнымъ и уже по одному этому достойнымъ изученія, трудно не остановиться предъ его общественнымъ, народнымъ, пожалуй, даже и государственнымъ значеніемъ. Нельзя не признать, что эти загадочныя, темныя, жалкія существа возбуждаютъ къ себѣ интересъ, заслуживаютъ изслѣдованія даже по однѣмъ только перечисленнымъ своимъ особенностямъ. Но интересъ этотъ удесятеряется и потребность въ изслѣдованіи становится настоятельною, если мы бросимъ взглядъ на количественные размѣры и качественное содержаніе бродяжества въ массѣ. Уголовная и уголовно-полицейская статистика представляетъ данныя весьма краснорѣчивыя; по нѣкоторымъ ея цифрамъ можно составить себѣ понятіе, правда, не совсѣмъ точное, но во всякомъ случаѣ приблизительно вѣрное, объ общемъ количествѣ странствующихъ по Россіи бродягъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ дѣйствующею

у насъ съ 1871 года системой статистической регистраціи уголовныхъ дѣлъ, оказывается, что въ 1875 году, напр., въ однихъ только новыхъ судебныхъ мѣстахъ (т.-е. учрежденныхъ по судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года) было разсмотрѣно 3.044 дѣла о бродяжествѣ, и по дѣламъ этимъ до 2.000 человѣкъ офиціально и окончательно признаны бродягами. Если затѣмъ положить число судившихся за бродяжество въ Привислинскомъ краѣ (въ которомъ новые суды введены только съ 1876 года), въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и въ тѣхъ остальныхъ четырнадцати губерніяхъ Европейской Россіи, на которыя еще не распространено дѣйствіе судебной реформы,—приблизительно въ 2.000 человѣкъ, то на всю Европейскую Россію получится довольно крупная цифра около 5.000 человѣкъ бродягъ или 4% всѣхъ вообще осужденныхъ, и это однихъ только бродягъ попавшихся, задержанныхъ и прошедшихъ чрезъ руки уголовной юстиціи, а сколько еще остается ихъ ускользнувшихъ отъ власти и подъ своими таинственными масками благополучно пробирающихся среди разныхъ преградъ и гарантій общественнаго строя!

Но всѣ эти цифры блѣднѣютъ предъ числовыми размѣрами сибирскаго бродяжества, тонутъ въ массѣ бродягъ, буквально наводняющихъ собою Сибирь. Сибирское же бродяжество, какъ увидимъ, находится въ тѣсной и неразрывной связи съ бродяжествомъ собственно русскимъ; оно есть неисчерпаемый источникъ этого послѣдняго, его главный разсадникъ и контингентъ. Сибирское бродяжество находится въ постоянномъ поступательномъ движеніи съ востока на западъ, отъ Тихаго Океана къ Уралу, за который оно ежегодно выбрасываетъ на Россію не мало своихъ представителей. Сибирскіе бродяги всѣми своими силами стремятся сдѣлаться бродягами русскими, и только при совершенной невозможности перебраться въ Россію идутъ назадъ—кружить по Сибири. Изслѣдованія Ядринцева, Максимова, Шелгунова и другихъ, не расходящіяся и съ офиціальными данными, собранными правительствомъ, опредѣляютъ число бродягъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто въ Сибири и готовыхъ при поимкѣ немедленно стать въ ряды бродягъ офиціальныхъ,

не помнящихъ,—громадною цифрою отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ. Факты иллюстрируютъ и оправдываютъ эту цифру, доказывая, что нѣкоторыя мѣстности Сибири по временамъ буквально кишатъ бродягами. На выдержку два примѣра: въ 1864—1865 годахъ близъ Иркутска, по разсказамъ обывателей и самихъ бродягъ, ихъ зимовало болѣе 4.000 человѣкъ; въ одной деревнѣ Иркутскаго уѣзда на 400 человѣкъ жителей ютилось по избушкамъ и сараямъ до 200 бродягъ. По такъ называемому бродяжескому тракту, который пролегаетъ отъ Большого Нерчинскаго завода къ Пермской губерніи, весной и лѣтомъ ежедневно проходятъ чрезъ деревни бродяжескія партіи числомъ отъ 40—60 человѣкъ. Въ 1866 году въ Кулечинской волости, близъ Омска, этого высшаго административнаго центра Западной Сибири, при розыскахъ по поводу убійства одного еврейскаго семейства было взято разомъ 200 бродягъ. Въ слѣдующемъ, 1867, году въ Юдинской волости, Тобольской губерніи, настоящія облавы, произведенныя по случаю убійства трехъ проѣзжихъ монахинь, дали мѣстнымъ острогамъ 500 человѣкъ бродягъ. Бываютъ періоды, когда сибирскіе остроги до того переполняются наловленными бродягами, что власти вынуждены подъ рукою дѣлать распоряженія о пріостановленіи ловли, такъ какъ сажать вновь задерживаемыхъ бродягъ становится некуда. Такимъ образомъ врядъ ли будетъ особою натяжкой допустить, что среднимъ числомъ во всякое данное время на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи странствуютъ отъ 40 до 45 тысячъ загадочныхъ личностей, подходящихъ подъ карательныя опредѣленія законовъ о бродяжествѣ. Если же при этомъ мы вспомнимъ, каково юридическое положеніе такихъ личностей въ обществѣ, то въ результатѣ окажется, съ одной стороны, что имъ терять нечего, и что въ силу одного своего положенія они не могутъ не быть въ извѣстной степени коренными врагами и нарушителями общественнаго порядка и общественной безопасности, а съ другой — что во многихъ отношеніяхъ эти безпріютные странники, эти паріи родной земли не могутъ не возбуждать къ себѣ сожалѣнія и

состраданія и прежде всего желанія всмотрѣться поближе, вникнуть въ причины и условія ихъ печальной судьбы.

Мы уже видѣли, что уголовный процессъ о бродяжествѣ разрѣшаетъ вопросъ о немъ, какъ объ уголовномъ преступленіи, только формально. Столкнувшись съ опредѣленіями уголовнаго закона, но не поддавшись имъ, жизнь выработала при ихъ примѣненіи одну только фикцію, потому что ничѣмъ инымъ, кромѣ фикціи, нельзя считать создаваемую уголовными приговорами юридическую физіономію бродяжества. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ приговоры эти санкціонируютъ ту непроницаемую таинственность, въ которую оно облечено или само облекаетъ себя, ту маску, подъ которой оно является предъ судомъ,—и только. Рѣдко, чисто случайно и всегда съ трудомъ удается суду въ нѣкоторыхъ исключительныхъ казусахъ снять эту маску. То, что̀ обнаруживается тогда, даетъ не обильный, но драгоцѣнный матеріалъ для изученія бродяжества. То же значеніе имѣютъ выводы образовавшейся у насъ долголѣтней практики примѣненія къ бродягамъ дѣйствующихъ полицейскихъ и тюремныхъ постановленій. Личныя наблюденія надъ личностями бродягъ и типами бродяжества въ рукахъ административной власти, предъ судомъ, въ тюрьмѣ и ссылкѣ помогаютъ сдѣлать еще нѣсколько важныхъ шаговъ въ глубь этой мракомъ окутанной среды. Наконецъ, въ нашей литературѣ есть нѣсколько произведеній, писанныхъ людьми, которыхъ судьба поставила лицомъ къ лицу съ острожнымъ и ссыльнымъ міромъ, въ томъ числѣ и со сферою бродяжества (назовемъ Достоевскаго, Ядринцева, Максимова, Анучина, Соколовскаго); они видѣли и изучили этотъ міръ и эту сферу, такъ сказать, на волѣ, въ такихъ положеніяхъ и въ такія минуты, которыя недоступны никакому офиціальному или случайному, поверхностному наблюдателю. Проникнутые желаніемъ прогресса и добра родной странѣ, они подѣлились съ нею и мелкими подробностями, и конечными итогами своихъ трудолюбивыхъ изслѣдованій. Все это вмѣстѣ взятое бросаетъ на злополучное бродяжество свѣтъ если и не яркій, то во всякомъ случаѣ несравненно болѣе опредѣленный, нежели лѣтъ 10 тому назадъ. Остается затѣмъ

подвести подъ бродяжество нѣкоторыя несомнѣнныя историческія его основанія, и предъ нами приподымется хоть уголокъ той завѣсы, которая скрывала его отъ непрошенныхъ взоровъ, скрываетъ еще и теперь отъ пытливаго, но часто буквою закона связаннаго взора уголовнаго судьи.

Современное, въ законѣ принятое, понятіе о бродягѣ сложилось постепенно, путемъ историческаго развитія и выдѣленія изъ болѣе общаго и коренного понятія о *бѣломъ* человѣкѣ, неправильно, т.-е. безъ разрѣшенія власти отлучившемся изъ своего постояннаго мѣстожительства. Традиціонное, проходящее чрезъ всю русскую исторію — „шатанье“ изъ края въ край многихъ элементовъ русскаго народа, характеристическая склонность русскихъ людей до-Петровскаго періода „брести врозь“, по старинному техническому выраженію; прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и, какъ результатъ его, постоянные ихъ побѣги, непрерывныя смуты XVII столѣтія,—все это, еще въ эпоху Московскаго государства, привело правительство къ необходимости установить наблюденіе и контроль за переходами населенія съ мѣста на мѣсто. Правительство видѣло и убѣждалось, что бродяжничество народа представляетъ большое зло, большую опасность для едва окрѣпнувшей государственности и едва слагающихся началъ общественнаго порядка. Еще въ концѣ XVII столѣтія неоднократно указывалось воеводамъ наблюдать, чтобы въ ихъ воеводствѣ не проживали неизвѣстныя лица, безъявочные, прохожіе люди. Каждое такое лицо, прибывшее въ городъ, воевода долженъ былъ допросить о цѣли прибытія, а въ случаѣ какого-либо подозрѣнія, изъ предосторожности посадить въ тюрьму, отписавъ о томъ государю. Было установлено и средство такого наблюденія — *проѣзжія грамоты*, прототипъ нынѣшнихъ паспортовъ,—безъ которыхъ никто не допускался за заставу, а проникнувшій подвергался упомянутымъ предупредительнымъ мѣрамъ и входилъ въ общую рубрику „гулящихъ людей“, вредныхъ для государства. Реформы Петра Великаго, съ ихъ стремленіемъ къ строгой регламентаціи и строгому внѣшнему порядку во всемъ, возвели обязанность каждаго, оставляющаго свое постоянное мѣстожительство, имѣть при себѣ

проѣзжую грамоту, паспортъ, какъ дозволеніе начальства на отлучку и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣреніе личности, въ общее неизмѣнное правило. Указомъ, изданнымъ въ іюлѣ 1724 года и извѣстнымъ подъ названіемъ *плаката*, было постановлено всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ безъ паспортовъ, плакатовъ, считать за *бѣглыхъ* и отдавать на казенныя работы. Такъ понятіе о гулящихъ людяхъ Московскаго періода было обозначено новымъ терминомъ—бѣглые, существующимъ въ нашемъ законодательствѣ съ Петровскихъ временъ и до нашихъ дней. Все послѣдующее законодательство до самаго изданія свода законовъ въ 1833 году, отличаясь чрезвычайною сложностью и пестротой отдѣльныхъ законовъ, проникнуто двумя основными положеніями, которыя можно выразить въ такой простой формулѣ: внѣ постояннаго мѣстожительства, точно и строго опредѣленнаго въ законѣ, всякій долженъ имѣть установленный паспортъ, а кто почему бы то ни было не имѣетъ его, тотъ признается *бѣглымъ* и подвергается ряду самыхъ непріятныхъ и тяжкихъ послѣдствій этого состоянія. Собранные вмѣстѣ, всѣ послѣдовательно издававшіеся законы о паспортахъ и бѣглыхъ образовали въ сводѣ законовъ 1833 года особый *уставъ о паспортахъ и бѣглыхъ*. Уставъ этотъ отождествляетъ бѣглаго съ бродягою, не дѣлаетъ между ними никакого различія и даетъ имъ такое длинное и теперь уже странно звучащее опредѣленіе: „бѣглыми или бродягами считаются: 1) всѣ тѣ, кои, отлучась отъ мѣстъ ихъ жительства или пребыванія далѣе срока и мѣста, какое законами для временныхъ отлучекъ опредѣлено, не предъявятъ никакихъ законныхъ видовъ на сію отлучку, и 2) тѣ, кои, отлучась и съ видами начальства, и по законнымъ видамъ и паспортамъ, но потерявъ или просрочивъ оные, не представятъ въ свое время законныхъ доказательствъ въ свое оправданіе“. Опредѣленіе широкое и поражающее своею строгостью: по буквѣ его можно взять законный паспортъ, уѣхать изъ своего постояннаго мѣстожительства съ вѣдома и дозволенія начальства, затѣмъ потерять паспортъ, пренебречь въ свое время констатировать эту потерю подачею куда слѣдуетъ явочнаго прошенія и очутиться бѣглымъ, бродягой. Законъ видѣлъ кру-

гомъ растущую не по днямъ, а по часамъ и все разъѣдающую язву бѣгства и бродяжества, и хотѣлъ лѣчить ее радикальными средствами, страшно карать всякаго, кто зараженъ ею, налагая на него печать совершенной отчужденности отъ общества. Благодаря такому взгляду закона, понятію о бѣгломъ бродягѣ дано было самое широкое примѣненіе, подъ него можно было легко подвести безконечное множество категорій и лицъ. Калужское губернское начальство, напр , въ двадцатыхъ годахъ, какъ оказывается изъ офиціальныхъ его донесеній, считало за бѣглыхъ бродягъ и вслѣдствіе этого безъ дальнихъ справокъ и околичностей ссылало въ Сибирь всѣхъ приходившихъ въ Калужскую губернію изъ ближайшихъ мѣстностей сосѣднихъ губерній по своимъ дѣламъ или для прошенія милостыни. До 1823 года всѣхъ бѣглыхъ или бродягъ ждала одна общая участь — отдача на крѣпостныя и другія казенныя работы; закономъ же 23-го февраля 1823 года было предписано всѣхъ такихъ бѣглыхъ людей или бродягъ и вообще всѣхъ не предъявившихъ паспортовъ ссылать на поселеніе въ Сибирь. Результатомъ было то, что въ одномъ только слѣдующемъ, 1824, году, сибирская ссылка разомъ увеличилась на двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Масса самовольныхъ переселенцевъ-крестьянъ съ семьями и домашнимъ скарбомъ, бѣглыхъ крѣпостныхъ, странствующихъ нищихъ, убогихъ, огромныя толпы самаго разнохарактернаго люда ушли на основаніи этого закона въ Сибирь, подведенныя подъ общее понятіе бѣглыхъ и по послѣдствіямъ этого положенія приравненныя къ тяжкимъ уголовнымъ преступникамъ. Произволу и вопіющимъ злоупотребленіямъ стараго чиновничества открылся широкій просторъ, а самое осуществленіе ссылки крайне обременительно отозвалось на государствѣ. Поэтому закономъ отъ 22-го марта 1828 года ссылка въ Сибирь за бродяжество и самое понятіе о бродягахъ и бродяжествѣ были ограничены. Сенатъ и Государственный Совѣтъ разъяснили, что за бродягъ слѣдуетъ признавать только тѣхъ безпаспортныхъ людей, „кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повиновенія постановленнымъ властямъ и уклоняясь отъ исправленія повинностей, удаляются отъ жительствъ своихъ для праздно-

шательства и, не желая имѣть постояннаго мѣстопребыванія, вдаются въ разныя распутства, нерѣдко вовлекающія ихъ въ весьма важныя преступленія". Явилось такимъ образомъ новое опредѣленіе, но, попрежнему не отличая бродяги отъ бѣглаго, оно ввело только еще одинъ новый, и притомъ весьма неудачный, признакъ бродяжества,—безнравственное и общеопасное свойство его побудительныхъ причинъ и цѣлей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не имѣя въ себѣ ничего юридическаго, признакъ этотъ не поддавался опредѣленію, которое къ тому же было предоставлено чинамъ всѣмъ еще памятной старой земской и городской полиціи. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ многихъ условій, о которыхъ рѣчь впереди, изъ среды бродягъ мало-по-малу началъ явственно выдѣляться и принимать опредѣленныя очертанія особый типъ, который не могъ не остановить на себѣ вниманіе закона и правительства. То былъ типъ такого безпаспортнаго скитальца, который, кромѣ отсутствія у него паспорта, еще не хочетъ или не можетъ объявить своего настоящаго имени, званія и происхожденія, а помимо его объясненія—обнаружить ихъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры, оказывается невозможнымъ. Все чаще и чаще стали попадаться въ руки правосудія такіе субъекты, о которые разбивалась вся его проницательность, и которыхъ въ практикѣ стараго суда даже привыкли обозначать общимъ собирательнымъ названіемъ: „Иванъ, не помнящій родства", такъ какъ имя *Иванъ* было ихъ наиболѣе частымъ, любимымъ псевдонимомъ. Возникъ вопросъ, что дѣлать съ такими людьми, какъ относиться къ нимъ, — вопросъ, на разрѣшеніе котораго повліяло не безосновательное убѣжденіе законодателя въ томъ, что если человѣкъ находитъ нужнымъ тщательно скрывать отъ власти свое имя и званіе, то онъ дѣлаетъ это не спроста, а зная за собою что-либо тяжкое, т.-е. является лицомъ весьма опаснымъ для общества и долженъ быть удаленъ изъ него. Взглядъ простой и естественный при общемъ устрашительномъ характерѣ закона, напоминающій собою старый, уже отжившій англійскій судебно-уголовный обычай, повелѣвавшій всякаго, кто отказывается объявить правосудію свое имя, считать въ одно и то же время воромъ, гра-

бителемъ, фальсификаторомъ, поджигателемъ, убійцей, и т. д., т.-е. послѣдовательно его проводить чрезъ всѣ карательные законы и подвергнуть соотвѣтствующему наказанію. Взглядъ этотъ, въ которомъ здравое основаніе заслонено преувеличеннымъ преобладаніемъ устрашительныхъ элементовъ, обусловилъ собою все дальнѣйшее отношеніе нашего закона къ бродяжеству, вызвалъ выдѣленіе бродягъ изъ массы бѣглыхъ и выразился въ нынѣ дѣйствующихъ постановленіяхъ. Бродягами были признаны безпаспортные люди, переходящіе съ мѣста на мѣсто и не хотящіе или не могущіе доказать своего имени, званія и происхожденія. Обрисованное такими чертами бродяжество было возведено на степень уголовнаго преступленія, помѣщено въ сводѣ карательныхъ законовъ и обложено тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ, высшею формой котораго явилась все та же панацея старой репрессіи — ссылка въ Сибирь. Такъ образовалось въ законѣ нынѣшнее понятіе бродяги и бродяжества, выраженное впервые въ уложеніи о наказаніяхъ, изданія 1845 года, повторенное въ сводѣ законовъ, изданія 1857 года, и подробно развитое въ уставѣ о паспортахъ и бѣглыхъ (томъ XIV этого свода). Тяжки и суровы были законныя послѣдствія бродяжества, проникнутыя духомъ дореформеннаго времени. Розги въ случаѣ ложнаго о себѣ показанія, отдача въ военную службу годныхъ къ ней, отдача негодныхъ въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 10—12 лѣтъ, затѣмъ, а также въ случаѣ негодности къ работамъ въ ротахъ, ссылка на поселеніе на Кавказъ или въ Сибирь, наложеніе на правой рукѣ каждаго ссылаемаго клейма съ литерой *Б.* (бродяга),—вотъ что еще на нашихъ глазахъ ожидало бродягу. Еще хуже была участь бродяги-рецидивиста, узнаннаго по клейму, или бродяги, задержаннаго въ предѣлахъ Сибири. Имъ грозили плети (отъ 30 до 50), отдача на 5, 6 лѣтъ на работы на сибирскіе фабрики и заводы или ссылка въ каторжныя работы въ рудники на долгіе сроки. Преступленіе, совершенное бродягой уже по осужденіи, подвергало его, въ качествѣ ссыльнопоселенца, страшному наказанію плетьми или шпицрутенами и долгимъ годамъ самой тяжкой каторжной работы, срокъ которой

иногда далеко простирался за вѣроятные предѣлы жизни человѣческой.

Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Въ великій день 17-го апрѣля 1863 года вмѣстѣ съ другими тѣлесными карами исчезли и бродяжескія клейма. Уложеніе о наказаніяхъ, изданное въ 1866 году (дѣйствующее теперь), значительно измѣнило и смягчило наказанія за бродяжество, а 28-го октября 1871 года было отмѣнено и наказаніе ссыльныхъ шпицрутенами. Тѣмъ не менѣе, если мы бросимъ общій взглядъ на современное положеніе бродягъ предъ закономъ и на содержаніе всѣхъ дѣйствующихъ о нихъ постановленій, то должны будемъ убѣдиться, что постановленія эти, по крайней мѣрѣ, по основной ихъ мысли, во всякомъ случаѣ невозможно упрекнуть ни въ излишней снисходительности и слабости, ни въ недостаткѣ энергіи и репрессивной рѣшительности. Законъ всѣми средствами стремится съ корнемъ вырывать всякое проявленіе бродяжества и не жалѣетъ для этого никакихъ предупредительныхъ и карательныхъ средствъ. Но старая отжившая теорія устрашенія и безповоротнаго изгнанія человѣка изъ общества видимо все еще тяготѣетъ надъ нимъ, и потому слова его звучатъ грозно и страшно, а дѣйствіе часто вяло и слабо, часто не достигаетъ предположенныхъ цѣлей, идетъ въ разрѣзъ съ измѣнившимися условіями культуры и формами быта, и настойчиво, громко требуетъ реформы. Слѣдующіе признаки устанавливаютъ современное понятіе о бродягѣ (рѣзко отдѣленное закономъ отъ понятія о бѣгломъ): 1) странствованіе или переходъ съ мѣста на мѣсто, 2) безъ вѣдома полицейскаго начальства, 3) безъ паспорта и 4) (и самое существенное) безо всякой возможности доказать свое имя и званіе (т.-е. то, что французы называютъ *état civil*, а нѣмцы—*Stand*), или же при упорномъ отъ этого уклоненіи и наименованіи себя не помнящимъ родства. Никто не въ правѣ давать бродягамъ убѣжище, напротивъ, каждый гражданинъ обязанъ преслѣдовать, ловить и представлять ихъ въ полицію. Это же составляетъ особенную и непремѣнную обязанность всѣхъ органовъ исполнительной полиціи, которымъ за поимку каждаго бродяги даже назна-

чается особая долженствующая поощрить ихъ къ ловлѣ денежная награда—по 3 р. за взрослаго, по 1 р. 50 к. за бродягу въ возрастѣ 12 — 17 лѣтъ, по 75 к. за бродягу-ребенка. О каждомъ пойманномъ или явившемся бродягѣ немедленно производится публикація съ описаніемъ его примѣтъ. Затѣмъ начинается та процедура, которую можно назвать бродяжескимъ процессомъ. Бродягу, который прямо назвалъ себя „не помнящимъ родства“ или „безпрозваннымъ“, судятъ безъ дальнихъ околичностей; о безпаспортномъ же, который указалъ свое имя, званіе и происхожденіе, собираютъ справки, а чаще всего отсылаютъ его на указанную имъ родину. Не подтвердится показаніе или прямо окажется ложнымъ, бродягу ждетъ по судебному приговору тѣлесное наказаніе розгами (отъ 30 до 40 ударовъ), независимо отъ другого общаго наказанія за бродяжество, уже упомянутаго. Разъ пересланнаго бродягу не возвращаютъ въ мѣсто первоначальнаго его задержанія, а судятъ тамъ, куда онъ пересланъ и гдѣ обнаружена лживость его показанія (во избѣжаніе дальнѣйшихъ издержекъ и безконечной пересылки). Новыхъ показаній объ имени и званіи, взамѣнъ не подтвердившихся, отъ бродяги уже не принимаютъ. Въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ мытарствъ, бродягъ, и мужчинъ, и женщинъ, ссылаютъ въ Сибирь, гдѣ подъ именемъ водворяемыхъ рабочихъ они входятъ въ составъ особаго класса ссыльныхъ и употребляются на разныя казенныя работы. Исключеніе составляютъ бродяги малолѣтніе, глухіе, слѣпые, нѣмые, дряхлые. Ихъ не ссылаютъ, а помѣщаютъ въ благотворительныя заведенія бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, теперь перешедшія въ вѣдѣніе земства. Бродяжескій процессъ имѣетъ еще одну отягчающую особенность, которая у нихъ, уголовныхъ преступниковъ въ глазахъ закона, отнимаетъ основное и великое право каждаго осужденнаго за преступленіе требовать возобновленія и пересмотра дѣла, въ случаѣ открытія невинности въ томъ преступленіи, за которое онъ осужденъ. Виновность бродяги заключается въ сокрытіи или невозможности доказать свое имя и званіе, но и съ открытіемъ ихъ или съ наступленіемъ возможности ихъ доказать осужденный бродяга остается на-

всегда безнадежнымъ бродягою, вѣчнымъ сибирскимъ поселенцемъ, такъ какъ „никакихъ новыхъ показаній отъ бродяги не пріемлется“. Только до исполненія приговора, пока бродяга еще не сосланъ, возможно возобновленіе и прекращеніе дѣла о немъ, вслѣдствіе обнаруженія его званія; съ момента же приведенія приговора въ исполненіе для бродяги все кончено и только въ одномъ почти несбыточномъ случаѣ онъ можетъ быть возвращенъ на свою обнаруженную родину, именно если до истеченія двухлѣтняго срока его случайно опознаетъ его общество и потребуетъ отъ правительства возвращенія себѣ своего затерявшагося сочлена. Бродягамъ же, бѣжавшимъ изъ Сибири или совершившимъ преступленіе по осужденіи за бродяжество, попрежнему грозятъ плети и долгая каторга.

Рѣзко бросаются въ глаза несовершенства и недостатки изложенныхъ постановленій, которымъ, вѣроятно, при предположенной реформѣ всего уголовнаго законодательства, суждено отойти въ область прошедшаго. По смыслу ихъ, можно быть въ дѣйствительности самымъ отъявленнымъ и неисправимымъ, вреднымъ бродягой въ общепринятомъ значеніи этого слова, шататься безо всякой цѣли и дѣла, чуждаться труда, жить самыми темными, подозрительными средствами и имѣть при этомъ паспортъ—этотъ продуктъ отслужившей время свое системы контроля—и не быть бродягой по закону, быть свободнымъ ото всякой отвѣтственности за свой образъ жизни, явно опасный для общественнаго порядка. Можно, наоборотъ, вести жизнь самую осѣдлую, заниматься постояннымъ промысломъ, имѣть вѣрные, ясные и чистые источники пропитанія, быть семьяниномъ и полезнымъ членомъ общества, и не имѣть паспорта или, по случайному стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не быть въ состояніи документально доказать свой état civil—и сдѣлаться бродягой-арестантомъ и ссыльнымъ, очутиться въ страшномъ безправомъ положеніи тяжкаго и притомъ исключительнаго уголовнаго преступника. Затѣмъ врядъ ли справедливо подводить подъ понятіе бродяги-преступника безразлично какъ того, кто умышленно скрываетъ отъ правосудія личность свою и такою боязнью свѣта прямо указываетъ на мракъ и преступныя

тайны жизни своей, такъ и того, кого сама жизнь съ первыхъ шаговъ выбила изъ колеи, кто самъ не знаетъ, кто онъ такой, и добросовѣстно, правдиво называетъ себя не помнящимъ. Жалости, общественнаго призрѣнія, общественной и частной помощи заслуживаетъ такой несчастный, а не уголовнаго преслѣдованія и наказанія. Далѣе, нельзя не указать на чрезвычайную и, быть можетъ, излишнюю строгость сложнаго наказанія за бродяжество, совмѣщающаго въ себѣ и работы въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, и вѣчную ссылку въ Сибирь, и въ большинствѣ случаевъ тѣлесное наказаніе. Все это далеко оставляетъ за собою послѣдствія бродяжества, vagabondage, по французскому праву, которое караетъ его лишь тюремнымъ заключеніемъ на 3—6 мѣсяцевъ и затѣмъ продолжительнымъ нахожденіемъ подъ высшимъ полицейскимъ надзоромъ. Строгость и тяжесть наказанія, какъ неопровержимо доказали статистика и практика, не достигли цѣли своей, и не имъ, а причинамъ совершенно другого характера предстоитъ повліять на уменьшеніе бродяжества. Онѣ только дали Сибири нѣсколько лишнихъ тысячъ въ годъ людей, готовыхъ на все,— людей, объявившихъ правильному гражданскому быту войну на жизнь и смерть. Бродягъ умышленныхъ, завѣдомыхъ онѣ не устрашили и не удержали отъ бродяжества, а напротивъ, нерѣдко открывали имъ вѣрное законное убѣжище и доступъ къ безнаказанности своихъ другихъ тягчайшихъ преступленій; меньшинство же—бродягъ несчастныхъ—кара закона поражаетъ слишкомъ жестоко и незаслуженно. Наконецъ, тѣлесное наказаніе, назначаемое бродягамъ за ложное о себѣ показаніе, представляетъ единственный сохранившійся въ нашемъ общемъ уголовномъ законѣ случай примѣненія этой кары минувшаго и является послѣднимъ обрывкомъ пережитыхъ уже нами старыхъ дореформенныхъ временъ. Кромѣ того, оно противорѣчитъ и тому основному началу новаго судопроизводства, по которому никакое показаніе, хотя бы и ложное, никогда не ставится въ вину подсудимому.

Таково бродяжество по закону. Посмотримъ, каково оно въ дѣйствительности, что̀ скрывается подъ тѣмъ таинственнымъ покровомъ, который законъ и судъ опускаютъ надъ бродягою.

Многимъ изъ того, что уже было сказано, намѣчается первое основаніе для классификаціи бродягъ. Всю массу бродягъ, не помнящихъ, безпрозванныхъ, незаконнорожденныхъ и т. д., проходящихъ предъ уголовнымъ судомъ, можно раздѣлить на двѣ группы, неравныя по объему и содержанію. Въ *одну*, бо́льшую, войдетъ множество *бродягъ умышленныхъ*, притворныхъ, старательно скрывающихъ отъ правосудія свою дѣйствительную личность подъ маскою „не помнящаго родства“, а *другую*, меньшую, составитъ сравнительно незначительное количество *бродягъ дѣйствительныхъ*, не знающихъ или не помнящихъ своего имени и происхожденія, или же и то, и другое знающихъ, но доказать и возстановить не могущихъ. Остановимся на минуту на этой послѣдней группѣ. Какъ бы ни показалось это страннымъ и невѣроятнымъ, практика заставляетъ убѣдиться, что бываютъ, хотя ихъ и немного, такіе жалкіе, безпомощные люди, затерявшіеся въ круговоротѣ жизни. Они бродяги въ полномъ, и уголовномъ, и житейскомъ, смыслѣ этого понятія. Законъ караетъ и ссылаетъ ихъ, но не они, а безпощадная судьба ихъ виновата предъ нимъ. Сами же они въ большинствѣ случаевъ не желали бы ничего, кромѣ угла, покоя и куска хлѣба. Если же судъ находитъ ихъ стоящими на дурномъ пути, на пути другихъ, кромѣ бродяжества, преступныхъ дѣяній, то они въ правѣ сказать, что не этотъ дурной путь, не преступленія сдѣлали ихъ бродягами, а что, наоборотъ, такъ сказать, природное или по меньшей мѣрѣ давнишнее бродяжество толкнуло ихъ къ паденію. Нѣсколько иллюстрирующихъ примѣровъ пояснятъ, кто эти люди и какъ можетъ жизнь произвести такія уродливыя, ненормальныя явленія. Нищіе, цыгане, прохожіе странники увели съ собою встрѣтившагося ребенка. Долго онъ ходилъ съ ними, потерявъ всякое воспоминаніе о своей родинѣ и родныхъ, отъ которыхъ его отдѣлили огромныя пространства; имя ему дали новое, паспортомъ же снабдить или къ сословію приписать не могли или не хотѣли его бродячіе покровители, и вотъ онъ выросъ и, разлученный съ ними смертью или обстоятельствами, остался одинъ бездомнымъ и безыменнымъ бродягою. Прошедшаго своего, дѣйствительнаго име-

ни, званія, родныхъ—ничего онъ не знаетъ; чѣмъ же и быть ему какъ не бродягою? Первое столкновеніе съ властью, съ официальными рамками общества,—и дорога въ Сибирь для него открыта. Въ эпоху крѣпостного права помѣщичій крестьянинъ, по примѣру многихъ тысячъ своихъ товарищей и предшественниковъ, бѣжалъ въ вольныя степи Новороссійскаго края, это стародавнее убѣжище всякихъ бѣглецовъ и всякихъ „сходцевъ". Бѣжалъ онъ съ семьей, съ дѣтьми, но конечно безъ паспорта; поселившись на новомъ мѣстѣ, онъ умеръ, не успѣвъ или не сумѣвъ ни самъ прочно пристроиться, ни пристроить дѣтей. Оставленные на произволъ судьбы, они бредутъ по разнымъ мѣстамъ кормиться чѣмъ знаютъ и чѣмъ могутъ. Скоро попадаются они какъ безпаспортные и конечно не могутъ доказать своего часто даже имъ самимъ вовсе неизвѣстнаго званія. Имъ остается одна неизбѣжная участь бродягъ, хотя бы и неповинныхъ въ своемъ бродяжествѣ. Такой же судьбѣ подвергаются нерѣдко злополучныя дѣти всякихъ другихъ бѣглецовъ, покинутыя своими родителями. Знаменательно и выразительно называютъ себя нѣкоторые бродяги *„незаконнорожденными"*. Подкинутый младенецъ, незаконнорожденный, отданный въ частныя руки на воспитаніе и своими воспитателями брошенный или отъ нихъ отбившійся, питомецъ воспитательнаго дома, не приписанный еще ни къ какому состоянію, а нумеръ и запись котораго случайно затерялись, легко могутъ впослѣдствіи сдѣлаться бродягами предъ закономъ. Все это примѣры невиннаго бродяжества смолоду, но бываютъ и случаи бродяжества, такъ сказать, отъ старости. Вотъ одинъ не лишенный характерности казусъ изъ недавней судебной практики. Лѣтъ 50 тому назадъ въ столичной управѣ благочинія служилъ скромный писецъ, мало-по-малу дослужившійся и до класснаго чина. Трудно сказать, какія исключительныя событія случились въ его тускломъ существованіи, но только, прослуживъ лѣтъ двадцать, онъ вышелъ въ отставку, бросилъ свой насиженный канцелярскій стулъ, распрямилъ свою сгорбленную надъ бумагами спину, получилъ указъ объ отставкѣ и отправился бродить по святымъ мѣстамъ нашего необъятнаго отечества. Странническія скитанія столк-

нули его и съ расколомъ; онъ втянулся въ него и, какъ письменный, опытный человѣкъ, самъ пригодился подпольной работѣ раскола. Многіе, долгіе годы переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ монастыря въ монастырь, обошелъ раскольничьи скиты и молельни и раскольничьи поселки дальняго Сѣвера, Поволжья, всей Лѣсной полосы, побывалъ и въ Сибири, и среди своихъ странствованій, питаясь частью отъ гостепріимства и подаянія, частью отъ кое-какихъ случайныхъ занятій, потерялъ свой указъ объ отставкѣ. Давно привыкшій пробираться окольными путями и обходить большіе пути и полицію, онъ скоро забылъ о своей потерѣ и не позаботился о возобновленіи паспорта. Случайно забрелъ онъ въ Ирбитъ, Пермской губерніи, и здѣсь, на 70-мъ году отъ рожденія, былъ задержанъ какъ безпаспортный. Пришлось вспомнить и заявить свое совсѣмъ было заглохшее званіе. Старый чиновникъ былъ отправленъ въ столицу для провѣрки его показанія. Здѣсь его ждало горестное извѣстіе. Оказалось совершенно невозможнымъ не только доказать и подтвердить, но даже хотя сколько-нибудь провѣрить его показаніе. Въ управѣ благочинія его никто не узналъ; за истекшіе долгіе годы сослуживцы его частью повымерли, частью разбрелись, въ архивѣ документовъ, писанныхъ его рукой, не нашлось, да и какой почеркъ въ десятки лѣтъ не сдѣлается неузнаваемымъ для сличенія. Оказалось, что дѣйствительно въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ управѣ благочинія служилъ и потомъ былъ уволенъ такой чиновникъ, какимъ называлъ себя безпаспортный старикъ, но установить тождество между ними не было возможности. Немногіе родные его давно умерли, знакомыхъ онъ и прежде почти не имѣлъ, и такимъ образомъ ему осталось одно—смириться предъ названіемъ бродяги и безропотно принять приговоръ объ этомъ суда. А между тѣмъ одного взгляда на его типическую сѣдую фигуру, сохранившую еще характерныя черты приказнаго старыхъ временъ, нѣсколькихъ оригинальныхъ выраженій его канцелярскаго цвѣтистаго слога было достаточно, чтобы признать совершенное правдоподобіе за разсказомъ его о себѣ, который дышалъ добродушною и правдивою простотой. Несмотря на свои преклон-

ные годы, старикъ былъ еще крѣпокъ и „къ слѣдованію въ Сибирь способенъ“. Такъ, время отъ времени, предъ органами полиціи и суда проходятъ эти несчастные люди, нерѣдко сами являющіеся ко власти съ разсказомъ о своемъ положеніи и съ заявленіемъ, что шататься они устали и что теперь пусть начальство само позаботится о нихъ, какъ знаетъ, и дѣлаетъ съ ними, что хочетъ. Отъ нихъ же можно слышать на вопросъ о вѣроисповѣданіи такой отвѣтъ, не лишенный трогательной наивности: „Какой вѣры—не знаю, а должно быть православной, потому крестъ у меня есть, да и сердце больно лежитъ къ церкви“. Вѣритъ такимъ бродягамъ и сама власть, самъ судъ; но законъ о бродяжествѣ ставитъ безвыходную дилемму, и по буквѣ его приходится карать за внѣшніе, формальные признаки преступленія, которое въ сущности есть скорѣе несчастіе.

Въ противоположность маленькой группѣ дѣйствительныхъ бродягъ, представляющихъ исключеніе, бродяги притворные составляютъ, нужно сознаться, общее правило. Но и ихъ опытъ дозволяетъ раздѣлить на двѣ категоріи, неодинаковыхъ вреда и преступности—на бродягъ *случайныхъ* и бродягъ, если можно такъ выразиться, *коренныхъ*. Первое, это—всѣ тѣ, кого исключительныя, въ высшей степени неблагопріятно сложившіяся обстоятельства ихъ жизни заставляютъ навсегда или на время исчезнуть изъ общества безъ слѣда и по тѣмъ или другимъ причинамъ уклоняться отъ розысковъ и распоряженій властей. Въ объявленіи себя при задержаніи бродягою, не помнящимъ они находятъ отличное средство къ достиженію цѣли, а о значеніи и послѣдствіяхъ этого объявленія, о свойствѣ бродяжескаго процесса они узнаютъ изъ разсказовъ и преданій, свято сохраняющихся по острогамъ и по этапамъ, на большихъ дорогахъ, въ странническихъ толпахъ и нищенскихъ партіяхъ, въ ночлежныхъ домахъ большихъ городовъ, словомъ, вездѣ, гдѣ стекается темный и съ обществомъ не ладящій людъ. Сюда относится множество самыхъ разнохарактерныхъ личностей и положеній, самыхъ разнообразныхъ житейскихъ невзгодъ. Это толпа необычайно пестрая и смѣшанная, достойная кисти художника. Здѣсь военный дезертиръ, бѣжавшій отъ тягостей

прежней военной службы или отъ строгой дисциплины настоящей, ловкій и бывалый арестантъ, бѣжавшій изъ мѣста заключенія и удачно пробравшійся вдаль отъ него; раскольникъ-бѣгунъ, исповѣдникъ выросшей на русской почвѣ цѣлой религіи бродяжества, признающей паспортъ за печать антихриста; приказчикъ или сынъ, который промоталъ хозяйскія или отцовскія деньги и которому страшно и совѣстно вернуться домой; мелкій воришка, занимающійся кражами какъ ремесломъ, много разъ судившійся и боящійся долгаго слѣдствія и сидѣнія въ тюрьмѣ. Здѣсь далѣе бродяги изъ болѣе невинныхъ побужденій—сынъ, ушедшій изъ дому отъ жестокаго обращенія родителей или отъ мачихи, ученикъ, бѣжавшій отъ побоевъ и истязаній мастера-хозяина; рабочій или крестьянинъ — съ заработка, въ концѣ прогорѣвшій, пропившійся и стыдящійся показать глаза на родину, старый дворовый, котораго воля выбила изъ колеи и котораго никакое общество не принимаетъ, потому что онъ никому и ни на что̀ не годенъ; рабочій, который потерялъ или просрочилъ свой паспортъ и которому общество за недоимки не хочетъ выдавать новаго; жена, скрывающаяся отъ мужа и его преслѣдованій; еврей, упорно скрывающій причины своего бродяжества, много, много и другого разнаго люда, котораго не перечтешь. Все это лица или знающія за собою разныс большіе и малые грѣхи и имѣющія разсчетъ даже подъ покровомъ бродяжества скрывать ихъ отъ правосудія, или же люди совсѣмъ замотавшіеся, сбившіеся съ пути и не знающіе, куда преклонить свою голову, или же просто люди, очертя голову, по чьему-либо наущенію, бросающіеся въ бродяжество. Имъ все равно, хоть въ Сибирь, только бы уйти изъ настоящаго своего положенія. А иногда и просто нужно или хочется быть пересланнымъ для провѣрки показанія изъ какой-нибудь дальней окраины куда-нибудь, хоть, напр., въ Москву (это любимый бродяжескій центръ). Бываетъ и такъ, что человѣка толкаетъ въ бродяжество гнетущая, безвыходная нищета; бѣдняку надоѣдаетъ биться, какъ рыбѣ объ ледъ, не знать навѣрное, не умретъ ли онъ завтра съ голоду или не замерзнетъ ли на улицѣ: вотъ онъ и ищетъ въ качествѣ бродяги теплаго угла

въ тюрьмѣ и вѣрнаго куска арестантскаго хлѣба. Нужда страшная, заработокъ трудный, привычка къ труду и желаніе его небольшія, невѣжество и грубость — тоже не маловажныя и частыя условія случайнаго бродяжества. Бродяга-дезертиръ былъ особенно часто попадавшійся прежде видъ такого бродяжества. И теперь еще нерѣдко предъ судомъ появляется въ качествѣ „не помнящаго“ старикъ-подсудимый съ явно военною выправкой, съ типическою солдатскою внѣшностью и типическою солдатскою рѣчью, съ употребленіемъ особыхъ извѣстныхъ фразъ при обращеніи къ судьямъ какъ къ начальству. Въ значительномъ количествѣ дѣлъ случайные бродяги подвергаются бродяжескому процессу, но до Сибири дойти не успѣваютъ. Ихъ или узнаютъ и изобличаютъ, или же сами они, одумавшись или по измѣнившимся обстоятельствамъ, обнаруживаютъ свое настоящее имя и происхожденіе. На тюремно-бродяжескомъ языкѣ (на „музыкѣ“) есть даже особое техническое выраженіе для обозначенія такого дѣйствія подсудимаго бродяги: это называется открыть *„родъ жизни“*. Случайные бродяги, не открывшіе „рода жизни“, заслуживаютъ уголовнаго преслѣдованія и отвѣтственности и если, быть можетъ, не такой строгой, какъ теперь, то во всякомъ случаѣ не могутъ оставаться безнаказанными.

Послѣдній классъ бродягъ, бродяги *коренные*, бродяги по преимуществу, представляетъ самый мрачный, темный фонъ бродяжества. Къ нимъ навѣрное принадлежитъ большая половина бродягъ собственно русскихъ и почти всѣ бродяги сибирскіе. Это одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего уголовнаго законодательства, тюремной части и разныхъ существующихъ карательныхъ порядковъ, это язва всей нашей уголовной сферы и грозный врагъ общественной безопасности. Коренные бродяги—это ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, осужденные за самыя тяжкія уголовныя преступленія и затѣмъ бѣжавшіе изъ Сибири, съ мѣста ссылки или работъ. Страшно и жутко звучитъ уже одно выраженіе: бѣглый каторжникъ или бѣглый ссыльный. Не помирившіеся со своею участью и ей не покорившіеся, не усмиренные и исправленные, а еще болѣе ожесточенные ссылкой и Сибирью, ссыльные всѣхъ сословій и

всѣхъ категорій толпами бѣгутъ изъ нея, добиваясь возврата въ Россію, на родину, или хоть какой-нибудь, самой жалкой свободы. Трудно представить себѣ что-нибудь безотраднѣе и мрачнѣе тѣхъ красокъ, которыми и офиціальныя, и частныя данныя рисуютъ историческій ходъ и современное состояніе сибирской ссылки. Съ самаго начала правильной ея организаціи, съ тѣхъ поръ какъ въ половинѣ XVII столѣтія впервые „денежнаго дѣла воровъ и мастеровъ Великій Государь пожаловалъ казни имъ не чинить, а ссылать съ женами и дѣтьми на вѣчное житье и устроить на пашню“, ссылка никогда не удовлетворяла ни колонизаціоннымъ, ни карательнымъ цѣлямъ и только глубоко извращала ихъ. По безчисленнымъ и разнообразнымъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто и на которыя въ послѣднее время было обращено особое вниманіе правительства, исторія сибирской ссылки вплоть до нашихъ дней была исторіею сплошного ряда неустройствъ и безпорядковъ, огромныхъ непроизводительныхъ затратъ и разочарованій, злоупотребленій и безсилія власти, ненужной жестокости и вопіющей слабости наказаній. Не лучше и современное ея положеніе: настоящей каторги въ дѣйствительности въ Сибири почти нѣтъ, ссылка на поселеніе всѣхъ родовъ слилась въ одно ненормальное и безвыходное положеніе поселенца. Огромный классъ преступниковъ, числомъ до 200 тысячъ человѣкъ, ни чѣмъ съ Сибирью не связанный, заключенъ въ предѣлы ея и остается какъ для нея, такъ и для метрополіи вѣчнымъ и могучимъ источникомъ самыхъ растлѣвающихъ элементовъ и неистощимымъ разсадникомъ всякаго зла. „Сибирская ссылка“,—говоритъ профессоръ Фойницкій въ исторической запискѣ, составленной имъ подъ редакціей предсѣдателя Высочайше утвержденнаго комитета для окончательнаго обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи въ Имперіи,—„во всѣхъ ея видахъ находится въ положеніи весьма неудовлетворительномъ. Не достигая ни карательныхъ, ни финансовыхъ, ни колонизаціонныхъ задачъ, она уничтожаетъ безплодно цѣлыя поколѣнія, создаетъ и поддерживаетъ бродяжество, ложась вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелымъ бременемъ на

народномъ и государственномъ хозяйствѣ". Ссылка же, стало-быть, есть одна изъ главныхъ причинъ и условій бродяжества. Бѣглые съ Ермакомъ во главѣ нѣкогда покорили Сибирь и поклонились ею царю Ивану Васильевичу; бѣглые же и понынѣ подъ именемъ бродягъ-*варнаковъ* держатъ Сибирь въ страхѣ и трепетѣ, перенося и въ Россію свое бродяжество и свои преступленія. Побѣги составляютъ нормальное явленіе сибирской ссылки, усиливаясь къ лѣту, уменьшаясь къ зимѣ. Изъ каторжныхъ тюремъ и съ ссыльныхъ поселковъ не бѣгаетъ только тотъ, кто не хочетъ. По приблизительному расчисленію, почти четвертая часть, около 25% всего каторжнаго и ссыльнаго поселенія Сибири, находится въ бѣгахъ. Это цѣлое бродячее населеніе, бродяжество, возведенное въ систему, въ своеобразно сложившійся бытъ. На виду у всѣхъ, всѣмъ привычные и извѣстные десятки тысячъ бродягъ-варнаковъ, рыская какъ голодные волки, дошедшіе до крайней степени человѣческаго униженія, пробираются къ Уралу, къ Россіи по большимъ сибирскимъ дорогамъ, по непроходимымъ лѣснымъ тайгамъ и безплоднымъ, безконечнымъ степямъ, по широкимъ судоходнымъ рѣкамъ. Голодъ, морозы, болѣзни, лишенія всякаго рода, преслѣдованія мѣстныхъ жителей, взаимная борьба за существованіе истребляютъ ихъ тысячами, но ничто не можетъ остановить ихъ неудержимаго потока, который изъ года въ годъ течетъ по необъятнымъ пространствамъ Сибири. Нужно ли говорить, что такимъ людямъ съ ихъ жгучею жаждой преступной свободы ни предъ чѣмъ останавливаться не приходится, и что многочисленнѣйшія, разнообразнѣйшія преступленія непрерывно отмѣчаютъ ихъ путь Потерпѣвшіе отъ этихъ преступленій— мѣстное населеніе, которое поэтому и ведетъ съ бродягами постоянную, но почти безплодную борьбу. Было время, когда мѣстные мирные и осѣдлые жители были проникнуты сочувствіемъ и жалостью къ бѣглымъ или „утеклецамъ", по старому выраженію, когда они называли ихъ не иначе какъ *„несчастными"* и на ночь у каждой избы на особой полочкѣ выставляли для нихъ съѣстные припасы. По единогласному свидѣтельству компетентныхъ людей, это время прошло безвозвратно. Обыва-

тели ожесточились: кражи, грабежи, поджоги, насилія, убійства возстановили ихъ противъ варнаковъ, и теперь они видятъ въ бродягахъ своихъ злѣйшихъ враговъ, водятся еще съ ними изъ страха, по необходимости, но презираютъ, ненавидятъ ихъ и при случаѣ не щадятъ. Тѣмъ хуже стало положеніе сибирскаго бродяжества, у котораго въ долгіе годы его существованія успѣли образоваться свои особенные взгляды и понятія, свой modus vivendi, нѣчто въ родѣ своего обычнаго права и общиннаго устройства, свои преданія, герои, даже свои пѣсни, неизмѣнно воспѣвающія печальную судьбу „бѣднаго, несчастнаго мальчика (такъ любятъ звать себя бродяги) на чужой дальней сторонѣ". Цѣль же у сибирскихъ бродягъ у всѣхъ одна—перебраться въ Россію и здѣсь или даже въ самой Сибири явиться законнымъ бродягою, т.-е. не помнящимъ родства, судиться за это и такимъ образомъ, пострaнствовавъ по городамъ и острогамъ, избавить себя отъ дальнѣйшаго отбыванія несравненно болѣе тяжкаго наказанія. Многимъ и слишкомъ многимъ это удается довольно легко, особенно теперь, послѣ отмѣны клеймъ и плетей, для обнаруженія слѣдовъ которыхъ законъ и до сихъ поръ еще предписываетъ каждаго вновь пойманнаго бродягу подвергать медицинскому освидѣтельствованію. Какому-нибудь тяжкому уголовному преступнику, осужденному въ Петербургѣ или Москвѣ, удается бѣжать изъ Сибири, съ каторги; старательно избѣгая мѣстъ, близкихъ къ мѣсту своей судимости, онъ прокрадывается на югъ, куда-нибудь въ Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую губерніи. Здѣсь его ловятъ какъ безпаспортнаго, онъ объявляетъ себя бродягою, не помнящимъ, судится за это и никѣмъ не узнанный, никому неизвѣстный, подвергается ничтожному уже для него наказанію за бродяжество. Можно почти поручиться, что ровно половина, если не больше, нашихъ русскихъ бродягъ, такіе сами себя, но посредствомъ закона, простившіе преступники, бѣглые изъ Сибири. Обманъ обнаруживается чрезвычайно рѣдко; мѣна, покупка и продажа именъ и званій, разныя ловкія, но ложныя указанія и хитрые осторожные изворoты и увертки, огромность разстояній, безпорядки въ управленіи ссыльною частью въ Сибири,—все это такъ запу-

тываетъ дѣло, что самый искусный слѣдователь не найдетъ въ немъ руководящей нити.

Вотъ въ немногихъ словахъ мрачная и скорбная эпопея сибирскаго бродяжества. Понятно, какими опасностями могутъ грозить такіе разрушительные его элементы, если они находятъ возможнымъ, — а это доказываетъ статистика и рядъ уголовныхъ процессовъ,—ютиться и прозябать вблизи отъ насъ, даже въ большихъ людскихъ центрахъ, среди всякихъ предосторожностей, которыми обставлено мирное общежитіе. Понятно также и то, что для борьбы общества съ такими коренными бродягами всѣ наши предупредительные и карательные законы о бродяжествѣ представляютъ совершенно безсильное орудіе. Дѣйствіемъ этихъ законовъ ихъ не испугаешь и не истребишь, уже по одному тому, что они сами всѣми силами желаютъ и домогаются ихъ примѣненія надъ собой и, втихомолку посмѣиваясь надъ правосудіемъ, благословляютъ эти законы за тотъ удобный и всегда готовый выходъ, который въ понятіи о бродяжествѣ они устроили для всякаго энергичнаго и ловкаго сибирскаго бѣглеца. А такъ какъ сибирская ссылка, повидимому, неисправима, то искоренить коренныхъ бродягъ есть только одно средство: уничтожить или, по крайней мѣрѣ, радикально ограничить дальнѣйшее ея примѣненіе.

Таковы русскіе бродяги, какъ понятіе въ законѣ и какъ бытовое общественное явленіе. Обозрѣвая же его въ историческомъ ходѣ его развитія, со стороны причинъ, которыя его создали и поддерживали въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, мы, признавая его явленіемъ въ всякомъ случаѣ печальнымъ и ненормальнымъ, будемъ въ правѣ придти вмѣстѣ съ тѣмъ и къ довольно утѣшительному выводу. Множество самыхъ разнообразныхъ историческихъ условій воспитали въ русскомъ народѣ неудержимую страсть къ бездомному скитанію; какъ болѣзненное, хроническое проявленіе этой страсти выросло и окрѣпло русское бродяжество. Древніе новгородскіе *вольные*, *пришлые* люди, *гулящіе* люди Московскаго государства, тянувшіе отовсюду къ его окраинамъ, *сходцы* и *утеклецы* всѣхъ возможныхъ родовъ,—все это прямые историческіе предки нашихъ бродягъ.

Историки рисуютъ страшныя картины старой, расходящейся во всѣ стороны, бредущей врозь Руси. Осѣдлость представляетъ только одну и далеко не первенствующую форму быта; рядомъ съ нею и часто побѣждая ее, движутся безчисленные бродячіе элементы, и осѣдлые люди въ своихъ челобитныхъ властямъ не находятъ лучшаго аргумента въ подкрѣпленіе своихъ ходатайствъ, какъ указаніе на то, что имъ остается только одно—брести врозь, бродяжить. Безконечно длинною цѣпью тянутся чрезъ всю русскую исторію причины и условія бродяжества: войны, усобицы, смуты, броженіе разной вольницы, скопленія ея и казачество какъ убѣжище гулящихъ людей, холопство, потомъ крѣпостное состояніе крестьянъ, крайнія тяжести прежней военной службы, жестокія тѣлесныя и членовредительныя наказанія всякаго рода, грозившія преступникамъ и заставлявшія ихъ искать спасенія въ бѣгствѣ и бродяжествѣ. Все это мало-по-малу, одно за другимъ прошло и кануло въ вѣчность: окрѣпла осѣдлость, распространилась гражданственность, водворился государственный и общественный порядокъ, пало крѣпостное право, исчезли тяжести военной службы, смягчились уголовныя наказанія. Россія настоящаго великаго царствованія есть Россія великихъ реформъ и великихъ задачъ, Россія прогресса и свѣта. Мало осталось въ ней мѣста и для бродяжества, этого обломка темнаго стараго времени. Есть еще условія, которыя питаютъ его, но ихъ немного, и всѣ они могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ категоріямъ. Это—сибирская ссылка, нѣкоторыя несовершенства дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ, затѣмъ нищета и невѣжество народной массы. Первыя двѣ доживаютъ свои послѣдніе дни, мы, повидимому, живемъ наканунѣ радикальной реформы нашего уголовнаго законодательства. Будемъ же надѣяться, что мало-по-малу изгладятся или смягчатся и два послѣднія условія: нищета смѣнится благосостояніемъ, а невѣжество исчезнетъ предъ просвѣщеніемъ. Падая и разрушаясь, они унесутъ съ собою и русское бродяжество.

НАШИ ТЮРЬМЫ И ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ [1].

(1878 г.).

I.

На рубежѣ уголовнаго права стоитъ общензвѣстная истина, вводящая въ его область и ее освѣщающая. Тщательно изслѣдованная и доказанная величайшими мыслителями новаго времени, сдѣлавшаяся теперь уже аксіомой—она гласитъ: государство, во имя всѣхъ представляемыхъ и охраняемыхъ имъ интересовъ, имѣетъ право и несетъ обязанность наказывать своихъ преступниковъ. Для этого оно устанавливаетъ рядъ законовъ о наказаніяхъ, подъ страхомъ которыхъ запрещаются извѣстныя дѣянія, обозначенныя именемъ преступленій. Сущность этихъ наказаній, независимо отъ ихъ различія, независимо даже отъ того или другого преобладающаго взгляда на нихъ, заключается въ томъ, что, совершая преступленіе, виновный тѣмъ самымъ какъ бы принимаетъ на себя предъ государствомъ обязанность вознаградить за причиненный имъ нравственный, интеллектуальный или экономическій вредъ; такую свою обязанность онъ отбываетъ, предоставляя въ распоряженіе государства разныя свои человѣческія и гражданскія блага. Государство же лишаетъ преступника одного или нѣсколькихъ благъ.

---

[1]) Публичная лекція, читанная авторомъ 12-го февраля 1878 года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на публичномъ курсѣ, открытомъ профессорами Университета для составленія капитала, проценты съ котораго предназначены на учрежденіе стипендій для дѣтей воиновъ и военныхъ врачей, пострадавшихъ въ минувшую войну съ Турціей —Русскій Вѣстникъ, 1878 г, Апрѣль.

или всѣхъ ихъ взятыхъ вмѣстѣ, или же только части какого-либо изъ нихъ. Такое отнятіе или пораженіе благъ виновнаго и есть уголовное его наказаніе. Отсюда, соотвѣтственно разнообразію и различію благъ, разнообразятся и различаются и наказанія, кары, ихъ поражающія. Такъ складывается обширная система наказаній, направленныхъ противъ разныхъ благъ. Благо жизни поражается смертною казнью, благо тѣлесной неприкосновенности, здоровья—тѣлесными или членовредительными наказаніями, благо обладанія извѣстными политическими и гражданскими правами и благо чести — лишеніемъ правъ и разными осрамительными наказаніями, блага имущественныя—денежными взысканіями, благо свободы перемѣщаться и дѣйствовать—лишеніемъ свободы, благо внутренней личной независимости—замѣчаніями, выговорами, внушеніями и мѣрами церковной дисциплины. Всѣ перечисленныя формы представляютъ одно общее значеніе—наказанія, но являются его различными *средствами*. Выборы этихъ средствъ, способы и особенности ихъ примѣненія надъ человѣческою и гражданскою личностью преступника всецѣло зависятъ отъ сложнаго ряда многихъ условій. Ихъ можно свести къ двумъ главнымъ капитальнымъ пунктамъ: во-первыхъ, *къ цѣли*, какую стремятся достигнуть посредствомъ наказанія вообще, и, во-вторыхъ, *къ свойствамъ*, какихъ отъ него требуютъ. Ученіе о цѣли, свойствахъ и, какъ результатѣ ихъ, о средствахъ наказанія нельзя не признать важнѣйшимъ отдѣломъ всей сферы общихъ криминальныхъ началъ, и притомъ такимъ, который имѣетъ наибольшее политическое и соціальное значеніе, отличается животрепещущимъ характеромъ вопроса всегда жизненнаго и всегда интереснаго, потому что вопросъ о томъ, какъ, для чего и чѣмъ наказываетъ государство преступниковъ, всегда былъ и будетъ существеннымъ и сильнымъ факторомъ культуры. Ученіе это и положительное выраженіе его въ законодательствахъ прошло чрезъ всѣ послѣдовательные фазисы историческаго развитія народовъ и испытало на себѣ всѣ періоды цивилизаціи, неизбѣжно отражая духъ и вѣянія времени, неизмѣнно ими проникнутое и обусловленное. Въ одну общую и почти однородную массу сливаются воззрѣнія на на-

казаніе древняго міра, среднихъ вѣковъ и новаго времени до конца XVIII столѣтія. Тяжко отомстить преступнику за совершенное имъ преступленіе, устрашить этою страшною местью другихъ, будущихъ, возможныхъ преступниковъ (experimenta in anima vili), расправиться съ нимъ разомъ, моментально и радикально, на вѣки извергнуть его изъ общества,—вотъ старая цѣль наказанія. Разсматривать преступника какъ презрѣннаго отверженца общества, достойнаго всякихъ страданій и всякихъ невзгодъ, игнорировать и вслѣдствіе этого топтать въ грязь его человѣческую личность и его человѣческое достоинство—вотъ отношеніе, опредѣлявшее старыя свойства уголовной кары. Удовлетворять же такимъ цѣлямъ, совмѣщать такія свойства въ себѣ могли, главнымъ образомъ, смертная казнь и разнообразныя тѣлесныя, членовредительныя и осрамительныя наказанія, которыя поэтому въ теченіе многихъ вѣковъ и были исключительными или преобладающими средствами наказанія. Второстепенною, хотя и необходимою, прибавкой къ нимъ, а также мѣрой переходною, временною (*подслѣдственною*, какъ мы говоримъ теперь) явилось *лишеніе свободы* и простѣйшій, легчайшій, а поэтому наиболѣе практикуемый видъ ея—тюремное заключеніе, *тюрьма*. На ней сказались всѣ старыя цѣли и свойства уголовнаго наказанія. Заключеннаго нужно было только покрѣпче и побезусловнѣе отрѣзать отъ общества; отсюда—высокія стѣны, толстыя двери, тяжелыя цѣпи и ни малѣйшей заботы о какомъ бы то ни было благосостояніи узника, полнѣйшее пренебреженіе къ его участи. Но тюремное заключеніе было слишкомъ трудно, неудобно и дорого сдѣлать пожизненнымъ. Нужно было поэтому позаботиться о томъ, чтобъ отнять у арестанта всякую возможность возврата въ его прежнее общество; отсюда—волчій паспортъ, клейменіе, инфамія, лишеніе чести и вѣчное лишеніе правъ. Рухнулъ старый порядокъ, отжили время свое и изгладились старые принципы и старые взгляды, измѣнились цѣли, свойства и средства наказанія—измѣнился и характеръ тюрьмы. Удалять изъ общества только рѣдкихъ, неисправимыхъ злодѣевъ и вообще лишать преступника извѣстнаго, дорогого для него, блага лишь настолько, на-

сколько это необходимо для соразмѣрности съ его преступленіемъ, а главнымъ образомъ не только исправить его, но и перевоспитать, уничтожить въ немъ преступные импульсы и злые инстинкты, подготовить и облегчить ему возвратъ въ общество къ новой честной жизни—вотъ провозглашенныя наукой новыя цѣли новаго, намъ современнаго наказанія. Признавать въ преступникѣ прежде всего и больше всего человѣка, которому не чуждо ничто человѣческое, видѣть въ немъ не только виновнаго, но и страдающаго и несчастнаго,—вотъ проникнутое духомъ гуманности отношеніе, опредѣляющее новыя свойства современныхъ уголовныхъ каръ. Для того же, чтобы быть справедливыми и всегда уравновѣшивать собою преступленія, онѣ, кромѣ того, еще должны допускать возможно свободное и легкое дробленіе и дѣленіе, расчлененіе и сложныя комбинаціи элементовъ и частей. Такимъ наказаніемъ можетъ быть только одно лишеніе свободы, а изъ всѣхъ видовъ его — тюремное заключеніе по преимуществу. Поэтому лишеніе свободы и тюрьма, какъ лучшая форма его, представляютъ въ настоящее время господствующее и преобладающее средство наказанія; мало-по-малу оно всюду вытѣсняетъ собою или по крайней мѣрѣ отодвигаетъ на второй планъ всѣ другія наказанія, которыя становятся по отношенію къ нему наказаніями или только добавочными, или экстраординарными, замѣняющими его какъ суррогатъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Сообразно своему новому значенію и своимъ новымъ высокимъ задачамъ, современная тюрьма потребовала и такого новаго цѣлесообразнаго устройства, которое, рѣзко отличая ее отъ дореформеннаго ея типа, поставило бы ее на высоту ея великаго призванія: быть въ современномъ цивилизованномъ мірѣ главнымъ и лучшимъ средствомъ наказанія. Подъ вліяніемъ могучихъ прогрессивныхъ идей и благороднѣйшаго напряженія мысли, знанія и труда возникло, постепенно укрѣпляясь и расширяясь, цѣлое сложное искусство — устраивать тюрьмы и управлять ими, искусство, извѣстное подъ названіемъ *тюремнаго дѣла* (Gefängnisswesen—у нѣмцевъ). Систематическое, основанное на раціональныхъ началахъ и опытѣ,

изученіе и изложеніе этого искусства и всей связанной съ нимъ области фактовъ, мыслей и выводовъ скоро сложилось въ особую новую отрасль знанія, въ молодую науку—*тюрьмовѣдѣнія* (Gefangnisskunde). Ей посчастливилось: не по годамъ, а по недѣлямъ и мѣсяцамъ растетъ ея богатый и качествомъ, и количествомъ матеріалъ; быстрые шаги дѣлаетъ она въ своемъ развитіи и все болѣе и болѣе, по крайней мѣрѣ на Западѣ, приковываетъ къ себѣ вниманіе общества и всѣхъ образованныхъ людей, близко къ сердцу принимающихъ успѣхи человѣчества. Законодатели, государственные люди, криминалисты, статистики, психологи и экономисты, всѣ, каждый съ своей точки зрѣнія, занимаются живыми вопросами этой науки. Она имѣетъ уже свои конгрессы, свою огромную литературу и своихъ знаменитыхъ ученыхъ авторитетовъ; она имѣетъ, замѣтимъ кстати, и своихъ противниковъ. Исходныя точки и способъ аргументаціи этихъ немногихъ неизлѣчимыхъ скептиковъ лучше всего рисуютъ силу и значеніе юнаго тюрьмовѣдѣнія. Укажемъ на двухъ наиболѣе характерныхъ изъ нихъ, это—Эдуардъ Депре (Desprez), авторъ появившагося въ 1868 году сочиненія *De l'abolition de l'emprisonnement*, и извѣстный французскій публицистъ Эмиль Жирарденъ, напечатавшій въ 1871 году памфлетъ—иначе я не рѣшаюсь назвать его книгу—объ уголовномъ правѣ. Отрицая всякое значеніе и всякій смыслъ тюремнаго дѣла и тюрьмовѣдѣнія, отнимая даже у нихъ самое право на существованіе, эти послѣдніе могиканы отжившихъ научныхъ тенденцій утверждаютъ, что современная тюрьма возбуждаетъ вопросъ неразрѣшимый и праздный, ставитъ себѣ задачи фантастическія и недостижимыя. Оба они отвергаютъ тюремное заключеніе и въ принципѣ, и на практикѣ. Жирарденъ, не обинуясь и не колеблясь, требуетъ возобновленія смертной казни и предлагаетъ подвергать ей всѣхъ тѣхъ, кого теперь наказываютъ разными степенями тюремнаго заключенія. Депре менѣе кровожаденъ; онъ предлагаетъ замѣнить тюрьму устройствомъ земледѣльческихъ колоній для всѣхъ вообще преступниковъ, съ обязательными работами, школами и т. д. Но когда ему приходится опредѣлить, что̀ слѣдуетъ дѣлать съ колонистами, впавшими въ

рецидивъ, Депре, увы, не находитъ ничего лучшаго, какъ указать для этого на тѣ же одиночныя тюремныя кельи и, слѣдовательно, вернуться къ тому же тюремному заключенію. Не ясно ли изъ этого, что уже въ самомъ содержаніи такого отрицательнаго направленія кроются всѣ задатки полнаго его осужденія? Съ конца пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія познакомилось съ научнымъ тюрьмовѣдѣніемъ и наше отечество. Съ тѣхъ поръ прошло около двадцати лѣтъ; не мало въ теченіе этого времени поработали и у насъ надъ тюремнымъ дѣломъ. Но то были все работы или случайныя, отрывочныя, одиночныя, или абстрактныя, не давшія почти никакихъ практическихъ результатовъ. Русскія тюрьмы все еще прозябаютъ въ первобытномъ, младенческомъ до-реформенномъ состояніи; вотъ почему тюремный вопросъ стоитъ теперь на очереди, занимая собою правительство и законодательныя сферы, достойный занять собою и русское общество, и русскихъ людей.

Тюремное дѣло и тюрьмовѣдѣніе выросли и развились на западной почвѣ. Западныя государства такъ много, а мы сравнительно такъ мало сдѣлали на этомъ поприщѣ, что волей-неволей, при всей часто высказываемой у насъ нелюбви къ заимствованіямъ и подражаніямъ, мы должны обратиться къ нимъ за опытомъ, образцами и идеалами. Удовольствуемся сознаніемъ, что ихъ можно выработать и измѣнить согласно особеннымъ условіямъ нашей жизни, примѣнить ихъ къ нашимъ порядкамъ и нашему быту и, прежде чѣмъ обратиться къ нашимъ тюрьмамъ, бросимъ общій и бѣглый взглядъ на исторію и современное положеніе тюремъ и тюремнаго дѣла на Западѣ. Много интереснаго и поучительнаго можетъ представить этотъ обзоръ.

Исторія европейскаго тюремнаго заключенія явственно распадается на три періода. Начало перваго изъ нихъ, который можно назвать періодомъ *первобытнымъ*, *устрашительнымъ*, или періодомъ полнаго пренебреженія къ тюрьмѣ со стороны правительства и закона и полнаго забвенія ея со стороны общества и народа, теряется въ глубокой древности античнаго міра, а конецъ его примыкаетъ къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Обнимая собою, такимъ образомъ,

огромное пространство времени, около двухъ съ половиной тысячелѣтій, этотъ первый періодъ, несмотря на все различіе странъ, народовъ, историческихъ эпохъ, религій, законовъ, понятій, обычаевъ и нравовъ, отмѣченъ однѣми и тѣми же характеристическими чертами. Мрачные казематы древняго Рима, устроенные еще Сервіемъ Тулліемъ и потому носившіе названіе Tullianum, средневѣковыя тюрьмы при монастыряхъ и страшныя инквизиціонныя Vade in pace, знаменитыя венеціанскіе Piombi подъ раскаляющимися свинцовыми крышами, другія государственныя тюрьмы Англіи, Франціи, Германіи и Италіи мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Отъ Саллюстія и Цицерона, описывающихъ состояніе римскихъ тюремъ не задолго до Рождества Христова, до Джона Говарда, изслѣдовавшаго почти всѣ европейскія тюрьмы въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, всѣ писатели, посѣщавшіе современныя имъ мѣста заключенія, рисуютъ ихъ одинаково мрачными и страшными красками. Старая, полуразрушенная башня, ветхое и ни къ чему негодное зданіе, чаще всего сырой и смрадный погребъ или яма, глубоко вырытая подъ землей, служатъ мѣстомъ тюрьмы. Тамъ, почти лишенные свѣта и воздуха, то замерзая отъ жестокаго холода, то изнемогая отъ тяжкаго зноя, среди невѣроятной грязи и сырости, покрытые отвратительными насѣкомыми томятся несчастные узники; прикованные къ стѣнамъ, влачащіе тяжелыя цѣпи, оборванные, почти нагіе, всегда голодные и жаждущіе, они валяются на соломѣ, часто не будучи въ состояніи выпрямить подъ низкимъ потолкомъ свои усталые члены или же въ страшной тѣснотѣ кучами и рядами лежатъ другъ на другѣ, распростертые на сгнившихъ подстилкахъ. На это какъ бы указываютъ и самые законы того времени; такъ, одинъ уголовный памятникъ начала XVI вѣка, Бамбергское уложеніе, говоритъ не о заключенныхъ въ тюрьмѣ, а о „лежащихъ“ въ ней (die um peinlichen Sachen in Gefängniss liegen). Тюрьма не дѣлаетъ между своими обитателями никакого различія: убійцы, разбойники, воры, неоплатные должники, свободные мыслители, преслѣдуемые церковью или правительствомъ, старики, женщины, дѣти, сумасшедшіе, больные, умирающіе—

все сбито въ кучу и на маленькомъ пространствѣ все соединяется въ одномъ общемъ адскомъ страданіи. Сырость и мракъ, тѣснота, духота и скопленіе миазмовъ порождаютъ гибельныя заразительныя болѣзни, между которыми исторія оставила намъ сказаніе объ одномъ страшномъ, теперь уже неизвѣстномъ недугѣ, спеціально тюремнаго происхожденія. Это такъ называемая *тюремная горячка* (gaol distemper), нерѣдко выходившая изъ стѣнъ тюрьмы и свирѣпствовавшая между свободными. Въ XV и XVI столѣтіяхъ въ Англіи цѣлыя тюрьмы, съ смотрителями и надзирателями во главѣ, разомъ вымирали отъ этой болѣзни, которая въ 1577 году, во время трехдневныхъ ассизовъ въ Оксфордѣ, получившихъ названіе „черныхъ ассизовъ“, въ теченіе сорока часовъ унесла королевскаго судью, президента, шерифа, всѣхъ судившихся и уже зараженныхъ арестантовъ и около 500 человѣкъ изъ присутствовавшей въ засѣданіи публики. Государство до того мало заботилось о тюрьмахъ, что даже само не завѣдывало ими, а отдавало ихъ на откупъ въ частныя руки; откупщики грабили и притѣсняли арестантовъ, за деньги богатымъ дѣлая льготы и давая имъ возможность и въ стѣнахъ тюрьмы предаваться пьянству, игрѣ и разврату, а бѣдныхъ подвергая неисчислимымъ мукамъ. Ярко характеризуютъ тюрьмы этого періода и нѣкоторые существовавшіе въ нихъ символическіе обычаи. Еще въ XVIII столѣтіи въ Мангеймской и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ и французскихъ тюрьмахъ строго соблюдался такой порядокъ: каждаго вновь вступающаго въ тюрьму заключеннаго встрѣчали при входѣ извѣстнымъ, соразмѣрнымъ съ виной, количествомъ ударовъ палками или розгами. Затѣмъ онъ долженъ былъ поцѣловать порогъ тюрьмы, и уже послѣ этого его запирали въ тюремную клѣтку. Это носило весьма оригинальное, ироническое названіе *„bien venue“*, „добро пожаловать“, и раздѣлялось на большое, малое и половинное. Издали, приближаясь къ старой тюрьмѣ, уже можно было слышать стоны брошенныхъ въ нее страдальцевъ, и лучшимъ девизомъ ея, по словамъ великаго Говарда, была бы надпись надъ воротами Дантова Ада — *lasciate ogni speranza voi ch'entrate.*

Было бы, однакоже, совершенно ошибочно утверждать, что въ такомъ мрачномъ и безотрадномъ порядкѣ вещей не появлялось по временамъ проблесковъ свѣта, счастливыхъ и утѣшительныхъ исключеній. Первый починъ въ дѣлѣ облегченія участи заключенныхъ приняло на себя христіанство и церковь. Религія милосердія и любви не могла не обратить на тюрьмы вниманія; она не могла ни забыть, ни оставить безъ примѣненія слова Спасителя, обращенныя къ ученикамъ въ Его бесѣдѣ съ ними о будущемъ пришествіи: *„въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ“* (Матѳ. 25, 36). Поэтому уже первые вѣка христіанства представляютъ рядъ попытокъ позаботиться о тюрьмахъ и улучшить ихъ положеніе. На діаконовъ и діакониссъ, а затѣмъ, на архидіаконовъ и священниковъ была возложена церковью обязанность посѣщать тюрьмы и заботиться о заключенныхъ. Обязанность ходатайствовать объ освобожденіи невинныхъ, снабжать арестантовъ пищею, одеждой, средствами судебной защиты исполняли учрежденные Никейскимъ соборомъ 325 года особые попечители—*procuratores pauperum*. Къ той же цѣли стремилась устроенная при папскомъ дворѣ въ Римѣ особая коллегія подъ предсѣдательствомъ кардинала: *Congregazione delle carceri*. Затѣмъ, чрезъ всѣ средніе вѣка и новое время можно прослѣдить отдѣльныя попытки такого же свойства, предпринятыя уже свѣтскою властью и мірянами, а не духовенствомъ. Такъ, въ Генуѣ, въ XVII столѣтіи, мы встрѣчаемъ особенныя должности тюремныхъ попечителей—*protettori e avocati dei poveri carcerati*, а въ XVI столѣтіи въ Миланѣ установленную Карломъ V такую же коллегію *Congregatio protectorum carceratorum*, уставъ и правила для которой были выработаны знаменитымъ миланскимъ епископомъ св. Карломъ Борромеемъ. Французскіе короли Францискъ I, Генрихъ II, Карлъ IX и Лудовикъ XII, одинъ за другимъ, повелѣвали судьямъ и прокурорамъ своимъ навѣщать тюрьмы, а въ XVI вѣкѣ первые писатели Фридрихъ Спе и Себастіанъ Брандтъ робко поднимаютъ вопросъ о необходимости подумать о тюрьмахъ и улучшить ихъ. О томъ же стараются Мобильйонъ и Клавдій Бернаръ (Св. Викентій). Рядомъ съ этимъ изрѣдка и мѣстами сама власть дѣлаетъ первые

опыты возведенія и устройства улучшенныхъ тюремъ. Такъ, въ Генуѣ конецъ XVII столѣтія застаетъ исправительный домъ для 600 преступныхъ дѣтей, подъ названіемъ *Albergo di Carbonara* съ девизомъ: *silentium et obidientia*, а въ началѣ XVIII столѣтія взглядъ историка можетъ отдохнуть на двухъ тюрьмахъ, образцовыхъ по понятіямъ того времени: *Maison de Force* въ Гентѣ и *Casa di Corezione св. Михаила* въ Римѣ, надъ воротами которой было написано: *parum est coërcere improbos poena, nisi probos efficias disciplina* (недостаточно карать злыхъ наказаніемъ, надлежитъ исправить ихъ дисциплиной). Эти замѣчательныя, опередившія свое время, слова указываютъ уже на близость новой эры для тюремъ; но ея не могли ни создать, ни подготовить робкія, случайныя, единичныя усилія на пользу ихъ, которыя глохли и терялись въ общемъ запустѣніи и отверженности старой европейской тюрьмы. Одному человѣку суждено было положить блестящее начало новому порядку вещей, — человѣку, славное имя котораго міръ всегда будетъ поминать добромъ и благодарностью. То былъ Джонъ Говардъ, бедфордскій шерифъ; его дѣятельность и изданіе его сочиненія о состояніи тюремъ (*The state of the prisons*) знаменуютъ собою начало новаго второго періода въ исторіи тюремъ—періода *филантропическаго*.

Въ исторіи цивилизаціи немного такихъ величаво простыхъ и трогательныхъ страницъ, какъ та, на которой написаны жизнь и дѣятельность Говарда. Пылая любовью ко всему, что̀ страдаетъ, одаренный необыкновенною впечатлительностью, но вмѣстѣ и желѣзною энергіей, и гигантскими силами духа, въ своихъ поискахъ удовлетворенія томившей его жажды свѣта и добра окружающему, онъ случайно столкнулся съ тюрьмой и заключенными. Сердце его разрывалось, говоритъ онъ самъ, отъ ужаса, скорби и негодованія при видѣ того, что̀ ему представилось, и судьба его, а вмѣстѣ и судьба тюремнаго дѣла была рѣшена. Не оглядываясь и не колеблясь, онъ отдалъ всего себя тюремному дѣлу и проповѣди о преобразованіи тюремъ и участи заключенныхъ. Имѣя полную возможность жить богато, покойно, среди почета и праздности, онъ все забылъ, все оста-

вилъ; онъ спустился въ смрадныя тюремныя подземелья своего времени и обошелъ ихъ всѣ, вездѣ требуя имъ свѣта, воздуха, а заключеннымъ въ нихъ пищи, одежды, молитвы, утѣшенія — словомъ человѣческой обстановки и человѣческихъ правъ. Онъ провелъ въ этомъ всю жизнь свою, которую кончилъ на нашемъ югѣ, въ Херсонской губерніи, куда его забросило все то же его великое дѣло. Краснорѣчивая, горячая пропаганда Говарда, его самоотверженныя усилія и страшные въ самой своей убѣдительности факты, имъ собранные, не могли пройти безъ слѣда. Правительства, общества, всѣ передовые и лучшіе люди эпохи откликнулись на его призывъ и пошли за нимъ. Много примѣровъ такой подавляющей, увлекательной силы генія представляетъ исторія, но какъ мало примѣровъ того, чтобы такихъ результатовъ разомъ достигалъ геній мира, добра и скромнаго, безкорыстнаго труженичества на общую пользу! Общество встрепенулось, взглянуло на свои тюрьмы и ужаснулось при видѣ того, что нашло и поняло въ нихъ. Сочиненія Говарда были переведены на всѣ языки и получили огромное распространеніе. Правительства начали по его указаніямъ строить новыя тюрьмы и улучшать старыя; идеи его сдѣлались популярными и преобладающими, а главное, онъ пріобрѣлъ множество талантливыхъ и горячихъ послѣдователей, между которыми нельзя не назвать Блекстона, Елизавету Фрей, Нейльда и братьевъ Виннинговъ, которые усердно продолжали его дѣло. Скоро, однакоже, на пути, который Говардъ проектировалъ и проложилъ къ улучшенію тюремъ, встрѣтились нѣкоторыя препятствія и задержки. Они заключались въ необходимости бороться съ рутиной, старыми понятіями, скупостью и ограниченностью, противъ которой, по выраженію Гете, „сами боги борятся напрасно“, а главное, въ совершенномъ отвлеченіи вниманія власти и общества отъ филантропическихъ и соціальныхъ задачъ политическими событіями конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Это имѣло свою хорошую сторону: общественное возбужденіе, произведенное говардовскою пропагандой, улеглось, результаты примѣненія на тюрьмахъ идей его направленія обозначились, и общество могло спокойнѣе

и трезвѣе къ нимъ присматриваться. Не замедлили сказаться и быть сознанными и многочисленные недостатки этого направленія и неудовлетворительность его какъ въ соціальномъ, такъ и въ криминальномъ смыслѣ. Питомецъ школы естественнаго права, сынъ вѣка, въ воздухѣ котораго носились благородныя имена Руссо, Томазія и Пенна, Говардъ, а также и его послѣдователи были филантропами въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, но они не были ни юристами, ни реформаторами соціальнаго строя. Поэтому и тюремное дѣло они поставили на почву чистой филантропіи. Благотворительныя цѣли и человѣколюбивыя стремленія заслонили собою государственный, политическій, уголовный характеръ и соціальныя задачи тюрьмы. Улучшая и преобразовывая тюрьмы, дѣятели этого второго филантропическаго періода заботились только объ улучшеніи матеріальнаго, гигіеническаго и духовнаго положенія заключеннаго и почти оставляли въ сторонѣ вопросъ о томъ, что̀ выйдетъ изъ него впослѣдствіи, что̀ будетъ онъ дѣлать и что̀ встрѣтитъ въ немъ общество по выходѣ его изъ тюрьмы. Хорошее помѣщеніе, хорошая обстановка, хорошая одежда и пища, духовныя пособія въ родѣ религіозныхъ бесѣдъ и нравственнаго чтенія—этимъ исчерпывались задачи тюремной филантропіи и поэтому скоро разошлись съ требованіями дѣйствительности и условіями практической жизни.

Несмотря на неутомимую дѣятельность филантропическихъ тюремныхъ обществъ, возникшихъ въ Англіи и во Франціи, преобразованіе тюремъ шло туго, вяло и не давало видимыхъ плодовъ. Арестанты попрежнему пребывали въ праздности, успѣшно обходили новыя правила тюремной нравственности, тяготились душеспасительными чтеніями и бесѣдами или глумились надъ ними и въ концѣ концовъ выходили изъ тюрьмы ничуть не лучшими, если не худшими, чѣмъ были при вступленіи въ нее, и такимъ образомъ уже въ тюрьмѣ воспринимали могучіе задатки рецидива. Число рецидивистовъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, и трудно было закрыть глаза предъ тѣмъ печальнымъ фактомъ, что тюрьма попрежнему служитъ школой преступленій. А между тѣмъ, въ силу затѣй, утонченностей и

широкихъ размаховъ филантропическаго направленія, тюремный бюджетъ непомѣрно увеличивался, тюрьмы стали дорого стоить государству, а нѣкоторыя изъ нихъ, образцовыя, даже начали впадать во вредную и ненужную роскошь. Мѣстами явилась и не только перешла далеко за предѣлы филантропическаго періода, а даже дошла и до насъ, такая ненормальная совокупность тюремныхъ условій, въ которой матеріальное положеніе заключеннаго за преступленіе представляется лучшимъ, болѣе завиднымъ и выгоднымъ, нежели положеніе невиннаго и свободнаго честнаго человѣка малаго или даже средняго достатка. По этому поводу не лишенъ интереса, извѣстный и часто приводимый, какъ аргументъ противъ тюремной филантропіи, исторически вѣрный анекдотъ объ одной заботливой и чадолюбивой французской матери, которая, вскорѣ послѣ устройства въ 1834 году въ Меттре, близъ Тура, земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, затрудняясь будущею судьбой и профессіей своего сына, воскликнула предъ однимъ представителемъ власти: *Ah, que je puisse placer mon fils à Mettray, mais c'est impossible, hélas, il n'a ni mendié, ni volé, ni assassiné!* Кромѣ того, усложненіе общественныхъ отношеній и быта, новыя условія и новыя потребности жизни повлекли за собою и увеличеніе преступности. Филантропическая тюрьма, слабая и искусственно поддерживаемая, къ тому же почти вездѣ борющаяся со старою первобытною тюрьмой, но ея еще не побѣдившая, не могла уже удовлетворить новымъ требованіямъ уголовной репрессіи. Постепенно, поэтому, стали возникать признаки другого новаго направленія въ тюремной исторіи и тюремномъ дѣлѣ, и приблизительно въ первой четверти нынѣшняго столѣтія слѣдуетъ отмѣтить конецъ второго филантропическаго и начало третьяго періода тюрьмы,—періода, который переживаемъ и мы, и который можно назвать *пенитенціарно-политическимъ*.

Отъ своего предшественника онъ получилъ драгоцѣнное наслѣдство, въ которомъ заключается заслуга филантропическаго направленія. Оно разрушило понятіе о заключенномъ преступникѣ какъ объ общественномъ отверженцѣ, провозгласило его

человѣческое достоинство, а отчасти выработало и необходимость нравственнаго, духовнаго вліянія тюрьмы на преступника, т.-е. первые зачатки современной идеи его перерожденія. Оно, во всякомъ случаѣ, подготовило и очистило путь новому нынѣшнему направленію. Арестанту-преступнику, какъ человѣку, нужно дѣлать добро—вотъ основная идея тюремной филантропіи. Арестанта-преступника нужно исправить, перевоспитать и выработать въ немъ изъ врага общества будущаго его честнаго и годнаго члена—вотъ исходная точка и руководящая мысль современной пенитенціарной тюремной политики. Обѣ идеи равно высоки, но нужно ли говорить, которая изъ нихъ богаче, жизненнѣе и плодотворнѣе? Первымъ признакомъ новаго направленія была появившаяся въ 1816 году и составившая эпоху въ тюрьмовѣдѣніи брошюра Томаса Бекстона, подъ заглавіемъ: *Изслѣдованіе о томъ, производится ли или предупреждается преступность существующею тюремною системой.* Отвергнувъ всѣ соображенія исключительно филантропическаго свойства и впервые поставивъ тюремный вопросъ на почву соціальной пользы и экономіи, Бекстонъ неопровержимо и математически доказалъ, съ одной стороны, что филантропія ни могла не уничтожить тюремныя злоупотребленія, ни существенно смягчить ихъ съ общественной точки зрѣнія, а съ другой—что тюрьма его времени не только не полезна для общества, но и прямо гибельна для него, потому что представляетъ могучую причину преступленій и организованный разсадникъ зла. Уже не во имя человѣколюбія, а во имя общихъ интересовъ и общаго блага потребовалъ онъ тюремнаго преобразованія. Съ легкой руки Бекстона и нѣкоторыхъ свѣтлыхъ умовъ, открыто ставшихъ подъ знамя, имъ поднятое, въ стремленіи правительствъ и законодательствъ, въ настроеніи общественнаго мнѣнія, снова обратившагося къ тюрьмѣ и заинтересовавшагося ею, произошелъ переворотъ. Чего въ глазахъ общества не могли сдѣлать для тюрьмы человѣколюбивыя побужденія, то сдѣлали инстинкты самосохраненія. Общество увидѣло впереди мрачное будущее, подготовляемое ему дурною тюрьмою, и взялось за ея преобразованіе. Предъ глазами Европы были уже и образцы практиче-

скаго осуществленія новой тюремной идеи,—тюрьмы американскія. Еще во времена Пенна квакеры, въ силу особенностей своего религіознаго ученія и своихъ жизненныхъ правилъ, однимъ изъ главныхъ элементовъ которыхъ является забота о павшемъ ближнемъ и возвращеніи его на путь истинный, положили начало улучшенію тюремъ. Мысли Говарда рано проникли въ Америку, нашли въ квакерствѣ полное сочувствіе, а главное, дальнѣйшее развитіе и измѣненіе согласно съ его взглядомъ на преступника-арестанта, какъ на кающагося грѣшника (*penitent*), подлежащаго исправленію. Отсюда начало пенитенціарной идеи и пенитенціарнаго характера тюрьмы. Двѣ образцовыя, хотя и на разныхъ началахъ основанныя, тюрьмы возникли въ Сѣверной Америкѣ: *пенитенціарій* въ Пенсильваніи, въ Филадельфіи, и тюрьма въ Оборнѣ. Для ихъ изслѣдованія и вообще для изученія тюремнаго дѣла въ Америкѣ вся Европа въ тридцатыхъ годахъ послала туда своихъ делегатовъ, труды и отчеты которыхъ, по ихъ возвращеніи, дали европейскимъ тюрьмамъ могучій преобразовательный толчокъ. То были все справедливо славящіеся ученые вообще, тюрьмовѣды въ особенности: Токвиль и Бомонъ, а потомъ Деметцъ и Блуэ отъ Франціи, Крауффордъ и Россель отъ Англіи, Dr. Юліусъ и Редеръ отъ Пруссіи. Съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ начинается на Западѣ, продолжаясь непрерывно и до нашихъ дней, оживленная, дружная и стройная работа правительствъ и науки по тюремному дѣлу. Старыя тюрьмы преобразуются и приспособляются къ новымъ цѣлямъ и новымъ началамъ, возводятся и новыя тюрьмы, какъ образцы для будущихъ начинаній. Таковы, напр., въ Англіи огромные пенитенціаріи въ Пенитонвилѣ и Мильбанкѣ, Мазасъ, la Santé и колонія Меттре во Франціи, Моабитъ, Брукзаль, Цвиккау и многіе другіе въ Германіи, затѣмъ въ Бельгіи, Голландіи, Швеціи, Швейцаріи и Италіи. Наше время есть время необычайнаго возбужденія и неустанныхъ работъ въ области тюрьмовѣдѣнія и тюремнаго дѣла. Десятки талантливыхъ и знаменитыхъ людей, между которыми есть одинъ монархъ, покойный король шведскій Оскаръ I, и двѣ женщины—миссъ Флоренсъ

Гилль и миссъ Мери Карпентеръ—соединяли и понынѣ соединяютъ свои усилія для разрѣшенія всѣхъ въ Европѣ интересующаго вопроса о постановкѣ тюремнаго заключенія, какъ лучшаго средства уголовной кары.

Въ немногихъ словахъ намѣтимъ крупныя черты и наиболѣе выдающіеся пункты этого вопроса въ современномъ его состояніи. Изъ всѣхъ видовъ лишенія свободы тюремное заключеніе признается наиболѣе годнымъ, удобнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющимъ цѣлямъ и свойствамъ уголовнаго наказанія. Изъ двухъ же остальныхъ видовъ отрицательное лишеніе свободы или изгнаніе давно уже вышло изъ употребленія и только мѣстами примѣняется къ преступникамъ-иностранцамъ, ссылка же съ каждымъ годомъ суживается и ограничивается, такъ что въ будущемъ ей можно предсказать значеніе только исключительнаго наказанія для извѣстныхъ особенныхъ преступленій и случаевъ. Тюремное заключеніе рѣзко дѣлится на двѣ категоріи, которыя теорія строго запрещаетъ смѣшивать. Это 1) *предварительное* тюремное заключеніе, въ видѣ подслѣдственной мѣры, и 2) заключеніе *карательное* или исполнительное, въ видѣ уголовнаго наказанія по судебному приговору. Заключенные той и другой категоріи должны содержаться отдѣльно, какъ и подобаетъ обвиняемымъ и уже осужденнымъ; въ порядкѣ и подробностяхъ ихъ содержанія должны быть значительныя отличія, но общія начала тюрьмы, органически другъ съ другомъ связанныя, должны быть одни. Фундаментомъ новаго тюремнаго дѣла представляется прежде всего удовлетворительность общихъ, такъ сказать, физическихъ и политическихъ элементовъ тюрьмы. Всѣ условія правильной гигіены, хорошее помѣщеніе, чистый воздухъ, свѣжая и здоровая пища, удобная одежда, отсутствіе роскоши, но наличность всего необходимаго, строгая и немного суровая простота безукоризненной обстановки и вмѣстѣ съ этимъ хорошее, свѣдущее, честное и заботливое тюремное управленіе—все это теперь уже не болѣе какъ азбука тюремнаго искусства и тюрьмовѣдѣнія. Затѣмъ новѣйшее тюремное дѣло и тюрьмовѣдѣніе выработали четыре основныхъ принципа и соотвѣтственно имъ

четыре главныя системы тюремнаго устройства и содержанія. Отдѣльно или въ разнообразныхъ комбинаціяхъ и сочетаніяхъ, они проходятъ чрезъ всѣ западно-европейскія тюрьмы, на которыя вообще на Западѣ правительства и само общество не жалѣютъ ни денегъ, ни труда, ни людей. Принципъ *разобщенія* или *одиночнаго заключенія* есть богатое и могучее по своимъ послѣдствіямъ основаніе *пенсильванской* системы. Арестантъ во все время своего заключенія содержится въ строжайшемъ одиночествѣ кельи; отрѣзанный отъ міра и окруженный сравнительными удобствами, онъ не видитъ даже тюремныхъ приставниковъ, все нужное получаетъ чрезъ окно или посредствомъ машины, гуляетъ въ маскѣ или одинъ и на особомъ дворикѣ, обыкновенно вовсе не работаетъ и, какъ существенное занятіе и утѣшеніе, получаетъ одну только Библію. Построенный по лучеобразному плану, снабженный всѣми возможными усовершенствованіями, одиночный пенитенціарій даетъ возможность тюремному начальству, невидимо для арестанта, ни на минуту не упускать его изъ виду и внимательно слѣдить за всѣми проявленіями въ немъ старой порчи и зла или же новаго раскаянія и исправленія. Исходя изъ той мысли, что чаще всего и больше всего вредное сообщество приводитъ къ преступленію, пенсильванская система хочетъ заставить преступника посредствомъ совершеннаго уединенія углубиться въ себя, сосредоточиться на своемъ преступленіи, понять его и раскаяться. Затѣмъ, принципъ *молчанія* обусловливаетъ собою *оборнскую* систему. Полное разъединеніе ночью и совмѣстная, но безусловно молчаливая принудительная работа днемъ—вотъ краткое ея выраженіе. По мысли ея, ночное сообщество прямо ведетъ къ развращенію, исправленіе безъ труда и помимо его немыслимо, трудъ же удобенъ и производителенъ только при соединеніи силъ; но сообщество арестантовъ вредно и во время труда, а поэтому физическое сообщество должно быть парализовано духовнымъ разъединеніемъ или принудительнымъ и обязательнымъ абсолютнымъ молчаніемъ, которое къ тому же является хорошимъ средствомъ кары.

Пенсильванская и оборнская системы, разъединеніе и мол-

чаніе, долго враждовали и соперничали между собою, пока не выучились примирять и соединять ихъ, но и теперь еще одиночное заключеніе является наиболѣе распространеннымъ и любимымъ на Западѣ типомъ тюрьмы, такъ какъ ему и въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя отказать въ большой, хотя и относительной, практической силѣ. Далѣе, на принципѣ *индивидуализаціи* построена система *классификацій*, которая имѣетъ много разновидностей, каковы, напримѣръ, нѣкоторыя *англійскія* системы и тюрьмы, *женевская* система и тюрьма *Обанеля* и *мюнхенская* система и тюрьма *Обермайера*. Въ системѣ классификацій примѣняется и одиночное заключеніе, и молчаніе, и принудительная работа; но кромѣ того система эта соединяетъ арестантовъ въ группы и распредѣляетъ ихъ отдѣльно, по разнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ признакамъ: возрасту, происхожденію, средѣ, роду работы, роду преступленій, мотивамъ ихъ, насколько они извѣстны, способностямъ, склонностямъ, настроенію и т. д. Система эта полагаетъ, что какъ разнообразна и индивидуальна внѣшняя и внутренняя обстановка преступленія и преступника, такъ же разнообразна и индивидуальна, по крайней мѣрѣ по возможности, должна быть и тюрьма; на каждаго нужно дѣйствовать и исправлять его особыми именно ему и его преступленію приличествующими средствами. Наконецъ, 4-й и послѣдній принципъ есть принципъ *соглашенія* всѣхъ предыдущихъ, связанныхъ между собою началомъ *прогрессивности* постепеннаго улучшенія положенія и участи заключеннаго. Проникнутая этимъ принципомъ, знаменитая *ирландская* система есть до сихъ поръ послѣдній выводъ пенитенціарно-политическаго направленія и послѣднее слово современной тюремной науки. Англичанъ Вальтера Крафтона и капитана Меконочи слѣдуетъ назвать какъ неутомимыхъ дѣятелей этой системы, а мюнхенскаго профессора Гольтцендорфа—какъ ея талантливаго популяризатора. Она исходитъ изъ того совершенно вѣрнаго соображенія, что исключительное проведеніе одной какой-либо тюремной системы не достигаетъ цѣли, потому что каждая имѣетъ свои достоинства, но и свои огромные недостатки. Такъ, система одиночнаго заключенія, особенно продолжительнаго,

трудно совмѣстимая съ благодѣтельною силой труда, отличается страшною, мучительною тяжестью для преступника и, кромѣ того, она отучаетъ его отъ сообщества и соціальнаго строя, въ который ему придется вернуться, дѣлаетъ его безжизненнымъ, вялымъ, пассивнымъ, негоднымъ къ борьбѣ; система абсолютнаго молчанія легко превращается въ тяжкую нравственную пытку и такъ же, какъ и предыдущая, нерѣдко порождаетъ между арестантами нервныя и психическія болѣзни, даже самоубійства; система классификацій страдаетъ неопредѣленнымъ и произвольнымъ характеромъ вслѣдствіе гадательности или недостаточности признаковъ, принятыхъ за основаніе распредѣленія. Избѣгая всякой крайности и всякой односторонности, ирландская система выбираетъ изъ каждой системы то, что въ ней есть несомнѣнно хорошаго и уже достаточно испытаннаго практикой, и затѣмъ это хорошее стремится связать между собою одною общею цѣлью: исправить и перевоспитать заключеннаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стремится преслѣдовать прежде всего и карательныя задачи тюрьмы, часто упускаемыя изъ виду другими системами, и старается устроить такъ, чтобы тюрьма была для преступника дѣйствительнымъ наказаніемъ, а не мѣстомъ, гдѣ ему лучше и привольнѣе, чѣмъ на свободѣ. Карательно-воспитательное значеніе вообще есть характеристическій признакъ ирландской тюрьмы. Важнѣйшимъ же ея отличіемъ отъ другихъ, ея капитальнымъ и неоцѣненнымъ достоинствомъ является примѣненіе къ порядку содержанія начала прогрессивности. „Нужно, чтобы тюрьма намъ давала не хорошихъ арестантовъ, а хорошихъ людей“,—восторженно и справедливо восклицаетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сторонниковъ и проводниковъ ирландской системы, миссъ Мери Карпентеръ, и восклицаніе это можетъ быть признано девизомъ системы. Не довольствуясь видимыми знаками исправленія заключеннаго или доказательствомъ того, что въ стѣнахъ тюрьмы онъ будетъ вести себя хорошо, ирландская система всѣ свои усилія направляетъ на то, чтобы, съ одной стороны, въ корень подорвать въ немъ всѣ задатки преступности, а съ другой—подготовить его къ честной жизни на свободѣ, облегчить ему будущую, предстоящую ему борьбу съ соблазнами свѣта, укрѣпить

его силы къ этой борьбѣ, развить въ немъ способность къ честному общежитію—словомъ, создать ему или увеличить матеріальный и нравственный капиталъ, необходимый при возвращеніи въ общество. И, что всего важнѣе, новая тюрьма хочетъ достигнуть этого, такъ сказать, собственными руками заключеннаго и такимъ образомъ сдѣлать его сильнымъ и самодѣятельнымъ, пробудить въ немъ вѣру въ самого себя. Требуя большихъ психологическихъ и соціальныхъ знаній, современная тюремная дѣятельность принимаетъ въ соображеніе и прежнія, и будущія, по выходѣ изъ тюрьмы, экономическія условія арестанта, и всякіе обычные стимулы человѣческихъ дѣйствій: эгоизмъ, самолюбіе, корысть, соревнованіе, общительность и т. д. Осторожно и предусмотрительно затрогивая всѣ эти струны человѣческаго „*я*“ преступника, она стремится, если возможно, переработать нравственную его природу, а если нельзя, то хотя дать ему другое правильное и честное направленіе. Ирландская система не безъ основанія думаетъ, что мало найдется такихъ людей, на которыхъ не могло бы благодѣтельно подѣйствовать разумно и высоко поставленное сильное нравственное и матеріальное вліяніе. Въ осуществленіе своей основной идеи она предоставляетъ заключенному полную возможность еще въ тюрьмѣ постепенно облегчать и улучшать свое положеніе и даже сократить срокъ наказанія, назначеннаго ему судомъ; но все это ставитъ въ зависимость отъ собственнаго его хорошаго поведенія, прилежанія, трудолюбія, отъ незамѣтныхъ испытаній честности и относительной свободы, которымъ онъ подвергается. Отсюда прогрессивное прохожденіе заключеннаго чрезъ разныя ступени тюремнаго заключенія, отъ тягчайшей къ легчайшей въ случаѣ его нравственныхъ и матеріальныхъ успѣховъ, и наоборотъ, въ случаѣ возвращенія зла. Такъ, первоначальное одиночное заключеніе (не свыше, впрочемъ, девяти мѣсяцевъ) и работа въ кельяхъ (въ видѣ награды), затѣмъ, общія принудительныя работы (*penal servitude*) съ разъединеніемъ ночью, молчаніемъ въ извѣстные періоды работы и общеніемъ въ другіе и во время рекреацій подъ наблюденіемъ надзирателей, далѣе, условные и временные отпуски на свободу, обставленные сроками и условіемъ хоро-

шаго поведенія (*ticket of leave*) и, наконецъ, переходныя учрежденія (*refuge*), въ которыя арестантъ поступаетъ предъ окончательнымъ освобожденіемъ впредь до отысканія себѣ мѣста или работы,—вотъ главныя стадіи или классы ирландской системы. Переходъ изъ одного класса въ другой опредѣляется, съ одной стороны, извѣстными сроками, а съ другой—извѣстнымъ количествомъ марокъ или балловъ, которые арестантъ долженъ заслужить или заработать. Успѣхи сокращаютъ эти сроки и даже иногда влекутъ за собою полное досрочное освобожденіе; наоборотъ, новые проступки или упорство удлиняютъ ихъ. По выходѣ арестанта въ общество его не теряютъ изъ виду, но тюрьма уже передаетъ свою функцію по отношенію къ нему многочисленнымъ частнымъ обществамъ попеченія объ освобожденныхъ изъ заключенія. Что же касается до самой тюремной дѣятельности, то она слагается изъ длиннаго ряда мѣръ и способовъ воздѣйствія. Таковы, напр., тюремная работа, имѣющая цѣлью исправить преступника лучшимъ средствомъ — трудомъ, и кромѣ того дать ему заработокъ, а тюрьмѣ доходъ, удешевляющій государству ея содержаніе; тюремная школа или образованіе, техническое, религіозное и нравственное—эта неизмѣнная принадлежность новой тюрьмы, вводящая въ нее, какъ важныхъ дѣятелей, *священника*, *учителя*, *мастера* и *библіотеку*; тюремная дисциплина, въ одно и то же время твердая, строгая и человѣчная, теперь уже почти вездѣ основанная на изреченіи Воблана: *frapper un homme, c'est l'avilir sans le corriger*, и многія другія средства тюремнаго воспитанія. Явственное уменьшеніе рецидива вездѣ, гдѣ вводится и успѣшно примѣняется ирландская система, убѣдительно говоритъ въ ея пользу. Ей ставятъ въ укоръ, что она впадаетъ въ идеологію, что перевоспитать вполнѣ преступника есть задача неисполнимая, что это значитъ стремиться къ недостижимому. Но въ отвѣтъ на это можно спросить, когда же и кѣмъ открыта абсолютная истина, кѣмъ достигнуты совершенные идеалы добра, и не есть ли уже посильное, возможное къ нимъ стремленіе и приближеніе величайшая задача человѣческаго духа и человѣческой дѣятельности?

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія тюремнаго дѣла

на Западѣ. Обозрѣвая ея фазисы, мы видимъ сначала тюрьму отверженную, заброшенную, устрашительную, возбуждающую ужасъ и отвращеніе. Затѣмъ слѣдуетъ тюрьма филантропическая или тюрьма-богадѣльня. Наконецъ является и стоитъ теперь предъ нами благотворная, величаво простая, необходимая, тюрьма карательно-педагогическая, тюрьма нашего времени. Обозрѣвая пространство, отдѣляющее ее отъ стараго ея первообраза. умъ нашъ невольно поражается глубиной бездны, между ними лежащей. Прежде тюрьма хотѣла уничтожить преступника, уничтоживъ въ немъ и самаго человѣка; теперь тюрьма стремится тоже уничтожить преступника, но сохранить человѣка, возвративъ въ немъ обществу честнаго гражданина.

II.

Истина обязываетъ насъ сознаться, что, несмотря на всѣ преобразованія нынѣшняго столѣтія, исторія нашихъ русскихъ тюремъ, отъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, представляетъ одинъ, почти сплошной, первобытный періодъ, съ извѣстными, однакоже, наслоеніями филантропическаго и пенитенціарнаго направленій. Издавна, еще до Царя Алексѣя Михайловича, обвиняемые въ уголовныхъ преступленіяхъ подъ именемъ *тюремныхъ сидѣльцевъ*, отбывали подслѣдственное заключеніе въ подземельяхъ, погребахъ и застѣнкахъ, прикованные къ стѣнѣ, часто съ цѣпями на шеѣ. Съ Соборнаго Уложенія, т.-е. со второй половины XVII столѣтія, тюрьма начинаетъ употребляться и какъ уголовное наказаніе. Тяжко приходилось заброшеннымъ тюремнымъ сидѣльцамъ: тюремные приставники брали съ каждаго вновь вступившаго установленную обычаемъ, *„влазную деньгу“*, *„къ явному мучительству бѣднымъ людямъ“*, говоритъ царскій указъ объ отмѣнѣ ея. Сидѣли они долго, безъ конца, и голодали, такъ что при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ неоднократно въ челобитныхъ своихъ просили Царя поскорѣй отпустить ихъ, *„чтобы намъ, твоимъ сиротамъ, голодною смертію не померети.“* Лучше, по крайней мѣрѣ свободнѣе было тѣмъ, которые на время слѣдствія отдавались *„за пристава“*,

нѣчто въ родѣ современнаго подслѣдственнаго содержанія при полицейскихъ частяхъ. Такъ еще въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1649 года встрѣчается такое указаніе: „*тать Филька Роговъ винился и сказалъ: сидячи онъ въ Москвѣ въ Земскомъ Приказѣ за приставомъ и изъ-за пристава ходилъ красть по ночамъ.*“ Краснорѣчивы и памятники XVII столѣтія о порядкѣ содержанія заключенныхъ; о томъ, какъ они содержались, можно судить по тому, что въ 1744 г. синодъ счелъ нужнымъ сообщить сенату, что въ Новгородской епархіи по слѣдственному дѣлу содержался дьяконовъ сынъ Василій Марковъ, скованный по ночамъ съ чужою женой, а рядомъ, въ другой камерѣ, содержалась его, Маркова, жена, также скованная съ постороннимъ мужчиной. Власть такъ мало заботилась тогда о тюрьмахъ, что принимала на себя только постройку ихъ и доставленіе имъ для подстилки соломы, которую мѣняли только два раза въ годъ. Кормиться же арестанты должны были сами, какъ хотѣли и какъ могли. Поэтому нерѣдко они просто умирали съ голоду; такъ, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ Петербургѣ было получено изъ Полтавы донесеніе мѣстнаго начальства о томъ, что изъ содержавшихся въ тамошнемъ полковомъ секвестрѣ тридцати колодниковъ „*одинъ съ приключившейся ему отъ голода пухлости умре, а прочимъ, за неимѣніемъ пищи, то же слѣдовать можетъ, понеже за нынѣшнею де въ хлѣбѣ скудностью для пропитанія испросить себѣ милостыни не могутъ*“. Прошеніе милостыни было главнымъ средствомъ пропитанія арестантовъ и разрѣшалось имъ самимъ правительствомъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые содержались не по „интереснымъ дѣламъ“ и у которыхъ, кромѣ того, была порядочная одежда, сенатъ дозволялъ отпускать „*на связкѣ*“, по улицамъ, для сбора подаянія. Но это производило публичный соблазнъ и самъ сенатъ въ одномъ указѣ 1749 года такъ описываетъ эту процедуру: „*многіе колодники, пытанные и въ разодранныхъ платьяхъ, такихъ, что едва тѣла лоскутьями покрыты, стоя скованными на Красной площади и по другимъ знатнымъ улицамъ, необычайно съ крикомъ поючи, милостыни просятъ, такожъ ходятъ по рядамъ и по всей Мо-*

скво". Въ XVIII столѣтіи старый терминъ для обозначенія заключеннаго—*тюремный сидѣлецъ*, замѣнился другимъ—*колодникъ*, вошедшимъ въ общее употребленіе и даже въ самый законъ. Онъ происходилъ отъ переносныхъ деревянныхъ колодокъ или неподвижныхъ колодъ, въ которыя обыкновенно забивали заключеннаго и которыя не исчезли еще въ первой четверти XIX столѣтія, какъ видно изъ двухъ указовъ 1826 и 1827 гг., строго повелѣвающихъ уничтожить и впредь не употреблять эти и разныя другія подобныя имъ орудія. Съ 20-хъ же годовъ нынѣшняго столѣтія входитъ въ употребленіе и становится офиціальнымъ настоящее названіе—*арестантъ*. Бѣдность духовныхъ мѣръ, направленныхъ къ обезпеченію духовнаго благосостоянія арестантовъ, была поразительная. До Екатерины II не было сдѣлано никакихъ попытокъ ввести въ тюрьмы работу. Колодники умирали безъ исповѣди и причастія; ходатайства правительственныхъ органовъ предъ духовенствомъ о посѣщеніи колодниковъ священниками оставались безъ послѣдствій, такъ какъ духовенство требовало жалованья, а дать его было не изъ чего. Святѣйшій синодъ поддерживалъ духовенство въ этомъ направленіи и долго съ большимъ тактомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, отклонялъ энергическія настоянія сената, требовавшаго, чтобы священники безвозмездно, хотя изрѣдка, посѣщали тюрьмы, *„дабы исповѣди всякій годъ колодникъ миновать не могъ"*. Періодъ съ Петра Великаго, который смотрѣлъ на заключенныхъ исключительно съ точки зрѣнія финансовой, какъ на рабочую силу, годную для начатыхъ имъ гигантскихъ работъ и построекъ, до Екатерины II безслѣдно и мрачно прошелъ для русской тюрьмы.

Подъ вліяніемъ гуманныхъ и прогрессивныхъ идей своего времени Екатерина II обратила на тюрьмы особенное и серьезное вниманіе. Въ ея царствованіе учреждены впервые *рабочіе* и *смирительные* дома съ извѣстнымъ распредѣленіемъ заключенныхъ и принудительными работами. Она же опредѣлила источникъ для содержанія тюремъ и статью объ этомъ повелѣла вносить въ общую государственную роспись. Нѣсколько страницъ *Наказа* посвящены тюремной организаціи, а въ

1787 году Императрица даже собственноручно написала цѣлый, весьма замѣчательный проектъ общаго устава о тюрьмахъ, не получившій, однако, ея утвержденія Огромные успѣхи сдѣлала правительственная заботливость о тюрьмахъ въ царствованіе Александра I. Длинный рядъ законовъ, обнимавшихъ собою многіе важные вопросы тюремнаго дѣла, былъ вызванъ разными настоятельными потребностями этого дѣла и тѣмъ особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ, съ которымъ относился къ нему государь. Филантропическое направленіе, господствовавшее въ современной ему Европѣ, сильно и благотворно сказалось на его взглядахъ и мѣропріятіяхъ. Горячіе ученики и послѣдователи Говарда, члены лондонскихъ Библейскаго и Филантропическаго обществъ, братья Вальтеръ и Джонъ Виннинги, въ качествѣ представителей этихъ обществъ, перенесли въ Россію свою тюремную дѣятельность. Ихъ долговременное пребываніе въ Петербургѣ и пріобрѣтенное ими вліяніе принесли много пользы русскимъ тюрьмамъ. Имъ удалось побудить правительство неотложно заняться преобразованіемъ разныхъ сторонъ тюремнаго вопроса; они сумѣли также заинтересовать имъ значительную часть тогдашней русской аристократіи и интеллигенціи, между прочимъ извѣстнаго александровскаго министра князя А. Н. Голицына и прославившуюся своею филантропическою дѣятельностью княгиню Мещерскую. По указаніямъ и настоянію Вальтера Виннинга въ Петербургѣ было построено нѣчто въ родѣ первой образцовой тюрьмы—Литовскій замокъ, который въ свое время надѣлалъ много шуму и который нерѣдко посѣщалъ Императоръ Александръ Павловичъ. Въ 1819 же году, также подъ вліяніемъ Виннинговъ, было учреждено „Попечительное общество о тюрьмахъ“, дѣйствующее до сихъ поръ и являющееся по закону главнымъ нормальнымъ хозяиномъ нашей современной тюрьмы.

Тюремные законы Екатерининскаго и Александровскаго періодовъ вмѣстѣ со всѣмъ послѣдующимъ законодательствомъ образовали собою въ составѣ XIV тома свода законовъ нынѣ дѣйствующій въ Россіи кодексъ—*уставъ о содержащихся подъ стражей*. Его совершенная неудовлетворительность и отжившій

свое время характеръ есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію и официально провозглашенный правительствомъ, приступившимъ къ его пересмотру. Результатъ историческаго наслоенія потребностей, возникавшихъ послѣдовательно и случайно,—онъ носитъ на себѣ отпечатокъ чрезвычайной пестроты и случайности. Въ немъ нечего искать ни цѣльности, ни единства, ни проведенія какой-нибудь одной руководящей мысли. Содержаніе устава, въ своемъ стремленіи все опредѣлить и все предусмотрѣть, не достигаетъ ни того, ни другого и расплывается въ массѣ ненужныхъ подробностей, затемняющихъ суть дѣла. На каждомъ шагу онъ впадаетъ въ учительный, дидактическій тонъ, объясняетъ мотивы своихъ постановленій, выражаетъ надежды и ожиданія, которымъ не суждено было сбыться. Написанъ онъ языкомъ тяжелымъ и неяснымъ, а главное—предположительнымъ; онъ испещренъ выраженіями: „казалось, лучше бы, можетъ быть, нужно бы“ и т. д. Что же касается до взгляда его на тюрьму, то онъ въ одно и то же время стремится преслѣдовать цѣли и устрашительныя, и филантропическія, и пенитенціарныя, отдавая, однако, преимущество этимъ послѣднимъ. Вообще, положеніямъ устава о содержащихся подъ стражей, при всемъ ихъ несовершенствѣ, нельзя отказать въ благомъ намѣреніи создать хорошую и полезную тюрьму, но эта тюрьма теоретическая и безжизненная, съ неопредѣленными очертаніями, искусственною постановкой и большими практическими неудобствами. Совокупность многихъ условій, какъ лежащихъ въ самомъ законѣ, такъ и внѣ его, въ разныхъ государственныхъ причинахъ и бытовыхъ особенностяхъ русской жизни, сдѣлала всѣ благія предначертанія устава безсильными, а русскую тюрьму во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительною. Въ ряду этихъ причинъ немаловажное значеніе принадлежитъ существующимъ организаціи и порядку *тюремнаго управленія*. Разнообразіе и разбросанность органовъ, неопредѣленность обязанностей, спутанность отношеній, разъединенная и недружная дѣятельность и разныя условія неудовлетворительности личнаго состава являются его характеристическими чертами. У нашей тюрьмы слишкомъ много хозяевъ, попечителей, распоря-

дителей и наблюдателей, такъ что на практикѣ они взаимно парализуютъ другъ друга, а тюрьма часто не знаетъ, кого ей слушаться. Изъ нихъ же самихъ каждый занимается тюрьмой не спеціально, не исключительно, а только или въ качествѣ небольшой и второстепенной отрасли многосложныхъ обязанностей, или же добровольно, изъ одного почета, и поэтому нерѣдко только формально. Тюрьмы находятся одновременно въ завѣдываніи попечительнаго о тюрьмахъ общества и тюремныхъ комитетовъ, какъ его развѣтвленій, затѣмъ разныхъ представителей мѣстнаго административнаго начальства и, наконецъ, прокурора. Настоящаго же единаго и самобытнаго хозяина тюрьма не имѣетъ. Законъ думалъ создать такого хозяина въ лицѣ тюремныхъ комитетовъ, но ихъ коллегіальный, сборный и пестрый составъ, безвозмездное служеніе членовъ, обязательное для однихъ, почетное для другихъ, издавна развившееся между ними по преимуществу холодное и формальное отношеніе къ дѣлу—все это исключаетъ возможность правильнаго и успѣшнаго направленія тюремной дѣятельности. Спеціалистовъ, практиковъ тюремнаго дѣла у насъ нѣтъ, или если есть, то такъ немного, что они теряются въ массѣ чиновниковъ и дилетантовъ. Наши познанія по тюрьмовѣдѣнію также до настоящаго времени были весьма слабы и недостаточны. Въ такомъ положеніи находится общее и центральное тюремное управленіе; не въ лучшемъ—ближайшее, мѣстное: смотрители, надзиратели, приставники, экономы. Здѣсь одинъ припѣвъ слышится всюду: людей нѣтъ и взять ихъ неоткуда. И это имѣетъ полное основаніе при томъ положеніи, въ которомъ поставлены эти должности. По изстари сложившимся и крѣпко всосавшимся въ русскую жизнь понятіямъ, ни малѣйшимъ общественнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ они не пользуются; никакого почти образовательнаго ценза, а тѣмъ болѣе какихъ-либо спеціальныхъ свѣдѣній отъ лицъ, ихъ занимающихъ, не требуется, а въ довершеніе всего вознагражденіе они получаютъ самое ничтожное, иногда доходящее чуть не до смѣшного. Довольно сказать, напр., что до послѣдняго времени смотритель губернскаго тюремнаго замка, этого центральнаго мѣста заключенія на всю губернію, получалъ жалованья 285 руб. въ

годъ или около 24 руб. сер. въ мѣсяцъ, считая тутъ же и всѣ канцелярскіе расходы. Можно ли послѣ этого удивляться, что смотрителямъ оставалось только, по древнему обычаю, брать съ арестантовъ „влазную деньгу“ и нимало не помышлять о нравственномъ ихъ перерожденіи? Можно ли послѣ этого удивляться, что полезные, порядочные и свѣдущіе люди не шли и не идутъ—развѣ въ видѣ исключенія—въ эти должности, которыя замѣщаются, почти исключительно, ищущими пристроиться старыми отставными военными, мелкими полицейскими и иными чиновниками, нерѣдко даже лицами писарскаго и унтеръ-офицерскаго званія? Тюрьму, по современной идеѣ ея, иногда не безъ основанія сравниваютъ со школой или больницей, а понятно, что при неудовлетворительныхъ учителяхъ и врачахъ и самое обученіе и лѣченіе не можетъ быть удовлетворительнымъ. Не безынтереснымъ является далѣе вопросъ о размѣрахъ тюремнаго населенія въ Россіи и о стоимости его государству. Въ этомъ отношеніи оказывается, что заключенныхъ вообще въ Россіи сравнительно еще немного, но что они стоятъ ей весьма дорого. Всѣхъ арестантовъ по приблизительному исчисленію на Имперію приходится немного болѣе 200 тысячъ человѣкъ; обходятся же тюрьмы правительству ежегодно приблизительно въ одиннадцать милліоновъ рублей, не включая сюда стоимости ссылки въ Сибирь. Если же присоединить сюда и цѣну этой послѣдней, которая исчисляется въ 1.200.000, а также стоимость военныхъ тюремъ, то получится еще около двухъ милліоновъ, такъ что составится почтенная цифра въ 14 милліоновъ рублей, т.-е каждый арестантъ обходится государству до 70 рублей въ годъ.

Между тѣмъ въ Англіи, при той же почти цифрѣ тюремнаго населенія, но при болѣе раціональной и потому дороже стоящей системѣ содержанія, всѣ тюрьмы стоятъ странѣ менѣе 5 1/2 милліоновъ рублей; точно такъ же во Франціи, при большемъ, чѣмъ въ Россіи, количествѣ ежегодно поступающихъ арестантовъ, тюрьма обходится государству менѣе, чѣмъ въ 4 милліона рублей. Такая сравнительная дороговизна тюрьмы у насъ и дешевизна ея на Западѣ зависитъ отъ многихъ причинъ и

между ними, главнымъ образомъ, отъ того, что на Западѣ расходы на тюрьмы производятся несравненно производительнѣе и раціональнѣе, а затѣмъ и отъ того, что тамъ тюрьмы сами на себя зарабатываютъ, что арестантскія работы даютъ государству не малый доходъ; у насъ же въ смыслѣ производительной рабочей силы тюрьма, какъ для собственнаго своего населенія, такъ и для государства, должна быть сведена къ нулю.

Распредѣленіе арестантовъ по категоріямъ и мѣстамъ заключенія, составляющее такую важную отрасль тюремной политики, у насъ находится въ самомъ первобытномъ состояніи и даетъ самые плачевные результаты. И въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, законъ рѣзко разошелся съ практикой жизни. Законъ установилъ множество родовъ и видовъ тюремнаго заключенія и постепенныхъ переходовъ внутри каждаго изъ нихъ. Но ихъ было такъ много и система ихъ такъ сложна и неудобна, что построить для каждаго изъ нихъ на всемъ огромномъ пространствѣ страны отдѣльныя тюрьмы и вообще осуществить ихъ оказалось немыслимымъ. Поэтому, отчасти въ силу фактической необходимости, отчасти же прикрываясь выходами и изъятіями, указанными въ самомъ законѣ, въ дѣйствительности все это слилось въ одну безформенную, безпорядочную и однородную массу. Всѣ различія между разными видами сибирской ссылки изгладились, сибирской каторги почти не существуетъ, остались только сибирскіе каторжные остроги. Точно также и въ Европейской Россіи слились въ одно отдѣльные виды карательнаго лишенія свободы; въ огромномъ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ развѣ столицъ, приговоренные къ заключенію въ рабочемъ домѣ, смирительномъ домѣ, собственно въ тюрьмѣ, иногда даже въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи (прежнихъ ротахъ) безразлично и на одномъ общемъ положеніи содержатся вмѣстѣ въ губернскомъ тюремномъ замкѣ или, на житейскомъ языкѣ, въ острогѣ. Такимъ образомъ, цѣли закона, установившаго сообразно разнымъ наказаніямъ и разныя мѣста заключенія, на практикѣ нимало не достигаются. Кромѣ того, по большей части, особенно въ провинціи, арестанты подслѣдственные содержатся въ тѣхъ же тюремныхъ замкахъ вмѣстѣ

съ осужденными или „рѣшенными“ арестантами. Это же представляетъ нарушеніе самыхъ элементарныхъ основныхъ началъ тюремнаго устройства. Оправданіе такого неправильнаго смѣшенія, крайне вреднаго какъ для задачъ уголовной репрессіи, такъ и для нравственности арестантовъ, заключается, а отчасти указывается и самымъ закономъ въ двухъ органическихъ недостаткахъ нашего тюремнаго дѣла: въ неимѣніи всѣхъ нужныхъ и установленныхъ закономъ мѣстъ заключенія и въ тѣснотѣ и недостаточности помѣщенія тѣхъ, которыя существуютъ. Почти всѣ наши тюрьмы переполнены заключенными и вмѣщаютъ въ себѣ въ 2 или въ $1^1/_2$ раза больше противъ того количества арестантовъ, на которое онѣ построены; среднимъ числомъ населеніе каждой minimum на 37% превышаетъ нормальную цифру. При такомъ скопленіи и скученности арестантовъ, очевидно, трудно и думать о какой бы то ни было правильной тюремной дѣятельности.

Всѣ наши тюрьмы принадлежатъ къ старой, первобытной традиціонной и дореформенной формаціи. Исключеніе составляютъ только четыре новыя тюрьмы — Варшавская, Петербургская и Московская исправительныя тюрьмы (соединеніе смирительнаго и рабочаго домовъ) и Петербургскій домъ предварительнаго заключенія, которые болѣе или менѣе отвѣчаютъ новымъ требованіямъ тюремнаго дѣла. Старыя же наши тюрьмы, по внѣшнему и внутреннему виду своему и устройству, представляютъ три главныхъ типа: *подслѣдственныя арестантскія камеры при полиціи*, *тюремный замокъ* и *пересыльная тюрьма*. Первыя, полицейскія подслѣдственныя камеры, существующія только въ столицахъ и немногихъ большихъ губернскихъ городахъ, имѣютъ почти всѣ одну физіономію. Рядъ выходящихъ въ узенькій и темный корридоръ маленькихъ и грязныхъ келій съ крошечными и тусклыми окнами, мало свѣта и мало воздуха, иногда сырость, совершенное отсутствіе всякой тюремной работы и возможность только умственныхъ занятій въ келіи, отсутствіе всякихъ вообще удобствъ и даже необходимаго, въ томъ числѣ и религіознаго утѣшенія, порядокъ, а слѣдовательно, и строгость или слабость

содержанія, вполнѣ зависящія отъ свойства и усмотрѣнія мѣстнаго полицейскаго начальства, — вотъ ихъ характеристическія черты. Это современный типъ древней „отдачи за пристава"; въ немъ и не осужденные еще арестанты лишены тѣхъ удобствъ и приспособленій, на которыя они имѣютъ неотъемлемое право, и уголовно-судебная власть ничѣмъ не обезпечена въ своихъ требованіяхъ строгаго содержанія арестанта, въ безопасности отъ побѣговъ, отъ стачки и вообще отъ возможности скрыть слѣды преступленія.

Трудно сказать что-либо хорошее и о *тюремномъ замкѣ*, какъ типѣ тюрьмы. Мрачное, дряхлое, закопченое, грязное зданіе или собраніе зданій, иногда обнесенное высокою стѣной или сплошнымъ деревяннымъ частоколомъ, чѣмъ-то въ родѣ древняго „тына", рѣдкіе наружные часовые, почти не могущіе ни предупредить, ни остановить, ни даже во-время замѣтить побѣга, кругомъ широкіе и зловѣщіе пустыри, гдѣ-нибудь у заставы—кто не знаетъ обычной неприглядной наружности русскаго острога?! Не лучше и внутри: сырость, грязь, духота, тѣснота, вредныя испаренія всюду поражаютъ и какъ-то туманятъ голову свѣжаго человѣка. Извѣстная арестантская одежда, сама по себѣ неуклюжая, отжившая и недостаточная, нерѣдко бываетъ двоякая: похуже, обычная, вседневная, и получше, казовая, лежащая въ цейхгаузѣ. Пища, несмотря на возможныя экономическія выгадыванія изъ арестантскаго пайка, еще лучше всего остального; за этимъ зорко слѣдятъ и сами арестанты, чего другого, а дурной пищи они терпѣть не станутъ и должнаго себѣ непремѣнно добьются. Въ камерахъ и корридорѣ очень рѣдко есть вентиляція, поэтому воздухъ въ нихъ всегда спертый и испорченный. Прогулки по тюремному двору происходятъ безпорядочными толпами, когда кому хочется и когда придется. Порядокъ можетъ быть немедленно водворенъ только самою радикальною мѣрой: арестантовъ загоняютъ по камерамъ и запираютъ на ключъ. Размѣщеніе арестантовъ самое своеобразное; острогъ выработалъ свои категоріи, мало соотвѣтствущія законнымъ, это разные подсудимые—„рѣшенные", „высидочные", „важные", „секретные" и т. д.

Всѣ категоріи свободно между собою сообщаются; доступъ и сообщеніе между отдѣленіями мужскимъ, малолѣтнимъ и женскимъ запрещенъ, но на практикѣ не невозможенъ. Въ камерахъ, гдѣ арестанты спятъ, ѣдятъ и безъ дѣла пребываютъ въ теченіе цѣлаго дня по пятидесяти и болѣе человѣкъ, господствуетъ отвратительная система совмѣстнаго ночлега на нарахъ, эта всѣми признаваемая язва нашей тюрьмы. Къ ближайшему начальству, къ смотрителю, обыкновенно не питается никакого дѣйствительнаго уваженія, а что-нибудь одно или страхъ, внушаемый грубостью обращенія, или пренебреженіе въ случаѣ слабости. Система доносовъ, шпіонства, угодливости начальству и въ то же время постояннаго введенія его въ обманъ опредѣляетъ важную сторону отношеній между начальствомъ и арестантомъ. Фаворитизмъ всегда развитъ въ высокой степени. Дисциплинарная власть, предоставленная смотрителю, рѣдко примѣняется справедливо. Деньги въ острогѣ играютъ первую роль: онѣ даютъ почетъ, удобства, даже излишества. Дворянская камера, въ которой нерѣдко человѣкъ, случайно попавшій въ бѣду, находится рядомъ съ настоящимъ отребьемъ общества, представляетъ среду привилегированную, замкнутую, кичащуюся своими привилегіями и обыкновенно идущую во главѣ всякихъ тюремныхъ безобразій. Въ нѣкоторыхъ острогахъ существуетъ глубоко растлѣвающій обычай, по которому бѣдные арестанты изъ простого званія становятся за деньги постоянными и офиціально признанными прислужниками арестантовъ-дворянъ; трудно представить себѣ болѣе отталкивающее тюремное явленіе, чѣмъ эти импровизованные господа и лакеи среди всѣхъ уравнивающаго общаго несчастья. Школы, библіотеки обыкновенно не существуетъ вовсе или же онѣ только въ слабомъ зародышѣ. Религіозная жизнь идетъ формальнымъ, обрядовымъ путемъ. Работы или вовсе нѣтъ, или она организована ненормально, неправильно, непроизводительно и занимаетъ лишь ничтожное количество арестантовъ, остальные же пребываютъ въ совершенной праздности. Работа представляетъ скорѣе казовый конецъ, въ родѣ издѣлій, приготовляемыхъ для выставокъ, чѣмъ доходъ тюрьмы, заработокъ арестанта и наиболѣе дѣйствительное испра-

вительное средство. За-то вино и карты въ полномъ ходу. Гибельное, но обычаемъ освященное учрежденіе *майдана* или арестантской лавочки, гдѣ передъ глазами сквозь пальцы смотрящаго начальства торгуетъ запрещенными предметами арестантъ-кулакъ, наживая сто на сто, порождаетъ страшный тюремный разгулъ, не поддающійся никакимъ мѣрамъ. Сотнями разнообразнѣйшихъ способовъ, въ придумываніи которыхъ изощряется неисчерпаемая арестантская изобрѣтательность, вино проникаетъ въ замокъ, и всѣ попытки искоренить это злоупотребленіе остаются безсильными, тѣмъ болѣе, что иногда ему не чужда и самая стража и само ближайшее начальство острога. Отсюда попойки, постоянное, иногда поголовное и повальное пьянство, ссоры, драки, шумъ, буйство между арестантами, порой переходящее въ тѣ страшные арестантскіе бунты, когда въ конвойныхъ летятъ тяжеловѣсные, выломанные изъ стѣнъ кирпичи и разъяренные арестанты лѣзутъ безъ оглядки на штыки и пули, когда дѣло не *обходится* безъ крови, а иногда и самой смерти. Съ внѣшнимъ міромъ острогъ поддерживаетъ оживленныя сношенія, свободно и легко обходящія всякія запрещенія и формальности. Пронести что-нибудь къ арестантамъ, въ свою очередь, получить отъ нихъ нѣчто „на волю", какъ говорится на ихъ языкѣ, повидаться съ ними, несмотря ни на какіе запреты— все это почти ничего не стоитъ, кромѣ денегъ и нѣкотораго умѣнья. За отсутствіемъ въ острогѣ честной, законной работы въ немъ неустанно кипитъ работа преступная, тайная, неуловимая, но всѣмъ хорошо извѣстная. Бываютъ періоды, когда острогъ обращается въ какую-то фабрику нѣкоторыхъ преступленій. Фальшивые кредитные и банковые билеты и фальшивая звонкая монета и подложные документы всякаго рода, фальшивыя печати, фальшивые паспорты—все это острогъ выдѣлываетъ въ изобиліи, съ усердіемъ и прилежаніемъ, достойными лучшей участи. На такой товаръ бываютъ правильные заказы, существуетъ и своя такса. Каждый ловко произведенный внезапный обыскъ по камерамъ даетъ цѣлый арсеналъ самыхъ разнообразныхъ фальсификаторскихъ снадобій, орудій и препаратовъ. Сегодня обнаруженный и уничтоженный, онъ завтра,

точно выросшій изъ земли, появляется вновь. Въ острогѣ встрѣчаются замѣчательные мастера и художники по разнымъ отраслямъ фальсификаціи; при взглядѣ на ихъ кропотливую и безукоризненную работу, невольно является печальная мысль о томъ, что̀ было бы съ человѣкомъ, еслибъ эту гигантскую, ничѣмъ не смущаемую энергію, эту страшную усидчивость и трудолюбіе, эту тонкость и вѣрность руки, это чуткое пониманіе техники дѣла обратить ему же на пользу, сдѣлать ихъ орудіями его возрожденія? Преступныя традиціи передаются изъ одного поколѣнія въ другое, старшіе, опытные, огонь и воду прошедшіе посвящаютъ во всѣ тюремныя искусства молодыхъ, несвѣдущихъ; не даромъ прежній Московскій острогъ у Бутырской заставы въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ носилъ среди русскаго острожнаго міра характерное названіе *Бутырской академіи*. Много удобствъ, много соблазна представляетъ тюремный замокъ и для побѣговъ, которые поэтому и практикуются въ огромномъ количествѣ. Отъ подземнаго побѣга посредствомъ огромнаго подкопа подъ стѣну до чуть не воздушнаго бѣгства черезъ крышу и стѣну подъ выстрѣлами часовыхъ, отъ побѣга посредствомъ подложныхъ предписаній начальства объ освобожденіи до выѣзда изъ замка въ бочкѣ съ водой—русскому арестанту извѣстны безчисленные и безконечно разнообразные способы добыть себѣ свободу. Есть остроги, которые по своему устройству такъ и манятъ къ побѣгу; въ Московской губерніи, напр., есть одинъ такой обдѣленный судьбой тюремный замокъ; въ немъ окна камеръ и три стѣны выходятъ въ дикую лѣсную чащу, а самыя стѣны такъ ветхи, что кирпичи изъ нихъ легко можно вынуть руками. Не мала и статистическая цифра побѣговъ: въ 1875 году за одни побѣги со взломомъ тюрьмы — сравнительно не особенно частые, и притомъ единственный видъ побѣга, составляющій преступленіе,— въ однихъ только новыхъ судебныхъ мѣстахъ судилось 302 человѣка. Въ довершеніе характеристики нашихъ остроговъ замѣтимъ, что сложившаяся вѣками своеобразная жизнь ихъ населенія представляетъ драгоцѣнные, для правильной организаціи, нѣкоторые общинные элементы: артельное начало, круговую поруку; но

при существующемъ порядкѣ вещей они пропадаютъ даромъ и ведутъ только къ вредному обособленію арестантовъ и образованію между ними замкнутой корпораціи закоренѣлыхъ преступниковъ.

Пересыльная тюрьма — кромѣ многочисленности своего населенія, его перемѣннаго состава, постоянныхъ приливовъ и отливовъ арестантства — не многимъ отличается отъ тюремнаго замка. Въ ней еще меньше удобствъ и приспособленій и еще больше скученности и тѣсноты. Мы пройдемъ мимо ея широкихъ дворовъ и огромныхъ палатъ, наполненныхъ отвратительнымъ кандальнымъ лязгомъ,—палатъ, въ которыхъ къ веснѣ собирается въ каждой по 400 — 500 человѣкъ каторжниковъ и ссыльныхъ съ бритой половиною головы, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, и остановимся на минуту на одной скорбной ея картинѣ и вмѣстѣ особенности. Въ обширной общей палатѣ — съ нарами посрединѣ и узкими проходами по бокамъ—помѣщаются сотни женщинъ и дѣтей, которыхъ ежегодно проходитъ черезъ столичную пересылочную тюрьму, напр., до десяти тысячъ человѣкъ. Это такъ называемая „семейная“ камера, это пересыльныя семьи, слѣдующія за своими отцами, мужьями и братьями. Семья и тюрьма, дѣти и смрадная атмосфера преступности, — это такіе контрасты, которые чувству невыразимо тяжело совмѣстить, съ которыми не легко помириться. Дѣти всѣхъ возрастовъ—отъ большихъ, которымъ нужно учиться, до грудныхъ младенцевъ—наполняютъ камеру своимъ плачемъ, смѣхомъ и лепетомъ, отъ которыхъ въ этой обстановкѣ невольно сжимается сердце. Безсознательныя и беззаботныя, они не понимаютъ того, что̀ ихъ окружаетъ, но какъ-то жутко становится при мысли о томъ, что̀ они здѣсь услышатъ, на что̀ насмотрятся, чему научатся. Неприглядно и внѣшнее ихъ положеніе: арестантской казенной одежды имъ не полагается, а потому они остаются въ своей, накрываются чѣмъ Богъ послалъ, оборванныя, грязныя, едва прикрытыя тряпками, лохмотьями и обносками, не защищающими ихъ отъ холода и сырости. А ссыльный путь имъ предстоитъ не близкій, и нельзя не пожелать, чтобъ эти скромныя семейныя и дѣтскія

потребности первой необходимости поскорѣй получили удовлетвореніе.

Все сказанное, взятое вмѣстѣ, конечно, не могло обусловить правильнаго развитія и успѣшной дѣятельности русской тюрьмы. Она не является и не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ ей быть слѣдуетъ, т.-е. институтомъ внутренней политики для борьбы съ преступностью. Всякія пенитенціарныя и воспитательныя задачи чужды ея современному состоянію. Она не излѣчиваетъ настоящей преступности и не предупреждаетъ будущей; напротивъ, какъ ни грустно такое заключеніе,—она поддерживаетъ, питаетъ и вновь зарождаетъ преступленія, какъ богатый и неистощимый разсадникъ. Арестантъ выходитъ изъ тюрьмы безпомощный и испорченный, дѣваться некуда; строгая и трезводисциплинованная жизнь ему незнакома; работать онъ не привыкъ, не умѣетъ или не хочетъ, и вотъ обратная дорога въ тюрьму грозно встаетъ предъ нимъ. Рецидивъ въ правильной и безотрадной прогрессіи ежегодно увеличивается слишкомъ на 2%, и все это количество приходится на долю тюрьмы. Само правительство, съ своими проницательными, просвѣщенными взглядами, всегда безпристрастное, а въ дѣлѣ всякаго улучшенія рѣшительное и энергичное, не можетъ сказать ни одного добраго слова о русской тюрьмѣ. Въ драгоцѣнномъ офиціальномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ 1865 г.: *Матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мѣстными губернскими начальствами*, состояніе тюремъ рисуется самыми мрачными красками. При обсужденіи въ 1873 году законодательныхъ предначертаній о новой лѣстницѣ наказаній, о нихъ формулованъ былъ такой общій отзывъ: „каторжныя работы совершенно потеряли свое значеніе высшей уголовной кары; тюремные остроги, замѣняющіе на дѣлѣ всѣ остальные виды заключенія, кромѣ арестантскихъ ротъ, при своихъ общихъ камерахъ, отсутствіи всякой организованной работы и при всѣхъ безобразіяхъ системы содержанія арестантовъ на общихъ нарахъ, уже давно всѣми признаны разсадниками и школой разврата и преступленій“. Конечный выводъ, стало-быть, очевиденъ: зданіе нашей теперешней тю-

ремной системы, построенное на пескѣ, или расшатано, или сгнило отъ вершины до основанія. Оно грозитъ паденіемъ и вредомъ для среды, его окружающей; но будемъ надѣяться, что упасть ему не дадутъ, а разобравъ осторожно, на мѣсто его возведутъ новое, крѣпкое, устойчивое и полезное.

Въ заключеніе да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ de lege ferenda, о вѣроятныхъ основаніяхъ ожидаемой тюремной реформы. Мысль о ней возникла уже давно. Еще въ 1863 году правительство командировало за границу гг. Галкина и Пассека для изученія на мѣстѣ тюремныхъ системъ и приняло всѣ мѣры къ изученію и отечественныхъ тюремъ. Съ 1871 года и до послѣдняго времени рядъ Высочайше учрежденныхъ коммиссій, подъ предсѣдательствомъ графа Соллогуба, гг. Зубова и Фрица, неутомимо работали надъ проектами преобразованія тюремъ и неразрывно связаннаго съ нимъ преобразованія системы уголовныхъ наказаній. Въ настоящее время, съ 1877 года, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, начала свои занятія окончательная Высочайше учрежденная коммиссія о тюремномъ преобразованіи, имѣющая задачей выработать основныя его начала въ томъ же приблизительно порядкѣ, въ какомъ въ 1862 году вырабатывались „основныя положенія преобразованія судебной части“. Дѣло, поставленное правильно и разумно, быстро и стройно идетъ къ концу. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россіи возникло и научное преподаваніе тюрьмовѣдѣнія, курсъ котораго профессоръ Фойницкій впервые въ 1873 году открылъ на административномъ отдѣленіи юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Въ средствахъ для осуществленія тюремной реформы, повидимому, недостатка не будетъ; милліоны, ежегодно расходуемые на нынѣшнія тюрьмы, милліоны основного тюремнаго капитала и другіе источники могутъ представить прочное матеріальное основаніе великому начинанію, которое само правительство признало дѣломъ неотложной государственной необходимости. Независимо отъ новаго тюремнаго устава будетъ, вѣроятно, созданъ и новый спеціальный и сильный хозяинъ тюрьмы—правильно-организованное самостоятельное главное управленіе тюрьмами въ Петербургѣ, съ системой

округовъ и инспекціи по всей Имперіи, съ соотвѣтствующимъ ближайшимъ мѣстнымъ завѣдываніемъ, съ высшимъ образовательнымъ цензомъ и щедрымъ обезпеченіемъ для должностныхъ лицъ и со всѣми другими условіями хорошаго личнаго состава. Затѣмъ въ общихъ чертахъ слѣдующія начала принимаются въ соображеніе при реформѣ. За основу всѣхъ наказаній признается лишеніе свободы, какъ единственный твердый, несомнѣнный и не подвергающійся случайностямъ карательный признакъ. Лишеніе свободы есть нормальное наказаніе; всѣ другія средства кары, каковы—смертная казнь, ссылка, заключеніе въ крѣпости—остаются наказаніями экстраординарными, назначаемыми въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ. Всѣ преступленія, сообразно ихъ относительной тяжести, раздѣляются на три группы, изъ которыхъ каждой соотвѣтствуетъ особый видъ лишенія свободы. Виды эти различаются по своимъ свойствамъ, цѣлямъ и устройству, основаны на началѣ прогрессивности и представляютъ примѣненіе къ нашимъ условіямъ общихъ началъ ирландской системы. Для преступленій наиболѣе тяжкихъ, указывающихъ на окончательную испорченность виновнаго и невозможность пребыванія его въ прежнемъ обществѣ или возвращенія туда, установляются *долгосрочныя* мѣста заключенія или *каторжныя* тюрьмы, съ обязательными тяжкими работами, съ одиночнымъ заключеніемъ, въ особенности на ночь, въ продолженіе обязательнаго срока, и съ болѣе свободнымъ содержаніемъ въ особо устроенныхъ колоніяхъ въ теченіе льготнаго, переходнаго срока. Этотъ видъ лишенія свободы имѣетъ въ виду: *удалить преступника навсегда изъ прежняго общества*, но по возможности *перевоспитать и подготовить для новаго устраиваемаго для него быта.* Для преступленій средней важности, обнаруживающихъ значительную степень испорченности и напряженія злой воли, но не исключающихъ еще надежды на исправленіе преступника, устанавливаются *среднесрочныя* тюрьмы или *исправительные дома,* съ первоначальнымъ одиночнымъ заключеніемъ въ кельяхъ, а по окончаніи срока этого заключенія съ обязательными работами въ общихъ мастерскихъ и съ разобщеніемъ на все свободное время, въ особенности на

ночь. Этотъ видъ заключенія стремится достигнуть *полнаго исправленія преступника для возвращенія его въ прежнее общество.* Наконецъ, для преступленій сравнительно маловажныхъ, имѣющихъ скорѣе случайный характеръ паденія предъ искушеніемъ или же значеніе простыхъ неправильныхъ проявленій недисциплинованной воли, учреждаются тюрьмы *краткосрочныя* или *смирительные* и *арестные дома*, съ полнымъ одиночнымъ заключеніемъ на весь срокъ и обязательными работами въ кельяхъ для первыхъ и съ простымъ лишеніемъ свободы для вторыхъ. Это наказаніе должно быть не тяжко, но только *внушительно*; устройство его имѣетъ цѣлью не исправленіе преступника, а только то, *чтобъ онъ не вышелъ худшимъ изъ заключенія.* Всѣ тюрьмы рѣзко дѣлятся на *предварительныя* и *карательныя*, и арестанты подслѣдственные содержатся въ совершенной отдѣльности отъ осужденныхъ, въ особыхъ домахъ предварительнаго заключенія, которые пріурочиваются къ окружнымъ судамъ.

Предполагаемая тюремная реформа, представляющая одну изъ насущныхъ потребностей русской жизни, возбуждаетъ свѣтлыя и отрадныя надежды. Но для полнаго и успѣшнаго ея осуществленія и для будущаго правильнаго хода ея недостаточно еще, намъ думается, однихъ законодательныхъ нововведеній и благородныхъ, неутомимыхъ усилій правительства. Она нуждается еще въ одномъ могучемъ и незамѣнимомъ факторѣ— въ общественномъ сочувствіи и содѣйствіи. Тюремное дѣло достойно общественнаго вниманія и работы. Ему нужны вспомогательные союзы общественной заботы о заключенныхъ, попеченія о малолѣтнихъ преступникахъ, объ арестанткахъ-женщинахъ, объ арестантахъ, освобождаемыхъ и находящихся въ переходномъ, пробномъ періодѣ. Ему нужна всегда живая, свѣжая и обновляющаяся струя общественной и частной дѣятельности, предохраняющая отъ бюрократическаго характера, легко принимаемаго дѣломъ, къ которому общество равнодушно и глухо. Въ собственныхъ своихъ интересахъ общество должно позаботиться о своихъ нравственно-больныхъ дѣтяхъ, если не хочетъ заразы. До сихъ поръ мы были почти безучастны и слѣпы къ тюремному вопросу. Но такой порядокъ вещей ненормаленъ и

далѣе продолжаться не можетъ. Наука русскаго тюрьмовѣдѣнія еще очень молода и слаба, но у нея есть большая нравственная поддержка, большія надежды на будущее: она твердо вѣритъ, что близко то время, когда русское общество откликнется на ея призывъ, когда благодѣтельная рука общественной помощи протянется и къ русской тюрьмѣ.

КЪ УЧЕНІЮ ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРЕСЛѢДОВАНІИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПО СЛУЖБѢ [1]).

(1879 г.).

I.

По дѣйствующему русскому законодательству, уголовное преслѣдованіе должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ разрядовъ, за всѣ вообще преступленія по службѣ, совершается въ особомъ, исключительномъ порядкѣ судопроизводства. Порядокъ этотъ, подробно опредѣленный въ третьемъ раздѣлѣ третьей книги нашего устава уголовнаго судопроизводства (ст. 1066—1123), какъ видно изъ самаго оглавленія раздѣла и содержанія п. 3 ст. 1000 устава, отнесенъ закономъ къ числу изъятій изъ общаго порядка судопроизводства. Имѣя, такимъ образомъ, значеніе одного изъ видовъ экстраординарнаго уголовнаго процесса, онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и со стороны чисто юридической, и съ точки зрѣнія судебно-уголовной политики, и по отношенію къ тѣмъ важнымъ фактамъ общественнаго и бытового свойства, съ которыми неразрывно связано осуществленіе его на практикѣ.

Преступленія должностныхъ лицъ по разнымъ отраслямъ государственной и общественной службы, у насъ, быть можетъ, болѣе частыя и многочисленныя, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ, представляютъ явленіе чрезвычайной важности, глубоко захватывающее собою всѣ стороны гражданской жизни. Государ-

[1]) Юридическій Вѣстникъ 1879 г., Октябрь и Ноябрь.

ство, общество, отдѣльная личность — всѣ непосредственно и близко заинтересованы въ томъ, чтобы репрессія такихъ преступленій происходила энергично, быстро, правильно, чтобы по возможности ни одно изъ нихъ не избѣгло преслѣдованія и законнаго возмездія. Специфическій характеръ служебныхъ преступленій рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ массы наказуемыхъ дѣяній уже по одному тому, что черезъ внутреннее содержаніе каждаго проходитъ одна существенная общая черта—нарушеніе того особаго публичнаго довѣрія, которымъ облечено каждое должностное лицо, злоупотребленіе той долею публичной власти, которая ему присвоена, какъ бы скромно и маловажно ни было мѣсто его на іерархической служебной лѣстницѣ. Почти безошибочно можно сказать, что всякое преступленіе по должности, независимо отъ своихъ ближайшихъ конкретныхъ послѣдствій, производитъ и въ общей сферѣ государственныхъ, общественныхъ и индивидуальныхъ интересовъ нѣкоторые разрушительные результаты: въ извѣстномъ размѣрѣ, до извѣстной степени оно всегда подрываетъ довѣріе къ представителямъ власти, дискредитируетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи, умаляетъ уваженіе, которымъ они должны пользоваться и безъ котораго немыслима успѣшная служебная дѣятельность, а главное — способствуетъ образованію и поддержанію въ обществѣ взгляда на законъ, примѣняемый и охраняемый должностными лицами, какъ на нѣчто такое, что̀ очень строго и требовательно по принципу, но очень свободно и легко обходится и нарушается въ дѣйствительности. Такого рода внѣшней объективной сторонѣ служебныхъ преступленій вполнѣ соотвѣтствуетъ и внутреннее, субъективное ихъ значеніе. Въ области юридическихъ отношеній, въ правильно организованномъ гражданскомъ быту, права уравновѣшиваются обязанностями; и справедливость, и общее благо всѣхъ вмѣстѣ и каждаго отдѣльно требуютъ, чтобы съ увеличеніемъ первыхъ возрастали и послѣднія, а, слѣдовательно, и отвѣтственность за ихъ нарушеніе. Поэтому за преступными дѣяніями, совершаемыми должностными лицами при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, нельзя не признать особой, такъ сказать, квалифицированной преступности, которую обу-

словливаютъ особыя служебныя права и полномочія, предоставленныя виновнымъ, особыя, возложенныя на нихъ и ими нарушенныя, служебныя обязанности, отличныя отъ общихъ гражданскихъ обязанностей, предполагающія и наибольшую способность къ ихъ исполненію, и наибольшую стойкость передъ увлеченіемъ и соблазномъ.

Давно уже признано въ области уголовнаго права, что если поставить рядомъ два преступленія одного и того же рода и даже вида, одной и той же обще-уголовной тяжести, даже одного и того же внѣшняго (объективнаго) значенія, но совершенныя одно лицомъ частнымъ, а другое—должностнымъ, въ кругѣ его служебныхъ обязанностей, то, въ силу одного только этого послѣдняго признака, помимо всякихъ индивидуальныхъ особенностей каждаго, мѣрила отвѣтственности за нихъ должны быть разныя, а самая отвѣтственность несравненно легче и слабѣе для преступленія частнаго, чѣмъ для должностного. Все это отчетливо и живо сознавалъ законодатель; въ „соображеніяхъ государственной канцеляріи 1862 года объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства“ мы находимъ такую вполнѣ вѣрную мысль о важности и необходимости установленія хорошаго процесса по преступленіямъ должности: „Безпристрастное и строгое преслѣдованіе служебныхъ преступленій и проступковъ имѣетъ весьма важное значеніе. Когда тѣ самые органы государственной власти, которые установлены для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка, подаютъ примѣръ беззаконія и непорядка, тогда возникаетъ неуваженіе къ властямъ и нравственная распущенность, при которыхъ государство колеблется въ самыхъ его основаніяхъ“ [1]). Но на мысли этой, какъ видно изъ тѣхъ же соображеній, послужившихъ мотивами закона, построена только одна и притомъ далеко не самая существенная особенность судопроизводства по преступленіямъ должности, а именно—высшая юрисдикція, установленная для нихъ закономъ. Возникая изъ требованія отъ судей для разрѣшенія извѣстныхъ уголов-

---

[1]) Соображенія госуд. канцеляріи 1862 г. объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства, стр. 24.

ныхъ дѣлъ бо́льшей компетентности, бо́льшихъ гарантій правильности приговоровъ, чѣмъ для отправленія правосудія по всѣмъ другимъ дѣламъ, она не исчерпываетъ собою всѣхъ уклоненій этого судопроизводства отъ общаго порядка и, оче видно, не можетъ еще служить достаточнымъ оправданіемъ для нихъ. Изъ разсужденій, на которыхъ основаны всѣ вообще правила производства дѣлъ о преступленіяхъ по службѣ, оказывается, что, установляя эти правила, законодатель имѣлъ въ виду преимущественно одну цѣль — обезпечить независимость административной власти и оградить ее отъ всякихъ вторженій въ ея сферу власти судебной. „Преслѣдованіе должностныхъ лицъ за такія нарушенія должности, которыя подвергаютъ наказаніямъ, опредѣляемымъ лишь по суду, не можетъ происходить порядкомъ, установленнымъ для преслѣдованія преступленій и проступковъ противъ гражданскихъ обязанностей вообще, ибо отдѣленіе административной власти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы административные чины не вмѣшивались въ дѣла судебныя, но также и въ томъ, чтобы судебные чины не вмѣшивались въ дѣла административныя“ [1]).

Такимъ именно стремленіемъ и проникнуты важнѣйшіе моменты особеннаго процесса по должностнымъ преступленіямъ: возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ, преданіе ихъ суду, а также являющееся какъ бы дополненіемъ къ этимъ моментамъ—предоставленіе административному начальству извѣстной судебной автономіи надъ подчиненными. Отсюда ясно большое юридическое значеніе этого процесса. Не говоря уже о томъ, что всякое исключеніе изъ общаго, нормальнаго порядка, всякое отступленіе отъ коренныхъ и фундаментальныхъ принциповъ, на которыхъ построенъ судъ и нормы его дѣятельности, сами по себѣ всегда указываютъ на необходимость основательнаго и всесторонняго ихъ объясненія и изученія, существующій порядокъ уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія должности, въ силу даже одного

[1]) Соображенія госуд. канцеляріи 1862 г объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства, стр. 18, 19 Журн. Государственнаго Совѣта 1862 г., № 65, стр. 238, 239.

только своего raison d'être, представляетъ учрежденіе глубоко интересное и знаменательное: онъ имѣетъ притязаніе на разрѣшеніе одного изъ капитальнѣйшихъ, труднѣйшихъ и наиболѣе щекотливыхъ вопросовъ новѣйшаго судебно-уголовнаго права —вопроса объ отношеніяхъ уголовнаго суда къ сопредѣльнымъ властямъ и вѣдомствамъ вообще и къ административной власти въ особенности. Казалось бы, и перечисленныхъ свойствъ этого учрежденія слишкомъ достаточно для того. чтобы убѣдиться въ его несомнѣнномъ правѣ на особое вниманіе русскихъ юристовъ, въ настоятельной и неотложной потребности его критической разработки. Но къ этому есть еще не мало и другихъ поводовъ болѣе практическаго, утилитарнаго характера.

Изъ опубликованныхъ министерствомъ юстиціи статистическихъ свѣдѣній по уголовнымъ дѣламъ за 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы, собранныхъ посредствомъ установленной съ 1871 года системы регистраціи, оказывается, что цифра оправдательныхъ судебныхъ приговоровъ по служебнымъ преступленіямъ, ежегодно возрастая, принимаетъ уже весьма крупные размѣры и за названные годы по приблизительному среднему исчисленію представляетъ около 60,5% общаго количества приговоровъ, постановленныхъ по дѣламъ объ этихъ преступленіяхъ. По важнѣйшимъ изъ такихъ дѣлъ, т.-е. по тѣмъ изъ нихъ, которыя разсматривались съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, процентъ оправдательныхъ приговоровъ достигаетъ также высокой цифры—около 57,5%. Больше половины, слѣдовательно, уголовныхъ преслѣдованій, возбужденныхъ противъ должностныхъ лицъ, не достигаютъ положительнаго результата, являются несоотвѣтствующими своей конечной цѣли и свидѣтельствуютъ о явно неудовлетворительномъ состояніи репрессіи по служебнымъ преступленіямъ [1]). Съ другой стороны, большая половина должностныхъ лицъ, привлеченныхъ къ уголовной отвѣтствен-

---

[1]) Эта слабость репрессіи выражается и въ процентѣ приговоровъ, присуждающихъ за преступленія по службѣ къ уголовнымъ, т.-е. строжайшимъ наказаніямъ, которыя, однакоже, по уложенію о наказаніяхъ, назначаются за многіе тяжкіе виды этихъ преступленій Изъ общаго количества приговоренныхъ за служебныя преступленія къ уголовнымъ наказаніямъ приговаривается только около 0,3%.

ности, оказываются или привлеченными напрасно, неосновательно, безвинно или же по меньшей мѣрѣ при столь незначительномъ запасѣ доказательствъ виновности, что совѣсть судей —все равно коронныхъ или общественныхъ—отказываетъ въ ея признаніи.

Нельзя не видѣть, что такого рода статистическія данныя указываютъ до извѣстной степени на ненормальности и въ самомъ порядкѣ производства дѣлъ о преступленіяхъ по должности, тѣмъ болѣе важныхъ, что порядокъ этотъ есть исключительный. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали значительное количество оправдательныхъ приговоровъ, какими бы общими соображеніями и посторонними процессу причинами ни объясняли себѣ этотъ фактъ, онъ никакъ не можетъ быть всецѣло приписанъ однимъ только свойствамъ должностныхъ преступленій, особымъ бытовымъ условіямъ службы и особому отношенію къ тому и другому судей и присяжныхъ, какъ представителей общественной совѣсти. Было бы невѣрно и странно отрицать, что во всякомъ случаѣ изъ массы поводовъ къ преобладанію оправдательныхъ приговоровъ не мало приходится и на долю чисто процессуальныхъ особенностей, инцидентовъ производства, вызванныхъ столько же самымъ закономъ, сколько и сложившейся практикой его примѣненія, и что этимъ особенностямъ и инцидентамъ принадлежитъ довольно видная роль въ ряду условій, создавшихъ неблагопріятное состояніе и въ высшей степени слабое напряженіе уголовной репрессіи служебныхъ преступленій. Прежде всего, здѣсь повторяется общее и почти неизмѣнное явленіе, которое обнаруживается наблюденіемъ всей сферы отправленія уголовнаго правосудія: при внимательномъ изслѣдованіи всякой отдѣльной уголовной процедуры, получившей видимо неправильное направленіе, но достигшей цѣли своей и причинившей лишь напрасное стѣсненіе извѣстныхъ общественныхъ и частныхъ интересовъ, среди всѣхъ обстоятельствъ и дѣйствій ея всегда можно найти процессуальныя неправильности, несовершенства или уклоненія, послужившія болѣе или менѣе близкими причинами неудовлетворительнаго исхода, совершенно независимо

отъ того, чѣмъ именно—несовершенствомъ ли закона или плохимъ его исполненіемъ—былъ обусловленъ неудовлетворительный исходъ процесса. Явленіе это должно сказаться тѣмъ рѣзче и сильнѣе въ исключительномъ порядкѣ судопроизводства, который совмѣщаетъ въ себѣ и измѣненіе частностей и даже отступленіе отъ общихъ основныхъ началъ. Невинный или, по крайней мѣрѣ, объявленный таковымъ по судебному приговору и, слѣдовательно, подвергшійся напрасному преслѣдованію и всѣмъ его тяжкимъ послѣдствіямъ, потерпѣвшій отъ преступленія, обманутый въ своихъ надеждахъ на возстановленіе своего нарушеннаго права, общество, не достигшее цѣли въ своемъ стремленіи наказать виновнаго и соблюсти неприкосновенность невиннаго—всѣ въ правѣ въ извѣстной мѣрѣ претендовать на дѣятелей уголовнаго суда за слишкомъ частые и многочисленные оправдательные приговоры. Но, въ свою очередь, и эти дѣятели по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ могутъ сложить съ себя значительную долю отвѣтственности и не безосновательно оправдываться тѣмъ, что многому—если не всему—виною тотъ особенный, экстраординарный видъ судопроизводства, въ которомъ, по закону, разсматриваются и разрѣшаются такія дѣла, то ослабленіе по отношенію къ нимъ нѣкоторыхъ гарантій общественнаго порядка и личной свободы, которыя дѣйствуютъ въ процессѣ общемъ, ординарномъ, наконецъ, тѣ сложные коллизіи и казусы, которые всегда во множествѣ вырабатываются практикой всякаго исключительнаго процесса, тѣ затрудненія и препятствія, которыя онъ ставитъ иногда на пути суда.

Такъ, однимъ изъ несомнѣнныхъ и постоянныхъ условій нашего судопроизводства по преступленіямъ должности представляется его неизбѣжная медленность, которую прямо удостовѣряютъ тѣ же статистическія данныя. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ регистраціей за 1875 годъ, изъ общаго количества производившихся въ этомъ году дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ окончено только 34% и остались неоконченными 66%, при чемъ изъ числа первыхъ 20% всѣхъ слѣдствій продолжались болѣе одного года, а изъ вторыхъ—къ 1 января 1876 г.

41% слѣдствій производились также уже болѣе 1 года. Далѣе, по продолжительности производства дѣлъ вообще во всѣхъ инстанціяхъ, въ разсмотрѣніи которыхъ они находились, — на служебныя преступленія приходится самый значительный процентъ дѣлъ, продолжавшихся болѣе 2-хъ и 3-хъ лѣтъ, а именно — по оконченнымъ дѣламъ 36% и по неоконченнымъ 29%. По мнѣнію центральнаго органа судебнаго управленія, министерства юстиціи, такая чрезвычайная медленность въ производствѣ дѣлъ о преступленіяхъ по должности объясняется, главнымъ образомъ, „свойственною имъ запутанностью, обнаруженіемъ преступленія спустя долгое время послѣ его совершенія и присвоенными имъ особенностями въ ходѣ процесса [1]).

Не менѣе статистическихъ данныхъ краснорѣчивы и общіе выводы практики о дѣйствительномъ характерѣ уголовнаго преслѣдованія и судопроизводства по преступленіямъ должности, насколько онъ могъ выясниться за истекающія первыя 12 лѣтъ дѣйствія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года. Каждому члену нашей магистратуры, имѣвшему возможность пріобрѣсти опытность въ криминальной сферѣ, особенно тому, кто часто имѣетъ дѣло съ вопросами уголовнаго преслѣдованія, частнымъ лицамъ, испытавшимъ непріятность потерпѣть отъ служебныхъ злоупотребленій, наконецъ всякому, кто внимательно слѣдитъ за выдающимися и характерными фактами окружающей его общественной жизни и не усвоилъ еще себѣ печальной способности равнодушно относиться къ темнымъ ея сторонамъ, — всѣмъ, вѣроятно, хорошо извѣстно, какими огромными, часто непреодолимыми трудностями обставлено на практикѣ обнаруженіе должностного преступленія, возбужденіе преслѣдованія за него и благополучное проведеніе этого преслѣдованія черезъ всѣ подводные камни и преграды исключительнаго судопроизводства. Они знаютъ также и то, что значительное количество такихъ преступленій, несомнѣнно совершившихся и иногда даже на виду у всѣхъ, остаются по необходимости неразоблаченными и безнаказанными только

[1]) Сводъ статистич. свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1875 г. и т. д. Изд. министерства юстиціи 1876 г. Общій обзоръ дѣятельности судебныхъ мѣстъ и статистическихъ свѣдѣній о подсудимыхъ за 1875 г., стр. XLIII.

благодаря своей процессуальной неуловимости, разнымъ задержкамъ, препятствіямъ, медленности процедуры, столкновеніямъ и спутанности отношеній между властями и разнымъ другимъ обстоятельствамъ того же свойства и значенія. Къ этому присоединяется еще и крайне неудовлетворительное состояніе самой судебной практики по вопросамъ судопроизводства по преступленіямъ должности. Несмотря на важность и многочисленность этихъ вопросовъ, несмотря на массу послѣдовавшихъ по нимъ кассаціонныхъ рѣшеній и руководящихъ разъясненій сената—въ нашей практикѣ до сихъ поръ господствуютъ темнота и сбивчивость, разнообразіе въ пріемахъ, противорѣчія, а нерѣдко и произволъ въ интерпретаціи. Въ русскомъ уголовномъ процессѣ по судебнымъ уставамъ врядъ ли найдется другой отдѣлъ, постановленія котораго при ихъ примѣненіи вызывали бы такое обиліе споровъ, затрудненій и сомнѣній—или вовсе обойденныхъ практической юриспруденціею, или затронутыхъ слабо и слегка, или же разрѣшенныхъ не твердо и не окончательно. Приходится сознаться даже, что по отношенію къ нимъ и кассаціонная практика оставляетъ еще желать весьма многаго. Тѣмъ не менѣе она представляетъ обширный и богатый матеріалъ, значительная и важнѣйшая часть котораго недавно прекрасно обработана въ трудѣ г. Рычкова. Составленный имъ „*Систематическій сводъ опредѣленій соединеннаго присутствія перваго и уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ правительствующаго сената* (за 1873—1877 г.), 1877 г., отличаясь ясностью тезисовъ, замѣчательною полнотою и систематичностью содержанія и изложенія, представляетъ одно изъ полезнѣйшихъ изданій послѣдняго времени по нашему судебно-уголовному праву. Но и сборникъ г. Рычкова, именно въ силу прекрасно исполненной имъ задачи—быть добросовѣстнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ сенатской практики по процессуальнымъ вопросамъ, касающимся отвѣтственности должностныхъ лицъ, служитъ подтвержденіемъ сказаннаго, такъ какъ и въ немъ можно найти не мало доказательствъ колебанія этой практики, не мало разсужденій и выводовъ, не выдерживающихъ строгой юридической критики. Невольно возникаетъ отсюда врядъ ли ошибочное заключеніе о

томъ, что и намѣченныя отличительныя черты нашей судебной практики судопроизводства по преступленіямъ должности въ весьма сильной степени объясняются органическими причинами и недостатками, искать которыхъ приходится въ самыхъ основаніяхъ законодательства.

Таковы главнѣйшіе поводы къ тому, чтобы признать изслѣдованіе дѣйствующаго порядка судопроизводства по преступленіямъ должности и необходимымъ и своевременнымъ. По свойству и содержанію предмета это изслѣдованіе должно сосредоточиться на слѣдующихъ трехъ капитальныхъ пунктахъ, въ которыхъ собственно и заключаются экстраординарное значеніе и отличительныя черты процесса по служебнымъ преступленіямъ: 1) возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, 2) преданіе суду и 3) особенная привилегированная высшая юрисдикція. Въ составъ правилъ этого процесса входитъ еще одна особенность— наложеніе взысканій по службѣ административнымъ порядкомъ, безъ суда, но по самой сущности своей она не имѣетъ уголовно-процессуальнаго значенія, касается неотъемлемаго права, принадлежащаго каждому начальству или вѣдомству по отношенію къ подчиненнымъ должностнымъ лицамъ, и лежитъ внѣ сферы уголовнаго суда, а потому и можетъ быть оставлена безъ разсмотрѣнія. Такъ же можно поступить безъ большого ущерба для предмета и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ особенностямъ, выходящимъ изъ круга указанныхъ вопросовъ; занимая въ структурѣ процесса мѣсто единичное и второстепенное, онѣ являются малозначительными его подробностями, а главное— не содержатъ въ себѣ никакого ограниченія или нарушенія основныхъ началъ общаго порядка судопроизводства.

Не безполезно бросить бѣглый взглядъ на историческое развитіе и современное состояніе вопроса объ уголовномъ преслѣдованіи за преступленія по должности въ Западной Европѣ вообще и во Франціи въ особенности. Вліяніе судебно-уголовнаго права Франціи сильно отразилось на нашихъ судебныхъ уставахъ, а между прочимъ и на разсматриваемомъ раздѣлѣ 3-мъ 3-й книги устава уголовнаго судопроизводства. Въ послѣднее же время многое измѣнилось во французскомъ законодательствѣ и конеч-

ные выводы, къ которымъ въ виду этихъ измѣненій долженъ привести сравнительный обзоръ, несомнѣнно, имѣютъ весьма важное и поучительное значеніе.

II [1]).

Исторія римскаго публичнаго права представляетъ первые зачатки особаго порядка уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія по должности и неприкосновенности ихъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства. Зачатки эти явились и развились постепенно. Въ древнѣйшія времена каждый гражданинъ Рима могъ убить всякаго виновнаго въ явной измѣнѣ отечеству, не исключая изъ этого и должностныхъ лицъ. Въ эпоху реформъ, вызванныхъ удаленіемъ народа на священную гору, плебеи постарались оградить своихъ представителей отъ произвола и насилія патриціевъ и настояли на провозглашеніи полной неприкосновенности народныхъ трибуновъ. Позднѣе та же гарантія была предоставлена и нѣкоторымъ другимъ магистратамъ, эдиламъ и децемвирамъ. Впрочемъ, народъ не отказался совершенно отъ своего права непосредственной расправы съ преступными чиновниками и по временамъ осуществлялъ его надъ тѣми изъ нихъ, которые возбуждали его особенное негодованіе. Такъ поступилъ онъ съ знаменитымъ децемвиромъ Аппіемъ Клавдіемъ, когда послѣдній, въ нарушеніе имъ же проведеннаго закона о личной свободѣ, присудилъ от-

---

[1]) *Laboulaye.* Essai sur les lois criminelles des Romains, concernant la responsabilité des magistrats, 1845.—*Zumpt.* Der Criminalprocess der romischen Republik, 1871.—*Faustin Hélie.* Traité de l'instruction criminelle, éd. Nypels et Hannsens, 1863 t. I. Chap. III, p. 481—540.—*Mangin.* Traité de l'action publique et de l'action civile en matière criminelle, 1844 m. II, p. 1—69.—*Haus.* Principes généraux du droit pénal belge, 2 éd. 1874 t. II, p. 345—350—*Bernard Paul.* De la résponsabilité des fonctionnaires publics 1878—*Zachariæ.* Handbuch des deutschen Strafprocesses, t. 2, Lief. I, p. 29.—*Rulf.* Die oesterreichische Strafprocessordnung vom 23 Mai 1873 erlautert, p. 106, § 83, p. 177, § 158, p. 406—408, § 399, 402.—*Ullmann.* Das oesterreichische Strafprocessrecht, 1875—1879.—*Poitou.* La liberté civile et le pouvoir administratif en France

дать Виргинію въ руки ея обольстителя, вмѣсто того, чтобы освободить ее на поруки. Народъ не могъ остаться къ этому равнодушнымъ; послѣ кровавой смерти Виргиніи, убитой отцомъ, противъ личности и власти виновнаго децемвира разразилось возстаніе. Онъ былъ заключенъ въ тюрьму, и тамъ, по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго, казненъ смертію по распоряженію народныхъ трибуновъ. Это возстаніе, его поводы и его результаты ознаменовали переходъ судебно-уголовной власти непосредственно къ народу. Но присвоенное имъ себѣ право на отправленіе уголовнаго правосудія въ первый періодъ республики было еще лишено дѣйствительной, практической силы, такъ какъ высшая уголовная юрисдикція принадлежала только комиціямъ по центуріямъ, проникнутымъ патриціанскимъ элементомъ. При господствѣ такой по преимуществу аристократической юрисдиціи, должностныя лица, большинство которыхъ еще попрежнему выходило изъ среды патриціевъ, владѣли важною привилегіею судиться у судей одного съ ними сословія. Кромѣ того, ихъ обезпечивало отъ судебнаго преслѣдованія еще другое, не менѣе важное преимущество. Они пользовались правомъ судебной безотвѣтственности въ продолженіе всего срока своей службы: до тѣхъ поръ, пока должностное лицо отправляло обязанности своей должности, преторъ могъ только собирать свѣдѣнія объ обстоятельствахъ совершеннаго имъ служебнаго преступленія, но личность виновнаго была неуязвима. Leges Julia и Servilia VIII столѣтія подтвердили и узаконили это право магистратовъ, которымъ, какъ excertio necessaria, могло воспользоваться каждое должностное лицо, не желавшее подвергнуться обвиненію и процессу до истеченія года, на который оно было избрано. Такая важная привилегія представителей власти была вызвана соображеніями государственной необходимости. Право уголовнаго преслѣдованія и обвиненія передъ судомъ принадлежало каждому гражданину и давало много простора борьбѣ партій, политическимъ страстямъ, личной ненависти и мести, которыя, прикрываясь патріотизмомъ, находили себѣ широкое поприще въ области уголовнаго правосудія и отъ которыхъ нужно было оградить должностныхъ

лицъ для того, чтобы они, во время своего служенія, могли спокойно и безпрепятственно исполнять его обязанности, не страшась козней своихъ частныхъ и политическихъ враговъ. Въ свою очередь, сила этой привилегіи, опасность, представляемая ею для гражданской свободы, умѣрялась и сдерживалась другими институтами, которые не позволяли ей переходить въ безнаказанность виновныхъ должностныхъ лицъ. Съ одной стороны, магистратуры республиканскаго періода были отмѣчены временнымъ и срочнымъ характеромъ; по истеченіи обыкновенно весьма короткаго выборнаго срока полномочія должностного лица прекращались, и каждому открывалась полная возможность преслѣдовать его сначала передъ центуріатными комиціями, а позднѣе передъ судомъ quaestiones perpetuae въ общемъ уголовномъ порядкѣ, за всѣ совершенныя имъ служебныя злоупотребленія. Съ другой стороны, народъ имѣлъ средство и во время исправленія своимъ провинившимся согражданиномъ какой-либо государственной должности не только наказать его за преступленіе, но даже и вовсе отъ него отдѣлаться, хотя и косвеннымъ путемъ. Еще въ то время, когда уголовная юрисдикція была сосредоточена въ рукахъ комицій по центуріямъ, комиціи по трибамъ, т.-е. собранія чисто народныя, плебейскія, имѣли по отношенію къ должностнымъ лицамъ особую, гражданскую юрисдикцію, передъ которою всѣ магистраты были отвѣтственны за свои должностныя дѣйствія. Комиціи по трибамъ могли признавать эти послѣднія неправильными, произвольными и подвергать за нихъ виновныхъ денежному взысканію (multa). Въ сущности взысканіе это было скорѣе объявленіемъ народнаго порицанія, неодобренія, чѣмъ личною карою, уголовнымъ наказаніемъ, но такъ какъ при опредѣленіи его размѣровъ власть народа ничѣмъ не ограничивалась, то онъ могъ и денежное взысканіе, налагаемое на должностное лицо, сдѣлавшееся ему ненавистнымъ, возвысить до стоимости всего имущества обвиняемаго. Для того же, чтобы избѣжать такой косвенной конфискаціи всего состоянія или лишенія свободы, которое слѣдовало какъ за умышленнымъ неплатежемъ штрафа, такъ и за несостоятельностью къ его

уплатѣ, оставалось одно — добровольное изгнаніе. Къ нему обыкновенно и прибѣгали должностныя лица, осужденныя народнымъ судомъ.

Начало неприкосновенности должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ сохранилось и во времена имперіи, хотя получило иное направленіе и быстро приняло форму, соотвѣтствующую абсолютизму цезарей. Они стремились создать себѣ въ своихъ чиновникахъ вѣрныхъ и раболѣпныхъ слугъ, обязанныхъ имъ свой безотвѣтственностью и безопасностью. Начало неприкосновенности, потерявшее свое прежнее политическое основаніе, не ограничиваемое уже болѣе упомянутыми выше гарантіями срочнаго служенія и гражданской отвѣтственности, перешло прежде всего въ привилегированную подсудность должностныхъ лицъ. Привлекать ихъ къ отвѣтственности и судить за преступленія должности могъ только сенатъ или самъ императоръ, мѣстная же и вообще ординарная юстиція были на это некомпетентны. Въ такомъ исключительномъ привилегированномъ судѣ все зависѣло отъ произвола императора. Сенатъ, потерявшій всякую самостоятельность и всякое значеніе, сдѣлавшійся послушнымъ орудіемъ верховной власти, естественно, смотрѣлъ ея же глазами на ея преступныхъ агентовъ, злоупотребленія которыхъ, особенно въ провинціяхъ, достигали предѣловъ, истощавшихъ всякое терпѣніе подвластныхъ. Тацитъ, рисуя яркими красками бѣдственное состояніе уголовнаго правосудія — и особенно въ дѣлахъ, касавшихся должностныхъ лицъ — приводитъ много примѣровъ самыхъ возмутительныхъ оправданій сенатомъ угодныхъ императору проконсуловъ, въ концѣ разорявшихъ провинціи и наполнявшихъ свою служебную дѣятельность рядомъ насилій и злодѣяній. Нужно было имѣть силу въ Римѣ, занимать мѣсто въ составѣ самаго сената, умѣть вести сложныя темныя интриги, запугать или обезсилить потерпѣвшихъ, а главное — быть богатымъ, чтобы не бояться продажныхъ судей и смѣло разсчитывать на полную безнаказанность. Не лучше отправлялось правосудіе надъ должностными лицами и лично тѣми изъ императоровъ, которые, какъ Калигула, Клавдій, Неронъ, присвои-

вали себѣ право непосредственнаго суда. Здѣсь произволъ и несправедливость даже не прикрывались внѣшними формами законной судебной процедуры. У Тацита, между прочимъ, есть разсказъ о судѣ Нерона надъ двумя проконсулами Африки, Сильваномъ и Камериномъ, которыхъ преслѣдовали многочисленные жители ограбленныхъ ими провинцій и которыхъ Неронъ оправдалъ, несмотря на всѣ доказательства ихъ виновности [1]).

Константинъ Великій измѣнилъ такой порядокъ вещей. Онъ уничтожилъ безотвѣтственность и судебную неприкосновенность должностныхъ лицъ, подчинилъ ихъ личности и ихъ преступленія должности дѣйствію общихъ законовъ и общихъ, ординарныхъ судовъ и постановилъ вообще, что служебное достоинство и служебныя прерогативы не только не могутъ служить препятствіемъ къ уголовному преслѣдованію, но что, напротивъ, сами они разрушаются и устраняются этимъ послѣднимъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ — и какъ бы въ нѣкоторое ослабленіе приведенныхъ постановленій—онъ пригласилъ всѣхъ потерпѣвшихъ отъ служебныхъ преступленій, въ случаѣ совершенія ихъ нѣкоторыми должностными лицами (*judices*, *comites* и *amici*), обращаться съ своими жалобами прямо къ нему, императору, обѣщая имъ лично выслушать ихъ, лично изслѣдовать дѣло и наказать виновныхъ [3]). Послѣдующее законодательство, проникнутое характеристическимъ стремленіемъ къ централизаціи, снова возвратилось къ началу привилегированной юрисдикціи для преступленій должности и зависимости имъ преслѣдованія отъ воли верховной власти. Рядомъ законодательныхъ распоряженій императоровъ Валенція и Валентиніана, ихъ же вмѣстѣ съ Граціаномъ и потомъ Зенона была установлена особая новая система судопроизводства по обвиненіямъ, предъявленнымъ про-

[1]) *Tacitus* Annales XIII, 44, 52.

[2]) Quicunque clarissimae dignitatis virginem rapuerit, vel fines aliquos invaserit, vel in aliqua culpa seu crimine fuerit deprehensus, statim intra provinciam, in qua facinus perpetravit, publicis legibus subiugetur, neque super ejus nomine ad scientiam nostram referatur, nec fori praescriptione utatur. Omnem enim honorem reatus excludit, cum criminalis causa et non civilis res, vel pecuniaria moveatur. (Cod. Theod. l. 1 de accusationibus, IX, I).

[3]) Ipse audiam, ipse cognoscam, et si fuerit comprobatum, ipse me vindicabo (Cod. Theod. l. 4 de accusationibus, IX, I).

тивъ должностныхъ лицъ; въ системѣ этой впервые появляется нѣчто въ родѣ, впослѣдствіи игравшаго большую роль въ этомъ судопроизводствѣ, предварительнаго обсужденія центральною властью поводовъ къ преслѣдованію должностного лица для того, чтобы дать разрѣшеніе на дальнѣйшее производство такого преслѣдованія или же отказать въ немъ и тѣмъ прекратить весь процессъ. Право суда надъ сенаторами и другими высшими сановниками имперіи принадлежало сначала только самому императору, а потомъ право это получили, съ извѣстными ограниченіями, praefectus urbi, praefectus praetorio и magister militum (по отношенію къ лицамъ военнаго званія); тѣмъ не менѣе мѣстные ординарные судьи были обязаны, не касаясь личности обвиняемаго (а по первому закону Валенція и Валентиніана, даже подвергнувъ его предварительному аресту), произвести разслѣдованіе обстоятельствъ взведеннаго на него преступленія и затѣмъ всѣ акты производства передать власти, уполномоченной постановить приговоръ. По закону императора Зенона, уголовное преслѣдованіе за преступленіе, совершенное однимъ изъ упомянутыхъ высшихъ сановниковъ, но обнаруженное по оставленіи имъ должности, должно возбуждаться не иначе, какъ по усмотрѣнію и распоряженію самого императора (ne quas ante probationes injurias patiatur). Что же касается до всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ, не пользовавшихся привилегированною юрисдикціею и подсудныхъ общимъ судамъ, то мѣстные судьи должны были также только собрать предварительныя свѣдѣнія о служебномъ преступленіи и вообще изслѣдовать обвиненіе, предъявленное противъ чиновника, но приговора постановлять не могли до полученія въ отвѣтъ на свои донесенія о данныхъ процесса императорскаго распоряженія—(....eorum sententiis abstineant dum nostrae pietatis ad suas meruerint relationes responsum). О содержаніи и значеніи этого распоряженія и о вліяніи его на дальнѣйшій ходъ процедуры трудно вывести изъ источниковъ вполнѣ точное заключеніе, но, по единственно вѣроятному предположенію, цѣль его могла быть только одна—дать верховной власти возможность,

по своему усмотрѣнію, прекращать преслѣдованія, возбужденныя противъ ея агентовъ [1]).

По поводу всѣхъ изложенныхъ постановленій, извлеченныхъ изъ разбросанныхъ и по этому предмету довольно отрывочныхъ и мало подробныхъ текстовъ римскаго права—нужно замѣтить, что въ этомъ правѣ правила объ уголовномъ преслѣдованіи должностныхъ лицъ обусловливаются только однимъ признакомъ — званіемъ и достоинствомъ лица, а не отношеніемъ совершеннаго имъ дѣянія къ кругу его служебныхъ обязанностей; они не дѣлаютъ поэтому почти никакого различія между преступленіями, совершенными должностнымъ лицомъ именно по своей должности, и тѣми, которыя, хотя и совершены имъ во время нахожденія въ этой должности, но внѣ ея функціи и отправленія, а лишь въ качествѣ лица частнаго. Тѣ и другія преступныя дѣянія подчинялись одному экстраординарному процессуальному порядку, и разграниченіе между ними представляетъ достояніе лишь позднѣйшаго французскаго права.

III.

Положенія римскаго права объ уголовномъ преслѣдованіи служебныхъ преступленій отразились въ законодательствахъ Западной Европы и господствовали въ нихъ до конца XVIII столѣтія, т.-е. до французской революціи. Франція представляетъ особенно яркое и полное тому доказательство: законы о порядкѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ, выработанные императорскимъ Римомъ, образовали почву, на которой постепенно выросли постановленія о томъ же предметѣ до-революціоннаго французскаго права, и нашли себѣ послѣдовательное признаніе и удобный оплотъ главнѣйшіе элементы средневѣковаго государственнаго строя—феодализмъ сначала, монархическая власть короля впослѣдствіи. Эро (Ayrault), одинъ изъ самыхъ крупныхъ процессуальныхъ авторитетовъ Франціи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи:

[1]) *Cod. Theod.* l. 2 de exhibendis et transm. reis IX, 2; l. 13 de accusationibus IX, 1. и друг.

„*L'ordre, formalité et instruction judiciare etc.*“ [1]), излагая правила современнаго процесса по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ, прямо ссылается на упомянутый выше законъ императоровъ Валенція, Валентиніана и Граціана, какъ бы на дѣйствующій законодательный источникъ. Черезъ процессъ этотъ проходили все тѣ же начала—привилегированной юрисдикціи и произвола верховной власти, а въ основаніи его лежало все то же стремленіе организовать и обезпечить безотвѣтственность представителей этой власти передъ общими судами и передъ частными лицами. Феодалы, соединяя въ своихъ рукахъ и право собственности на землю, и право суда, и право управленія въ тѣсномъ смыслѣ, сами судили своихъ чиновниковъ. Принципъ суда посредствомъ равныхъ или высшихъ (judicium per pares) строго сохранялся въ средневѣковомъ обществѣ. Въ свою очередь, король самъ судилъ въ своемъ судѣ (cour du roi), скоро превратившемся въ Парижскій парламентъ, какъ всѣхъ вообще феодальныхъ владѣтелей, такъ и должностныхъ лицъ, поставленныхъ имъ отъ себя, въ свои собственныя королевскія домены. Ослабленіе феодальной системы и усиленіе королевской власти, подорвавшей мало-по-малу или присвоивавшей себѣ права и привилегіи феодаловъ по суду и по администраціи, все огромное центростремительное движеніе, ознаменовавшее собою конецъ среднихъ вѣковъ, были условіями въ высшей степени благопріятными для прочнаго утвержденія экстраординарнаго процесса по служебнымъ преступленіямъ и зависимости должностныхъ лицъ, по поводу уголовнаго ихъ преслѣдованія, только отъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ. Постепенно привлекая къ себѣ всѣ отрасли и аттрибуты власти, послѣдовательно проводя и развивая принципъ единственнаго въ государствѣ королевскаго суверенитета, короли мало-по-малу покрыли всю страну цѣлой сѣтью своихъ представителей и чиновниковъ и, естественно, стремились удержать за собою право суда надъ ними. Важнѣйшіе изъ этихъ должностныхъ лицъ, бальи и сенешалы, первоначально принадлежали къ тому самому высшему сословію, члены

[1]) Liv. II, part. III, № 15.

котораго имѣли привилегію судиться не иначе, какъ судомъ короля. Эта привилегія осталась въ силѣ и тогда, когда должности королевскихъ бальи и сенешаловъ перешли къ легистамъ незнатнаго происхожденія, къ тѣмъ hommes de robe longue, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась магистратура. Королевская власть ревниво охраняла своихъ агентовъ отъ юрисдикціи мѣстныхъ феодальныхъ судовъ; такъ, ордонансомъ Филиппа Красиваго отъ 1302 г. было постановлено, что „судья низшаго ранга (juge subalterne) не можетъ судить королевскихъ чиновниковъ за дѣянія, касающіяся ихъ должности, а также за преступленіе и превышеніе власти, совершенныя ими при отправленіи служебныхъ обязанностей“. Въ законѣ этомъ выразилось, кромѣ того, еще и другое начало, вытекавшее отчасти изъ того же государственнаго главенства короля и іерархическаго подчиненія ему его чиновниковъ, а отчасти изъ общаго начала суда посредствомъ равныхъ: низшій не имѣетъ надъ низшимъ права суда, а высшій, наоборотъ,—par in imparem non habet imperium, multo minus in majorem [1]). Феодальные владѣтели сохраняли еще за собою право преслѣдовать и судить своихъ собственныхъ чиновниковъ, но скоро и это право было ограничено, а затѣмъ и вовсе устранено королевскими распоряженіями о томъ, что должностныя лица, поставленныя своими сюзеренами, подсудны за преступленія должности не только имъ, но и королевскимъ чиновникамъ въ порядкѣ іерархической подчиненности. По тѣмъ же распоряженіямъ, тѣ изъ королевскихъ чиновниковъ, которые состояли вассалами какого либо феодальнаго владѣтеля, подлежали суду его только въ отношеніи преступныхъ дѣяній, не относящихся до ихъ должности и совершенныхъ ими внѣ ея исправленія. Такимъ образомъ, когда въ теченіе многовѣковой борьбы съ феодализмомъ королю удавалось присоединить къ своей коронѣ какой-нибудь феодальный ленъ, онъ находилъ тамъ уже давно укрѣпившійся принципъ суда высшихъ чиновниковъ надъ низшими; къ нему же, какъ къ новому феодальному владѣтелю, переходило и право сю-

[1]) *F. Helie.* T. I, C. II, ch. III, 1124—стр. 483.

зерена судить своихъ агентовъ, почему и привилегированная юрисдикція короля получала значеніе законнаго и неоспоримаго права.

На ряду съ изложенными условіями нужно отмѣтить еще одно — полное смѣшеніе судебной и административной функцій и соединеніе ихъ въ однихъ и тѣхъ же лицахъ и учрежденіяхъ. Изъ всего этого—къ тому времени, когда надъ спутанностью средневѣковыхъ отношеній возвысилась могучая королевская власть, возникло общее, основное начало, по которому въ до-революціонной Франціи была организована вся отвѣтственность должностныхъ лицъ: въ каждой отрасли управленія низшіе чиновники отвѣтственны за преступленія только передъ своими начальниками и подлежатъ ихъ собственному суду. Это было тѣмъ болѣе возможно и удобно, что каждая отрасль имѣла и свой судъ, свою юрисдикцію, охватывавшую всѣ дѣла и всѣхъ лицъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ ея вѣдомству. Въ составъ такого исключительнаго права отправлять правосудіе надъ подчиненными чиновниками, очевидно, входило и право оставлять безъ послѣдствій приносимыя на нихъ жалобы, останавливать и прекращать начатыя преслѣдованія, а потому право это, по справедливому замѣчанію Ф. Эли, можетъ быть названо правомъ или принципомъ *покровительства* (droit, principe de protection). Оно заключалось въ слѣдующихъ трехъ существенныхъ правилахъ, послѣдовательно, въ разное время установленныхъ ордонансами. 1) Высшіе сановники королевства, считавшіеся или дѣйствительно состоявшіе членами такъ называемыхъ верховныхъ судовъ (cours souveraines), могли быть судимы только этими же судами. Такою юрисдикціею пользовались пэры, президенты и совѣтники парламентовъ, генералъ-прокуроры и адвокаты короля при парламентахъ, члены счетной палаты (cour des comptes), высшаго финансоваго суда (cour des aides) и многія другія высшія должностныя лица. 2) Не входившіе въ категорію этихъ послѣднихъ разные чиновники судебнаго и общаго административнаго управленія — такъ называемые *officiers de judicature* — по общему правилу должны были бы судиться въ мѣстныхъ судахъ,

у бальи и сенешаловъ, но имъ принадлежало право отвода противъ этихъ судовъ и, воспользовавшись имъ, они становились уже подсудными только общему собранію парламента (grande chambre du Parlement). Въ такомъ случаѣ, согласно съ приведенными выше постановленіями римскаго права, мѣстные суды могли только производить предварительное изслѣдованіе, не касаясь личности обвиняемаго, и потомъ все дѣло передавалось по принадлежности въ парламентъ. Къ числу officiers de judicature принадлежало множество разнообразныхъ и важныхъ должностей (trésoriers de France, présidents presidiaux, lieutenants généraux, lieutenants criminels, lieutenants particuliers, avocats et procureurs du roi, juges des sièges royaux, prevots royaux etc. etc.). 3) Наконецъ чиновники различныхъ финансовыхъ и спеціальныхъ административныхъ вѣдомствъ могли быть преслѣдуемы и судимы только или своими непосредственными начальниками, или же особымъ спеціальнымъ судомъ своего вѣдомства. 4) Далѣе, для тѣхъ изъ должностныхъ лицъ, которыя не подходили ни подъ одну изъ перечисленныхъ категорій и не имѣли надъ собой никакой спеціальной юрисдикціи, существовала особая гарантія въ такъ называемомъ *droit d'évocation*—правѣ короля принимать извѣстныя судебныя дѣла къ своему разсмотрѣнію и тѣмъ исключать ихъ изъ общаго порядка. Это право, не имѣвшее никакого опредѣленнаго законнаго основанія и лишь казуистически выводимое изъ верховнаго главенства короля, между прочимъ и какъ источника всякаго правосудія (toute justice émane du roi), въ XVII и XVIII столѣтіяхъ получило весьма широкое развитіе и примѣненіе; имъ злоупотребляли на каждомъ шагу, по поводу самыхъ ничтожныхъ дѣлъ и самыхъ мелкихъ правительственныхъ агентовъ. Для послѣднихъ оно было весьма удобно и выгодно; путемъ связей, интригъ, искательства, денегъ всегда можно было добиться того, чтобы государственный совѣтъ (conseil d'état), черезъ который осуществлялось это droit d'évocation, вмѣшался въ производство уголовнаго преслѣдованія, начатаго въ ординарномъ судѣ, изъялъ его изъ вѣдѣнія общей юстиціи и подъ предлогомъ огражденія государственныхъ и королевскихъ интересовъ

передалъ дѣло для дальнѣйшаго производства и разрѣшенія въ вѣдѣніе особо назначенныхъ для этого правительственныхъ коммиссаровъ. Токвиль приводитъ одинъ извѣстный и характерный случай: крестьянинъ возбудилъ преслѣдованіе противъ надзирателя надъ рабочими вѣдомства путей сообщенія (ponts et chaussées), жестоко обращавшагося съ нимъ на работѣ. Государственный совѣтъ немедленно вытребовалъ къ себѣ дѣло, а по поводу его главный инженеръ конфиденціально написалъ мѣстному интенданту между прочимъ слѣдующее: „A la vérité le piqueur est trés répréhensible, mais ce n'est pas une raison pour laisser l'affaire suivre son cours, *car il est de la plus grande importance pour l'administration des ponts et chaussées que justice ordinaire n'entende ni ne reçoive les plaintes* des corvéables contre les piqueurs des travaux". Въ этой откровенной тирадѣ, получившей впослѣдствіи во французской литературѣ вопроса классическій смыслъ и значеніе, уже высказывается ревнивое стремленіе администраціи совершенно оградить своихъ агентовъ отъ дѣйствій общаго процесса и ординарныхъ судовъ.

Въ концѣ концовъ такимъ образомъ въ до-революціонной Франціи правительству удалось создать полное судебное обособленіе всѣхъ имъ поставленныхъ и отъ него зависящихъ должностныхъ лицъ. Безотвѣтственные передъ общими уголовными судами, существующими лишь для простыхъ гражданъ, они отвѣчали, правда, передъ своимъ начальствомъ, передъ своими экстраординарными, спеціальными судами, но отвѣтственность эта, по единогласному свидѣтельству современниковъ и мнѣнію писателей, была настолько проникнута началомъ „покровительства", что нерѣдко становилась фиктивною, и противъ злоупотребленій чиновниковъ, въ сущности, не было дѣйствительной управы. Тѣмъ не менѣе возможность преслѣдовать ихъ, хотя и передъ собственнымъ спеціальнымъ судомъ ихъ вѣдомства, все-таки существовала, и дать такому преслѣдованію превратное направленіе,—укрыть виновнаго,—можно было только посредствомъ явнаго неправосудія или незаконнаго отказа въ правосудіи (deni de justice). Точно такъ же и по отношенію къ тѣмъ должностнымъ лицамъ, которыя подлежали общему праву,—

избавить ихъ отъ законнаго преслѣдованія можно было только посредствомъ указаннаго droit d'évocation, на которое французское общество и французская юриспруденція всегда смотрѣли, какъ на проявленіе со стороны власти силы и произвола. Вотъ почему, сопоставляя между собою порядокъ отвѣтственности должностныхъ лицъ въ до-революціонной Франціи съ порядкомъ преслѣдованія ихъ за преступленія по должности, установившимся послѣ революціи, Токвиль имѣлъ полное основаніе сказать: „sous l'ancienne monarchie le gouvernement n'avait guère moins de soins que de nos jours d'éviter aux fonctionnaires le désagrément d'avoir à se confesser à la justice comme de simples citoyens. La seule différence essentielle entre les deux époques est celle-ci: avant la Révolution le gouvernement ne pouvait couvrir ses agents qu'en recourant à des mesures illegales et arbitraires, tandis que depuis il a pu legalement leur laisser violer la loi“ [1]).

Конецъ XVIII вѣка, идеи и реформы революціоннаго періода принесли съ собою провозглашеніе и въ области суда великихъ принциповъ раздѣленія властей, равенства всѣхъ передъ закономъ, личной свободы, права каждаго не быть лишеннымъ своихъ природныхъ и законныхъ судей. Съ этими принципами нельзя было помирить теоретически старый порядокъ безотвѣтственности должностныхъ лицъ передъ общимъ судомъ; кромѣ того, онъ былъ единодушно и настойчиво осужденъ общественнымъ мнѣніемъ при первомъ его пробужденіи, общенародными желаніями—при первомъ свободномъ ихъ заявленіи. Поэтому въ торжественную декларацію учредительнаго собранія 1789 г. включена была ст. 15, гласившая: „общество въ правѣ требовать отъ всякаго лица, занимающаго государственную должность (agent public), отчета въ его служебной дѣятельности (de son administration)“. Но положеніе это такъ и осталось принципомъ, не получившимъ никакого развитія, принятымъ въ теоріи и не проведеннымъ на практикѣ. Когда пришлось осуществлять его въ дѣйствительности, въ намѣреніяхъ и взглядахъ революціонныхъ законодателей разныя

[1]) *Toqueville*, L'ancien régime et la révolution.

утилитарныя соображенія и все обаяніе только-что достигнутой ими власти взяло верхъ надъ требованіями справедливости и желаніемъ націи. Авторы революціонныхъ конституцій и кодексовъ, не колеблясь, возвратились къ старому, только-что осужденному ими порядку монархическаго періода. Какъ прежде короли и чиновники — представители его власти, — они побоялись предоставить судамъ свободное обсужденіе и оцѣнку дѣяній, хотя бы и преступныхъ, органовъ исполнительной власти и, подъ предлогомъ строгаго раздѣленія властей, поспѣшили создать такое положеніе, которое почти равнялось совершенной судебной безотвѣтственности должностныхъ лицъ. На этомъ пути они даже пошли гораздо дальше стараго, отжившаго режима и облекли въ точныя и стройныя формы закона то, что прежде было, по крайней мѣрѣ, на половину дѣломъ укоренившагося обычая, авторитета власти и силы произвола; мало того, они дали своимъ новымъ установленіямъ могучую уголовную санкцію, обложивъ тяжкими наказаніями всякое ихъ нарушеніе. По замѣчательному стеченію обстоятельствъ, все это совершилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе одушевлявшей законодателей того времени ненависти къ тѣмъ же старымъ, разрушеннымъ учрежденіямъ. Воспоминаніе о старыхъ парламентахъ и старой магистратурѣ, объ ихъ огромномъ, постепенно разраставшемся значеніи и силѣ, объ ихъ борьбѣ съ правительствомъ, объ ихъ стремленіи вмѣшиваться во всѣ отрасли управленія было еще такъ свѣжо и живо, что дѣятели республиканскихъ правительствъ сдѣлали все возможное для избавленія себя и своей власти отъ повторенія въ новомъ государственномъ устройствѣ чего либо подобнаго. Лучшимъ средствомъ для этого казалось умаленіе значенія магистратуры и суда вообще и заключеніе ихъ въ замкнутый, тѣсный и рѣзко очерченный кругъ. Внѣ этого круга остались должностныя лица, всѣ органы законодательной и исполнительной властей. Попрежнему, они подлежали преслѣдованію только по требованію ихъ непосредственнаго начальства или самой высшей власти. Это начало неприкосновенности и покровительства находило себѣ и философско-юридическое основаніе въ любимой политической теоріи

эпохи—въ теоріи раздѣленія государственныхъ властей. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что въ новыхъ постановленіяхъ, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, сдѣланъ былъ огромный шагъ впередъ: экстраординарные спеціальные суды были уничтожены, и должностныя лица, въ случаѣ полученія распоряженія о преслѣдованіи, были объявлены подсудимыми общимъ, ординарнымъ уголовнымъ судамъ. Но сдѣланъ былъ и шагъ назадъ—у ординарныхъ судей отняли старое, основывавшееся еще на римскихъ текстахъ право, впредь до полученія начальственнаго распоряженія о преслѣдованіи, производить предварительное изслѣдованіе должностного преступленія и констатировать его слѣды. Система, установленная такъ называемымъ „переходнымъ“ законодательствомъ (législation intermédiaire) 1789—1791 гг. л. II, III, IV и VIII годовъ республики, подвергалась въ теченіе этихъ годовъ неоднократнымъ колебаніямъ и измѣненіямъ; въ общихъ же чертахъ она заключалась въ слѣдующемъ: власть законодательная и власть административная, отдѣльныя отъ власти судебной, находятся и въ полной отъ нея независимости. Поэтому, представители и органы первыхъ двухъ пользуются гарантіей, ограждающей ихъ отъ дѣятельности и преслѣдованій послѣдней. Гарантія эта проявляется въ двухъ видахъ: 1) представители и органы законодательной власти (члены законодательныхъ и представительныхъ собраній, министры и другія высшія должностныя лица государства) пользуются *политическою гарантіей* (garantie politique), которая состоитъ въ совершенной ихъ судебной неприкосновенности по какимъ бы то ни было преступленіямъ,— на время исполненія ими обязанностей ихъ должности, и 2) представители и органы власти административной пользуются особой *административной гарантіей* (garantie administrative), которая и заключается въ упомянутомъ уже правѣ ихъ не подлежать уголовному преслѣдованію за преступленія по должности безъ требованія или, по крайней мѣрѣ, разрѣшенія своего начальства или высшаго правительственнаго учрежденія. Только эта послѣдняя гарантія и входитъ въ предѣлы нашей задачи, а потому мы ею и займемся, оставивъ совершенно въ сторонѣ гарантію политическую.

Правило объ особенныхъ условіяхъ и особенномъ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія административныхъ должностныхъ лицъ за преступленія по должности было окончательно формулировано въ слѣдующей ст. 75 консульской конституціи 22 фримера VIII года: „органы (собственно „агенты“) правительства, за исключеніемъ министровъ, могутъ быть преслѣдуемы за дѣянія, относящіяся до ихъ служебныхъ обязанностей, не иначе, какъ въ силу разрѣшенія государственнаго совѣта; въ этомъ случаѣ преслѣдованіе производится въ общихъ судахъ“ [1]).

IV [2]).

Ясный смыслъ и точная редакція ст. 75 конституціи 22 фримера VIII года поставили уголовное преслѣдованіе должностныхъ лицъ въ полную зависимость отъ усмотрѣнія административной власти. Безъ разрѣшенія этой послѣдней въ лицѣ государственнаго совѣта, какъ высшаго коллегіальнаго ея учрежденія, судъ и прокуратура не могли по отношенію къ преступленіямъ чиновниковъ исполнять своихъ обязанностей. Опредѣленія высшаго административнаго начальства было достаточно, чтобы прикрыть виновное должностное лицо такъ же прочно и безусловно, какъ это сдѣлала бы простая давность. Такое опредѣленіе явилось одною изъ причинъ погашенія или пріостановленія уголовной отвѣтственности, признанныхъ столько же догмой положительнаго права, сколько и его практикой.

Конституція 22 фримера VIII года существовала всего 4 года и уступила мѣсто послѣдовательному ряду другихъ органическихъ законовъ, но ея 75 статья, сдѣлавшаяся знаменитой,

---

[1]) Les agents du gouvernement, autres que les ministres, ne peuvent être poursuivis pour des faits relatifs à leur fonctions qu'en vertu d'une autorisation du Conseil d'Etat; en ce cas la poursuite a lieu devant les tribunaux ordinaires.

[2]) Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ примѣчаніи къ первой главѣ, пособіями послужили еще: *Clappier J.* La résponsabilité des fonctionnaires publics devant les tribunaux, disc. de rentrée, 1875.—*F. Helie.* Pratique criminelle des cours et tribunaux, 1877 г. T. I, 22. T. II, 201 et 209.—*Журналъ Гражд. и Уголовн. Права,* 1879 г., кн. 2, стр. 1—10, протоколъ уголовн. отд. с.-петербург. Юридич. Общ. засѣд. 20 мая 1878 г., сообщеніе *И. Я. Фойницкаго* „О судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ по французскому праву“.

пережила всѣ превратности и въ своемъ первоначальномъ видѣ, съ самыми ничтожными измѣненіями въ подробностяхъ, дѣйствовала до 1870 г., т.-е. въ теченіе 70 лѣтъ. Ея исторія за этотъ долгій періодъ времени представляетъ весьма интересныя черты и хорошее доказательство юридическаго консерватизма, живучести института, который уже пересталъ соотвѣтствовать жизненнымъ потребностямъ, но еще не осужденъ общимъ правовымъ сознаніемъ юристовъ и поэтому способенъ до тѣхъ поръ выдерживать борьбу, пока не измѣнится и не обратится противъ него и это, не легкое на подъемъ, сознаніе. Въ послѣдніе годы второй имперіи, наканунѣ законодательной отмѣны ст. 75, когда эта отмѣна, настойчиво требуемая общественнымъ мнѣніемъ, уже казалась неизбѣжной, самые рѣшительные ея сторонники не расходились съ своими противниками по вопросу о томъ, что ст. 75 сохранила юридическую силу, несмотря на принадлежность свою къ давно-исчезнувшему законодательству и вопреки требованіямъ времени, желаніямъ народа и голосу печати. „Это смѣлое правило,—говоритъ Токвиль, — которое практиковалось во многихъ монархіяхъ, но которое до Наполеона никто не рѣшился ввести въ кодексъ, получило тройное освѣщеніе—со стороны традиціи, легальнаго узаконенія и внушительной юриспруденціи“ [1]).

На 75 статьѣ ярко сказалась могучая рука Наполеона, не останавливавшаяся ни передъ чѣмъ для утвержденія исключительнаго авторитета своей власти. По справедливому замѣчанію Бернара, „если бы во всѣхъ дѣйствіяхъ перваго консула не выражалась его мысль создать крѣпкую и сильную администрацію, всѣ нити которой сосредоточивались бы въ его рукахъ, то мысль эта обнаружилась бы въ той безграничной неприкосновенности, которую онъ даровалъ всѣмъ своимъ агентамъ, и въ той единой власти государственнаго совѣта, которой онъ ввѣрилъ ихъ общую охрану [2]).

Въ дальнѣйшей судьбѣ 75 ст. и ея практическаго примѣ-

---

[1]) „Sous la triple consecration de la tradition, d'une promulgation légale et d'une imposante jurisprudence“.

[2]) *Bernard.* De la résponsibilité des fonctionnaires publics, p. 21.

ненія рельефно очерчиваются три характеристическихъ направленія, которыя развиваются одновременно и параллельно и сопровождаютъ пресловутый законъ до его послѣднихъ дней. Правительство и законодательная власть самой различной политической окраски твердо и усердно стоятъ за дѣйствіе и цѣлость 75 ст.; реставрированные Бурбоны, конституціонный режимъ Людовика-Филиппа, радикальная республика 1848 г., вторая имперія—всѣ держатся одинаковаго мнѣнія объ этой статьѣ, видятъ въ ней огражденіе правительственной и административной власти и не поддаются часто повторяющимся попыткамъ устранить ее изъ положительнаго права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни исполнительная, ни законодательная власти не остаются глухи къ раціональнымъ оппозиціоннымъ требованіямъ и не разъ видимо уступаютъ имъ: ст. 75 неоднократно подвергается прямымъ и косвеннымъ законнымъ ограниченіямъ, примѣненіе ея обставляется нѣкоторыми условіями, клонящимися къ тому, чтобы нѣсколько смягчить ея дѣйствіе, наконецъ, въ представительныхъ собраніяхъ страны неоднократно вырабатываются и разсматриваются проекты болѣе или менѣе коренныхъ ея измѣненій. Правда, въ извѣстные историческіе моменты власть если и дѣйствуетъ въ указанномъ направленіи, то, видимо, неискренно и, наоборотъ, пользуясь обстоятельствами, расширяетъ административную гарантію до самыхъ крайнихъ предѣловъ произвола, возбуждая тѣмъ всеобщее негодованіе и особенное напряженіе оппозиціи. Но это не мѣняетъ общаго тона направленія, его преобладающаго, если не политическаго, то юридическаго характера, и въ упомянутые моменты никто, повидимому, не исключая и самой власти, не сомнѣвается въ томъ, что дѣло идетъ не о примѣненіи ст. 75, а о злоупотребленіи ею, построенномъ на натянутой, казуистической интерпретаціи. На сторонѣ этого направленія, въ его умѣренномъ, раціональномъ видѣ, стоитъ длинный и блестящій рядъ ученыхъ юристовъ, въ особенности комментаторовъ, который начинается Мерленомъ и кончается Фостеномъ-Эли. Они признаютъ и легальность, и необходимость правила, выраженнаго въ 75 ст., но указываютъ ей строгіе и точные предѣлы и не

щадятъ ихъ нарушеній. Въ противоположность этому умѣренно-консервативному взгляду бо́льшая часть общества, всѣ его передовые дѣятели, въ томъ числѣ и многіе юристы либеральнаго оттѣнка (Бенжаменъ-Констанъ, Анріонъ-де-Пансе, Тулье, потомъ Кремье, Жюль-Фавръ, Одиллонъ-Барро, Гревн и др.), публицисты, пресса, относятся къ ст. 75 отрицательно и разрушительно, усматриваютъ въ ней источникъ множества злоупотребленій, несправедливое стѣсненіе личной свободы гражданъ и самое вредное ограниченіе судебной компетентности и поэтому громко и настойчиво требуютъ ея отмѣны. Отдѣльно отъ этихъ двухъ направленій, впрочемъ, примыкая къ первому и всего болѣе доставляя второму матеріаловъ и аргументовъ для борьбы, обозначается третье направленіе, крайне и притомъ казуистически-консервативное. Оно выражается въ практикѣ государственнаго совѣта и кассаціоннаго суда по вопросамъ, вызываемымъ примѣненіемъ ст. 75. По отношенію къ ней, вся погруженная въ казуистику, мѣстами весьма узкую и натянутую, эта практика стоитъ на почвѣ распространительнаго толкованія и обнаруживаетъ явное и постоянное стремленіе юридически раздвигать рамки административной гарантіи такъ же широко, какъ это, съ фактической стороны, дѣлала исполнительная власть въ минуты самаго полнаго увлеченія статьей 75. По этой юриспруденціи, дѣйствительно, „внушительной“ (imposante) своимъ замѣчательнымъ единодушіемъ, выходитъ, какъ будто, что государственный совѣтъ, въ качествѣ главнаго органа административной гарантіи, ревниво и зорко отстаиваетъ ее всегда и всюду, а кассаціонный судъ, какъ верховный и руководящій органъ судебной власти, старается уберечь юстицію хотя бы отъ самаго отдаленнаго подозрѣнія въ вмѣшательствѣ въ область администраціи и для такой цѣли предпочитаетъ отступать передъ этою послѣдней.

Въ частности, вотъ главнѣйшія перипетіи, которыя постигли ст. 75 съ VIII (1800 г.) по 1870 г. Еще при Наполеонѣ I послѣдовала первая уступка въ пользу правъ суда. Декретомъ 9 августа 1806 г. за ординарными органами уголовнаго преслѣдованія было признано важное право, не дожидаясь адми-

нистративнаго разрѣшенія на преслѣдованіе, констатировать слѣды должностного преступленія и производить его изслѣдованіе, не касаясь, однакоже, самой личности обвиняемаго, не вызывая и не допрашивая его. Возвратившись въ этомъ отношеніи къ постановленіямъ римскаго права, законодательство само отчасти ослабило силу административной гарантіи, такъ какъ отъ одной судебной власти уже зависѣло не дать должностному преступленію изгладиться, а собранныя ею данныя своею убѣдительностью и очевидностью могли поставить административную власть въ необходимость или безпрекословно исполнить обвинительныя требованія судебныхъ органовъ, или ограждать своихъ агентовъ завѣдомымъ отказомъ въ правосудіи. Въ тотъ же Наполеоновскій періодъ рядъ законовъ (9 плювьоза и 10 флореаля X г., 28 плювьоза и 10 термидора XI г., 28 февраля 1806 г.), для облегченія занятій государственнаго совѣта, предоставилъ высшимъ начальствамъ нѣкоторыхъ административныхъ вѣдомствъ разрѣшеніе вопроса о преслѣдованіи подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ. Уже въ уголовномъ кодексѣ 1808 г. ст. 75 была поставлена подъ защиту строгой уголовной санкціи; ст. 127 и 129 грозили тяжкимъ наказаніемъ должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства, виновнымъ въ ея нарушеніи, т.-е. въ привлеченіи чиновниковъ къ уголовной отвѣтственности безъ разрѣшенія ихъ начальства. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, онъ былъ вынужденъ дать торжественное обѣщаніе измѣнить ст. 75; обѣщаніе это, оставшееся неисполненнымъ, было включено, по иниціативѣ Бенжамена Констана, въ конституціонный актъ, которымъ предполагалось ограничить власть императора.

Хартія 1814 г. не упомянула о ст. 75, но 68 ст. ея сохранила въ силѣ всѣ предшествующіе законы положительно не отмѣненные, а послѣдовательными отдѣльными законами (8 декабря 1814 г., 21 сентября 1815 г., 28 апрѣля 1816 г. и 28 апрѣля 1819 г.) [1]) правительство косвенно, но ясно при-

[1]) Циркуляръ министра юстиціи отъ 11 января 1816 г. *Gillet* et *Démoly*. Analyse des circulaires, instructions et decisions du ministère de la justice t. I, p. 187, № 1035 t.

знало и узаконило гарантію. Тѣми же законами, однако, было сдѣлано нѣсколько изъятій изъ дѣйствія ст. 75, и уголовное преслѣдованіе нѣкоторыхъ чиновниковъ (фискальнаго вѣдомства) за преступленія по службѣ предоставлено прокуратурѣ въ общемъ порядкѣ судопроизводства. Еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ обществѣ раздавались многочисленные голоса противъ самой административной гарантіи или, по крайней мѣрѣ, противъ распространительнаго ея толкованія. Такъ, Мерленъ и Легравераиъ требовали, чтобы она толковалась буквально и примѣнялась не ко всѣмъ чиновникамъ, а только къ тѣсному кругу должностныхъ лицъ, дѣйствующихъ по прямой административной делегаціи правительственной власти; Анріонъ-де-Пансе, Туллье и Мунье доказывали, что она противорѣчитъ духу хартіи и конституціоннымъ принципамъ; Поль-Луи Куррье безпощадно бичевалъ ее въ своихъ памфлетахъ, осмѣивая автократическія наклонности провинціальныхъ властей.

Хартія 1830 г. отнеслась къ ст. 75 почти такъ же, какъ и ея предшественница. На основаніи ст. 59 новой конституціи, всѣ существующіе законы были оставлены въ силѣ до легальной ихъ отмѣны, что, очевидно, между прочимъ, распространялось и на 75 ст. Въ ст. 69 хартія обѣщала „въ возможно скоромъ времени опредѣлить новымъ закономъ порядокъ отвѣтственности министровъ и другихъ органовъ власти“, но обѣщаніе это не было исполнено. При пересмотрѣ въ 1832 году уголовнаго кодекса, 127 и 129 его статьи, содержащія въ себѣ уголовную санкцію ст. 75, остались безъ измѣненія. Въ 1834—1835 гг. былъ внесенъ въ палату депутатовъ и подробно разсмотрѣнъ ею проектъ установленія, въ отмѣну ст. 75, новаго порядка отвѣтственности должностныхъ лицъ. Сущность этого проекта сводилась къ тому, что съ отмѣною разрѣшенія административнаго начальства на преслѣдованіе, прокуратурѣ, съ одной стороны, и каждому частному лицу, съ другой, предоставлялось право обращаться съ ходатайствомъ о такомъ разрѣшеніи въ апелляціонный судъ (cour royale), который, на основаніи гласнаго обсужденія дѣла, разрѣшалъ преслѣдованіе или отказывалъ въ немъ. Въ первомъ случаѣ дѣло поступало къ подлежащему ми-

нистру, который въ извѣстный срокъ могъ объявить, что онъ принимаетъ лично на себя отвѣтственность за дѣйствія своего чиновника и тѣмъ избавить его отъ всякаго преслѣдованія. Если министръ не находилъ нужнымъ прибѣгнуть къ такой чрезвычайной мѣрѣ, преслѣдованіе должностного лица производилось въ общемъ порядкѣ и передъ общими судьями, при чемъ потерпѣвшій долженъ былъ во всякомъ случаѣ явиться гражданскимъ истцомъ, а при неуспѣхѣ своего иска уплатить отъ 100 до 2000 франковъ штрафу. Если же министръ покрывалъ собою преслѣдуемое должностное лицо, то преслѣдованіе должно было быть направлено лично противъ министра, съ разрѣшенія палаты депутатовъ и передъ судомъ палаты пэровъ. Послѣ продолжительнаго и оживленнаго обсужденія этотъ сложный и неудобоисполнимый проектъ былъ оставленъ и даже не внесенъ на разсмотрѣніе палаты пэровъ. Какъ бы то ни было, въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось преобладавшее тогда во Франціи среднее направленіе политико-юридической мысли по вопросу объ административной гарантіи: осужденіе ст. 75 и выработанной ею дискреціонной власти государственнаго совѣта, сознаніе необходимости возстановить компетентность суда, но рядомъ съ этимъ предоставить и высшей администраціи извѣстныя права по огражденію своихъ агентовъ. Докладчикъ проекта, Созе (Sauzet), говорилъ, поддерживая его:

„Принципъ отвѣтственности (должностныхъ лицъ) не подлежитъ сомнѣнію. Уполномоченные обществомъ въ видахъ общественнаго блага, представители власти не должны безнаказанно злоупотреблять ею для несправедливостей и угнетенія... По мнѣнію нѣкоторыхъ, одинъ государственный совѣтъ, по самой сущности своихъ обязанностей, по своимъ спеціальнымъ свѣдѣніямъ, по своему положенію въ отношеніи къ власти можетъ разумно оцѣнивать жалобы на администрацію и своимъ могучимъ покровительствомъ ограждать должностныхъ лицъ отъ напора частной ненависти и сутяжничества. Это мнѣніе не могло взять верхъ. Ст. 75 уже давно признавалась несоотвѣтствующею истиннымъ началамъ конституціоннаго правленія. Лучшіе умы, искреннѣйшіе друзья нашихъ вольностей требовали ея отмѣны даже въ эпоху хартіи 1814 г. Сохраненіе ея теперь было бы явнымъ анахронизмомъ, съ тѣхъ поръ какъ хартія 1830 г., объявивъ объ изданіи закона объ отвѣтственности органовъ власти, обѣщала гражданамъ такую гарантію, которая оградила бы ихъ жалобы отъ произвола этой самой власти.. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что пока должностныя лица не выходятъ изъ круга своихъ полномочій, необдуманное или неумѣстное ими пользованіе не можетъ еще обусловить отвѣтственности.. Но разъ они

несомнѣнно вышли изъ предѣловъ своего вѣдомства, разъ ихъ дѣйствія становятся ничѣмъ не оправдываемымъ превышеніемъ власти, нельзя безъ опасности покрывать ихъ неприкосновенностью. Правительство поняло это и предположило, установивъ правило уголовной и гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ, предоставить суду разсмотрѣніе какъ той, такъ и другой. Компетентность суда была нарушена. Способъ замѣщенія государственнаго совѣта и смѣняемость его членовъ не позволяли оставить за нимъ въ этой области дискреціонное главенство власти"[1])

Революція 1848 г. ничего не сдѣлала не только для отмѣны, но даже и для измѣненія ст. 75. Напротивъ, органическій законъ 3 марта 1849 г. объ устройствѣ и дѣятельности государственнаго совѣта еще разъ подтвердилъ ее, опредѣливъ порядокъ исполненія совѣтомъ обязанностей, возложенныхъ на него этою статьею. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ неисполненныхъ обѣщаній и безъ неосуществившихся проектовъ. Такой проектъ былъ составленъ въ особой коммиссіи, докладчикомъ которой былъ Кремье. Не говоря уже о сложности и практическихъ неудобствахъ этого проекта, онъ оказался гораздо ниже упомянутаго проекта 1835 г. даже въ томъ отношеніи, что, представляя собою лишь варіантъ 75 ст., онъ попрежнему оставлялъ за администраціей рѣшительное вліяніе на разрѣшеніе вопроса о преслѣдованіи должностного лица, а въ видѣ ограниченія этого вліянія устанавливалъ весьма неудобное и недѣйствительное вмѣшательство судебной власти. Въ 1850 г. законодательное собраніе передало этотъ проектъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ его и постигло вполнѣ заслуженное имъ забвеніе. Оказалось, что новое республиканское правительство такъ же зорко и ревниво, какъ и прежнее монархическое, охраняетъ уголовную неприкосновенность своихъ органовъ и такъ же недружелюбно относится ко всякой попыткѣ подчинить ихъ дѣйствію общаго права. Тѣмъ не менѣе въ 1849 г. послѣдовало новое ограниченіе ст. 75, въ силу котораго было дозволено преслѣдовать чиновниковъ, безъ предварительнаго разрѣшенія, за разные виды преступной избирательной агитаціи.

18-тилѣтній періодъ второй имперіи былъ временемъ наибольшаго процвѣтанія административной гарантіи, наиболѣе

[1]) Bernard l. c. p. 28, 29.

неумѣреннаго и несправедливаго ея развитія. Принявъ на себя столько же громкую, сколько фиктивную отвѣтственность передъ страной, Наполеонъ III сдѣлалъ безотвѣтственными не только своихъ министровъ, но и почти всѣхъ остальныхъ чиновниковъ. Добиться разрѣшенія на преслѣдованіе должностного лица за преступленіе по службѣ фактически стало въ высшей степени труднымъ, почти невозможнымъ. При каждомъ случаѣ, такъ или иначе затрогивавшемъ политическіе интересы администраціи, она призывала къ себѣ на помощь широко-толкуемую административную гарантію и укрывалась за нею, какъ за каменной стѣной. Государственный совѣтъ былъ чрезвычайно скупъ на разрѣшенія преслѣдованія чиновниковъ, когда ходатайства объ этомъ исходили отъ частныхъ лицъ, въ особенности же когда они имѣли предметомъ должностныя преступленія политическаго характера. Съ 1852 по 1864 г. изъ 264 частныхъ просьбъ о преслѣдованіи, поданныхъ государственному совѣту, онъ удовлетворилъ только 34, большинство которыхъ касалось низшихъ чиновниковъ. Съ 1855 по 1864 г. изъ 24 ходатайствъ о преслѣдованіи должностныхъ лицъ за злоупотребленія при выборахъ было уважено только одно. Уголовный процессъ чиновника, обвиняемаго въ преступленіи по службѣ, былъ вообще чрезвычайною рѣдкостью въ эпоху второй имперіи, а до ассизнаго суда такіе процессы, возбужденные частными лицами, никогда не доходили. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—и въ этомъ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть нѣкоторый признакъ того же раціонально-умѣреннаго направленія—государственный совѣтъ никогда не отказывалъ прокуратурѣ въ требуемыхъ ею разрѣшеніяхъ на преслѣдованіе. Впрочемъ значеніе этой податливости сильно ослаблялось тѣмъ соображеніемъ, что прокуратура, какъ смѣняемый и вполнѣ зависимый органъ правительства, дѣйствовала вообще, и при Наполеонѣ III въ особенности, исключительно по его указаніямъ. Ст. 75 быстро получила большую популярность между французскими администраторами и подъ ея защиту, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, прибѣгали всѣ чиновники, начиная съ префекта и кончая простымъ полевымъ сторожемъ (garde champêtre). Особенно часто приходилось примѣнять ее

къ вѣдомству префекта полиціи, при столкновеніяхъ его агентовъ съ гражданами. Эти послѣдніе даже въ судахъ не находили себѣ управы и правильнаго истолкованія истиннаго смысла и предѣловъ ст. 75. Въ этомъ отношеніи не лишенъ интереса процессъ, надѣлавшій въ свое время большого шума въ парижскомъ обществѣ,—процессъ, въ которомъ въ качествѣ истца и потерпѣвшаго явился герцогъ Омальскій. Въ 1861 г. книгопродавецъ Мишель Леви по его порученію напечаталъ его книгу „Исторія дома Конде въ XVI и XVII столѣтіяхъ". Несмотря на то, что при изданіи были соблюдены всѣ правила и формальности, предписанныя законами о печати, всѣ экземпляры этой книги немедленно по отпечатаніи ихъ были конфискованы мѣстнымъ полицейскимъ коммиссаромъ. Сенскій трибуналъ первой инстанціи, парижскій апелляціонный и кассаціонный судъ, въ которые авторъ и издатель послѣдовательно обращались съ искомъ о возстановленіи нарушеннаго права собственности на конфискованныя книги, признали, по отводу, предъявленному коммиссаромъ, что въ его дѣйствіяхъ можетъ быть усмотрѣно лишь нарушеніе имъ своихъ обязанностей, подлежащее преслѣдованію не иначе, какъ съ разрѣшенія государственнаго совѣта. Что же касается до этого послѣдняго, то онъ, конечно, отказалъ герцогу Омальскому и Мишелю Леви въ разрѣшеніи преслѣдовать полицейскаго коммиссара за превышеніе власти, и такимъ образомъ совершилась и осталась безнаказанною конфискація безъ суда [1]). Злоупотребленіе 75 статьею, дошедшее до крайнихъ своихъ предѣловъ, должно было вызвать сильную оппозиціонную реакцію. Она мало-помалу охватила всѣхъ, не исключая и осторожныхъ юристовъ, прежде державшихся одной только строго-легальной стороны вопроса и упускавшихъ изъ виду его политическую, общественную и даже практическую сторону. Къ концу имперіи пресса, юридическія сочиненія, комментаторскіе сборники, политическая трибуна—все оглашалось громкимъ протестомъ противъ admini-

[1]) По французскому праву, конфискація чего бы то ни было, въ томъ числѣ и произведеній печати, можетъ послѣдовать не иначе, какъ по судебному приговору или рѣшенію.

стративной гарантіи. Жюль Фавръ въ краснорѣчивой рѣчи передъ законодательнымъ собраніемъ уподоблялъ ее старымъ *lettres de cachet*, съ тѣмъ различіемъ, что они исходили отъ верховной власти, а гарантія принадлежала каждому чиновнику. Правительство само отозвалось на это движеніе и въ 1869 г. уже приготовлялся проектъ новаго закона, по которому граждане могли свободно возбуждать передъ судомъ преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ за дѣянія, направленныя противъ личной свободы, чести или собственности; предварительное же разрѣшеніе государственнаго совѣта оставалось въ силѣ для дѣлъ, касающихся свободы печати, свободы религіи и свободы преподаванія. Паденіе второй имперіи увлекло за собою и этотъ неосуществившійся проектъ.

Выше уже было замѣчено, что въ то самое время, когда законодательная власть, частью по собственной иниціативѣ, а частью вынужденная общественнымъ мнѣніемъ, не останавливалась ни передъ частными ограниченіями ст. 75-й, ни передъ обсужденіемъ вопроса о совершенной ея отмѣнѣ, офиціальная юриспруденція, въ лицѣ государственнаго совѣта и кассаціоннаго суда, обнаружила явное стремленіе къ ея упроченію и распространенію. Этой юриспруденціи она главнымъ образомъ и обязана продолжительностью своего дѣйствія, обоснованнаго логически и юридически. Государственный совѣтъ, при обсужденіи вопроса о разрѣшеніи преслѣдованія, присвоилъ себѣ всѣ функціи обвинительной камеры. Онъ входилъ въ разсмотрѣніе степени доказанности преступленія, его законной квалификаціи, причинъ, погашающихъ уголовную отвѣтственность, и причинъ невмѣненія. Далѣе, становясь въ положеніе уголовнаго суда, рѣшающаго дѣло по существу, онъ бралъ на себя опредѣленіе того, что хотя данное преступное дѣяніе и представляется доказаннымъ, но мѣра дисциплинарнаго взысканія должна быть признана достаточнымъ за него наказаніемъ. Наконецъ, дѣйствуя какъ бы въ качествѣ суда гражданскаго, онъ опредѣлялъ, причинило ли дѣяніе должностного лица вредъ и убытки лицу частному. Все это, вмѣстѣ взятое, было уже не административною, а личною гарантіей чиновниковъ, чего не имѣли въ

виду ни редакція, ни внутренній смыслъ 75 ст. По отношенію къ самой области примѣненія этой статьи кассаціонный судъ и государственный совѣтъ разсуждали и дѣйствовали съ замѣчательнымъ согласіемъ. Постепенно и послѣдовательно раздвигались границы этой области. Подъ упоминаемыми въ ст. 75 органами правительства стали разумѣть всѣхъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ какою бы то ни было степенью власти. слѣдовательно, значительное большинство чиновниковъ [1]). Къ категоріи дѣйствій, относящихся до служебныхъ обязанностей, были отнесены всѣ дѣйствія. совершенныя въ силу пользованія или злоупотребленія чиновникомъ присвоенной ему властью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и вообще всѣ тѣ, которыя онъ совершалъ при или по поводу исполненія имъ этихъ служебныхъ обязанностей, если только эти дѣйствія имѣли какое-либо, даже фиктивное, отношеніе къ должности. Какъ скоро въ дѣлѣ возникало хотя бы самое отдаленное указаніе на такую *exceptio*, кассаціонный судъ объявлялъ преслѣдованіе безъ разрѣшенія государственнаго совѣта неправильнымъ и недѣйствительнымъ. По словамъ многихъ французскихъ юристовъ, высказавшихся противъ 75 ст., судъ во всемъ, что̀ ея касалось, не давалъ никакого отпора неосновательнымъ притязаніямъ администраціи, тогда какъ ему слѣдовало здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо помнить и соблюдать правило „*odia restringenda*“. Пуату вѣрно и остроумно замѣчаетъ, что по вопросу объ административной гарантіи власти судебная и административная испытали на себѣ вліяніе того соціальнаго закона, по которому всѣмъ вообще привилегіямъ свойственно стремиться къ расширенію и для этого пускать въ ходъ логику, а за недостаткомъ ея и софистику, пока, наконецъ, темныя стороны самаго принципа, выдвинутыя его преувеличеніемъ и искаженіемъ, не выступятъ съ очевидною для всѣхъ ясностью и самою своею рѣзкостью не вызовутъ реакціи.

Выдѣляя изъ французской юриспруденціи и французской догматической литературы наиболѣе существенныя черты admini-

[1]) Рѣшеніе французскаго кассаціоннаго суда 7-го мая 1846 г. и 23-го марта 1861 года.

стративной гарантіи, въ томъ умѣренномъ преобладающемъ видѣ, въ которомъ онѣ представлялись наименѣе спорными, мы получимъ такой, установившійся во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія, легальный и нормальный типъ этой гарантіи.

Субъектами ея, т.-е. лицами, ею пользующимися, являлись органы или, правильнѣе, агенты правительства. По опредѣленію кассаціоннаго суда, подробно комментированному Фостеномъ Эли [1]), къ такимъ органамъ относятся только тѣ должностныя лица, *которыя* 1) *облечены извѣстной степенью правительственной власти* и 2) *входятъ въ составъ администраціи* (отправляютъ административную дѣятельность), *дѣйствуя при этомъ отъ имени правительства, подъ его посредственнымъ или непосредственнымъ руководствомъ* [2]). Опредѣленіемъ этимъ очерчивается кругъ чиновниковъ, гарантированныхъ 75 статьею. Внѣ его остается—и подлежитъ уголовному преслѣдованію наравнѣ съ простыми гражданами, — цѣлый рядъ должностныхъ лицъ, которыхъ Фостенъ Эли насчитываетъ 18 категорій. Сюда принадлежали прежде всего лица судебнаго вѣдомства и притомъ не только магистратура (т.-е. судьи и прокуратура), но и вспомогательные судебные чиновники (officiers auxiliaires de la justice), т.-е. секретари судовъ, нотаріусы, стряпчіе (avoués) и судебные пристава. Дѣйствуя по делегаціи исполнительной власти, лица судебнаго вѣдомства не являются, однакоже, ея органами, а отправляютъ независимую отъ нея власть, проявленія которой не могутъ вызвать отвѣтственности этой исполнительной власти и поэтому не покрываются административною гарантіей. Судебные чины (за исключеніемъ, впрочемъ, прокуратуры) не подчинены распоряженіямъ правительства и состоятъ подъ его наблюденіемъ, но не руководствомъ. Для осуществленія ихъ уголовной отвѣтственности за служебныя преступленія статьями 479—483 кодекса уголов. судопр. установленъ особый порядокъ преслѣдованія ихъ передъ высшею юрисдикціей.

---

[1]) *F Hélie* l. c. éd. belge. t. I § 163.

[2]) Dépositaires d'une portion de l'autorité du gouvernement agissant en son nom, sous sa direction médiate où immédiate et faisant partie de la puissance publique. *Hélie* l. c. p. 508).

Далѣе слѣдуютъ воинскіе чины; они не имѣютъ никакой степени административной власти, а только могутъ быть слѣпыми исполнителями ея приказаній, они—ея орудіе и помощники, но не уполномоченные и не агенты.

Наконецъ, въ самомъ административномъ вѣдомствѣ 16 разрядовъ должностныхъ лицъ, изъятыхъ изъ области дѣйствія ст. 75, одни потому, что они хотя и имѣютъ извѣстную степень власти, но не подчинены правительственному руководству (члены избирательныхъ собраній, генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ, меры и другіе органы мѣстнаго самоуправленія): другіе, наоборотъ, потому, что хотя они и состоятъ подъ руководствомъ правительства, но не облечены никакою степенью власти (разные низшіе и канцелярскіе чиновники). Далѣе, по счету Фостенъ Эли, основанному на практикѣ кассаціоннаго суда, только 21 разрядъ должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ подходили подъ ст. 75 и, слѣдовательно, пользовались административною гарантіею. Для примѣра мы назовемъ между ними префектовъ, совѣтниковъ и генеральныхъ секретарей префектуръ, полицейскихъ коммиссаровъ, губернаторовъ колоній, посланниковъ, консуловъ, смотрителей тюремъ и проч. *Объектъ* административной гарантіи составляли только дѣянія, относящіяся до служебныхъ обязанностей, т.-е. такія, которыя представляютъ пользованіе или злоупотребленіе властью. По объясненію Эли, дѣяніе признается относящимся до должности совершившаго въ томъ только случаѣ, если оно заключаетъ въ себѣ какое-либо примѣненіе власти, присвоенной этой должности,—дѣйствіе, совершенное имъ въ качествѣ чиновника, въ силу даннаго ему уполномочія. Поэтому и такъ какъ гарантія ограждаетъ должность, а не лицо чиновника, всѣ дѣянія, чуждыя этой должности, выходящія изъ круга ея обязанностей, хотя и совершенныя при ея отправленіи, не пользовались гарантіей и преслѣдовались въ общемъ порядкѣ [1]). Зато гарантія сохраняла силу и послѣ оставленія виновнымъ своей должности.

---

[1]) Опредѣленіе гораздо болѣе тѣсное, чѣмъ понятіе служебнаго преступленія по русскому праву. Ст. 347 улож. о наказ., напр., наказываетъ, какъ преступленіе по должности, оскорбленіе, нанесенное служащимъ при отправленіи своей долж-

Порядокъ примѣненія административной гарантіи заключался въ томъ, что по всякой жалобѣ частнаго лица, потерпѣвшаго отъ служебнаго преступленія, и по признакамъ такого дѣянія, непосредственно усмотрѣннымъ прокуратурой, по предложенію этой послѣдней, слѣдственный судья производилъ изслѣдованіе (information), не имѣвшее характера слѣдствія и при которомъ свидѣтели допрашивались не формально, т.-е. давали не показанія (*déposition*), а свѣдѣнія (*renseignement*). Изслѣдованіе касалось только факта преступленія, но не лица обвиняемаго, которому, однакоже, предоставлялось право, хотя его не вызывали и не допрашивали, представлять объясненія и развивать средства къ своей защитѣ (developper ses moyens de défense). По окончаніи изслѣдованія прокуроръ суда 1 инстанціи представлялъ производство съ своими замѣчаніями прокурору суда 2-й инстанціи, который, въ свою очередь, представлялъ дѣло министру юстиціи съ своимъ заключеніемъ по вопросу о преданіи суду. Министръ же передавалъ производство по принадлежности въ государственный совѣтъ или тому изъ своихъ товарищей, которому въ данномъ случаѣ, въ видѣ исключенія изъ компетентности государственнаго совѣта, принадлежало право разрѣшить вопросъ о преслѣдованіи. Кромѣ министровъ, право это, по отношенію къ нѣкоторымъ низшимъ чинамъ, имѣли и префекты, но, какъ уже было сказано, это служило только облегченіемъ государственнаго совѣта, за которымъ оставалось верховное право осуществленія административной гарантіи. Порядокъ этого послѣдняго не опредѣлялся никакими правилами; дѣло разсматривалось не гласно, по письменнымъ документамъ, безъ выслушанія и состязанія сторонъ. Относясь къ дѣлу съ точки зрѣнія болѣе политической и административной, чѣмъ юридической, государственный совѣтъ въ своихъ, обыкновенно немотивированныхъ, опредѣленіяхъ руководствовался соображеніями практической административной цѣлесообразности и своимъ усмотрѣ-

---

ности, слѣдовательно, даже и въ томъ случаѣ, если оскорбленіе не имѣло никакого отношенія къ самому кругу служебныхъ обязанностей. Служебное свойство преступленія опредѣляется у насъ такимъ образомъ не характеромъ дѣянія, а единственно моментомъ времени.

нiемъ. а не началами правды и справедливости. Въ случаѣ разрѣшенія преслѣдованія, дѣло возвращалось къ генералъ-прокурору для дальнѣйшаго и уже формальнаго производства по общимъ правиламъ уголовнаго процесса. При этомъ въ разрѣшительномъ опредѣленіи государственнаго совѣта точно указывались *лицо и преступное дѣяніе*, подлежащія преслѣдованію. Если же при слѣдствіи обвиненіе въ этомъ дѣяніи падало еще на другое должностное лицо или обнаруживалось другое должностное преступленіе лица уже привлеченнаго, то необходимо было испросить новое разрѣшеніе государственнаго совѣта. Въ случаѣ отказа въ разрѣшеніи, онъ не представлялъ для подвергшагося обвиненію должностного лица преюдиціальнаго основанія къ преслѣдованію жалобщика за ложный доносъ. Опредѣленія государственнаго совѣта были окончательны и никакому обжалованію не подлежали. Но зато они не имѣли значенія *rei judicatae* и при отказѣ въ преслѣдованіи вновь открывшіяся обстоятельства могли обусловить новое ходатайство о преслѣдованіи и измѣнить первоначальное опредѣленіе.

Приведенныя черты административной гарантіи по французскому праву, которая во Франціи разсматривалась многими, какъ институтъ ненавистный и несправедливый, невольно наводятъ на мысль, что, въ сущности, исключительное значеніе этой гарантіи, если даже принять во вниманіе ея преувеличенія, было довольно умѣренное, что она не оставляла интересовъ правосудія безъ всякаго обезпеченія и далеко не безусловно ввѣряла ихъ усмотрѣнію администраціи. Въ самомъ дѣлѣ, множество чиновниковъ находились внѣ административной гарантіи, область ея понималась тѣсно и ограничительно и—что особенно важно—судебной власти принадлежали существенныя и независѣвшія отъ произвола администраціи права по изслѣдованію служебныхъ преступленій. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе 70 лѣтъ лучшая часть французскаго общества настойчиво требовала отмѣны ст. 75. Она представлялась ему однимъ изъ самыхъ капитальныхъ и вредныхъ нарушеній личной гражданской свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ, такой привилегіей, которая не только, подъ мнимымъ предлогомъ

огражденія самостоятельности администраціи, допускаетъ безнаказанность тамъ, гдѣ, напротивъ, должна быть строжайшая, примѣрная отвѣтственность, но и для истинныхъ и законныхъ цѣлей самой административной власти является совершенно излишнею. Этотъ взглядъ вытерпѣлъ продолжительную и ожесточенную борьбу съ противоположнымъ мнѣніемъ, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ, съ массой основательныхъ и убѣдительныхъ юридическихъ и политическихъ аргументовъ. Мы не будемъ приводить и разсматривать ихъ здѣсь, такъ какъ они, выходя изъ области исторіи занимающаго насъ вопроса, совершенно теряютъ свое узкое національное значеніе и относятся къ общей теоріи особеннаго порядка преслѣдованія должностныхъ преступленій, слѣдовательно, между прочимъ, и къ догмѣ этого порядка по нашему праву, съ точки зрѣнія критической ея оцѣнки. Намъ остается, для того, чтобы покончить съ нашимъ бѣглымъ историческимъ очеркомъ, сказать нѣсколько словъ о новѣйшей исторіи и настоящемъ положеніи административной гарантіи въ Западной Европѣ.

V.

Черезъ нѣсколько дней послѣ паденія второй имперіи, декретомъ 19 сентября 1870 г. правительство національной обороны, по предложенію нѣсколькихъ депутатовъ, между которыми были Жюль-Греви (впослѣдствіи президентъ республики) и Жюль Фавръ, отмѣнило ст. 75 конституціи VIII г. Декретъ этотъ гласитъ:

Статья 1-я. Ст. 75 конституціи VIII г. отмѣняется. Отмѣняются равнымъ образомъ всѣ другія постановленія общихъ или спеціальныхъ законовъ, имѣющія своимъ предметомъ какое бы то ни было стѣсненіе преслѣдованія должностныхъ лицъ.

Статья 2-я. Въ законодательномъ порядкѣ имѣютъ быть установлены, если будетъ признано нужнымъ, гражданскія взысканія для частныхъ лицъ за возбужденіе неосновательныхъ преслѣдованій противъ лицъ должностныхъ.

Декретъ 19 сентября 1870 г. былъ встрѣченъ обществомъ въ высшей степени благопріятно. Коммиссія національнаго собранія, учрежденная для разсмотрѣнія и повѣрки декретовъ

правительства національной обороны, въ лицѣ своего докладчика, такъ отозвалась о немъ:

„Всѣмъ извѣстно, что постановленіе ст. 75, предназначенное ограждать должностныхъ лицъ отъ преслѣдованій, вызванныхъ частною враждою или духомъ партій, нарушая въ пользу этихъ лицъ правильный ходъ правосудія, слишкомъ часто обезпечивало имъ безнаказанность преступленій. Возмущенное такимъ злоупотребленіемъ, общественное мнѣніе энергически высказалось за отмѣну этой статьи, и мы не боимся утверждать, что между декретами правительства національной обороны декретъ 19 сентября 1870 г. былъ однимъ изъ принятыхъ наиболѣе сочувственно"

Отнынѣ во Франціи всѣ должностныя лица всѣхъ административныхъ вѣдомствъ преслѣдуются за преступленія по службѣ наравнѣ съ частными лицами въ общемъ порядкѣ судопроизводства, безъ всякаго разрѣшенія административной власти [1]). Обѣщаніе, выраженное во 2 ст. декрета 19 сентября 1870 г., замѣнить отчасти административную гарантію установленіемъ гражданскихъ взысканій [2]) за неосновательныя преслѣдованія должностныхъ лицъ до сихъ поръ остается неисполненнымъ, что̀ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что французская администрація довольствуется общими нормальными средствами защиты своихъ органовъ и не встрѣчаетъ надобности въ изданіи новаго исключительнаго закона объ этомъ предметѣ [3]).

Новѣйшая исторія административной гарантіи въ другихъ, кромѣ Франціи, государствахъ Западной Европы есть исторія ея послѣдовательнаго и почти повсемѣстнаго вымиранія. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Нидерландамъ, куда 75 ст. конституціи VIII года была занесена французскимъ вла-

---

[1]) Особый порядокъ уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, установленный кодексомъ уголовнаго судопроизводства, по разъясненію кассаціоннаго суда, остается въ силѣ и не отмѣненъ декретомъ 19 сентября 1870 г. (Cass. 14 sept. 1871 г. 9 fev 1872 г., *F. Hélie.* Pratique criminelle, II № 210, p 137).

[2]) Это было бы чѣмъ-то въ родѣ римской *multa*

[3]) Было бы однако ошибочно думать, что практическое примѣненіе декрета 19 сентября 1870 г. не встрѣчаетъ никакихъ казуистическихъ затрудненій. Отмѣнивъ однимъ почеркомъ пера и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій цѣлую многолѣтнюю юриспруденцію административной гарантіи, онъ вызвалъ множество спорныхъ вопросовъ и контроверзъ, которые собраны, подробно разсмотрѣны и основательно разрѣшены въ цитированномъ уже, весьма интересномъ и обстоятельномъ трудѣ *Бернара*: De la responsabilité des fonctionnaires publics, part. II, p. 38 et suiv.

дычествомъ вмѣстѣ съ французскимъ законодательствомъ. Административная гарантія была отмѣнена королевскимъ постановленіемъ еще 4 февраля 1816 г., въ мотивахъ котораго прямо выражено, что гарантія эта, будучи вторженіемъ администраціи въ сферу суда, несогласна съ духомъ конституціонныхъ учрежденій страны. Основные законы Нидерландовъ, пересмотрѣнные въ 1848 г., уже просто умалчиваютъ объ особомъ порядкѣ преслѣдованія должностныхъ лицъ [1]). За Нидерландами послѣдовала Бельгія. Ст. 24 бельгійской конституціи 1831 г. постановляетъ:

„Не требуется никакого предварительнаго разрѣшенія для преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ, это правило не распространяется на имѣющій быть изданнымъ законъ объ особомъ порядкѣ отвѣтственности министровъ".

По тому же пути пошли всѣ новые органическіе законы разныхъ государствъ Европы; они отмѣнили административную гарантію (которая почти всюду проникла изъ Франціи въ революціонный и наполеоновскій періодъ), или особымъ положительнымъ закономъ, или tacite, посредствомъ умолчанія. Такъ поступили: Греція, Италія, Испанія. Отъ общаго направленія не отстала и маленькая Румынія; на основаніи ст. 29 ея конституціи 1866 г., „никакого предварительнаго разрѣшенія не требуется для производства слѣдствія надъ дѣйствіями какого-либо правительственнаго лица" [2]).

Не вдаваясь въ подробности, которыя завели бы насъ слишкомъ далеко, мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ взгляда на административную гарантію современнаго обще-германскаго и австрійскаго права. Этотъ взглядъ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что новое германское и австрійское судебное законодательство нельзя не считать во многихъ отношеніяхъ послѣднимъ словомъ современной судебной политики и процессуальной науки.

Въ австрійскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства 23 мая 1873 г., заключающемъ въ себѣ и постановленія о судоустрой-

---

[1]) *Haus*, Principes généraux du droit pénal belge, t II, № 1085, p. 348. *F. Hélie.* Traité t. I, p. 486, № 1129, note 2, p. 487, note 1.

[2]) „*Вѣстникъ Европы*". 1877 г. Кн 9, статья Е. Х. „Современная Румынія".

ствѣ, вовсе не упоминается ни объ административной гарантіи должностныхъ лицъ противъ уголовнаго преслѣдованія, ни объ особомъ порядкѣ производства этого послѣдняго. Законъ о введеніи этого устава въ дѣйствіе (Einführungsgesetz) категорически отмѣняетъ силу какихъ бы то ни было другихъ, не вошедшихъ въ него законовъ объ уголовномъ преслѣдованіи (ст. 2) и кромѣ того прямо включаетъ злоупотребленіе должностною властью въ кругъ подсудности суда присяжныхъ (ст. 6, 13, 5), безъ всякаго ограниченія въ преслѣдованіи этого преступленія. Не ставя никакихъ преградъ между обвинительною властью прокуратуры и правомъ частнаго лица на возбужденіе преслѣдованія, съ одной стороны, и служебными преступленіями—съ другой, австрійскій уставъ, очевидно, совершенно игнорируетъ административную гарантію. Онъ ограничивается только тѣмъ, что въ ст. 83, 158, 176, 399 и 402 предписываетъ прокуратурѣ и судебной власти сообщать начальству обвиняемаго должностного лица какъ о возбужденіи противъ него преслѣдованія и объ арестѣ его, такъ и о состоявшемся о немъ приговорѣ, при чемъ не дѣлаетъ никакого различія между общими, частными и служебными преступленіями чиновниковъ [1]).

Административная гарантія никогда не была кореннымъ національнымъ институтомъ германскаго права. „Изъ источниковъ общаго права (aus den gemeinrechtlichen Quellen) не можетъ быть выведено", говоритъ Цахаріэ [2]) „никакое ограниченіе преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія и проступки. Только въ нѣкоторыхъ партикулярныхъ законодательствахъ встрѣчается такое ограниченіе по отношенію къ спеціально-служебнымъ преступленіямъ". Ограниченія такого рода постановлялись законодательствами рейнскихъ провинцій, Бадена, Кургессена, Баваріи, Эльзасъ-Лотарингіи и заключались въ болѣе или менѣе полномъ и безусловномъ повтореніи заимствованной изъ французскаго права ст. 75 конституціи VIII года. Наоборотъ, въ другихъ германскихъ государствахъ, какъ напримѣръ въ

---

[1]) *Rulf.* Die österreichische Strafprocessordnung vom 23 Mai 1873 r. erläutert 1874 r.—*Mayer, S.* Der Österreichische Strafprocess. B I, 1877 r.

[2]) *Zacharia.* Handbuch des deutschen Strafprocessrechts, Bd II. S. 29. 3 h.

Ганноверѣ, по конституціи 1850 г., не существовало никакого ограниченія для уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ. Средній типъ представляло законодательство Пруссіи, гдѣ, по закону 13 февраля 1858 г., непосредственное или высшее (центральное) начальство должностного лица, подвергшагося уже преслѣдованію, могло (но не было обязано), если признавало это послѣднее неосновательнымъ, возбудить пререканіе (Konflikt) съ судебною властью, которое разрѣшалось особо-указаннымъ для этого судомъ (Kompetenzgerichtshof).

Легко видѣть, что такая условная гарантія должностныхъ лицъ, основанная на факультативномъ правѣ административнаго начальства вступаться за нихъ, въ качествѣ стороны, имѣла весьма мало общаго съ французской безусловной и обязательной административной гарантіей, установленной статьею 75. Объединеніе германскаго права въ имперскомъ законодательствѣ послѣдующихъ годовъ положило конецъ партикуляризму и по настоящему вопросу. Статьею 11-ю закона о введеніи въ дѣйствіе устава о судоустройствѣ для Германской Имперіи 27 января 1877 года установленъ нормальный порядокъ уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ. Вотъ текстъ этой важной статьи:

„Законоположенія отдѣльныхъ государствъ объ особенныхъ условіяхъ уголовнаго и гражданскаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за дѣянія, совершенныя ими при отправленіи или неисполненіи ихъ служебныхъ обязанностей, отмѣняются.—Остаются въ силѣ тѣ изъ законоположеній отдѣльныхъ государствъ, которыми преслѣдованіе должностныхъ лицъ поставляется въ зависимость отъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла особымъ установленіемъ, безусловно или въ случаѣ требованія административнаго начальства, при чемъ должны быть соблюдаемы слѣдующія правила: 1) предварительное разсмотрѣніе ограничивается опредѣленіемъ того, было ли допущено должностнымъ лицомъ превышеніе или бездѣйствіе предоставленной ему власти и 2) упомянутое предварительное разсмотрѣніе принадлежитъ—въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ существуютъ высшіе административные трибуналы,—этимъ послѣднимъ, а въ остальныхъ—имперскому суду (Reichsgericht) [1]).

Изъ точнаго смысла этого закона, единогласно и въ одномъ направленіи истолкованнаго многочисленными комментаторами

[1]) *Löwe*. Die Strafprocessordnung für das deutsche Reich mit Kommentar, 1879 г. S. 14—16

новыхъ германскихъ судебныхъ уставовъ, можно вывести нѣсколько важныхъ послѣдствій: 1) государства, въ которыхъ вовсе не существовало до сихъ поръ административной гарантіи, не въ правѣ вновь установить у себя что-либо подобное; напротивъ, государства, въ которыхъ гарантія эта въ томъ или другомъ видѣ дѣйствовала и прежде, имѣютъ право въ будущемъ ограничить или вовсе отмѣнить ее; *имперское же законодательство такой гарантіи не устанавливаетъ*: 2) въ государствахъ, ее сохраняющихъ, она заключается собственно не въ разрѣшеніи начальства, какъ въ необходимомъ условіи преслѣдованія его подчиненнаго, а лишь въ преюдиціальномъ констатированіи того, *дѣйствовалъ ли чиновникъ при совершеніи приписываемаго ему дѣянія въ качествѣ лица должностного и нарушилъ ли онъ при этомъ свои служебныя обязанности*. Очевидно, что такая узкая и скромная постановка административной гарантіи чрезвычайно далека отъ функцій обвинительной камеры, усвоенной французскимъ государственнымъ совѣтомъ по отношенію къ должностнымъ лицамъ; 3) это преюдиціальное констатированіе исходитъ не отъ административной власти, не отъ начальства обвиняемаго, заинтересованнаго въ дѣлѣ чуть не въ качествѣ стороны, а отъ безпристрастнаго и притомъ вполнѣ компетентнаго и высокопоставленнаго учрежденія судебнаго характера или даже отъ самого высшаго судилища имперіи. Обрисованныя такими умѣренными и правомѣрными чертами, постановленія германскаго права объ особомъ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ, строго говоря, не могутъ быть названы административною гарантіею и почти не составляютъ привилегіи:—это не болѣе, какъ справедливое признаніе за администраціей права судебной защиты, и притомъ юридической, а не фактической, своихъ интересовъ, затрогиваемыхъ привлеченіемъ должностного лица къ уголовной отвѣтственности настолько, насколько въ судебномъ осуществленіи этой отвѣтственности заключается юридическая оцѣнка административныхъ актовъ. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что по вопросу объ административной гарантіи новое германское

законодательство держится направленія, если не явно отрицательнаго, то во всякомъ случаѣ ограничительнаго.

Если въ заключеніе, подводя общій итогъ историческому обзору вопроса объ уголовномъ преслѣдованіи служебныхъ преступленій въ Западной Европѣ, мы пожелаемъ выразить немногими словами современное положеніе этого вопроса, то должны будемъ признать его порѣшеннымъ, какъ съ точки зрѣнія теоріи, такъ и со стороны догмы положительнаго права. Рѣшеніе это, съ неотразимою убѣдительностью и логикой мотивированное самою исторіею, повидимому, окончательное: административная гарантія, заключающаяся въ предоставленіи начальству, въ ущербъ правамъ и компетентности суда, исключительной, безусловной и безконтрольной обвинительной власти надъ подчиненными ему должностными лицами, другими словами, въ невозможности преслѣдовать чиновника за какое бы то ни было, хотя бы самое тяжкое преступленіе по должности, безъ согласія и даже содѣйствія его начальства, категорически осуждено наукою и законодательствами. Въ указанной своей формѣ въ Западной Европѣ она уже отошла или отходитъ (какъ въ Германіи) въ область прошедшаго. Отъ нея отказалась даже Франція, ея вторая родина, юридическая жизнь которой выработала для нея цѣлую легальную доктрину, господствовавшую въ теченіе многихъ лѣтъ и непосредственно повліявшую на другія страны. Достояніе временъ, когда административная власть считала нужнымъ держать въ своихъ рукахъ право судебной неприкосновенности даже своихъ виновныхъ органовъ. а власти судебной, окруженной ревностью и подозрѣніями, не довѣрялось свободное возстановленіе всякаго безъ изъятія правонарушенія, кѣмъ бы оно ни было совершено и какое бы значеніе ни имѣло, административная гарантія единогласно признается теперь на Западѣ несправедливою и ненужною. Она несправедлива потому, что дѣйствительность закона и правосудіе суда обезпечиваются только равенствомъ ихъ для всѣхъ, а, слѣдовательно, и для лицъ, облеченныхъ должностною властью. Она не нужна потому, что чиновника преступнаго его началь-

ство не можетъ и не должно укрывать даже во имя своей административной независимости и своихъ административныхъ интересовъ, а невиннаго сумѣетъ отличить, безъ посторонняго вмѣшательства. самъ судъ, снабженный для этого всѣми средствами человѣческаго разумѣнія.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЯ РѢШЕНІЯ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ ПРИ СОЗНАНІИ ПОДСУДИМЫХЪ [1]).

(1880 г.).

Въ печати появилось основанное на слухахъ извѣстіе о томъ, что въ законодательныхъ сферахъ вырабатывается проектъ закона объ устраненіи присяжныхъ засѣдателей отъ разрѣшенія тѣхъ дѣлъ, по которымъ подсудимые сознались въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ. Насколько можно судить по содержанію этого довольно неопредѣленнаго извѣстія, рѣчь идетъ объ установленіи у насъ новаго процессуальнаго порядка, сходнаго съ однимъ изъ древнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ институтовъ англійскаго права, въ которомъ, въ случаѣ соотвѣтствующаго опредѣленнымъ условіямъ заявленія подсудимаго о томъ, что онъ *pleads guilty*, т.-е. признаетъ себя виновнымъ въ преступленіяхъ, взводимыхъ на него обвинительнымъ актомъ, функція суда присяжныхъ отпадаетъ и замѣняется исходящимъ отъ короннаго судьи простымъ примѣненіемъ уголовнаго закона къ признанному преступному дѣянію, короче—немедленнымъ постановленіемъ приговора о наказаніи.

Слухи о такомъ проектѣ, какъ и слѣдовало ожидать, обратили на себя общественное вниманіе и уже вызвали оживленное ихъ обсужденіе въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ. Это и не могло быть иначе. Проектъ, если только ему суждено осуществиться, внесетъ новое ограниченіе въ юрисдикцію нашего суда присяжныхъ и поэтому представляетъ животрепещущій

---

[1]) Юридическій Вѣстникъ 1880 г., Февраль.

интересъ одинаково и для его друзей, и для его враговъ. Это существенное значеніе основного принципа проекта для русской юстиціи и русскаго общества, значеніе спеціальное, зависящее отъ времени и мѣста, рѣзко отличаетъ снимокъ отъ оригинала; въ Англіи указанный выше институтъ есть неотъемлемая, органическая принадлежность присяжнаго судопроизводства, *trial by jury* логическій, естественный и неизбѣжный продуктъ его историческаго образованія [1]), перенесеніе же къ намъ чего-либо подобнаго было бы законодательнымъ нововведеніемъ, суживающимъ кругъ дѣятельности суда присяжныхъ во второмъ десятилѣтіи его существованія.

Ни для кого не тайна, каковъ можетъ быть главный мотивъ возвѣщеннаго проекта. Превратившись въ законъ, онъ, очевидно, послужитъ офиціальнымъ выраженіемъ и подтвержденіемъ того весьма распространеннаго мнѣнія, что нашъ судъ присяжныхъ вообще часто уклоняется отъ правильнаго пути и своихъ прямыхъ задачъ, а въ частности склоненъ оправдывать или „миловать“, „прощать“ сознавшихся и поэтому несомнѣнныхъ преступниковъ, чѣмъ ослабляется сила уголовной репрессіи, съ явнымъ вредомъ для общественной безопасности и благосостоянія. Проектируемый порядокъ, какъ мѣра частная и единичная, отвѣчаетъ собственно на вторую половину этого мнѣнія, которая логически развивается въ такую полную формулу: *присяжные засѣдатели по закону свободны въ своихъ приговорахъ, не даютъ никому въ нихъ отчета и поэтому могутъ* (формально) оправдывать сознавшихся подсудимыхъ, но *не должны* по духу своихъ обязанностей и высшимъ цѣлямъ своего призванія этого дѣлать; *коронные судьи* находятся въ томъ же

---

[1]) Институтъ этотъ, какъ извѣстно, выработался вслѣдствіе выдѣленія *малаго* (судебнаго) *суда присяжныхъ, petty jury*, изъ первоначальной формы, *большого суда присяжныхъ, grand jury*, сохранившаго нынѣ лишь обвинительную функцію. Когда подсудимый въ отвѣтъ на *true bill* большихъ присяжныхъ, т.-е. признаніе ими обвиненія основательнымъ, заявляетъ, что онъ сознается, *pleads guilty*, то коронный судья немедленно постановляетъ приговоръ о наказаніи; въ противномъ же случаѣ дѣло подлежало окончательному рѣшенію новаго, меньшаго по количеству, состава *малыхъ присяжныхъ*, по *indictment*, обвинительному акту, принятому *большими присяжными*.

положеніи, но, по суммѣ всякихъ вѣроятностей, они такъ поступать *не станутъ*. А такъ какъ въ настоящее время *присяжные засѣдатели оправдываютъ сознавшихся подсудимыхъ сплошь и рядомъ*, то и *необходимо сужденіе* о виновности, а слѣдовательно и *о судьбѣ этихъ послѣднихъ передать исключительно въ руки коронныхъ судей.*

Этотъ силлогизмъ и представляетъ наиболѣе вѣроятное, если даже не единственно возможное *motto* проекта. Разсмотрѣть и оцѣнить основную мысль послѣдняго, значитъ, разсмотрѣть и оцѣнить посылки и заключеніе силлогизма. Сдѣлать же это можно съ различныхъ точекъ зрѣнія, между прочимъ и съ точки зрѣнія такъ называемой *судебно-уголовной политики*, т.-е. тѣхъ соображеній практической полезности и цѣлесообразности, которыя возникаютъ изъ разсмотрѣнія жизненнаго бытового значенія юридическихъ институтовъ.

Мы рѣшаемся на попытки именно въ этомъ послѣднемъ направленіи и думаемъ, что въ результатѣ первоначальный силлогизмъ окажется несостоятельнымъ и уступитъ мѣсто другому, который выдвинетъ не кабинетныя разсужденія или апріористическія тенденціи, а болѣе могучій и надежный факторъ—жизнь. Намъ кажется, что въ современной постановкѣ вопроса о русскомъ судѣ присяжныхъ есть одинъ огромный, элементарный, методологическій недостатокъ—источникъ многихъ недоразумѣній и заблужденій. О нашемъ судѣ присяжныхъ много думаютъ, разсуждаютъ, спорятъ, даже, пожалуй, пишутъ,—но слишкомъ мало *изучаютъ* его въ дѣйствительности. Это изученіе должно быть здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, теперь больше, чѣмъ когда-либо, серьезно, спокойно, безпристрастно и по возможности объективно уже по одному тому, что современный изслѣдователь суда присяжныхъ обязанъ твердо помнить, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ изъ жгучихъ элементовъ „злобы дня“, съ однимъ изъ яблоковъ культурнаго раздора. Страсти разгораются и сталкиваются вокругъ суда присяжныхъ, отчего вопросъ о немъ, конечно, не выигрываетъ ни въ ясности, ни въ чистотѣ. Среди безотчетныхъ увлеченій и искусственнаго подбора фактовъ къ давно готовымъ выводамъ, этихъ неразлучныхъ спутниковъ всякой

страстной научно-общественной борьбы, передъ юристомъ, желающимъ стоять на почвѣ юридической политики, открывается одинъ лишь путь—наблюдать, безъ предвзятыхъ мыслей, явленія жизни подъ воздѣйствіемъ закона, отыскивать ихъ причины, группировать ихъ по общимъ признакамъ и только на основаніи такой работы рѣшаться на логическіе выводы. Центромъ тяжести всего занимающаго насъ вопроса, а, слѣдовательно, и пунктомъ, въ которомъ нужно искать ключъ къ его разрѣшенію, является судебное *оправданіе подсудимыхъ при наличности сознанія или*, лучше сказать, *несмотря на это послѣднее*. Дѣйствительность, какъ бы мы къ ней ни относились, обязываетъ насъ признать такое оправданіе несомнѣннымъ фактомъ нашей современной юридической жизни. Постараемся ближе опредѣлить его условія, сущность и характеръ, и притомъ, сообразно посылкамъ приведеннаго выше силлогизма, послѣдовательно съ трехъ различныхъ сторонъ—*догмы положительнаго права, практики суда присяжныхъ и практики суда короннаго*. Нимало не претендуя на полное и всестороннее изслѣдованіе предмета, мы имѣемъ въ виду весьма скромную цѣль — дать нѣкоторые матеріалы для оцѣнки какъ указаннаго соціально-юридическаго факта, такъ и вызваннаго имъ законодательнаго проекта.

Постановленія нашего положительнаго права о процессуальномъ значеніи сознанія немногочисленны, но чрезвычайно ясны, тверды и послѣдовательны. Законъ различаетъ три вида, три момента уголовнаго сознанія: сознаніе *до начатія предварительнаго слѣдствія*, или явка съ повинною, сознаніе *при слѣдствіи* и сознаніе *на судѣ*, т.-е. на слѣдствіи судебномъ. Явка съ повинною признается не только законнымъ, но и обязательнымъ поводомъ къ начатію предварительнаго слѣдствія, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что по такому признанію явившагося съ повинною, которое опровергается имѣющимися у слѣдователя свѣдѣніями, онъ дальнѣйшаго разслѣдованія не производитъ, а составляетъ протоколъ о причинахъ, побудившихъ его оставить явку съ повинною безъ послѣдствій, и препровождаетъ его на распоряженіе прокурорскаго надзора; отъ этого послѣдняго уже зависитъ согласиться съ слѣдователемъ или на основаніи отверг-

нутаго имъ сознанія возбудить преслѣдованіе (ст. 297 п. 4, 310 уст. угол. суд.). Во всякомъ случаѣ, явка съ повинною въ преступленіи должна быть обслѣдована настолько, чтобы ее можно было считать или опровергнутою, или подтвердившеюся (мотивы къ ст. 310). При слѣдствіи сознаніе не играетъ никакой формальной роли: слѣдователь не долженъ домогаться его „ни обѣщаніями, ни ухищреніями, ни угрозами или тому подобными мѣрами“ (ст. 405), а если обвиняемый и вовсе „откажется отвѣчать на данные ему вопросы, то слѣдователь, отмѣтивъ о томъ въ протоколѣ, изыскиваетъ другія законныя средства къ открытію истины“ (ст. 406). На судѣ, немедленно вслѣдъ за открытіемъ судебнаго слѣдствія, предсѣдатель спрашиваетъ подсудимаго, признаетъ ли онъ себя виновнымъ по существу обвиненія? (ст. 679). Если онъ признаетъ свою вину, то ему предлагаются дальнѣйшіе вопросы, относящіеся къ обстоятельствамъ взводимаго на него преступленія (ст. 680). Если признаніе его не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, то судъ, не производя дальнѣйшаго изслѣдованія, т.-е. повѣрки доказательствъ, можетъ прямо перейти къ заключительнымъ преніямъ (ст. 681). Это право совершенно факультативно и условно: судьи, прокуроръ, гражданскій истецъ, защитникъ или самъ подсудимый могутъ, несмотря на его сознаніе, потребовать судебнаго изслѣдованія дѣла, и такое требованіе обязательно для суда (ст. 682). Подсудимаго, не признающагося въ преступленіи, къ сознанію или даже просто къ отвѣтамъ на вопросы не принуждаютъ и не побуждаютъ; молчаніе его не принимается за признаніе имъ своей вины, а при разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго доказательства онъ возражаетъ, объясняетъ или опровергаетъ только въ томъ случаѣ, если самъ того захочетъ, отвѣчать же на вопросы для него необязательно (ст. 683—685). Разрѣшеніе дѣла при сознаніи подсудимаго безъ продолженія и полнаго производства судебнаго слѣдствія допущено, какъ видно изъ мотивовъ ст. 681, не столько во избѣжаніе „въ большей части случаевъ напрасной потери времени“, сколько потому, что производство въ этихъ случаяхъ судебнаго слѣдствія было бы кромѣ того и „безполезнымъ отягощеніемъ положенія подсудимаго“ — „каковъ

бы ни былъ подсудимый", гласятъ мотивы, „ему во всякомъ случаѣ не легко отрѣшиться отъ себялюбивыхъ разсчетовъ для сознанія своей вины, и справедливость требуетъ, чтобы это нравственное страданіе человѣка, котораго раскаяніе вызываетъ снисхожденіе къ его винѣ, не было усугубляемо позоромъ публичнаго изслѣдованія его преступленія. Изслѣдовать то, чего не оспариваетъ подсудимый, повинившійся въ своемъ преступленіи, позволительно тогда только, когда есть какое-либо сомнѣніе насчетъ искренности или полноты признанія". Во всякомъ случаѣ, чистосердечное и полное сознаніе считается обстоятельствомъ, значительно уменьшающимъ вину и наказаніе, иногда даже могущимъ вызвать исключительное снисхожденіе къ личности и судьбѣ подсудимаго (ст. 134, п. 1 и 2, 135, 153, п. 1 и 2, 154 улож. наказ.). Если къ сдѣланному перечню спеціальныхъ постановленій о сознаніи присоединить еще и то общее, коренное начало судопроизводства, по которому современный судья, все равно коронный или присяжный, рѣшаетъ дѣло не по системѣ законныхъ, формальныхъ доказательствъ, какъ судья дореформенный, а по внутреннему убѣжденію своей совѣсти, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла (ст. 766, 804), то получится полный сводъ всего, чѣмъ исчерпывается и опредѣляется взглядъ закона на сознаніе и формальное отношеніе этого послѣдняго къ приговору. То и другое можетъ быть выражено весьма категорически. Сознаніе, не вынуждаемое ни прямо, ни косвенно, предоставляется ничѣмъ не принужденной совѣсти и свободной волѣ обвиняемаго-подсудимаго; отъ него вполнѣ зависитъ не только сознаваться, но и вообще говорить и отвѣчать передъ судомъ. Сознаніе приноситъ пользу подсудимому, молчаніе ему не вредитъ. Для суда сознанія не нужно, по крайней мѣрѣ оно вообще не замѣняетъ собою другихъ доказательствъ и не можетъ служить единственнымъ основаніемъ приговора. Исключеніе изъ этого (переходъ отъ сознанія прямо къ преніямъ), ограниченное согласіемъ всѣхъ субъектовъ процесса, имѣетъ въ виду прежде всего и больше всего интересы самого сознающагося, представляетъ для него своего рода преимущество и во всякомъ случаѣ нравствен-

ную гарантію. Такимъ образомъ, сознаніе, переставшее быть „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“, *regina probationum*, не имѣетъ въ процессѣ никакого обязательнаго, опредѣленнаго и предустановленнаго значенія; оно является доказательствомъ виновности и основаніемъ вмѣненія лишь постольку, поскольку вліяетъ на свободное внутреннее убѣжденіе судей, не связанное ничѣмъ другимъ, кромѣ логическихъ указаній разума и нравственнаго голоса совѣсти. Отсюда, по закону, вполнѣ возможны такіе казусы, при которыхъ сознаніе, низведенное до степени простого „обстоятельства“ дѣла, скажетъ одно, а убѣжденіе суда, созданное не единичнымъ, а всѣми вмѣстѣ взятыми обстоятельствами дѣла—другое. Съ формальной точки зрѣнія сознаніе нисколько не обусловливаетъ и не предрѣшаетъ приговора, другими словами—подсудимый, даже сознавшійся въ преступленіи, можетъ быть оправданъ. Почему?—Потому что въ убѣжденіи суда, построенномъ на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, можетъ взять перевѣсъ нѣчто такое, что̀ уничтожаетъ обвинительное значеніе сознанія, а судъ ничѣмъ не въ правѣ насиловать свое разумное и нравственное убѣжденіе. Здѣсь не мѣсто пускаться въ комментаріи такого вывода, съ неотразимой логикой вытекающаго изъ основного и драгоцѣннаго принципа новаго процесса—суда по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Не выходя изъ области своей догмы, русскій юристъ найдетъ ему блистательное оправданіе въ глубоко вѣрныхъ и мѣткихъ соображеніяхъ, на которыхъ основана ст. 766 уст. угол. суд. [1]).

Приведенные выводы, въ особенности послѣдній, допускаютъ весьма сильное и вѣское возраженіе, которое нельзя оставить безъ вниманія, потому что иначе пришлось бы выслушать не безосновательный упрекъ въ пользованіи казуистическими парадоксами. Возраженіе это заключается въ слѣдующемъ: изъ того, что законъ, не желающій ничѣмъ стѣснять совѣсть судьи, формально не запрещаетъ ему оправдывать сознающагося, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы такое оправданіе было согласно съ той матеріальной дѣйствительною истиной, открытіе и провозгла-

[1]) Суд. уставы 20 ноября 1864 г., изд. государств канцеляріи, т. II, стр. 269—282.

шеніе которой въ приговорѣ есть конечная цѣль суда. Въ смыслѣ этой матеріальной истины, сознавшійся и оправданный будетъ только формально *освобожденнымъ отъ суда*, потому что сознаніе есть виновность, а оправданіе виновности есть *contradictio in adjecto* и противорѣчитъ той самой матеріальной истинѣ, которая требуетъ не только того, чтобы ни одинъ невинный не былъ наказанъ, но и того, чтобы ни одинъ виновный не избѣгнулъ наказанія. Полное подтвержденіе такому разсужденію можно, повидимому, найти и въ самомъ законѣ, если только при толкованіи и примѣненіи его не останавливаться на буквѣ и внѣшней формѣ, а искать его точнаго смысла и внутренняго разума. Въ самомъ дѣлѣ, путемъ сопоставленія между собою нѣсколькихъ постановленій уст. угол. суд. легко извлечь изъ нихъ ясное опредѣленіе дѣйствительной сущности сознанія. Законъ во многихъ мѣстахъ называетъ его *признаніемъ своей вины* или *виновности* (ст. 310, 679, 680 и 685 уст. угол. суд.). Понятіе же виновности слагается изъ совокупности и сосуществованія понятій: 1) *о фактѣ* (событіи) *преступленія*, 2) *о прямой причинной связи между этими фактами и дѣйствіями подсудимаго* и 3) *о вмѣненіи ему совершеннаго имъ преступленія въ вину* (ст. 754 уст. угол. суд.). Поэтому и сознаніе подсудимаго есть признаніе имъ того, *что событіе преступленія совершилось, что оно было дѣяніемъ сознающагося и что оно должно быть вмѣнено ему въ вину*. Въ переводѣ съ юридическаго языка на разговорный это значитъ, что самъ сознающійся подсудимый признаетъ не только совершеніе имъ преступленія, но и необходимость подвергнуться за него наказанію. Отвѣчая утвердительно на вопросы о событіи, содѣяніи и вмѣненіи преступленія, сознаніе тѣмъ самымъ логически и юридически исключаетъ возможность оправдательнаго приговора, точно такъ же, какъ исключило бы его и возникшее изъ другихъ, кромѣ сознанія, обстоятельствъ дѣла убѣжденіе суда въ виновности подсудимаго. Событіе преступленія совершилось, оно было дѣяніемъ подсудимаго, онъ за него отвѣтственъ—откуда же правосудію взять заключеніе объ оправданіи, объ отрицаніи хотя бы одного, а слѣдовательно и всѣхъ элементовъ виновности, если

только оно руководствуется справедливостью и разсудкомъ, а не ощущеніями и произволомъ? Подсудимый самъ признаетъ свою виновность и судъ не имѣетъ поводовъ ему не вѣрить— какого же еще нужно доказательства этой виновности и основанія для обвинительнаго приговора? Мы съ намѣреніемъ привели важнѣйшій догматическій аргументъ противъ нашего догматическаго же вывода о возможности совершенно законнаго оправданія при собственномъ сознаніи. Съ этимъ аргументомъ, какъ уже было замѣчено, считаться необходимо, но онъ не въ состояніи разрушить нашего вывода потому, что при ближайшемъ и внимательномъ его разсмотрѣніи онъ оказывается частью одностороннимъ, а частью заключающимъ въ себѣ недоразумѣніе. Какова бы ни была его внѣшняя, кажущаяся убѣдительность, онъ хотя и претендуетъ на уразумѣніе сути дѣла, но самъ не можетъ выдержать строгой критики. Дѣйствительно, всякое сознаніе утверждаетъ первые два элемента виновности— событіе преступленія и совершеніе его сознающимся, но далеко не всякое устанавливаетъ третій элементъ ея — вмѣненіе. Это послѣднее можетъ имѣть мѣсто только при такомъ сознаніи, при которомъ сознающійся отчетливо и ясно понимаетъ, что, сознаваясь, онъ, кромѣ признанія себя дѣятелемъ преступленія, еще признаетъ себя и заслуживающимъ уголовной кары, сознательно и добровольно навлекаетъ ее на себя, заявляя самъ, что совершенное имъ преступленіе *„должно быть вмѣнено ему въ вину“*. Такое сознаніе необходимо предполагаетъ, что въ подсудимомъ совершился сложный умственный и нравственный процессъ: полное пониманіе своего преступленія, со всѣхъ его сторонъ, противонравственной, противообщественной и противозаконной, признаніе отсутствія какихъ-либо касающихся этихъ сторонъ уважительныхъ извиненій и оправданій, раскаяніе въ своемъ дѣяніи и внутренняя твердая готовность подвергнуться за него законному возмездію, признаніе того, что это возмездіе заслужено и неизбѣжно, наконецъ, точное знаніе его содержанія и характера. Для того, чтобы на судѣ лежала нравственная и юридическая обязанность обвинить сознавшагося подсудимаго, во что бы то ни стало, нужно, чтобы онъ разумно

и свободно сказалъ судьѣ: „я совершилъ преступленіе и заслужилъ наказаніе за него, которому себя и подвергаю“. Если же онъ признаетъ только первое, совершеніе преступленія, а отвергаетъ второе, вмѣненіе, или даже, по незнанію, просто умалчиваетъ о немъ, то всякая обязательная матеріальная сила сознанія исчезаетъ, и судья можетъ, нисколько не погрѣшая противъ своего долга, произнести оправдательный приговоръ по другимъ обстоятельствамъ дѣла. Этого, однакоже, еще мало, и основной принципъ нашего уголовнаго судопроизводства заставляетъ насъ идти гораздо дальше въ развитіи начала необязательности сознанія для суда. Мы думаемъ, что даже при признаніи подсудимымъ всѣхъ элементовъ виновности, не исключая вмѣненія, это признаніе не должно стѣснять суда и вовсе не предрѣшаетъ обвинительнаго приговора. Принципъ нашего судопроизводства—не чисто обвинительный, а смѣшанный, съ сильнымъ преобладаніемъ элементовъ слѣдственныхъ, офиціальныхъ; онъ кладетъ въ основаніе процесса свободную и почти неограниченную самодѣятельность суда, не зависящую отъ воли, намѣренія и дѣйствій сторонъ, между прочимъ, и подсудимаго. Судъ не довольствуется тѣмъ, что̀ даютъ ему стороны, не останавливается исключительно на ихъ требованіяхъ и заявленіяхъ, а ищетъ въ дѣлѣ матеріальной истины непосредственно, по собственной иниціативѣ, *ex officio*, поэтому и сознаніе важно для суда не потому, что оно есть сознаніе, а потому, что оно служитъ къ разъясненію вопроса о виновности и можетъ быть—но можетъ и не быть—ея убѣдительнымъ доказательствомъ. Оно важно *non ratione imperii, sed imperio rationis.* Судъ осуждаетъ сознавшагося подсудимаго не потому, что онъ, подсудимый, самъ этого хочетъ, а потому, что судъ признаетъ его заслуживающимъ осужденія. Въ частности то же самое относится и къ вопросу о вмѣненіи. Отсюда, даже при признаніи этого послѣдняго самимъ подсудимымъ, судъ имѣетъ полное право, на основаніи собственнаго своего изслѣдованія, отвергнуть вмѣненіе, а вмѣстѣ съ нимъ и всю виновность. Но въ какихъ же случаяхъ можетъ подсудимый, признающій событіе и содѣяніе преступленія, отрицать вмѣненіе или судъ, признающій первое и второе,—отвергать

третье вопреки сознанію самого подсудимаго? Опредѣляются ли категоріи этихъ случаевъ закономъ или конкретными особенностями дѣла, по усмотрѣнію суда? Основываясь на тождествѣ выраженій, употребленныхъ въ ст. 754 уст. угол. суд. и ст. 92 улож. наказ., разбираемое возраженіе отвѣтитъ намъ, что такихъ случаевъ можетъ быть только *шесть* (и именно перечисленныхъ въ упомянутой ст. 92 улож.), что они заранѣе и точно опредѣлены закономъ, что наличность въ данномъ дѣлѣ одного изъ нихъ должна быть констатирована особымъ утвержденіемъ отдѣльнаго вопроса и что внѣ ихъ круга не существуетъ, по закону, невмѣненія. Это слѣдуетъ, будто бы, изъ того, что, по ст. 764 уст. угол. суд., виновность имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда преступленіе *должно быть вмѣнено* подсудимому *въ вину*, а по ст. 92 улож. наказ. *„причины, по коимъ содѣянное не должно быть вмѣняемо въ вину, суть*—шести опредѣленныхъ категорій (случай, малолѣтство, безуміе или болѣзнь извѣстнаго характера, ошибка, принужденіе и необходимая оборона). Возможность невмѣненія ограничивается, такимъ образомъ, немногими, сравнительно очень рѣдкими, исключительными случаями, выясненіе которыхъ обставлено особыми процессуальными обрядами или, по крайней мѣрѣ, требуетъ возбужденія и разрѣшенія особаго о каждомъ изъ нихъ вопроса. Оправданіе подсудимаго на основаніи разрѣшенія одного изъ такихъ вопросовъ въ пользу невмѣненія не имѣетъ для нашего предмета ни малѣйшаго значенія потому, что при этомъ, во-1-хъ, немыслимо и полное сознаніе невмѣняемаго подсудимаго, и, во-2-хъ, оправданіе для суда обязательно не только матеріально, но и формально, все равно, какъ бы по системѣ законныхъ доказательствъ (1 п. ст. 771 уст. угол. суд.—„судъ постановляетъ приговоръ: или объ оправданіи подсудимаго, когда дѣяніе, въ коемъ онъ былъ обвиняемъ, признается... неподлежащимъ вмѣненію по законнымъ причинамъ“) .. Такое ограниченіе оправданія при невмѣненіи однѣми законными причинами его совершенно неосновательно. Стоитъ только сравнить указанную ст. 754 уст. угол. суд. съ ст. 763 того же устава для того, чтобы убѣдиться въ этомъ. О законныхъ причинахъ невмѣненія и

только о нихъ и ихъ процессуальномъ значеніи говоритъ именно эта послѣдняя, предписывая не отказывать подсудимому „въ постановленіи вопроса объ одной изъ причинъ, по коимъ или содѣянное не вмѣняется въ вину, или же наказаніе .. вовсе отмѣняется, если причина эта принадлежитъ къ числу указанныхъ въ законѣ". Существованіе въ уставѣ этой ст. 763 было бы совсѣмъ излишне и объяснимо, если законныя причины невмѣненія понимать и подъ выраженіемъ ст. 754... „должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину"...; на основаніи уже одной этой статьи и безъ постановленія ст. 763 вопросъ о вмѣненіи долженъ быть разсмотрѣнъ и разрѣшенъ отдѣльно, въ случаѣ возбужденія по поводу его какого-либо сомнѣнія. О какомъ же вмѣненіи говоритъ тогда ст. 754?—Очевидно, о вмѣненіи вообще, по причинамъ конкретнымъ, индивидуальнымъ, которыя предусмотрѣть и перечислить нѣтъ никакой возможности, потому что онѣ такъ же разнообразны и неожиданны, какъ сама жизнь, ихъ производящая, почему и оцѣнка ихъ можетъ быть только дѣломъ внутренняго убѣжденія и свободной совѣсти суда [1]). Уставъ уголовнаго судопроизводства, такимъ образомъ, различаетъ два рода причинъ невмѣненія: однѣ, опредѣленныя заранѣе. *законныя*, требуютъ на основаніи ст. 763 обсужденія ихъ по особымъ вопросамъ и могутъ быть или не быть предметомъ этого обсужденія; другія, заранѣе не опредѣленныя, *фактическія*, на осно-

---

[1]) Высказанный здѣсь взглядъ вовсе не новость, несмотря на то, что въ практикѣ по поводу его господствуютъ какія-то смутныя и безформенныя колебанія; онъ принадлежитъ уголовному кассаціонному департаменту Сената и довольно ясно выраженъ имъ въ рѣш. 1870 г № 488 по дѣлу Вашенцовой. „Если судъ находитъ необходимымъ"—говоритъ Сенатъ—„предложить присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ о совершеніи преступленія въ припадкѣ душевной болѣзни, то вопросы излагаются въ слѣдующей формѣ: первый—о дѣйствительности факта, послужившаго предметомъ обвиненія, и о совершеніи его обвиняемымъ; второй—о причинѣ невмѣняемости законной (прибавимъ мы отъ себя), и третій о томъ—виновенъ ли подсудимый въ совершеніи приписываемаго ему дѣянія. Этотъ вопросъ предлагается присяжнымъ на случай отрицательнаго отвѣта на второй вопросъ, такъ какъ, въ случаѣ непризнанія ими причины невмѣняемости, остался бы неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли вмѣнить подсудимому совершенное имъ дѣяніе, *ибо недоказанность указанной во второмъ вопросѣ причины невмѣняемости не исключаетъ возможности невмѣненія подсудимому совершеннаго имъ дѣянія по другимъ основаніямъ*".

ваніи ст. 754 подразумѣваются въ общемъ вопросѣ о виновности, выдѣляются въ отдѣльный вопросъ (который въ этомъ случаѣ излагается такъ же, какъ и общій вопросъ о виновности, см. примѣч.) только въ случаѣ выдѣленія 2-хъ другихъ вопросовъ о событіи и содѣяніи и требуютъ положительной или отрицательной оцѣнки по каждому безъ изъятія дѣлу. Признаніемъ со стороны суда этихъ послѣднихъ причинъ и объясняется юридически всякое оправданіе сознавшагося подсудимаго не по первымъ, законнымъ причинамъ невмѣненія. Юридическій и догматическій смыслъ такого оправданія сводится къ тому, что подсудимый хотя и совершилъ преступленіе, но въ дѣяніи его злой, преступной воли не оказывается, или наличная незначительная доля ея погашается исключительными обстоятельствами, почему онъ и не долженъ подлежать за содѣянное уголовному наказанію.—Все, что̀ было до сихъ поръ сказано объ оправданіи при сознаніи съ точки зрѣнія положительнаго закона, относится одинаково и до суда присяжнаго, и до суда короннаго, до дѣлъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ, и до дѣлъ, рѣшаемыхъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Если рѣчь идетъ о замѣнѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ̀, напр., при сознаніи, суда присяжныхъ судомъ коронным̀ъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не предполагается установить въ этихъ случаяхъ апелляцію на приговоры короннаго суда, то не подлежитъ сомнѣнію, что и эти приговоры, подобно приговорамъ присяжныхъ, могутъ быть только окончательными и подлежащими повѣркѣ лишь въ кассаціонномъ порядкѣ, по формѣ, а не по существу. Различія же въ способахъ изслѣдованія и вообще въ разрѣшеніи дѣла тѣмъ или другимъ судомъ законъ не дѣлаетъ, предоставляя проявить и выработать это различіе самой жизни. Итакъ, законъ допускаетъ и предвидитъ возможность случаевъ оправданія сознавшагося подсудимаго по невмѣненію въ обширномъ его смыслѣ, слѣдовательно, и такого, относительно котораго не признано законныхъ причинъ невмѣненія. Нужно ли называть и объяснять эти, всѣмъ извѣстные и понятные, случаи, нужно ли доказывать, что положительное право наше, какъ и всякое другое, не въ правѣ ихъ игнорировать, нужно ли для этого тревожить прахъ Беккаріи и призывать

свидѣтельство Филанджіери, Беранже. Миттермайера и другихъ славныхъ криминалистовъ-гуманизаторовъ? Эти случаи жизненнаго разлада нравственности и справедливости съ уголовнымъ закономъ, въ которыхъ послѣдній долженъ уступить первымъ, лучше всего характеризуются математическимъ методомъ отъ обратнаго; если разладъ не получитъ признанія, если уступка не совершится, то, вмѣсто правосудія, будетъ *summum jus summa injuria* и перестанетъ быть софизмомъ изреченіе *pereat mundus fiat justitia*! Само собою разумѣется, что такіе случаи рѣдки и исключительны, что они требуютъ отъ судьи самой крайней, мелочной осторожности и должны приводить его къ оправданію сознавшагося правонарушителя только въ силу такихъ неотразимо убѣдительныхъ соображеній, въ которыхъ онъ въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ и передъ разсудкомъ, и передъ совѣстью. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякія натяжки и преувеличенія въ этомъ отношеніи открываютъ просторъ личному произволу и колеблютъ благодѣтельную силу уголовной репрессіи. Но, выводя изъ духа и истиннаго смысла закона взглядъ его на упомянутыя юридическія явленія, мы имѣемъ въ виду нормальное положеніе вещей; для насъ важно, что законъ, кромѣ фактической возможности этихъ явленій, признаетъ еще и ихъ правомѣрность.

Обозрѣвая практику нашего суда присяжныхъ въ отношеніи оправданій сознавшихся подсудимыхъ, мы должны отдѣлить вопросъ о *количествѣ* такихъ оправданій отъ вопроса о ихъ *качествѣ*. Къ сожалѣнію, для разрѣшенія перваго изъ этихъ вопросовъ въ распоряженіи русскаго юриста не имѣется не только точныхъ и положительныхъ, но и вовсе никакихъ числовыхъ данныхъ. Говоримъ: къ сожалѣнію, потому что имѣемъ много основаній предполагать, что, будь эти данныя собраны и разработаны, количество оправдательныхъ приговоровъ при сознаніи оказалось бы совсѣмъ не чрезвычайнымъ, не поразительнымъ и, слѣдовательно, чудовище вовсе не такимъ страшнымъ, какимъ его себѣ представляютъ. Въ издаваемомъ министерствомъ юстиціи сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по уголовнымъ дѣламъ есть ежегодныя цифры оправданій, произнесенныхъ при-

сяжными засѣдателями, и сознаній, сдѣланныхъ подсудимыми, но нѣтъ цифры, выражающей отношеніе между тѣмъ и другимъ, т.-е. количество оправданій при сознаніи. Между тѣмъ, въ статистическомъ отдѣленіи министерства юстиціи, завѣдующемъ уголовною регистраціею, сосредоточиваются уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для выведенія такой, въ высшей степени важной, цифры, и притомъ не только въ сухомъ видѣ голыхъ числовыхъ данныхъ, но и съ весьма интересными комментаріями лицъ судебнаго вѣдомства, участвовавшихъ въ отправленіи уголовнаго правосудія. На основаніи законовъ 22 ноября 1872 и 3 января 1874 г. объ уголовной отчетности всѣ общія судебныя мѣста сообщаютъ въ статистическое отдѣленіе между прочимъ: 1) статистическій листокъ о каждомъ подсудимомъ съ обозначеніемъ, сознался ли онъ или нѣтъ; 2) свѣдѣнія о засѣданіяхъ по уголовнымъ дѣламъ съ указаніемъ количества оправдательныхъ приговоровъ. Кромѣ того, въ 1874 г. министерство циркулярно вмѣнило въ обязанность предсѣдателямъ и прокурорамъ окружныхъ судовъ „въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣламъ, разрѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, количество оправдательныхъ приговоровъ превышаетъ 20% общаго числа, представлять, независимо отъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ вѣдомостяхъ, по возможности, особыя разъясненія съ указаніемъ причинъ, вызвавшихъ эти приговоры“ [1]). Такія разъясненія содержатъ въ себѣ, на ряду съ отмѣтками о томъ, сознался ли оправданный подсудимый, изложеніе „вѣроятныхъ“ причинъ оправданія, т.-е. предположеній объ этомъ, вынесенныхъ членами суда и прокурорскимъ надзоромъ изъ судебныхъ засѣданій. Центральный органъ судебнаго управленія получаетъ такимъ образомъ возможность установить — совершенно точно — *сколько* сознавшихся подсудимыхъ оправдываетъ судъ присяжныхъ и — приблизительно — *почему* появляются эти оправданія. Данныя такого рода, если онѣ и разрабатываются въ подобающемъ мѣстѣ, то, въ противоположность другимъ статистическимъ дан-

[1]) Циркуляръ 28 февраля 1874 г. за № 4147 и 13 марта 1874 г. за № 5415 (Сборн. цирк. и инстр мин. юст. стр. 603).

нымъ, не дѣлаются до сихъ поръ общимъ достояніемъ, что невольно наводитъ на мысль, что до послѣдняго времени выводы изъ нихъ не обращали на себя вниманія и не представляли ничего ненормальнаго, никакого особаго „вопроса". Это подтверждается отчасти и тѣмъ, хорошо извѣстнымъ каждому судебному дѣятелю, обстоятельствомъ, что на практикѣ сложилось самое формальное, поверхностное отношеніе къ собиранію и изложенію упомянутыхъ свѣдѣній о вѣроятныхъ причинахъ оправдательныхъ приговоровъ, которое высказывается въ такой наиболѣе употребительной формѣ: „причины оправданія неизвѣстны или необъяснимы". Если бы количество случаевъ, снабженныхъ такою отмѣткой, было дѣйствительно велико и указывало бы на ненормальный порядокъ вещей, числовые выводы изъ нихъ, несомнѣно, нашли бы себѣ мѣсто въ статистическомъ изданіи министерства, отличающемся полною объективностью и безпристрастіемъ. Въ томъ же убѣждаютъ и личный опытъ, личныя свѣдѣнія отдѣльныхъ криминалистовъ-практиковъ, къ которымъ приходится обратиться за недостаткомъ офиціальнаго матеріала. Практика знаетъ, что общее для Россіи число подсудимыхъ, ежегодно оправдываемыхъ присяжными при сознаніи, представляетъ цифру ничтожную и незамѣтную каплю, теряющуюся въ морѣ другихъ приговоровъ, обвинительныхъ и оправдательныхъ безъ сознанія (и, слѣдовательно, безъ презумпціи виновности). У каждаго уголовнаго судьи или прокурора рѣдкіе и исключительные случаи такихъ оправданій наперечетъ, и мы весьма сомнѣваемся, чтобы между этими членами нашей магистратуры нашлись такіе, которые изъ этого извѣстнаго имъ количества рѣшились сдѣлать выводъ, неблагопріятный для репрессіи присяжныхъ засѣдателей. Но и тѣ немногіе случаи, которые даетъ практика, находятъ себѣ достаточно удовлетворительное и убѣдительное объясненіе въ качественной сторонѣ вопроса. Стоитъ только присмотрѣться внимательно и безпристрастно къ наиболѣе вѣроятнымъ причинамъ оправданій при сознаніи, для того, чтобы, поставивъ себя въ положеніе присяжныхъ общественныхъ судей, по совѣсти согласиться съ ними и во всякомъ случаѣ

снять съ нихъ всякую нравственную отвѣтственность за слишкомъ снисходительныя рѣшенія.

При констатированіи и группировкѣ причинъ, по которымъ присяжные, несмотря на сознаніе, произносятъ оправдательный вердиктъ, можетъ возникнуть недоумѣніе относительно самаго способа изслѣдованія. Откуда и почему мы можемъ знать, чѣмъ именно руководствовались присяжные, постановляя то или другое рѣшеніе, когда ихъ отвѣты немотивированы, а, по закону, они „обязаны сохранить тайну ихъ совѣщаній и не объявлять никому, какіе голоса поданы были въ пользу или противъ подсудимаго“ (ст. 677 уст. гражд. суд.)? Не будутъ ли всякія наши заключенія объ этомъ предметѣ шатки и поспѣшны, построены на малодостовѣрныхъ догадкахъ и субъективныхъ впечатлѣніяхъ? Дѣйствительно, нельзя отрицать того, что такія заключенія до нѣкоторой степени всегда будутъ гадательны, какъ и всякій выводъ одного человѣка о мотивахъ дѣйствій другого, умалчивающаго о нихъ. Но, какъ ни много успѣховъ сдѣлала новая наука, соціологія, въ вопросахъ соціальныхъ все еще никто не станетъ требовать математической точности изслѣдованія и выводовъ. За невозможностью добыть абсолютно-вѣрное, мы въ правѣ и здѣсь удовольствоваться вѣрнымъ относительно, тѣмъ возможно провѣреннымъ и потому возможно бо́льшимъ правдоподобіемъ, на которое указываютъ здравый смыслъ и простое знаніе жизни, а въ ней—повторяемость при однородныхъ условіяхъ однихъ и тѣхъ же явленій и послѣдствій. Въ судѣ присяжныхъ, кромѣ ихъ самихъ, дѣйствуютъ и присутствуютъ коронные судьи, стороны, участвующія въ дѣлѣ лица, свидѣтели, публика. Изъ ряда наблюденій надъ взаимными отношеніями этихъ различныхъ элементовъ, изъ многихъ отдѣльныхъ отвѣтовъ на вопросъ: почему?—наконецъ, изъ собственныхъ строго-провѣренныхъ личныхъ впечатлѣній наблюдателя, можно, путемъ логическаго процесса, вывести нѣчто среднее о мотивахъ даннаго рѣшенія суда присяжныхъ. Это среднее не будетъ далеко отъ истины, потому что, если сущность самой идеи этого института и заключается въ признаніи наибольшей авторитетности за мнѣніемъ, вынесеннымъ изъ дѣла 12 простыми гражданами, то почему же не

признать вѣроятнымъ и среднее мнѣніе о побудительныхъ причинахъ ихъ рѣшенія, вынесенное изъ того же дѣла всѣми, кому оно такъ или иначе извѣстно. Каждый непредубѣжденный наблюдатель суда присяжныхъ испыталъ на себѣ вліяніе такого, обыкновенно совпадающаго съ вердиктомъ средняго критерія; послѣ спокойнаго и всесторонняго обсужденія всего, что представляетъ дѣло, онъ говоритъ: да, иначе поступить, чѣмъ поступили присяжные, было невозможно — будь я на ихъ мѣстѣ, я, вѣроятно, сказалъ бы то же самое. Повтореніе отдѣльныхъ выводовъ, ихъ сочетанія, послѣдовательность, зависимость и пр. даютъ въ концѣ концовъ ихъ обобщеніе, съ которымъ добросовѣстный сторонникъ суда присяжныхъ уже въ правѣ выступить на борьбу съ его врагами, болѣе пылкими и скорыми, чѣмъ основательными. Не мало помогаетъ выясненію вопроса и то, что сами присяжные, по свойственному человѣку стремленію провѣрить себя въ важномъ рѣшеніи, никогда не скрываютъ главныхъ мотивовъ своего вердикта, въ особенности же когда онъ какъ бы стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ фактами (какъ при сознаніи); напротивъ, они охотно дѣлятся своими мнѣніями и впечатлѣніями, охотно выслушиваютъ возраженія и сами ими обмѣниваются. Пусть имѣющій уши, чтобы слышать, внимательно вслушивается въ эти чуждые всякой офиціальности, безхитростные, но поучительные разговоры — они освѣтятъ для него все, что съ перваго взгляда кажется необъяснимымъ и непонятнымъ; пусть юристъ не смущается тѣмъ казуистическимъ опасеніемъ, что такими разговорами будто бы нарушается тайна совѣщательной комнаты — они всегда носятъ общій, безличный характеръ и, избѣгая запрещеннаго: такой-то былъ за, а такой-то противъ, утверждаютъ только дозволенное, а для юриста и совершенно необходимое (и часто вовсе неизвѣстное): вотъ почему мы оправдали его.

Не задаваясь трудно осуществимою мыслью извлечь изъ практики суда присяжныхъ и прослѣдить всѣ разнообразные поводы, по которымъ присяжные склонны оправдывать, несмотря на сознаніе подсудимыхъ, мы ограничимся указаніемъ тѣхъ изъ нихъ, наиболѣе частыхъ и характеристичныхъ, которые мо-

гутъ быть приняты за типическія черты явленія. По своему происхожденію и принадлежности поводы эти распадаются на *три* группы, сообразно тремъ главнымъ факторамъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которыхъ слагается сужденіе присяжныхъ. Такими факторами являются: постановленія уголовнаго закона, процессуальные порядки и конкретныя, индивидуальныя обстоятельства даннаго дѣла; ихъ особенностями и создаются интересующіе насъ поводы. Иногда наличности одного такого повода достаточно для того, чтобы привести къ оправданію, иногда же дѣйствуютъ одновременно и приводятъ къ тому же результату разомъ нѣсколько причинъ, принадлежащихъ то къ одной, то къ нѣсколькимъ группамъ, такъ что опредѣлить, которая изъ нихъ была главнѣйшею и ближайшею оказывается невозможнымъ, почему и нужно принимать въ разсчетъ ихъ сложное взаимодѣйствіе. Но это не мѣшаетъ разсматривать и изучать ихъ каждое въ отдѣльности, тѣмъ болѣе, что тому и другому еще должно предшествовать выдѣленіе ихъ изъ массы практическаго матеріала.

Первое мѣсто въ ряду причинъ, обусловливающихъ оправданіе сознавшихся подсудимыхъ, принадлежитъ *конкретнымъ особенностямъ даннаго дѣла*, такимъ исключительнымъ, чрезвычайнымъ фактамъ, которые рѣзко отличаютъ данное дѣло отъ множества ему подобныхъ. Эти особенности, неотразимо дѣйствующія на совѣсть и приговоръ присяжныхъ, заключаются то въ субъективной, внутренней, то въ объективной, внѣшней, сторонѣ преступленія и обладаютъ свойствомъ не только разлагать въ глазахъ присяжныхъ преступные элементы той стороны, къ которой онѣ относятся, уничтожать ихъ преступное значеніе, но и заслонять собою другую сторону, уничтожать ея вліяніе на приговоръ. Присяжные понимаютъ и признаютъ предъявленный имъ ариѳметическій счетъ признаковъ преступленія, но они находятъ подсудимаго неотвѣтственнымъ по этому счету, у нихъ не поднимается рука на подсудимаго, потому что въ душѣ они *извиняютъ* его. Они становятся на ту единственную точку зрѣнія, которую имъ указываетъ незачерствѣлое сердце, несвязанный рутиною разсудокъ. Мужъ убиваетъ жену, застигнутую имъ *in*

flagranti прелюбодѣянія, жена совершаетъ изъ ревности мужеубійство, ревность приводитъ къ тому же любовниковъ — преступленіе доказано и сознано виновнымъ, но совѣсть присяжныхъ колеблется признать его. Они тщательно взвѣшиваютъ ту сумму невыносимыхъ, безвыходныхъ нравственныхъ страданій, которыя отуманили разумъ, поработили волю, и если эта сумма перевѣситъ негодованіе, внушаемое преступленіемъ, они недалеко отъ оправданія. Тѣмъ не менѣе у насъ оно представляетъ случай крайне рѣдкій, будучи въ Западной Европѣ, въ особенности во Франціи, несомнѣннымъ и неизбѣжнымъ; что бы ни говорили о снисходительности русскаго человѣка, объ увлеченіяхъ русскаго присяжнаго, кровь и смерть, каковы бы ни были ихъ причины, мѣшаютъ ему примириться съ преступленіемъ. За-то, когда это послѣднее, вызванное непреодолимыми нравственными мотивами, остановилось на покушеніи, особенно не причинившемъ никакого вреда потерпѣвшему, оправданіе при полномъ сознаніи неизбѣжно и у насъ. Выбирая между отвлеченною и сухою идеей общественнаго вреда, причиненнаго неудачнымъ выстрѣломъ, и живымъ представленіемъ о длинной и мучительной цѣпи непреодолимыхъ побужденій къ преступленію, между обществомъ, потерпѣвшимъ фиктивно, и подсудимымъ, потерпѣвшимъ дѣйствительно и тяжко (черезъ нанесенное ему оскорбленіе, потомъ черезъ всѣ тягости уголовнаго преслѣдованія), присяжные отдаютъ предпочтеніе подсудимому и не рѣшаются подвергнуть его законной карѣ. У каждаго является и созрѣваетъ мысль: онъ безъ вины виноватъ, онъ не совладалъ съ собою въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ никто не можетъ поручиться за себя. Сюда же относятся и могутъ приводить къ тѣмъ же результатамъ и всякія другія трагическія семейныя и личныя положенія, служащія мотивомъ и почвою для преступленія. Такъ, присяжные оправдываютъ при сознаніи женщину (особенно молодую дѣвушку), лишающую жизни своего младенца въ моментъ родовъ, „отъ стыда и страха“, по выраженію самого закона (ст. 1451, 1460 улож. наказ.); ученика, неудачно поджигающаго домъ своего мастера-хозяина въ отплату за понесенныя отъ него истязанія; лже-свидѣтеля объ обстоя-

тельствахъ, позорящихъ близкихъ ему людей; родителя или супруга, укрывающаго похищенное (преступленіе) для того, чтобы тѣмъ самымъ не выдать родственника-похитителя (дѣяніе ненаказуемое); похитителя, совершающаго похищеніе подъ вліяніемъ голода или желанія попасть въ тюрьму для того, чтобы имѣть, послѣ долгихъ скитаній, теплый уголъ и кусокъ хлѣба; свидѣтеля, подписавшагося подъ духовнымъ завѣщаніемъ послѣ смерти завѣщателя, но въ силу еще прижизненнаго съ нимъ соглашенія, и проч., и проч., все въ тѣхъ же случаяхъ несчастія или заблужденія, превратившагося, вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ *формальное*, абстрактное преступленіе. Преступника *по формѣ* присяжные не рѣшаются признать преступникомъ по *существу*. Они склонны не вмѣнять въ вину преступленіе, когда оно *вынуждено непреступными мотивами*. Особенно ярко и постоянно это выражается въ приговорахъ, оправдывающихъ народный самосудъ, даже кровавый, надъ ворами, конокрадами, поджигателями, колдунами... Отдѣльныя лица и цѣлыя мѣстности иногда безпомощно страдаютъ отъ неуловимыхъ для правосудія преемниковъ древнихъ „лихихъ людей“, власть по той или другой причинѣ оказывается безсильна помочь обывателю, который наконецъ теряетъ терпѣніе и, въ простотѣ душевной смутно сознавая условія гражданственности, самъ приступаетъ къ расправѣ. Въ такомъ обывателѣ-подсудимомъ присяжные видятъ человѣка, съ одной стороны, принужденнаго силою тяжкихъ обстоятельствъ восполнить произвольно пробѣлъ общественнаго благоустройства, а съ другой—совершающаго запрещенное дѣяніе скрѣпя сердце, единственно для того, чтобы выйти изъ невыносимаго положенія, или же *bona fide*, по заблужденію и невѣжеству. Они оправдываютъ, справедливо разсуждая, что каждый на мѣстѣ подсудимаго, въ его умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ условіяхъ, сдѣлалъ бы то же самое. Въ ихъ глазахъ хорошая цѣль часто оправдываетъ дурныя средства, когда въ распоряженіи подсудимаго, по крайней мѣрѣ съ его точки зрѣнія, не было другихъ. Неудовлетворительныя условія общественной и личной безопасности порою вызываютъ, какъ реакцію, примѣненіе рус-

скаго закона Линча, а общественный судъ отказывается карать за это—измѣнятся условія, исчезнетъ и послѣдствіе, пока же благосостояніе и безопасность терпятъ отъ первыхъ, а не отъ послѣдняго. Далѣе присяжные оправдываютъ, даже при сознаніи, противоимущественныя преступленія, причинившія лишь ничтожный матеріальный вредъ. Кражи или растрата предмета цѣною въ нѣсколько копѣекъ, квалифицированныя ничтожнымъ взломомъ въ родѣ разорванной веревочки у двери, или привилегированнымъ состояніемъ подсудимаго, находятъ себѣ въ присяжныхъ самыхъ снисходительныхъ судей, если только личность и поведеніе виновнаго внушаютъ имъ довѣріе и сожалѣніе, а его бѣдственное положеніе достаточно объясняетъ преступленіе. При подобныхъ обстоятельствахъ къ тому же благопріятному для подсудимаго исходу можетъ привести обвиненіе его въ такомъ, сравнительно незначительномъ (по суммѣ), корыстномъ преступленіи, вредъ отъ котораго сполна вознагражденъ имъ по собственному своему побужденію. Это и естественно, и понятно: при растратѣ, напр., самъ законъ понижаетъ до minimum'а наказаніе въ случаѣ легкомыслія и обязательства вознаградить потерпѣвшаго [1]), присяжные же идутъ нѣсколько дальше и просто оправдываютъ, когда такое вознагражденіе послѣдовало еще до суда.—Оправдательный приговоръ ожидаетъ иногда и подсудимаго, сознавшагося въ преступленіи по должности. Здѣсь присяжные принимаютъ въ соображеніе несоразмѣрность того, что по личнымъ своимъ свойствамъ можетъ дать виновное должностное лицо, съ тѣмъ, что требуетъ отъ него законъ, справедливость правила о томъ, что кому много дано, съ того много и взыщется. Поэтому присяжные не видятъ преступнаго и наказуемаго чиновника въ несчастномъ „сѣромъ“ сотскомъ или уѣздномъ полицейскомъ „инвалидѣ“, выпрашивающемъ грошевую съѣстную дань съ мелкаго базарнаго торговца; потому же, вспоминая о милліонныхъ растратахъ нашего времени, они „прощаютъ“ сборщика крестьянскихъ податей, присвоившаго себѣ нѣсколько собранныхъ по должности рублей для „хлѣбушка“, или мелкаго и

[1]) 2 ч. ст. 1681 и 1682 улож наказ.

жалкаго чиновника, растратившаго небольшія, доступныя ему казенныя деньги вслѣдствіе того, что нищета, семья и пьянство заставили его „запутаться“. „Богъ съ нимъ“,—характерно говорятъ присяжные себѣ и другимъ, отпуская на всѣ четыре стороны такого горемычнаго „преступника“...

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о родѣ и характерѣ тѣхъ обстоятельствъ, свойственныхъ отдѣльнымъ дѣламъ, которыя, несмотря на сознаніе подсудимаго, вызываютъ оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей. Не трудно формулировать главныя общія черты этихъ обстоятельствъ. Прежде всего онѣ представляются, какъ уже было замѣчено, рѣдкими и исключительными; онѣ выдѣляются изъ уровня обыденной жизни и ставятъ передъ судомъ или положеніе, полное глубокаго драматизма, или безысходное горе, тяжкое несчастіе или роковое заблужденіе. Онѣ приносятся неудержимымъ потокомъ жизни, не всегда укладывающейся въ правовыя нормы, порою силою раздвигающей ихъ. Присяжные оправдываютъ дѣянія, не только признанныя самими дѣятелями, но и имѣющія всѣ внѣшніе признаки преступленія, когда или 1) *мотивы дѣянія непреступны, даже не безнравственны*, а *вредъ* отъ него относительно *не великъ*, или 2) при *преступныхъ мотивахъ вредъ отсутствуетъ или ничтоженъ*; самые же *мотивы* объясняются не испорченностью, а *угнетеннымъ* нравственнымъ или физическимъ *состояніемъ дѣятеля*, или 3) при *стеченіи* того и другого случая, одно лишь *внѣшнее дѣйствіе* дѣянія случайно *сложилось въ преступленіе*. Оправданія такого рода, какъ и дѣянія, которыхъ они касаются, не возмущаютъ общественную совѣсть и принимаются съ сочувствіемъ и одобреніемъ всякимъ членомъ общества, у котораго бьется сердце, способное чувствовать и понимать, и который не требуетъ, чтобы уголовный судъ былъ безсознательною и жестокою разрушительною машиною, механическимъ орудіемъ механическаго же закона. Они не противорѣчатъ ни интересамъ личности и личной свободы, ни требованіямъ общественнаго порядка—двумъ великимъ и неизмѣннымъ началамъ, которыми управляется вся область уголовнаго правосудія. Съ точки зрѣнія

первыхъ, они ограждаютъ личность отъ несправедливаго и излишняго примѣненія къ ней уголовнаго наказанія, для послѣднихъ же они безразличны и нимало не угрожаютъ безопасности общества, потому что возвращаютъ въ среду его только такихъ невольныхъ или случайныхъ нарушителей закона, въ которыхъ оно само не признаетъ и не можетъ признать своихъ враговъ. Такія оправданія, моралзирующія суровую силу уголовной репрессіи и примиряющія ее съ человѣколюбіемъ, будутъ и должны имѣть мѣсто всегда и вездѣ, хотя бы во имя той аксіомы, что законъ и судъ существуютъ для жизни общества и составляющихъ его отдѣльныхъ людей, а не обратно.

Конкретныя причины оправданія присяжными сознавшихся подсудимыхъ находятся въ тѣсной связи съ другими причинами того же явленія, кроющимися въ нѣкоторыхъ *свойствахъ и особенностяхъ нашего уголовнаго законодательства*. Въ немъ есть еще много такого, съ чѣмъ не можетъ помириться совѣсть присяжныхъ или что ставитъ ее въ тяжелое и затруднительное положеніе. Въ извѣстной части случаевъ, указанныхъ выше, оправдательные приговоры объясняются исключительно тѣмъ, что присяжные, внутренно, въ душѣ признавая подсудимаго вообще подлежащимъ нѣкоторой легкой отвѣтственности, не хотятъ своимъ обвинительнымъ вердиктомъ подвергнуть его, по ихъ мнѣнію и понятіямъ, слишкомъ тяжкимъ и строгимъ законнымъ послѣдствіямъ. Они и сами находятъ, что надо бы немного „поучить“ виновнаго, но ихъ страшитъ перспектива арестантскихъ ротъ (по старой памяти, такъ всѣ еще называютъ исправительное арестантское отдѣленіе) или Сибири за такое дѣяніе, которое они, по совѣсти, считали бы съ избыткомъ наказаннымъ посредствомъ легкаго ареста или денежнаго взысканія. Изъ опасенія наказать подсудимаго свыше мѣры содѣяннаго и тѣмъ „взять грѣха на душу“, они предпочитаютъ оставить его безнаказаннымъ, особенно, когда не видятъ отъ этого прямого вреда. Множество мелкихъ, хотя и квалифицированныхъ кражъ, пополненныхъ растратъ, дѣяній, стоящихъ на рубежѣ между грабежомъ и самоуправствомъ или „озорничествомъ“ и проч., получаютъ оправданіе только благодаря не-

согласію дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ съ правовымъ сознаніемъ присяжныхъ, а, слѣдовательно, и общества, благодаря недостаткамъ и устарѣлости перваго и подвижной чуткости послѣднихъ. Бываютъ, къ сожалѣнію, даже и такія прискорбныя недоразумѣнія, въ которыхъ присяжные просто заблуждаются относительно законной кары, ожидающей подсудимаго въ случаѣ обвиненія, представляютъ ее себѣ несравненно болѣе тяжкой, чѣмъ она въ дѣйствительности.

Мы уже слышимъ негодующее возраженіе, которое намъ здѣсь сдѣлаютъ недруги суда присяжныхъ и сторонники уголовнаго осужденія по формѣ, à outrance, „спасительной“ строгости, во что бы то ни стало. Да развѣ присяжные—законодатели, скажутъ намъ, развѣ можно ставить ихъ выше закона и допускать такой порядокъ вещей, при которомъ они являются корректорами этого закона,—порядокъ, который надѣлалъ столько бѣдъ во Франціи и осужденъ наукою? Развѣ присяжные, какъ и всѣ граждане, не обязаны безпрекословно подчиняться закону и руководствоваться имъ, не присвоивая себѣ не принадлежащаго имъ права косвенно отмѣнять или пріостанавливать его? Мы же отвѣтимъ на это возраженіе, что оно справедливо только относительно и выходитъ хорошо и убѣдительно въ теоріи и на бумагѣ, а не на практикѣ и въ жизни. Прежде всего, проще и удобнѣе было бы совсѣмъ устранить или свести до minimum'а эти коллизіи между положительнымъ уголовнымъ закономъ и правовыми убѣжденіями общества, сдѣлать такъ, чтобы первый, по возможности, двигался и развивался вмѣстѣ съ послѣдними, отражая ихъ на себѣ и самъ вліяя на нихъ, чтобы нѣкоторое неизбѣжное несоотвѣтствіе между ними было ничтожно, да и то бы скрадывалось широкими полномочіями суда по примѣненіи закона. За недостаткомъ же такой панацеи приходится смягчить и ограничить приведенный аргументъ и уже во всякомъ случаѣ не пользоваться имъ противъ ни въ чемъ неповиннаго принципа суда присяжныхъ. Даже во имя строгой легальности нельзя насиловать совѣсть судей внутренняго убѣжденія, все равно присяжныхъ или коронныхъ, нельзя, не оскорбляя самой идеи правосудія, заставлять ихъ произносить приговоры, завѣдомо для нихъ не-

справедливые или несоразмѣрные съ виною. Да оно къ тому же и неисполнимо: судъ, и не вступая въ прямое противорѣчіе съ сознаніемъ подсудимаго, всегда найдетъ неуловимое средство согласить свое внутреннее убѣжденіе съ формальными требованіями закона, потому что все-таки отъ него будетъ зависѣть признать данное сознаніе удовлетворяющимъ или нѣтъ всѣмъ условіямъ непреложнаго обвинительнаго доказательства. Кромѣ того, отъ подчиненія присяжныхъ буквѣ закона одинъ шагъ до фактической теоріи ихъ функціи, до признанія ихъ судьями одного только голаго и сухого факта. Но даже бороться съ этимъ давно и безвозвратно похороненнымъ мнѣніемъ было бы теперь въ научномъ смыслѣ наивнымъ донъ-кихотствомъ, а въ практическомъ—неблагодарнымъ и непроизводительнымъ трудомъ. Нашъ законъ, нашъ кассаціонный сенатъ, несмотря на свои первоначальныя колебанія и обмолвки, наша судебная практика, наша скудная литература — всѣ признаютъ присяжныхъ засѣдателей судьями *виновности*, т.-е. не только того, совершилъ ли подсудимый преступленіе, но и того, слѣдуетъ ли его за это подвергнуть законному наказанію. Во всякомъ случаѣ, если и видѣть что-либо ненормальное въ оправданіи сознавшагося подсудимаго потому, что ему грозитъ наказаніе, несоразмѣрное съ его виною, то не судъ присяжныхъ должно винить за это и не противъ него направлять законодательныя мѣры, потому что истинная и единственная причина зла—неудовлетворительность уголовнаго законодательства. Не говоря уже объ его неудачныхъ опредѣленіяхъ и санкціяхъ, объ его устарѣвшихъ системѣ и отношеніи къ области наказуемаго, оно еще страдаетъ стремленіемъ къ узкой регламентаціи, связываетъ судью и по рукамъ, и по ногамъ, не давая ему возможности примѣниться къ особенностямъ и оттѣнкамъ фактовъ, къ явленіямъ жизни, не подходящимъ подъ статьи закона, но сталкивающимся съ ними. Присяжнымъ—да и не имъ однимъ — трудно понять и подчиниться тому, что знаменитый Юханцевъ и несчастный голодный, но привилегированный похититель бездѣлицы изъ запертаго помѣщенія подлежатъ одному и тому же наказанію, а такими антитезами богата практика нашего суда присяжныхъ.

Парня, сорвавшаго съ насиліемъ платокъ съ своей возлюбленной и простодушно пропившаго его въ ближайшемъ кабакѣ, они не могутъ, что бы ни говорили имъ всѣ прокуроры на свѣтѣ, признать достойнымъ каторжной работы, точно такъ же, какъ копѣечная кража двумя сговорившимися пьяницами, имѣвшими при себѣ перочинный ножикъ (которымъ, несомнѣнно, „можно нанести смерть или увѣчье"), вовсе не представляется имъ „однимъ изъ видовъ разбоя" (ст. 1654 и 1641 улож. наказ.). Здѣсь не мѣсто вдаваться въ какія-либо подробности о всѣми признанной неудовлетворительности уложенія—этой bête noire русскаго криминалиста,—какъ причинѣ оправдательныхъ приговоровъ при сознаніи, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что добрая половина этихъ послѣднихъ должна быть отнесена на счетъ этой неудовлетворительности, вмѣстѣ съ которой ей, вѣроятно, и суждено исчезнуть.

Другое возраженіе, намъ грозящее, авторитетно замѣтитъ намъ, что невѣрна, если не вовсе ложна, самая исходная точка нашего положенія о недостаткахъ закона, какъ причинѣ оправдательныхъ приговоровъ. Присяжные, услышимъ мы, не должны и думать о послѣдствіяхъ своего приговора, они обязаны игнорировать наказаніе, которое постигнетъ обвиненнаго ими подсудимаго и которое поэтому и закономъ (ст. 737, 738, 746 и 801 уст. угол. суд.), и юриспруденціей (многочисленныя рѣшенія угол. кассац. департ. сената) тщательно скрывается отъ нихъ. Съ догматической стороны это возраженіе непререкаемо и неопровержимо, съ уголовно-политической же и практической—въ нашемъ новомъ процессѣ нѣтъ болѣе неудачнаго, безплоднаго или, по крайней мѣрѣ, преувеличенно-натянутаго правила. Оно всѣми исполняется по виду, но всѣми нарушается по сущности, *tacito consensu*. Закрывать казуистической завѣсой отъ присяжныхъ засѣдателей законъ, невѣдѣніемъ котораго они, какъ граждане, даже не могутъ отговариваться, не только нелогично, но, прежде всего, безполезно и непрактично. Сколько ни увѣрять главныхъ, настоящихъ судей подсудимаго, что имъ не можетъ и не должно быть никакого дѣла до того, что сдѣлаетъ съ нимъ ихъ: „да, виновенъ", они этому не повѣрятъ и не подчинятся,

по той простой причинѣ, что самой природѣ человѣческаго мышленія и дѣйствія вообще, а судейскому сужденію и функціи въ особенности несвойственно сознательно и умышленно закрывать глаза передъ результатомъ, передъ всею конечною цѣлью своего разсужденія и дѣятельности. Судья *хочетъ*, *можетъ* и *долженъ* знать, куда онъ посылаетъ осужденнаго имъ преступника; это такъ естественно и неизбѣжно, что въ противномъ случаѣ судья колеблется, смущается, ищетъ выхода и въ случаѣ слишкомъ большого сомнѣнія можетъ даже оказаться способнымъ, не взирая на сомнѣніе, никуда не посылать, т.-е. оправдать. Мы смѣло утверждаемъ, что, вопреки указаніямъ закона и стараніямъ практики, присяжные всегда, иногда даже какъ бы безсознательно и незамѣтно для самихъ себя, заботятся о послѣдствіяхъ своего приговора, обсуждаютъ дѣяніе подсудимаго не иначе, какъ въ связи съ ними, и кладутъ ихъ въ одно изъ основаній вердикта. Это фактъ, громко требующій себѣ признанія и регулированія, иначе будетъ продолжаться и приводить къ вовсе не желательному результату та наивная игра въ прятки, которая теперь происходитъ въ нашемъ судѣ присяжныхъ, гдѣ предсѣдатель и стороны обязаны ревниво соблюдать и охранять тайну наказанія, а присяжные, едва войдя въ совѣщательную комнату, начинаютъ разсуждать о немъ, отыскивая въ памяти случайныя и поэтому часто невѣрныя свѣдѣнія о законныхъ послѣдствіяхъ разсматриваемаго ими преступленія. Неисполненное требованіе тайны только и ведетъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ: подсудимаго иногда оправдываютъ только потому, что считаютъ его не заслуживающимъ ссылки или арестантскихъ ротъ, а между тѣмъ ему грозитъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, которые вполнѣ удовлетворили бы присяжныхъ. Слѣдовало бы не скрывать отъ нихъ наказанія, а, напротивъ, разъяснять передъ ними въ полномъ объемѣ все, что̀ повлечетъ за собою ихъ рѣшеніе, ставить и направлять ихъ сужденіе такимъ образомъ, чтобы они давали въ немъ послѣдствіямъ вердикта принадлежащее имъ истинное и не первенствующее мѣсто, сдѣлать такъ, чтобы наказаніе являлось для нихъ самихъ необходимымъ, не только *справед-*

лвымъ послѣдствіемъ виновности, но и *полезнымъ* средствомъ противъ нея, одинаково благодѣтельнымъ и для личности подсудимаго, и для общества, пострадавшаго отъ его преступленія! Но для этого прежде всего нужно располагать совершенно другою карательною системою, нежели та, которая дѣйствуетъ у насъ до настоящаго времени и слишкомъ хорошо извѣстна русскому человѣку. Тюрьмы, ставшія, по офиціальному о нихъ отзыву, „школами порока и преступленій", предварительное заключеніе въ острогахъ, которые характеризуются народнымъ прозвищемъ прежняго московскаго тюремнаго замка *„бутырская академія"*, толпы острожныхъ рецидивистовъ, проходящихъ передъ присяжными каждой сессіи, страшныя картины тюремной жизни и тюремнаго паденія, которыя развертываются передъ обществомъ всякій разъ, какъ суду приходится заглянуть въ своеобразный арестантскій міръ,—все это тяжкимъ гнетомъ ложится на совѣсть присяжныхъ, когда своимъ обвинительнымъ приговоромъ они должны бросить на жертву этого міра еще не вполнѣ испорченнаго человѣка. Сознаніе же всегда служитъ въ ихъ глазахъ однимъ изъ главныхъ и несомнѣнныхъ признаковъ неполнаго развращенія, возможности исправиться и подняться. Между безнаказанностью признаннаго и сравнительно маловажнаго преступленія, съ одной стороны, и окончательною, безповоротною порчею въ тюрьмѣ, они, часто долго колеблясь, выбираютъ первое, какъ меньшее зло. Можно ли винить ихъ за это и видѣть въ такихъ оправдательныхъ приговорахъ доказательство органической слабости ихъ репрессіи. если на каждомъ шагу своей дѣятельности имъ приходится воочію убѣждаться, что отъ человѣка, хотя бы и случайно, въ первый разъ попавшагося въ тюрьму, уже нечего ждать впослѣдствіи чего-либо хорошаго, что въ близкомъ будущемъ онъ снова вѣрнѣйшій кандидатъ на скамью подсудимыхъ? Нельзя также пройти молчаніемъ усвоенной сенатомъ весьма неудобной, чтобы не сказать больше, практики по дѣламъ, въ которыхъ возбужденъ вопросъ о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей подсудимаго, т.-е. объ одной изъ законныхъ причинъ невмѣненія. Практика эта часто вызываетъ оправдательные приговоры при признаніи подсудимымъ всей фактической сто-

роны виновности, потому что присяжнымъ нерѣдко случается судить или вовсе сумасшедшихъ, или такихъ психическихъ больныхъ, которые хотя и не подходятъ прямо подъ узкія и недостаточныя опредѣленія ст. 92 улож. наказ., но никѣмъ не могутъ быть признаны вполнѣ вмѣняемыми. Сенатъ (рѣш. угол. кассац. департ. 1869 № 877 и мн. др.) давно уже разъяснилъ, и судебныя мѣста должны подчиняться этому разъясненію, что уголовное преслѣдованіе можетъ быть прекращено до суда, обвинительною камерою, только по такимъ причинамъ невмѣняемости, которыя „очевидны изъ предварительнаго слѣдствія, безъ повѣрки ихъ на судѣ, т.-е. когда онѣ состоятъ или въ дѣтскомъ возрастѣ обвиняемыхъ, или въ признаніи ихъ установленнымъ порядкомъ безумными или сумасшедшими“. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, въ дѣйствительности представляющихъ большинство, окончательное разрѣшеніе вопроса о невмѣненіи по разстройству умственныхъ способностей принадлежитъ присяжнымъ. Вслѣдствіе этого на судъ ихъ отдаются многочисленные и разнообразные аффекты и всякія патологическія состоянія сознанія и воли, которыя научная экспертиза не рѣшается подвести подъ устарѣвшую и неопредѣленную законную терминологію „безумія и сумасшествія“. Отсюда появленіе множества дѣлъ, въ которыхъ, несмотря на фактическое сознаніе подсудимаго и отсутствіе формальнаго констатированія формальной же причины невмѣненія, для всѣхъ участниковъ процесса заранѣе очевидно, что они не услышатъ отъ присяжныхъ другого приговора, кромѣ оправдательнаго. Можно съ увѣренностью сказать, что такого рода приговоры исчезнутъ или, по крайней мѣрѣ, число ихъ значительно уменьшится, какъ только совершится пересмотръ законовъ объ уголовномъ вмѣненіи, а вмѣстѣ съ ними измѣнится и нынѣшній формализмъ касающейся ихъ судебной практики [1]).

---

[1]) Законами 27 апрѣля 1882 г. и 3 мая 1883 г. (собр. узак. 1882 г. № 57 и 1883 г. № 50) ст. 356 уст. угол. суд. измѣнена въ томъ смыслѣ, что окружному суду предоставлено въ распорядительномъ засѣданіи прекращать судебное преслѣдованіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что преступное дѣйствіе учинено въ безуміи, сумасшествіи или припадкѣ болѣзни, приводящемъ въ умоизступленіе или

Не мало оправданій при сознаніи даютъ и нѣкоторые существующіе у насъ *процессуальные порядки.* Наша уголовная юстиція во многихъ отношеніяхъ еще заставляетъ желать лучшаго и далеко не даетъ всѣхъ тѣхъ гарантій, которыя бы обезпечивали всякому отдѣльному дѣлу правильный исходъ. Какъ въ зеркалѣ отражается это въ дѣятельности суда присяжныхъ—несовершенства процедуры всегда влекутъ за собою и неудовлетворительность приговора, которая заключается въ его чрезмѣрной слабости, когда процессуальныя уклоненія страдаютъ излишнею и несправедливою строгостью, или же въ несоотвѣтствіи результата истиннымъ обстоятельствамъ дѣла, когда оно остается недостаточно выясненнымъ. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь продолжительный и дѣйствительною надобностью неоправдываемый арестъ подсудимаго во время слѣдствія,—обстоятельство, на которое мало-мальски развитой составъ присяжныхъ всегда обращаетъ особенное вниманіе, отводя ему важное мѣсто въ мотивахъ своего вердикта. Между тѣмъ, вслѣдствіе обычной медленности нашего слѣдствія и многихъ другихъ причинъ, этотъ арестъ безъ всякихъ уважительныхъ основаній иногда тянется цѣлые мѣсяцы и даже годы, нерѣдко превышая самый высшій срокъ лишенія свободы, могущаго постичь подсудимаго въ случаѣ обвинительнаго приговора. Присяжные не мирятся съ такимъ порядкомъ вещей; для нихъ не имѣетъ смысла схоластическое разсужденіе о томъ, что предварительный арестъ не есть наказаніе, что онъ самъ по себѣ, а карательное заключеніе само по себѣ, что подслѣдственное заключеніе въ теченіе какого-нибудь года, когда по окончательному приговору можетъ быть назначено всего нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, нисколько не мѣшаетъ этому послѣднему и проч. Люди практической вседневной жизни, они смотрятъ на нее глазами обывателя-гражданина, дорожащаго свободой, какъ своимъ высшимъ благомъ, а не глазами юриста-техника, легко привыкающаго смотрѣть на нее, какъ на простой объектъ профессіональныхъ мѣро-

---

совершенное безпамятство, и пріостанавливать это преслѣдованіе, если обвиняемый впалъ въ болѣзненное состояніе послѣ совершенія преступленія или проступка.

пріятій. Они не безъ основанія находятъ, что въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи для человѣка одинаково тяжко сидѣть подъ стражей въ предварительномъ или исполнительномъ, карательномъ порядкѣ, по постановленію слѣдователя или по приговору суда. Поэтому, даже внутренно признавая подсудимаго виновнымъ и подлежащимъ наказанію, они своимъ оправдательнымъ приговоромъ *вмѣняютъ, засчитываютъ ему въ наказаніе* подслѣдственный арестъ, если продолжительность этого послѣдняго искупаетъ, по ихъ мнѣнію, его вину. Это взглядъ и народной мудрости, споконъ вѣку сложившей пословицу о невозможности сдиранія двухъ шкуръ съ одного вола. Чистосердечное сознаніе, сравнительно незначительный вредъ отъ преступленія въ связи съ другими смягчающими обстоятельствами (напр., молодость, обстановка, особые мотивы и проч.) такъ часто обусловливаютъ такой зачетъ, что его слѣдуетъ считать вполнѣ установившейся и выяснившейся характеристической чертой практики суда присяжныхъ. Если она ненормальна и нежелательна, то устранить ее нетрудно: съ устраненіемъ условія явленія—излишней продолжительности предварительнаго ареста—уничтожится и самое явленіе. Въ этомъ послѣднемъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего такого, что́ можно было бы поставить въ вину нашему суду присяжныхъ. Ихъ отношеніе къ предварительному аресту согласно съ самою элементарною справедливостью, которая требуетъ, чтобы никто, не только прямо, но и косвенно не былъ наказанъ свыше мѣры содѣяннаго, а чѣмъ же инымъ, какъ не двойнымъ наказаніемъ, является кара по обвинительному приговору послѣ равносильной ей или даже превышающей ее излишней подслѣдственной „мѣры“? Что вмѣстѣ съ тѣмъ присяжные вполнѣ способны понимать и понимаютъ ея дѣйствительное значеніе, что они не прибѣгаютъ къ оправданію, когда примѣненіе ея не возмущаетъ общественную совѣсть, ясно доказывается тѣмъ, что въ дѣлахъ о тяжкихъ и общеопасныхъ преступленіяхъ, убійствахъ, разбояхъ, грабежахъ, точно такъ же, какъ и въ дѣлахъ, по которымъ обнаружены стремленія подсудимаго уклониться отъ суда, совершенъ побѣгъ, они не придаютъ никакого вѣса предварительному аресту и не

справляются о его продолжительности. Очевидно, въ томъ и другомъ случаѣ они сознаютъ его необходимость и рѣзко отдѣляютъ ее отъ другой необходимости—въ карательной мѣрѣ, наказаніи. Все это нимало не противорѣчитъ и духу нашего законодательства, которое прямо признаетъ долговременное содержаніе подъ стражею однимъ изъ поводовъ смягченія наказанія, даже въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти (п. 4 ст. 153 улож. наказ.). На возраженіе, что присяжные и здѣсь присвоиваютъ себѣ не принадлежащее имъ право, можно отвѣтить, что они, какъ бы то ни было, постанавливаютъ приговоръ *матеріально* справедливый и что не отъ нихъ въ этомъ случаѣ зависитъ сдѣлать его вѣрнымъ и *формально*.

Кромѣ продолжительности предварительнаго заключенія, и другіе недостатки слѣдствія, какъ предварительнаго, такъ и судебнаго, часто обусловливаютъ оправданіе сознавшагося подсудимаго. Такъ, къ этому легко приводятъ неполнота или неясность слѣдствія, оставляющая неразрѣшенными существенные вопросы, смущающіе и затрудняющіе совѣсть присяжныхъ, неумѣніе выяснить эти вопросы или пренебреженіе ихъ выясненіемъ (въ виду сознанія) со стороны предсѣдателя или прокурора, односторонняя заключительная рѣчь перваго, бездѣйствіе или, наоборотъ, натянутое и преувеличенное обвиненіе послѣдняго, преувеличенная же и не встрѣтившая вѣскаго отпора ревность защиты, забывшей, что ея призваніе заключается вовсе не въ „обѣленіи“ и оправданіи виновнаго, во что бы то ни стало, и проч., и проч. Присяжныхъ нельзя осуждать за то, что они строютъ свое сужденіе только на томъ матеріалѣ, который данъ имъ судомъ и сторонами, и только подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который есть логическое слѣдствіе не отъ нихъ зависящей постановки дѣла. Они исполняютъ лишь свою обязанность, если толкуютъ въ пользу подсудимаго всѣ сомнѣнія, оставшіяся для нихъ неразъясненными, всѣ выставленные имъ оправдательные аргументы, оставшіеся неопровергнутыми. Пусть въ каждомъ дѣлѣ, какъ бы просто и маловажно оно ни было, каждый дѣятель уголовнаго суда строго и точно исполнитъ свою обязанность—и передъ присяжными откроется такая вѣрная картина дѣла, изъ которой

имъ не будетъ никакого повода, никакой надобности выводить невѣрное заключеніе.

Въ видѣ иллюстрирующаго примѣра нелишнимъ будетъ напомнить дѣйствительныя обстоятельства дѣла о письмоносцѣ Алексѣевѣ, надѣлавшаго столько шуму (не изъ пустяковъ ли?) и, по газетнымъ извѣстіямъ, послужившаго ближайшимъ поводомъ къ возникновенію мысли о проектѣ новаго ограниченія суда присяжныхъ. Алексѣевъ обвинялся въ петербургскомъ окружномъ судѣ въ утайкѣ ввѣренныхъ ему для разноски простыхъ писемъ (ст. 1100 улож. наказ.), сознался въ этомъ преступленіи, объяснивъ, что, не имѣя времени разносить всю массу получаемыхъ имъ писемъ, многія изъ нихъ бросалъ у себя на квартирѣ, гдѣ они и были найдены Стороны отказались отъ допроса свидѣтелей; выслушавъ 2-хъ свидѣтелей, спрошенныхъ по иниціативѣ самого суда, присяжные оправдали подсудимаго, который произвелъ хорошее впечатлѣніе своимъ, повидимому, чистосердечнымъ раскаяніемъ. Ему было всего 19 лѣтъ, трудомъ онъ содержалъ семью, но въ послѣднее время началъ пить. Въ письмоносцы онъ былъ взятъ, какъ говорится, съ улицы, чуть не съ должности трактирнаго полового. Въ почтовомъ отдѣленіи, гдѣ онъ служилъ, не было, по его объясненію, никакого контроля надъ распредѣленіемъ и разноскою писемъ. Корыстная цѣль при совершеніи преступленія подсудимому не приписывалась. Но что важнѣе всего—онъ до суда около 9 мѣсяцевъ содержался подъ стражей, при чемъ 5 мѣсяцевъ тянулся обрядъ преданія его суду, какъ чиновника, его начальствомъ.

Предметъ нашихъ замѣтокъ такъ обширенъ и представляетъ такую благодарную почву для развитія и аргументаціи выставленнаго выше положенія, что въ защиту его, даже и въ предѣлахъ журнальной статьи, можно было бы говорить много и долго. Но намъ кажется, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы намѣтить главные пункты отвѣта на вопросъ, отчего присяжные засѣдатели оправдываютъ сознавшихся подсудимыхъ. Они оправдываютъ ихъ, и притомъ вовсе не часто, а сравнительно очень рѣдко, только тогда, когда, по ихъ мнѣнію, вынесенному изъ дѣла, подсудимый или: 1) хотя и совершилъ пре-

ступленіе, но по особеннымъ, чрезвычайнымъ, извиняющимъ его обстоятельствамъ не заслуживаетъ наказанія, или 2) если и заслуживаетъ, но несравненно меньшее противъ того, которому подвергнетъ его ихъ самый снисходительный обвинительный приговоръ, или же наконецъ 3) онъ косвенно, но дѣйствительнымъ образомъ, фактически искупилъ свое преступленіе еще во время слѣдствія. Это мнѣніе присяжныхъ можетъ быть ошибочнымъ, съ истинными обстоятельствами даннаго дѣла несогласнымъ, но оно всегда добросовѣстно и согласно съ обстоятельствами дѣла, въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются или, лучше сказать, представлены присяжнымъ. За ошибки такого рода институтъ ихъ отвѣчать не можетъ и не долженъ, и кромѣ того они не колеблятъ репрессивной силы его рѣшеній. Если же, однакожъ, и допустить въ извѣстной степени это послѣднее, то возникаетъ вопросъ, есть ли основаніе предполагать, что устраненіе присяжныхъ по дѣламъ о сознавшихся подсудимыхъ и замѣна по этимъ дѣламъ суда общественнаго судомъ коронным поможетъ дѣлу?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Несмотря на то, что въ практикѣ нашего коронаго суда вообще можно найти довольно мало матеріала для разрѣшенія поставленнаго вопроса, она все-таки представляетъ нѣкоторыя, хотя и косвенныя, но не лишенныя значенія указанія на то, что общія характеристическія черты репрессіи обѣихъ формъ суда, почти тождественныя теперь, останутся такими же и въ случаѣ осуществленія проекта, возвѣщеннаго печатью. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду только коронныхъ судей нынѣшняго, нормальнаго типа, отправляющихъ правосудіе по свободному, внутреннему убѣжденію своей совѣсти, не зависящихъ ни отъ кого, кромѣ этой совѣсти. Изъ статистическихъ данныхъ за послѣдніе годы оказывается, что ихъ наклонность къ оправданію въ общемъ одинакова съ таковою же наклонностью присяжныхъ. Такъ, судебныя палаты (безъ участія присяжныхъ) дали въ 1874 г. болѣе, а въ 1876 г. столько же оправдательныхъ приговоровъ, сколько и присяжные; окружные суды безъ присяжныхъ оправдываютъ только на 10% меньше, чѣмъ присяжные, а мировые

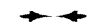
судьи по назначенію отъ правительства—на 17% больше, чѣмъ они. Общая же средняя цифра оправданій у коронныхъ судей весьма немногимъ ниже той цифры у присяжныхъ. Между тѣмъ, по самому свойству дѣлъ, разрѣшаемыхъ коронными судьями безъ участія присяжныхъ засѣдателей, имъ представляется гораздо меньше поводовъ къ оправдательнымъ приговорамъ вообще, а къ оправданію при сознаніи они и вовсе не имѣютъ основаній. Въ огромномъ большинствѣ этихъ дѣлъ весь центръ тяжести виновности лежитъ въ простомъ внѣшнемъ фактѣ административнаго или полицейскаго правонарушенія, такъ что констатированіе этого факта устанавливаетъ не только формальный составъ преступленія, но и всѣ матеріальныя условія наказуемости. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ быть вызванъ или обусловленъ при сознаніи оправдательный приговоръ по обвиненію въ бродяжествѣ, въ нарушеніи питейнаго устава или другихъ уставовъ казеннаго управленія? Поэтому не нужно забывать, что въ этомъ случаѣ *comparaison n'est pas raison*, и что коронные судьи ничѣмъ не доказали и не могли доказать болѣе строгаго репрессивнаго направленія своего суда. Сравненіе еще возможно въ той области, которая недавно выдѣлена изъ вѣдѣнія присяжныхъ и отдана въ вѣдѣніе другой, часто противопоставляемой намъ формы суда—коронныхъ судей съ участіемъ сословныхъ представителей въ составѣ одной и той же судейской коллегіи. Все то, что до сихъ поръ извѣстно о дѣятельности созданныхъ закономъ 9 мая 1878 г. особыхъ присутствій судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, вѣдающихъ важнѣйшія дѣла о преступленіяхъ противъ порядка управленія, прежде подсудныя суду присяжныхъ, отнюдь не свидѣтельствуетъ о большей репрессивной строгости первыхъ передъ послѣднимъ. Поставленныя нѣкоторыми конкретными случаями въ одинаковое съ присяжными положеніе, особыя присутствія въ этихъ случаяхъ поступаютъ въ сущности такъ же, какъ и они; вся разница состоитъ въ томъ, что присяжные, не вмѣняя сознавшемуся подсудимому въ вину совершенное имъ преступленіе, просто оправдываютъ его, а особыя присутствія, переходя не безъ формальной натяжки къ меньшему престу-

пленію, приговариваютъ къ наказанію, ничтожному сравнительно съ обвиненіемъ, или же широко и часто пользуются своимъ дискреціоннымъ правомъ ходатайства передъ Высочайшей властью о полномъ помилованіи. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ: перечисленныя причины оправдательныхъ приговоровъ при сознаніи имѣютъ свойство дѣйствовать на *судью*, кто бы онъ ни былъ, общественный или коронный, потому что всѣ онѣ запрещаютъ его совѣсти видѣть въ сознаніи совпаденіе формальной, внѣшней истины съ тѣмъ, что̀ служитъ высшею и конечною цѣлью всякаго судейскаго изслѣдованія въ уголовномъ дѣлѣ— истиною внутреннею, матеріальною.

Все сказанное выше, основанное на истинномъ смыслѣ закона въ дѣйствительномъ значеніи жизненныхъ явленій, обязываетъ добросовѣстнаго изслѣдователя русскаго суда присяжныхъ противопоставить приведенному въ началѣ этихъ замѣтокъ силлогизму о законодательной мѣрѣ противъ присяжныхъ, „милующихъ“ виновныхъ, другой не менѣе категорическій силлогизмъ: *присяжные засѣдатели* не только формально *могутъ*, но въ извѣстныхъ случаяхъ въ дѣйствительности *должны*, во исполненіе своего судейскаго призванія, *оправдывать сознавшихся подсудимыхъ*; въ аналогичныхъ случаяхъ *коронные судьи*, по всей вѣроятности, *будутъ поступать такъ же*. А такъ какъ и въ настоящее время *присяжные засѣдатели* оправдываютъ при сознаніи въ видѣ рѣдкаго исключенія только тогда, *когда это* по особеннымъ обстоятельствамъ дѣла, не зависящимъ вовсе отъ суда или, по крайней мѣрѣ, отъ суда присяжныхъ, *является безусловно необходимымъ для достиженія цѣлей правосудія*, то *передача сужденія о сознавшихся исключительно въ руки коронныхъ судей не вызывается ни раціонально-юридическими, ни утилитарными соображеніями*.

Намъ кажется, что этимъ выводомъ устанавливается та единственно-вѣрная точка зрѣнія, съ которой русскому юристу слѣдуетъ смотрѣть на основную мысль проекта, возвѣщеннаго газетными слухами. Въ наше время „шатанія“ принциповъ, мнѣній и людей особенно много говорятъ и заботятся о такъ называемомъ охранительномъ направленіи. Пусть же оно будетъ

охранительнымъ вполнѣ, и по отношенію къ тѣмъ великимъ существующимъ учрежденіямъ, которыя, подобно суду присяжныхъ, вошли въ плоть и кровь русскаго народа и составляютъ его драгоцѣнное и славное пріобрѣтеніе. Въ неприкосновенной цѣлости и правильномъ развитіи присяжнаго судопроизводства —будущность и надежда русскаго уголовнаго правосудія [1]).



[1]) Болѣе, чѣмъ когда-либо, имѣютъ теперь значеніе для нашего суда присяжныхъ слова, сказанныя о немъ еще въ 1864 г. великимъ учителемъ современныхъ криминалистовъ, покойнымъ Миттермайеромъ. Въ своей статьѣ о судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 г. (русскій переводъ которой былъ помѣщенъ въ кн 10-й „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1864 г), знаменитый ученый далъ намъ такое пророческое предостереженіе: „Опираясь на долголѣтнія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій въ различныхъ государствахъ Европы, мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было смущаемо приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній и чтобы оно не переставало преслѣдовать свою цѣль Мы напоминаемъ то интересное явленіе, что даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ несозрѣвшимъ для нихъ, даже тамъ вскорѣ чудеснымъ образомъ поняли значеніе новыхъ началъ; выгоды, доставляемыя ими, выказываются все болѣе и болѣе, а люди, призываемые въ присяжные, оказались наконецъ и тамъ способными выполнять свое назначеніе“

СУРРОГАТЪ СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

(О временной особой подсудности преступленій противъ порядка управленія, по закону 9 мая 1878 года) [1].

(1880 г.)

Въ числѣ поучительныхъ выводовъ, къ которымъ неизбѣжно приводитъ житейскій опытъ, есть знакомый, вѣроятно, каждому выводъ о томъ, что лучшую, нагляднѣйшую и вѣрнѣйшую оцѣнку утраченнаго или измѣнившагося даетъ сравненіе его съ замѣнившимъ, изслѣдованіе и изученіе этого послѣдняго. На извѣстномъ разстояніи, черезъ которое перешагнуть уже невозможно,—все равно создано ли оно временемъ или пространствомъ—предметы вообще становятся явственнѣе и чище, а отношеніе къ нимъ наблюдателя дѣлается болѣе спокойнымъ и безпристрастнымъ. Когда же мѣсто стараго — все равно временно или постоянно—заняло новое, тогда качества и недостатки того и другого, ихъ взаимныя выгоды и невыгоды естественно сопоставляются и освѣщаютъ другъ друга. Этотъ методъ, логически вѣрный и практически удобный, иногда клонится въ пользу прежняго, заставляя быть къ нему справедливѣе и даже побуждая пожалѣть о немъ, если замѣна оказывается неудовлетворительною или излишнею. Такъ бываетъ съ людьми и явленіями, съ благами и вещами, въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ нравственномъ; то же случается и въ прикладной, практической области права, съ учрежденіями и законами. Здѣсь замѣна одного дру-

[1] Сообщеніе, доложенное въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, 13 декабря 1880 г.—Журн. Гражд. и Уголовн. Права, 1881 г., кн. II.

гимъ, въ одной и той же сферѣ дѣятельности и при однихъ и тѣхъ же ея условіяхъ и объектахъ, всегда обозначаетъ наступленіе такого положенія, при которомъ дѣйствующіе институты или случайно перестаютъ соотвѣтствовать предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, или же оказываются органически неспособными удовлетворять имъ, или же, наконецъ, возникаютъ и предъявляются новыя требованія, вызывающія къ жизни новыя учрежденія, которыя должны, по предположенію законодателя, пополнить пробѣлъ, исправить недостатокъ, дать болѣе успѣшные, желаемые результаты. Но если ни одна изъ этихъ цѣлей не достигается нововведеніемъ и самое дѣйствіе его не чуждо новыхъ неудобствъ и невыгодъ, неизвѣстныхъ старому, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что еще не имѣется достаточныхъ основаній для осужденія замѣненнаго института, что не въ немъ самомъ, а въ посторонникъ ему обстоятельствахъ заключаются причины его кажущагося неуспѣха? Не слѣдуетъ ли тогда искать выхода въ устраненіи этихъ причинъ и сказать себѣ, что въ виду доказанныхъ, ничѣмъ не вознаграждаемыхъ неудобствъ и невыгодъ новаго, можно безъ опасенія и съ довѣріемъ возвратиться къ старому?

Такова та общая мысль, которая, мнѣ думается, должна обратить вниманіе русскихъ криминалистовъ на дѣятельность особой временной юрисдикціи нѣкоторыхъ преступленій противъ порядка управленія, учрежденной закономъ 9 мая 1878 г. въ лицѣ особыхъ присутствій судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, въ отмѣну, по этимъ преступленіямъ, суда присяжныхъ засѣдателей и, слѣдовательно, въ ограниченіе общей ихъ функціи по уставу уголовнаго судопроизводства. Глубоко убѣжденный въ настоятельной и безотложной необходимости для русской юридической науки основательно и серьезно приняться за всестороннее изслѣдованіе нашего суда присяжныхъ,— изслѣдованіе, отъ котораго, быть можетъ, въ значительной степени зависитъ вся будущая судьба его, я хотѣлъ бы въ настоящемъ сообщеніи сдѣлать небольшой, скромный вкладъ въ эту великую и благодарную работу. Я сочту задачу свою вполнѣ исполненною, если тѣ свѣдѣнія о суррогатѣ нашего присяжнаго

суда, по упомянутому уже роду преступленій, которыя я рѣшаюсь представить вниманію читателей, послужатъ однимъ изъ многочисленныхъ матеріаловъ для предстоящаго сужденія объ этомъ судѣ.

Для ясности и во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, я долженъ установить прежде всего, въ нѣсколькихъ словахъ, характеръ, почву и рамки моего сообщенія, цѣль котораго я только-что указалъ. Оно не имѣетъ никакой претензіи ни на глубину и полноту изслѣдованія, ни на систематическую точность данныхъ и выводовъ. Это не болѣе, какъ, во-1-хъ, нѣсколько числовыхъ сопоставленій по статистической сторонѣ предмета и, во-2-хъ, рядъ наблюденій надъ практическимъ примѣненіемъ закона 9 мая 1878 г. Первыя извлечены, съ одной стороны, изъ ежегодно издаваемаго министерствомъ юстиціи „*Свода статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ*“, а съ другой—изъ цифровыхъ данныхъ о дѣятельности особыхъ присутствій С.-Петербургской и Харьковской судебныхъ палатъ, при чемъ относительно послѣдней я пользовался статьею о ней неизвѣстнаго автора, помѣщенною въ № 59 газеты „*Россія*“ отъ 13 ноября 1880 г. Вторыя—наблюденія—касаются практики преимущественно Петербургской судебной палаты, а отчасти и нѣкоторыхъ другихъ, насколько дѣятельность ихъ особыхъ присутствій характеризуется изрѣдка появляющимися въ печати отчетами о судебныхъ засѣданіяхъ. Затѣмъ, считаю нелишнимъ оговориться, что замѣчанія и выводы свои я старался сдѣлать со всевозможною осмотрительностью, *sine ira et studio*, но, само собою разумѣется, не мнѣ судить о степени ихъ безошибочности.

Высочайше утвержденнымъ 9 мая 1878 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта о временномъ измѣненіи подсудности и порядка производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ, въ нормальномъ судоустройствѣ и уголовномъ судопроизводствѣ, установленномъ судебными уставами, сдѣланы слѣдующія измѣненія: 1) изъ круга вѣдѣнія суда присяжныхъ изъяты: а) тѣ изъ преступленій, предусмотрѣнныхъ въ главахъ: 1, 2 и 5 раздѣла IV уложенія о наказаніяхъ, которыя подвергаютъ лишенію или ограниченію правъ состоянія, б) подвергающія тому же нака-

занію посягательства на жизнь, тѣлесную или личную неприкосновенность должностныхъ лицъ, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей или вслѣдствіе этого исполненія, а именно: убійство, покушеніе на убійство, нанесеніе ранъ, увѣчій и угрозы и в) нанесеніе подчиненными оскорбленія дѣйствіемъ начальнику, предусмотрѣнное ст. 395 улож. наказ.; 2) дѣла объ этихъ преступленіяхъ подчинены вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей съ разрѣшеніемъ ихъ въ одной инстанціи, окончательными приговорами, и 3) предварительныя слѣдствія по этимъ преступленіямъ производятся прежнимъ общимъ порядкомъ, преданіе же суду и самый судъ происходитъ по тѣмъ же правиламъ, которыя опредѣляютъ устройство и дѣйствія особыхъ присутствій судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, вѣдающихъ государственныя преступленія на основаніи другого, Высочайше утвержденнаго того же 9 мая 1878 г. мнѣнія государственнаго совѣта (о подсудности и порядкѣ производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ).

При разсмотрѣніи примѣненія всякаго закона нужно имѣть въ виду его мотивы, такъ какъ, кромѣ зависимости отъ нихъ его внутренняго достоинства, только съ ихъ точки зрѣнія можно опредѣлить, по указаніямъ опыта, его цѣлесообразность. Мотивы закона 9 мая 1878 г. въ самомъ текстѣ его не приведены, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ законѣ 9 августа 1878 г., выдѣлившемъ часть подсудности, установленной первымъ изъ этихъ законовъ, во временную юрисдикцію судовъ военныхъ. Но эти мотивы не трудно вывести изъ самаго содержанія закона, изъ общаго его значенія, а также изъ сопоставленія его съ нѣкоторыми современными его изданію и официально констатированными общественными явленіями. Прежде всего, законодатель, очевидно, признаетъ за перечисленными имъ преступленіями *особый специфическій характеръ и особую важность*, которые требуютъ для успѣшнаго осуществленія репрессіи особыхъ органовъ, особыхъ средствъ и особыхъ условій судебной дѣятельности, не позволяющихъ, по его мнѣнію, оставить отправленіе правосудія по такимъ дѣламъ въ рукахъ общихъ, орди-

нарныхъ учрежденій. Далѣе, законодатель считаетъ эти преступленія имѣющими *извѣстный политическій оттѣнокъ*, что̀ ясно изъ подчиненія ихъ, въ отношеніи преданія суду и судебнаго разсмотрѣнія, тому же особому учрежденію и тому же особому порядку, которые установлены для преступленій государственныхъ. Наконецъ—и этому третьему и послѣднему мотиву слѣдуетъ съ большою вѣроятностью приписать рѣшающую силу—едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что законъ 9 мая 1878 г. былъ вызванъ, между прочимъ, и заключеніемъ законодателя *о неудовлетворительности и неправильномъ направленіи дѣятельности суда присяжныхъ* по дѣламъ, которыя этотъ законъ исключилъ изъ его подсудности. Дѣйствительно, поводъ къ такому заключенію могли подать многочисленныя оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей по упомянутымъ дѣламъ, уже давно обращавшія на себя общее вниманіе. Свидѣтельствуя о ненормальномъ ходѣ уголовнаго правосудія и во всякомъ случаѣ о слабости репрессіи, это, какъ его называли иногда, „оправдательное“ направленіе суда присяжныхъ касалось всѣхъ трехъ категорій дѣлъ, поименованныхъ въ законѣ 9 мая 1878 г. Дѣлъ о посягательствахъ на должностныхъ лицъ и объ оскорбленіи подчиненнымъ начальника практика представляетъ весьма мало, но среди и этого небольшого ихъ количества она насчитываетъ два такихъ общеизвѣстныхъ и выдающихся процесса, какъ процессъ Протопопова въ 1867 и Засуличъ въ 1878 г.—оба окончившіеся оправданіемъ подсудимыхъ, при наличности и доказанности факта преступленія. Что же касается до третьей категоріи, наиболѣе важной по своему количественному составу, до извѣстныхъ преступленій противъ порядка управленія, то статистическія данныя ежегодно накопляли отрицательный матеріалъ, для оцѣнки отношенія присяжныхъ къ этимъ преступленіямъ. Останавливаясь лишь на 4 годахъ, непосредственно предшествовавшихъ изданію закона 9 мая 1878 г., законодатель имѣлъ передъ собою такой рядъ цифръ: по преступленіямъ противъ порядка управленія, изъятымъ этимъ закономъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ, ими вынесено оправдательныхъ рѣшеній въ 1874—48,71%, въ 1875—46,68%, въ 1876—50,57%, въ

1877—50,59%, а всего среднимъ числомъ въ годъ 49%, между тѣмъ какъ за то же время по дѣламъ того же рода, разсмотрѣннымъ судебными установленіями безъ участія присяжныхъ засѣдателей, коронными судьями постановлено оправдательныхъ приговоровъ, среднимъ числомъ, только 21% въ годъ, т.-е. болѣе чѣмъ вдвое меньше. Присяжные,—могъ отсюда заключить законодатель,—оправдываютъ ровно половину тѣхъ лицъ, относительно которыхъ обвинительная власть, въ усиленномъ ея составѣ, т.-е. по обвинительной камерѣ палаты, признала вѣроятность виновности и, слѣдовательно, проявляютъ явно ненормальную наклонность къ оправданію, чуждую, однакоже, коронным судьямъ. Разсуждая такимъ образомъ, законодатель рѣшился временно замѣнить судъ присяжныхъ такою, обезпеченною отъ указанной наклонности формою суда, которая 1) была бы достаточно компетентна для рѣшенія дѣлъ политическаго характера, въ которой 2) вопросъ о виновности рѣшался бы коронными судьями, поставленными достаточно высоко въ судебной іерархіи для сознанія всей важности этихъ дѣлъ, и 3) не безъ участія, однакоже, общественнаго элемента, въ лицѣ 4 сословныхъ представителей.

Посмотримъ же, насколько дѣятельность новой юрисдикціи отвѣчаетъ всѣмъ этимъ стремленіямъ закона.

Почти не успѣвъ еще начаться, она была уже значительно ограничена новымъ временнымъ закономъ. Именнымъ Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 9 августа 1878 г. было повелѣно: „въ случаяхъ совершенія преступленій, посредствомъ которыхъ тайные злоумышленники, подъ вліяніемъ соціально-революціонныхъ идей и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію государственнаго строя, предавать военному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, всѣхъ лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или же нападеніи на войско, полицію и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, когда эти преступленія сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ“. Другими словами, изъ круга престу-

пленій, очерченнаго закономъ 9 мая 1878 г. и, слѣдовательно, изъ подсудности особыхъ присутствій судебныхъ палатъ были исключены всѣ преступныя дѣянія дѣйствительно политическаго характера, внушенныя политическими мотивами, выросшія на политической почвѣ и получившія при самомъ совершеніи ихъ политическую окраску. Въ вѣдѣніи же судебныхъ палатъ остались только преступленія не квалифицированныя никакими политическими признаками и не направленныя къ разрушенію государственнаго строя. Изъ нихъ—ни съ посягательствомъ на жизнь или здоровье должностныхъ лицъ, ни съ оскорбленіемъ начальника подчиненнымъ, сколько мнѣ извѣстно, ни Петербургской, ни Харьковской судебнымъ палатамъ дѣла имѣть не пришлось съ мая 1878 г. и до конца 1880 г. Да если бы и встрѣтилось нѣсколько такихъ дѣлъ, то вся предшествующая практика новыхъ судовъ съ достаточною вѣроятностью показываетъ, что все ихъ содержаніе исчерпывалось бы обычными чертами: личная месть, личные счеты, сведенные внезапнымъ или давно подготовлявшимся взрывомъ страстей, замкнутая, узкая среда съ своими особыми обычаями и взглядами, личная грубость и необузданность, не знающая удержу, сложныя и спутанныя, своеобразныя отношенія, порождающія столкновенія, въ которыхъ самый принципъ власти заслоняется личностью, субъектомъ ея носителя. Типическою формою такихъ дѣлъ являются наиболѣе частые ихъ случаи для 1 категоріи—посягательства арестантовъ на жизнь должностныхъ лицъ тюремной администраціи, случаи, когда въ голову смотрителя или надзирателя летитъ первый предметъ, попавшійся подъ расходившуюся буйную руку, кирпичъ, выломанный изъ стѣны, или каменная чашка, схваченная съ обѣденнаго стола. Едва ли нужно говорить о томъ, что ни такого рода случаи, ни оскорбленіе однимъ чиновникомъ другого, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни совершилось, не представляютъ, при всей своей преступности, никакого важнаго, общегосударственнаго значенія. То же самое относится и къ дѣламъ о побѣгѣ или освобожденіи заключенныхъ изъ-подъ стражи, квалифицированныхъ насиліемъ или взломомъ тюрьмы, которыя въ теченіе

2½ лѣтъ особому присутствію Петербургской судебной палаты пришлось разсматривать только одинъ разъ, а Харьковской—6 разъ. Здѣсь кстати же будетъ замѣтить, что официальныя статистическія свѣдѣнія, не выдѣляя этого рода изъ общей рубрики преступленій противъ порядка управленія, не даютъ возможности опредѣлить свойство отношенія къ нимъ присяжныхъ. Но основываясь на своемъ личномъ опытѣ и на всемъ томъ, что въ этомъ отношеніи мнѣ удавалось читать и слышать, я позволяю себѣ утверждать, что общее отношеніе суда присяжныхъ къ упомянутымъ преступленіямъ было строгое, а приговоры почти всегда обвинительные; я обращаюсь въ этомъ къ воспоминаніямъ практиковъ, которые, вѣроятно, вмѣстѣ со мною не забыли, что присяжные засѣдатели далеко не мирволили тѣмъ, кого послѣ признанія ихъ опасными для общественнаго порядка ни стража, ни тюремныя рѣшетки не удержали отъ попытки самовольно вернуться въ общество. Такимъ образомъ, характеръ новой подсудности особыхъ присутствій опредѣлился исключительно дѣлами о важнѣйшихъ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 1 и 2 главахъ раздѣла IV улож. наказ. Первая изъ этихъ главъ озаглавлена: *„о сопротивленіи распоряженіямъ правительства и неповиновеніи установленнымъ отъ онаго властямъ“*, а вторая—*„объ оскорбленіи и явномъ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности“*. Отсюда можно снова сдѣлать исключеніе, а именно — преступленіе, предусмотрѣнное 1 отд. ст. 263 улож. и заключающееся въ возстаніи противъ общихъ, такъ сказать, органическихъ дѣйствій законодательной власти, указовъ, манифестовъ, законовъ; если за преступленіемъ этимъ и долженъ быть признанъ извѣстный политическій оттѣнокъ, то, сколько мнѣ извѣстно, ни въ 12-лѣтней практикѣ новыхъ судовъ до 1878 г., ни въ слишкомъ двухлѣтней практикѣ особыхъ присутствій дѣлъ о такихъ преступленіяхъ не встрѣчалось. По своему значенію и спеціальнымъ репрессивнымъ требованіямъ, они могутъ быть ближе всего подведены подъ условія особой политической подсудности, юрисдикціи государственныхъ пре-

ступленій, подобно тому какъ это сдѣлано для противозаконныхъ сообществъ, предусмотрѣнныхъ ст. 318 улож. наказ. въ томъ же раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, но отданныхъ въ вѣдѣніе особой, чисто политической юстиціи.

Затѣмъ, весь рядъ остальныхъ преступленій, нынѣ подсудныхъ особому присутствію, не заключаетъ въ себѣ никакихъ политическихъ элементовъ и является опаснымъ для государства, для общественнаго порядка и спокойствія не болѣе всякихъ другихъ общихъ преступленій равной съ ними уголовной тяжести. Въ справедливости этого вывода убѣждаетъ какъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ видовъ названныхъ преступленій, такъ и весьма разнообразная бытовая сторона, рельефно выступающая изъ практики особыхъ присутствій. Практика эта показываетъ, что постоянный контингентъ дѣлъ для нея поставляютъ: 1) разные виды сопротивленія и неповиновенія властямъ (ст. 263, 264, 270, 271, 272, 273 улож.), 2) оскорбленіе присутственнаго мѣста или должностного лица во время засѣданія (ст. 282 ч. 2 улож.) и 3) оскорбленіе дѣйствіемъ должностного лица при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей (ст. 285 улож.). Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ преступное дѣйствіе направляется одновременно и совмѣстно на два объекта: одинъ, идеальный и отвлеченный — есть тотъ самый порядокъ управленія въ обширномъ смыслѣ, о которомъ говоритъ заглавіе раздѣла, т.-е. самый принципъ власти, совокупность извѣстныхъ публичныхъ правовыхъ нормъ, требующая при осуществленіи ихъ въ дѣйствительности повиновенія и уваженія со стороны отдѣльныхъ личностей; другой объектъ, реальный и конкретный— личность и дѣйствія даннаго физическаго представителя этого порядка, носителя власти, индивидуальнаго органа правовыхъ нормъ, короче — данное должностное лицо, въ которомъ человѣкъ никогда не уничтожается вполнѣ отвлеченнымъ понятіемъ о чиновникѣ. Этотъ двойственный составъ объекта, намѣченный и въ законѣ, всегда проникаетъ въ сознаніе судьи и представляетъ существенную, неотъемлемую и вполнѣ юридическую, а

не фактическую только принадлежность каждаго изъ перечисленныхъ преступныхъ дѣяній. Сопротивленіе оказано чиновнику NN, оскорбленіе, произнесенное или совершенное въ присутственномъ мѣстѣ, относилось къ такому-то его члену, оскорбленіе дѣйствіемъ нанесено также чиновнику NN — вездѣ и всегда судъ имѣетъ дѣло, прежде всего и больше всего, съ личностью того должностного лица, непосредственно противъ котораго было направлено преступленіе. Значеніе этой личности можно, правда, устранить разсужденіемъ объ отвлеченномъ, истинномъ, законномъ потерпѣвшемъ — порядкѣ управленія — какъ это и было сдѣлано сенатомъ въ рѣшеніи угол. кассац. д-та 1873 г. за № 736 (при отрицательномъ разрѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли должностное лицо, оскорбленное на службѣ, считать потерпѣвшимъ и подлежащимъ отводу отъ присяги), но такое разсужденіе всегда останется только казуистическою фикціей, которая не должна вліять на опредѣленіе дѣйствительнаго внутренняго характера и внѣшней опасности преступленія, въ свою очередь опредѣляющихъ и тѣ или другія формы его наказуемости. Кромѣ того, въ значительномъ большинствѣ случаевъ субъективное настроеніе свойства воли совершившаго преступленіе бываетъ таково, что вполнѣ сознательная преступность отсутствуетъ, а воля, хотя и неправильная, уклонившаяся отъ правильной нормы, не представляетъ признаковъ злостности.

Всего чаще выпадаютъ на долю особаго присутствія дѣла о столкновеніи частныхъ лицъ, почти всегда крестьянъ, съ властью, при производствѣ послѣднею съ первыхъ частныхъ гражданскихъ взысканій принудительнымъ порядкомъ, т.-е. посредствомъ отобранія и насильственнаго отчужденія имущества. Изъ-за этого-то имущества, тяжкимъ трудомъ добытаго и ревниво оберегаемаго, и бьется и сопротивляется производитель-собственникъ, крестьянинъ, нерѣдко видящій въ продаваемомъ у него зернѣ или скотѣ послѣднюю надежду на хлѣбъ насущный, послѣднее средство прокормить семью. Юридическая необходимость принудительнаго акта для него темна и непонятна, а если даже и шевельнется у него смутное сознаніе своей неправоты, то послѣдствія взысканія представляются ему въ та-

комъ безвыходномъ и тяжкомъ видѣ, что страстное желаніе во что бы то ни стало отстоять имущество беретъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ и какъ-то физически, невольно побуждаетъ къ противодѣйствію. Несмягченныя и несглаженныя образованіемъ и развитіемъ, грубыя привычки довершаютъ дѣло, а въ результатѣ—насиліе надъ должностнымъ лицомъ или оскорбленіе его дѣйствіемъ, часто также переходящее въ насильственное сопротивленіе. Вотъ почему крестьянинъ легко забываетъ въ самый моментъ сопротивленія, что передъ нимъ стоитъ представитель законной власти, требующей съ его стороны уваженія и повиновенія, и помнитъ только одно, что сейчасъ уведутъ у него послѣднюю корову и запечатаютъ или тутъ же продадутъ скудное содержимое амбара; вотъ почему при сопротивленіяхъ такимъ частнымъ взысканіямъ такъ часто произносятся слова: „грабители, грабить пріѣхали“, ярко выражающія собою отказъ темнаго человѣка признать правомѣрность рѣшенія, которое онъ и до этого оспаривалъ тщетно, неумѣло, невѣжественно, но искренно, всѣми силами своей души. Сюда же относятся два весьма знаменательныхъ факта изъ практики Петербургскаго особаго присутствія: 1) между дѣлами, имъ разсмотрѣнными, почти не было, по крайней мѣрѣ выдающихся, дѣлъ о сопротивленіи при взысканіи съ крестьянъ казенныхъ платежей или недоимокъ, за-то большая часть обвиненій относилась къ взысканіямъ частнымъ, со стороны помѣщика, купца-сосѣда или разбогатѣвшаго своего же брата крестьянина, вышедшаго изъ крестьянства въ такъ называемые „кулаки“; 2) замѣчательно, что во многихъ такихъ случаяхъ противодѣйствующее настроеніе обострялось или даже самое сопротивленіе начиналось лишь при видѣ почти всегда сопровождающихъ взыскателей мѣстныхъ торговцевъ, скупщиковъ, которые заранѣе чуютъ поживу и являются на мѣсто единственно для того, чтобы за безцѣнокъ купить описанное крестьянское имущество. Ихъ присутствіе, видимыя намѣренія и кажущаяся крестьянамъ солидарность съ чиновниками-взыскателями всегда несказанно раздражаютъ крестьянъ и возбуждаютъ ихъ къ огульному противодѣйствію. Не указываетъ ли

все это на полное отсутствіе въ разсмотрѣнныхъ дѣлахъ всякихъ признаковъ принудительнаго, дѣйствительно вреднаго и важнаго противодѣйствія законной власти, передъ общимъ понятіемъ которой крестьянинъ инстинктивно всегда отступаетъ и преклоняется? Поэтому едва ли можно отрицать: 1) что преступленія противъ должностныхъ лицъ по большей части нарушаютъ общій правовой порядокъ, въ лицѣ порядка управленія, только косвенно и отвлеченно; 2) что никакой опасности и никакого особеннаго вреда для всего государственнаго и общественнаго строя они не представляютъ, и 3) что, слѣдовательно, за ними не можетъ быть признано никакого государственнаго, политическаго характера. Фактическая же, бытовая обстановка ихъ окончательно отнимаетъ у нихъ такую окраску. Типическіе случаи общеизвѣстны: въ деревняхъ—противодѣйствіе крестьянъ, рѣдко становому приставу при взысканіи недоимокъ, а чаще—судебному приставу при взысканіи частныхъ платежей, присужденныхъ землевладѣльцу; въ городахъ—оскорбленіе дѣйствіемъ тѣхъ же исполнительныхъ чиновниковъ, въ административномъ вѣдомствѣ обыкновенно не выше полицейскаго или участковаго пристава или исправника, рѣже оскорбленіе слѣдователя раздраженнымъ обвиняемымъ, буйство арестантовъ въ тюрьмѣ, легко переходящее въ сопротивленіе или оскорбленіе начальства, изрѣдка грубая и дерзкая выходка на судѣ подсудимаго, выведеннаго изъ себя осужденіемъ или поставленнаго въ такое положеніе, которое ухудшить уже невозможно. Не болѣе разнообразны и мотивы вмѣстѣ со всею и субъективною, и объективною подкладкою такихъ дѣлъ: въ наиболѣе важныхъ и преступныхъ случаяхъ—это буйный и дерзкій нравъ, природное упрямство, грубость, несмягченная образованіемъ, привычка давать волю страстямъ и рукамъ, раздраженіе необходимостью подчиниться авторитету или непріятнымъ распоряженіямъ власти, отсутствіе чувства законности и нравственной дисциплины; въ случаяхъ менѣе важныхъ—состояніе опьяненія, непониманіе правъ власти и своихъ обязанностей, никѣмъ неразъясненное и ничѣмъ неустраненное недоразумѣніе между властью и подвластными, нако-

нецъ, неправильныя или безтактныя дѣйствія должностныхъ лицъ, раздражившія частное лицо, вовлеченіе его такими дѣйствіями въ убытки или заблужденіе и проч., и проч. Почти никогда судъ не видитъ передъ собою на скамьѣ подсудимыхъ лицъ образованныхъ, интеллигентныхъ, развитыхъ, отдающихъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ поступкахъ, а въ данныхъ дѣла не находитъ сознательной злой воли, принципіально-отрицательнаго отношенія къ власти и ея органамъ. За-то толпами проходятъ передъ нимъ темные, невѣжественные люди или отребье, подонки общества, которымъ терять ужъ больше нечего. Все это подтверждается и количественными предѣлами репрессивной дѣятельности особыхъ присутствій. Несмотря на то, что имъ подсудны исключительно тѣ преступленія противъ порядка управленія, которыя подвергаютъ лишенію или ограниченію правъ состоянія, за $2^1/_2$ года Петербургское особое присутствіе ни одного подсудимаго не приговорило къ уголовному наказанію и только $12^0/_0$—къ наказанію исправительному, соединенному съ потерею правъ. Не въ правѣ ли юристъ заключить отсюда, что не грозные внутренніе враги государства, прямо опасные для его цѣлости или спокойствія, появляются передъ судомъ особаго присутствія, а простые, не выдѣляющіеся изъ общаго уровня нарушители карательныхъ законовъ, охраняющихъ нѣкоторыя публичныя нормы?

Перейдемъ, затѣмъ, къ тѣмъ статистическимъ даннымъ, посредствомъ которыхъ можно, съ одной стороны, нѣсколько обрисовать репрессивную дѣятельность новой юрисдикціи, а съ другой—сравнить ее въ томъ же отношеніи съ прежней, съ судомъ присяжныхъ.

Дѣятельность особыхъ присутствій С.-Петербургской и Харьковской судебныхъ палатъ обнимаетъ собою приблизительно $2^1/_2$ года. Она распространялась на 10 губерній, весьма разнохарактерныхъ по населенію, при чемъ на долю Харьковскаго округа приходится 7 губерній, а на долю Петербургскаго только 3, за-то съ гор. С.-Петербургомъ. Въ теченіе указаннаго времени въ вѣдомствѣ Петербургскаго особаго присутствія возникло всего 82 дѣла или среднимъ числомъ около 32 дѣлъ въ

годъ. За предыдущіе же 4 года, 1874—1877 г., въ округѣ Петербургской палаты дѣлъ того же рода возникло среднимъ числомъ вдвое больше, а именно—около 60. Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, не пытаясь, за отсутствіемъ данныхъ, опредѣлить его смыслъ и не рѣшаясь даже высказать какія-либо предположенія о томъ, обусловливается ли онъ тѣмъ, что съ установленіемъ новой, высшей подсудности дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія явилось и болѣе строгое и осмотрительное отношеніе къ направленію этихъ дѣлъ въ палату, или же тѣмъ, что подобныя дѣла въ самомъ дѣлѣ стали возникать рѣже, несмотря на большую интенсивность полицейской дѣятельности. Изъ упомянутыхъ 82 дѣлъ дошли до судебнаго разсмотрѣнія только 53 или 64,6%, среднимъ числомъ *23 дѣла въ годъ*. Остальные 35% или 29 дѣлъ прекращены или признаны неподсудными особому присутствію опредѣленіями уголовнаго департамента палаты, состоявшимися на основаніи заключеній прокурорскаго надзора. По поводу этихъ заключеній за все время не было ни одного случая разногласія между палатою и ея прокуратурой. Напротивъ того, они обнаружили полную солидарность взглядовъ на то, что до суда особаго присутствія не слѣдуетъ доводить такихъ дѣлъ, въ которыхъ есть хотя малѣйшее, отдаленное сомнѣніе относительно наличности всѣхъ признаковъ подсуднаго ему преступленія противъ порядка управленія или же полной вѣроятности виновности. При этомъ, какъ въ коллегіи судей, такъ и прокуратурѣ сильно проявлялось убѣжденіе въ необходимости возможнаго соотвѣтствія между важнымъ значеніемъ новой юрисдикціи и внутреннею, матеріальною сущностью, а не внѣшнею, только формальною обстановкою дѣла, и при очевидномъ отсутствіи такого соотвѣтствія палата не затруднялась, путемъ иногда сложныхъ юридическихъ умозаключеній, переносить извѣстное дѣло въ несравненно болѣе удобную для него низшую подсудность окружного суда или даже мировыхъ судебныхъ установленій. Эти опредѣленія, напоминавшія иногда право французской обвинительной камеры „коррекціонализировать“ преступленія, избавляли особое присутствіе отъ многихъ, заранѣе несомнѣнныхъ оправдательныхъ

приговоровъ. Затѣмъ, количественная сторона дѣятельности Петербургскаго особаго присутствія опредѣляется въ 53 дѣла или среднею цифрою—23 дѣла въ годъ. Для Харьковскаго особаго присутствія она гораздо больше, но во всякомъ случаѣ далеко не соразмѣрна съ большимъ объемомъ его территоріи. Оно разрѣшило за все время 79 дѣлъ—или среднимъ числомъ 31 дѣло въ годъ. Изъ 53 дѣлъ Петербургское присутствіе произнесло вполнѣ оправдательныхъ приговоровъ только по 7 дѣламъ, среднимъ числомъ по 2 дѣламъ, или 6,4% въ годъ; Харьковское же дало 23 полныхъ оправданія, среднимъ числомъ по 9 дѣламъ, или около 30% въ годъ. Дальше мы увидимъ, что по этимъ цифрамъ, не принимая въ соображеніе другихъ данныхъ качественнаго значенія, еще нельзя судить о степени напряженія репрессіи. 53 дѣла, разрѣшенныя Петербургскимъ присутствіемъ, распредѣляются по мѣсту совершенія преступленій слѣдующимъ образомъ: на Петербургъ приходится 15%, на губернскіе и уѣздные города—43,3%, а на деревню—41,5%, чѣмъ вполнѣ подтверждается вышеприведенный выводъ о преимущественно обывательскомъ, будничномъ характерѣ всѣхъ дѣлъ, о томъ, что, чуждые всякаго политическаго оттѣнка, они возникаютъ на почвѣ не установившихся еще или случайно неправильно поставленныхъ отношеній массы къ ближайшимъ для нея органамъ власти. Этотъ выводъ находитъ себѣ новое и еще болѣе яркое подтвержденіе въ цифрахъ, выражающихъ происхожденіе обвиняемыхъ. Изъ 114 обвиняемыхъ, судившихся въ Петербургскомъ особомъ присутствіи, лицъ привилегированныхъ состояній было только 8 или 7%, при чемъ изъ этихъ 8 только 2 получили среднее образованіе. Въ Харьковскомъ особомъ присутствіи отношеніе еще рельефнѣе: на 250 обвиняемыхъ приходится лишь 10 привилегированныхъ или 4%. Все же остальное, 93% въ Петербургѣ и 96% въ Харьковѣ, вышло изъ податной среды, въ огромномъ большинствѣ случаевъ изъ крестьянъ или изъ числа лицъ, живущихъ въ крестьянской обстановкѣ. Въ Петербургскомъ округѣ женщины, повидимому, обнаружили мало наклонности сопротивляться властямъ, такъ какъ на 114 обвиняемыхъ женщинъ было только 17 или

14,9%, при чемъ 7 изъ нихъ вовсе оправданы. Званіе и іерархическое положеніе должностныхъ лицъ, противъ которыхъ были непосредственно направлены преступленія, также свидѣтельствуютъ о томъ, что неповиновеніе обвиняемыхъ не простиралось далѣе столкновеній съ низшими исполнительными органами власти, дѣятельность которыхъ по необходимости переплетается съ ежедневными, такъ сказать, обиходными явленіями въ хозяйственной и вообще личной жизни обывателей. Такъ, изъ дѣлъ, рѣшенныхъ Петербургскимъ и Харьковскимъ особыми присутствіями, только по 2 въ каждомъ имѣли предметомъ своимъ сопротивленіе исправнику или равному ему по положенію участковому приставу Петербургской полиціи, т.-е. въ Петербургѣ—3,3%, а въ Харьковѣ—2,5%. Затѣмъ, остальныя дѣла, по непосредственному объекту преступленія, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) противъ становыхъ приставовъ, помощниковъ участковыхъ городскихъ приставовъ, полицейскихъ надзирателей и равныхъ имъ чиновъ—въ Петербургскомъ 45,2%, въ Харьковскомъ 32,9%; 2) противъ судебныхъ приставовъ—въ Петербургскомъ 7,1%, въ Харьковскомъ 22,8%, и 3) противъ другихъ, низшихъ по рангу должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ смотрителей тюремъ, а главнымъ образомъ противъ урядниковъ и чиновъ волостной и сельской полиціи — Петербургскомъ 47,3%, а въ Харьковскомъ 44,3%. Статистика мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ суда, отчасти выражающихъ степень важности и опасности преступленія, также не указываетъ на то, чтобы при изслѣдованіи дѣлъ, подсудныхъ особому присутствію, ощущалась надобность предупредительныхъ мѣръ. Изъ 114 обвиняемыхъ, судившихся въ Петербургскомъ особомъ присутствіи, только 28 человѣкъ, или 24,5%, содержались подъ стражею, между тѣмъ какъ 47,3%, т.-е. около половины всего числа обвиняемыхъ, были преданы суду по обвиненію въ преступленіяхъ, подвергающихъ уголовнымъ наказаніямъ (т.-е. лишенію всѣхъ правъ состоянія). Всѣ же прочіе находились на свободѣ, подъ надзоромъ полиціи или обязанные подпискою о неотлучкѣ изъ мѣстожительства, и лишь въ немногихъ слу-

чаяхъ были отданы на поруки съ денежною отвѣтственностью не свыше 100 руб.

Результаты судебнаго разбирательства опредѣляются слѣдующими цифрами. Петербургскимъ особымъ присутствіемъ постановлено приговоровъ: обвинительныхъ и смѣшанныхъ 46, оправдательныхъ 7, или 86,7% первыхъ и только 13,2% вторыхъ. Харьковское же вынесло 56 или 71,3% обвинительныхъ и 23 или 29,9% оправдательныхъ. Сравнивая эти цифры съ данными о количествѣ тѣхъ и другихъ приговоровъ, постановленныхъ судомъ присяжныхъ за предшествовавшіе чстыре года (1874—1877), мы получимъ: для Петербургскаго округа 62% обвинительныхъ и 37,8% оправдательныхъ, а для Харьковскаго 64,5% обвинительныхъ и 35,4% оправдательныхъ. Если судить только по однѣмъ этимъ цифрамъ, не вглядываясь ближе въ ихъ истинное значеніе, то придется заключить, что съ изданіемъ закона 9 мая 1878 г. количество обвинительныхъ приговоровъ увеличилось и, слѣдовательно, строгость репрессіи усилилась почти на 48%, т.-е. чуть не вдвое, а въ Харьковскомъ совершилось то же усиленіе, хотя и въ меньшей степени, а именно почти на 14%. Но было бы капитальною, грубою ошибкою выводить отсюда, что вновь учрежденный судъ коронныхъ судей, безъ присяжныхъ, а съ сословными представителями, гораздо строже относится къ преступленіямъ противъ порядка управленія и что, такимъ образомъ, практика блистательно оправдала главнѣйшій мотивъ новаго закона. Болѣе подробное разсмотрѣніе статистическихъ данныхъ приводитъ къ совершенно иному заключенію и убѣждаетъ въ томъ, что указанное значеніе цифръ, выражающихъ повышеніе репрессіи, есть только внѣшнее, кажущееся и мнимое. Прежде всего, процентъ повышенія значительно уменьшается, если исчислять его не по количеству разрѣшенныхъ дѣлъ и постановленныхъ приговоровъ, а, что̀ гораздо правильнѣе, по количеству осужденныхъ. Это особенно необходимо по отношенію къ дѣламъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, въ которыхъ чаще, чѣмъ во всѣхъ другихъ, суду предаются по одному и тому же дѣлу не одинъ, а нѣ-

сколько и даже нѣсколько десятковъ подсудимыхъ, вслѣдствіе чего качественное сопоставленіе между собою двухъ приговоровъ—оправдательнаго для множества подсудимыхъ и обвинительнаго для одного—очевидно неправильно и установить какое-либо качественное равновѣсіе между такими двумя несоизмѣримыми величинами невозможно. Въ Петербургскомъ округѣ количество осужденныхъ возрасло на цифру несравненно меньшую, а именно—всего на 24%; въ Харьковскомъ же, напротивъ, въ юрисдикціи особаго присутствія оно даже уменьшилось приблизительно на 7 [1]). Это присутствіе проявляетъ даже бо́льшую наклонность къ оправданію, нежели прежде присяжные Харьковскаго округа. Дальнѣйшее же изученіе цифръ показываетъ, что, въ сущности, по качественному, матеріальному значенію приговоровъ обоихъ особыхъ присутствій, и Петербургскаго, и Харьковскаго, характеръ и содержаніе ихъ репрессіи ничѣмъ не отличается отъ репрессіи суда присяжныхъ и во всякомъ случаѣ вовсе не превосходитъ ее въ строгости. Этимъ изученіемъ сводится къ нулю и все значеніе повышенія въ Петербургскомъ округѣ цифры осужденій на 48% дѣлъ и 26% лицъ. Петербургское особое присутствіе изъ 112 подсудимыхъ оправдало 35 и ходатайствовало передъ Высочайшею властію о помилованіи 3-хъ; Харьковское же изъ 243 подсудимыхъ оправдало 135, т.-е. болѣе половины. Но степень дѣйствительнаго напряженія репрессіи выражается не столько отношеніемъ между количествомъ обвинительныхъ и количествомъ оправдательныхъ приговоровъ, сколько отношеніемъ между maximum'омъ или, по крайней мѣрѣ, среднею мѣрою наказаній, назначенныхъ въ законѣ, и наказаніями, назначенными судомъ. Здѣсь практика особыхъ присутствій указываетъ на несомнѣнное ихъ стремленіе, при признаніи виновности, довести отвѣтственность до крайнихъ предѣловъ возможнаго minimum'а,

---

[1]) За 1874—1877 гг. осуждено, среднимъ числомъ, въ Петербургскомъ округѣ 51,8% подсудимыхъ; въ Харьковскомъ 45,4%; оправдано въ Петербургскомъ 46,2%, въ Харьковскомъ 54,9%. Со времени же дѣйствія закона 9 мая 1878 г., т.-е. за 1878—1880 гг. осуждено въ Петербургскомъ округѣ 62,5%, въ Харьковскомъ 42,2%; оправдано въ Петербургскомъ 38,4%, въ Харьковскомъ 57,4%.

понизить наказаніе всѣми способами, которыми располагаетъ судъ, т.-е. и по законному праву смягченія, а въ извѣстныхъ случаяхъ и самаго выбора рода наказанія, и посредствомъ легчайшей, въ смыслѣ отвѣтственности, квалификаціи преступленія. Въ обоихъ округахъ предметами обвиненія, переданными на разсмотрѣніе особаго присутствія, были преступленія, предусмотрѣнныя ст. 266, 270 1 ч. 273, 282, 285, 309 и 311 улож. Изъ этихъ статей четыре (266, 270, 309 и 311) угрожаютъ уголовными наказаніями, а остальныя—исправительными, соединенными съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, при чемъ только двѣ (4 ч. 266 и 271) предоставляютъ суду выборъ между такимъ наказаніемъ и не соединеннымъ съ потерею правъ. Такова норма отвѣтственности; слѣдующія цифры показываютъ, въ какой степени ей соотвѣтствуетъ отвѣтственность дѣйствительная, опредѣленная приговорами особыхъ присутствій. Изъ числа 77 осужденныхъ Петербургскимъ и 108 осужденныхъ Харьковскимъ присутствіями приговорены: въ каторжныя работы—ни одного, къ ссылкѣ на поселеніе: въ Петербургѣ — ни одного, въ Харьковѣ — 15,7%; въ исправительное арестантское отдѣленіе и рабочій домъ: въ Петербургѣ 6,4%, въ Харьковѣ 5,5%; въ Петербургѣ въ смирительный домъ и въ тюрьму по 29,5%, въ Харьковѣ въ тюрьму, какъ къ самостоятельному наказанію и взамѣнъ смирительнаго дома 20,3%; къ аресту: въ Петербургѣ 22%, въ Харьковѣ 46,2%; къ денежнымъ взысканіямъ: въ Петербургѣ 9%, въ Харьковѣ 11,1%, при чемъ въ Петербургѣ эти взысканія колебались между 15 и 75, а въ Харьковѣ между 3 и 100 рублями. Къ лишенію или ограниченію правъ состоянія, этому существенному и единственному условію новой подсудности, Петербургскимъ присутствіемъ приговорено, какъ уже было сказано, только 12%, а Харьковскимъ только 21,2%. Наконецъ, въ одномъ случаѣ, Петербургское особое присутствіе, обвинивъ 3 подсудимыхъ, преданныхъ его суду по 271 ст. улож., постановило ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о совершенномъ ихъ помилованіи, которое и было даровано Монаршею властью. Смыслъ этихъ выводовъ говоритъ самъ за

себя; особый судъ, учрежденный главнымъ образомъ для обезпеченія болѣе правильной и строгой, чѣмъ прежняя, наказуемости преступленій, подвергающихъ по закону важнѣйшимъ уголовнымъ карамъ, опредѣляетъ въ Петербургѣ болѣе 90%, а въ Харьковѣ болѣе 77% такихъ легкихъ наказаній, которыя, относясь къ самымъ низшимъ ступенямъ уголовной лѣстницы, не выходятъ изъ предѣловъ не только подсудности окружного суда безъ участія присяжныхъ, но даже и изъ границъ мировой юрисдикціи. Приведенные 90% незначительныхъ наказаній заставляютъ забыть 24% умножившихся въ Петербургскомъ округѣ обвинительныхъ приговоровъ и убѣдительно доказываютъ, что новый органъ суда надъ преступленіями противъ порядка управленія относится къ предмету своей юрисдикціи отнюдь не строже и не „обвинительнѣе“, если позволительно такъ выразиться, суда присяжныхъ.

Можно до нѣкоторой степени прослѣдить и самый процессъ появленія упомянутыхъ мягкихъ приговоровъ, которые, очевидно, не могутъ быть вполнѣ объяснены однимъ примѣненіемъ законнаго, очень широкаго права суда смягчать наказаніе. Изъ сопоставленія квалификаціи преступленій въ обвинительныхъ актахъ, т.-е. при преданіи суду, съ квалификаціей ихъ же въ приговорахъ, при осужденіи, видно, что по всестороннемъ разъясненіи дѣла на судебномъ слѣдствіи первоначальное, болѣе тяжкое обвиненіе часто переходило въ болѣе легкое. Петербургское особое присутствіе дало 26,4% обвинительныхъ приговоровъ по такому измѣненному, слабѣйшему обвиненію; Харьковское 44,3% тѣхъ же приговоровъ; при чемъ тяжесть предъявленнаго обвиненія была обратно пропорціональна количеству случаевъ его признанія, т.-е. чѣмъ тяжелѣе было первоначальное обвиненіе, тѣмъ менѣе было построенныхъ на немъ обвинительныхъ приговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ двухъ обвиненій по 266 ст. улож. Петербургскимъ особымъ присутствіемъ не признано ни одного; имъ же изъ 4 обвиненій по 270 ст. улож. признано одно; изъ 8 обвиненій по 271 ст. улож. признано 5; изъ 31 обвиненія по 285 ст. улож. не признано 9; четыре первоначальныя обвиненія по 285

ст. улож., т.-е. въ оскорбленіи на словахъ, перешли въ обвиненіе по 2 ч. 286 ст. улож., т.-е. въ оскорбленіи на словахъ въ пьянствѣ или одними неприличными выраженіями; наконецъ, два первоначальныя обвиненія перешли въ обвиненіе по уставу о наказ., налаг. мир. суд., въ оскорбленіи низшихъ полицейскихъ чиновъ и въ буйствѣ въ публичномъ мѣстѣ. Еще рѣзче то же явленіе въ Харьковскомъ округѣ: изъ 11 обвиненій по 270 ст. улож. признано только 2; изъ 9 обвиненій по 272 ст. улож. и 1 ч. 273 ст. признано также 2; изъ 25 обвиненій по 285 ст. улож. признано только 10, т.-е. менѣе половины. Приведенныя свѣдѣнія о практикѣ особыхъ присутствій, хотя бы только двухъ, но дѣйствовавшихъ въ весьма важныхъ и обширныхъ раіонахъ, необходимо сблизить со всѣми тѣми чертами практики суда присяжныхъ по тѣмъ же преступленіямъ, которыя хотя и не укладываются въ статистическія рамки, но хорошо извѣстны каждому судебному дѣятелю, имѣвшему возможность наблюдать отправленіе правосудія въ этомъ судѣ. Кто, напримѣръ, не знаетъ, что множество оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ объясняется тѣмъ, что, въ силу нѣкоторыхъ весьма неудобныхъ условій нашего присяжнаго судопроизводства, представители общественной совѣсти находятся въ законномъ невѣдѣніи о наказаніи, ожидающемъ подсудимаго, въ случаѣ признанія его виновнымъ; на дѣлѣ это неисполнимое, логически и нравственно невозможное невѣдѣніе становится фиктивнымъ и иногда переходитъ въ плачевное заблужденіе, которое заставляетъ присяжныхъ прибѣгнуть къ оправдательному приговору для того, чтобы избавить подсудимаго отъ наказанія, представляющагося имъ незаслуженно и неизбѣжно сильнымъ и строгимъ. Присяжные твердо знаютъ и твердо помнятъ одно, что суду ихъ предаются только преступленія важнѣйшія и, слѣдовательно, тягчайшія по послѣдствіямъ, сопротивленіе же, особенно еще вооруженное и насильственное, звучитъ грозно и страшно; въ воображеніи обывателя-присяжнаго встаетъ каторга, Сибирь, лишеніе всѣхъ правъ состоянія—а въ результатѣ полное оправданіе, котораго, по всей вѣроятности, не послѣдовало бы, если бы отъ присяжныхъ тщательно не скрывалось, что за

совокупное вооруженное сопротивленіе властямъ (ст. 270) можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, вмѣсто каторги, назначено и заключеніе въ арестантское отдѣленіе на 1½ года (4 степ. 31 ст. улож.), а за сопротивленіе невооруженное, но насильственное (ст. 271) — даже краткосрочное двухмѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ. Мнѣ лично пришлось слышать отъ присяжныхъ, вынесшихъ оправдательный вердиктъ вполнѣ уличенному, но очень жалкому и совсѣмъ не опасному ослушнику власти, пустившему въ дѣло колъ,—это традиціонное орудіе сопротивленія,—въ высшей степени характерное сужденіе о томъ, что они, присяжные, живо сознавали необходимость поучить немножко „озорника", да побоялись каторги. Въ дѣлахъ объ оскорбленіи дѣйствіемъ должностныхъ лицъ, въ случаѣ выясненія на судѣ неправильныхъ дѣйствій этихъ послѣднихъ или того, что они сами подали поводъ къ оскорбленію, присяжнымъ бывало весьма трудно отрѣшиться отъ мысли, что оскорбленіе это есть личное дѣло, личные счеты между оскорбителемъ и увлекшимся или неправымъ чиновникомъ и что ихъ обвинительный вердиктъ можетъ наказать за эти счеты одну только сторону, и притомъ свыше мѣры содѣяннаго. Для особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословнымъ представителей такихъ затрудненій и недоразумѣній не существуетъ: законъ открытъ передъ судьями со всѣми его оттѣнками, переходами и выходами, отъ суда же зависитъ и безотчетное, на внутреннемъ убѣжденіи основанное установленіе фактической стороны, для подведенія ея подъ юридическія нормы—и особое присутствіе, широко пользуясь всею полнотою своихъ полномочій, дѣйствуетъ почти въ томъ же направленіи, что и присяжные. Тѣ оправдываютъ — оно отвергаетъ признакъ за признакомъ и понижаетъ наказаніе до возможнаго *minimum'a*. Одинаковые почти мотивы, но лишь разными путями, приводятъ къ одной и той же конечной цѣли всякаго справедливаго суда—къ отысканію матеріальной истины. Затѣмъ, ни присяжные, ни особое присутствіе не признаютъ тѣхъ огульныхъ, общихъ обвиненій, въ которые такъ часто вырождаются на судѣ первоначальныя, личныя и вполнѣ опредѣленныя обвиненія многихъ лицъ, въ одномъ совмѣстномъ

неповиновеніи властямъ. Бываетъ такъ: въ протоколахъ о происшествіяхъ и въ письменныхъ актахъ предварительнаго слѣдствія признано тождество лицъ и даны точныя указанія, служащія основаніемъ для преданія суду. На судѣ же, подъ вліяніемъ присяги, перекреснаго допроса, времени, забывчивости, все измѣняется: лица блѣднѣютъ или вовсе стушевываются, имена забываются или перепутываются, а въ результатѣ даже изъ достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній слагается та картина виновности не лицъ, а безличной толпы, которая исключаетъ всякую возможность строгаго обвинительнаго приговора.

Какъ бы то ни было, но, въ концѣ концовъ, качественное напряженіе репрессіи особыхъ присутствій по преступленіямъ противъ порядка управленія почти ничѣмъ не отличается отъ напряженія репрессіи по тѣмъ же дѣламъ суда присяжныхъ. Если же обѣ эти формы суда, несмотря на всю свою разнохарактерность, проявляютъ, въ сущности, одинаковое отношеніе къ одному и тому же предмету своей юрисдикціи, то и причины именно такого, а не другого отношенія должны быть у нихъ одинаковыя, общія и притомъ заключающіяся не въ собственныхъ ихъ органическихъ свойствахъ, а въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ слагается ихъ судейское убѣжденіе, въ особенныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ оно возникаетъ; другими словами, въ объективномъ характерѣ и особенностяхъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ. Эти условія, обстоятельства и особенности оказываются такъ вѣски и сильны, что вліяніе ихъ сглаживаетъ всѣ субъективныя различія между присяжнымъ, короннымъ судьею или сословнымъ представителемъ; они неотразимо дѣйствуютъ на *судью* вообще, кто бы онъ ни былъ и каково бы ни было его процессуальное положеніе, только бы онъ былъ судья добросовѣстный и безпристрастный. Не вдаваясь въ подробности, я укажу лишь на то, что, сколько мнѣ удавалось замѣтить, конкретные поводы, обусловливавшіе оправдательные или снисходительные приговоры какъ присяжныхъ, такъ и особыхъ присутствій по преступленіямъ противъ порядка управленія, сводятся къ 2 группамъ: *фактическимъ* и *юридическимъ*. Спѣшу оговориться: я

разумѣю здѣсь исключительно специфическіе, такъ сказать, поводы, свойственные только данному роду дѣлъ, и вовсе не касаюсь тѣхъ, которые у насъ обусловливаютъ оправдательные приговоры вообще.

Къ фактической группѣ относятся: 1) упомянутый уже полу-стихійный, полу-стадный характеръ многихъ происшествій, лишающій судъ возможности разобраться въ немъ и отличить дѣйствительно и лично-виновныхъ отъ случайныхъ и пассивныхъ участниковъ-очевидцевъ; 2) также упомянутая уже склонность низшихъ должностныхъ лицъ, являющихся по дѣлу фактически, если не юридически, потерпѣвшими, въ началѣ значительно преувеличивать размѣры и характеръ неповиновенія или оскорбленія, противъ нихъ направленнаго, и черезчуръ ревнивое или страстное отношеніе ихъ къ прерогативамъ своей власти, вслѣдствіе чего обстановка и сущность происшествія, при болѣе спокойномъ и всестороннемъ изслѣдованіи ихъ на судѣ, значительно измѣняются и иногда далеко не въ пользу обвиненія; 3) обнаруженіе на судѣ явно неправильныхъ дѣйствій тѣхъ же должностныхъ лицъ, если эти дѣйствія вызвали или обусловили преступленіе, которое въ такихъ случаяхъ является въ глазахъ судей самоуправнымъ, но добросовѣстнымъ протестомъ; особое присутствіе находитъ, въ такихъ случаяхъ, примиряющій выходъ въ сведеніи обвиненія къ болѣе умѣреннымъ размѣрамъ и, осуждая подсудимыхъ, налагаетъ на нихъ незначительныя взысканія; присяжные же, для которыхъ такой выходъ и неизвѣстенъ, и недоступенъ, выносятъ оправдательный вердиктъ; 4) не поддающаяся твердымъ опредѣленіямъ зависимость квалификаціи самаго факта, какъ сопротивленія или оскорбленія, отъ всей совокупности обстоятельствъ и тонкихъ оттѣнковъ даннаго дѣла, неуловимыхъ для посторонняго взгляда и ясныхъ только совѣсти судьи, призваннаго рѣшить судьбу подсудимаго.

Что же касается до второй, *юридической группы*, то, само собою разумѣется, принадлежащіе къ ней поводы касаются суда присяжныхъ лишь настолько, насколько присяжные разрѣшаютъ своими вердиктами извѣстные юридическіе вопросы

о существенныхъ признакахъ преступленія, напр., о совокупности дѣйствій, о вооруженіи и т. д. Въ составъ этой группы входитъ: 1) просторъ въ выборѣ наказаній, предоставляемый нѣкоторыми статьями уложенія, позволяющими принять за норму одинъ изъ низшихъ родовъ наказанія или низшую степень низшаго рода, затѣмъ понизить его еще на двѣ степени и такимъ образомъ дойти до простого ареста. Примѣръ этого представляетъ сопротивленіе одного лица, невооруженнаго, но совершившаго насиліе, предусмотрѣнное ст. 271 улож. и особенно часто бывающее предметомъ обвиненія; 2) неудовлетворительность, сбивчивость, неясность и неполнота системы и редакціи соотвѣтствующихъ статей уложенія; такъ, напр., а) термины: возстаніе, сопротивленіе, противодѣйствіе и неповиновеніе употребляются въ немъ безразлично, одно вмѣсто другого, безъ обозначенія сущности и признаковъ каждаго (заглавіе главы I разд. IV, ст. 263, 264, 267, 270, 271, 273 улож.), но при совершенно различныхъ условіяхъ наказуемости; б) такіе особо увеличивающіе вину признаки, какъ вооруженіе, не имѣютъ точнаго опредѣленія и допускаютъ въ разныхъ случаяхъ разное толкованіе; въ одномъ случаѣ (ст. 263) оружіемъ должно быть признано всякое „орудіе“, а въ другомъ (ст. 270)—только орудіе холодное и огнестрѣльное; в) законъ предусматриваетъ и караетъ вооруженное и насильственное сопротивленіе одного, двухъ или трехъ лицъ, ограничивая его понятіемъ „немногихъ“ и вовсе умалчиваетъ о такомъ же, не квалифицированномъ безпорядкомъ и явнымъ характеромъ возстанія и насилія, случаѣ сопротивленія, оказаннаго многими лицами, чѣмъ побуждаетъ или, вопреки очевидному разуму и цѣли закона, считать его ненаказуемымъ, или не безъ труда подводить его по аналогіи подъ одну изъ неговорящихъ о немъ статей уложенія; г) понятіе объ оскорбленіи дѣйствіемъ является весьма растяжимымъ и шаткимъ, то допуская самое широкое его примѣненіе ко всѣмъ дѣйствіямъ, выражающимъ презрѣніе къ личности оскорбляемаго (рѣш. угол. касс. д-та 1873 г. № 545, 1877 г. № 67), то не придавая, вопреки указаніямъ и требованіямъ жизни, никакого уменьшающаго зна-

ченія совершенію этого преступленія безъ умысла, а по неразумію и невѣжеству или въ пьянствѣ, подобно тому, какъ это сдѣлано закономъ для оскорбленія на словахъ. Совѣсть судей естественно и правильно толкуетъ сомнѣнія и противорѣчія смысла закона въ пользу подсудимыхъ и, слѣдовательно, не въ пользу репрессивной строгости. 3) Большинство дѣлъ о доказанныхъ преступленіяхъ противъ порядка управленія представляетъ наличность многихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ, даже по тому неполному и узкому перечню ихъ, который сдѣланъ въ ст. 134 улож. Такъ, въ рѣдкомъ подобномъ дѣлѣ не найдется крайняго невѣжества (п. 4) темной и неграмотной крестьянской массы, неотдающей себѣ яснаго отчета въ своихъ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ и легко впадающей въ самыя печальныя заблужденія; сильнаго возбужденія (п. 5), произведеннаго иногда вполнѣ справедливыми и законными, но тѣмъ не менѣе весьма тяжкими должностными дѣйствіями, напр., описью или принудительною продажею имущества, личнымъ задержаніемъ; сильнаго раздраженія, вызваннаго неправильными поступками должностного лица (п. 5); вовлеченія въ преступленія приказаніями или примѣромъ людей, имѣющихъ власть (п. 6), напр., молодыхъ крестьянъ приказаніями и примѣрами отцовъ и стариковъ; добровольнаго прекращенія преступныхъ дѣйствій, напр., сопротивленія и неповиновенія и затѣмъ внезапнаго, иногда почти необъяснимаго перехода къ такому примирительному образу дѣйствій, въ виду котораго все происшествіе принимаетъ характеръ какого-то страннаго недоразумѣнія, чуть не шутки (п. 8 и 9). 4) Въ частности вотъ нѣкоторые юридическіе выводы, которые являются наиболѣе частыми основаніями особенно снисходительныхъ приговоровъ: 1) при обвиненіи по ст. 270 улож. непризнаніе совмѣстности, совокупности дѣйствій сопротивлявшихся, чаще всего на самомъ дѣлѣ дѣйствующихъ случайно, въ разбродъ, каждый на свой собственный страхъ; 2) отрицаніе значенія оружія за такими попавшимися подъ руку орудіями сопротивленія и насилія, какъ колъ, выхваченный изъ изгороди, палка, употребляемая для ходьбы и разные другіе домашніе и хозяйственные предметы; 3) при обви-

неніи по ст. 272 улож. отрицаніе необходимой причинной связи между угрозами ослушника и остановкою въ служебныхъ дѣйствіяхъ должностного лица; 4) при обвиненіи по ст. 285 улож. отрицаніе въ поступкѣ обвиняемаго умысла выразить неуваженіе. презрѣніе къ личности, *animus injuriandi*; 5) при обвиненіи въ сопротивленіи, оказанномъ одновременно высшимъ и низшимъ исполнительнымъ полицейскимъ чинамъ, отрицаніе того, что противодѣйствіе направлялось именно противъ первыхъ, и вслѣдствіе этого примѣненіе къ дѣлу только 30 и 31 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., и 6) сведеніе пассивнаго неповиновенія властямъ къ 29 ст. мир. уст. (неисполненію законныхъ требованій), а буйныхъ поступковъ къ ст. 38 того же устава.

Приведенныхъ замѣчаній, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы придти къ заключенію о внутреннемъ, качественномъ тождествѣ въ характерѣ и направленіи дѣятельности обѣихъ юрисдикцій по преступленіямъ противъ порядка управленія, старой и новой, и о безсиліи этой послѣдней, т.-е. особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, ощутительно и круто поднять и усилить уголовную репрессію этихъ преступленій. Слабость ея не зависитъ отъ организаціи суда и весьма мало отъ догмы или практики процесса; она едва ли есть даже слабость, а лишь обязательное для всякаго суда посильное соглашеніе формальныхъ требованій закона и отвлеченныхъ публичныхъ интересовъ съ матеріальными требованіями жизненной правды и интересами личной, легальной свободы. Юристъ, какъ бы онъ ни былъ глубоко погруженъ въ технику своего дѣла, не найдетъ въ себѣ ничего, кромѣ сочувствія суду, который не руководствуется въ своемъ правосудіи правиломъ *fiat justitia, pereat mundus* и тщательно избѣгаетъ такихъ приговоровъ, въ которыхъ *summum jus* можетъ привести и къ *summa injuria*. Но если такъ поступаетъ новая юрисдикція особаго присутствія судебной палаты, то не забудемъ, что въ этомъ она идетъ только по стопамъ прежней, суда присяжныхъ.

Въ заключеніе, я хотѣлъ бы отмѣтить нѣкоторыя особенно выдающіяся черты, которыми порядокъ, введенный закономъ

9 мая 1878 г. отличается—и не особенно выгодно—отъ прежняго порядка судопроизводства.

Сопоставляя между собою особое присутствіе судебной палаты съ судомъ присяжныхъ, какъ съ тѣмъ институтомъ, который оно замѣнило, не нужно упускать изъ виду, что тождественный характеръ ихъ дѣятельности слѣдуетъ приписывать единственно особеннымъ, столь исключительнымъ и могучимъ условіямъ, что они вынуждаютъ два разныхъ органа къ одинаковому образу дѣйствій. Органы же эти въ сущности такъ различны, что могутъ быть даже противопоставлены другъ другу. Это—коронные судьи, судъ техниковъ юристовъ, противопоставленный суду гражданъ, представителей общественной совѣсти. А присоединяемые къ присутствію палаты сословные представители?—уже слышу я возраженіе! Ограниченная, сравнительно весьма небольшая практика этихъ своеобразныхъ русскихъ шеффеновъ скрывается тайною совѣщательной комнаты и даетъ весьма скудныя данныя для оцѣнки ихъ роли и процессуальнаго значенія. Но нѣсколько нижеслѣдующихъ замѣчаній позволяютъ, пока противное не будетъ доказано, считать судъ, въ составѣ котораго они находятся, все-таки судомъ коронным и думать, что представляемое ими общественное, не юридическое начало, то, что нѣмцы называютъ Laienelement, всецѣло поглощается преобладаніемъ противоположныхъ свойствъ, элемента юридическаго и техническаго. Трудно допустить, чтобы это было иначе, такъ какъ 1) сословные представители, хотя и являются дѣятелями общественными и притомъ избранными самимъ обществомъ, но все же состоятъ на государственной службѣ и по существу обязанностей, на нихъ лежащихъ, по своимъ должностямъ, даже являются отчасти органами правительственными (напр., предводитель дворянства, предсѣдательствующій въ разныхъ административныхъ присутствіяхъ; волостной старшина, отправляющій чисто полицейскія функціи), это не можетъ не сближать ихъ съ коронными судьями—членами палаты, и легко сплочиваетъ тѣхъ и другихъ въ одну коллегію, однообразную по характеру и составу. 2) Въ этой коллегіи всевозможное превосходство и преобладаніе, и количественное, и нравственное,

и умственное, должно быть и всегда будетъ на сторонѣ коронныхъ судей. Четыре, обязательно засѣдающихъ въ особомъ присутствіи, члена палаты, съ пятымъ, старшимъ предсѣдателемъ во главѣ, составляютъ законное большинство, мнѣніемъ котораго дѣло можетъ рѣшиться несогласно даже съ единогласнымъ мнѣніемъ четырехъ сословныхъ представителей. Еще важнѣе тотъ несомнѣнный нравственный и умственный авторитетъ, который члены присутствія — юристы, знающіе и законы, и данное дѣло, не могутъ не имѣть передъ непосвященными, случайными членами — сословными представителями. Послѣдніе естественно, и притомъ невольно и незамѣтно, могутъ подчиняться мнѣнію первыхъ, довѣряясь ихъ знанію и опытности и устраняя всякія свои сомнѣнія путемъ обмѣна мыслей и полученныхъ разъясненій. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и ненормальнаго, потому что въ дѣлѣ, значительная часть котораго касается спеціальной области и спеціальныхъ свѣдѣній, не спеціалисту всегда свойственно прибѣгать къ помощи и авторитету спеціалиста, вмѣстѣ съ нимъ это дѣло обсуждающаго и рѣшающаго. Отъ помощи же и авторитета недалеко и до полнаго первенства. 3) На дѣйствительное существованіе такого пассивнаго положенія сословныхъ представителей даетъ косвенныя указанія и самая практика, а именно: судебное слѣдствіе въ засѣданіяхъ особаго присутствія происходитъ обыкновенно безъ всякаго участія или при самомъ незначительномъ участіи этихъ представителей общественнаго элемента. Не предлагая вопросовъ свидѣтелямъ, они, вѣроятно, предоставляютъ разъясненіе дѣла предсѣдателю, членамъ палаты и сторонамъ. Если же такіе вопросы изрѣдка и предлагаются, то они обыкновенно исходятъ отъ губернскаго предводителя, рѣже отъ уѣзднаго предводителя и городского головы и никогда отъ волостного старшины, который, повидимому, до послѣдняго рѣшительнаго момента отобранія голосовъ играетъ роль „лица безъ рѣчей“. 4) Всѣ извѣстные мнѣ приговоры особыхъ присутствій были постановлены по единогласію сословныхъ представителей съ большинствомъ судей, безъ всякихъ слѣдовъ особыхъ мнѣній представителей по вопросамъ какъ о виновности,

такъ и о наказаніи. Правда, достиженіе единогласія составляетъ конечную и лучшую цѣль судебныхъ совѣщаній, но съ другой стороны и полное отсутствіе случаевъ разногласія, сдѣлавшееся общимъ и неизмѣннымъ правиломъ, не указываетъ на особенную самостоятельность и твердость мнѣній. Само собою разумѣется, что нѣтъ никакого основанія отрицать всякое практическое значеніе голоса и участія сословныхъ представителей, въ составѣ судейской коллегіи особаго присутствія, но мнѣ думается, что этотъ голосъ и это участіе, въ дѣйствительности, носятъ характеръ гораздо болѣе *совѣщательный*, чѣмъ *рѣшительный*.

Близость суда къ населенію и быстрота судебной процедуры—эти два капитальныя качества, необходимыя для успѣха всякой формы уголовнаго суда, свойственны новой подсудности преступленій противъ порядка управленія въ значительно меньшей степени, нежели прежней. Общія уголовныя обязанности судебной палаты, производство по обвинительной камерѣ, производство апелляціонное и функція надзора, требующія постоянныхъ регулярныхъ занятій въ самомъ мѣстопребываніи палаты, не позволяютъ ей организовать разсмотрѣніе дѣлъ по закону 9 мая 1878 г. такъ же просто и правильно, какъ они слушались и рѣшались прежде, между другими дѣлами, на періодическихъ сессіяхъ окружного суда. Затѣмъ возникаетъ вопросъ, гдѣ разсматривать эти дѣла, стекающіяся въ палату со всѣхъ губерній ея округа, въ мѣстѣ ли ея постояннаго пребыванія или, наоборотъ, въ самой мѣстности совершенія преступленія, т.-е. въ томъ же уѣздѣ или по крайней мѣрѣ въ той же губерніи? На практикѣ этотъ вопросъ рѣшается весьма разнообразно: сколько мнѣ извѣстно, палаты Одесская и Саратовская постоянно выѣзжаютъ на сессію въ города своего округа; Петербургская также нерѣдко совершаетъ выѣзды, и за всѣ $2^1/_2$ года совершила ихъ 6; Харьковская же прибѣгаетъ къ нимъ рѣже и, несмотря на свой большой территоріальный районъ, выѣзжала только всего 3 раза; Московская судебная палата пока не выѣзжаетъ вовсе и всѣ многочисленныя дѣла по закону 9 мая 1878 г., возникающія въ предѣлахъ 10 губерній, входящихъ въ составъ

ея округа, разсматриваются въ Москвѣ. И то, и другое представляетъ большія невыгоды и неудобства. Частые выѣзды въ пяти-членномъ составѣ судей, обязательномъ для особаго присутствія, при лицѣ прокурорскаго надзора, секретарѣ и судебномъ приставѣ, всего въ числѣ восьми человѣкъ, обходятся казнѣ, особенно при большихъ разстояніяхъ, весьма дорого, при чемъ расходъ не окупается, какъ мы уже видѣли, значеніемъ дѣлъ и приговоровъ. Кромѣ того, надолго отвлекая весь или большую часть состава уголовнаго департамента палаты отъ его ординарныхъ текущихъ занятій, эти выѣзды неизбѣжно замедляютъ движеніе дѣлъ общаго порядка, и въ томъ числѣ арестантскихъ, ждущихъ опредѣленія обвинительной камеры. Разсмотрѣніе же дѣлъ въ самомъ мѣстопребываніи округа: 1) требуя явки подсудимыхъ и свидѣтелей, иногда за многія сотни верстъ, по дурнымъ дорогамъ и въ неудобное время года, крайне затрудняетъ и стѣсняетъ этихъ лицъ, отрывая ихъ отъ семьи, дома, заработка, вводитъ въ убытки и нерѣдко трудно выполнимыя, немедленныя затраты на дорогу; 2) также требуетъ отъ казны большихъ расходовъ на вознагражденіе свидѣтелей за путевыя издержки; 3) учащаетъ случаи неявки подсудимыхъ и свидѣтелей и тѣмъ или влечетъ отсрочку засѣданія, или лишнее, и въ данныхъ дѣлахъ особенно нежелательное, ограниченіе устности процесса прочтеніемъ показаній неявившихся, и 4) отнимаетъ у суда и приговора согласный съ мыслью законодателя характеръ такихъ актовъ правосудія, которые, для вполнѣ успѣшнаго и благотворнаго своего осуществленія, должны совершаться въ самой мѣстности преступленія, въ непосредственной близости отъ населенія, бывшаго его очевидцемъ. Колеблясь между обѣими группами неудобствъ, нѣкоторыя палаты выбираютъ средній путь, т.-е. то выѣзжаютъ, то переносятъ дѣла для слушанія изъ одной мѣстности въ другую, въ городъ своего постояннаго или временнаго пребыванія. Это, однакоже, не можетъ особенно ускорить движеніе дѣлъ и поэтому промежутки въ 2—4 мѣсяца между поступленіемъ дѣла въ палату и днемъ судебнаго засѣданія не представляютъ ничего исключительнаго.

Судъ близкій и доступный для населенія долженъ быть и дешевъ какъ для него, такъ и для государства. Между тѣмъ, дороговизна составляетъ одинъ изъ наличныхъ недостатковъ суда особыхъ присутствій. Для выѣздовъ ли состава палаты, для вознагражденія ли свидѣтелей, онъ обходится казнѣ не дешево, и во всякомъ случаѣ гораздо дороже разсмотрѣнія дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія въ прежней ихъ подсудности. Такъ, при разсмотрѣніи Петербургскимъ особымъ присутствіемъ, въ ноябрѣ 1879 года, десяти дѣлъ въ Новгородѣ, свидѣтелямъ пришлось выдать 520 руб. 17 коп., и при разсмотрѣніи имъ же, въ августѣ 1880 г., пяти дѣлъ въ Петербургѣ, вызовъ свидѣтелей обошелся въ 600 рублей. Три выѣзда Харьковскаго особаго присутствія стоили (не считая отдѣльныхъ, неизвѣстныхъ судебному вѣдомству путевыхъ издержекъ сословныхъ представителей) около 6 т. руб. (5.945 руб. 16 к.); шесть выѣздовъ Петербургскаго особаго присутствія слишкомъ 4 т. рублей (4.183 руб. 97 коп.). Всего же, за $2^1/_2$ года, судебныя издержки Харьковскаго особаго присутствія составили 11.597 руб. 37 коп. или среднимъ числомъ каждое разсмотрѣнное дѣло обошлось въ 143 руб. 21 коп.; засѣданія же Петербургскаго особаго присутствія стоили всего 6.837 руб. 19 коп., или среднимъ числомъ каждое дѣло немного болѣе 120 руб.

Наконецъ—и это будетъ заключительнымъ замѣчаніемъ о разсматриваемой особой подсудности — нельзя оставить безъ всякаго вниманія внѣшнюю обстановку дѣятельности особаго присутствія, учрежденнаго закономъ 9 мая 1878 г., и внѣшнее дѣйствіе его приговоровъ. Для юриста не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ элементарная аксіома, та истина, что отправленіе правосудія, которое, по изреченію стараго французскаго процессуалиста Эро, есть не что иное, какъ совокупность формъ и формальностей (n'est autre chose, que formalité) [1]), должно быть обставлено этими внѣшними формами и торжественностью, сообщающими ей, даже съ перваго

[1]) Ayrault L'ordre, formalité et instruction judiciaire

взгляда, внушительность и авторитетность. Но едва ли также можно сомнѣваться и въ томъ, что эти формы и эта торжественность должны быть соразмѣрны съ важностью предмета, для того, чтобы въ противномъ случаѣ не было напраснаго подъема и излишней траты силъ. Судъ не механическое орудіе, но и въ большихъ, хорошо организованныхъ механическихъ кузницахъ огромные машинные молоты, могущіе одинаково цѣлесообразно расплющить съ страшною силой огромныя массы желѣза и осторожно расколоть маленькій орѣшекъ, устраиваются и дѣйствуютъ только ради первой цѣли и лишь между прочимъ, на всякій случай, приспособляются и ко второй. Въ засѣданіяхъ особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, по дѣламъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, нерѣдко сказываются признаки именно такого излишняго подъема судебныхъ силъ, несоотвѣтствующаго объекту. Къ тому, что уже было сказано по поводу обыденнаго, ничѣмъ невыдающагося характера большинства этихъ дѣлъ, я прибавлю немногое. Все въ организаціи института особыхъ присутствій, и высокопоставленное судилище, и чрезвычайный 9-ти-членный составъ его и участіе въ немъ первенствующихъ представителей мѣстныхъ сословій, и пребываніе присутствія въ столицѣ, большомъ административномъ центрѣ или торжественный выѣздъ въ провинцію,—все дѣйствительно проникнуто торжественностью и авторитетностью внѣшнихъ прерогативъ высшей судебной власти. Но за-то еще малозначительнѣе—и да простится мнѣ нѣсколько банальное выраженіе—еще мизернѣе кажутся обыкновенные объекты воздѣйствія этой власти. Трудно считать цѣлесообразнымъ и удобнымъ такое положеніе вещей, при которомъ на скамьѣ подсудимыхъ, передъ величественной коллегіей особаго присутствія, появляется женщина, отнимавшая у судебнаго пристава подлежавшую описи курицу или корову, оборванный пьяница, толкнувшій полицейскаго чиновника при отправленіи въ полицію для вытрезвленія, арестантъ, не согласившійся идти за буйство въ карцеръ, по распоряженію тюремнаго смотрителя, и отбивавшійся руками отъ стражи, крестьяне, недопустившіе чиновника до производства

взысканія или свое же собственное, крестьянское волостное начальство,—до сломки неправильно возведеннаго строенія. Невольно возникаетъ мысль о томъ, что все это не стоитъ такъ много вниманія и хлопотъ и, пока еще не измѣнена наказуемость, само напрашивается на оставленіе въ вѣдѣніи того общаго и нормальнаго суда общественной совѣсти, который такъ устроенъ дружною работою исторіи, науки и практики, что одинаково, безъ неудобствъ, противорѣчій и диссонансовъ, годится для репрессіи и тягчайшихъ, важнѣйшихъ человѣческихъ преступленій, и простыхъ, неправильныхъ проявленій недисциплинированной человѣческой воли.

Таковы выяснившіяся на практикѣ главнѣйшія черты и особенности новой подсудности дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, установленной закономъ 9 мая 1878 года. При оцѣнкѣ ея нужно помнить, что на точномъ основаніи самого закона, она есть подсудность не постоянная и нормальная, а только временная и, слѣдовательно, подлежащая отмѣнѣ по наступленіи новыхъ, лучшихъ, сравнительно съ вызвавшими ее, условій и причинъ.

О СУДЕБНОЙ СЛУЖБѢ [1]).

Бесѣды съ кандидатами на судебныя должности.

(1886 г.).

> Est igitur proprium munus magistratus intelligere se gerere personam civitatis, debereque eius dignitatem et decus sustinere, servare leges, jura describere, ea fidei suae commissa meminisse
> *Cicero* De officus, I. 34.

I.

Каждый честный и здравомыслящій человѣкъ, избирая свой жизненный путь, долженъ отдать себѣ ясный отчетъ, почему онъ дѣлаетъ тотъ или другой выборъ, чего потребуетъ отъ него избранное поприще и что̀ самъ онъ ему принесетъ. Безъ полнаго пониманія главнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, началъ и условій будущей дѣятельности, безъ сознательнаго къ ней отношенія, она сведется къ случайному ремеслу; исполнять принятое на себя дѣло безъ всякой къ нему склонности или призванія, значитъ обрекать свои силы на скучный и неблагодарный трудъ тянуть лямку нескончаемую и тяжелую. Эта неизмѣнная черта всякой работы, соединенной съ умственнымъ и нравственнымъ напряженіемъ, неизбѣжно проявляется и въ службѣ по судебному вѣдомству. Изъ году въ годъ множество молодежи стремится къ высшему юридическому образованію и затѣмъ, окончивъ его, вступаетъ на судебную службу, но многіе ли могутъ, положа руку на сердце, сказать: „я знаю, что̀ побудило меня

[1]) Юридическій Вѣстникъ 1886 г., №№ 9 и 10.

выбрать именно эту дорогу, я знаю и вижу, что̀ меня встрѣтитъ на ней, и добросовѣстно надѣюсь именно здѣсь быть полезнымъ родинѣ и ближнимъ"? Нѣтъ, окружающая дѣйствительность не въ состояніи дать такого утѣшительнаго отвѣта, а скорѣе заставляетъ признать, что среди насъ больше чиновниковъ судебнаго вѣдомства, ремесленниковъ судебной профессіи, даже дилетантовъ судебнаго дѣла, чѣмъ настоящихъ судебныхъ дѣятелей. Многіе изъ насъ служатъ и дѣйствуютъ иногда сами не зная зачѣмъ, какъ придется, случайно и машинально, не проникаясь животворнымъ духомъ нашего дѣла, не чувствуя къ нему любви или даже просто охоты и потому мало заботясь о томъ, что̀ выйдетъ изъ нашей дѣятельности. А между тѣмъ великое дѣло правосудія требуетъ, кромѣ спеціальныхъ познаній и опытности, еще ревностнаго и сознательнаго ему служенія, которое, въ свою очередь, немыслимо безъ яснаго и чуткаго разумѣнія, крѣпкой воли, развитого чувства правды, твердыхъ принциповъ и стойкихъ убѣжденій. Творить судъ „по указу Императорскаго Величества", т.-е. по закону и справедливости, или въ какомъ бы то ни было качествѣ въ этомъ участвовать не означаетъ только писать бумаги, произносить рѣчи, присутствовать въ судебной камерѣ или вообще отправлять извѣстныя служебно-судебныя повинности. Это нѣчто по внутренней своей сущности гораздо болѣе высокое, серьезное, трудное, налагающее священный долгъ, ставящее возвышенныя задачи. Не мало правъ надъ общежитіемъ и согражданами даетъ судебная служба тѣмъ, кто себя ей посвящаетъ, но не менѣе съ нихъ и спрашивается, и въ соотвѣтствіи съ правами они несутъ и большія, важныя обязанности. Формальное содержаніе тѣхъ и другихъ изложено въ законахъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, а усвоеніе этого содержанія въ его началахъ, системѣ и частности совершается посредствомъ практики, но оно будетъ блѣдно и безжизненно, если для начинающаго судебнаго дѣятеля не выяснятся внутренній смыслъ, истинный характеръ и общія очертанія предстоящей ему дѣятельности. Съ ней важно познакомиться заблаговременно, въ ожиданіи уроковъ опыта, на самомъ порогѣ житейской борьбы, въ разгарѣ которой уже не

всегда возможно задаваться отвлеченно-профессіональными вопросами. Такому ознакомленію можетъ содѣйствовать вѣрное и наглядное, хотя бы даже самое общее и бѣглое, представленіе о судебной службѣ и судебныхъ должностяхъ.

Судебная служба, какъ и всякая другая, состоитъ изъ цѣлесообразнаго исполненія сложнаго строя обязанностей, для чего исполнителю и вручаются всѣ необходимыя средства или права. Они логическими послѣдствіями вытекаютъ изъ обязанностей, въ которыхъ заключается вся суть, все назначеніе судебной службы. Судебные органы учреждены и поставлены не для того, чтобы пользоваться своими правами, а для того, чтобы съ ихъ помощью нести обязанности. Дѣйствіе ex officio, т.-е. формально и нравственно обязательное, есть существенное свойство государственной службы вообще, а въ частности и по судебному вѣдомству. Такъ, слѣдователь обязанъ изслѣдовать преступленіе и обнаружить виновнаго, прокуроръ—преслѣдовать этого послѣдняго передъ судомъ, судья—установить заслуженную имъ мѣру законной отвѣтственности, и лишь какъ средствомъ исполнить перечисленныя обязанности слѣдователь облеченъ правомъ допрашивать, обыскивать, осматривать, лишать свободы, прокуроръ—возбуждать и направлять преслѣдованіе, судья—рѣшать судебные споры, опредѣлять вину или невиновность, налагать наказаніе. Кромѣ власти производить, въ исполненіе служебнаго долга, извѣстныя дѣйствія, въ составъ служебныхъ правъ входятъ еще личныя, внѣшнія преимущества служащихъ, устанавливающія ихъ общественное, іерархическое и матеріальное положеніе. Но и эти преимущества имѣютъ свой источникъ въ обязанностяхъ: все, чѣмъ служащій отличается отъ простого обывателя и даже надъ нимъ возвышается, предоставляется ему единственно для того, чтобы онъ имѣлъ возможность въ кругѣ своего служебнаго вѣдѣнія работать на общее благо, въ объемъ котораго входитъ и огражденіе законныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ.

Если на государственную службу взглянуть съ указанной точки зрѣнія ея обязанностей, то въ системѣ ихъ можно отмѣтить двѣ стороны: общую и особенную. Къ послѣдней относятся

ученія о служебныхъ обязанностяхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, по конкретнымъ казусамъ или дѣламъ; первая же обнимаетъ собою сводъ профессіональныхъ обязанностей вообще вмѣстѣ со всею областью обусловленныхъ ими общихъ служебныхъ правъ и преимуществъ, принадлежащихъ дѣятелямъ даннаго вѣдомства или учрежденія. Правила этого рода весьма многообразны: одни изъ нихъ опредѣлительно выражены въ подлежащихъ узаконеніяхъ, другія коренятся въ освященныхъ временемъ профессіональныхъ или сословныхъ традиціяхъ. третьи, наконецъ, являясь нравственными предписаніями совѣсти и чести, должны быть написаны неизгладимыми чертами въ совѣсти и разумѣ самихъ дѣятелей, личное достоинство которыхъ зависитъ отъ соблюденія этихъ правилъ. Совокупность ихъ образуетъ общую дисциплину службы, не въ томъ узкомъ, техническомъ смыслѣ этого слова, въ которомъ принято обозначать имъ простое подчиненіе служащихъ начальству, а въ болѣе широкомъ, научномъ значеніи понятія о дисциплинѣ, которое по этимологическому происхожденію отъ латинскаго discere plena выражаетъ собою одновременно и глубокое изученіе, и точное выполненіе правилъ. По опредѣленію французскаго академическаго словаря, дисциплина есть „уставъ, порядокъ, правила дѣятельности и поведенія, распространяющіяся на всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ одному сословію или корпораціи“ [1]). Такимъ образомъ понимаемая служебная дисциплина представляетъ могучій рычагъ всякой отрасли государственной дѣятельности. Только при его правильномъ дѣйствіи можетъ быть рѣчь о стройномъ и дружномъ, а потому и неотразимомъ, стремленіи дисциплинированныхъ силъ къ единой цѣли. За-то когда рычагъ этотъ бездѣйствуетъ, механизмъ стоитъ или работаетъ вкривь и вкось, и вмѣсто государственнаго установленія, служебнаго сословія или профессіональной корпораціи, въ дѣйствительности получается безформенное и безпорядочное собраніе случайныхъ работниковъ. Въ каждомъ учрежденіи дисциплину можно также уподобить

---

[1]) „Réglement, ordre, règle commune à tout ceux, qui font partie d'un corps, d'un ordre“.

нервной системѣ въ живомъ организмѣ: крѣпкая и здоровая, она сообщаетъ ему необходимую чувствительность и воспріимчивость, поддерживаетъ правильное сотрудничество всѣхъ его органовъ и частей; наоборотъ, ослабленная, пошатнувшаяся, она ведетъ къ разстройству всѣхъ функцій, которыя уже не достигаютъ своихъ цѣлей и становятся лишь бременемъ какъ для самого организма, такъ и для окружающей его среды. Вотъ почему приглашеніе служащихъ въ какомъ-либо учрежденіи къ поддержанію между ними разумной дисциплины въ ея вышеприведенномъ смыслѣ знаменуетъ собою отнюдь не напрасное стѣсненіе тягостями, безъ которыхъ можно было бы и обойтись, а напротивъ того, живую заботливость о пользѣ дѣла, объ облегченіи и упорядоченіи его добросовѣстнаго исполненія. При подобномъ призывѣ къ внутреннему порядку умѣстно вспомнить благожелательныя слова Эразма Роттердамскаго, съ которыми великій гуманистъ-сатирикъ обратился къ своимъ читателямъ: admonere voluimus, non mordere, docere, sed non laedere.

II.

Судебная служба есть видъ или отрасль службы государственной, которая во всѣхъ своихъ сторонахъ и проявленіяхъ была издавна предметомъ особыхъ попеченій законодательства. „*Государева служба*“ служилыхъ людей, „*государевъ судъ*“, отправляемый „*по государеву указу*“ боярами и окольничими, думными людьми и дьяками, всякими приказными людьми и судьями“—эти основы русскаго государственнаго строя подробно опредѣляются еще въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (глава X, ст. 1). Впослѣдствіи, начиная съ Петра Великаго и до нашего времени, многіе законодательные акты первостепенной важности посвящались разъясненію и установленію какъ значенія, такъ и общихъ обязанностей государственной службы. Въ Сводѣ Законовъ совокупное содержаніе этихъ актовъ сведено къ тринадцати статьямъ тома III-го устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (ст. 712—724 т. III св. зак. изд. 1876 г.). На основаніи нынѣшняго текста этихъ статей

и въ связи съ ихъ источниками можно въ краткихъ чертахъ воспроизвести какъ бы кодексъ общихъ служебныхъ обязанностей по нашимъ законамъ, образовавшійся путемъ историческаго ихъ наслоенія.

Въ основаніи его лежитъ всѣмъ хорошо извѣстная присяга на вѣрность службѣ, установленная еще въ Генеральномъ регламентѣ Петра Великаго 28 февраля 1720 года и затѣмъ изложенная въ распространенномъ видѣ по закону 25 декабря 1825 года.

Далѣе опредѣляется отношеніе служащихъ къ закону: „*всякій служащій*“—постановляетъ ст. 715 уст. о сл., заимствованная изъ Петровскаго указа, изображеннаго и теперь на зерцалѣ—„*долженъ поставить себѣ въ непремѣнную обязанность вѣдать всѣ уставы и законы государственные и содержать ихъ въ ненарушимой сохранности, яко первый главный предметъ, отъ котораго зависитъ правое и благонамѣренное управленіе всѣхъ дѣлъ; законъ, запрещающій всѣмъ вообще подданнымъ отговариваться невѣдѣніемъ законовъ, преимущественно подтверждается въ отношеніи къ лицамъ, служащимъ въ государственной службѣ*“. Затѣмъ предписывается соблюденіе законности всякаго служебнаго дѣйствія и, сообразно съ этимъ, возбраняется служебный произволъ: „*никто изъ служащихъ не долженъ простирать власти своей за предѣлы, назначенные ей закономъ*“ (ст. 717).

Перечисляя общія качества каждаго лица, состоящаго въ гражданской службѣ, и общія обязанности, которыя должны быть всегда „*зерцаломъ всѣхъ его поступковъ*“, законодатель указываетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ, который еще носитъ на себѣ нѣсколько метафизическій отпечатокъ екатерининскаго Устава Благочинія (8 апрѣля 1782 г.): 1) „*здравый разсудокъ*“, 2) „*добрая воля въ отправленіи порученнаго*“, 3) „*человѣколюбіе*“, 4) *вѣрность къ службѣ Его Императорскому Величеству*, 5) *усердіе къ общему добру*, 6) *радѣніе о должности*, 7) *честность, безкорыстіе и воздержаніе отъ взятокъ*; 8) *правый и равный судъ всякому состоянію*, 9) *покровительство невинному и скорбящему* (ст. 712). Нѣкоторыя части

этого перечня возвышенныхъ требованій и пожеланій находятъ себѣ и ближайшее поясненіе. Такъ, въ развитіе требованія о безпристрастіи служащихъ, законъ говоритъ: „*никто изъ служащихъ въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей не долженъ смотрѣть ни на какое лицо, ни на какія предложенія, а тѣмъ менѣе на партикулярныя письма, хотя бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ; но обязанъ исправлять свое дѣло по точной силѣ и словамъ законовъ*“ (ст. 718). Наученный долгимъ и тяжелымъ опытомъ видѣть въ „посулахъ“ и взяткахъ одно изъ главныхъ золъ русскаго должностного міра, законодатель настойчиво заботится о *безкорыстіи* служащихъ и неоднократно категорически подчеркиваетъ строжайшее запрещеніе укоренившагося въ Россіи лихоимства (ст. 712, 714); такъ, въ Уставѣ Благочинія Екатерины II (§ 41) коротко, но сильно указывается гибельное и преступное значеніе взятокъ, которыя „*ослѣпляютъ глаза и развращаютъ умъ и сердце, устамъ же налагаютъ узду*“. Точно такъ же подробно разъясняется требованіе отъ служащаго усердія и ревности къ службѣ; еще въ Петровскомъ главномъ регламентѣ было постановлено (гл. 25), что „*главная обязанность каждаго служащаго есть знать свое дѣло и исправлять оное вѣрно и прилежно*“ (ст. 723), а въ манифестѣ Екатерины II объ учрежденіяхъ для управленія губерній (7 ноября 1775 г.) говорится: „*да почтется въ людяхъ сихъ*“ —т.-е. служащихъ—*нагвящимъ стыдомъ лѣность, нерадѣніе и неприлежность къ порученному дѣлу, яко же и главнѣйшимъ поношеніемъ да будетъ упущеніе должности и нерадѣніе о части блага общаго имъ ввѣреннаго*“ (ст. 714).

Отъ вниманія законодателя не ускользаетъ и частная жизнь служащаго, насколько она должна быть согласована съ его публичною дѣятельностью. Въ главномъ регламентѣ Петръ Великій заботится о „*поведеніи и обхожденіи служащихъ*“ и вмѣняетъ начальникамъ въ обязанность побуждать своихъ подчиненныхъ „*къ добродѣтелямъ и похвальному любочестію*“ и удерживать ихъ отъ „*безбожнаго житія, пьянства, лжи и обмановъ*“ (ст. 723). Подтверждая это требованіе, Екатерина II въ томъ же вышеупомянутомъ манифестѣ своемъ присоединяетъ

къ нему еще и очевидно внушенное больными сторонами ея вѣка „*отвращеніе отъ праздная провожденія времени въ роскоши и иныхъ порокахъ, нравы развращающихъ*".

Въ заключеніе законъ обстоятельно и точно опредѣляетъ взаимныя отношенія между начальниками и подчиненными и вообще служащихъ другъ къ другу. Рекомендуя имъ, еще по мысли Петра Великаго (въ генеральномъ регламентѣ), „*пребывать между собою въ соединеніи и общимъ вѣрнымъ трудолюбіемъ и прилежною работою чинить другъ другу всякое къ службѣ Его Императорскаго Величества вспоможеніе*" (стр. 724), законъ обязываетъ подчиненнаго „*оказывать уваженіе къ предоставленному надъ нимъ старшему лицу подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго взысканія по законамъ, принимать отъ него приказанія и исполнять ихъ съ точностью*". не простирая, однакоже, такого безпрекословнаго повиновенія далѣе предѣловъ законности и соблюденія „*интереса Его Императорскаго Величества*" (стр. 719 и 721). При этомъ, какъ бы еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мѣстничества и для того, чтобы отогнать отъ современныхъ служащихъ самый призракъ этой язвы старой русской служебной жизни, законъ постановляетъ, что „*никто не можетъ себѣ вмѣнять въ предосужденіе, когда, бывъ старшій чиномъ въ порядкѣ службы и по распредѣленію должностей, подчиненъ будетъ младшему*", приказанія котораго онъ, старшій чиномъ подчиненный, „*въ семъ положеніи*", *долженъ исполнять* „*безъ всякаго прекаканія*" (ст. 720). На ряду съ установленіемъ строгой подчиненности низшихъ чиновъ высшимъ не обойдены молчаніемъ и обязанности послѣднихъ по отношенію къ первымъ, изложенныя въ законѣ въ томъ видимо ретроспективномъ духѣ, который невольно переноситъ къ патріархальнымъ служебнымъ правамъ прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія: „*лица начальствующія*"—гласитъ ст. 722 уст. о службѣ—„*неусыпно наблюдая за строгимъ и точнымъ исполненіемъ подчиненными должностей и дѣйствуя въ томъ законными средствами побужденія и взысканія, не должны, однакоже, отнюдь употреблять во зло данной имъ власти и не въ правѣ отягощать*

подчиненныхъ дѣлами, къ званію ихъ не принадлежащими, а тѣмъ болѣе позволять себѣ жестокое и неприличное съ ними обращеніе и всякіе поступки, противные законамъ и важности службы, подвергая ихъ отвѣтственности и наказаніямъ не иначе, какъ въ порядкѣ для сего установленномъ". Многія изъ вышеприведенныхъ законоположеній, вошедшихъ въ сводъ законовъ, изложены языкомъ уже устарѣвшимъ, съ длиннотами и разсужденіями, свойственными внѣшней формѣ прежняго законодательства; многія, не поддаваясь опредѣленной юридической санкціи, представляютъ собою скорѣе прекрасныя, соціально-этическія pia desideria, нежели точныя предписанія закона; многія, наконецъ, отзываются временами и нравами, давно минувшими,—но это не можетъ умалить или ослабить обязательнаго значенія и высокой поучительности этого общаго кодекса нашей служебной дисциплины. Выработанный историческимъ развитіемъ отечественнаго права, онъ, несмотря на свои архаизмы, дѣйствуетъ и понынѣ, представляя собою какъ бы *credo* служащаго, доступный и понятный каждому. Посвящающій себя государственной службѣ дѣятель найдетъ въ немъ то, что̀ нужно для общаго наставленія и руководства въ служебной дѣятельности. Въ своей сжатой, краткой сущности указанныя закономъ требованія и обязанности слагаются для русскаго служащаго человѣка въ такую повелительную формулу, которая должна и можетъ быть твердо и ясно усвоена умомъ и сердцемъ.

III.

Все, что̀ въ законахъ постановлено о государственной службѣ вообще, относится, конечно, и до судебной службы въ различныхъ званіяхъ и должностяхъ по судебному вѣдомству. Отличительныя черты и особенныя задачи этого послѣдняго не могли, однакоже, не отразиться и въ законодательствѣ. Объ обязанностяхъ суда, а слѣдовательно и служащихъ въ немъ, оно упоминаетъ отдѣльно въ весьма опредѣлительныхъ и сильныхъ выраженіяхъ. Еще въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича предписывается „*судити и расправу дѣлати по Государеву*

Указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлахъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавливати и не убавливати и ни въ чемъ не норовити, дѣлати всякіе Государевы дѣла, не стыдяся лицъ сильныхъ и избавляти обидящаго отъ руки неправеднаго“ (гл X, ст. 1). Въ дѣйствующей и теперь ст. 712 устава о службѣ гражданской, заимствованной цѣликомъ изъ Екатерининскаго Устава Благочинія, въ числѣ общихъ обязанностей служащихъ помѣщены и относящіяся прямо до судебнаго вѣдомства: „*правый и равный судъ всякому состоянію*“, а также „*покровительство невинному и скорбящему*“. Но всего важнѣе законодательныя опредѣленія новаго, ближайшаго къ намъ времени. Въ манифестѣ 19 февраля 1856 года по случаю восшествія на престолъ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, какъ одно изъ первыхъ Его желаній, возвѣщены были знаменитыя слова, которыя намъ слѣдуетъ, не употребляя всуе, помнить и поминать съ благоговѣніемъ: „*да правда и милость царствуютъ въ судахъ*“. Они явились провозвѣстниками судебныхъ уставовъ, которые были изданы, какъ сказано въ указѣ 20 ноября 1864 года, прежде всего для того, чтобы „*водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ*“, и для того также, чтобы „*возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго*“. Эти два великихъ изреченія начертаны на профессіональномъ знаменіи, врученномъ верховною властью новому судебному вѣдомству; оно не только должно высоко держать его, носить съ честью и достоинствомъ, но и обязано, подъ опасеніемъ измѣны своему долгу, передавать его изъ поколѣнія въ поколѣніе незапятнаннымъ и неповрежденнымъ. Что же касается до общихъ обязанностей каждаго отдѣльнаго лица, состоящаго на судебной службѣ, то онѣ особенно ясно формулированы въ присягѣ на должность судьи (прилож. къ ст. 225 учр. суд. устан.) — *хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссійскому, исполнять свято за-*

коны Имперіи, творить судъ по чистой совѣсти, безъ всякаго въ чью либо пользу лицепріятія, и поступать во всемъ соотвѣтственно принимаемому званію.

Наконецъ, судебный дѣятель не забудетъ никогда и то сильное простотою и краткостью выясненіе назначенія новой судебной службы, которое она получила изъ устъ самого создателя новаго суда: посѣтивъ 14 апрѣля 1866 года, т.-е. за три дня до открытія въ Петербургѣ новыхъ судебныхъ установленій, только-что отстроенное ихъ зданіе, Императоръ Александръ II обратился къ представленнымъ Ему судебнымъ чинамъ съ слѣдующими словами: „*Я надѣюсь, господа, что Вы оправдаете оказанное Вамъ довѣріе и будете исполнять новыя Ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, чтò, впрочемъ, одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!*“

Изъ вышеприведенныхъ изъявленій законодательной воли можно вывести общее требованіе, которому должны удовлетворять его исполненіе и исполнители:—*отправлять судъ по закону, справедливости и совѣсти, съ строжайшимъ и неуклоннымъ соблюденіемъ безпристрастія*“, въ чемъ законодатель видитъ главнѣйшее коренное основаніе правосудія, трудно достижимое, легко теряемое и потому подлежащее самому бережному охраненію.

Законодатель, очевидно, могъ только намѣтить общее основное начало судебной службы; дальнѣйшія же ея условія и требованія ея дисциплины указываются уже самымъ существомъ ея и значеніемъ въ области потребностей государственной и общественной жизни, опытъ которой, отражаясь на практикѣ судебной дѣятельности, подсказываетъ ея подробности, съ годами пролагаетъ глубокое русло, направляетъ теченіе. Служащій въ судебномъ вѣдомствѣ, подобно всякому другому служащему, несетъ государственную службу и состоитъ подъ руководящею властью правительства, какъ одинъ изъ множества его органовъ. У него однѣ общія цѣли съ служащими другихъ вѣдомствъ и все различіе между ними сводится къ различію точекъ отправленія, путей и средствъ дѣйствія. Ничего въ обще-

ственномъ смыслѣ обособленнаго и самодовлѣющаго, никакого status in statu судебное вѣдомство собою не представляетъ. Въ научно-историческомъ развитіи старой теоріи раздѣленія государственныхъ властей судебная власть признается одною изъ производныхъ вѣтвей исполнительной власти, которой противополагается только власть законодательная. У насъ и та и другая, какъ части и проявленія одного правительства, исходятъ изъ верховнаго источника русскаго государственнаго права—самодержавной власти монарха. Такое спеціальное положеніе нашего судебнаго вѣдомства нимало не исключаетъ установленной закономъ самостоятельности судебной власти и отдѣльности ея отъ власти административной. Это два двигателя одного и того же великаго организма, существующіе для того, чтобы работать ему на пользу и хотя отдѣльно, каждый въ своей области, но всегда согласно, сообща и не безъ точекъ соприкосновенія. Особенности въ дѣятельности обусловливаютъ и особенности въ устройствѣ, но отсюда до розни и несогласія властей еще огромное разстояніе, перейти которое, до антагонизма между вѣдомствами, нельзя безъ явной нелѣпости, мелкихъ личныхъ побужденій и прямого государственнаго вреда. Никто не станетъ спорить противъ того, что между призваніемъ и дѣятельностью, съ одной стороны, слѣдователя, прокурора, судьи и съ другой, напримѣръ, чиновника полиціи, контрольнаго или финансоваго вѣдомства есть глубокое основное различіе, но есть также и капитальная общая, связующая ихъ черта: тѣ и другіе, каждый по-своему, служатъ правительству, для блага общества и государства, имѣютъ дѣло съ интересами и потребностями населенія, удовлетворять которымъ составляетъ задачу власти, многообразной въ своихъ проявленіяхъ, но въ существѣ единой и нераздѣльной. Все это истины столько же очевидныя, сколько азбучныя и элементарныя, но и ихъ можно запутать софизмами, извратить при исполненіи практическія ихъ послѣдствія, изъ мухи дѣлая слона и изъ вопросовъ личнаго самолюбія искусственно создавая мнимую борьбу принциповъ; поэтому необходимо твердой ногой стать на ихъ устойчивую почву и въ судебной практикѣ не увле-

каться бумажною или словесною войною, нерѣдко только съ призраками. По поводу тенденціознаго разъединенія между судебнымъ вѣдомствомъ и другими ему сопредѣльными, особенно же по поводу иногда встрѣчающихся ревнивыхъ притязаній на какую-то мнимую его замкнутость и превосходство, совокупность лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, можно уподобить дисциплинированной арміи. Плохо придется ей и мало у нея шансовъ на побѣду, если въ рядахъ ея пѣхота будетъ непріязненно соперничать съ кавалеріей, артиллерія будетъ мнить себя привилегированнымъ оружіемъ высшаго порядка, а штабъ станетъ чуждаться или третировать своихъ простыхъ соратниковъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что сила всякаго соединенія государственныхъ органовъ—въ единствѣ ихъ строя и дѣйствія, а главное—въ единствѣ духа, ими владѣющаго. Вотъ почему личный составъ служащихъ по судебному вѣдомству, вслѣдствіе нѣкоторыхъ исключительныхъ его условій, о которыхъ рѣчь впереди, образуетъ по мысли самого закона своего рода *сословіе*, имѣющее извѣстные корпоративные оттѣнки. Но, во имя общественнаго блага и ради пользы судебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, да не сдѣлается никогда это сословіе *кастою*, которой неразлучные спутники—безжизненность и нетерпимость. Касты обречены на застой и постепенное мертвящее разложеніе, пока не наступитъ для нихъ никѣмъ не оплакиваемая смерть; судебное же вѣдомство и сословіе созданы для поддержанія и охраненія вѣчно движущейся и обновляющейся жизни—личной, общественной, государственной.

Кромѣ однѣхъ и тѣхъ же конечныхъ задачъ, судебную службу неразрывно связываетъ со всѣми другими видами правительственной дѣятельности еще одна, свойственная послѣдней, общая характеристическая черта, на которую среди насъ слишкомъ мало обращаютъ вниманія. Черта эта—*публичный* характеръ службы, служеніе не отдѣльнымъ, индивидуальнымъ интересамъ, всегда отчасти своекорыстнымъ, а началу общему, безличному и потому всегда болѣе высокому. Для усвоенія этого характера нуженъ нѣсколько идеальный взглядъ на свою дѣятельность и призваніе, не поддающійся одному сухому и хо-

лодному разсудку; пониманіе указанной черты требуетъ до извѣстной степени альтруистическаго чувства, сознательной нравственной оцѣнки своего дѣла, неравнодушнаго отношенія не только къ его результатамъ, но и къ самымъ способамъ его исполненія. Наемнику все равно, кому и чему онъ служитъ, но уважающій себя дѣятель, не замкнувшійся въ грубомъ эгоизмѣ или низменномъ разсчетѣ, не можетъ не задаваться этими вопросами. И лучше даже преувеличивать, чѣмъ умалять ихъ значеніе; трудъ, лишенный всякой идеальной подкладки, не проникнутый искреннимъ стремленіемъ къ пользѣ всѣхъ, а не одного лишь того, кто платитъ—такой трудъ недалеко ушелъ отъ механической поденной работы. Ни чуть не порицая другія профессіи,—въ каждой есть свои достоинства и недостатки,—признавая вполнѣ, что между честными занятіями нѣтъ вызывающихъ пренебреженіе или, какъ говорятъ французы: „il n'y a pas de sot metier, il n'y a que des sottes gens", можно все-таки преимущественно дорожить *своимъ* дѣломъ и отдавать себѣ ясный отчетъ, чѣмъ именно оно цѣнно и благопріятно отличается отъ другихъ. Съ этой точки зрѣнія къ государственной службѣ несомнѣнно привлекаетъ ея безличный характеръ, сознаніе того, что, въ противоположность частнымъ профессіямъ, какъ бы почтенны онѣ ни были, служишь не лицу, не хозяину, съ его частными надобностями и выгодами, а общему дѣлу, общему благу съ его отвлеченными, по душу возвышающими интересами. Практически, матеріально они безформенны и неуловимы, но—„не о единомъ хлѣбѣ человѣкъ живъ будетъ", и чѣмъ труднѣе оцѣнить ближайшіе плоды дѣятельности на рубли и копѣйки, тѣмъ выше бываетъ духовная ихъ цѣнность. Публичный принципъ собственно судебной службы ярко сказывается во всѣхъ ея функціяхъ. Свойственное ей дѣйствіе во имя закона, по преимуществу для торжества воплощенныхъ въ немъ истины и общей пользы, сообщаетъ ей отпечатокъ нравственно-общественнаго подвига. Въ судебномъ рѣшеніи гражданскаго спора двухъ частныхъ сторонъ заключается не только присужденіе *правой* сторонѣ ея матеріальнаго требованія, но и провозглашеніе правды, возстановленіе нарушенной справед-

ливости; въ дѣятельности уголовнаго судьи, слѣдователя, прокурора ярко выступаетъ безкорыстное заступничество государства за обиженнаго преступленіемъ, возмездіе злу, какъ противонравственному и противообщественному элементу, уничтоженіе его растлѣвающаго вліянія. По самому существу своихъ обязанностей членъ судебной магистратуры есть слуга общей безличной воли, органъ публичнаго права, которое, какъ извѣстно, voluntate privatorum mutari nequit. Поэтому, при всемъ томъ уваженіи и охранѣ, которыя судебная дѣятельность должна оказывать личной свободѣ, ея первенствующимъ началомъ, ея ultima ratio, является общее благо или совокупность всѣхъ правомѣрныхъ и разумныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ: salus publica suprema lex. Отсюда вытекаетъ еще и другое послѣдствіе: судебныя установленія, судебное вѣдомство и служащіе въ немъ существуютъ не сами для себя, а для общества и даже для публики, какъ внѣшней его оболочки. Къ членамъ этого общества, къ гражданамъ, имѣющимъ дѣло съ судомъ, его дѣятели обязаны относиться со всевозможною вѣжливостью и терпѣніемъ, внимательно и заботливо. Для нихъ въ сношеніяхъ съ публикою не должно быть ничтожныхъ дѣлъ и маловажныхъ надобностей по той простой причинѣ, что для каждаго *его* дѣло всѣхъ значительнѣе и дороже, *его* надобность всѣхъ важнѣе и настоятельнѣе. У судебнаго вѣдомства при обращеніи съ людьми есть свой критерій, по которому всѣ равны предъ закономъ и судомъ. Оно должно, кромѣ того, помнить, что именно изъ массы отдѣльныхъ дѣлъ и нуждъ и слагается великое, общее дѣло правосудія, ввѣренное его попеченіямъ.

IV.

Говоря о судебной службѣ, мы имѣли и будемъ имѣть въ виду службу въ судебныхъ установленіяхъ, образованныхъ по судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года, нынѣ—Императора Александра II. Несмотря на то, что и уставы эти и созданныя ими учрежденія уже доживаютъ первую четверть столѣтія, мы все еще привыкли считать и называть ихъ *новыми*—

такая бездна отдѣляетъ ихъ отъ смѣненнаго ими прежняго порядка! Но его нельзя обойти молчаніемъ при изученіи новой судебной службы, хотя бы уже по одному тому, что она выросла на его развалинахъ. Передъ новымъ судомъ еще долго будетъ стоять памятный отрицательный примѣръ стараго, дореформеннаго; отрицательный потому, что будь старый судъ сколько-нибудь пригоденъ или даже просто способенъ къ улучшеніямъ, къ жизни, его не постигло бы коренное преобразованіе, которое камня на камнѣ въ немъ не оставило. Въ отжившемъ судебномъ строѣ трудно что-либо помянуть добромъ, развѣ только не потерявшую и теперь цѣнности идею законномѣрнаго надзора прокуроровъ за мѣстными учрежденіями, да прекрасно выработанную дѣловитую и основательную отдѣлку письменной техники судебнаго дѣлопроизводства. Я спѣшу, впрочемъ, оговориться: мы, люди другого, новаго поколѣнія должны быть очень осторожны въ своихъ сужденіяхъ о старомъ, котораго сами мы не видѣли и не испытали. Если тогда, по выраженію поэта, Россія была *„черна въ судахъ неправдой черной“*, то вѣдь и теперь есть мнѣнія, утверждающія то же въ отношеніи новаго суда и при этомъ указывающія на факты, дѣйствительно иногда прискорбные и ненормальные. Но изъ неудовлетворительности чего-либо въ новомъ невозможно заключать къ совершенству прежняго и мы все-таки имѣемъ неотъемлемое нравственное право смотрѣть на старые порядки какъ на образцы того, чего не должно быть среди насъ и въ нашей дѣятельности. Для вящшей осмотрительности во взглядахъ на старый судъ не будемъ довѣрять впечатлѣніямъ, въ которыхъ мы воспитывались, поищемъ оцѣнки болѣе къ нему близкой, непосредственной, извлеченной, такъ сказать, изъ личнаго съ нимъ знакомства. Въ этомъ отношеніи мы можемъ опереться прежде всего на авторитетное свидѣтельство современниковъ нашей старой юстиціи, которыхъ нельзя заподозрить въ тенденціозной или легкомысленной неосновательности. Въ художественныхъ образахъ славныхъ мастеровъ отечественной мысли и слова прежніе судебные порядки запечатлѣлись яркими чертами, которыя всегда живы въ нашихъ представленіяхъ. Нужно ли называть эти историческіе

типы, отразившіе въ себѣ смѣхъ и слезы русскаго общества надъ недостатками своей юстиціи? Кто не знаетъ уѣзднаго судьи Ляпкина-Тяпкина, губернскаго прокурора „Мертвыхъ Душъ", стряпчаго Расположенскаго комедіи Островскаго и многихъ другихъ созданій той же категоріи? Темными красками, съ горькой ироніей рисуютъ и наши знаменитые поэты разныя стороны стараго правосудія, сводившагося къ корыстной неправдѣ судебныхъ дѣятелей. Вспомнимъ изображенія нашего древняго суда въ стихотвореніяхъ гр. А. Толстого: „*Правда*" и „*У приказныхъ воротъ собирался народъ*"; вспомнимъ „волчій судъ" въ баснѣ Крылова „*Волки и овцы*". Сильно доставалось старымъ судьямъ за лѣность и невѣжество, а за умышленное крючкотворство и старой прокуратурѣ. Но не лучшимъ, чѣмъ умышленное неправосудіе, выставляется и неумышленное, происходившее отъ механическихъ операцій съ формальными нѣмыми доказательствами, при безконтрольномъ владычествѣ канцеляріи надъ несвѣдущимъ и бездѣятельнымъ судьею. Живымъ изъ практики выхваченъ случай, разсказанный въ „*Коробейникахъ*" Некрасова:

„*По ошибкѣ засѣдателя*
„*Упекли его въ острогъ.*
„*Нужно было изъ Спиридова*
„*Вызвать Тита Кузьмича,*
„*Описались—изъ Давыдова*
„*Взяли Титушку-ткача*

Ярко отразились судебные непорядки и въ народныхъ пословицахъ—этихъ застывшихъ отпечаткахъ наблюденій и выводовъ народа. Не лестны были онѣ для судебныхъ дѣятелей прошлаго времени. Въ интересномъ сборникѣ г. Иллюстрова [1]) десятками приведены изреченія, доказывающія, какъ плохо вѣрилъ народъ въ своихъ судей и какъ глубоко укоренилось въ немъ, при уваженіи къ закону, убѣжденіе въ его безсиліи передъ неправосудіемъ исполнителей. „*Законы святы, да судьи—супостаты*", „*законы—миротворцы, да законники—крючкотворцы*", думалъ онъ, видя ежедневно, что „*гдѣ судъ—тамъ и неправда*" и что „*пристрастный судъ разбоя злѣе*",

[1]) Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа. М. 1885.

а въ рукахъ такого суда „*законъ—что дышло, куда поворотишь, туда и вышло*“. Извѣрившись въ безпристрастіе судей, русскій человѣкъ сказалъ себѣ: „*что мнѣ законы, коли судьи знакомы*“ и, придя къ самому плачевному заключенію о наилучшихъ способахъ обращенія къ суду, выработалъ рядъ совѣтовъ о подкупѣ и ликодательствѣ: „*дари судью, такъ не посадятъ въ тюрьму*“, „*скорѣе дѣло вершишь, коли судью подаришь*“, „*когда судью подаришь, то всѣхъ побѣдишь*“. И при подобныхъ судьяхъ понятно предостереженіе: „*съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись*“. Замѣчательно, что какъ бы въ связи съ приведеннымъ безнадежнымъ взглядомъ на судебную дѣятельность въ народѣ явилось мнѣніе о томъ, что всякая служба, въ томъ числѣ и судебная, прежде всего тягота, что „*въ службѣ не безъ нужды*“ и „*кто больше служитъ, тотъ больше и тужитъ*“. Старая служба, по крайней мѣрѣ гражданская, не познакомила народъ съ понятіями о призваніи и служебномъ долгѣ, и онъ не сложилъ о нихъ никакихъ пословицъ.

Мы могли бы, впрочемъ, и не ходить такъ далеко въ глубь годовъ минувшихъ за достовѣрными свидѣтельствами очевидцевъ о томъ, чѣмъ былъ старый судъ; среди насъ еще встрѣчаются честные и талантливые люди, соединившіе горячую любовь къ родинѣ съ правдивымъ пониманіемъ ея прошедшаго и настоящаго. Еще недавно мы слышали искренно вдохновенное и пламенное слово одного изъ такихъ людей, нынѣ покойнаго И. С. Аксакова, въ одной изъ его передовыхъ газетныхъ статей. Мы не въ правѣ, мы не должны забыть нарисованной имъ по личному опыту потрясающей картины. „*Старый судъ!*“—вырвалось у него изъ сердца восклицаніе:

„При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!“

Это было воистину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ!

Предъ нами невольно встаютъ воспоминанія—одно возмутительнѣе другого. Какія муки, какія терзанія испытывала душа, сознавая безсиліе помочь истинѣ, невозможность провести правду сквозь путы и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства. Тамъ внизу—старый крючководъ—слѣдователь снуетъ фальшивую основу по всѣмъ внѣшнимъ правиламъ закона для будущаго судебнаго приговора; затѣмъ въ уѣздной инстанціи, при корыстномъ участіи или совершенномъ не менѣе преступномъ безучастіи выбор-

ными судей. взяточникъ-секретарь стряпаетъ изъ дѣла „записку“ и подсказываетъ имъ безобразную не по формѣ, а по существу, резолюцію, вотъ, наконецъ, послѣ многолѣтней иногда проволочки, дѣло—въ уголовной палатѣ, гдѣ ждетъ его та же участь Но тамъ, въ этомъ судѣ высшей инстанціи, сидитъ, положимъ, „правовѣдъ“ по назначенію „отъ короны“. „Запиской“, конечно, какъ это принялось прежде, онъ уже руководиться не станетъ, а берется за подлинное дѣло, но тщетно читаетъ его отъ доски до доски, всматривается въ почеркъ, допрашиваетъ настойчиво бумагу, ищетъ какого-нибудь живого указанія въ живомъ человѣческомъ явленіи, подвергнутомъ его суду: но молчитъ бумага, бездушно, мертвенно оффиціальное изложеніе показаній подсудимаго! Надо бы его допросить, надо бы его видѣть, надо бы войти во всѣ фактическія и психическія подробности совершеннаго преступленія Да, надо бы! Но старый судъ не далъ на это ни права, ни возможности; по юридическія данныя, требуемыя тогдашнимъ закономъ, всѣ налицо, безукоризненны по формѣ—и какъ бы ни вопіяла внутренняя совѣсть, ничего не остается, какъ сотворить судъ и . . неправду [1])!

Неблагопріятны были условія службы въ такомъ судѣ, тлетворно вліявшія на его дѣятелей и въ лучшемъ случаѣ не дававшія простору ихъ благимъ намѣреніямъ, способностямъ и вообще хорошимъ качествамъ. Преобразованіе суда естественно повлекло за собою коренную реформу и судебной службы. А такъ какъ въ ней все, и направленіе, и порядки, должно было пойти иначе, по новому, то и явилось опасеніе, что не найдется необходимаго количества людей, годныхъ для новой судебной службы изъ числа взращенныхъ старою или достаточно подготовленныхъ изъ числа вновь вступающихъ на поприще. Но уже первые шаги реформы не замедлили разсѣять это опасеніе, которое, къ тому же, на самомъ рубежѣ ея, было опровергнуто убѣдительными возраженіями тогдашней печати. Такъ въ № 263, 1866 г., „Московскія Вѣдомости“ писали: „*Различіе между прежними судами и новыми состоитъ именно въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ. Людей у насъ мало и на нихъ слѣдуетъ скупиться, но съ другой стороны, великое учрежденіе тѣмъ и бываетъ велико, что создаетъ людей способныхъ проводить въ жизнь*

[1]) „*Русь*“, 1884, № 3.

созданныя ими начала". Сдѣлаться однимъ изъ такихъ людей,—прибавимъ мы,—есть конечная задача, а слѣдовательно, должно быть и первымъ завѣтнымъ желаніемъ каждаго начинающаго дѣятеля новаго суда

V.

Раздѣляя съ другими сферами государственной службы всѣ общія родовыя ихъ свойства, судебная служба имѣетъ и свои. ей одной только присущія, особенности. Въ ряду ихъ прежде всего обращаютъ на себя наше вниманіе тѣ характерныя и въ глаза бросающіяся стороны, которыя не могутъ не вліять на самый выборъ именно служебно-судебной дѣятельности. Это то именно, что обѣщаетъ и затѣмъ дѣйствительно даетъ судебная служба лицамъ, ей себя посвящающимъ,—то, что сначала предрасполагаетъ, а затѣмъ такъ горячо и крѣпко привязываетъ къ ней. Могучая внутренняя сила скрывается въ судебномъ дѣлѣ; его естественно полюбить какъ родное и близкое, беречь и отстаивать какъ святыню, въ немъ не трудно найти удовлетвореніе всѣмъ высшимъ, лучшимъ проявленіямъ человѣческаго духа, въ него можно, какъ говорится, положить душу свою... Этимъ и объясняется, почему именно въ судебной дѣятельности болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, возможно искреннее священнодѣйствіе, почтенное въ самомъ своемъ шаржѣ, почему чаще, чѣмъ гдѣ-либо, встрѣчаются здѣсь типы людей „не отъ міра сего", тружениковъ чистыхъ сердцемъ и слабыхъ въ житейской практикѣ. Такой возвышенный характеръ судебнаго дѣла, а слѣдовательно, и судебной службы, очевидный для всякаго просвѣщеннаго и незачерствѣлаго человѣка, обусловливается уже тѣми основными началами, на которыхъ въ наше время построено все отправленіе правосудія. Они привлекательны и симпатичны сами по себѣ—таково уже внутреннее отношеніе къ нимъ неиспорченной человѣческой природы и ума, развитого образованіемъ. Они плодотворны и грандіозны въ своихъ проявленіяхъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣческаго прогресса, опытъ котораго въ сферѣ суда указываетъ на нихъ, какъ на лучшія формы и способы борьбы съ

беззаконіемъ. Достаточно перечислить эти начала, особенно въ сопоставленіи съ ихъ антитезами, изъ которыхъ многія были отличительными чертами старой юстиціи: судъ на точномъ и строгомъ основаніи единаго и равнаго для всѣхъ закона, вмѣсто расправы по усмотрѣнію или произволу и потому часто просто силы надъ слабостью; рѣшеніе по свободному, но разумному убѣжденію совѣсти вмѣсто сужденія по математическимъ выкладкамъ и безжизненнымъ формуламъ предустановленныхъ доказательствъ; устное и живое непосредственное обращеніе съ людьми вмѣсто манипуляцій съ бумагами; свѣтъ публичности и возбуждающій контроль общественнаго мнѣнія вмѣсто мрака канцелярской тайны и бюрократическаго застоя; всегда обязательное соединеніе правды съ милостью, согласованіе закона съ жизнью, примиреніе буквы съ сущностью, вмѣсто сухого формализма; наконецъ прямое участіе въ дѣлѣ суда непрестанно обновляющихся и потому чуждыхъ рутины общественныхъ силъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. Примѣненіе перечисленныхъ началъ и составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ качественно богатое и количественно разнообразное содержаніе судебной службы. Немногія изъ человѣческихъ занятій представляютъ такой многосторонній, высокій и захватывающій интересъ; тому, кто въ дѣятельности своей ищетъ не однѣхъ лишь денегъ или пищи дешевому тщеславію, служба эта неминуемо дастъ внутреннее удовлетвореніе иного рода, не поддающееся опредѣленіямъ закона о судебной профессіи и не укладывающееся въ ея формальныя рамки. Предъ судебнымъ дѣятелемъ проходятъ и развертываются всѣ стороны, духовныя и физическія, человѣческой природы, ему приходится имѣть дѣло съ наиболѣе выпуклыми и рѣзкими общественными явленіями, вездѣ отъ него требуется совокупное дѣйствіе ума и воли съ искреннѣйшими побужденіями сердца. Горе и радость, несчастіе и паденіе, торжествующее зло и страдающая неповинность, нарушеніе дорогого блага и его возстановленіе, темный міръ преступленія и преступниковъ, злонамѣренная тайна, уступающая только искусству и пытливости, исполненные смысла торжественные обряды правосудія, поддерживающій энергію

элементъ борьбы во всякомъ судебномъ спорѣ, могучій стимулъ судебной гласности, поучительный голосъ общественной совѣсти въ судѣ присяжныхъ, первѣйшіе жизненные интересы, живые люди, живыя чувства, живое слово — трудно даже приблизительно очертить все безконечное разнообразіе предметовъ судебной дѣятельности! Каждый изъ нихъ, даже отдѣльно взятый, можетъ приковать къ себѣ вниманіе и стоитъ упорной и умственной надъ нимъ работы. Ея первостепенное значеніе ясно уже изъ того, что отъ судебнаго дѣятеля, его труда, знаній, энергіи, мысли, дѣйствія зависитъ въ конкретныхъ случаяхъ побѣда правды надъ всяческою неправдою, выразившеюся въ нарушеніяхъ законнаго порядка общежитія и правомѣрной области личной свободы. Едва ли нужно доказывать, довольно упомянуть, насколько полезно и нравственно почетно оградить безвинно потерпѣвшаго, разоблачить и наказать злодѣя, укрывающагося отъ кары, воздать правому должное—словомъ, въ какомъ бы то ни было, хотя бы и въ самомъ скромномъ качествѣ послужить орудіемъ благодѣтельной, единственно по закону и по совѣсти дѣйствующей власти! Таковъ именно общій смыслъ судебной службы и таковы причины, по которымъ несущій бремя ея съ рвеніемъ и пользой имѣетъ рѣдкое право быть во внутреннемъ ладу съ самимъ собою и смѣло разсчитывать на уваженіе и сочувствіе своихъ согражданъ. И если у него есть при этомъ—а у живого, молодого дѣятеля не быть не можетъ—благородное честолюбіе солдата, мечтающаго о заслуженной славѣ и движеніи впередъ, то въ кипящей вокругъ суда „битвѣ жизни“ онъ найдетъ для себя широкое поле, на которомъ успѣхъ можно взять съ честнаго боя, грудью и головой. Въ глубокомъ и горячемъ сознаніи первыми дѣятелями новаго суда всѣхъ указанныхъ задатковъ только-что реформированной судебной дѣятельности и въ наглядной ясности этихъ послѣднихъ для общества слѣдуетъ искать объясненія всеобщей симпатіи, довѣрія, даже восторговъ, съ которыми были встрѣчены въ 1866 году первые шаги новой юстиціи. Видѣвшіе и пережившіе это поистинѣ героическое время русской магистратуры никогда не забудутъ того подъема

духа, который въ ней господствовалъ, того обаянія, которымъ она была окружена. Все казалось хорошимъ въ новыхъ судахъ, да все—или очень многое—и дѣйствительно было въ нихъ хорошо. Дышалось легко, работалось съ увлеченіемъ, перспективы рисовались свѣтлыя и заманчивыя. Но то былъ медовый мѣсяцъ новыхъ судовъ, а эта пора, какъ извѣстно, подобно молодости и свѣжести, длится недолго. Послѣ праздниковъ настали будни, сквозь розовыя облака начали пробиваться сѣрыя сумерки, повседневная житейская проза взяла верхъ надъ поэзіей,—а съ этимъ вмѣстѣ на смѣну дѣятелей художниковъ, идеалистовъ пришли рядовые труженики, въ семьѣ которыхъ иногда и не безъ урода. Тѣмъ не менѣе, было бы безразсудно, а съ общественной точки зрѣнія даже наивно дѣлать отсюда выводы безотрадные и огульно нелестные для насъ, дѣятелей сегодняшняго и завтрашняго дня. Въ сущности совершилось лишь неизбѣжное и необходимое явленіе. По мѣткому сравненію одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ юристовъ, вновь возведенное зданіе, находя подъ собою обычную среднюю и потому всегда нѣсколько рыхлую почву общежитія, должно было понемногу въ нее опускаться и продолжаетъ до сихъ поръ это пониженіе своего прежняго уровня, даже давая въ непрочныхъ мѣстахъ легкія исправимыя трещины и пятна, пока наконецъ въ этомъ процессѣ осѣданія оно не встрѣтитъ твердаго грунта, на которомъ зданіе, въ сущности прекрасно построенное, утвердится и устоитъ отъ всякихъ бурь и непогодъ. На нашу долю выпалъ именно этотъ періодъ осѣданія, или, точнѣе, приспособленія къ окружающей средѣ; не будемъ, однакоже, смущаться его тяготою и отсутствіемъ въ немъ прежняго блеска новизны. Великія начала, которымъ обязаны служить судебные чины, остались тѣ же, призваніе ихъ все то же, а справляться съ трудностями и среди невзгодъ, не теряя бодрости, умѣть заслуживать общее къ себѣ довѣріе—тѣмъ больше чести и заслуги!

Въ ряду благопріятныхъ особенностей судебной службы одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ ея своеобразной постановкѣ, обусловленной самымъ значеніемъ судебной власти. Совокупность

судебныхъ служащихъ, или, какъ выражаются на офиціальномъ языкѣ, судебное вѣдомство, по своему устройству представляетъ нѣчто гораздо болѣе органическое, цѣльное и стройное, нежели простое соединеніе чиновниковъ одного и того же правительственнаго установленія. Его не даромъ называютъ по обще-принятой терминологіи европейскаго судебнаго права — сословіемъ, магистратурой. Оба эти понятія предполагаютъ независимое, строго опредѣленное положеніе, крѣпкую внутреннюю связь между частями, традиціи въ прошедшемъ, качественныя гарантіи личнаго состава въ настоящемъ и, наконецъ, сознательную ясность высокаго общественнаго призванія. Перечисленныя свойства составляютъ существенные признаки магистратуры по западному, преимущественно французскому, о ней представленію. По этому послѣднему въ магистратуру входятъ исключительно судьи, въ томъ числѣ слѣдователи, и чины прокуратуры; остальные же чины судебнаго вѣдомства — секретари (greffiers), судебные пристава (huissiers), нотаріусы и неизвѣстные намъ стряпчіе (avoués) стоятъ гораздо ниже и носятъ названіе „officiers ministeriels“, что можно перевести выраженіемъ: „уполномоченныя должностныя лица“. Французская магистратура есть сложившаяся путемъ долгаго историческаго процесса столько же государственно служебная организація, сколько и общественная группа, занимающая важное и почетное мѣсто среди основныхъ національныхъ учрежденій. Наука и публицистика, а за ними и всѣ благомыслящіе французы ревниво дорожатъ ею и даже склонны ее идеализировать; это не мѣшаетъ французамъ порою осмѣивать нѣкоторый шаржъ и недостатки въ судебномъ сословіи и подшучивать надъ наружною важностью и величественностью его членовъ, зависящей отчасти отъ ихъ форменной одежды — длинныхъ мантій, по которымъ и называютъ ихъ въ сокращеніе стараго названія „hommes de robe longue“ — коротко и непочтительно — „les robins“. Но въ серьезномъ смыслѣ французы не напрасно цѣнятъ и уважаютъ свою магистратуру, не взирая ни на какія нападки и во многомъ справедливыя нареканія противъ нѣкоторыхъ ея сторонъ: она оказала странѣ большія историческія заслуги и за рѣдкими исключеніями была вѣрною но-

сительницею правосудія и преданій судебнаго достоинства. Ея величавый образъ не разъ вдохновлялъ даже сухихъ догматиковъ французскаго судебнаго права. Одинъ изъ нихъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія такъ опредѣлилъ ея значеніе и задачи: „Магистратура призвана быть естественнымъ хранилищемъ не только законовъ, но и судебныхъ нравовъ. Добродѣтели и принципы предковъ нынѣ выродились въ ея средѣ, но въ ней еще живутъ память о нихъ и ихъ потребности. Члены магистратуры—могъ бы имъ сказать публичный цензоръ—я говорю вамъ о строгости и святости вашихъ обязанностей, какъ другимъ говорятъ о выгодахъ или славѣ. Вы не можете допустить въ своихъ рядахъ испорченности, не опозоривъ тѣмъ самымъ вашей эпохи... Вы составляете въ государствѣ особое сословіе, которое должно знать пороки только для того, чтобы отвращать отъ нихъ своимъ примѣромъ, которое должно касаться своего времени только свѣтомъ своихъ познаній“ [1]).

Богатая блестящимъ прошлымъ, сильная и теперь и неослабѣвающимъ уваженіемъ, и надеждами народа, французская магистратура держится на этой высотѣ прежде всего традиціями и строгостью судебной дисциплины. У насъ по историческимъ причинамъ личный составъ судебнаго вѣдомства не имѣетъ тѣхъ законченныхъ формъ, рѣзко выраженныхъ и глубоко укоренившихся, въ какія вылилась французская и вообще западная магистратура. Это объясняется уже тѣмъ однимъ, что у нашего судебнаго сословія, вызваннаго къ жизни такъ недавно, почти нѣтъ, да и не можетъ быть преданій, а слѣдовательно, нѣтъ еще и твердыхъ, долгими годами практики выработанныхъ и провѣренныхъ, профессіональныхъ правилъ. Но благое начало и у насъ положено законодателемъ и благородными усиліями первыхъ дѣятелей реформы, а дальше намъ предстоитъ идти намѣченною дорогой, своеобразно развиваясь сообразно нашимъ русскимъ условіямъ и потребностямъ. На этомъ пути при бережномъ охраненіи національной оригинальности и безъ рабскаго подражанія во многомъ чуждымъ намъ

---

[1]) *Garat.* Répertoire de Guot.

иноземнымъ образцамъ, простое сходство причинъ нерѣдко должно повести къ сходнымъ послѣдствіямъ, и въ ряду ихъ и на первомъ мѣстѣ стоитъ насущная потребность въ судебной *дисциплинѣ*, уже упроченной на западѣ. По опредѣленію французскаго ея комментатора, Морена, она есть „совокупность правилъ, установляющихъ подъ страхомъ отвѣтственности первѣйшія обязанности членовъ магистратуры, адвокатовъ и судебныхъ чиновниковъ. Предметъ ея—въ высшей степени важныя профессіональныя обязанности, а цѣль—охрана чести и почитанія, необходимаго всякой корпораціи. Это могучая гарантія порядка для общества, для правосудія, какъ общественнаго долга, для судебнаго сословія и для самихъ его чиновъ. Поэтому правила дисциплины, возможно болѣе опредѣленныя и твердыя, должны быть всѣми соблюдаемы, а забывающимъ ихъ слѣдуетъ построже напоминать“ [1]).

Въ противоположность традиціямъ, которыхъ одному поколѣнію создать нельзя, развитіе и поддержаніе между нами судебной дисциплины находится прежде всего въ нашихъ собственныхъ рукахъ. Мы должны глубоко проникнуться ея значеніемъ, мы должны понять, что, подобно крѣпко сплачивающему цементу, она неразрывно связываетъ отдѣльныя части магистратуры и обезпечиваетъ его внутреннее единство. Дисциплина заключается въ правильномъ сознаніи и въ неуклонномъ выполненіи служебнаго долга, а затѣмъ и въ бдительномъ охраненіи того и другого. Сущность этого долга указывается въ законахъ, чувство его подсказывается совѣстью и поддерживается преданіями профессіональной или корпоративной чести, внѣшнія же его проявленія нуждаются въ непрестанномъ за ними надзорѣ, изъ котораго вытекаетъ и отвѣтственность нарушителей. Группу лицъ называютъ дисциплинированной лишь тогда, когда каждый изъ нихъ отчетливо знаетъ свои обязанности и когда за исполненіемъ ихъ имѣется строгое наблюденіе, а всякое отъ нихъ отступленіе влечетъ за собою и соотвѣтствующее взысканіе. Такимъ образомъ, вся область судебной дисциплины въ широкомъ смыслѣ

[1]) *Ach. Morin.* De la discipline judiciaire, 1868, т. I, introd. p. XXXII.

исчерпывается тремя понятіями: о долгѣ, о надзорѣ за его исполненіемъ и объ отвѣтственности за его нарушеніе. Вѣрное представленіе о долгѣ должно быть неотъемлемымъ достояніемъ каждаго единичнаго дѣятеля и, войдя, такъ сказать, въ плоть и кровь его, управлять всѣми его дѣйствіями. Надзоръ и отвѣтственность осуществляются, смотря по случаю и предмету, высшимъ или контролирующимъ установленіемъ, или же единоличнымъ начальствомъ (напримѣръ, въ прокуратурѣ), или же, наконецъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ нѣсколько отвлеченною, но тѣмъ не менѣе дѣйствительною силою общественнаго мнѣнія. Въ хорошо устроенной магистратурѣ всѣ эти факторы дисциплины находятся въ активномъ и дружномъ взаимодѣйствіи. Судьи и прокуроры ясно понимаютъ свои задачи и живо чувствуютъ свою не формальную только, но нравственную и общественную отвѣтственность. Они работаютъ ревностно, а не спустя рукава, ради средствъ къ существованію. Мелкія или исключительно личныя стремленія не поглощаютъ ихъ всецѣло и не ведутъ, поэтому, къ распущенности и апатіи. Въ свою очередь, органы надзора призваны зорко смотрѣть за правильнымъ ходомъ судебнаго механизма и въ самомъ зачаткѣ энергично пресѣкать всякій его частичный безпорядокъ. Необходимость такого неусыпнаго наблюденія за судебнымъ вѣдомствомъ настолько очевидна, что она даже нашла себѣ выраженіе въ характерной народной пословицѣ: *„судья суди, а за судьей гляди“*. Что же касается до оцѣнки и контроля со стороны общества, публики, то судъ и съ этой стороны сильно побуждается къ внутренней дисциплинѣ. Дѣйствуя гласно и открыто, на виду у всѣхъ, какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно затрогивая своими дѣйствіями множество животрепещущихъ отдѣльныхъ интересовъ, судъ неизбѣжно вызываетъ строгую, подчасъ притязательную критику, громко и безпощадно указывающую его недостатки. Въ этихъ указаніяхъ, не преувеличивая, впрочемъ, ихъ значенія, судебные дѣятели должны черпать для себя уроки и предостереженія, а въ общественномъ довѣріи видѣть одинъ изъ лучшихъ стимуловъ своей дѣятельности. Въ то же время судеб-

ная дисциплина реагируетъ и на общество, давая ему гарантію противъ произвола и безпорядковъ въ средѣ тѣхъ, кто сами поставлены на стражѣ права и порядка. Наконецъ, дисциплина приноситъ личному составу магистратуры крѣпость и устойчивость, потому что образуетъ въ ней всегда благодѣтельныя сдерживающія рамки и, соединяя въ однородное цѣлое ея разрозненныя части, утверждаетъ въ ней общность духа и направленія. Дисциплину учрежденія можно сравнить съ нервной системой человѣка: безъ здоровья и порядка въ этой послѣдней немыслимы координація и твердость движеній — безъ дисциплины нѣтъ правильной и успѣшной служебной дѣятельности. Въ обществѣ и государствѣ судебное вѣдомство является опорою противъ безправія; плохо и жутко живется гражданамъ, если опора эта расшатана. Неудивительно, поэтому, что общество именно отъ насъ, людей суда, требуетъ и ждетъ дисциплины, т.-е. внутренней, здоровой крѣпости. Мы должны преклониться передъ этимъ требованіемъ, мы не можемъ обмануть этихъ ожиданій.

Главнѣйшіе признаки или черты магистратуры, доступные законному нормированію, характеризуютъ собою и всю область службы въ ея рядахъ. Вотъ ихъ краткій перечень: 1) высшее юридическое, а слѣдовательно и высшее общее *образованіе*, наличность котораго до извѣстной степени предполагаетъ и *воспитаніе*—это великое и необходимое искусство жить среди себѣ подобныхъ, больше всего отличающее интеллигентнаго человѣка отъ дикаря; 2) общественная и нравственная *благонадежность*, измѣряемая ненахожденіемъ ни въ одномъ изъ опорочивающихъ личность формальныхъ состояній (судимость, несостоятельность и проч.); 3) *чистота и цѣлостность* судебной профессіи, достигаемая посредствомъ несовмѣстительства ея ни съ какой другой; 4) практическая *подготовка* къ самостоятельной судебной дѣятельности, измѣряемая сроками подготовительной судебной практики; 5) опредѣленныя условія и порядокъ *назначенія* на судебныя должности и правильная постепенность служебнаго движенія или *карьеры*, гарантирующія успѣхъ труда, значеніе заслугъ и вмѣстѣ оставляющія про-

сторъ талантамъ и отличіямъ; 6) независимость отъ *чиновъ* и относительная *высота* положенія на общей служебной лѣстницѣ; 7) *самостоятельность* какъ служебнаго положенія, такъ и дѣятельности, выражающаяся: а) въ несмѣняемости и неперемѣщаемости судей по усмотрѣнію начальства, до тѣхъ поръ, пока они сами своими законно установленными поступками не опозорили или не унизили своего званія, и б) въ законной свободѣ убѣжденія и слова чиновъ прокуратуры; 8) *единеніе* между чинами судебнаго сословія, проявляющееся внѣшнимъ образомъ, между прочимъ, въ самоуправленіи судовъ по дѣламъ ихъ внутренняго распорядка и въ процессуальной нераздѣльности лицъ прокурорскаго надзора; наконецъ, 9) точныя правила о *матеріальномъ обезпеченіи* какъ во время нахожденія на службѣ, такъ и по ея оставленіи (эмеритура).

Поставленная въ такія закономъ очерченныя условія, русская магистратура обладаетъ всѣми средствами честно и съ успѣхомъ выполнить свое назначеніе.

VI.

Много давая, судебная служба многаго и требуетъ. Для того, чтобы нести ее съ достоинствомъ и пользой и тѣмъ посильно достигать ея высокихъ цѣлей, членъ судебнаго сословія долженъ удовлетворять въ своей личности и дѣятельности сложному ряду условій, изъ которыхъ мы намѣтимъ только главнѣйшія. Ихъ нельзя прочесть ни въ одной статьѣ закона, ихъ не найти ни въ разъясненіяхъ сената или циркулярахъ высшаго начальства, но они несомнѣнно предполагаются по разуму, по внутренней совокупности всего того, что́ говорится въ этихъ источникахъ нашего судебнаго права. Они предписываются логикой и здравымъ смысломъ, оправдываются началами общественной и личной нравственности, за нихъ—долгій опытъ и практическое знакомство съ жизнью. Въ каждомъ изъ такихъ условій нераздѣльно переплетаются два элемента: съ одной стороны, личныя *свойства* дѣятеля, природныя или выработанныя, а съ другой—характеръ, способъ *исполненія* имъ лежащаго на немъ

служебнаго долга. Необходимая для дѣла комбинація обоихъ этихъ элементовъ вовсе не требуетъ не только героевъ, но даже и вообще натуръ выдающихся и исключительныхъ, она разсчитана на людей среднихъ, дюжинныхъ, и можетъ быть вмѣщена ими по той же простой причинѣ, по которой не всякій работникъ можетъ быть талантливымъ, но всякій можетъ быть усерденъ и добросовѣстенъ.

Служебное назначеніе лицъ судебнаго вѣдомства заключается въ томъ, чтобы примѣнять законъ. Такимъ образомъ *законность* является для нихъ основнымъ руководящимъ началомъ. значеніе котораго должно быть доведено до своего рода профессіональнаго культа. Господство законности сообщаетъ всѣмъ проявленіямъ судебной службы отпечатокъ высокаго, безличнаго спокойствія и справедливости, внушающій къ суду благоговѣніе: безъ этого онъ становится или простой расправой, или случайнымъ посредничествомъ между двумя спорящими сторонами. Слуги и органы закона, судебно-служащіе должны, во-1-хъ, знать, а во-2-хъ, соблюдать его, не допуская, какъ сказано въ 65 ст. осн. зак. *„обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“*; изъ этихъ двухъ требованій слагается обязательная закономѣрность всѣхъ судебныхъ дѣйствій, отличающая ихъ отъ нечуждыхъ усмотрѣнія распоряженій другихъ правительственныхъ властей. Въ судебной сферѣ усмотрѣніе, которое не нужно смѣшивать съ произволомъ, имѣетъ лишь самое ограниченное примѣненіе, напримѣръ, въ вопросахъ высшаго управленія личнымъ составомъ, въ выборѣ ближайшихъ практическихъ пріемовъ того или другого процессуальнаго воздѣйствія, въ извѣстныхъ сторонахъ дѣятельности прокуратуры, носящей въ себѣ нѣкоторые административные элементы. Но и здѣсь только второстепенныя подробности зависятъ отъ усмотрѣнія, все же главное исходитъ изъ законности и строго съ нею согласуется. Центръ тяжести требованій, предъявляемыхъ магистратурѣ принципомъ законности, лежитъ, разумѣется, въ соблюденіи закона, но такъ какъ для этого прежде всего нужно въ точности и подробности знать, что именно подлежитъ соблюденію, то, очевидно, основательное знаніе закона есть краеуголь-

ный камень судебной службы. Нужно ли разъяснять, какую твердую и ровную почву даетъ судебной дѣятельности начало закономѣрности? Судящій и судимый — оба ею ограждены и нравственно успокоены, первый въ своей совѣсти, второй — въ области своихъ личныхъ интересовъ. Законъ заслоняетъ собою личность исполнителя и своею надъ всѣмъ возвышающеюся силою все съ собою примиряетъ: dura lex, sed lex — говорили римляне. Испытывающій надъ собою дѣйствіе примѣняемой судомъ законности невольно ей подчиняется не только фактически, матеріально, но и морально, и при томъ такъ, что чѣмъ оно безусловнѣе, тѣмъ полнѣе и легче подчиненіе. Самая природа человѣческая уже такъ устроена, что, возмущаясь противъ произвола, она склоняется передъ законностью. Эта черта, дорогая для оцѣнки судебной службы, отразилась и въ простодушныхъ юридическихъ воззрѣніяхъ народа, тамъ, гдѣ патріархальная чистота ихъ еще пробивается сквозь культурные наносы: мировые судьи, слѣдователи, должностные участники уѣздныхъ сессій знаютъ, что на языкѣ простолюдина *„разсудить по закону“* значитъ разрѣшить дѣло по совѣсти и справедливости. У насъ часто — и не безъ основанія — жалуются на недостатокъ въ народѣ и даже въ обществѣ чувства и сознанія законности; кому же ихъ воспитывать и развивать какъ не судебнымъ дѣятелямъ и прежде всего, конечно, собственнымъ своимъ примѣромъ? Закономѣрность служебныхъ дѣйствій указывается точнымъ, даже буквальнымъ смысломъ законныхъ постановленій. Но въ соприкосновеніи съ вѣчно измѣняющеюся жизнью способъ и духъ ихъ исполненія могутъ быть различны и все руководящее въ этомъ отношеніи направленіе дѣятельности по примѣненію законовъ принадлежитъ правительству. Оставаясь въ ихъ предѣлахъ, оно одно распоряжается и управляетъ подзаконною областью цѣлесообразности, объединяетъ и соглашаетъ между собою дѣйствія разныхъ властей, не исключая и судебной, даетъ имъ общегосударственный импульсъ.

Слѣдуетъ ли, однакоже, изъ сказаннаго, что судебные чины, поглощенные и связанные законностью, только въ ней одной должны видѣть единственный критерій своей дѣятельности? Обя-

заны ли они игнорировать все на свѣтѣ, кромѣ механически правильнаго приложенія закона къ фактамъ? Могутъ ли они, не погрѣшая противъ своего призванія, рѣзко отдѣлить себя отъ остальныхъ живущихъ извѣстнымъ холоднымъ парадоксомъ: „пусть гибнетъ міръ, но пусть свершится правосудіе!“ Отвѣтъ не труденъ—нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, нѣтъ потому, что, какъ много вѣковъ тому назадъ провозгласили первые юристы человѣчества, нерѣдко въ строжайшемъ высшемъ правосудіи—„summum jus“—заключается и высшая несправедливость—„summa injuria“. Нѣтъ и потому, что, создавая новый русскій судъ, законодатель повелѣлъ ему быть не только правымъ, но и милостивымъ, и рядомъ съ правдою закона поставилъ и доступную, возможную для суда *милость* или, что̀ одно и то же, *человѣчность*. Законодатель объявилъ, что судъ есть живая, благодѣтельная сила, а не бездушная машина какъ бы штемпелеванія людей клеймомъ закона. Онъ находилъ, что судъ существуетъ для того, чтобы людямъ жилось спокойнѣе и безопаснѣе, а не для того, чтобы обременить ихъ обиходъ еще однимъ орудіемъ стѣсненія. Ему очевидно было, что и самые органы суда—тѣ же люди, которымъ, естественно, ничто человѣческое, по крайней мѣрѣ въ хорошемъ смыслѣ, не должно быть чуждо. Въ этой великодушной мысли человѣколюбіе соединяется съ широкимъ и свѣтлымъ взглядомъ на людское общежитіе, онъ въ высокой степени облегчаетъ нравственную, такъ сказать, сердечную сторону судебной службы. Въ послѣдней, такимъ образомъ, есть мѣсто для лучшихъ человѣческихъ чувствъ и побужденій—для жалости и состраданія, для вѣры въ добро и исправленіе, наконецъ, для широкаго пониманія вещей и перевѣса истинной сущности надъ внѣшней оболочкой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда безконечное разнообразіе жизни и житейскихъ отношеній не помѣщается въ формальные шаблоны и, выбиваясь изъ нихъ, вступаетъ въ тягостный разладъ съ опредѣленіями закона, судебные дѣятели располагаютъ многими примиряющими средствами. Они могутъ и обязаны, въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, смягчать слишкомъ жестокое или крутое дѣйствіе закона. Право оказывать снисхожденіе, разумная свобода внутренняго убѣжде-

нія, осторожный выборъ самыхъ пріемовъ дѣйствія—представляютъ большой просторъ и даютъ множество оттѣнковъ, съ помощью которыхъ весьма возможно согласовать формальныя предписанія закона съ потребностями и явленіями жизни, заслуживающими признанія. Все дѣлать въ мѣру, никого безъ надобности не угнетать, не бить лежачаго, сквозь неприглядную внѣшность съумѣть разобрать лучшее содержаніе—все это и многое еще другое въ томъ же родѣ нравственно обязательно для членовъ судебнаго сословія при исполненіи ими долга службы, съ которымъ задачи эти вполнѣ согласны. Онъ требуетъ не жертвъ, а только правды, и притомъ правды чистой, дѣйствительной, а не условной и запутанной; отсюда необходимость отвращенія отъ всего, что̀ отзывается буквоѣдствомъ, крючкотворствомъ или мертвящей казуистикой. Когда судебная дѣятельность живой и благотворной струей пролагаетъ себѣ путь среди общественнаго быта, тогда и отдѣльныя лица къ ней обращаются охотно, безъ страха и предубѣжденія. У насъ это особенно желательно и важно; тогда, быть можетъ, исчезнутъ постепенно традиціонныя боязнь и нелюбовь, съ которыми русскій человѣкъ склоненъ относиться къ участію въ судебномъ дѣлѣ.

Во всякой самостоятельной профессіи, во всякой отрасли занятій, вызывающихъ спеціализированіе, обрисовывается одно какое-нибудь свойство наиболѣе и преимущественно для данныхъ занятій необходимое. Это та характеристическая, преобладающая черта, представленіе о которой связано даже съ ходячимъ понятіемъ о той или другой профессіи и которая невольно приходитъ первая на мысль, какъ только ставится вопросъ о томъ, какими качествами должно обладать лицо, посвящающее себя извѣстному занятію. Такъ, мы привыкли думать и говорить, что военному человѣку больше всего нужна неустрашимость, духовному лицу—благочестіе, профессору—ученость, натуралисту—наблюдательность, художнику—чувство красоты... Есть и для судебно-служебной дѣятельности такое первенствующее свойство, безъ котораго она обойтись не можетъ, потому что извращается, теряетъ смыслъ, не достигаетъ цѣли. Свойство это—

безпристрастіе, дѣйствіе или обсужденіе sine ira et studio. Въ кругѣ своего вѣдомства каждый судебный дѣятель, все равно какія онъ несетъ обязанности, долженъ быть безпристрастенъ, иначе онъ перестаетъ быть истинно судебнымъ, такъ какъ судъ и пристрастіе—это contradictio in adjecto,—понятія взаимно другъ друга исключающія. Мы уже приводили народное изреченіе о томъ, что „пристрастный судъ—разбоя злѣе"; и въ самомъ дѣлѣ, въ нашей сферѣ трудно представить себѣ явленіе болѣе отталкивающее и вредное. Откуда бы оно ни исходило, оно всегда не только провозглашаетъ, но и утверждаетъ неправду, узаконяетъ ее тѣми самыми руками, которыя обязаны служить только правдѣ. Здѣсь совершенно исчезаетъ различіе должностей—судья, слѣдователь, прокуроръ, каждый по-своему, должны стремиться къ раскрытію и торжеству одной лишь истины. Это почти азбучное основное положеніе нуждается, однакоже, по своей крайней важности, въ ближайшемъ разъясненіи.

Что̀ разумѣть подъ безпристрастіемъ и какъ его въ отдѣльномъ случаѣ достигнуть? Въ судебномъ смыслѣ безпристрастнымъ можно назвать только то, что̀ построено единственно на истинныхъ основаніяхъ судебнаго сужденія или силлогизма. Такихъ рѣшающихъ основаній два—законъ и факты или обстоятельства дѣла. Мѣриломъ же этихъ основаній является совокупное дѣйствіе совѣсти и разума. Все остальное, постороннее и привходящее, выходитъ изъ области судебнаго безпристрастія и, такъ какъ середины нѣтъ—относится къ пристрастію, какую бы личину оно ни приняло. Пока я устанавливаю факты, оцѣниваю ихъ здравымъ смысломъ и по совѣсти примѣняю къ нимъ законъ—я дѣйствую или сужу безпристрастно; какъ только я къ этому процессу примѣшиваю что-нибудь свое или чужое личное, частное, или вношу въ сужденіе соображенія побочныя, не имѣющія прямого отношенія ни къ одному изъ трехъ указанныхъ элементовъ—я становлюсь лицепріятенъ. Я лицепріятенъ, когда рѣшающая для меня точка зрѣнія, интересъ, мотивъ, находятся не въ дѣлѣ, а гдѣ то внѣ его. Тамъ, въ этомъ царствѣ непріятно звучащихъ словъ „гнуть въ одну сторону", „пота-

кать", „мирволить" или, напротивъ, „допекать", уже нѣтъ суда и судебной дѣятельности, какъ нѣтъ и никакихъ предѣловъ разгулу произвола, симпатій, антипатій, благоволенія и раздраженія. Короче и возвращаясь къ нашей точкѣ отправленія— безпристрастный судебный дѣятель поступаетъ или судитъ по закону, разсудку, совѣсти и фактамъ, т.-е. дѣйствительности, а у пристрастнаго что-нибудь изъ этихъ составныхъ частей отсутствуетъ и замѣняется чѣмъ-нибудь другимъ, но чѣмъ именно—дурнымъ или хорошимъ—это ужъ все равно,—правосудія не будетъ. „Для того, чтобы правосудіе существовало"— говоритъ Гизо — „оно должно быть чисто, оно не допускаетъ никакой примѣси, оно исчезаетъ при малѣйшемъ постороннемъ вліяніи" [1]).

Мы говорили о безпристрастіи, — пойдемъ же теперь отъ обратнаго, всмотримся поближе въ пристрастіе. Судебное пристрастіе или лицепріятіе судебныхъ дѣятелей можетъ выражаться въ многоразличныхъ видахъ; перечисленіе изъ нихъ важнѣйшихъ послужитъ лучшимъ противъ него предостереженіемъ, тѣмъ болѣе, что ему свойственно маскироваться и появляться въ формѣ или мнимо-невинной, или трудно-уловимой. Бываетъ пристрастіе рѣзкое, грубое, такъ сказать, первобытное; это то, по поводу котораго уже цитированные нами источники русскаго служебнаго права не поскупились на рѣзкіе запреты. „*Дѣлати всякія государевы дѣла, не стыдяся лицъ сильныхъ*", „*въ судныхъ дѣлахъ по дружбѣ и по недружбѣ не прибавливати, не убавливати и ни въ чемъ ненаровити*" (Уложеніе царя Алексѣя Михайловича)—„*не смотрѣть ни на какое лицо, ни на какія предложенія, а тѣмъ менѣе на партикулярныя письма, хотя бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ*"—все это очень ясно, просто и требуетъ самой элементарной честности, не особенно трудной, между прочимъ, и потому, что нарушеніе ея цѣликомъ написано въ уголовномъ законѣ и нося тамъ внушительныя названія „неправосудія", „лихоимства", „служебнаго подлога", угрожаетъ оттуда чувствительно тяжкими послѣдствіями со

[1]) *Guisot.* Mélanges politiques et historiques, изд. 1869.

скамьею подсудимыхъ включительно. Но есть другое пристрастіе, гораздо болѣе соотвѣтствующее нашему утонченному времени и потому гораздо болѣе распространенное. Сравнительно съ первымъ видомъ оно почти неуловимо, для общества и правосудія, быть можетъ, еще вреднѣе, за-то для дѣятеля, имъ грѣшащаго, несравненно безопаснѣе. Я разумѣю такъ называемую *тенденціозность*—этотъ не чуждый идейности, но всегда постыдный и вредоносный грѣхъ, посѣтившій судебную службу съ тѣхъ поръ, какъ она стала открыта общественному вниманію. Здѣсь уклоненіе отъ правды можетъ быть едва замѣтно, тонко и искусно, но весьма дѣйствительно. Невидимый или микроскопическій грузъ, брошенный на одну изъ чашекъ вѣсовъ нашей слѣпой богини, уже нарушаетъ ихъ равновѣсіе; тонъ, дѣлающій музыку, при тѣхъ же судебныхъ нотахъ измѣняетъ впечатлѣніе; специфическій, хотя и легкій запахъ, быстро пропитываетъ атмосферу судебной залы или камеры. Сюда относится множество очень несочувственныхъ явленій, иногда вовсе некрупныхъ, но, повторяю—всегда подтачивающихъ правосудіе въ самомъ корнѣ. Они имѣютъ мѣсто, когда, напр., судебные дѣятели дѣйствуютъ подъ вліяніемъ какой-нибудь модной доктрины или своихъ личныхъ вкусовъ; когда при производствѣ дѣлъ они сводятъ какіе-нибудь личные счеты между собою, съ участвующими въ дѣлѣ или даже съ публикой; когда они предъ этой послѣдней рисуются, бьютъ на дешевые эффекты, щеголяютъ остроуміемъ; когда, наконецъ, они заискиваютъ въ этой публикѣ или въ печати, или, точнѣе, ищутъ популярности. И я не боюсь выразиться слишкомъ сильно, сказавъ, что всѣ названные пріемы или явленія для лицъ, состоящихъ на судебной службѣ, не только предосудительны и неблаговидны, но и недалеко ушли отъ простой продажности; вся разница въ томъ, что цѣна берется не матеріальная и по большей части недорогая. Судъ превращается или въ торжище, или въ театральное представленіе, или въ ристалище самолюбій — при чемъ же тутъ законъ, совѣсть, дѣло, правосудіе!? Въ безпощадномъ осужденіи подобныхъ уклоненій и заключается предѣлъ значенія общественнаго мнѣнія для судебныхъ дѣятелей. Поучаясь имъ, какъ уже было сказано,

они не должны ни въ немъ заискивать, ни его страшиться. Пусть его измѣнчивое теченіе по временамъ вздымаетъ вокругъ нихъ цѣлые вихри нареканій; чтобы исполнить долгъ безпристрастія, чины суда обязаны быть равнодушными и къ похваламъ, и къ порицаніямъ и неуклонно дѣлать свое дѣло, помня прекрасное французское изреченіе „fais ce que dois, advienne ce que pourra". При особенно же усиленныхъ нападкахъ, часто несправедливыхъ и незаслуженныхъ, хорошимъ утѣшеніемъ можетъ служить мудрый совѣтъ баснописца: „а ты своей дорогою ступай". Въ тѣсной связи съ безпристрастіемъ стоитъ *независимость*; это въ сущности одно и то же, или, пожалуй, разныя стороны одного предмета. Дѣятель безпристрастный въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ всегда независимъ въ нихъ отъ посторонняго вліянія. Противъ такого дѣятеля безсильны и страхъ, и выгода, и лесть въ ихъ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ и оттѣнкахъ; онъ зависитъ единственно отъ того же двойственнаго основанія—съ одной стороны, закона и фактовъ, съ другой, совѣсти и разума,—на которомъ зиждется и судебное безпристрастіе. Руководимаго этимъ основаніемъ, независимаго члена магистратуры нельзя подкупить ничѣмъ, ни прямо, ни косвенно и ни въ какую сторону—этимъ все сказано. При этомъ истинная независимость никогда не переходитъ въ щекотливость и щепетильность, не терпитъ выставки и шума; какъ всѣ добродѣтели, она серьезна и скромна, съ ней не носятся, ея не подчеркиваютъ и на мелочи не расходуютъ. Зато въ крупномъ, тамъ, гдѣ нужно и гдѣ стоитъ,—она блеститъ холоднымъ блескомъ гладкой стали, отъ которой всѣ поползновенія отскакиваютъ. Какъ историческій примѣръ, въ лѣтописяхъ этого высокаго качества магистратуры часто приводится классическій отвѣтъ одного изъ президентовъ парижскаго судебнаго парламента, который въ XVII столѣтіи на просьбу высокопоставленнаго лица оказать ему извѣстнымъ рѣшеніемъ услугу (de rendre un service) сказалъ, почтительно склоняясь: „la cour rend des arrêts, mais non des services".

Едва ли слѣдуетъ доказывать, что самостоятельность ничуть

не исключаетъ іерархическаго подчиненія и повиновенія низшаго дѣятеля высшему и потому вполнѣ гармонируетъ съ судебной дисциплиною даже въ самомъ узкомъ смыслѣ. Это два понятія, которыя идутъ параллельно, не сталкиваясь, а напротивъ, отлично другъ съ другомъ уживаясь. Независимость необходима противъ сверхзаконнаго, произвольнаго давленія, подчиненіе же законное, формальное, оставляетъ полный просторъ внутренней, нравственной независимости человѣческой личности подчиненнаго. Кромѣ того, повинуясь, онъ не только исполняетъ свою обязанность въ настоящемъ, но и беретъ задатокъ отъ будущей своей карьеры; для того, чтобы умѣть командовать, нужно умѣть повиноваться. Законъ стремится различными мѣрами обезпечить независимость судебной службы въ той степени, какая соотвѣтствуетъ характеру данной судебной должности; такъ, напримѣръ, самостоятельность судей гарантируется ихъ несмѣняемостью и неперемѣщаемостью внѣ законнаго порядка, самостоятельность прокуроровъ—постановленіемъ о свободѣ ихъ судебнаго убѣжденія и слова. Но я всегда думалъ и не перестану думать, что не въ этихъ внѣшнихъ гарантіяхъ заключается—по крайней мѣрѣ, у насъ и въ наше время—наилучшій и наиболѣе дѣйствительный оплотъ судебной независимости. Онъ прежде всего и больше всего—во внутреннемъ достоинствѣ самого человѣка, въ нравственномъ содержаніи его личности, въ его свойствахъ и направленіи. Можно быть смѣняемымъ, подвластнымъ—и стойко сохранять полнѣйшую самостоятельность человѣка, сознающаго свое достоинство. Наоборотъ, можно плыть подъ флагомъ видимой, крѣпко обезпеченной независимости и въ то же время непрестанно колебаться по волѣ всевозможныхъ общественныхъ и житейскихъ волнъ. Не будемъ дѣлать изъ судебной независимости ни фикціи, ни громкой фразы, ни фетиша. Это простое, преимущественно внутреннее качество, нравственно обязательное для всякаго судебно-служащаго и только.

Въ числѣ существенныхъ условій безпристрастія и независимости, какъ качествъ, требуемыхъ судебной службой, заслуживаетъ вниманія *чистота и безукоризненность* личной сферы

служащаго, въ частномъ, а главнымъ образомъ въ общественномъ отношеніи. Чтобы быть огражденнымъ отъ всякаго сторонняго вліянія, судебный дѣятель не долженъ подвергаться даже опасенію какого-либо стѣсненія или зависимости отъ личнаго своего положенія или своихъ личныхъ дѣлъ. Никакія связи, могущія имѣть какое-либо и когда-либо значеніе въ его профессіи, не должны его опутывать, такъ какъ по естественной человѣческой слабости онъ можетъ примѣшать ихъ къ своей дѣятельности даже незамѣтно для самого себя. Въ видѣ примѣра достаточно указать на двусмысленное и крайне скользкое положеніе лица судебнаго вѣдомства, играющаго на биржѣ, участвующаго въ акціонерномъ предпріятіи, въ управленіи кредитнымъ учрежденіемъ; простая логика и опытъ жизни не позволяютъ ожидать отъ такого члена магистратуры безпристрастія и независимости въ дѣлахъ, соприкасающихся съ указанными предметами, а въ нашемъ гражданскомъ оборотѣ этимъ дѣламъ имя легіонъ. Слишкомъ глубоко захватывается личный интересъ, слишкомъ разыгрываются вожделѣнія и страсти, а въ магистратурѣ также люди, отъ которыхъ не слѣдуетъ требовать аскетизма и самоотверженія, но нужно удалять соблазны. Отсюда — несовмѣстимость судебной службы съ занятіями, которыя могутъ повредить ея достоинству или независимости. Отчасти это уже установлено закономъ 3 декабря 1884 года, но далеко не всѣ смѣшенія, неудобныя для судебной службы, могли войти въ него, и предохраненіе себя отъ совмѣстительства во многомъ еще попрежнему составляетъ нравственную обязанность самихъ судебныхъ дѣятелей. Что же касается до собственно частной стороны и жизни члена магистратуры, то, по основному общему принципу личной свободы, частная сфера публичнаго дѣятеля неприкосновенна и никому до нея нѣтъ дѣла до тѣхъ поръ, пока она не вступитъ въ явное и рѣзкое, публично-скандальное противорѣчіе съ его профессіей. Во избѣжаніе по этому поводу излишняго ригоризма, который всегда граничитъ съ лицемѣріемъ и фарисействомъ, извѣстнымъ мѣриломъ можетъ служить основанная на несомнѣнныхъ фактахъ твердо установившаяся репутація, а также степень обществен-

наго уваженія, которымъ пользуется субъектъ, то, что французы называютъ consideration, т.-е. сумма, конечный выводъ изъ общаго къ человѣку отношенія. Здѣсь, въ этой шаткой и растяжимой области „гласа народа“ и „дыму“, который „не бываетъ безъ огня“, нужны въ оцѣнкѣ чрезвычайная умѣренность и осторожность, большое умѣнье отличить истину отъ вражды, навѣтовъ, сплетенъ, клеветы, которые неизбѣжно возникаютъ и кишатъ вокругъ публичныхъ дѣятелей. Но какъ бы то ни было, даже съ рискомъ впадать въ единичныя ошибки, общій принципъ остается неизмѣннымъ: общественная и нравственная личность того, кто служитъ правосудію, должна быть чиста и безупречна.

Мало обладать всѣми перечисленными свойствами, необходимо еще умѣть ими пользоваться и приводить ихъ въ цѣлесообразное дѣйствіе. Вооруженная рука дѣйствуетъ оружіемъ только благодаря системѣ двигательныхъ мускуловъ, при атрофированіи которыхъ орудіе вываливается и функція его отпадаетъ. Такими двигателями болѣе или менѣе во всякой службѣ, а въ судебной въ особенности являются двѣ группы свойствъ: первую можно обозначить словами—*образованность и развитіе*, вторую—*энергія и трудолюбіе*. Я умышленно прохожу молчаніемъ способности, таланты—это даръ Божій, отъ самого дѣятеля и окружающихъ его условій не зависящій и потому для службы не обязательный. Они драгоцѣнны и для успѣха судебнаго дѣла въ высшей степени желательны, но они не могутъ играть никакой роли въ той средней для всѣхъ доступной нормѣ, которая имѣется въ виду въ настоящемъ изложеніи. Не всѣ судебные чины могутъ быть талантливы, но всѣ могутъ и должны быть, по мѣрѣ силъ, образованы, трудолюбивы, энергичны. Необходимость для члена магистратуры основательнаго высшаго образованія, общаго и юридическаго, и обыкновенно связаннаго съ нимъ развитія доказывать не приходится; зачѣмъ стучаться въ двери, давно и настежь для всѣхъ открытыя, зачѣмъ подвергать какъ бы вопросу и сомнѣнію, что представитель правосудія, какъ одного изъ высшихъ отправленій человѣ-

ческаго духа, не можетъ быть невѣждою? Два слова только объ объемѣ этихъ существенныхъ принадлежностей судебной службы.

Правительственному юристу слѣдуетъ имѣть, кромѣ спеціальныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ онъ не можетъ ступить ни шагу, еще и основательныя общія понятія о главнѣйшихъ отрасляхъ человѣческаго знанія, объ элементахъ и современномъ положеніи важнѣйшихъ общественныхъ наукъ,—о всемъ томъ, по возможности, что̀ интересуетъ и заботитъ человѣчество вообще, родную же страну въ особенности. Сухое и узкое чиновничество грозитъ тому, кто замкнется въ кругѣ дѣлъ, бумагъ и законной буквы; ремесленникомъ, вмѣсто дѣятеля, сдѣлается тотъ, кто, оставаясь слѣпъ и глухъ къ совершающейся вокругъ него великой работѣ мысли, будетъ довольствоваться только мелкими интересами вседневнаго дѣлового обихода и безучастно махнетъ рукой на теорію, литературу, чтеніе. Ихъ освѣжающій притокъ предохраняетъ судебное сословіе отъ рутины и застоя, держитъ ея умственный уровень на извѣстной высотѣ, которая заставляетъ относиться къ судебнымъ обязанностямъ шире, глубже, просвѣщеннѣе и видѣть въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ одно механическое приложеніе закона къ безжизненному объекту. Вотъ почему нельзя не радоваться, когда судебные дѣятели и послѣ окончанія курса, въ круговоротѣ практики, не чуждаются занятій теоріею и литературою, слѣдятъ за тѣмъ, что̀ дѣлается въ нихъ; еще лучше—когда въ часы своихъ досуговъ они и сами влагаютъ въ нихъ свои посильные вклады. Ничто такъ не обновляетъ дѣла правосудія, какъ этотъ взаимный обмѣнъ между теоріею и практикою судебнаго права, одинаково важный для обѣихъ отраслей и возможный только въ томъ случаѣ, если установится постоянное, нормальное сближеніе между кабинетною ученостью и судебной дѣятельностью юристовъ-практиковъ. На Западѣ такой обмѣнъ укоренился давно и прочно; тамъ величайшіе судебные догматики и изслѣдователи вышли изъ рядовъ судебной службы и адвокатуры. Довольно назвать Эрольта, Дагессо, Сегье въ дореволюціонной, Мерлена, Беранже, Дюпена, Эли, Требюсьена, Тролона, Демоломба и множество другихъ въ новѣйшей Франціи; Блэкстона, Стифена въ Англіи; Шварца, Глазера, Унгера

въ Германіи и Австріи. При всей молодости нашей новой магистратуры и слабомъ еще распространеніи въ ней литературно-теоретическихъ занятій, есть уже и у насъ представители этого симпатичнаго и полезнаго теченія въ судебной службѣ. Русскому юристу должны быть хорошо извѣстны имена и труды Побѣдоносцева, Буцковскаго, Неклюдова, Таганцева, Кони, Фойницкаго, Случевскаго, Арсеньева, Квачевскаго и др.; въ интересахъ русскаго сословія судебнаго хотѣлось бы надѣяться, что почтенный примѣръ ихъ не перестанетъ находить себѣ послѣдователей.

Всѣ перечисленныя свойства, требуемыя судебной службой, могутъ остаться втуне, если ихъ не будутъ сопровождать скромныя, но безусловно необходимыя качества всякаго работника во всякомъ трудномъ и серьезномъ дѣлѣ—*энергія и трудолюбіе*. Дѣйствительно, чего же ждать въ работѣ отъ ихъ контрастовъ—вялости и лѣни? Съ первой неразлучны апатія, сонное и неохотное отправленіе обязанностей, какъ говорится „изъ пня въ колоду“, „для очистки номера“, полнѣйшее равнодушіе къ результатамъ дѣятельности. Вторая не позволяетъ справиться съ массой труда и заставляетъ избѣгать его, оставляя все недодѣланнымъ или исполняя нужное на скорую руку, кое-какъ. Судебную службу невозможно отправлять при такихъ условіяхъ: слѣды вялой и лѣнивой дѣятельности будутъ бить въ глаза и не замедлятъ выказать всю негодность повиннаго въ нихъ лица. Судебный трудъ, почти всегда огромный по количеству, по качеству требуетъ напряженія всѣхъ силъ и, задѣвая слишкомъ много благъ и интересовъ, быстро самъ обнаруживаетъ всѣ свои пробѣлы. Да и непосильно онъ отяготителенъ и скученъ тому, кого онъ не привлекаетъ, кто не предается ему всею полнотою воли и ума. На судебной службѣ нельзя фиктивно „числиться и состоять“ и очень трудно мертвенно тянуть бюрократическую канитель изо дня въ день. Одному мѣшаетъ множество неизбѣжной черной работы, другое несовмѣстно съ большими умственными и нравственными запросами этой дѣятельности. Въ магистратурѣ нечего искать ни долгихъ праздниковъ, ни безмятежнаго спокойствія, хотя бы и потому, что ни того, ни

другого не хотятъ знать преступленія, обиды и нескончаемые споры людей между собою о правахъ и объ имуществѣ.

Всѣмъ сказаннымъ намѣчены въ самыхъ бѣглыхъ очертаніяхъ главнѣйшія требованія судебной службы: законность, человѣчность, безпристрастіе, самостоятельность, повиновеніе, личная безукоризненность, образованность и трудолюбіе. На этомъ слѣдовало бы и покончить съ общими условіями той службы, если бы можно было представить ее себѣ въ отвлеченномъ видѣ, оторванною отъ окружающей среды. Но служащій въ судебномъ вѣдомствѣ не перестаетъ быть членомъ общества и гражданиномъ своей родины, и какъ поэтому, такъ и въ силу уже указаннаго публичнаго характера своего призванія, несетъ по отношенію къ нимъ нѣкоторыя особыя обязанности. Существуя для общества, работая на пользу отечества, судебное сословіе должно заботиться о томъ, чтобы его работа по своему характеру была *доступна* тѣмъ, для кого она производится—судимымъ, судящимся, всѣмъ, кому до суда есть надобность или кто входитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Облегчать и упрощать, а не затруднять сношенія народа, публики съ судомъ—прямая обязанность его дѣятелей. Въ ихъ распоряженіи есть много способовъ для того, чтобы обращеніе къ суду и его служителямъ перестало быть тягостно для обывателя. Въ этомъ отношеніи особенно важна и настоятельна *быстрота* всякаго судебнаго дѣйствія и производства. Для русскаго человѣка, имѣющаго съ судомъ дѣло, нѣтъ хуже его медленности или той судебной „волокиты“, къ которой онъ не могъ привыкнуть даже въ длинные годы стараго кривосудія. Всякое скорое рѣшеніе или окончаніе онъ предпочитаетъ долгому томленію, и бытовое выраженіе „мыкаться по судамъ“, звучащее такой тоской и неохотой, сложилось, вѣроятно, именно подъ вліяніемъ судебныхъ проволочекъ. Онѣ слишкомъ хорошо знакомы русскимъ людямъ, опротивѣли имъ до крайности и справедливо не прощаются медлителямъ, когда послѣдніе, вопреки завѣту „суда скораго“, появляются въ судебномъ вѣдомствѣ.

VII.

Для полноты представленія о судебной службѣ необходимо бросить бѣглый взглядъ на характеристическія черты ея отдѣльныхъ проявленій въ различныхъ должностяхъ. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить единство общей цѣли и однородность направленной къ ней дѣятельности. Сущность всякаго судебнаго дѣла составляетъ споръ передъ судомъ о правѣ; въ уголовномъ дѣлѣ—о публичномъ правѣ государства подвергнуть наказанію лицо, обвиняемое въ преступленіи, въ гражданскомъ — о частномъ правѣ одного лица надъ личностью или имуществомъ другого. Въ закономѣрномъ разрѣшеніи этого спора и заключается отправленіе правосудія, а власть рѣшать этотъ споръ и есть судебная власть, ввѣренная судебному вѣдомству [1]). Поэтому каждый служащій въ немъ служитъ правосудію и въ извѣстной мѣрѣ участвуетъ въ осуществленіи судебной власти, а такъ какъ функція послѣдней весьма сложна и разнообразна, то и исполненіе ея построено на началѣ раздѣленія труда и занятій. Вѣковой опытъ цивилизованнаго міра научилъ судебнаго законодателя, что въ одно и то же время, или одному и тому же лицу, невозможно правильно и успѣшно вести судебное дѣлопроизводство, производить слѣдствіе, поддерживать преслѣдованіе, постановлять приговоръ или рѣшеніе. Для всякой изъ этихъ отраслей нужны особые органы—отсюда пріуроченныя къ нимъ отдѣльныя судебныя должности, учрежденіемъ которыхъ устраняется вредное для правосудія смѣшеніе судебныхъ функцій. Эти должности могутъ быть классифицируемы, смотря по отношенію ихъ къ судебной власти, въ ея вышеприведенномъ смыслѣ. Всею полнотою этой власти, правомъ и обязанностью судить облечены *судьи*, т.-е. предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ; въ ея отправленіи принимаютъ необходимое и самостоятельное

---

[1]) Подобно дѣленію понятія о правѣ на право въ субъективномъ и въ объективномъ смыслѣ, судебною властью обозначаются какъ присвоенныя судебному вѣдомству права и обязанности рѣшать судебный споръ, такъ, въ переносномъ значеніи, и самые ея представители или органы со всѣми ихъ атрибутами.

участіе *судебные слѣдователи* и *лица прокурорскаго надзора*; наконецъ, этому отправленію способствуютъ *секретари*, *судебные пристава*, а отчасти и готовящіеся къ судебнымъ должностямъ *кандидаты* на эти послѣднія; кромѣ того, судьи и слѣдователи принадлежатъ къ *судейскому званію* и въ этомъ качествѣ пользуются несмѣняемостью, остальные же члены судебнаго сословія этого званія не носятъ, смѣняемы и находятся въ полномъ подчиненіи своему начальству. — Раздѣленіе труда въ области одной профессіи до нѣкоторой степени ведетъ къ спеціализаціи каждой отрасли занятій, которая и усвоиваетъ себѣ извѣстныя типическія особенности. Это выработанныя надобностями дѣла тѣ свойства и пріемы, которые именно для него наиболѣе пригодны, а въ дѣловомъ обиходѣ явственнѣе всего отличаютъ одну отрасль профессіи отъ другой. Такое дифференцированіе однако же вовсе не вызываетъ замкнутости или узкой односторонности въ спеціальностяхъ. Онѣ объединяются постояннымъ обмѣномъ личнаго состава и тѣмъ живымъ общеніемъ, которое обусловливается общимъ источникомъ дѣятельности и общимъ ея призваніемъ. Всѣ члены судебнаго сословія, какія бы должности они ни занимали, примѣняютъ одни и тѣ же законы, руководствуются одними и тѣми же основными принципами, одинаково стремятся къ открытію дѣйствительной, матеріальной истины. И если они подходятъ къ ней, каждый въ силу своей должности, съ разныхъ сторонъ и въ разные моменты, то это все-таки нисколько не разъединяетъ ихъ и не обособляетъ другъ отъ друга, а лишь даетъ ихъ дѣйствіямъ дружный центростремительный характеръ. Внутренно между собою связанныя дѣйствія эти себя взаимно дополняютъ и поддерживаютъ, что особенно ясно въ уголовной сферѣ, гдѣ, напримѣръ, прокуроръ возбуждаетъ преслѣдованіе, которое провѣряетъ слѣдователь, собирая для него матеріалъ подъ наблюденіемъ того же прокурора; на основаніи этого матеріала прокуроръ предъявляетъ судьямъ обвиненіе, а тѣ рѣшаютъ вытекающіе изъ него вопросы. При подобномъ постоянномъ взаимодѣйствіи судебныхъ должностей, ни одна изъ нихъ не можетъ быть чужда, а тѣмъ болѣе непріязненна другой. Помня когда-то убѣдившую римлянъ поучительную притчу

Менения Агриппы о поссорившихся органахъ человѣческаго тѣла, судебные дѣятели должны быть между собою солидарны и дѣйствовать согласно, съ неизбѣжнымъ добросовѣстнымъ разногласіемъ въ мнѣніяхъ, но безъ личныхъ пререканій и раздражительнаго антагонизма; они должны помогать, а не мѣшать другъ другу—иначе тотъ самый безпорядокъ и безправіе, отъ котораго они обязаны избавлять своихъ согражданъ, внѣдрятся въ ихъ собственной средѣ и овладѣютъ ими и ихъ дѣйствіями по правилу: „divide et impera“. При добромъ отношеніи къ дѣлу и пониманіи истинныхъ его задачъ, чинамъ различнаго судебнаго оружія дѣлить между собою нечего, и появленіе у нихъ соперничества или розни есть вѣрный и зловѣщій признакъ того, что дѣло отходитъ на задній планъ, на первый же выступаютъ „личные виды“, иногда неблаговидные, всегда вредоносные. Этимъ уже произнесено безусловное осужденіе всякимъ „домашнимъ распрямъ“ въ судебномъ вѣдомствѣ, столько же смѣшнымъ, сколько постыднымъ. Нельзя не пожелать, чтобы по мѣрѣ зрѣлости магистратуры онѣ становились анахронизмомъ, а затѣмъ и прямо невозможностью.

Не лишнимъ будетъ коснуться тутъ же еще одного немаловажнаго явленія судебной службы въ различныхъ должностяхъ—фактическаго раздѣленія ея на двѣ вѣтви: гражданскую и уголовную. Въ противоположность западной, особенно французской практикѣ, у насъ обѣ эти части разобщены довольно рѣзко. Есть должности, такъ сказать, „уголовныя“ по преимуществу, весьма мало и лишь слегка затрогивающія гражданскія дѣла; таковы слѣдователи и члены уголовныхъ отдѣленій судебныхъ мѣстъ. Къ нимъ принадлежатъ и чины прокурорскаго надзора, несмотря на то, что по закону они во многихъ случаяхъ принимаютъ участіе въ гражданскомъ производствѣ; обязанность эта, къ сожалѣнію, слишкомъ часто исполняется только формально и на нее привыкаютъ смотрѣть, какъ на безполезный, но обременительный придатокъ къ многосложной уголовной и охранительной дѣятельности прокуратуры. Наоборотъ, члены гражданскихъ отдѣленій и департаментовъ и чины ихъ канцелярій по самому содержанію своей работы вовсе игнори-

руютъ уголовныя дѣла, съ которыми встрѣчаются исключительно въ общихъ собраніяхъ и при кассированныхъ производствахъ. У тѣхъ и у другихъ малое знакомство съ предметомъ, чуждымъ ихъ постоянныхъ занятій, вызываетъ неохотное и неопытное съ нимъ обращеніе, а иногда и большія затрудненія. Съ теченіемъ времени служебныя занятія, спеціализируясь въ одной отрасли, расходятся все дальше и дальше по разнымъ русламъ, уголовному и гражданскому, и образуютъ въ судебной службѣ такъ называемыхъ „*криминалистовъ*“ и „*цивилистовъ*“. Дробленье это не обходится безъ крайностей; въ судебномъ мірѣ можно иногда услышать, конечно, шуточное и саркастическое, но не лишенное злой мѣткости опредѣленіе, по которому „криминалистъ“ есть тотъ, кто не знаетъ гражданской части, а „цивилистъ“—тотъ, для кого покрыта мракомъ неизвѣстности часть уголовная.

Едва ли нужно доказывать неправильность такого порядка вещей, явно невыгоднаго для правосудія. Обѣ его отрасли такъ тѣсно и неразрывно связаны, что раздѣлить ихъ можно лишь искусственно и произвольно. Не говоря уже объ общихъ для нихъ обѣихъ основныхъ принципахъ права и его теоріи, уголовные и гражданскіе элементы вездѣ переплетаются и сталкиваются до такой степени, что почти невозможно вѣрно и ясно понимать одно и въ то же время блистать невѣжествомъ въ другомъ. Особенно ясно это для гражданской части, начала которой, вмѣстѣ съ основами публичнаго права, составляютъ краеугольный камень юриспруденціи; у нѣмцевъ давно ужъ сказано: „Kein Civilist, kein Jurist“. Такъ слѣдователи и прокуроры, эти профессіональные криминалисты, не могутъ обойтись безъ обстоятельнаго знанія этихъ началъ; разрѣшеніе уголовной и гражданской подсудности, преюдиціальные вопросы, институтъ собственности, какъ главнѣйшій объектъ преступленія, гражданскій искъ въ уголовномъ дѣлѣ—все это требуетъ знакомства съ гражданскимъ правомъ и практикой гражданскаго процесса. Свѣдѣнія могутъ быть элементарныя, но должны быть основательны, а запасъ ихъ нуждается въ поддержкѣ и обновленіи. Съ другой стороны, и цивилисту слѣдуетъ умѣть

разобраться въ преступности или безразличіи проходящаго передъ нимъ дѣянія. Казалось бы, что первенствующіе въ уголовной сферѣ вопросы общественнаго порядка, личной отвѣтственности, умысла, свободной воли и проч.. а также методы открытія и изслѣдованія дѣйствительной, а не условной только правды, уже тѣмъ полезны и даже дороги для члена магистратуры, занимающагося гражданской частью, что они своимъ жизненнымъ и нравственнымъ значеніемъ не позволятъ ему всецѣло погрузиться въ сухую казуистику гражданскихъ правонарушеній и исключительный формализмъ, легко внушаемый гражданскими дѣлами. Во всякомъ случаѣ, служба въ судебномъ вѣдомствѣ предполагаетъ служеніе правосудію—а слѣдовательно, и знакомство съ нимъ—вообще, безъ раздѣленія его на уголовное и гражданское. Можно быть опытнѣе и искуснѣе въ одномъ, но и въ другомъ нельзя бродить, какъ въ лѣсу, ограничивая свой обиходъ тѣсными предѣлами спеціальной техники. Въ интересахъ правильнаго развитія нашего судебнаго сословія нельзя не пожелать, чтобы въ немъ сгладилась довольно глубокая черта, отдѣляющая теперь криминалистовъ отъ цивилистовъ; пусть изъ нихъ вырабатываются служебные дѣятели типа болѣе общаго, кругозора болѣе широкаго—*юристы*.

VIII.

Строго говоря, въ составѣ судебнаго сословія только *судьи*—подъ которыми мы разумѣемъ членовъ судебныхъ мѣстъ всѣхъ степеней и ранговъ, отъ сенатора кассаціоннаго департамента до члена окружного суда и единоличнаго судьи включительно,—только судьи отправляютъ правосудіе и примѣняютъ судебную власть, врученную имъ законодателемъ. Важность такого назначенія кладетъ особый отпечатокъ и на служебный характеръ званія и дѣятельности судьи. Призваніе его во всѣ времена и у всѣхъ народовъ считалось какъ бы священнымъ и потому требующимъ отъ исполнителя самыхъ высокихъ достоинствъ и способностей. Святость и возвышенность судейскихъ обязанностей указывается еще въ священномъ писаніи Ветхаго Завѣта, которое обозначаетъ

судей наименованіемъ „божественныхъ“ и ставитъ имъ условіемъ соединеніе всѣхъ добродѣтелей, а задачей—осуществленіе наивысшей доступной человѣку справедливости [1]). Тотъ же взглядъ существовалъ и въ классическомъ мірѣ; въ самомъ началѣ Дигестъ Ульпіанъ называетъ судей „жрецами“ (sacerdotes) права. Эта черта, вносящая въ характеристику судьи чрезвычайную идеализацію, не чужда и новѣйшему, нашему времени; ее можно встрѣтить даже въ публицистической оцѣнкѣ общихъ принциповъ судейской дѣятельности. Въ одномъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ весьма извѣстномъ въ Германіи памфлетѣ, направленномъ противъ современнаго положенія прусскихъ судей, серьезно и горячо доказывается, что судья, по внутреннему смыслу и значенію своихъ обязанностей, долженъ соединять въ своей служебной личности элементы царскаго авторитета, благочестія священнослужителя, разумѣнія и проницательности мудреца [2]). Мы не пойдемъ такъ далеко, не будемъ ничего преувеличивать и, оставаясь на почвѣ практической дѣйствительности, скажемъ прекрасными словами составителей нашихъ судебныхъ уставовъ, что „достоинство судьи зависитъ не только отъ его способностей и юридическихъ познаній, но и отъ нравственныхъ его качествъ: безпристрастія, прилежанія, самоотверженія и той къ юридическимъ занятіямъ наклонности, которая лучше всего обезпечиваетъ и пріобрѣтеніе имъ полезныхъ для судьи свѣдѣній, и терпѣливое перенесеніе имъ всѣхъ тягостей постояннаго труда, требующаго зрѣлаго размышленія“ (Суд. Уставы 20 ноября 1864 г., изд. Гос. канц. 2 изд.—III т., стр. XXXIV).

Если приглядѣться ближе къ судейской дѣятельности, то не трудно видѣть, что къ ней въ особенности примѣнимо сказанное выше о главныхъ основаніяхъ судебной дѣятельности вообще. Въ самомъ дѣлѣ, задача судьи именно и заключается въ приложеніи закона, посредствомъ совѣсти и разума, къ фактамъ, изъ-за которыхъ происходитъ судебный споръ. Опредѣленіе это стародавнее: оно выражено еще въ Екате-

---

[1]) Исх. XXI, 6; XXII, 28; XXIII, 2; Левитъ XIX, 15, Экклезіастъ и др.

[2]) *Planenberg.* Der preussische Richter von seinen Schattenseiten gezeichnet. 4 Aufl. 1878.

рининскомъ наказѣ, 152 § котораго гласитъ: „Судья, судящій о какомъ бы то ни было преступленіи, долженъ одинъ только силлогизмъ или соразсужденіе сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе или посылка первая есть общій законъ, второе предложеніе или посылка вторая изъявляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оное съ законами или противно имъ; заключеніе содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго". Такимъ же образомъ въ сущности поступаетъ и нынѣшній судья, съ нѣкоторою лишь оговоркою. Согласно юридическимъ воззрѣніямъ XVIII вѣка, приведенная формула судейской функціи была болѣе всего направлена къ ея ограниченію, къ тому, чтобы судьи не дерзали толковать законы по своему личному разумѣнію или произволу, какъ это ясно высказано въ предыдущемъ § 151 и въ послѣдней части цитированнаго уже § 152. „Ежели судья самъ собою или убѣжденный темностью законовъ дѣлаетъ больше одного силлогизма въ дѣлѣ криминальномъ, тогда уже все будетъ неизвѣстно и темно". Время указаннаго запрещенія давно миновало и нынѣ никто не сомнѣвается въ томъ, что для правильнаго примѣненія законовъ къ фактамъ судья даже обязанъ толковать первые при помощи того же критерія, который онъ прилагаетъ и ко вторымъ, т.-е. совѣсти и разума. Тѣмъ не менѣе эта старая формула не потеряла и понынѣ своего значенія, какъ стражъ и указатель безпристрастія судейскаго сужденія, основаннаго на фактѣ и законѣ. Впрочемъ, идеи и потребности нашего времени внесли и сюда необходимую поправку. Основы правосудія остались тѣ же, но характеръ и окраска ихъ измѣнились, они несомнѣнно сдѣлались болѣе гибкими и мягкими и болѣе цѣлесообразными. Въ содержаніе задачи новѣйшаго судьи привзошли нѣкоторые другіе элементы, хотя и второстепенные, но по своему практическому вліянію весьма существенные. Такъ, даже въ дѣлахъ гражданскихъ, по современнымъ взглядамъ, судья не можетъ трактовать предлагаемые ему правовые факты единственно какъ мертвыя математическія истины: рядомъ съ ними становятся нравственная ихъ оцѣнка и общежитейскій смыслъ, какъ вліятельные факторы судейскаго рѣшенія. Въ дѣлахъ уго-

ловныхъ значеніе такихъ привходящихъ факторовъ еще обширнѣе: здѣсь судья имѣетъ дѣло, кромѣ голыхъ матеріальныхъ фактовъ, еще съ духовною природою человѣка, со всѣми его благами, не исключая и самыхъ отвлеченныхъ, со всею жизненною его судьбою, и, сверхъ того, съ первостепенными общественными интересами. Разрѣшая гражданскій споръ, судья стремится найти въ немъ и водворить надъ спорящими сторонами справедливость, насколько она выясняется изъ представленныхъ данныхъ, и насколько она выражается въ положительныхъ нормахъ гражданскихъ отношеній, охраняемыхъ закономъ. Въ уголовномъ же процессѣ судья захватываетъ гораздо шире, проникаетъ глубже до крайнихъ предѣловъ истины, доступной человѣческому вѣдѣнію. Опредѣляя преступленіе и назначая за него наказаніе, судья совершаетъ весьма сложный и разносторонній трудъ: путемъ логическаго мышленія онъ устанавливаетъ факты, при помощи психологическаго и физіологическаго изслѣдованія разрѣшаетъ вопросы о вмѣненіи, и, наконецъ, въ качествѣ органа публичнаго возмездія, охраняетъ интересы общаго блага и общественнаго порядка. Соотвѣтствующею сложностью и многообразіемъ отличается и самый методъ судейскаго сужденія. Это одновременно и индукція и дедукція, синтезъ и анализъ, и выводъ общаго изъ частностей, и разложеніе цѣлаго на его составныя части, ихъ изученіе въ отдѣльности, и затѣмъ сведеніе къ одному итогу. Въ судебной функціи есть и своего рода творчество. Правда, судья не вызываетъ къ жизни новыхъ понятій, не вымышляетъ образовъ, а беретъ факты уже готовые, людей существующихъ, отношенія сложившіяся, но все это онъ переработываетъ по-своему, какъ живой, разумный органъ справедливости. Разсматривая свой матеріалъ въ особомъ свѣтѣ совѣсти, которая предполагается чистою, и разума, который долженъ быть проницательнымъ, судья извлекаетъ изъ фактовъ и людскихъ дѣяній объекты, вызывающіе дѣйствіе закона и, примѣняя его, создаетъ новыя жизненныя концепціи, полныя силы и значенія. Таковы всѣ практическія послѣдствія судебнаго приговора или рѣшенія, и самая auctoritas rei judicatae. Въ этой созидательной своей работѣ судья идетъ и дальше; посредствомъ

интерпретаціи, судебной практики, и вообще самою своею дѣятельностью развивая и воспитывая въ обществѣ чувство законности, онъ непрестанно творитъ въ гражданскомъ оборотѣ право, двигаетъ его впередъ въ уровень съ прогрессирующимъ ходомъ жизни. Въ наше время вездѣ господствуетъ принципъ суда *по внутреннему убѣжденію судейской совѣсти*, которая не стѣснена предустановленными рамками и лишь въ извѣстныхъ гражданскихъ казусахъ считается съ всесильнымъ прежде началомъ—quod non est in actis, non est in mundo. Но господство это вовсе не безусловно: свобода судейской совѣсти не есть судейскій произволъ, и современный судья, для исполненія своей задачи, подчиняетъ свое сужденіе цѣлой системѣ разсудочно обязательныхъ условій. Онъ не довольствуется простымъ здравымъ смысломъ и не довѣряетъ одной своей личной опытности; онъ производитъ изслѣдованіе фактовъ съ цѣлью приложенія къ нимъ закона на основаніи провѣренной вѣками логической теоріи доказательствъ и вѣроятностей. Свободный въ своемъ убѣжденіи отъ писанныхъ положительныхъ законовъ о доказательствахъ, судья не свободенъ отъ отвлеченныхъ законовъ логики и при этомъ связанъ, съ одной стороны, предписаніями человѣколюбія (милости), а съ другой—требованіями общей пользы.

Рѣшая судебный споръ, судья произноситъ въ немъ послѣднее слово, отъ котораго зависитъ удовлетвореніе домогательствъ сторонъ. Для того же, чтобы это слово было безпристрастное, справедливое и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетное, судейское обсужденіе должно быть проникнуто тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, которое приличествуетъ конечному акту правосудія. Это спокойствіе дѣятеля, идущаго къ цѣли прямою, ясною дорогою, мѣрнымъ и твердымъ ходомъ, безъ уклоненій и скачковъ, безъ поспѣшности и увлеченій, но за-то и не взирая ни на какія препятствія. Оно обезпечивается въ извѣстной мѣрѣ *пассивнымъ* характеромъ судейской дѣятельности. По основной теоретической ея идеѣ, очищенной отъ примѣсей и уступокъ практикѣ, судья неподвиженъ и стоитъ выше и во всякомъ случаѣ внѣ происходящей передъ нимъ борьбы сторонъ. Онъ вмѣшивается въ нее лишь настолько, насколько это нужно, чтобы сдержать

стороны въ законныхъ предѣлахъ; онъ беретъ только то, что онѣ даютъ ему, и исключительно изъ этихъ данныхъ выводитъ свое сужденіе. Пассивность эта значительно нарушается въ дѣлахъ уголовныхъ, гдѣ судья имѣетъ гораздо больше самодѣятельности и, независимо отъ сторонъ, самъ разыскиваетъ истину. Отсюда преобладаніе для судьи начала пассивнаго или состязательнаго въ гражданской и активнаго или розыскнаго въ уголовной области. Но въ дѣйствительности и въ этой послѣдней самодѣятельность судьи сводится лишь къ тому, что онъ юридически не связанъ въ своихъ опредѣленіяхъ и приговорахъ требованіями сторонъ и можетъ свободно переходить черезъ ихъ границы; фактически же и здѣсь судья въ сущности только разбирается въ аргументаціи сторонъ и строитъ зданіе изъ собраннаго и приготовленнаго имъ матеріала. Спокойствію и пассивности рѣшающаго суда способствуетъ его *коллегіальность*. Основанная на общеизвѣстномъ житейскомъ правилѣ о томъ, что „умъ хорошо, а два лучше“, коллегіальность судейскаго присутствія представляетъ одну изъ гарантій правильности его постановленій и, кромѣ того, въ значительной степени обезпечиваетъ ихъ безличность, а слѣдовательно и безпристрастіе. Личность судьи съ его взглядами, вкусами и настроеніемъ какъ бы исчезаетъ, стушевывается въ коллегіи, которая поглощаетъ или по крайней мѣрѣ сглаживаетъ то, что у единоличнаго судьи могло бы явиться результатомъ непреодолимыхъ симпатій и антипатій или преходящаго впечатлѣнія. Предполагается, что въ коллегіи легче находятъ себѣ примиреніе противоположности и противорѣчія, изъ столкновенія которыхъ вырабатывается истина. Не всегда, конечно, бываетъ такъ на дѣлѣ, и нерѣдко, по неизбѣжной человѣческой слабости, коллегія слѣпо идетъ за почему-либо болѣе авторитетнымъ и сильнымъ мнѣніемъ одного изъ своихъ членовъ. Замѣчается иногда и другой недостатокъ: въ коллегіи ослабляется могучій стимулъ личной отвѣтственности во всѣхъ ея проявленіяхъ, формальныхъ, нравственныхъ и общественныхъ. Судъ какъ бы прикрываетъ собою судью, который поэтому можетъ мыслить и поступать безконтрольнѣе, не опасаясь связать значеніе и послѣдствія судейскаго поста-

новленія съ однимъ своимъ именемъ и дѣйствіями. Но, по мысли законодателя, неудобство перевѣшивается преимуществами, и поэтому коронный судъ для болѣе важныхъ дѣлъ организованъ на коллегіальномъ началѣ. Оно налагаетъ на отдѣльныхъ членовъ коллегіи нравственную обязанность во всемъ подчиняться ей, не стараться премировать надъ сотоварищами, не навязывать имъ своего мнѣнія; въ составѣ коллегіи нужно его мотивировать, можно доказывать, но не слѣдуетъ увлекать за собою другихъ. Если не составилось единогласія, „большинство“ есть относительное выраженіе той относительной истины, которую судъ долженъ найти и высказать (res judicata pro veritate habetur). Отсюда нѣсколько весьма понятныхъ выводовъ: желательно устраненіе изъ судейскихъ совѣщаній всякаго личнаго элемента и, между прочимъ, необходимо соблюденіе тайны ихъ не потому, чтобы судьи должны были бояться „выносить соръ изъ избы“, но потому, что разглашеніе этой тайны—такъ ужъ люди устроены—можетъ совсѣмъ ошибочно придать личный оттѣнокъ даже и коллегіальнымъ распоряженіямъ суда. Отсюда же и рѣзкое, безусловное несогласіе съ самой идеей судейской организаціи всего сколько-нибудь похожаго на „партіи“ среди судейской коллегіи, такіе, напр., случаи, когда судья *X* во всѣхъ вопросахъ непремѣнно стоитъ за судью *Y* противъ судьи *Z*. Эти случаи—всегда произведеніе розни и личныхъ самолюбій и честолюбій, не имѣющихъ ничего общаго съ правосудіемъ и его интересами. Вообще дѣятельность судей, соединенныхъ въ коллегію, должна быть, по своему характеру и направленію, такова, чтобы народу можно было совсѣмъ позабыть сложившуюся у него пословицу: „не бойся суда, а бойся судьи“.

Изъ пассивности и коллегіальнаго безличія судейской функціи есть яркое исключеніе—въ единоличной самодѣятельности *предсѣдателя* судебной коллегіи, въ особенности по уголовнымъ дѣламъ и въ судебныхъ засѣданіяхъ. Предсѣдатель или предсѣдательствующій въ судѣ представляетъ ту руководящую и сдерживающую активную силу, безъ которой не можетъ обойтись ни одно правильное учрежденіе, какія бы начала внѣшней неподвижности и внутренняго равенства ни были положены

въ его основаніе. Распорядительныя обязанности предсѣдателя нисколько не нарушаютъ самостоятельности судей и нѣкотораго самоуправленія судейской коллегіи; предсѣдатель есть распорядитель не суда, а порядка судейской дѣятельности. Между тѣмъ какъ судъ безмолвствуетъ, слушая, изучая и взвѣшивая,— предсѣдатель печется о томъ, чтобы весь матеріалъ этой работы доходилъ до суда своевременно, полностью и прямыми, вѣрными путями. Поэтому, онъ же и является властнымъ посредникомъ между судомъ и сторонами, свидѣтелями, публикой. Поэтому же предсѣдателю, какъ органу судебной администраціи, подчинены судебная канцелярія (секретари и проч.), исполнительные судебные чиновники (судебные пристава, разсыльные и проч.), а также и всѣ лица, находящіяся въ судебномъ засѣданіи. Отъ него зависитъ и исходитъ весь распорядокъ этого послѣдняго, т.-е. то, что̀ французы характерно называютъ la police d'audience. Выше уже было замѣчено, что въ уголовныхъ дѣлахъ судъ болѣе самостоятеленъ, выходитъ изъ своей пассивности и самъ разыскиваетъ истину, для чего самъ производитъ и всестороннее изслѣдованіе фактовъ, среди которыхъ она скрывается. Это преобладаніе активной черты въ дѣйствіяхъ уголовнаго суда пропорціонально увеличиваетъ и активную дѣятельность его предсѣдателя, которому нашъ законъ (ст. 611—619 уст. угол. суд.) предоставляетъ управленіе ходомъ дѣла въ судебномъ засѣданіи, а французское право, идя гораздо дальше, такъ называемую „дискреціонную", т.-е. безграничную власть въ этомъ отношеніи (pouvoir discretionnaire). Полномочія предсѣдателя, особенно въ судѣ присяжныхъ, такъ обширны, а по своему значенію и послѣдствіямъ для разъясненія дѣла такъ важны, что дѣйствіями предсѣдателя по большей части опредѣляется то или другое направленіе судебнаго изслѣдованія, а иногда даже тотъ или другой исходъ его. Держа въ своихъ рукахъ всѣ нити уголовной процедуры, предсѣдатель можетъ, для посторонняго глаза едва замѣтно, передвигать, опускать и подтягивать ихъ по своему усмотрѣнію, вліяя тѣмъ и на разработку доказательствъ, и на необходимыя заключенія изъ нихъ. Вотъ почему и можно почти въ каждомъ случаѣ

явнаго уклоненія судебно-уголовнаго производства съ участіемъ присяжныхъ отъ правильнаго пути и разрѣшенія найти одну изъ главныхъ причинъ этого въ томъ или другомъ образѣ дѣйствій предсѣдателя. Такой пріемъ имѣетъ большое практическое значеніе при кассаціонной повѣркѣ производства, для которой, поэтому, изреченіе „*cherchez le president!*“ едва ли будетъ парадоксомъ. За-то немного въ судебной области отраслей труда болѣе интересныхъ и заманчивыхъ, чѣмъ предсѣдательское руководительство судебнымъ слѣдствіемъ и участіемъ въ дѣлѣ присяжныхъ засѣдателей. Спокойная энергія, находчивость, проницательность, логика, знаніе жизни и людей—все находитъ себѣ здѣсь широкое примѣненіе, съ немедленными и осязательными результатами. По первоначальному намѣренію законодателя, проведенному въ Судебныхъ Уставахъ 20 ноября 1864 г., предсѣдатель судебнаго мѣста, внѣ судебнаго засѣданія и своихъ обширныхъ полномочій въ этомъ моментѣ, долженъ былъ являться въ судейской коллегіи только первымъ между равными (primus inter pares), представителемъ и проводникомъ ея постановленій. Власть начальствованія выражалась единственно въ подчиненіи предсѣдателю судебныхъ чиновниковъ и канцеляріи, а право надзора—въ предписаніи ст. 251 учр. суд. уст. На основаніи этой статьи, дѣйствующей и до сихъ поръ въ ея прежнемъ видѣ, предсѣдатель по принадлежащему ему праву надзора „за скорымъ и правильнымъ движеніемъ дѣлъ и за точнымъ исполненіемъ должностными лицами своихъ обязанностей“... замѣтивъ какія-либо упущенія или „отвращаетъ ихъ собственными распоряженіями, или же принимаетъ мѣры къ преданію виновныхъ отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарнаго производства“. При этомъ, какъ выяснено въ мотивахъ къ учрежденіямъ судебныхъ установленій (Суд. Уст. 20 ноября 1864 г. изд. Госуд. канц. ч. III, стр. 178), сущность этого надзора, ничѣмъ не отличающагося отъ надзора со стороны министра юстиціи и прокуроровъ, ограничена „заявленіемъ объ извѣстныхъ имъ (предсѣдателямъ) нарушеніяхъ закона и установленныхъ правилъ подлежащему суду, для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій“. Въ настоящее

время положеніе нѣсколько измѣнилось. Практика выдвинула требованія упорядоченія и дисциплины болѣе строгой и дѣйствительной, а главное—быстрѣе и удобнѣе осуществляемой. Закономъ 20 мая 1885 г. [1]) предсѣдатель поставленъ въ отношеніи дисциплинарномъ выше своей коллегіи и облеченъ большими правами по надзору за судьями; въ составъ этихъ правъ входятъ, между прочимъ, средства новыя и довольно рѣшительныя—обозрѣніе судейскаго дѣлопроизводства и право дѣлать должностнымъ лицамъ, допустившимъ какую-либо неправильность, соотвѣтствующія напоминанія и указанія (законъ 20 мая 1885 г. XIII—2, 3). Но вызванное необходимостью усиленіе надзора и дисциплины нельзя считать нарушеніемъ того, что законодатель объявилъ „главными условіями правильнаго судоустройства“,—„самостоятельности суда и независимости судьи“. Въ кореннсмъ своемъ основаніи они незыблемы и понынѣ, и благомыслящіе ревнители законнаго порядка никогда не усомнятся, вмѣстѣ съ составителями судебныхъ уставовъ, въ томъ, что безъ указанныхъ условій „не можетъ быть суда въ настоящемъ значеніи этого слова“ [2]).

Самостоятельность суда и независимость судьи проявляются, главнымъ образомъ, въ несмѣняемости судей и внутреннемъ самоуправленіи судебныхъ мѣстъ. То и другое имѣетъ цѣлью оградить судъ отъ произвола и случайныхъ мнѣній административнаго начальства и обезпечить судьямъ возможность спокойнаго и нелицепріятнаго отправленія правосудія на основаніи одной лишь совѣсти, убѣжденія и точнаго разума законовъ. Значеніе первой изъ этихъ судейскихъ прерогативъ, несмѣняемости, вовсе не устанавливаетъ, однакоже, даже и на практикѣ судейской „неуязвимости“, какъ иногда ошибочно думаютъ и говорятъ. Это было бы узаконеніемъ того же произвола въ той самой судебной сферѣ, въ которой они взаимно другъ друга исключаютъ по своей природѣ. Смыслъ несмѣняемости въ тепе-

[1]) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „О порядкѣ изданія общаго наказа судебнымъ установленіямъ и о дисциплинарной отвѣтственности чиновъ судебнаго вѣдомства“. I, 1, 2; XI, 2, 3; XIII, 2, 3.

[2]) Судебные Уставы—изданіе Государственной канцеляріи, ч. III, стр. 177

рѣшней ея постановкѣ заключается лишь въ томъ, что никакая служебная невзгода не можетъ постичь судью за то, что его постановленіе или дѣйствіе не соотвѣтствуетъ чьему либо желанію или мимолетному настроенію минуты; не долженъ онъ опасаться утѣсненія и въ томъ случаѣ, если личность его кому-нибудь не понравилась или мѣсто его кому-нибудь понадобилось. Онъ можетъ безмятежно отправлять свои обязанности и пользоваться преимуществами даннаго служебнаго своего положенія до тѣхъ поръ, пока высшій судъ не признаетъ его въ установленномъ порядкѣ за преступленія или явное нарушеніе судейскаго долга недостойнымъ носить званіе судьи или подлежащимъ переводу въ другую мѣстность (ст. 243, законъ 20 Мая 1885 года, XX и XXI). Такимъ образомъ, несмѣняемъ только судья, дѣйствующій законно, правильно, добросовѣстно и съ достоинствомъ, а сужденіе объ этомъ—въ рукахъ высшихъ надъ нимъ и наиболѣе компетентныхъ судей, облеченныхъ особымъ довѣріемъ правительства. Что же касается до судейскаго самоуправленія, то оно не переходитъ за предѣлы такихъ домашнихъ, такъ сказать, надобностей и вопросовъ, о которыхъ судить и рѣшать удобнѣе всего самой переживающей ихъ коллегіи. Она одна, по соображеніи всѣхъ условій времени и мѣста, можетъ съ успѣхомъ разобраться въ такихъ чисто внутреннихъ вопросахъ, какъ, напр., распредѣленіе занятій, разрѣшеніе отпусковъ, наложеніе низшаго дисциплинарнаго взысканія и проч. По той же причинѣ ей предоставлено рекомендовать министру юстиціи кандидатовъ, наиболѣе, по ея мнѣнію, способныхъ занять открывшуюся судейскую вакансію. Всѣ перечисленныя условія дѣлаютъ судью разумно самостоятельнымъ членомъ судебнаго сословія, съ высокими обязанностями, достаточными правами и дѣйствительною отвѣтственностью.

Судьи общихъ судебныхъ установленій, по занимаемому ими въ службѣ положенію и свойству ихъ обязанностей, могутъ быть раздѣлены сообразно къ степенямъ суда на три постепенныхъ ранга: судей окружного суда или первой инстанціи, судей судебной палаты или апелляціонныхъ и судей правительствующаго сената или кассаціонныхъ. Различаясь старшинствомъ и

служебными преимуществами, они различаются и по характеру своихъ судебныхъ занятій. Судьи окружного суда имѣютъ дѣло по преимуществу съ сырымъ матеріаломъ судебныхъ казусовъ, съ фактами только-что собранными и подвергнутыми лишь первоначальному и предварительному изслѣдованію; они высказываютъ объ этихъ фактахъ первое слово собственно судебной власти, уже поэтому всегда особенно важное, иногда, какъ въ судѣ присяжныхъ, почти рѣшительное. Передъ тѣми же судьями проходятъ живыми люди, ихъ отношенія и событія, являющіяся предметомъ судебнаго разсмотрѣнія. Они же имѣютъ ближайшій надзоръ за мѣрами предварительнаго слѣдствія—этой исходной точки уголовнаго дѣла. Обширная распорядительная часть, засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, выѣздныя сессіи, отправляющія судъ среди мѣстнаго населенія, начальное развитіе и первая оцѣнка доказательствъ въ гражданскомъ процессѣ—все это придаетъ функціи окружныхъ судей чрезвычайное разнообразіе, большую важность и живой интересъ. Если не побояться метафоры, можно сказать, что въ камерѣ окружного суда бытовая жизнь бьетъ ключомъ со всѣмъ богатствомъ своего содержанія, съ широкимъ разоблаченіемъ темныхъ ея сторонъ, съ нерѣдкимъ просвѣтомъ и хорошихъ. Судья долженъ знать и понимать эту жизнь; и между нимъ и ею существуетъ непрестанное и оживленное взаимодѣйствіе. Изъ жизни черпаетъ судья главнѣйшій матеріалъ своей работы, а самъ направленіемъ и духомъ этой послѣдней вноситъ въ жизнь здоровыя начала законности и порядка; дѣйствуя правильно, онъ поддерживаетъ такъ часто изнемогающихъ въ борьбѣ борцовъ ея примѣрами того, что и въ человѣческомъ общежитіи, по возможности, каждому воздается по дѣламъ его.

Функція судей высшаго ранга, засѣдающихъ въ судебныхъ палатахъ и кассаціонныхъ департаментахъ сената, характеризуется преобладаніемъ критическаго элемента. Сравнительно мало и рѣдко разрѣшая сами дѣла въ первой инстанціи, они занимаются, главнымъ образомъ, повѣркою постановленныхъ уже рѣшеній и вообще служебныхъ дѣйствій подвѣдомственныхъ имъ судебныхъ чиновъ. Въ составѣ коллегій высшимъ

судьямъ присвоенъ общій и высшій надзоръ за лицами судебнаго вѣдомства и ихъ дѣятельностью. Кромѣ того, имъ предоставлено въ первой инстанціи вѣдать нѣкоторыя особыя дѣла, съ оттѣнкомъ политическаго или правительственнаго значенія, каковы, напр., дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, о преступленіяхъ должности высшихъ чиновъ, о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ порядка управленія и нарушеніяхъ законовъ о печати. Судьи наивысшаго ранга, сенаторы, въ своихъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ даютъ руководящее толкованіе закона, обязательное для судебной практики и тѣмъ ее регулирующее. А такъ какъ критика, повѣрка и надзоръ всегда предполагаютъ и бо́льшую компетентность, чѣмъ та, которою обладаетъ критикуемый, то уже изъ сдѣланнаго перечня ясно, какимъ высокимъ требованіямъ знанія, опытности и способностей должны удовлетворять кассаціонные и апелляціонные судьи. Они старшіе члены всей магистратуры—и младшіе въ правѣ ожидать отъ нихъ авторитетности и образцовыхъ поученій.

Судебные слѣдователи близко примыкаютъ къ судьямъ. Значеніе слѣдовательской должности можно опредѣлить сравненіемъ. Всякое полное уголовное производство уподобляется сложной постройкѣ зданія нѣсколькими зодчими: слѣдователь кладетъ фундаментъ, на которо́мъ стороны, обвиненіе и защита, возводятъ стѣны; ихъ завершаютъ, какъ вѣнцомъ, судьи первой инстанціи своимъ приговоромъ, а высшіе судьи повѣряютъ правильность и прочность строенія, обрекая его на сломку или, напротивъ, укрѣпляя своимъ утвержденіемъ. Если фундаментъ плохъ, зданіе не выдерживаетъ и рушится, иногда раньше, иногда послѣ доведенія до кровли; въ лучшемъ случаѣ, при твердой почвѣ, но дурномъ фундаментѣ приходится подводить новый уже во время самой стройки, исправляя или замѣняя то, что́ было упущено при предварительныхъ работахъ. Такъ и слѣдователь въ значительной степени держитъ въ своихъ рукахъ судьбу уголовной истины; онъ отыскиваетъ ея слѣды, намѣчаетъ первые контуры и старается о томъ, чтобы эти легко ускользающія и трудноуловимыя первоначальныя очертанія преступленія дошли до судьи не изгладившись. Въ сущ-

ности, слѣдователь есть тотъ же уголовный судья, только сошедшій съ своего неподвижнаго мѣста и самодѣятельно разыскивающій ту же истину, которую затѣмъ долженъ установить настоящій судья. Слѣдователь даетъ начало, судья—конецъ судебно-уголовной дѣятельности. Поэтому теоретически и въ служебной постановкѣ ихъ обоихъ много общаго; та же независимость, тѣ же основы и задачи, та же обязанность безпристрастія. Но за-то въ ближайшихъ практическихъ условіяхъ обѣихъ должностей вездѣ проходитъ между ними глубокое различіе. Слѣдователь считается въ своей дѣятельности съ такими особенностями, которыхъ вовсе не знаетъ судья; слѣдователю, если онъ хочетъ быть полезнымъ, нуженъ рядъ такихъ свойствъ, которыя очень мало или рѣдко примѣнимы въ чисто-судейской функціи. Къ жизни, къ людямъ онъ стоитъ еще ближе, чѣмъ судья первой инстанціи; онъ дѣйствуетъ среди ихъ вседневной обстановки и даже вынужденъ вторгаться въ ихъ житейскій бытъ. Онъ долженъ пролагать себѣ дорогу черезъ мракъ, обыкновенно окутывающій преступленіе и преступника, и безустанно бороться не только съ тѣмъ естественнымъ противодѣйствіемъ, которое они оказываютъ раскрытію истины, но и съ традиціоннымъ отсутствіемъ содѣйствія этой цѣли со стороны посторонникъ; русскій человѣкъ все еще склоненъ чуждаться уголовнаго изслѣдованія и неохотно помогаетъ ему безъ личнаго въ томъ интереса. Далѣе, преступнику свойственно скрывать слѣды преступленія и самому скрываться, стремясь сбить съ толку власть и во всемъ этомъ не теряя времени; необходимо своевременно и мѣтко противопоставлять его усиліямъ соотвѣтствующее слѣдственное воздѣйствіе. Не всѣ, конечно, предметы слѣдствія являются запутанными и загадочными, но каждый изъ нихъ приходится не безъ затрудненія извлекать изъ голыхъ фактовъ, изъ клубка житейскихъ мелочей, каждый нужно кропотливо очищать отъ примѣсей и облекать въ форму юридическаго документа. Сами собой выступаютъ здѣсь спеціальныя качества, нужныя для исполненія этого нелегкаго труда: энергія и рѣшимость, способность къ иниціативѣ и проницательность, находчивость и быстрота. Вмѣстѣ съ тѣмъ для того,

чтобы выводы изъ собранныхъ данныхъ—функція судьи—могли быть вѣрны, самое собираніе ихъ—функція слѣдователя—должно быть правильно, а каждый изъ нихъ въ отдѣльности и вся ихъ совокупность—вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Отсюда—безусловно обязательная для слѣдователя строго объективная точность его работы: онъ глубоко нарушаетъ свой долгъ всякій разъ, какъ даже добросовѣстно и невольно въ чемъ-либо преувеличиваетъ, увлекается или вообще влагаетъ въ свое изслѣдованіе слишкомъ много личнаго и субъективнаго. Онъ не долженъ быть только пишущею машиной, но не всегда можетъ остаться безстрастнымъ органомъ протокольнаго удостовѣренія; какъ мыслящему человѣку и живому общественному дѣятелю, ему простительно негодовать и возмущаться. Но онъ измѣняетъ своему призванію—искать правду и только ее одну—если становится инквизиторомъ, котораго именно за то и осудила уже давно исторія человѣческаго прогресса, что на слѣдствіе онъ смотрѣлъ какъ на травлю, а на людей вообще и ихъ взаимныя отношенія какъ на простыя средства уголовнаго изслѣдованія (moyens d'instruction). Болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ судебныхъ органовъ, слѣдователь долженъ соблюдать мѣру и равновѣсіе въ своихъ дѣйствіяхъ; критерій для этого онъ всегда найдетъ въ спокойномъ и ровномъ отношеніи къ лицамъ и событіямъ, въ правдивой ихъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія закона и справедливости. Сверхъ того, никто болѣе слѣдователя не вооруженъ грозными орудіями стѣсненія личности и ея свободы; онъ уполномоченъ на такія первостепенно важныя распоряженія въ этомъ смыслѣ, каковы осмотръ, освидѣтельствованіе, выемка, обыскъ, арестъ и другіе способы пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда. Въ интересахъ общественнаго порядка и безопасности слѣдователю, при изслѣдованіи преступленія, дана большая власть надъ личностью гражданина. А гдѣ власть, тамъ и возможность злоупотребленія ею, и простой здравый смыслъ указываетъ, что личность и дѣятельность слѣдователя должны представлять независимо отъ формальныхъ гарантій отвѣтственности еще и извѣстное внутреннее ручательство безвреднаго пользованія властью.

Такимъ ручательствомъ служитъ разумная осторожность въ мѣропріятіяхъ и то сознательное уваженіе къ частной и гражданской личности, которое никогда не позволитъ относиться къ человѣку легко или оскорбительно. При производствѣ слѣдствія это имѣетъ значеніе въ отношеніи не только обвиняемаго, но и потерпѣвшаго, котораго, при иномъ взглядѣ, не трудно запугать, обезкуражить и лишить вѣры въ заступничество закона.

Наконецъ, внѣшнія условія слѣдовательской должности и окружающая ее обстановка требуютъ отъ слѣдователя большого запаса нравственной и физической выносливости. Постоянное умственное напряженіе и нерѣдко подавляющая масса ежедневнаго труда, не знающаго даже праздниковъ, въ уѣздахъ—частые разъѣзды по дурнымъ дорогамъ, безъ различія временъ года и погоды, отсутствіе всякихъ удобствъ, жизнь въ глуши, безъ общества и полезныхъ развлеченій—все это данныя въ положеніи образованнаго человѣка настолько неблагопріятныя, что для успѣшнаго имъ противодѣйствія нужно не мало характера, мужества и терпѣнія. Если же присоединить сюда постоянное обращеніе съ явленіями и предметами свойства скорѣе мрачнаго и печальнаго и невольную нервную раздражительность, которая иногда развивается отъ непрерывнаго вынужденнаго общенія съ людьми, соприкасающимися со слѣдователемъ также по принужденію, то и вполнѣ понятна будетъ чрезвычайная нравственная и физическая усталость, довольно быстро постигающая слѣдователя, тѣломъ и духомъ не очень крѣпкаго. Способствуютъ этому и другія, привходящія условія, какъ, напримѣръ, недостаточность содѣйствія со стороны полиціи, взваливающая все бремя даже подготовительной розыскной работы на одно слѣдствіе, не всегда нормальныя отношенія къ суду и прокурорскому надзору, мѣстныя дрязги и несправедливая враждебность нѣкоторыхъ, неизбѣжная уже потому, что строгая репрессивная дѣятельность слѣдователя, затрогивая многихъ, не всѣмъ можетъ быть по сердцу. Во всѣхъ указанныхъ невзгодахъ начинающему дѣятелю не безполезно отдавать себѣ ясный отчетъ, но они вовсе не должны смущать, а тѣмъ болѣе отвращать его отъ одной изъ важнѣйшихъ отраслей судебной про-

фессіи. Кромѣ энергіи и характера, кромѣ сознанія исполняемаго долга и приносимой пользы, лѣкарство противъ нихъ можно найти еще и въ томъ дѣйствительно захватывающемъ иногда и потрясающемъ интересѣ, который представляетъ вѣрно понятая слѣдовательская обязанность. Разъяснять и доказывать эту ея сторону едва ли нужно; она совершенно очевидна для того, кто вообще способенъ воодушевиться призваніемъ слѣдователя—во всеоружіи законной и притомъ единоличной власти разоблачить преступленіе, открыть преступника и оградить невиннаго, если на него упало подозрѣніе.

Практическая дѣйствительность, со всѣхъ сторонъ охватывающая слѣдователя и его дѣятельность, иногда развиваетъ одно изъ ея свойствъ въ ущербъ другимъ, доводитъ его до крайностей и дѣлаетъ преобладающимъ въ служебной физіономіи дѣятеля. Такъ сложились различные оригинальные типы слѣдователей, черты которыхъ въ самомъ своемъ преувеличиваніи ярко характеризуютъ особенности и интересъ этой многосодержательной профессіи. Добросовѣстное увлеченіе ею, не чуждое горячности, въ связи съ природною пытливостью и впечатлительностью, создали сравнительно рѣдко встрѣчающійся, но въ высшей степени оригинальный типъ слѣдователя-*художника*; онъ является то тѣмъ своеобразнымъ, глубоко искреннимъ, хотя и нѣсколько болѣзненнымъ мыслителемъ-психологомъ, котораго Достоевскій очертилъ въ лицѣ Порфирія Петровича, слѣдователя надъ Раскольниковымъ въ „Преступленіи и наказаніи“, то тѣмъ слишкомъ поддающимся воображенію, но все-таки замѣчательнымъ слѣдователемъ по призванію, какихъ порою выдвигала судебная служба, съ тѣхъ поръ, какъ слѣдователь сталъ въ ней виднымъ и самостоятельнымъ лицомъ. На канвѣ дѣлъ и фактовъ передъ такимъ субъектомъ рисуются живые образы, воспроизводятся полныя цѣльности и смысла картины преступленія, со всею его обстановкою и мотивами, даже съ его спеціальнымъ общественнымъ значеніемъ. Въ искателѣ истины художникъ соединяется съ моралистомъ и оба иногда берутъ верхъ надъ спокойнымъ изслѣдователемъ, у котораго на первомъ планѣ осторожная и потому не всегда достаточно рельефная мѣрка объектив-

ной правды. Слѣдователи этой категоріи, всегда талантливые, могутъ одерживать блестящія побѣды надъ преступленіемъ, поражая вѣрностью чутья и мѣткою проницательностью, но за-то, увлекаемые своей фантазіей и неразлучною съ нею предвзятостью мысли, они могутъ впадать и въ самыя прискорбныя ошибки, упорно стремясь на ложномъ пути, по ложнымъ слѣдамъ, къ невѣрной цѣли. Малоспособные для ординарныхъ, вседневныхъ дѣлъ, они обыкновенно сосредоточиваютъ все свое вниманіе и свои усилія на дѣлахъ выдающихся, на преступленіяхъ загадочныхъ, и въ ихъ раскрытіи полагаютъ съ извѣстной страстностью свою, въ служебномъ смыслѣ, безкорыстную заслугу. Ихъ слѣдовательская дѣятельность, превращаемая какъ бы въ служеніе по влеченію особому искусству, нерѣдко представляетъ тяжелую борьбу со всевозможными препятствіями. Какъ бы то ни было, она почтенна и полезна, хотя для обезпеченія правосудія и должна быть обставлена надежными внѣшними гарантіями. На низшей степени указаннаго типа, составляя какъ бы его извращеніе и вырожденіе, стоитъ слѣдователь-*инквизиторъ*, также увлекающійся, и часто вполнѣ искренно, достиженіемъ цѣли слѣдствія, но стремящійся къ ней неправильными средствами, несогласными съ истиннымъ характеромъ и назначеніемъ своей должности. Забывая лежащую на немъ по закону обязанность съ полнымъ безпристрастіемъ приводить въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія (ст. 265 уст. уг. суд.), и запрещеніе „домогаться сознанія обвиняемаго“—а слѣдовательно, и вообще его изобличенія—„обѣщаніями, ухищреніями, угрозами или тому подобными мѣрами вымогательства“ (ст. 405 уст. угол. суд.), такой слѣдователь сосредоточиваетъ всѣ старанія на выясненіи—не истины, а во что бы то ни стало виновности обвиняемаго или заподозрѣннаго, и притомъ не стѣсняется въ выборѣ наиболѣе удобныхъ къ тому способовъ. Въ этомъ образѣ дѣйствій благая и законная цѣль считается оправдывающею не всегда прямыя средства и виновнаго стараются не столько уличить, сколько поймать въ искусно разставленныя сѣти. Наперекоръ основному принципу дѣйствующаго судопроизводства слѣд-

ствіе исходитъ изъ предположенія не невинности, а предвзятой его виновности, къ которой доказательства подбираются съ односторонностью, незамѣтной для добросовѣстно, но въ ложномъ духѣ дѣйствующаго слѣдователя. Еще ниже стоитъ болѣе грубый типъ слѣдователя-*сыщика*, который, не брезгая личнымъ производствомъ розыска, смѣшиваетъ его съ слѣдствіемъ и тѣмъ вступаетъ на путь, совершенно несовмѣстный съ судебной дѣятельностью. Нѣкоторымъ объясненіемъ, если не оправданіемъ этихъ уклоненій отъ истиннаго слѣдовательскаго призванія служитъ одинъ изъ коренныхъ и главныхъ недостатковъ нашей уголовной юстиціи—крайнее несовершенство предварительнаго розыска, безъ котораго, однакоже, слѣдствію почти невозможно обойтись. Но противъ этого есть все-таки не лишенныя значенія, хотя и палліативныя практическія средства, въ томъ числѣ правильныя отношенія слѣдователей и прокурорскаго надзора къ полиціи и внимательное энергическое руководство ея розыскною дѣятельностью; брать же на себя эту послѣднюю, значитъ извращать все предварительное судебное изслѣдованіе. Противоположную очерченнымъ типамъ крайность представляетъ *слѣдователь-формалистъ*, ставящій себѣ задачей только облекать въ судебно-слѣдственныя формы то, что случайно *приносятъ ему полиція, потерпѣвшій* и кое-какіе ближайшіе, самымъ фактомъ преступленія намѣченные его свидѣтели. При этомъ побужденія къ такому образу дѣйствій бываютъ весьма разнообразны, отъ щепетильнаго опасенія впасть въ розыскъ, до природныхъ лѣни и равнодушія или пріобрѣтеннаго утомленія включительно, но результатъ одинъ и тотъ же, всегда для дѣла неблагопріятный—отсутствіе самодѣятельной энергіи и всякой заботливости о томъ, что выйдетъ въ концѣ концовъ изъ слѣдствія. Служебная дѣятельность такихъ слѣдователей обыкновенно столько же правильна со стороны формальной, сколько безплодна въ смыслѣ раскрытія преступленія и обнаруженія виновнаго. Посреди описанныхъ крайностей и преувеличеній, почти въ одинаковомъ отъ нихъ разстояніи, возникаетъ идеальный типъ *слѣдователя-судьи*, задуманный законодателемъ и не невозможный въ осуществленіи

на практикѣ. Его характеризуетъ дѣйствіе въ мѣру, во-время, съ соблюденіемъ коренныхъ началъ современнаго уголовнаго правосудія, при неуклонномъ стремленіи чистыми путями къ обдуманной и вѣрной цѣли. Въ послѣдовательномъ приближеніи къ этому типу и заключается задача современной слѣдовательской службы.

О *секретарской* должности мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями. Занимая начальную ступень судебной іерархіи и представляя наиболѣе скромный и второстепенный видъ судебной дѣятельности, должность эта съ судебной реформой утратила все прежнее ненормальное свое значеніе. Созданная невѣжествомъ и неспособностью прежнихъ судей, она давала свѣдущему секретарю на практикѣ закулисное, но первенствующее вліяніе на ходъ правосудія. Секретарь-дѣлецъ, хорошо изучившій судебную технику и всѣ извивы стараго судопроизводства, владѣя судебной канцеляріей, держалъ въ своихъ рукахъ прежнюю юстицію и, прячась за спиною судей, былъ фактическимъ распорядителемъ судебной власти. Это—то нѣкогда глубоко укоренившееся положеніе вещей, которое Крыловъ увѣковѣчилъ въ ироническомъ нравоученіи басни „Оракулъ“:

„Я слышалъ—правда-ль? — будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь“.

Теперь совсѣмъ не то. По самому свойству нынѣшняго процесса, гласнаго, устнаго, состязательнаго и не знающаго формальныхъ доказательствъ, секретарь, какъ бы способенъ и опытенъ онъ ни былъ, не можетъ играть въ судѣ никакой другой роли, кромѣ простого веденія судебнаго или прокурорскаго дѣлопроизводства. Еще въ дѣлахъ гражданскихъ, въ сношеніяхъ съ тяжущимися и ихъ повѣренными, въ негласной помощи судьямъ при изложеніи рѣшенія онъ можетъ пріобрѣсти неправильное значеніе, всегда свидѣтельствующее о судебныхъ безпорядкахъ или даже злоупотребленіяхъ. Въ дѣлахъ же уголовныхъ и это немыслимо; тамъ составляемый секретаремъ протоколъ—существеннѣйшая часть его обязанностей—находится

подъ контролемъ не только судей, но и сторонъ, заинтересованныхъ въ буквальной его точности. Точно такъ же въ единоличномъ дѣлопроизводствѣ прокурорскаго надзора за все отвѣчаетъ прокуроръ, а секретарь даетъ лишь скрѣпу, удостовѣряющую, что исполненіе согласно съ сдѣланнымъ распоряженіемъ. Въ общемъ, удостовѣрять дѣйствительность происходившаго и вѣдать внѣшнюю механическую часть судейской работы—въ этомъ нынѣ заключается все назначеніе судебныхъ секретарей и ихъ помощниковъ. Но въ смыслѣ пріобрѣтенія опыта и практической подготовки занятія ихъ неоцѣненны. Въ ихъ присутствіи и при ихъ участіи совершается все развитіе судебнаго производства, они все видятъ, слышатъ, ко всему прикладываютъ руку. И потому, влагая въ свой скромный трудъ добросовѣстную аккуратность и исполнительность, они выносятъ изъ него обстоятельныя практическія познанія и прочную подготовку къ самостоятельной судебной дѣятельности [1]).

Въ заключеніе сдѣланнаго очерка основныхъ началъ судебной службы замѣтимъ, что все предшествующее изложеніе можетъ быть сведено къ одному главному предмету—къ ученію *о долгѣ*, объ обязанностяхъ этой службы. Долгъ службы есть не только то, *что* именно нужно дѣлать, *какъ* должно поступать служащему, но и сознаніе того, *почему* слѣдуетъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Проникновеніе долгомъ въ этомъ смыслѣ облегчаетъ и украшаетъ служебный трудъ. Понять умомъ, чему мы служимъ, прочувствовать это сердцемъ, полюбить душой—вѣрнѣе нѣтъ залога успѣшнаго служенія, возвышеннѣе нѣтъ служебной точки зрѣнія. И для судебнаго сословія въ ясномъ сознаніи обязанностей лежитъ единственный путь къ тому, чтобы стоять на высотѣ великаго призванія. Въ служебномъ долгѣ—вся судьба судебной службы. Особенно ярко выступаетъ животрепещущее, жгучее его значеніе

---

[1]) О *прокурорской* должности и званіи *кандидатовъ* на судебныя должности въ настоящихъ бесѣдахъ особо не говорится, такъ какъ характеристика этихъ отраслей судебной службы составляетъ предметъ отдѣльныхъ работъ автора, а именно. „*Задачи прокурорскаго надзора*“ (Журналъ Гражд. и Угол. Права 1884, кн. 7), „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности“. Т. I. 1889 и „*Кандидаты на судебныя должности*“. 1886. Москва.

въ переживаемое нами время. Кругомъ настойчиво и громко раздаются нареканія на характеръ судебной дѣятельности, слышатся жалобы на ея неправильность, упреки ея упущеніямъ, высказывается недовольство судебными чинами и—что всего прискорбнѣе—по ихъ ошибкамъ судятъ о судѣ, а ихъ самихъ, преходящихъ исполнителей, отождествляютъ съ органическими судебными законами. Дѣятели добросовѣстные и искренно преданные дѣлу нерѣдко и сами видятъ его недостатки, убѣждаясь въ необходимости мѣръ упорядоченія и улучшенія. Многія изъ этихъ послѣднихъ зависятъ исключительно отъ личныхъ условій личнаго состава судебныхъ дѣятелей. Въ понятіи судебнаго долга скрывается краткая, простѣйшая, но выразительная формула этихъ мѣръ и усилій, этой общей дисциплины судебнаго сословія. Мысль, не стѣсняемая въ своихъ сближеніяхъ ни временемъ, ни пространствомъ, приводитъ здѣсь на память историческія слова, дышащія спокойною энергіей и глубокой вѣрой въ будущность своего дѣла. Невольно вспоминается лаконическій приказъ, нѣкогда отданный славнымъ полководцемъ передъ кровопролитнымъ морскимъ сраженіемъ, въ которомъ за побѣду онъ заплатилъ жизнью. Перефразируя знаменитое изреченіе, всякому истинному другу и вѣрному служителю русской юстиціи хотѣлось бы найти себѣ опору и успокоеніе, сказавъ съ увѣренностью: „*судебное вѣдомство надѣется, что каждый изъ чиновъ его исполнитъ свой долгъ*“.

СОКРАЩЕННЫЕ СПОСОБЫ РАЗРѢШЕНІЯ МАЛОВАЖНЫХЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ ГЕРМАНІИ И АВСТРІИ [1]).

(1887 г.).

Простота и скорость судебнаго производства о маловажныхъ проступкахъ всѣми и вездѣ признаются однимъ изъ главныхъ условій правильнаго и успѣшнаго отправленія уголовнаго правосудія. Чѣмъ проще и удобнѣе разрѣшаются дѣла о такихъ проступкахъ, чѣмъ быстрѣе слѣдуетъ за ихъ совершеніемъ наказаніе или освобожденіе отъ отвѣтственности, тѣмъ кара дѣйствительнѣе и тѣмъ менѣе тягостна обывателю напрасная процедура, завершившаяся оправданіемъ. Степень сложности и продолжительности суда должна соразмѣряться со степенью важности дѣла, съ его общественнымъ и личнымъ значеніемъ. Иначе судъ обращается въ бремя для населенія въ той именно сферѣ своей, которая глубоко захватываетъ мелкіе и вседневные, но весьма существенные житейскіе интересы. „Ходить по судамъ“ изъ-за маловажнаго дѣла невыгодно и непріятно; между тѣмъ нельзя помириться и съ безнаказанностью малозначительнаго нарушенія общественнаго порядка. Интересы этого послѣдняго также требуютъ немедленнаго возмездія, безъ проволочекъ и формальностей, по возможности даже на мѣстѣ, пока впечатлѣніе еще не изгладилось и наказаніе еще можетъ имѣть примѣрно-предупредительный смыслъ. Это въ особенности относится къ такъ называемымъ полицейскимъ нарушеніямъ, направленнымъ противъ тѣхъ правилъ безопасности и благочинія, которыми ограждается внѣшнее благосостояніе общежитія. От-

[1]) Юридическій Вѣстникъ 1887 г., № 12.

сюда возникаетъ мысль о необходимости для легкихъ проступковъ сокращенныхъ пріемовъ и способовъ разбирательства, менѣе тяжеловѣсныхъ и медленныхъ, чѣмъ общія процессуальныя формы При осуществленіи этой мысли, настойчиво выдвигаемой практическими бытовыми потребностями, вся задача заключается въ томъ, чтобы соединить удобство и быстроту производства съ его правомѣрностью, другими словами—качества административнаго мѣропріятія съ гарантіями суда. Задавшись такою цѣлью, нѣкоторыя законодательства стремятся достигнуть ее установленіемъ, въ изъятіе изъ общаго процесса, особаго рода его по маловажнымъ уголовнымъ дѣламъ. Въ постановкѣ его преобладаютъ, конечно, утилитарныя соображенія, которыя, однакоже, примѣняются безъ пожертвованія основными теоретическими принципами. Въ результатѣ счастливаго компромисса между теоріей и жизнью получаются оригинальные институты, заслуживающіе серьезнаго вниманія юридической критики.

Таковы дѣйствующія въ Германіи и Австріи постановленія о суммарной репрессіи менѣе важныхъ проступковъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ приводится матеріалъ для ознакомленія, главнымъ образомъ, съ ихъ практическимъ примѣненіемъ [1]).

---

[1]) Пособіями для этого, очерка по германскому праву служили кромѣ, свѣдѣній, собранныхъ авторомъ на мѣстѣ въ 1886 году, нижеслѣдующія произведенія, наиболѣе существенныя въ обширной литературѣ предмета: 1) *Entwurf einer Strafprocessordnung* des deutschen Reichs mit Motiven und Anlagen. Aufl. 1882. 2) Die gesammten Materialien zu den Reichs-Justizgesetzen. Band. III. *Materialien zur Strafprocessordnung*. 1879. 3) Handbuch des deutschen Strafprocessrechts, herausgegeben von *Holtzendorff*. B. II. 1879. *Meves*. Besondere Arten des Verfahrens. S. 384—422. 4) *Stenglein*. Lehrbuch des deutschen Strafprocessrechts. 1887. S. 673. 5) *Schwarze* Commentar zur deutschen Strafprocessordnung. 1878. 6) *Bomhard und Koller*. Die Strafprocessordnung fur das deutsche Reich. 4 Aufl. 1884. 7) *Dochow*. Strafprocessordnung nebst Gerichtsverfassungsgesetz. 3. Aufl. 1884. 8) *Löwe*. Die Strafprocessordnung fur das deutsche Reich. 4 Aufl. 1884. 9) *Hoinghaus*. Gesetz (preuss.) vom 23 April 1883, betragend den Erlass polizeilicher Strafverfugungen wegen Uebertretungen. 1883. 10) *Schwarze*. Erorterungen praktisch wichtiger Materien aus dem deutschen Strafprocessrechte. [Heft I: Der amtsrichterliche Strafbefehl. 1881. 11) *Marck*. Die Staatsanwaltschaft bei den Land und Amtsgerichten in Preussen. 1884. 12) *Borchert*. Die Geschaftsanweisung fur die Amtsanwalte vom 28 August 1879—1884. 13) *Ortloff*. Lehrbuch der Kriminalpolizei auf dem Grunde der deutschen Reichsgesetze. 1881. 14) *Genzmer*. Die Thatigkeit der Polizei in Strafsachen 1879 (для Пруссіи) 15) *Reincke*. Die polizeiliche Strafgewalt. Handbuch der allgemeinen Polizeiverwaltung. 1883.

I.

Во введеніи къ мотивамъ проекта новаго обще-германскаго устава уголовнаго судопроизводства, который былъ внесенъ имперскимъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ на разсмотрѣніе германскаго рейхстага 29 октября 1874 года, указаны главнѣйшія отличія этого проекта отъ большинства дѣйствовавшихъ въ Германіи до того времени уголовно-судебныхъ законовъ.

Въ числѣ такихъ отличій приведены, между прочимъ, нижеслѣдующіе два основныхъ принципа вновь проектированнаго уголовнаго процесса:

1) не допускается заочное производство (Kontumatialverfahren) о лицѣ, не присутствовавшемъ при судебномъ разсмотрѣніи (Hauptverhandlung) [1]) о немъ дѣла (за исключеніемъ маловажныхъ проступковъ).

2) Не допускается въ общемъ порядкѣ заочное судебное разсмотрѣніе дѣла и постановленіе приговора о скрывшемся или отсутствующемъ обвиняемомъ (Ungehorsamsverfahren).

Принципы эти, принятые рейхстагомъ безъ измѣненій, были положены въ основаніе подлежащихъ частей новаго устава 1 февраля 1877 г., съ ограниченіемъ ихъ, однако, необходимыми изъятіями, и вмѣстѣ съ послѣдними получили примѣненіе и развитіе въ ст. 229—235 и 318—327 этого устава.

На основаніи приведенныхъ статей, по общему началу германскаго уголовнаго судопроизводства, не можетъ быть постановлено уголовнаго приговора безъ судебнаго разсмотрѣнія дѣла, а судебное разсмотрѣніе не можетъ имѣть мѣста въ отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, безъ предварительнаго судебнаго допроса обвиняемаго.

Изъ *второго* отдѣла этого положенія—о *недопустимости заочнаго судебнаго разсмотрѣнія* въ общемъ порядкѣ процесса допущено нѣсколько изъятій, какъ видно изъ мотивовъ, отчасти

---

[1]) Hauptverhandlung—одинъ изъ коренныхъ терминовъ германскаго уголовнаго процесса—обозначаетъ собою во всей точности собственно *разсмотрѣніе дѣлъ по существу судомъ въ судебномъ его засѣданіи;* въ этомъ смыслѣ онъ и переводится въ настоящемъ изложеніи сокращеннымъ выраженіемъ: судебное разсмотрѣніе.

въ интересахъ публичныхъ [1]) и скорой репрессіи, отчасти въ интересахъ *самихъ обвиняемыхъ*, чтобы избавить ихъ по маловажнымъ дѣламъ отъ лишнихъ хлопотъ и стѣсненій.

При этомъ отличаются понятія объ *отсутствіи* (Abwesenheit) обвиняемаго (Angeschuldigte) до назначенія судебнаго разсмотрѣнія (что въ извѣстной степени соотвѣтствуетъ нашему преданію суду) и о *неявкѣ* (Ausbleiben) подсудимаго (Angeklagte) къ назначенному уже судебному разсмотрѣнію.

Такъ: 1) въ отсутствіе обвиняемаго дѣло можетъ быть подвергнуто судебному разсмотрѣнію въ томъ случаѣ, когда предметомъ обвиненія является дѣяніе, наказываемое лишь денежнымъ штрафомъ или конфискаціей, или тѣмъ и другимъ совмѣстно (ст. 319).

Подобное дѣяніе составляетъ такъ называемое *полицейское нарушеніе* (Uebertretung)—низшую категорію трехчленнаго дѣленія уголовныхъ правонарушеній по Германскому Уложенію.

Судебному разсмотрѣнію предшествуетъ вызовъ черезъ публикацію (ст. 320—321), и въ случаѣ неявки обвиняемаго самое разсмотрѣніе дѣла происходитъ заочно, при факультативномъ участіи защитника или родственника обвиняемаго въ качествѣ его представителя (ст. 322 и 324).

2) При отсутствіи обвиняемаго въ преступномъ дѣяніи большей важности дѣло не можетъ подлежать судебному разсмотрѣнію, а собираются лишь доказательства обвиненія на случай послѣдующей явки, или же производится предварительное слѣдствіе (Voruntersuchung), и затѣмъ производство прекращается или пріостанавливается впредь до явки или задержанія обвиняемаго (ст. 196, 327—337).

3) При неявкѣ подсудимаго къ назначенному уже судебному разсмотрѣнію это послѣднее можетъ послѣдовать заочно, если предметомъ обвиненія является дѣяніе, наказываемое де-

---

[1]) Въ прежнемъ германскомъ уголовномъ процессѣ, до объединенія и обновленія его имперскими законами 1877 года, судебное производство дѣла объ отсутствующемъ обвиняемомъ (Kontumatialverfahren) было направлено главнымъ образомъ противъ уклоненія его отъ суда, которое предполагалось при всякомъ отсутствіи или неявкѣ (Ungehorsamsverfahren)

нежнымъ штрафомъ, арестомъ или конфискаціей, порознь или въ соединеніи между собою (ст. 231). Сюда относятся, слѣдовательно, не только полицейскія нарушенія (Uebertretungen), но и нѣкоторые *проступки* (Vergehen)—дѣянія средней категоріи помянутаго трехчленнаго дѣленія.

О возможности такого заочнаго разсмотрѣнія дѣла подсудимому объявляется въ самой повѣсткѣ о вызовѣ его въ судъ (ст. 231).

4) Еще шире область заочнаго судебнаго разсмотрѣнія въ собственномъ интересѣ подсудимаго, по его о томъ просьбѣ, мотивированной отдаленностью его мѣстопребыванія; такое производство можетъ имѣть мѣсто при обвиненіи въ преступныхъ дѣяніяхъ, подвергающихъ не только денежному штрафу или конфискаціи, но и лишенію свободы (Freiheitstrafe) на время до 6 недѣль.—Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, судебное разсмотрѣніе возможно лишь подъ условіемъ предварительнаго допроса подсудимаго по существу обвиненія при слѣдствіи или, если послѣдняго произведено не было, то особо, черезъ командированнаго для этого одного изъ судей (ст. 232).

5) Судъ имѣетъ право по всякому дѣлу, о какомъ бы то ни было преступномъ дѣяніи: а) признать необходимымъ личное присутствіе подсудимаго при судебномъ разсмотрѣніи, къ чему и принять установленныя мѣры, и, наоборотъ, б) продолжать судебное разсмотрѣніе, начатое въ присутствіи подсудимаго, даже въ его отсутствіе (напр., въ случаѣ удаленія его изъ засѣданія или неявки послѣ перерыва), если только онъ уже былъ допрошенъ по существу обвиненія (ст. 230 и 235).

Такимъ образомъ германское уголовно-судебное законодательство допускаетъ заочное судебное разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ подъ извѣстными условіями при всѣхъ полицейскихъ нарушеніяхъ (Uebertretung) и нѣкоторыхъ проступкахъ меньшей важности (Vergehen), т.-е. при дѣяніяхъ, подсудныхъ амтсгерихтамъ съ участіемъ шеффеновъ (ст. 25 и 26 учр. суд. уст. герман. имперіи 27 января 1877 года).

Независимо отъ заочнаго уголовнаго судебнаго производства, германское законодательство установляетъ въ изъятіе изъ *пер-*

ваго отдѣла вышеприведеннаго основного своего начала *о недопустимости постановленія приговора безъ суда*—также и порядокъ наложенія наказаній за уголовныя правонарушенія не только заочно, въ отсутствіе обвиняемаго или подсудимаго, но и безъ судебнаго разсмотрѣнія въ настоящемъ смыслѣ, или, точнѣе, *безъ вызова въ судъ*. Порядокъ этотъ, отнесенный къ изъятіямъ изъ общаго процесса, изложенъ въ ст. 447—458 6-й книги уст. угол. суд., трактующей „Объ особенныхъ родахъ производства", и опредѣляетъ два отдѣльныхъ, но въ сущности весьма близкихъ между собою предмета: 1) *опредѣленія или приказы амтсрихтеровъ* [1]) *или участковыхъ судей о наказаніи* (amtsrichterlicher Strafbefehl, Mandat) и 2) *предварительныя постановленія или распоряженія о томъ же полицейскихъ властей* (vorangegangene polizeiliche Strafverfugung).

Основная мысль первыхъ заимствована изъ сокращенной формы гражданскаго процесса, извѣстной подъ именемъ Mandatsverfahren, а сущность тѣхъ и другихъ сводится къ тому, что законъ допускаетъ наложеніе уголовнаго взысканія внѣ судебнаго разсмотрѣнія дѣла, съ устраненіемъ всѣхъ коренныхъ его принадлежностей: предъявленія обвиненія, изслѣдованія или повѣрки доказательствъ и защиты подсудимаго. Единственное существенное различіе между обоими названными институтами заключается лишь въ томъ, что въ первомъ изъ нихъ дѣйствуетъ въ лицѣ амтсрихтера общая судебная власть, хотя и не въ общихъ правильныхъ судебныхъ формахъ, а во второмъ—органомъ уголовнаго возмездія является власть полицейская, которой присвоена нѣкоторая, весьма, впрочемъ, ограниченная, карательная юрисдикція. При этомъ, однакоже, въ современномъ германскомъ процессѣ права и интересы обвиняемаго, подвергаемаго дѣйствію одного изъ этихъ институтовъ, обезпечены важною гарантіей, которая и сохраняетъ за ними судебный процессуальный характеръ: обвиняемый можетъ не

---

[1]) Названіе „амтсрихтеръ" ближе всего можетъ быть переведено выраженіемъ „участковый судья", такъ какъ терминъ „Amt" обозначаетъ участокъ—мѣстную судебную и административную единицу.

подчиниться внѣ-судебному наложенію на него наказанія и потребовать по предмету послѣдняго правильнаго судебнаго разбирательства на общемъ основаніи. Отсюда *юридическое* значеніе разсматриваемыхъ институтовъ исчерпывается слѣдующими пятью признаками: наказанія налагаются — 1) за уголовное правонарушеніе, 2) на обвиняемаго отсутствующаго, 3) постановленіемъ хотя и равносильнымъ судебному приговору, но 4) безъ судопроизводства, которое, впрочемъ, 5) зависитъ отъ требованія лица, подлежащаго наказанію.

Что же касается до практическихъ мотивовъ, побудившихъ законодателя къ установленію этого порядка, то они сводятся къ тремъ главнѣйшимъ соображеніямъ: 1) обвиняемому въ маловажномъ правонарушеніи по большей части гораздо выгоднѣе, удобнѣе, и потому желательнѣе прямо подчиниться въ мѣстѣ своего жительства требованію о легкомъ взысканіи въ видѣ кратковременнаго ареста или незначительнаго денежнаго штрафа, нежели подвергнуться передвиженію, издержкамъ и безпокойству, которыя сопряжены съ судебнымъ разсмотрѣніемъ обвиненія; 2) безъ этого послѣдняго, не столь безусловно необходимаго при очевидности и несложности большинства маловажныхъ проступковъ, репрессія ихъ совершается гораздо дешевле, быстрѣе и дѣйствительнѣе, при чемъ 3) соблюдается экономія собственно судебныхъ силъ, которыя сберегаются для дѣлъ болѣе важныхъ и сложныхъ.

Обѣ процедуры представляютъ давнишнее достояніе германскаго судебнаго права и, какъ обусловленныя серьезною потребностью, существовали почти во всѣхъ государствахъ Германіи еще задолго до судебной реформы 1877 года. Такъ, въ Пруссіи онѣ были подробно опредѣлены законами 3 и 14 мая 1852 года, откуда, съ небольшими лишь измѣненіями, перешли въ обще-германскій уст. угол. суд. 1 февраля 1877 г.

II.

На основаніи ст. 447—452 уст. угол. суд., амтсрихтеры, т.-е. мѣстные судьи, отчасти соотвѣтствующіе нашимъ мировымъ,

а на основаніи ст. 453—458 того же устава, полицейскія власти уполномочены постановлять предварительныя опредѣленія о наказаніи обвиняемыхъ въ маловажныхъ уголовныхъ правонарушеніяхъ, безъ вызова въ судъ и безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія.

Порядокъ постановленія такихъ опредѣленій амтсрихтерами (Mandatsverfahren) распространяется на всю Германію и установленъ въ законѣ весьма подробно и точно. Онъ относится до всѣхъ полицейскихъ нарушеній (Uebertretung) и нѣкоторыхъ проступковъ (Vergehen) [1]), нормально подсудныхъ состоящему подъ предсѣдательствомъ амтсрихтера суду шеффеновъ (п. 1 и 2 ст. 27 учр. суд. уст.). Исключеніе изъ этого составляютъ, хотя и подсудные шеффенгерихту, но не подлежащіе карательнымъ опредѣленіямъ участковыхъ судей проступки, перечисленные въ п. 3—8 ст. 27 учр. суд. уст., напр., кража, присвоеніе и мошенничество на сумму до 25 марокъ, а также укрывательство похищеннаго до той же суммы. Высшій предѣлъ наказуемости, опредѣляемый въ этомъ порядкѣ, не превышаетъ 6-недѣльнаго лишенія свободы и штрафа въ размѣрѣ 150 марокъ и не можетъ заключать въ себѣ учрежденія надъ обвиняемымъ полицейскаго надзора, назначаемаго за извѣстные проступки, вообще подсудные шеффенгерихту. Затѣмъ (ст. 447), сущность и ходъ производства по этому предмету обусловливаются слѣдующими правилами:

1) Опредѣленіе или приказъ амтсрихтера о наказаніи (Strafbefehl) можетъ послѣдовать не иначе, какъ письменно и по письменному предложенію прокуратуры, въ которомъ, кромѣ соблюденія общихъ условій обвинительнаго акта (ст. 198 ч. 1), должно быть точно указано требуемое наказаніе (ст. 447 и 448).

2) Не находя основаній отвергнуть такое предложеніе, амтсрихтеръ составляетъ по содержанію его карательное опредѣ-

---

[1]) Полицейское нарушеніе (Uebertretung) есть дѣяніе, наказуемое арестомъ или штрафомъ до 150 марокъ.

Проступокъ (Vergehen) есть дѣяніе, наказуемое заключеніемъ въ крѣпости или въ тюрьмѣ или штрафомъ въ размѣрѣ болѣе 150 марокъ (ст. 1 улож. наказ германской имперіи).

леніе, въ которомъ обозначается: а) наказуемое дѣяніе, б) примѣняемый къ нему уголовный законъ, в) имѣющіяся по дѣлу доказательства и г) что составленное опредѣленіе будетъ обращено къ исполненію, если обвиняемымъ въ теченіе семи дней отъ объявленія ему такового не предъявится возраженія письменно въ амтсгерихтъ или словесно, посредствомъ занесенія въ протоколъ секретаремъ этого послѣдняго (ст. 449).

3) До истеченія помянутаго срока обвиняемый можетъ отказаться отъ заявленнаго имъ возраженія. Карательное опредѣленіе, противъ котораго не заявлено въ установленный срокъ возраженія, пріобрѣтаетъ значеніе приговора, вступившаго въ законную силу (ст. 449, 450).

4) Если участковый судья встрѣчаетъ сомнѣніе въ составленіи опредѣленія о наказаніи согласно предложенію прокуратуры или не раздѣляетъ ея мнѣнія о родѣ и мѣрѣ слѣдующаго обвиняемому наказанія, прокуратура же остается при своемъ требованіи, то дѣло подлежитъ судебному разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ, смотря по обстоятельствамъ съ участіемъ или безъ участія шеффеновъ (ст. 201, 202, 211, 212 и 448).

5) При своевременномъ заявленіи возраженія со стороны обвиняемаго, дѣло подлежитъ судебному разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ съ участіемъ шеффеновъ, если, впрочемъ, до начала его прокуратура не отказалась отъ предъявленнаго ею требованія о наказаніи.

Къ этому судебному разсмотрѣнію обвиняемый можетъ прислать вмѣсто себя защитника, снабженнаго письменнымъ полномочіемъ, если, впрочемъ, судъ не потребуетъ его личной явки (ст. 235). При неявкѣ обвиняемаго безъ достаточныхъ причинъ и отсутствіи защитника, возраженіе, заявленное противъ приказа о наказаніи, безъ дальнѣйшей повѣрки доказательствъ оставляется судомъ безъ послѣдствій, противъ чего обвиняемый уже не имѣетъ права заявлять новаго возраженія. При постановленіи приговора судъ шеффеновъ не стѣсняется предшествовавшимъ приказомъ о наказаніи (ст. 451 и 452).

6) Приговоры, постановленные на вышеуказанномъ основаніи судомъ шеффеновъ, подлежатъ апелляціонному обжалова-

нію (Berufung) въ судъ 1-й инстанціи (Landgericht) на общемъ основаніи (ст. 354 и 355).

Порядокъ наложенія уголовныхъ взысканій посредствомъ предварительныхъ постановленій и распоряженій полицейскихъ властей опредѣленъ въ имперскомъ законодательствѣ лишь въ главнѣйшихъ и общихъ, такъ сказать, максимальныхъ чертахъ, разработка же его подробностей предоставляется законодательствомъ партикулярнымъ, т.-е. отдѣльныхъ германскихъ государствъ (Landesgesetze).

Кромѣ того, самое установленіе подобнаго порядка является необязательнымъ и факультативнымъ, завися отъ того, насколько мѣстное право допускаетъ облеченіе полицейскихъ органовъ извѣстною степенью карательной власти. Согласно ст. 453 уст. угол. суд., первой изъ статей, относящихся до помянутаго порядка, онъ примѣняется: „тамъ, гдѣ, по мѣстнымъ узаконеніямъ, полицейской власти (Polizeibehörden) предоставлено опредѣлять посредствомъ своихъ распоряженій какія-либо изъ наказаній, положенныхъ въ уголовныхъ законахъ“... и т. д. Нынѣ, сообразно этому, почти во всей Германіи существуетъ подобная полицейская юрисдикція, окончательно и съ большою подробностью регулированная въ большей части государствъ въ 1879 году (Вюртембергъ, Баденъ, Саксонія и Саксонскія герцогства, оба Мекленбурга и проч.). Исключеніе представляетъ одна Баварія, которая встрѣтила затрудненіе (Bedenklichkeit), по выраженію извѣстнаго Мюнхенскаго профессора Гольтцендорфа, въ присвоеніи полиціи карательныхъ полномочій даже въ тѣхъ ограниченныхъ предѣлахъ, какими они опредѣляются въ имперскомъ законодательствѣ, и до сихъ поръ упорно не вводитъ у себя этого института.

Сущность имперскихъ узаконеній о немъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Полицейскія распоряженія о наказаніи распространяются лишь на полицейскія нарушенія и могутъ опредѣлять не свыше ареста на время до двухъ недѣль или соотвѣтствующаго денежнаго взысканія, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ и конфискацію (ст. 453).

Для Пруссіи, сохранившей у себя дѣйствіе прежняго закона 14 мая 1852 года объ этомъ предметѣ, высшій предѣлъ полицейской юрисдикціи былъ опредѣленъ значительно ниже вышеуказанной общей нормы, а именно, въ размѣрѣ до 15 марокъ штрафа или трехдневнаго ареста; новѣйшимъ же закономъ 23 апрѣля 1883 года предѣлъ этотъ возвышенъ до 30 марокъ или трехдневнаго ареста.

2) Полицейское распоряженіе о наказаніи, въ смыслѣ перерыва давности, имѣетъ значеніе судебнаго дѣйствія. Оно должно заключать въ себѣ указаніе: а) наказуемаго дѣянія, б) его доказательствъ, в) примѣняемаго къ нему уголовнаго закона и г) налагаемаго наказанія. Кромѣ того, въ томъ же полицейскомъ постановленіи должно быть выражено, что обвиняемый можетъ или принести на состоявшееся противъ него распоряженіе жалобу высшему полицейскому начальству (что, между прочимъ, въ Пруссіи не допускается) или же въ теченіе семи дней со времени объявленія ему распоряженія о наказаніи потребовать судебнаго разсмотрѣнія дѣла (ст. 453).

3) Требованіе такого рода заявляется письменно или словесно полицейской власти, составившей постановленіе, или же подлежащему участковому суду, съ занесеніемъ въ протоколъ этого послѣдняго въ случаѣ словеснаго заявленія.

При требованіи о судебномъ разсмотрѣніи полиція отсылаетъ все производство подлежащей прокуратурѣ, которая передаетъ его участковому судьѣ (ст. 453 и 454).

4) Въ случаѣ пропуска вышеупомянутаго семидневнаго срока по законной или уважительной причинѣ, онъ можетъ быть возстановленъ участковымъ судьею по просьбѣ обвиняемаго (ст. 44—46, 455).

5) При своевременномъ заявленіи требованія о судебномъ разсмотрѣніи, таковое производится въ судѣ шеффеновъ, безъ особаго о томъ судебнаго опредѣленія или предварительнаго внесенія обвинительнаго акта по общимъ правиламъ производства дѣлъ по предложеніямъ прокуратуры (ст. 456 и 457).

6) До начала судебнаго разсмотрѣнія обвиняемый можетъ отказаться отъ своего объ этомъ требованія. На судъ онъ мо-

жетъ прислать вмѣсто себя защитника, письменно на это уполномоченнаго (ст. 456 и 457).

7) При постановленіи приговора судъ не стѣсняется сущностью полицейскаго распоряженія. Если же при судебномъ разсмотрѣніи дѣла обнаружится, что оно не подлежало вѣдѣнію въ порядкѣ такого распоряженія, судъ ограничивается отмѣною этого послѣдняго, не разрѣшая дѣла по существу (ст. 457 и 458).

8) Полицейскія распоряженія о наказаніи, противъ которыхъ не заявлено въ установленный срокъ требованія о судебномъ разсмотрѣніи, приводятся въ исполненіе полицейскими же властями.

III.

Изучая примѣненіе на практикѣ правилъ о суммарномъ наложеніи наказаній за маловажные проступки, нельзя прежде всего не отмѣтить того существеннаго обстоятельства, что на всемъ пространствѣ дѣйствія въ Германіи этихъ правилъ они примѣняются вообще единообразно и вполнѣ согласно съ основною мыслью закона, при чемъ почти не встрѣчаютъ затрудненій и не вызываютъ ни сложныхъ вопросовъ, ни коллизій между различными должностными органами и властями. Обстоятельство это находитъ себѣ объясненіе въ цѣломъ рядѣ причинъ, изъ которыхъ важнѣйшими слѣдуетъ, повидимому, признать слѣдующія: 1) разсматриваемый институтъ пользуется въ большей части Германіи общимъ сочувствіемъ власти и общества и, кромѣ молчаливо отрицающей его Баваріи, въ принципѣ не возбуждаетъ никакихъ сколько-нибудь основательныхъ сомнѣній и возраженій [1]); 2) вышеизложенныя узаконенія о немъ имперскаго законодательства отличаются удачнымъ соединеніемъ ясности и точности съ необходимою эластичностью, которая оставляетъ

[1]) Въ отношеніи полицейскихъ постановленій о наказаніи это тѣмъ знаменательнѣе, что въ ст. 49 такъ называемыхъ „Основныхъ правъ германскаго народа“ (Grundrechte des deutschen Volks) 1848 г., положенныхъ въ основаніи германскихъ конституцій, было категорически выражено: „полиціи не можетъ быть присвоено никакой юрисдикціи“. Несмотря на признаніе этого начала партикулярными законодательствами, оно не помѣшало изданію уже въ 1852 г. прусскаго закона „о полицейскихъ карательныхъ распоряженіяхъ“.

достаточно широкій просторъ условіямъ мѣстной практики и указаніямъ опыта; 3) самые способы и пріемы примѣненія этихъ общихъ узаконеній съ чрезвычайною подробностью опредѣлены въ изданныхъ на этотъ предметъ мѣстныхъ законахъ и правительственныхъ инструкціяхъ, при выработкѣ которыхъ всегда принимались въ соображеніе всѣ постановленныя уже о томъ же правила для другихъ мѣстностей, вмѣстѣ съ выводами сложившейся по этому поводу практики; 4) отправленіе вышеописанной суммарной карательной власти находится въ рукахъ дѣятелей или солидно образованныхъ и благонадежныхъ (участковые судьи и чины прокуратуры), или же, по крайней мѣрѣ, достаточно свѣдущихъ и прекрасно дисциплинированныхъ (мѣстные полицейскіе начальники и вообще самостоятельно дѣйствующіе полицейскіе чины (Ortspolizeivorsteher, Polizeiverwalter). Органы эти дѣйствуютъ дружно и согласно, взаимно другъ друга поддерживая и находясь въ отношеніяхъ нормальныхъ и чуждыхъ антагонизма. Дѣятельное участіе въ примѣненіи тѣхъ же правилъ возложено на спеціально организованную прокуратуру при участковыхъ судахъ (Amtsanwaltschaft), входящую въ составъ общей государственной прокуратуры (Staatsanwaltschaft).

Изданная прусскимъ министерствомъ юстиціи 28 августа 1879 г. инструкція о порядкѣ дѣйствій этихъ прокурорскихъ чиновъ при участковыхъ судахъ (Geschäftsanweisung für die Amtsanwälte) [1]) вмѣстѣ съ образцовымъ дѣлопроизводствомъ этого органа прокуратуры въ главныхъ городахъ Пруссіи служитъ важнымъ источникомъ ознакомленія съ изслѣдуемыми учрежденіями германской уголовной юстиціи.

Здѣсь не безполезно будетъ упомянуть, что всѣ подробности порядка наложенія наказаній безъ суда амтсрихтерами и полицейскими властями выработаны въ Пруссіи съ такою, даже нерѣдко мелочною, точностью, которая дѣлаетъ изъ него систему, функціонирующую съ правильностью механизма. Для разныхъ моментовъ этого порядка въ дѣлопроизводствѣ берлин-

[1]) Инструкція эта подписана исправлявшимъ въ то время должность прусскаго министра юстиціи фонъ-Шеллингомъ, который впослѣдствіи былъ имперскимъ статсъ-секретаремъ юстиціи.

скихъ, напр., властей принято до 50 категорій подробно отпечатанныхъ бланокъ, предусматривающихъ всевозможные его фазисы и случаи. Снабженный всѣмъ, что́ упрощаетъ трудъ и сокращаетъ время, механизмъ работаетъ безостановочно, нѣсколько напоминая своей внѣшней формой не столько судебную процедуру о винѣ и отвѣтственности, сколько финансовое счетоводство, тѣмъ больше, что большинство налагаемыхъ наказаній сводится ко взысканію денежныхъ штрафовъ.

1. Опредѣленія участковыхъ судей о наказаніи (Strafbefehl).

По всѣмъ дѣламъ, которыя подлежатъ этимъ опредѣленіямъ или приказамъ, разрѣшеніе дѣла посредствомъ ихъ составленія, а не обычнымъ судебнымъ порядкомъ, признается общимъ правиломъ, соблюденіе котораго вмѣняется прокуратурѣ въ обязанность во всѣхъ соотвѣтствующихъ случаяхъ Поэтому, если по мнѣнію прокуратуры данное преступное дѣяніе можетъ быть достаточно наказано взысканіемъ, не превышающимъ компетенціи судейскихъ карательныхъ приказовъ, то прокуратура всегда предлагаетъ участковому судьѣ объ изданіи такового приказа, хотя бы maximum законнаго наказанія и былъ выше. Наоборотъ, если прокуратура встрѣчаетъ по этому поводу какія-либо сомнѣнія, то направляетъ дѣло общимъ порядкомъ. На практикѣ къ подобнымъ опредѣленіямъ дѣло вообще обращается прокуратурою лишь тогда: а) когда оно представляется фактически яснымъ и б) когда въ немъ нѣтъ юридическихъ сомнѣній или вопросовъ. Въ противныхъ же случаяхъ дѣло слѣдуетъ общему порядку.

Вслѣдствіе этого не возбуждается карательныхъ опредѣленій, если въ дѣлѣ можетъ возникнуть какой-либо вопросъ о вмѣненіи, въ частности о малолѣтнихъ, не достигшихъ 18-лѣтняго возраста. глухонѣмыхъ, психически разстроенныхъ и проч.

Дѣла о лицахъ, подвергнутыхъ предварительному задержанію по распоряженію полиціи или другихъ уполномоченныхъ на то органовъ (напр., лѣсной, полевой, таможенной стражи и проч.), хотя и могутъ быть по закону разрѣшаемы карательно-

ными опредѣленіями [1]), но прокуратурѣ повсемѣстно рекомендуется (и она этому строго слѣдуетъ) въ такихъ случаяхъ преимущественно направлять дѣла сокращеннымъ порядкомъ внесенія ихъ въ участковый судъ безъ обвинительнаго акта, для немедленнаго разсмотрѣнія, при сознаніи подсудимаго даже безъ участія шеффеновъ (ст. 211 уст. угол. суд.).

Дѣла, передаваемыя уголовнымъ (собственно обвинительнымъ) отдѣленіемъ (Strafkammer) окружного суда (Landgericht) на разсмотрѣніе участковыхъ судовъ, не могутъ быть разрѣшаемы посредствомъ карательныхъ опредѣленій и требуютъ судебнаго производства съ участіемъ шеффеновъ.

Основаніями для предложенія участковому судьѣ о составленіи карательнаго опредѣленія могутъ служить акты и сообщенія полиціи и другихъ властей, а также частныя жалобы и объявленія. Но между тѣмъ какъ поводы *перваго* рода въ огромномъ большинствѣ случаевъ направляются къ разрѣшенію карательными приказами, поводы *второй* категоріи по большей части a priori признаются требующими судебной провѣрки, почему и обращаются къ общему судебному разсмотрѣнію. Характернымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются дѣла по обвиненію *господами прислуги и хозяевами рабочихъ* въ совершеніи уголовно-наказуемыхъ проступковъ. Такія дѣла при наличности законныхъ условій *почти всегда* разрѣшаются карательными опредѣленіями участковыхъ судей и при томъ съ особою строгостью и быстротою.

Какъ уже было замѣчено выше, проступки противъ частной собственности изъяты отъ дѣйствія этихъ опредѣленій самимъ закономъ.

Наиболѣе же часто примѣняются они, съ рѣшеніемъ такимъ образомъ дѣла безъ вызова обвиняемыхъ въ судъ, къ подвѣдомственнымъ шеффенгерихту разнообразнымъ проступкамъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія (въ особенности санитарныхъ правилъ), противъ законовъ о воинской повинности,

---

[1]) Что вполнѣ согласно съ мотивами закона и мнѣніемъ большинства его комментаторовъ—напр., Лёве, Шварце, Бомгардъ и Коллеръ и др.

о торговлѣ и промышленности, а также ко многимъ невыдѣленнымъ изъ вѣдѣнія судебной власти проступкамъ фискальнаго свойства, направленнымъ противъ имущества и доходовъ казны.

Производство по карательному опредѣленію участковаго судьи начинается не иначе, какъ съ предложенія ему о томъ со стороны прокуратуры (Antrag auf Strafbefehl). Эта послѣдняя, признавъ по имѣющимся у нея свѣдѣніямъ, чаще всего по полицейскимъ актамъ, что дѣло можетъ и должно быть разрѣшено помянутымъ опредѣленіемъ, предлагаетъ объ этомъ подлежащему участковому судьѣ [1]), съ препровожденіемъ къ нему всѣхъ подлежащихъ документовъ.

Содержаніе прокурорскаго предложенія сходно съ содержаніемъ обвинительнаго акта, который оно и замѣняетъ въ случаѣ перехода дѣла къ судебному разсмотрѣнію. Въ предложеніи этомъ заключается: 1) самое точное наименованіе обвиняемаго, съ указаніемъ его мѣста жительства; 2) обозначеніе преступнаго дѣянія, въ которомъ онъ обвиняется; 3) указаніе подлежащихъ примѣненію уголовныхъ узаконеній или нарушенныхъ обязательныхъ правилъ, изданныхъ мѣстными властями; 4) перечисленіе свидѣтелей и другихъ доказательствъ; 5) требуемое наказаніе, съ точнымъ обозначеніемъ его рода и размѣровъ (напр., арестъ на столько-то дней, штрафъ въ такую-то сумму, конфискація такого-то предмета).

По обсужденіи прокурорскаго предложенія, участковый судья,

---

[1]) Въ Берлинѣ и многихъ другихъ большихъ городахъ Германіи кругъ вѣдѣнія участковыхъ судей и чиновъ прокуратуры опредѣляется не извѣстнымъ территоріальнымъ райономъ, а по роду дѣлъ и по алфавиту именъ обвиняемыхъ, при чемъ послѣдній признакъ опредѣляетъ компетенцію и различныхъ уголовныхъ отдѣленій окружного суда. Такъ, въ Берлинѣ одинъ амтсрихтеръ вѣдаетъ исключительно дѣла о бродягахъ и нищихъ, другой—о нарушеніи рыночныхъ правилъ, третій—о проступкахъ противъ законовъ о проституціи и т. д. Равнымъ образомъ, чины прокуратуры при участковыхъ судьяхъ пріурочены къ спеціальнымъ дѣламъ ихъ вѣдѣнія, а чины прокуратуры при окружномъ судѣ пріурочены группами, по четыре товарища прокурора, къ извѣстному отдѣленію суда, вѣдаютъ вмѣстѣ съ нимъ дѣла по алфавиту, напр., отъ буквы А до Д и т. д. Всѣ дѣятели, съ которыми автору приходилось бесѣдовать по поводу этого распредѣленія, признаютъ значительныя его неудобства и объясняютъ сохраненіе такого порядка до сихъ поръ единственно привычкой и рутиной.

смотря по даннымъ дѣла и своему о нихъ заключенію, дѣлаетъ одно изъ слѣдующихъ распоряженій:

1) возвращаетъ обратно предложеніе, если находитъ его не подлежащимъ удовлетворенію по *законнымъ* причинамъ (напр., по несоблюденію установленнаго порядка, неподсудности, ненаказуемости инкриминируемаго дѣянія, погашенія уголовной отвѣтственности и проч.).

Такое распоряженіе участковаго судьи прокуратура имѣетъ право опротестовать въ ландгерихтъ, который, въ случаѣ признанія протеста уважительнымъ, обращаетъ дѣло въ участковый судъ для разсмотрѣнія по существу;

2) назначаетъ дѣло къ судебному разсмотрѣнію, если встрѣчаетъ какое-либо сомнѣніе по существу (Bedenken) въ составленіи требуемаго прокуратурою карательнаго опредѣленія;

3) запрашиваетъ ее вновь въ томъ случаѣ, если, не возражая по существу противъ подобнаго разрѣшенія, встрѣчаетъ, однакоже, сомнѣніе относительно рода или размѣра предлагаемаго прокуратурою наказанія; такъ поступаетъ судья и въ томъ случаѣ, когда находитъ это наказаніе слишкомъ слабымъ. Если прокуратура остается при выраженномъ уже ею мнѣніи, то судья назначаетъ дѣло къ судебному разсмотрѣнію;

4) составляетъ и обращаетъ къ исполненію требуемое карательное опредѣленіе, если раздѣляетъ предложеніе прокуратуры.

Опредѣленія эти, по вступленіи ихъ въ законную силу, приводятся въ исполненіе участковыми судами или непосредственно, или черезъ полицію и другія административныя власти по принадлежности, съ предварительнымъ увѣдомленіемъ о томъ прокуратуры посредствомъ предъявленія ей (Vorlegung) постановленія.

При обращеніи дѣла къ судебному разсмотрѣнію подсудимый можетъ прислать въ судъ за себя защитника, кромѣ случаевъ: а) предварительнаго его задержанія и б) требованія личной его явки со стороны суда.

До начала судебнаго засѣданія прокуроръ можетъ взять назадъ обвиненіе, а подсудимый—свою жалобу на карательное

опредѣленіе. Въ первомъ случаѣ дѣло прекращается и во второмъ—помянутое опредѣленіе вступаетъ въ законную силу.

При судебномъ разсмотрѣніи прокуроръ даетъ краткое словесное заключеніе какъ по существу дѣла, такъ и о примѣненіи закона.

Если подсудимый не явится къ судебному разсмотрѣнію, назначенному по его о томъ просьбѣ, судъ шеффеновъ прямо отвергаетъ эту послѣднюю и тѣмъ подтверждаетъ карательное опредѣленіе, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, хотя бы жалоба подсудимаго и основывалась на юридической, по его мнѣнію, неосновательности опредѣленія.

Судъ шеффеновъ можетъ, на основаніи судебнаго разсмотрѣнія дѣла, опредѣлить наказаніе высшее противъ того, которое назначено въ карательномъ опредѣленіи (reformatio in pejus).

Не безъинтересно остановиться и на количественномъ объемѣ примѣненія карательныхъ опредѣленій. Нѣкоторое поясненіе по этому вопросу даютъ нижеслѣдующія статистическія данныя, касающіяся города Берлина (какъ центра съ наиболѣе развитыми проявленіями германской судебной жизни [1]).

Въ берлинскомъ городскомъ участковомъ судѣ всего производилось уголовныхъ дѣлъ:

Въ 1884 г. 34,241
„ 1885 „ 38,984

Изъ этого числа состоялось карательныхъ опредѣленій:

Въ 1884 г. . . . . по 7,072 дѣламъ
„ 1885 „ . . . . . „ 7,586 „

Въ томъ числѣ обращено къ судебному разсмотрѣнію (по жалобамъ и другимъ основаніямъ):

Въ 1884 г. 1,258
„ 1885 „ 1,342

---

[1]) Въ Германіи весьма мало обработываются свѣдѣнія по процессуальной статистикѣ, о количествѣ дѣлъ по ихъ подсудности и способу разрѣшенія, въ противоположность всякимъ другимъ даннымъ уголовной статистики, разработка которой вообще доведена до высокой степени совершенства. Приводимыя же здѣсь данныя извлечены изъ подлинныхъ отчетовъ берлинской прокуратуры.

остальныя же вошли въ законную силу и приведены въ исполненіе.

Такимъ образомъ, изъ общаго количества дѣлъ о полицейскихъ нарушеніяхъ и проступкахъ, возникающихъ въ производствѣ амтсгерихта, среднимъ числомъ 20% разрѣшаются карательными опредѣленіями участковыхъ судей; изъ общаго же количества такихъ опредѣленій только 17,7% доходятъ до судебнаго разсмотрѣнія въ общемъ порядкѣ, а болѣе 82% немедленно приводятся въ исполненіе. По отзыву компетентныхъ лицъ, это отношеніе лишь въ весьма незначительной степени измѣняется для провинцій, гдѣ нѣсколько меньше количество издаваемыхъ опредѣленій, но за-то меньше и число тѣхъ изъ нихъ, которыя подвергаются судебному пересмотру.

IV.

2. Полицейскія распоряженія (или постановленія) о наказаніи (Polizeiliche Strafverfügungen).

Какъ указано выше, всѣ подробности производства по распоряженіямъ или постановленіямъ полиціи о наложеніи наказаній за маловажныя уголовныя нарушенія опредѣляются въ мѣстныхъ узаконеніяхъ объ этомъ предметѣ. Изъ тѣхъ, которыя нынѣ въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ въ Германіи, позднѣйшими являются—уже упомянутый прусскій законъ 23 апрѣля 1883 г. [1]), кромѣ того, въ числѣ наиболѣе полныхъ и подробныхъ можно указать законы: *саксонскій*—8 марта 1879 г. и *вюртембергскій*—12 августа того же 1879 г.

Изъ вышеизложеннаго содержанія имперскихъ законовъ о настоящемъ предметѣ видно, что установляемый ими порядокъ въ сущности распадается на два отдѣла: одинъ касается лишь въ общихъ чертахъ карательныхъ постановленій полиціи, а въ другомъ весьма точно опредѣляются правила судебнаго по нимъ разсмотрѣнія по жалобамъ обвиняемыхъ. Эти послѣднія пра-

[1]) Разъясненный инструкціею 8 іюня 1883 года, изданною по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

вила почти исчерпаны въ имперскомъ законодательствѣ; наоборотъ, первый отдѣлъ, обнимающій собою составленіе и всѣ послѣдствія полицейскихъ распоряженій о наказаніи, разработанъ въ отдѣльности каждымъ партикулярнымъ законодательствомъ, но, все-таки, до извѣстной степени самостоятельно, въ общемъ довольно единообразно, въ частности же съ немалыми отличіями, которыя, однакоже, по ихъ мелочности и исключительно мѣстному характеру, отнюдь нельзя считать существенными при изслѣдованіи практическаго примѣненія всего вообще порядка. Несмотря на множество и пестроту такихъ отдѣльныхъ законовъ, которыхъ даже теперь насчитывается въ Германіи до пятнадцати, благодаря единству ихъ направленія, не трудно воспроизвести типическія для обще-германской практики черты, по которымъ и будетъ всего правильнѣе судить о дѣйствіи института.

По своему *объекту* карательныя распоряженія полиціи обнимаютъ собою всѣ вообще полицейскія нарушенія (Uebertretungen), какъ предусмотрѣнныя уголовнымъ уложеніемъ Германской имперіи, такъ и наказуемыя по отдѣльнымъ имперскимъ или мѣстнымъ законамъ (Reichs und Landesstrafbestimmungen), также нарушенія, обложенныя наказаніемъ на основаніи обязательныхъ постановленій различныхъ полицейскихъ властей, уполномоченныхъ закономъ на изданіе таковыхъ (Polizeiverordnungen) [1]) въ интересахъ общественной безопасности и благочинія.

Изъ числа подобныхъ нарушеній изъемлются и дѣйствію полицейскихъ карательныхъ постановленій не подлежатъ спеціальныя нарушенія, подсудныя особымъ судамъ (напр., рейнскимъ рѣчнымъ и ремесленнымъ судамъ), а также дѣла, подлежащія особому административному производству (Verwaltungsstrafverfahren) въ вѣдѣніи тѣхъ спеціальныхъ коренныхъ упра-

---

[1]) Въ Пруссіи, согласно законамъ 20 сентября 1867 г., 13 декабря 1872 и 26 іюля 1880 г., полномочіе это принадлежитъ въ извѣстной постепенности относительно предѣловъ наказанія, кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ, еще административнымъ начальствамъ: оберъ-президенту, регирунгс-президенту, ландрату и даже мѣстной полицейской власти (Ortspolizeibehörden), каждому въ кругѣ его вѣдѣнія.

вленій, противъ уставовъ которыхъ они направлены (напр., акцизнаго, податного, таможеннаго, почтоваго, горнаго).

Въ большинствѣ германскихъ государствъ не издается полицейскихъ карательныхъ распоряженій противъ лицъ, не достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Въ Пруссіи же послѣднимъ закономъ 23 апрѣля 1883 г. (§ 1 ч. 1) дѣйствіе этихъ распоряженій распространено и на обвиняемыхъ въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ.

Субъектомъ карательно-полицейской власти является вообще органъ мѣстной полиціи (Polizeibehörde), облеченный правами и отправляющій обязанности *„полицейскаго управленія“* (Polizeiverwaltung, откуда Polizeiverwalter), по большей части единоличный, весьма рѣдко коллегіальный, чаще правительственный, рѣже выборно-общественный. Вслѣдствіе крайней нестроты, если не устройства, то, во всякомъ случаѣ, номенклатуры этихъ органовъ въ Германіи, перечисленіе ихъ наименованій и районовъ представляется излишнимъ, и можно ограничиться лишь указаніемъ на болѣе типическіе такого рода органы. Таковы, напр.: а) особыя полицейскія управленія въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ и другихъ большихъ городахъ; б) бургомистръ или исполняющій полицейскія обязанности одинъ изъ членовъ магистрата въ городахъ, не имѣющихъ еще этого управленія, и в) участковые начальники различныхъ названій въ провинціяхъ, гдѣ дѣйствуетъ „мѣстное управленіе“ (Landverwaltung), Amtsvorsteher, Amtsmann, или Hauptmann, Schultheiss и пр.

Приведенное общее правило о субъектѣ карательно-полицейской власти допускаетъ въ различныхъ мѣстностяхъ различныя исключенія въ отношеніи самого субъекта и пространствъ его полномочій. Такъ, въ районахъ, подвѣдомственныхъ въ полицейскомъ смыслѣ особой полиціи—чинамъ этой послѣдней принадлежитъ исключительно помянутая власть. Въ подобномъ положеніи находятся желѣзныя дороги (Eisenbahnpolizei), водяные пути сообщенія (Stromschiffarts- и Hafenpolizei), плотины и запруды (Deichpolizei), и проч. Далѣе, между тѣмъ какъ въ однихъ государствахъ (напр., въ провин-

ціяхъ Пруссіи, въ Саксоніи и друг.), каждый Polizeiverwalter, т.-е. каждый органъ, отправляющій полицейскую власть, имѣетъ въ полномъ объемѣ право на изданіе карательныхъ постановленій, наравнѣ съ другимъ таковымъ же органомъ и независимо отъ своего іерархическаго ранга, въ другихъ (Вюртембергъ) права эти въ отношеніи размѣровъ наказанія устепеняются, смотря по мѣстности (напр., въ общинахъ 1-го класса— до 6 дней ареста и до 36 марокъ штрафа, а 3-го класса— лишь до двухъ дней ареста и до 12 марокъ штрафа) или даже смотря по служебному положенію полицейскаго чиновника, такъ что карательною властью во всемъ ея объемѣ пользуется лишь органъ высшей полицейской инстанціи (Oberamt). Наконецъ—и это обстоятельство заслуживаетъ вниманія—въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и случаяхъ изданіе карательныхъ постановленій обставлено по отношенію къ органу, ихъ издающему, особыми гарантіями правильности и единообразія. Такъ, по нѣкоторымъ дѣламъ ихъ можетъ издавать не мѣстный полицейскій чиновникъ, а только ландратъ (напр., въ Пруссіи по дѣламъ о нарушеніи правилъ о проѣзжихъ дорогахъ, объ охотѣ и рыбной ловлѣ). Наиболѣе же важною гарантіею этого рода слѣдуетъ признать порядокъ, существующій въ Берлинѣ, а за нимъ введенный уже или вводимый и въ другихъ крупныхъ центрахъ. Въ Берлинѣ, гдѣ, какъ указано ниже, ежегодно полиціею издается до 50 т. карательныхъ постановленій и дѣйствіе ихъ имѣетъ немаловажное значеніе въ жизни столичнаго населенія и въ дѣлѣ столичнаго благоустройства, они исходятъ не отъ отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, но отъ центральнаго полицейскаго управленія, Polizei-Praesidium. Всѣ дѣла о полицейскихъ нарушеніяхъ вѣдаетъ особое 6-е отдѣленіе этого послѣдняго, носящее и офиціальное названіе „*Отдѣленія полицейскихъ нарушеній*“ (Abtheilung für Uebertretungen). Во главѣ его стоитъ лицо съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, продолжительною опытностью и безупречною репутаціею, и въ составѣ его также не мало чиновниковъ-юристовъ, которые ведутъ весьма стройно и правильно полицейскую репрессію. Всѣ свѣдѣнія о нихъ, изъ какого бы то ни

было источника, въ томъ числѣ и донесенія и акты полицейскихъ чиновъ поступаютъ въ названное отдѣленіе, провѣряются въ немъ и, если нужно, дополняются по его распоряженію и указаніямъ. Затѣмъ, если отдѣленіе находитъ, что данное дѣяніе подлежитъ преслѣдованію въ судебномъ порядкѣ, то направляетъ все производство къ прокуратурѣ; если же, по его мнѣнію, дѣло можетъ и должно быть разрѣшено карательнымъ постановленіемъ полиціи, то таковое составляется, объявляется обвиняемому и по вступленіи въ законную силу приводится въ исполненіе отъ имени отдѣленія. Она же ведетъ всю вообще переписку по преслѣдованію полицейскихъ нарушеній и находится въ постоянныхъ оживленныхъ, и притомъ очень дружныхъ, сношеніяхъ по этому поводу съ судебными властями, въ лицѣ участковыхъ судей и прокуратуры. По отзыву многихъ представителей послѣдней, такая централизація преслѣдованія репрессіи полицейскихъ нарушеній въ одномъ учрежденіи имѣетъ свои неудобства, обременяя его большимъ количествомъ дѣлъ и затрудняя усвоеніе имъ мѣстныхъ и индивидуальныхъ условій каждаго отдѣльнаго случая, о которомъ въ главномъ полицейскомъ управленіи судятъ, конечно, только на основаніи бумажныхъ данныхъ. Но этотъ механическій оттѣнокъ производства не считается въ Германіи недостаткомъ, такъ какъ отъ всей этой процедуры, по маловажности деликта, ничего, кромѣ апріорно-вѣрнаго приложенія закона, и не требуется. За-то по этому же выше приведенному компетентному свидѣтельству, описанный порядокъ искупаетъ всѣ неудобства капитальными своими преимуществами, ради которыхъ онъ и установленъ: юридическою правильностью и практическимъ единообразіемъ дѣйствія.

По смыслу закона, разрѣшеніе карательнымъ распоряженіемъ дѣла, подходящаго подъ его условія, составляетъ не *обязанность*, а лишь *право* полиціи. Но практика пошла въ этомъ отношеніи дальше и выработала повсемѣстно господствующій взглядъ, по которому полиція въ исполненіе своей задачи *должна* издавать означенныя распоряженія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда къ этому нѣтъ юридическихъ или фактическихъ препятствій. „Органъ

полицейскаго управленія", — говоритъ прусская министерская инструкція, 8 іюня 1883 г. (§ 2),—„для огражденія полицейскихъ интересовъ имѣетъ примѣнять помянутое право во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ, такъ какъ иначе не была бы достигнута цѣль закона".

Въ частности полиція всегда воздерживается отъ карательнаго распоряженія и передаетъ дѣла прокуратурѣ:

1) когда находитъ наказаніе, налагаемое въ этомъ порядкѣ, недостаточнымъ или несоотвѣтствующимъ винѣ; 2) когда по дѣлу являются какія-либо юридическія или фактическія сомнѣнія, напр., относительно доказанности событія, состава проступка, мѣры наказанія, причинъ, погашающихъ уголовную отвѣтственность; 3) когда полиція можетъ быть заинтересована въ исходѣ дѣла въ лицѣ какого-либо своего органа; 4) когда по свѣдѣніямъ полиціи прокуратура уже приступила къ какому-либо производству въ смыслѣ судебнаго преслѣдованія нарушенія; 5) когда по одному и тому же нарушенію и обвиненію подлежатъ отвѣтственности нѣсколько лицъ, особенно же въ качествѣ соучастниковъ одного дѣянія и, наконецъ, 6) когда обвиняемый, подлежащій за нарушеніе аресту, уже при полицейскомъ производствѣ или дознаніи подвергнутъ предварительному заключенію подъ стражу (такъ какъ въ этомъ случаѣ, на основаніи ст. 125 и 128 уст. угол. суд., онъ долженъ быть немедленно препровожденъ на дальнѣйшее распоряженіе участковаго судьи).

Наблюденіе за правильностью осуществленія полицейской карательной власти возложено на ландратовъ и соотвѣтствующихъ имъ полицейскихъ чиновниковъ, которые періодически ревизуютъ для этой цѣли уголовно-полицейскіе реестры.

По поступленіи къ полицейскому органу какого-либо указанія на совершившееся полицейское нарушеніе въ его вѣдомствѣ, онъ прежде всего опредѣляетъ, на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, не слѣдуетъ ли покарать его полицейскимъ распоряженіемъ о наказаніи? Разрѣшивъ этотъ вопросъ утвердительно, онъ устанавливаетъ: а) наказуемое дѣяніе, б) личность виновнаго, в) имѣющіяся противъ него доказательства и г) заслуженное ими наказаніе.

Въ сущности это, хотя и въ суммарномъ видѣ, та же самая работа, которую совершаетъ уголовный судья при постановленіи всякаго приговора. Для исполненія ея, поэтому, каждый полицейскій органъ долженъ обладать главнѣйшими элементарными свѣдѣніями по матеріальному уголовному законодательству, напр., о составѣ и наказуемости проступковъ, объ умыслѣ и неосторожности, о покушеніи, соучастіи и совокупности, о давности и проч. Понятія эти въ простѣйшемъ изложеніи обыкновенно включаются во всѣ (очень въ Германіи многочисленныя) руководства для полицейскихъ чиновъ и, какъ показываетъ опытъ, вполнѣ удовлетворительно ими усвоиваются. Ошибки юридическаго свойства, особенно грубыя, сравнительно рѣдки, даже въ провинціальныхъ карательныхъ распоряженіяхъ и почти никогда не встрѣчаются въ столичныхъ. Что касается до фактической доказательной стороны, то для удостовѣренія въ дѣйствительности нарушенія и признанія его доказаннымъ достаточно сослаться на собственное или другого должностного лица непосредственное свидѣтельство — должностной протоколъ, или даже на показаніе хотя бы одного свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія. Вообще доказательства собираются и провѣряются самыми простыми и сокращенными способами, безъ особыхъ формальностей и, во всякомъ случаѣ, съ устраненіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя требуютъ расходовъ.

Содержаніе карательнаго распоряженія, согласно съ вышеуказанными предписаніями закона, излагается весьма подробно, но всегда на бланкѣ съ напечатанною цѣликомъ стереотипною частью, которая остается неизмѣнною при распоряженіяхъ всякаго рода. Поэтому составленіе постановленія беретъ очень мало времени и труда, для обвиняемаго же оно вполнѣ замѣняетъ мотивированный приговоръ съ указаніемъ способовъ обжалованія.

Наказаніе, опредѣляемое въ карательномъ постановленіи, назначается, смотря по обстоятельствамъ дѣла и по соображеніи съ данными о личности обвиняемаго, въ особенности въ случаѣ рецидива, который всегда увеличиваетъ мѣру наказанія. Ее увеличиваютъ также безчестные или низкіе мотивы нарушенія, его обще-опасный характеръ или обще-опасное направленіе дѣйствій

нарушителя, видимое съ его стороны неуваженіе къ закону, порядку, властямъ и проч., и проч. Тѣ же условія принимаются во вниманіе при избраніи ареста или денежнаго штрафа изъ двухъ родовъ наказанія, альтернативно опредѣляемаго закономъ за нѣкоторые проступки. Штрафъ полагается въ размѣрѣ не менѣе одной марки. Вмѣстѣ съ нимъ опредѣляется срокъ ареста на случай несостоятельности къ уплатѣ штрафа; арестъ этотъ не превышаетъ одного дня при штрафѣ отъ 1 до 15 марокъ.

Если полиція усматриваетъ указанныя въ законѣ основанія къ предварительному задержанію обвиняемаго въ полицейскомъ нарушеніи (напр., опасеніе побѣга, отсутствіе осѣдлости и проч.), а между тѣмъ наказаніе за нарушеніе ограничивается лишь штрафомъ, то обвиняемый оставляется на свободѣ по представленіи поручительства въ размѣрѣ налагаемаго штрафа.

Объявленіе обвиняемому о наложеніи на него наказанія карательнымъ распоряженіемъ полиціи совершается по общимъ правиламъ *„процессуальнаго врученія“* (Zustellung) судебныхъ документовъ черезъ присяжнаго разсыльнаго или черезъ почту. Обвиняемому вручается экземпляръ состоявшагося противъ него постановленія, а удостовѣреніе о врученіи прилагается къ производству.

Полицейское карательное распоряженіе теряетъ силу, если до врученія его обвиняемому прокуратура возбудила судебное преслѣдованіе по тому же дѣлу. Послѣ же такового врученія она направляетъ дѣло судебнымъ порядкомъ только въ томъ случаѣ, если, по имѣющимся у нея свѣдѣніямъ, предметомъ дѣла является не полицейское нарушеніе, а преступленіе или проступокъ и, слѣдовательно, полиція, издавая карательное постановленіе, вышла изъ предѣловъ своей власти. Въ подобномъ случаѣ пріостанавливается исполненіе и вошедшаго уже въ законную силу распоряженія. Такимъ образомъ, разъ полиція воспользовалась своимъ правомъ наложить наказаніе за полицейское нарушеніе, прокуратура не вмѣшивается въ его преслѣдованіе до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ обжаловано самимъ обвиняемымъ.

По смыслу имперскаго законодательства, карательныя рас-

поряженія полиціи всегда и вездѣ подлежатъ обжалованію въ судебномъ порядкѣ, который не можетъ быть устраненъ мѣстными законами. Напротивъ того, установленіе другого порядка обжалованія высшему полицейскому начальству зависитъ отъ этихъ законовъ и инструкціонныхъ къ нимъ разъясненій. Такъ, въ Пруссіи его не существуетъ вовсе; въ другихъ же признающихъ его государствахъ Германіи избраніе того или другого порядка принадлежитъ обвиняемому, при чемъ они другъ друга взаимно исключаютъ. Практика Саксоніи, Вюртемберга и Бадена указываетъ при этомъ, что обжалованіе карательныхъ распоряженій полиціи по начальству примѣняется крайне рѣдко.

Просьбы или требованія (Antrag) о судебномъ пересмотрѣ карательныхъ постановленій заявляются въ установленный (7-ми дневный) срокъ, словесно или письменно, или полиціи, или подлежащему участковому судьѣ. Въ первомъ случаѣ полиція или беретъ назадъ свое распоряженіе, что̀ иногда бываетъ при обнаруженіи самою полиціею ошибки или неправильности въ обжалованномъ постановленіи, или же передаетъ все производство прокуратурѣ для внесенія его на разсмотрѣніе участковаго суда. Во второмъ же случаѣ участковый судья увѣдомляетъ о поступившей къ нему просьбѣ прокуратуру, которая, по истребованіи дѣла изъ полиціи, предлагаетъ таковое участковому судьѣ

Пріемъ и дальнѣйшее движеніе просьбъ о пересмотрѣ на практикѣ весьма упрощены въ интересахъ обвиняемыхъ. Въ вышеупомянутомъ VI отдѣленіи берлинскаго Polizei-Praesidium'а, напр., принято считать требованіемъ о судебномъ направленіи дѣла простое и молчаливое возвращеніе обвиняемымъ по почтѣ врученнаго ему карательнаго распоряженія, вмѣсто добровольнаго исполненія такового.

Жалобы на эти распоряженія приносятся, и судебное разсмотрѣніе ихъ происходитъ сравнительно очень рѣдко, такъ что въ значительномъ большинствѣ случаевъ они приводятся въ исполненіе надъ обвиняемыми, которые и въ городахъ, и въ деревняхъ подчиняются имъ довольно легко и охотно. Такое подчиненіе объясняется больше всего желаніемъ избѣжать хлопотъ и потери времени при судебномъ производствѣ въ связи

съ незначительностью наказанія. При этомъ на уменьшеніе количества жалобъ на карательныя постановленія не только полиціи, но и участковыхъ судей (т.-е. и Strafbefehl и Strafverfügung) вліяютъ иногда причины совершенно постороннія и случайныя. Такъ, въ Берлинѣ число этихъ жалобъ замѣтно уменьшилось послѣ 1881 г., когда судебныя камеры участковыхъ судей и прокуратуры были перемѣщены въ новое зданіе судебныхъ установленій, въ Моабитѣ, на краю города, куда отправляться для веденія дѣла стало труднѣе и невыгоднѣе.

Практика судебнаго производства по карательнымъ распоряженіямъ полиціи не отличается никакими заслуживающими вниманія особенностями. Около $25^0/_0$ дѣлъ разрѣшаются отмѣною этихъ распоряженій или въ ихъ измѣненіе, по остальнымъ же судъ своимъ приговоромъ лишь подтверждаетъ полицейское постановленіе.

Объ исходѣ дѣла прокуратура увѣдомляетъ полицію, препровождая къ ней копію съ судебнаго приговора или опредѣленія.

Карательное распоряженіе, не обжалованное обвиняемымъ въ срокъ, становится „подлежащимъ исполненію“—Vollstreckbar—терминъ, которымъ здѣсь замѣняется судебное выраженіе: войти въ законную силу. Карательное распоряженіе исполняется тѣмъ полицейскимъ органомъ, которымъ оно сдѣлано. О наложенномъ штрафѣ сообщается подлежащей финансовой кассѣ, которая его и взыскиваетъ въ общемъ порядкѣ взысканія казенныхъ платежей, а въ случаѣ несостоятельности обвиняемаго возвращаетъ всѣ документы полиціи для замѣны штрафа арестомъ. Распоряженіе объ арестѣ приводится въ исполненіе непосредственно полиціей, при чемъ подвергаемый аресту содержится въ полицейской тюрьмѣ (Polizeigefängniss).

При послѣдующемъ судебномъ обвиненіи лица, подвергнутаго наказанію карательнымъ распоряженіемъ полиціи, въ болѣе важномъ или даже подобномъ же преступномъ дѣяніи, наказаніе это въ соображеніе не принимается и справокъ о немъ въ производствѣ не помѣщается.

Регистрація карательныхъ распоряженій проста и удобна. Въ каждомъ уполномоченномъ на изданіе таковыхъ полицей-

скомъ установленіи ведется имъ краткій реестръ (Strafliste). Къ нему прилагается текстъ постановленій о наказаніи на отдѣльныхъ для каждаго дѣла листкахъ (Actenbogen), дубликаты которыхъ вручаются обвиняемымъ. Всѣ эти документы излагаются съ большою точностью и подробностью. Затѣмъ во всей Германіи практикуется порядокъ взаимнаго сообщенія подлежащими властями о послѣдовавшихъ карательныхъ распоряженіяхъ. Сущность этого порядка, установленнаго въ общихъ чертахъ опредѣленіемъ союзнаго совѣта отъ 16 іюня 1882 г. относительно веденія справокъ о судимости (Strafregister [1]), заключается въ томъ, что о каждомъ изданномъ карательномъ распоряженіи сообщается для внесенія въ справки о судимости мѣстности, гдѣ обвиняемый родился (Geburtsort) и въ большинствѣ случаевъ, кромѣ того, въ таковыя же справки мѣстности, гдѣ онъ постоянно живетъ или проживалъ въ послѣднее время (Wohn- и Aufenthaltsort).

Въ видѣ иллюстраціи нелишнимъ представляется привести нѣкоторыя цифры о количествѣ полицейскихъ распоряженій о наказаніи, издаваемыхъ въ г. Берлинѣ, гдѣ мѣра эта практикуется въ особенно обширныхъ размѣрахъ.

Въ упомянутое выше VI отдѣленіе полицейскаго управленія г. Берлина всего поступило донесеній и сообщеній о преступныхъ дѣяніяхъ:

въ 1884 г. . . .	73,527
„ 1885 „ . . .	83,217

Изъ этого числа разрѣшено полицейскими распоряженіями о наказаніи:

въ 1884 г. . . .	49,000 дѣлъ.
„ 1885 „ . . .	55,000 „

Изъ общаго же количества этихъ распоряженій поступило къ судебному разсмотрѣнію.

въ 1884 г. . . .	4,150
„ 1885 „ . . .	5,170

---

[1]) Въ большей части Германіи справки о судимости ведутся прокуратурою, въ Саксоніи и Баденѣ—участковыми судьями, а въ Виртембергѣ—управленіями каждой общины.

Такимъ образомъ среднимъ числомъ *66,6*% всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, возникающихъ въ вѣдомствѣ берлинской полиціи, разрѣшаются ею посредствомъ полицейскихъ карательныхъ постановленій, изъ числа которыхъ только *9,8*% переходятъ по жалобамъ обвиняемыхъ въ судъ, къ разсмотрѣнію въ судебномъ порядкѣ, а *90,2*% вступаютъ въ законную силу и приводятся въ исполненіе [1]).

Въ провинціяхъ количество полицейскихъ распоряженій о наказаніи значительно меньше, но и оно, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, колеблется между *40—50*% всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, возникающихъ въ производствѣ полиціи, при чемъ отъ *15 до 20*% этихъ распоряженій подвергаются пересмотру суда. Для городовъ это отношеніе однообразнѣе и постояннѣе, въ мѣстечкахъ и деревняхъ оно видоизмѣняется сообразно различнымъ условіямъ: географическому положенію, степени населенности, близости отъ большихъ центровъ, занятіямъ и характеру населенія и проч.

Сверхъ всего сказаннаго, нижеслѣдующія замѣчанія относятся одинаково какъ къ опредѣленіямъ о наказаніи участковыхъ судей, такъ и къ распоряженіямъ полиціи о томъ же предметѣ.

Движеніе производства по нимъ отличается скоростью. Отъ полученія подлежащею властью первыхъ свѣдѣній о проступкѣ до изданія по поводу его карательнаго опредѣленія или постановленія, съ врученіемъ такового обвиняемому, рѣдко проходитъ болѣе *1—3 дней*. Въ случаѣ обращенія дѣла къ судебному разсмотрѣнію, вся процедура отъ поступленія жалобы или протеста до судебнаго засѣданія занимаетъ не болѣе *недѣли*, самое же судебное разсмотрѣніе рѣдко требуетъ болѣе *получаса*.

На помянутыя постановленія и распоряженія, кромѣ просьбъ о судебномъ ихъ пересмотрѣ, приносятся въ довольно большомъ

---

[1]) Приведенныя цифры, какъ и предыдущія, по возможности точныя, получены авторомъ благодаря любезности *Д. Борхерта*, товарища прокурора берлинскаго ландгерихта и завѣдывающаго прокуратурою при берлинскомъ участковомъ судѣ (Erster Amtsanwalt bei dem Konigl. Amtsgericht), автора изданнаго въ 1884 г. прекраснаго пособія для этой прокуратуры.

количествѣ просьбы о помилованіи, разрѣшаемыя верховною властью каждаго государства по докладамъ министровъ юстиціи [1]. Подача такой просьбы пріостанавливаетъ исполненіе судейскаго приказа или полицейскаго постановленія о наказаніи.

V.

Выше уже было упомянуто, что институтъ предварительныхъ опредѣленій участковыхъ судей и постановленій полиціи о наложеніи наказаній за маловажные проступки, безъ вызова обвиняемыхъ въ судъ, пользуется въ Германіи большою популярностью. Симпатію къ нимъ раздѣляютъ, повидимому, авторитетныя лица различныхъ профессій и взглядовъ, ученые, публицисты и члены магистратуры. „Это истинное благодѣяніе для населенія“—такъ характеризовалъ ихъ автору одинъ изъ знаменитѣйшихъ германскихъ ученыхъ, извѣстный юристъ—историкъ профессоръ Гнейстъ, принимавшій дѣятельное участіе въ разработкѣ германскаго уголовно-судебнаго законодательства и не перестающій внимательно слѣдить за его примѣненіемъ. Признавая за обоими учрежденіями выдающіяся достоинства и чрезвычайную практическую важность, господствующее въ Германіи воззрѣніе оправдываетъ ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Оно исходитъ изъ того соображенія, что маловажные уголовные проступки должны быть наказываемы скоро и просто съ возможно малыми издержками, а дѣла о нихъ должны быть разрѣшаемы съ наименьшимъ стѣсненіемъ для частныхъ лицъ и съ наименьшимъ обремененіемъ судебной власти. Суммарная юрисдикція участковыхъ судей достигаетъ вполнѣ этихъ цѣлей. Судебное слѣдствіе по подсуднымъ ей дѣламъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ явилось бы лишь совершенно излишнею формальностью, такъ какъ дѣло, уже само по себѣ простое и житейски ясное, достаточно раскрывается предварительными

[1]) Замѣчательна вообще многочисленность просьбъ такого рода въ Германіи. Императоръ германскій, въ качествѣ короля прусскаго, разрѣшаетъ ихъ среднимъ числомъ до 25 т. въ годъ, при чемъ до 75% ихъ приходится на долю дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ, и по всѣмъ въ министерствѣ юстиціи составляются подробные доклады, требующіе много труда и занимающіе особое отдѣленіе этого министерства.

свѣдѣніями, которыя прокуратура передаетъ судьѣ при предложеніи о карательномъ опредѣленіи. Въ пользу устраненія судебнаго разбирательства говоритъ и незначительность угрожающаго обвиняемому наказанія, а справедливое рѣшеніе дѣла окончательно обезпечивается тремя весьма дѣйствительными гарантіями: 1) участіемъ прокуратуры въ производствѣ, возбуждаемомъ не иначе, какъ по ея иниціативѣ; 2) наложеніемъ наказанія по соглашенію съ прокуратурою, со стороны того же органа судебной власти, того же судьи, которому въ общемъ порядкѣ предстояло бы разрѣшить дѣло на основаніи судебнаго слѣдствія, и, наконецъ, 3) ординарнымъ и полнымъ судебнымъ производствомъ при несогласіи судьи съ прокуратурою или по требованію обвиняемаго. Такимъ образомъ суммарная юрисдикція примѣняется лишь тогда, когда на это есть обоюдное согласіе двухъ сторонъ, состязующихся въ уголовномъ дѣлѣ: органа публичнаго обвиненія и самого обвиняемаго. Этого болѣе чѣмъ достаточно, по мнѣнію германской практики, отнюдь не расходящейся здѣсь съ теоретическою юриспруденціею. Нѣсколько сложнѣе аргументація въ защиту карательной полицейской юрисдикціи, по полицейскимъ же нарушеніямъ; но и приводимые по этому поводу преимущественно отрицательные аргументы находятся въ неразрывной связи и соотвѣтствіи съ выводами опыта и сюда-то въ особенности относятся вышеприведенныя слова профессора Гнейста, котораго нельзя заподозрить въ склонности принести начала справедливости въ жертву какимъ-либо соображеніямъ полицейской цѣлесообразности или практическаго удобства. Порядокъ полицейскихъ Strafverfügungen, удобный для общественнаго благочинія и безопасности, выгоденъ и для обвиняемаго: послѣдній избавляется отъ явки въ судъ и отъ судебныхъ издержекъ, а быстрый и простѣйшій способъ наказанія за ничтожныя правонарушенія отвѣчаетъ—хотя, быть можетъ, отчасти и безсознательно—внутреннему правовому чувству (Gerechtigkeitsgefuhl) большинства и въ большинствѣ случаевъ. Судебная отвѣтственность за легкое нарушеніе, самая преступность котораго далеко не всегда постигается, не возбуждаетъ въ обвиняемомъ необходимаго сознанія вины, особенно при извѣстной

неизбѣжной медленности судебной процедуры. Напротивъ, его не безъ основанія поражаетъ несоразмѣрность между ничтожностью проступка и обрядовою торжественностью, такъ сказать, важностью всякаго судебнаго производства. Это тѣмъ болѣе вѣрно и существенно, что въ глазахъ общественнаго мнѣнія всякая судебно-уголовная кара, хотя бы и самая незначительная, представляетъ собою нѣчто предосудительное, почти постыдное, между прочимъ и вслѣдствіе публичности разбирательства. Полицейское же распоряженіе о наказаніи, быстро слѣдующее за проступкомъ, застаетъ въ виновномъ еще свѣжее и ясное о немъ представленіе; подчиняясь этому наказанію, обвиняемый тѣмъ самымъ какъ бы признаетъ, что такой способъ возмездія соотвѣтствуетъ его чувству и желанію. Гарантія суда въ его рукахъ, такъ какъ онъ всегда можетъ потребовать судебнаго пересмотра карательнаго распоряженія полиціи. Кромѣ того, предоставленіе ей такой власти, обставленное столь дѣйствительными обезпеченіями противъ произвола и потому въ отношеніи возможности злоупотребленій безопасное, возвышаетъ и укрѣпляетъ авторитетъ самой полиціи среди населенія, которое привыкаетъ смотрѣть на нее какъ на силу, активно-оберегающую общественный порядокъ и дѣйствующую на точномъ основаніи закона въ тѣсномъ единеніи съ судомъ. Со стороны общества и гражданъ, въ массѣ, также не слышится нареканій противъ разсматриваемыхъ институтовъ, успѣвшихъ, повидимому, пустить глубокіе и прочные корни въ германскомъ гражданскомъ обиходѣ; обыватели цѣнятъ ихъ дешевизну, простоту и быстрое дѣйствіе, такъ что всякое ихъ ограниченіе въ пользу судебнаго производства едва ли было бы встрѣчено сочувственно.

Въ общемъ итогѣ существующій въ Германіи порядокъ наложенія наказаній за маловажные проступки карательными опредѣленіями участковыхъ судей и распоряженіями полицейскихъ властей безъ судебнаго разбирательства примѣняется на практикѣ вполнѣ согласно съ основною мыслью и намѣреніями законодательства, успѣшно выполняя поставленныя ему задачи. Такое благопріятное дѣйствіе этого учрежденія обусловливается, съ одной стороны, его несомнѣнными внутренними качествами,

а съ другой—и быть можетъ въ особенности—тѣмъ, что онъ согласуется не только съ потребностями германскаго общественнаго быта, но и съ нѣкоторыми преобладающими свойствами нѣмецкаго характера: методичною практичностью и склонностью къ сбереженію во всемъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ.

VI [1]).

Въ австрійскомъ уголовномъ процессѣ, на основаніи ст. 460—462 уст. угол. суд. 23 мая 1873 г., существуетъ подъ именемъ *Mandatsverfahren* совершенно сходный съ германскимъ порядокъ наложенія наказаній предварительными опредѣленіями низшихъ судей за маловажные проступки безъ вызова обвиняемыхъ въ судъ. Порядокъ этотъ заключается въ слѣдующемъ:

По дѣламъ о проступкахъ (Gesetzübertretung), наказуемыхъ по закону не свыше мѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа, соотвѣтствующее наказаніе можетъ быть наложено окружнымъ судьею (Bezirksrichter) [2]) безъ предварительнаго судебнаго производства, съ соблюденіемъ при этомъ извѣстныхъ условій, а именно:

1) обвиняемый долженъ находиться на свободѣ;

2) обвиненіе должно быть предъявлено уполномоченнымъ на то по закону должностнымъ лицомъ, въ кругѣ его служебнаго вѣдѣнія и на основаніи собственнаго его удостовѣренія (eigene Wahrnehmung) въ наличности нарушенія;

3) карательное опредѣленіе (Strafverfügung) можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію прокуратуры, и

4) налагаемое имъ наказаніе не можетъ превышать 3-дневнаго ареста или 15 гульденовъ штрафа.

---

[1]) Источники и пособія по австрійскому праву: 1) Die Strafprocessordnung vom 23 Mai 1873. 7 Aufl. (*Marx*). 1886 2) *Rulf*. Die oesterreichische Strafprocessordnung vom 23 Mai 1873 erlautert 1874. 3) *J. Mayer* Handbuch des oesterreichischen Strafprocessrechts. 1876—1884. V. III 4) *Ullmann*. Lehrbuch des oesterreichischen Strafprocessrechts. 1882. 5) *Vargha*. Das Strafprocessrecht. 1885. 6) *Glaser*. Handbuch des Strafprocesses. 1885.

[2]) Австрійскій Bezirksrichter соотвѣтствуетъ германскому Amtsrichter'у и нашему мировому судьѣ.

Содержаніе подобнаго карательнаго опредѣленія во всемъ соотвѣтствуетъ содержанію такового же опредѣленія или приказа (Strafbefehl) германскаго участковаго судьи.

Обвиняемый можетъ, въ 8-дневный срокъ со времени врученія ему карательнаго опредѣленія, предъявить противъ него письменное или словесное возраженіе въ томъ же окружномъ судѣ съ указаніемъ и доказательствъ къ своему оправданію; въ противномъ же случаѣ опредѣленіе вступаетъ въ законную силу и приводится въ исполненіе.

По предъявленіи обвиняемымъ возраженія противъ карательнаго опредѣленія, дѣло въ дальнѣйшемъ производится и разрѣшается въ общемъ судебномъ порядкѣ.

Этотъ способъ отправленія уголовнаго правосудія отнесенъ въ австрійскомъ процессѣ къ общему производству по дѣламъ о маловажныхъ проступкахъ, или нарушеніяхъ (Verfahren in Uebertretungsfallen).

Мотивы, послужившіе къ введенію этого института въ уставъ 1873 года, заключаютъ въ себѣ прямую ссылку на дѣйствіе его въ Германіи и отчасти воспроизводятъ сущность его мотивовъ въ германскомъ правѣ, а отчасти даютъ и свою собственную, преимущественно юридическую аргументацію, чѣмъ нѣсколько и отличаются отъ болѣе утилитарнаго характера послѣднихъ. Указавъ на достигаемое карательными опредѣленіями судей значительное упрощеніе процесса, который, въ случаѣ подчиненія со стороны обвиняемаго, сводится къ одному судебному акту—австрійскіе мотивы останавливаются и на томъ удобствѣ, которое предоставляется этимъ порядкомъ самому обвиняемому, если онъ не желаетъ подвергаться издержкамъ и хлопотамъ судебнаго разбирательства или не разсчитываетъ на благопріятный для себя исходъ его. Затѣмъ, отмѣтивъ достаточное обезпеченіе интересовъ обвиняемаго его правомъ требовать судебнаго пересмотра карательнаго опредѣленія, законодатель подробно развиваетъ ихъ политико-юридическое значеніе. Большинство маловажныхъ проступковъ направлено противъ различныхъ административныхъ нормъ или правилъ и притомъ такъ, что охраненіе ихъ отъ нарушенія, констатиро-

ваніе этого послѣдняго и самое возстановленіе нарушеннаго благоустройства или благочинія представляютъ задачу административной власти, наиболѣе для этого компетентной. Но, съ другой стороны, въ виду наличности въ такомъ предметѣ чисто уголовныхъ элементовъ наказуемости, признается неудобнымъ и нежелательнымъ присвоеніе административнымъ органамъ настоящей уголовно-судебной власти, хотя бы и въ отношеніи самыхъ маловажныхъ правонарушеній. Институтъ карательныхъ опредѣленій судей, безъ судебнаго производства, но на основаніи административнаго удостовѣренія въ дѣйствительности проступка, представляетъ примиреніе обоихъ соображеній — политическаго и юридическаго. Обѣ власти, административная и юридическая, дѣлаютъ каждая свое дѣло, не вторгаясь одна въ сферу другой: первая предъявляетъ основаніе къ уголовному возмездію правонарушителя, вторая налагаетъ на него назначенное въ законѣ наказаніе.

Что же касается до наложенія наказаній за маловажные проступки карательными распоряженіями полиціи, то такого института не существуетъ вовсе въ австрійскомъ правѣ [1]).

---

[1]) Порядокъ наложенія наказанія карательными опредѣленіями участковыхъ судей не имѣетъ подобнаго себѣ института въ нашемъ законодательствѣ и лишь по нѣкоторымъ чертамъ практическаго своего примѣненія допускаетъ отдаленное сближеніе съ заочными приговорами нашихъ мировыхъ судей по публичнымъ проступкамъ, такъ какъ предшествующее этимъ приговорамъ судебное разбирательство фактически сводится къ простому обсужденію предварительно собранныхъ данныхъ. Другой порядокъ—наложенія наказанія карательными распоряженіями полицейскихъ властей, отчасти напоминая собою полицейскую расправу нашего до-реформеннаго судебнаго устройства, въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ находитъ себѣ нѣкоторое подобіе лишь въ одномъ частномъ институтѣ, который основанъ на сходныхъ съ нимъ началахъ: это порядокъ, установленный ст. 1220 уст. угол. суд. для преслѣдованія подсудныхъ мировымъ судьямъ нарушеній устава о паспортахъ.

КЪ ВОПРОСУ О КАНДИДАТАХЪ НА СУДЕБНЫЯ ДОЛЖНОСТИ.

(1890—1891 г.).

I [1].

Въ объясненіе цѣли и содержанія настоящаго очерка необходимо предпослать ему нѣсколько словъ pro domo sua. Пишущему эти строки въ теченіе продолжительной судебной дѣятельности неоднократно приходилось сталкиваться съ вопросомъ о кандидатахъ на судебныя должности и, въ той или иной формѣ, не мало заниматься имъ Начавъ и лично службу въ кандидатскомъ званіи, авторъ имѣлъ впослѣдствіи много случаевъ близко наблюдать судебную кандидатуру за долгій двадцатилѣтній періодъ времени, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ: въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи, подъ вѣдѣніемъ судебныхъ установленій и въ вѣдомствѣ прокурорскаго надзора, среди всеобщаго оживленнаго интереса къ судебной области и въ эпохи болѣе спокойнаго, чтобы не сказать равнодушнаго, къ ней отношенія Шли годы, смѣнялись люди, развивалась практика, расширялась сфера наблюденій, но общій изъ нихъ выводъ о положеніи у насъ этого скромнаго „кандидатскаго“ вопроса оставался и остается неизмѣннымъ въ томъ смыслѣ, что онъ не перестаетъ нуждаться въ разрѣшеніи и все настоятельнѣе требуетъ къ себѣ вниманія, заботливости, работы. Однимъ изъ болѣе раннихъ результатовъ занятій автора въ указанномъ направленіи былъ рядъ статей о кандидатахъ на судебныя должности, помѣщенныхъ имъ въ „Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права“ за 1880 годъ (кн. 1, 2 и 6). Онѣ начинались заявленіемъ о томъ, что „среди учрежденій, созданныхъ Судебными Уставами 20 ноября 1864 года, нѣтъ болѣе обдѣленнаго судьбою и забитаго дѣйствительностью, чѣмъ учрежденіе кандидатовъ на судебныя должности“. Подкрѣпляя свой взглядъ примѣрами, взятыми изъ жизни, авторъ находилъ, что „все это такіе признаки, которые указываютъ на одно изъ двухъ одинаково патологическихъ состояній молодого института· или онъ носитъ въ самомъ себѣ задатки безсилія и разложенія, или онъ падаетъ отъ причинъ посторонннихъ и потому еще не исключающихъ возможности возстановленія. Какое бы изъ этихъ двухъ ненормальныхъ состояній ни было констатировано добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ нашей кандидатуры, необходимы немедленныя

---

[1]) Юридическая Лѣтопись, 1890 г., Сентябрь.

радикальныя средства къ его устраненію. Другого исхода быть не можетъ въ виду той великой и многотрудной задачи, которую законъ поставилъ этому учрежденію,—быть разсадникомъ, школою русской магистратуры Безъ обильнаго, правильно растущаго разсадника не можетъ быть добрыхъ плодовъ; безъ хорошей школы не можетъ быть и хорошихъ дѣятелей" Пять лѣтъ спустя, когда статьи 1880 года издавались отдѣльною книгой [1]), все еще не исчезло основаніе снова утверждать во вступленіи къ ней, что „положеніе вопроса о кандидатахъ на судебныя должности почти ни въ чемъ не измѣнилось, и онъ попрежнему продолжаетъ быть однимъ изъ самыхъ больныхъ, хотя и не видныхъ мѣстъ нашей судебной жизни. И нынѣ, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, для успѣшнаго хода судебнаго дѣла въ Россіи необходимо неотложно позаботиться о правильной постановкѣ судебной кандидатуры, изъ рядовъ которой выходятъ дѣятели русскаго суда". Глубокое убѣжденіе въ серьезномъ и настоятельномъ характерѣ этой потребности побуждало не откладывать ея посильнаго удовлетворенія, хотя бы въ томъ ограниченномъ районѣ и въ размѣрѣ тѣхъ слабыхъ средствъ, которыя зависятъ отъ единичной иниціативы и доступны однимъ личнымъ усиліямъ. Съ этою цѣлью для кандидатовъ на судебныя должности при прокурорскомъ надзорѣ округа Московской судебной палаты, всегда многочисленныхъ, были составлены и въ 1885 году введены въ дѣйствіе подробныя правила, представляющія попытку осуществить нѣкоторыя изъ мыслей объ улучшеніи кандидатуры, высказанныхъ въ упомянутомъ выше трудѣ Такое начинаніе оказалось бы, конечно, крайне затруднительнымъ или даже совсѣмъ неисполнимымъ, если бы оно на первыхъ же порахъ не было встрѣчено сочувствіемъ и содѣйствіемъ естественныхъ руководителей кандидатовъ на вновь выработанномъ для нихъ поприщѣ систематическаго подготовленія къ самостоятельной судебной дѣятельности. Дѣло, начатое съ искренними пожеланіями ему успѣха, пока еще не заглохло: попытка продолжается и „Правила" дѣйствуютъ въ Московскомъ округѣ вотъ уже шестой годъ (1885—1890)—срокъ вполнѣ достаточный для подведенія первоначальныхъ итоговъ степени ихъ цѣлесообразности и вообще состоянію кандидатскаго учрежденія подъ вліяніемъ опредѣленныхъ рамокъ и постояннаго руководящаго контроля. Этими итогами, которые слагаются изъ фактическихъ данныхъ и отчасти изъ личныхъ впечатлѣній, небезполезно подѣлиться съ юридической публикой, хотя бы въ бѣгломъ обозрѣніи. Свѣдѣнія о сущности и ходѣ подобной попытки упорядочить судебную кандидатуру не могутъ не имѣть извѣстнаго значенія въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кому дорого процвѣтаніе русской юстиціи. Практическіе опыты по столь важному предмету нашего судоустройства и судебной политики, какъ бы несовершенны они ни были, не лишены своего рода поучительности. Изъ вѣрнаго освѣщенія явленій настоящаго всего яснѣе выступаютъ и лучшіе уроки будущаго.

Безпристрастное разсмотрѣніе вопроса о кандидатурѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она пережила восьмидесятые года, привело къ заключеніямъ по преимуществу неблагопріятнымъ и отрицательнымъ. Нельзя было не признать, что она далеко

---

[1]) *Муравьевъ Н. В.* Кандидаты на судебныя должности. Вопросъ судоустройства и судебной политики. М. 1886.

уклонилась отъ предназначеннаго ей пути и, въ большинствѣ случаевъ, отнюдь не достигаетъ поставленныхъ ей закономъ цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе недостатковъ учрежденія, какъ причинъ его паденія, указало мѣры къ его поднятію, которыя и были формулированы въ концѣ названнаго выше сочиненія [1]). Но одна ихъ часть, затрогивающая капитальныя стороны кандидатской организаціи, можетъ быть послѣдствіемъ только законодательнаго пересмотра дѣйствующихъ о ней узаконеній; другая, не менѣе значительная, находится въ прямой зависимости отъ центральной судебной администраціи. Оставались затѣмъ лишь нѣкоторыя, чисто практическія мѣропріятія, которыя оказывалось возможнымъ испытать тотчасъ же, посредствомъ мѣстныхъ распоряженій ближайшаго начальства, въ ожиданіи того времени, когда вопросъ созрѣетъ до разрѣшенія болѣе общаго и авторитетнаго. Эти-то именно, домашніе, такъ сказать, способы воздѣйствія на кандидатуру и составляютъ содержаніе Правилъ, изданныхъ для нея въ Москвѣ и опредѣляющихъ служебный бытъ кандидатовъ, порядокъ ихъ занятій и условія представленія ихъ къ дальнѣйшему движенію. При разработкѣ Правилъ прилагалось стараніе избѣгать кабинетныхъ измышленій, тѣмъ болѣе, что и вообще регулированіе дѣла, прежде предоставленнаго случайностямъ и усмотрѣнію, прививается довольно туго. Казалось нужнымъ, особенно въ началѣ, держаться ближе къ существующимъ условіямъ и, пользуясь всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго, довольствоваться приведеніемъ ихъ въ разумную и удобную систему, съ нововведеніями и перемѣнами лишь тамъ, гдѣ практика обнаруживала существенные пробѣлы или рѣзкія неустройства.

Дѣйствіе Правилъ безусловно распространяется на всѣхъ находящихся въ Москвѣ кандидатовъ при прокурорахъ судебной палаты и Московскаго окружного суда. Что же касается до кандидатовъ, состоящихъ при прокурорахъ другихъ округ-

---

[1]) *Муравьевъ Н. В.* Кандид. на судебн. должн., стр. 125—146. Мѣры эти цитированы, между прочимъ, въ изданномъ министерствомъ юстиціи сборникѣ: Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій, 1882, стр. 365—375.

ныхъ судовъ округа Московской судебной палаты, то Правила примѣняются къ нимъ настолько, насколько это совмѣстимо съ пребываніемъ ихъ внѣ Москвы. Собственно московскіе кандидаты соединяются въ одну цѣльную группу, безъ существеннаго различія состоящихъ при прокурорѣ палаты отъ тѣхъ, которые состоятъ при прокурорѣ суда; вся разница между ними заключается въ родѣ канцелярскихъ занятій: для первыхъ—при палатской прокуратурѣ, а для вторыхъ—при прокуратурѣ окружного суда.

Отсылая желающихъ подробнѣе познакомиться съ мотивами и текстомъ Правилъ къ указанному выше труду о кандидатахъ, мы ограничимся здѣсь обозрѣніемъ состоянія кандидатуры при прокурорскомъ надзорѣ Московскаго округа подъ дѣйствіемъ этихъ Правилъ за пятилѣтіе съ 1885 по 1890 годъ.

Число кандидатовъ въ теченіе пяти лѣтъ колебалось отъ 44 до 60; а именно, къ 1 января каждаго года состояло:

	1885	1886	1887	1888	1889	1890
1. Въ Москвѣ	34	36	42	32	36	39
2. При прокурорахъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ . . .	10	14	18	16	23	19
Всего	44	50	60	48	59	58

Вовсе не было или менѣе всего состояло кандидатовъ при прокурорахъ: Вологодскаго, Тверского, Ржевскаго, Кашинскаго, Рыбинскаго и Елецкаго окружныхъ судовъ. Наплывъ кандидатовъ въ столицу, съ ущербомъ для провинціи, объясняется, кромѣ условій семейныхъ и надеждъ на большій заработокъ и скорѣйшее движеніе, еще и тѣмъ интересомъ, который возбуждало болѣе рельефное въ Москвѣ примѣненіе къ кандидатамъ новыхъ правилъ. Автору нерѣдко приходилось слышать, на вопросъ о причинахъ, по которымъ вновь поступающій избираетъ Москву, а не провинцію, гдѣ кандидатовъ, а слѣдовательно и конкурренціи, меньше, характерный отвѣтъ: „Да, но въ Москвѣ есть для кандидатовъ организація“. Слѣдуетъ надѣяться, впрочемъ, что это лишь временное явленіе, къ чему

и прилагаются старанія, такъ какъ, при излишествѣ кандидатовъ въ Москвѣ, провинціальные округа сильно въ нихъ нуждаются, а между тѣмъ постановка служебной практики тамъ отнюдь не хуже, и вознагражденіе большее, чѣмъ въ столицѣ. Когда кандидаты убѣдятся въ этомъ, а также и въ томъ, что все важнѣйшее и выгодное въ кандидатской организаціи одинаково примѣняется и въ провинціи, тогда централизація кандидатуры, можно думать, уменьшится и распредѣленіе ихъ сдѣлается болѣе равномѣрнымъ. До тѣхъ же поръ приходится прибѣгать къ командированію столичныхъ кандидатовъ, по мѣрѣ надобности, въ распоряженіе провинціальныхъ прокуроровъ, что̀ сопряжено съ расходами для казны и нѣсколько затрудняется министерскими распоряженіями [1]).

По мѣсту полученія образованія наибольшее количество кандидатовъ естественно давалъ Императорскій Московскій университетъ, а за нимъ Ярославскій Демидовскій юридическій лицей. Кандидатовъ изъ другихъ университетовъ или высшихъ учебныхъ заведеній съ юридическимъ курсомъ было очень мало; напримѣръ, изъ училища правовѣдѣнія и Александровскаго лицея не болѣе 2, 3-хъ за всѣ пять лѣтъ, что̀ обусловливается стремленіемъ воспитанниковъ этихъ послѣднихъ заведеній къ начатію службы въ Петербургѣ и преимущественно въ центральныхъ учрежденіяхъ. Къ 1 января 1890 года 58 наличныхъ прокурорскихъ кандидатовъ Московскаго округа по мѣсту образованія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: изъ Московскаго университета—42, Петербургскаго—3, Казанскаго—2, Дерптскаго—1; изъ Демидовскаго юридическаго лицея—10.

По вѣроисповѣданію: православнаго—89%, римско-католическаго—3%, лютеранскаго—8%.

По происхожденію: изъ дворянъ—67%, духовнаго званія—18%, купеческаго сословія—12%, податныхъ состояній—3%.

---

[1]) Циркулярнымъ предписаніемъ М. Ю. отъ 16 марта 1879 г. за № 5675 въ этихъ случаяхъ прямо рекомендуется переводъ кандидата на службу въ провинцію, что̀, однако, едва ли возможно сдѣлать безъ желанія о томъ самого кандидата, не получающаго по службѣ содержанія и потому болѣе свободнаго въ выборѣ мѣста служенія.

По возрасту: отъ 21 до 23 лѣтъ—9%, отъ 23 до 25—27%, отъ 25 до 30—52%, выше 30 лѣтъ—12%.

Что касается до *средствъ къ существованію*, которыми располагали кандидаты, то за отчетный періодъ можетъ быть выведена слѣдующая средняя и приблизительная пропорція. Изъ числа кандидатовъ не болѣе 20% имѣли собственныя средства, достаточныя для безбѣдной жизни; 20%—нѣкоторыя скудныя средства, недостаточныя безъ личнаго заработка, и до 60% не имѣли никакихъ средствъ, кромѣ этого заработка. Кандидатамъ послѣдней категоріи приходилось всѣ свои надежды возлагать на вознагражденіе или пособіе, которое могла доставить имъ служба, а при недостаткѣ того или другого—жить уроками или инымъ умственнымъ трудомъ и вообще изыскивать способы пропитанія, доступные интеллигентному пролетаріату. Случаевъ полной нищеты, къ счастію, между кандидатами не было; но проживаніе на 20, 30 рублей въ мѣсяцъ являлось фактомъ довольно обыденнымъ. Такія условія уже сами по себѣ выдвигаютъ вопросъ о вознагражденіи или пособіи—самый жгучій и насущный предметъ практической постановки кандидатуры. Необходимо было какъ можно осторожнѣе и внимательнѣе относиться къ ассигнуемымъ на нее ограниченнымъ средствамъ и въ распредѣленіе ихъ вносить какъ можно больше порядка и систематичности. Средства эти слагались изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) деньги, ежегодно отпускаемыя министерствомъ юстиціи въ распоряженіе прокуроровъ: судебной палаты—по 500 рублей и окружныхъ судовъ—каждому по 300 рублей, а всего на округъ — 5,000 рублей; 2) два оклада, каждый по 40 рублей въ мѣсяцъ, а всего 960 рублей въ годъ, назначаемые министерствомъ двумъ изъ числа кандидатовъ при прокурорѣ палаты; 3) отъ 700 до 900 рублей изъ остаточныхъ суммъ, выпадающіе на долю кандидатовъ округа. Всего отъ 6,700 до 7,000 рублей.

Если среднее число кандидатовъ принять въ 54, то на долю каждаго изъ нихъ приходится отъ 125 до 140 рублей въ годъ, или отъ 10 до 12 рублей въ мѣсяцъ; если же за норму распредѣленія принять лишь 60% наиболѣе нуждающихся канди-

датовъ, то и тогда на каждаго изъ нихъ приходится не болѣе 210—220 рублей въ годъ, т.-е. сумма крайне незначительная, почти не могущая служить прочной и ощутительной поддержкой. Впрочемъ и это равномѣрное, хотя и недостаточное распредѣленіе оказывалось неосуществимымъ, такъ какъ провинціальные прокуроры получали въ общей сложности на своихъ немногочисленныхъ кандидатовъ сравнительно гораздо больше, чѣмъ оба столичныхъ прокурора на состоящее при нихъ большинство всѣхъ кандидатовъ округа. Такъ, при средней цифрѣ всѣхъ провинціальныхъ кандидатовъ въ 20 человѣкъ, сумма, на нихъ отпускаемая, по 300 рублей на каждаго изъ 14 прокуроровъ, составляетъ 4,200 рублей, т.-е. по 210 рублей на каждаго, между тѣмъ какъ на 34 столичныхъ кандидата остается въ лучшемъ случаѣ всего 2,800 рублей, или по 82 рубля въ годъ. Но перечисленные источники представляютъ только часть, и притомъ самую меньшую, всѣхъ денегъ, получаемыхъ кандидатами. Значительнѣйшая часть ихъ вознагражденія заключается въ содержаніи, получаемомъ кандидатами полностью за исправленіе вакантныхъ должностей, и въ такъ называемыхъ кредиторскихъ деньгахъ, получаемыхъ ими изъ остатковъ, за исправленіе должностей не вакантныхъ—въ случаѣ отпуска, болѣзни или командировки должностныхъ лицъ. Общую сумму такихъ полученій исчислить трудно; достаточно указать, что кандидатъ, исправляющій штатную должность, уже тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ средства, на которыя можно жить, съ тою, однакоже, оговоркой, что кредиторскія деньги выдаются сразу за цѣлый періодъ, въ сроки впередъ неопредѣленные, и потому на нихъ нельзя разсчитывать, какъ на правильный и постоянный гонораръ.

Въ видахъ наилучшаго обезпеченія кандидатовъ предположено было: 1) установить такое практическое соотношеніе между *вознагражденіемъ* за трудъ и *пособіемъ* недостаточному матеріальному состоянію, чтобы возможность пользоваться первымъ предоставлялась преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо послѣднее, которое, наоборотъ, въ случаяхъ особой крайности можетъ и не зависѣть отъ полученія вознагражденія; 2) присоединять къ двумъ вышеупомянутымъ ежемѣсячнымъ

окладамъ по 40 рублей, по мѣрѣ надобности, еще одинъ или два такихъ же оклада по 20 рублей; 3) ежемѣсячные оклады назначать тѣмъ изъ наиболѣе нуждающихся и достойныхъ кандидатовъ, которые, занимаясь преимущественно по канцелярской и прокурорской части, не исправляютъ штатныхъ должностей; 4) соблюдать возможно бо́льшую равномѣрность и постепенность въ командировкахъ по слѣдственной части, наилучше вознаграждаемыхъ, такъ чтобы ими могли послѣдовательно воспользоваться всѣ кандидаты, къ тому способные; 5) въ случаѣ образованія у провинціальныхъ прокуроровъ остатка за отсутствіемъ кандидатовъ, или вообще свободной кандидатской суммы, ходатайствовать передъ министерствомъ юстиціи о перечисленіи таковыхъ денегъ на вознагражденіе столичныхъ кандидатовъ. Всѣ эти предположенія приведены въ исполненіе. Кандидаты, состоящіе на ежемѣсячныхъ окладахъ, получали особенно быстрое служебное движеніе на штатныя должности, почему и оклады эти, наиболѣе цѣнимые кандидатами, освобождались и вновь замѣщались сравнительно довольно часто, не менѣе одного или даже двухъ разъ въ годъ. Въ 1886 и 1887 годахъ были исходатайствованы еще два временныхъ ежемѣсячныхъ оклада по 50 рублей двумъ опытнымъ кандидатамъ, командированнымъ для окончанія на самостоятельныхъ правахъ огромнаго и многолѣтняго слѣдственнаго производства. Собственно единовременныя пособія выдавались въ размѣрѣ отъ 25 до 200 рублей въ одинъ разъ и одному лицу, при средней нормѣ въ 50—75 рублей; казалось предпочтительнымъ, при скудости средствъ, помогать рѣже и меньшему числу лицъ, но такъ, чтобы помощь была дѣйствительна и пособія не дробились на слишкомъ мелкія суммы, не приносящія пользы въ нуждѣ. Расходованіе денегъ на пособія производилось съ извѣстной бережливостью, чтобы въ теченіе всего года имѣть въ наличности нѣкоторую сумму на непредвидѣнныя и чрезвычайныя надобности кандидатовъ. При широкомъ развитіи кандидатскихъ командировокъ по слѣдственной части, онѣ и служили главнымъ источникомъ вознагражденія и причиною относительно недурныхъ матеріальныхъ условій, въ которыхъ находилось большинство кандидатовъ. Тѣмъ не

менѣе, денежный вопросъ продолжалъ оставаться слабымъ пунктомъ и по нѣскольку разъ въ годъ приходилось, если не совсѣмъ отказывать въ несомнѣнно уважительныхъ просьбахъ о пособіи, то все-таки откладывать ихъ удовлетвореніе до очереди и другого времени.

О родѣ и распредѣленіи *служебныхъ занятій* столичныхъ кандидатовъ можетъ дать понятіе слѣдующая таблица:

	1885	1886	1887	1888	1889
1. Состояли для занятій по прокурорской части и при канцеляріяхъ	6	7	6	5	10
2. Состояли при слѣдственныхъ участкахъ.	27	36	28	29	25
3. Исполняли обязанности товарища прокурора окружного суда .	—	—	—	2	1
4. Исполняли обязанности защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ.	8	20	9	4	4
5. Состояли въ особыхъ временныхъ командировкахъ.	3	2	1	1	3

При этомъ распредѣленіи принимались въ соображеніе: интересы наилучшей подготовки кандидатовъ, надобности дѣла, требующія ихъ трудовъ, и, насколько возможно, собственныя ихъ желанія и личныя условія. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалось, чтобы каждый кандидатъ непремѣнно прошелъ сначала черезъ канцелярскія занятія въ прокурорскихъ канцеляріяхъ или при слѣдователяхъ, а затѣмъ и черезъ самостоятельныя занятія по слѣдственной части, которыя предоставлялись исключительно кандидатамъ уже опытнымъ и не иначе, какъ по представленіямъ подлежащихъ слѣдователей. Давая кандидатамъ практическія знанія и опытность, перечисленныя ихъ занятія въ то же время оказывались совершенно необходимыми и для хода судебнаго дѣла, въ которомъ штатныя должностныя лица, особенно по слѣдственной и канцелярской части, рѣшительно не могли бы и обойтись безъ кандидатской помощи. Лица, подъ руководствомъ которыхъ кандидаты занимались, не пропускали случая аттестовать наиболѣе выдающихся изъ нихъ и охотно

хлопотали объ ихъ служебной участи; въ свою очередь сами кандидаты не разъ заявляли автору, что они постоянно пользуются со стороны товарищей прокуроровъ, слѣдователей и секретарей полезными совѣтами и дѣйствительнымъ руководствомъ. Это имѣло иногда и удобную матеріальную подкладку: вмѣсто найма часто неблагонадежныхъ письмоводителей, слѣдователи поручали свои канцеляріи кандидатамъ съ порядочною платой, которая такимъ образомъ являлась еще однимъ источникомъ вознагражденія и пособія для недостаточныхъ. Взаимная польза отъ такихъ отношеній и общая осторожность въ назначеніи кандидатовъ на слѣдственныя командировки сказались въ томъ, что за всѣ пять лѣтъ не было допущено кандидатами, въ ихъ самостоятельной дѣятельности, сколько-нибудь крупныхъ промаховъ или неправильностей, а наоборотъ, нѣкоторыя произведенныя ими слѣдствія заслужили одобреніе судебныхъ мѣстъ и весьма успѣшно проходили черезъ судебную повѣрку; изъ нѣкоторыхъ кандидатовъ выработались прекрасные слѣдователи, съ честью занимающіе нынѣ штатныя должности въ Московскомъ и другихъ округахъ.

Въ общемъ, всего богаче и солиднѣе были результаты слѣдственной дѣятельности кандидатовъ, чего отнюдь нельзя сказать про уголовныя защиты, къ которымъ сами кандидаты относились въ высшей степени неохотно, всячески уклоняясь отъ командировокъ на выѣздныя сессіи. Трудно опредѣлить, что̀ именно было этому причиной—затруднительность ли поѣздки и проживанія въ уѣздѣ на ничтожныя командировочныя деньги, столкновенія и конкурренція съ профессіональной адвокатурой, не всегда ровное и благосклонное отношеніе предсѣдательствующихъ къ начинающимъ защитникамъ или же, наконецъ, все болѣе и болѣе развивающееся, къ сожалѣнію, въ служебной средѣ предубѣжденіе противъ пріемовъ и задачъ защиты,—но нельзя не сознаться, что эта отрасль кандидатской дѣятельности на практикѣ въ Московскомъ судѣ, какъ говорится, „не пошла“. Въ провинціальныхъ судахъ дѣло стояло нѣсколько иначе: тамъ, при частомъ недостаткѣ всякой защиты, прокурорскіе кандидаты не безъ успѣха исполняли обязанности защитниковъ по

назначенію. Весьма удачны были опыты командированія, правда, лучшихъ и вполнѣ надежныхъ, кандидатовъ къ временному исправленію должности товарища прокурора окружного суда, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Занятые сначала письменною работой прокурорскаго надзора, они постепенно, подъ личнымъ руководствомъ прокуроровъ, изучали и всѣ другія прокурорскія обязанности, не исключая и публичной обвинительной дѣятельности. Въ канцеляріяхъ кандидаты несли обязанности помощниковъ секретарей, подготовляясь къ этимъ послѣднимъ должностямъ и исполняя множество разнохарактерныхъ работъ по дѣлопроизводству и направленію дѣлъ. Присутствіе и занятія въ прокурорскихъ канцеляріяхъ кандидатовъ, молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, пріучая ихъ самихъ къ неизбѣжной „черной работѣ“, въ то же время возвышали общій тонъ канцелярскаго механизма и не позволяли закрадываться въ его атмосферу пріемамъ и духу мелкаго чиновничества. Часто высказываемое мнѣніе, что лица образованныя не способны къ канцелярской работѣ и, относясь къ ней поверхностно, вносятъ въ нее лишь путаницу, рѣшительно опровергается практикой московской кандидатуры.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ занятій, кандидаты, согласно указаніямъ закона, присутствовали въ судебныхъ засѣданіяхъ. Для того, чтобы регулировать и оживить этотъ видъ занятій, а также и извлечь изъ него всю возможную пользу, по большимъ и выдающимся процессамъ на кандидатовъ, особо для этого назначенныхъ, возлагалось составленіе подробныхъ отчетовъ о всемъ, происходившемъ въ судебномъ засѣданіи, которые затѣмъ представлялись прокурору палаты и служили ему для различныхъ цѣлей надзора и отчетности. Многіе изъ такихъ отчетовъ оказывались изложенными замѣчательно полно, толково и обстоятельно, свидѣтельствуя о томъ, что кандидатъ усвоилъ себѣ весь ходъ процесса и судоговоренія.

Совершеннымъ нововведеніемъ для московской кандидатуры были *вспомогательныя къ службѣ занятія*, заключавшіяся въ участіи въ кандидатскихъ собраніяхъ съ подготовительными къ нимъ работами.

Начиная съ 1886 года, кандидатскія собранія происходили въ присутствіи и подъ руководствомъ прокурора судебной палаты и нѣсколькихъ другихъ лицъ прокурорскаго надзора, всегда привлекая всѣхъ кандидатовъ, находившихся въ Москвѣ. Срочныя служебныя занятія, съ одной стороны, и стремленіе кандидатовъ основательно подготовляться къ участію въ собраніяхъ, съ другой—не позволяли устраивать эти послѣднія такъ часто, какъ было бы желательно. Сверхъ того, было замѣчено, что при всей оживленности собраній и томъ несомнѣнномъ интересѣ, который они возбуждали между участвующими, недоставало собственной иниціативы кандидатовъ по устройству, ходу и содержанію собраній, которыя никакъ не могли обойтись безъ дѣятельнаго импульса руководителей. Какъ обязательныя, хотя и внѣ-служебныя занятія, собранія шли прекрасно; но какъ форма добровольнаго общенія кандидатовъ на почвѣ юридическаго дѣла, они указывали на отсутствіе дѣлового единенія между кандидатами и на крайнюю трудность развить его безъ мѣръ понудительнаго воздѣйствія. Тѣмъ не менѣе, состоявшіяся собранія были содержательны и интересны и не остались притомъ безъ добрыхъ послѣдствій въ смыслѣ оживленія и расширенія круга кандидатскихъ занятій, увеличенія ихъ познаній, пріобрѣтенія ими привычки къ устному обмѣну мыслей и, наконецъ, въ качествѣ могучаго средства ознакомленія ихъ между собою и съ ними ихъ руководителей. Послѣдніе, въ томъ числѣ начальствующій надъ кандидатами прокуроръ палаты, отчасти именно на собраніяхъ получали возможность узнать, къ чему и въ какой мѣрѣ способенъ тотъ или другой кандидатъ и какъ поэтому удобнѣе всего направить его служебныя занятія и карьеру. Нѣкоторые изъ кандидатовъ выказали на собраніяхъ выдающееся умѣнье владѣть словомъ, логичность мышленія, ясность выраженія, находчивость; другіе проявили значительную эрудицію и начитанность; третьи обнаруживали большую склонность къ слѣдственнымъ вопросамъ. Въ группѣ изъ 30—40 молодыхъ людей сама собой опредѣлилась извѣстная дифференціація силъ, способностей, стремленій и личныхъ умственныхъ свойствъ, что облегчало

возможность трактовать, если не каждаго кандидата, то большинство ихъ, какъ опредѣленно очерченную личность, а не только какъ служебную механическую единицу.

Первоначально для кандидатскихъ собраній была выработана и предложена довольно обширная примѣрная программа, а именно: а) для *упражненій въ судоговореніи*—процессы изъ старыхъ сенатскихъ записокъ, изъ сборника Любавскаго, газетныхъ отчетовъ и подлинныхъ архивныхъ дѣлъ окружного суда, преимущественно съ цѣлью изученія сложныхъ манипуляцій съ косвенными доказательствами и вопросами вмѣненія; б) для *рефератовъ о юридическихъ произведеніяхъ*—рядъ капитальныхъ юридическихъ сочиненій, сборниковъ и статей за послѣдніе годы [1]); в) *для разбора юридическихъ казусовъ и вопросовъ* составленъ былъ списокъ практическихъ темъ [2]); по нѣкоторымъ

---

[1]) Изъ русскихъ—труды гг. Таганцева, Фойницкаго, Случевскаго, Сергѣевскаго, Владимірова, Палаузова, Тальберга и друг., рѣчи г. Кони, а также новѣйшія книжки русскихъ юридическихъ журналовъ; изъ иностранныхъ—имѣющіеся въ переводахъ труды Іеринга, Глазера, ученіе криминалистовъ-антропологовъ съ его критикой и проч.

[2]) 1) О порядкѣ и основаніяхъ прекращенія уголовныхъ дѣлъ (виды, способы, условія и мотивы прекращенія); 2) въ особенности примѣненіе ст. 253, 309 и 277 уст угол. суд; 3) соотношеніе и точки соприкосновенія между органами, участвующими въ производствѣ предварительнаго слѣдствія (слѣдователемъ, прокурорскимъ надзоромъ, полиціей, судомъ); 4) о правѣ и обязанности полиціи производить судебно-медицинское изслѣдованіе мертвыхъ тѣлъ; 5) вопросъ объ изслѣдованіи при слѣдствіи и на судѣ прошлой жизни и нравственной личности обвиняемаго, подсудимаго и потерпѣвшаго; 6) вопросъ объ обязанности свидѣтельствовать на судѣ; 7) ст. 754 и 763 уст. угол суд., по новѣйшимъ рѣшеніямъ Сената (дѣла Мельницкаго, Свиридова) и въ литературѣ; 8) участіе частныхъ лицъ въ преступленіяхъ по службѣ; 9) о соучастіи и совокупности въ различныхъ стадіяхъ уголовнаго процесса; 10) о повтореніи преступленій въ процессуальномъ отношеніи; 11) права и обязанности прокурорскаго надзора при обнаруженіи упущеній и преступленій должностныхъ лицъ вообще и по слѣдственной части въ особенности; 12) о характерѣ, содержаніи, формѣ и предѣлахъ защиты по назначенію отъ суда; 13) схема для обвинительныхъ актовъ; 14) сущность и предѣлы обвинительной рѣчи; 15) пріемъ завѣдомо-краденаго — укрывательство кражи и краденаго—пристанодержательство; 16) оскорбленіе—клевета—лжедонось; 17) безписьменность—бродяжество; 18) уголовно-наказуемыя нарушенія строительнаго устава, 19) нововведенія въ уставѣ о питейномъ сборѣ; 20) о понятыхъ при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ; 21) предѣлы розыскной дѣятельности при предварительномъ слѣдствіи; 22) о правахъ и гражданской отвѣтственности третьихъ лицъ по уголовнымъ дѣламъ; 23) виндикація у третьихъ лицъ денежныхъ знаковъ и бумагъ, оказавшихся похищенными; 24) неосторожное причиненіе смерти (ст. 1466 и 1468 улож. наказ.); 25) неосторожное причиненіе увѣчья (ст. 1494 улож.—ст. 128 и 129 уст. наказ.);

изъ нихъ были составлены и доложены въ собраніяхъ обстоятельные рефераты, вызвавшіе весьма оживленныя пренія, которыя придавали занимательный характеръ и собраніямъ, посвященнымъ собственно судебно-уголовнымъ упражненіямъ. Направленныя такимъ образомъ занятія, при ихъ разнообразіи, оказались однако страдающими разбросанностью и недостаткомъ систематичности, вслѣдствіе чего давали сравнительно мало результатовъ, имѣющихъ прямое практическое значеніе для служебной дѣятельности. Поэтому, съ цѣлью придать кандидатскимъ собраніямъ характеръ болѣе утилитарный, тѣснѣе связать ихъ съ потребностями текущей практики, съ 1887 года было рѣшено сдѣлать предметомъ этихъ собраній исключительно постатейный комментарій сначала устава уголовнаго судопроизводства, а затѣмъ и другихъ узаконеній, болѣе важныхъ и употребительныхъ въ обычномъ кандидатскомъ обиходѣ. Начиная съ общихъ положеній устава, статьи его были сгруппированы по ихъ внутренней связи въ отдѣльные вопросы, изъ которыхъ каждый, представляя по своему содержанію нѣчто цѣльное, послѣдовательно обнималъ тотъ или другой фазисъ или моментъ процесса. Одинъ изъ кандидатовъ, референтъ, представлялъ обработку даннаго вопроса на основаніи кассаціонныхъ рѣшеній и двухъ, трехъ литературныхъ источниковъ, резюмируя свою работу заключительными тезисами; другой, заранѣе подготовлявшійся оппонентъ, представлялъ свои возраженія и замѣчанія, а затѣмъ дѣлалось общее обсужденіе, которое заканчивалось разрѣшеніемъ поставленныхъ вопросовъ по большинству голосовъ участвующихъ въ собраніи [1]).

Четырехлѣтній опытъ кандидатскихъ собраній указалъ далѣе

---

26) о стачкахъ рабочихъ съ юридической точки зрѣнія; 27) главнѣйшіе юридическіе вопросы, возникшіе и разрѣшенные по извѣстнымъ дѣламъ: а) объ убійствѣ Сарры Беккеръ, б) о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ общественномъ городскомъ банкѣ, в) о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ и проч.

[1]) Такъ, въ 1887 и 1888 году были подробно разобраны по содержанію общихъ положеній устава уголовнаго судопроизводства вопросы: объ уголовномъ преслѣдованіи вообще (ст. 1—7 уст. угол. суд.), о порядкѣ содержанія подъ стражей (ст. 8—11), о примѣненіи и толкованіи закона (ст. 12 и 13), объ условіяхъ производства, прекращенія и возобновленія уголовнаго преслѣдованія (ст. 14—26), о столкновеніи уголовной и гражданской подсудности (ст. 27—31.).

на необходимость свести занятія къ предметамъ, особенно насущнымъ въ повседневной кандидатской дѣятельности, такъ, чтобы свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ собраніяхъ, принесли немедленную и ощутительную пользу; затѣмъ ограничить изученіе этихъ предметовъ, при небольшомъ ихъ количествѣ, впередъ назначеннымъ срокомъ и точнѣе и подробнѣе опредѣлить самую сущность и объемъ такихъ занятій. Съ конца 1889 года принято за правило, что кандидатскія собранія должны происходить: общія—не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, а частныя или подготовительныя—по мѣрѣ надобности. При отсутствіи прокурора палаты, общими собраніями руководитъ одинъ изъ товарищей прокурора Московскаго окружного суда, принявшій на себя этотъ трудъ, а частными и подготовительными—одинъ изъ секретарей при прокурорѣ палаты, завѣдывающій кандидатскимъ дѣлопроизводствомъ. Предметомъ кандидатскихъ собраній будетъ служить элементарная разработка, посредствомъ рефератовъ и возраженій, извѣстныхъ отдѣловъ или вопросовъ дѣйствующаго законодательства, на основаніи особой, составляемой на каждый годъ, программы. По каждому отдѣлу или вопросу назначаются изъ кандидатовъ: референтъ, два обязательныхъ ему оппонента и ведущій протоколъ собранія. Рефератъ сообщается оппонентамъ въ частномъ собраніи, въ которомъ и происходитъ вся подготовка къ представленію и обсужденію реферата въ общемъ собраніи. Рефератъ излагается письменно, in extenso или въ видѣ конспекта, непремѣнно завершаясь отдѣльными, логически между собою связанными положеніями. Въ общемъ собраніи рефератъ, такъ же какъ и возраженія на него, излагается по возможности словесно. Содержаніе реферата и возраженій должно касаться слѣдующихъ пунктовъ: сущность и цѣль разсматриваемыхъ узаконеній; ихъ мѣсто въ системѣ закона и связь съ ближайшими или сопредѣльными узаконеніями и институтами; главнѣйшія черты практическаго примѣненія разсматриваемыхъ узаконеній и главнѣйшіе вопросы, возникающіе изъ догматическаго ихъ смысла и практическаго примѣненія. Источниками для рефератовъ и возраженій являются: текстъ закона, разъясняющія

его кассаціонныя рѣшенія и главнѣйшія литературныя пособія, всегда имѣющіяся въ кандидатской библіотекѣ. Согласно этимъ указаніямъ, на 1890 годъ для кандидатскихъ собраній предположены четыре большихъ отдѣла уголовнаго судопроизводства, основные и начальные въ слѣдственной и прокурорской практикѣ, съ которыми кандидаты встрѣчаются на первыхъ же шагахъ своей служебной дѣятельности, а именно: 1) возбужденіе уголовныхъ дѣлъ и уголовнаго преслѣдованія въ общихъ судебныхъ установленіяхъ; 2) прекращеніе уголовныхъ дѣлъ и уголовнаго преслѣдованія; 3) дознаніе о преступленіи, подсудномъ общимъ судебнымъ установленіямъ; 4) предварительное слѣдствіе.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что, организованныя такимъ образомъ, вспомогательныя къ службѣ занятія кандидатовъ могутъ и должны быть полезны для ихъ подготовки и юридическаго развитія. Противъ этого типа кандидатскихъ занятій возможно возражать развѣ только съ чисто формальной точки зрѣнія, а именно, что обязательность ихъ не установлена ни закономъ, ни центральными правительственными распоряженіями; что время, потребное для участія въ собраніяхъ, отнимается или у службы, или у необходимаго для всякаго служащаго отдыха. Но эти возраженія трудно признать состоятельными. Будучи собственно внѣслужебными, описанныя занятія кандидатовъ вовсе и не входятъ въ сферу прямой законодательной и правительственной регламентаціи; это просто одинъ изъ лучшихъ способовъ самосовершенствованія въ такомъ званіи, самое назначеніе котораго заключается въ подготовленіи всѣми доступными и цѣлесообразными средствами къ самостоятельной судебной дѣятельности. Обязательность же этихъ занятій въ области мѣстнаго распоряженія вполнѣ легальна и естественна, разъ мѣстное начальство, призванное аттестовать кандидатовъ и представлять ихъ къ дальнѣйшему служебному движенію, избираетъ, между прочими, и такой способъ удостовѣренія въ способностяхъ, развитіи, прилежаніи, словомъ, въ степени подготовленности кандидата къ назначенію на штатную должность. Нельзя, конечно, подвергать кандидата служебной отвѣтственности за уклоненіе отъ участія въ собраніяхъ, но нельзя также заста-

вить и его начальство одобрительно аттестовать и признавать достойнымъ назначенія такого кандидата, который уклоняется отъ рекомендуемаго ему средства пріобрѣсти всестороннюю подготовку и выказать ее. Отсюда вытекаетъ полуформальная, полунравственная обязательность вспомогательныхъ кандидатскихъ занятій, вполнѣ ограждающая серьезное и добросовѣстное къ нимъ отношеніе. Что же касается до затраты труда и времени, то, при строгомъ наблюденіи, чтобы эти занятія ни въ чемъ не мѣшали службѣ, они берутъ только часть того досуга, котораго не мало у лицъ, еще не состоящихъ въ штатныхъ должностяхъ, и для котораго подобныя собранія даютъ весьма производительное содержаніе. На ихъ обременительность никто еще не жаловался, и кандидаты видимо ими вовсе не тяготились; напротивъ, многое свидѣтельствуетъ о собственномъ ихъ, хотя бы даже пока еще пассивномъ, сочувствіи этой попыткѣ раздвинуть ихъ профессіональный кругозоръ. Во всякомъ случаѣ эта попытка имѣетъ будущность—таковъ самый скромный выводъ изъ совокупности вынесенныхъ о ней впечатлѣній.

На вопросъ о *служебномъ движеніи* прокурорскихъ кандидатовъ было обращено особенное вниманіе; прилагались всѣ попеченія, чтобы движеніе это, насколько оно зависѣло отъ мѣстныхъ представленій, было какъ можно правильнѣе и быстрѣе.

Изъ общаго числа кандидатовъ получали ежегодно служебное движеніе на штатныя должности по судебному вѣдомству: въ 1885 году—27,3%; въ 1886—20%; въ 1887—35%; въ 1888—29,1%; въ 1889—29,3%. Такимъ образомъ, въ среднемъ выводѣ за всѣ 5 лѣтъ—28,2%, т.-е. изъ каждыхъ четырехъ кандидатовъ одинъ могъ разсчитывать въ теченіе года получить назначеніе. На должности судебныхъ слѣдователей назначались кандидаты по большей части немедленно по достиженіи ими установленнаго ст. 205 учр. суд. уст. четырехлѣтняго срока службы; на другія же, преимущественно секретарскія—гораздо раньше, въ періодѣ отъ 1 до 3 лѣтъ службы, при чемъ лишь въ видѣ исключенія получали штатныя должности кандидаты, прослужившіе менѣе 1 года. Назначеніе на должности секретарей служило часто только первою ступенью къ довольно

быстрому передвиженію съ нихъ на должности слѣдователей и товарищей прокурора. Для представленія къ штатной должности, въ особенности слѣдователя, преобладающее значеніе имѣли отзывы руководителей и должностныхъ лицъ, при которыхъ кандидатъ занимался. Кандидатамъ, особенно нуждающимся въ средствахъ, устраивались назначенія, не обусловленныя срокомъ, между прочимъ, по старымъ учрежденіямъ и въ отдаленныя мѣстности. Всѣмъ вообще кандидатамъ усиленно рекомендовалось не быть разборчивыми въ отношеніи мѣстности службы, а идти охотно, куда бы то ни было; но здѣсь нерѣдко возникали затрудненія изъ семейнаго положенія многихъ кандидатовъ, поддерживавшихъ родителей или успѣвшихъ уже обзавестись собственной семьей. Въ общемъ, вопросъ о служебномъ движеніи установился удовлетворительно, что̀ сказалось и въ настроеніи кандидатуры поднятіемъ ея духа, если такъ можно выразиться. Увѣренность или, по крайней мѣрѣ, основательная надежда на то, что соотвѣтствующее штатное назначеніе явится неминуемымъ результатомъ добросовѣстной и усердной работы, поддерживали бодрость въ трудные дни кандидатскаго существованія, побуждая смотрѣть на него, какъ на переходный и недолгій искусъ. Можно даже съ удовольствіемъ констатировать, что мало-по-малу ослабѣло сложившееся было предубѣжденіе противъ кандидатской карьеры и мрачный, безнадежный взглядъ на судьбу начинающихъ судебныхъ дѣятелей.

Несмотря на удачный характеръ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше мѣропріятій, они все-таки еще остаются слабыми мѣстными опытами, прочное примѣненіе которыхъ ничѣмъ, кромѣ единичныхъ усилій, не обезпечено. Съ измѣненіемъ обстановки, благопріятствовавшей ихъ начатію, они могутъ изгладиться безслѣдно, несмотря на подготовленную и удобную для нихъ почву. Попытка поднять судебную кандидатуру какъ бы виситъ на волоскѣ; будетъ очень жаль, если она рушится, такъ какъ при всѣхъ возможныхъ недостаткахъ этой попытки уже нельзя не считать доказаннымъ, что, занявшись кандидатурой, можно не мало сдѣлать для возвышенія контингента судебныхъ дѣятелей. Было бы, намъ кажется, крайне желательно, чтобы эта мысль

распространилась въ нашей магистратурѣ и ея руководящихъ сферахъ, перейдя отъ слова къ дѣлу, во всякомъ случаѣ почтенному и благодарному. Тогда, быть можетъ, исчезнетъ всякій смыслъ въ томъ поистинѣ позорномъ и плачевномъ прозвищѣ, которое въ минуты преувеличеннаго уныния дали кандидатамъ, назвавъ ихъ даже печатно „плотами или паріями“ судебнаго вѣдомства [1]).

II [2]).

Высочайше утвержденнымъ 24 декабря 1891 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта объ измѣненіи узаконеній о кандидатахъ на должности по судебному вѣдомству внесены существенныя перемѣны въ положеніе и организацію этого института, уже давно обращавшаго на себя общее вниманіе неудовлетворительными сторонами своей постановки. Въ юридической литературѣ за послѣднія 10 — 12 лѣтъ неоднократно появлялись подробныя указанія на различные недостатки судебной кандидатуры и высказывались предположенія объ ихъ устраненіи, а въ сознаніи лицъ судебнаго вѣдомства, еще не утратившихъ интереса къ своему дѣлу, созрѣло болѣе или менѣе ясное представленіе о мѣрахъ, которыми можно и должно предупредить или остановить совершающееся паденіе нормальнаго разсадника нашего судебнаго сословія. Въ подобныхъ отзывахъ и взглядахъ вообще не замѣчалось предвзятости и чисто теоретическихъ построеній—жизнь сама подсказывала добросовѣстному наблюдателю, что именно больше всего нужно учрежденію кандидатовъ на судебныя должности для достиженія двоякаго его назначенія: учиться судебной службѣ и, учась, въ то же время посильно помогать ея самостоятельнымъ работникамъ. На запросы практики, выработанные въ этомъ отношеніи ея долголѣтнимъ и подчасъ горькимъ опытомъ, законъ 24 декабря 1891 г., измѣнившій текстъ ст. 205, 407—419 и 447 учр. суд. уст., далъ слѣдующіе, наиболѣе важные отвѣты, въ

---

[1]) Журналъ гражд и угол. права 1883 г., кн. 7. Судебная Газета 1883 г., № 4.
[2]) Юридическая Лѣтопись, 1892 г., Мартъ.

которыхъ и заключаются главнѣйшія улучшенія прежняго порядка.

Уничтожено раздѣленіе и различіе между кандидатами *судейскими* и *прокурорскими*, т.-е. состоящими при судебныхъ мѣстахъ и прокурорскомъ надзорѣ (ст. 407 учр. суд. уст.). Отнынѣ всѣ кандидаты состоятъ при судебныхъ палатахъ и окружныхъ судахъ. Главнымъ начальникомъ кандидатовъ и высшимъ распорядителемъ ихъ служебной судьбы является старшій предсѣдатель судебной палаты, раздѣляющій въ извѣстной степени эти обязанности съ предсѣдателями окружныхъ судовъ (ст. 407, 410—419 учр. суд. уст.). Но всѣ распоряженія относительно кандидатовъ могутъ быть сдѣланы предсѣдателями судебныхъ мѣстъ не иначе, какъ по соглашенію съ подлежащими прокурорами (ст. 407, 410 — 415, 418 и 419 учр. суд. уст.), которымъ принадлежитъ и совмѣстное съ предсѣдателями руководство занятіями кандидатовъ (ст. 413 учр. суд. уст.). Упорядочено служебное положеніе кандидатовъ: они раздѣляются на *старшихъ* и *младшихъ;* первые сравнены въ правахъ и преимуществахъ съ помощниками секретаря при мировомъ съѣздѣ, вторые—съ помощниками секретаря окружного суда. Для званія старшаго кандидата нужно: а) прослужить по судебному вѣдомству не менѣе полутора года и б) получить отъ судебнаго мѣста удостовѣреніе въ пріобрѣтеніи достаточной практической подготовки къ самостоятельнымъ занятіямъ по судебной части, которыя такимъ образомъ вовсе не разрѣшаются младшимъ кандидатамъ въ этой первой половинѣ ихъ служебнаго стажа. Не получившіе такого удостовѣренія въ двухлѣтній срокъ, безъ уважительныхъ на то причинъ, признаются несоотвѣтствующими условіямъ кандидатской службы и отъ нея отчисляются (ст. 408 — 410 учр. суд. уст.). Организовано матеріальное довольствіе кандидатовъ; имъ могутъ быть назначаемы денежныя выдачи изъ казны двухъ категорій: а) старшимъ — штатные оклады, въ видѣ вознагражденія за усердную и полезную службу, и б) неполучающимъ штатнаго содержанія, старшимъ или младшимъ—единовременное пособіе, въ видѣ вспомоществованія наиболѣе нуждающимся (ст. 411 и

412 учр. суд. уст.) Штатные оклады старшихъ кандидатовъ опредѣляются въ размѣрѣ 600 руб. въ годъ каждому; такихъ окладовъ всего положено на имперію 180, на сумму 108 т. р. [1]). Оклады распредѣляются министромъ юстиціи между 9 судебными округами, при чемъ maximum ихъ, въ числѣ 31, приходится на округъ Московской, а minimum, въ числѣ 10,—на округъ Саратовской судебной палаты [2]). Пособія не могутъ быть выше 400 р. въ годъ одному лицу; на выдачу ихъ ассигнуется всего 30 т. р., также распредѣляемые министерствомъ между округами (ст. III и IV Высоч. утв. 24 декабря 1891 г. мнѣнія гос. сов.). Распредѣленіе штатныхъ кандидатскихъ окладовъ между окружными судами въ размѣрѣ не менѣе двухъ на округъ, а также и самое назначеніе оклада или пособія тому или другому кандидату зависитъ отъ соглашенія старшаго предсѣдателя съ прокуроромъ судебной палаты; тѣмъ же порядкомъ совершается и лишеніе кандидата получаемаго имъ штатнаго оклада, имѣющее значеніе дисциплинарнаго взысканія (ст. 418 учр. суд. уст.).

Далѣе, приведены въ систему служебныя занятія кандидатовъ, распадающіяся на а) несамостоятельныя, для всѣхъ вообще кандидатовъ, и б) самостоятельныя, исключительно для старшихъ кандидатовъ. Къ первому роду относятся занятія въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ и прокурорскаго надзора, въ нотаріальномъ архивѣ и въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, уѣздныхъ членовъ и товарищей прокурора окружного суда. Ко второй же категоріи принадлежатъ: исполненіе обязанностей судебныхъ слѣдователей и городскихъ судей, исправленіе должности товарища прокурора окружного суда и защита по назначенію отъ суда. Всѣ эти занятія или командировки возлагаются на кандидатовъ по принадлежности старшимъ предсѣдателемъ и прокуроромъ палаты, а также предсѣдателемъ и общимъ собраніемъ окружного суда (ст. 414 — 416 учр.

---

[1]) Сюда не входятъ издавна существующіе штатные оклады кандидатамъ на судебныя должности въ округѣ Тифлисской судебной палаты.

[2]) Циркуляръ министра юстиціи старшимъ предсѣдателямъ и прокурорамъ судебныхъ палатъ отъ 9 января 1892 г. № 773.

суд. уст.). Опредѣлена съ большею противъ прежняго послѣдовательностью и ясностью служебная карьера кандидатовъ на судебныя должности. Срокъ подготовительной службы сокращенъ на одинъ годъ и составляетъ теперь всего три года. По истеченіи второй полуторагодичной половины стажа, посвященной самостоятельнымъ занятіямъ, старшій кандидатъ можетъ просить выдачи ему свидѣтельства отъ предсѣдателя окружного суда о томъ, что онъ доказалъ на службѣ свои познанія по судебной части. Такое свидѣтельство даетъ кандидату право на представленіе въ установленномъ порядкѣ къ назначенію на должности судебныхъ слѣдователей, товарищей прокурора окружного суда, городскихъ судей и другія, опредѣленіе на которыя зависитъ отъ министра юстиціи. Секретарскія же должности кандидаты, очевидно, могутъ занимать независимо отъ времени службы и пройденныхъ на ней занятій. Кромѣ назначенія на самостоятельную должность, то же свидѣтельство открываетъ кандидату путь къ занятіямъ въ центральномъ управленіи министерства юстиціи и въ канцеляріяхъ правительствующаго сената (ст. 417 и 418 учр. суд. уст.). Кандидаты состоятъ на отчетѣ, который, по каждому году, представляется ежегодно предсѣдателемъ окружного суда старшему предсѣдателю, а этимъ послѣднимъ, по соглашенію съ прокуроромъ палаты,—министру юстиціи (ст. 419 учр. суд. уст.).

Законъ нормируетъ только общія и главнѣйшія основанія кандидатскаго учрежденія, всѣ же его подробности и, между прочимъ, правила, касающіяся служебныхъ занятій кандидатовъ и выдачи имъ упомянутыхъ выше удостовѣреній и свидѣтельствъ объ успѣшномъ прохожденіи той или другой половины стажа,—все это опредѣляется порядкомъ инструкціоннымъ, въ указаніяхъ и разъясненіяхъ, исходящихъ отъ министра юстиціи (ст. 414^1 учр. суд. уст.).

Наконецъ, точно обозначены предѣлы и порядокъ примѣненія новаго закона къ тѣмъ изъ кандидатовъ, которыхъ его изданіе еще застанетъ въ этомъ званіи. Между прочимъ совершенно упраздняются кандидаты при кассаціонныхъ департаментахъ сената, уѣздныхъ членахъ окружного суда, а также

и при мировыхъ судьяхъ Варшавскаго округа; нынѣшніе же кандидаты этихъ категорій оставляются при упомянутыхъ учрежденіяхъ лишь до 1 іюля 1894 г. (п. 1—5 ст. V закона 24 дек. 1891 г.).

Приведенныя выше нововведенія составляютъ довольно значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ урегулированія и улучшенія кандидатуры на судебныя должности. По новымъ правиламъ устройства, занятій, матеріальнаго обезпеченія и служебнаго движенія оно становится въ болѣе раціональныя условія, связанныя между собою единствомъ руководящей мысли—дать кандидатамъ дѣйствительную и притомъ систематическую подготовку къ судебной службѣ, поставивъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимость болѣе отъ собственныхъ ихъ трудовъ и успѣховъ, чѣмъ отъ случая или начальственнаго усмотрѣнія. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки еще только первый шагъ, начальное мѣропріятіе, далеко не исчерпывающее вопроса и оставляющее многія его стороны безъ полнаго или удовлетворительнаго разрѣшенія. Слабѣе всего, хотя и лучше прежняго, поставлена сторона финансовая—этотъ капитальнѣйшій пунктъ и главный камень преткновенія труднаго кандидатскаго существованія. 138.000 р., ассигнуемыхъ теперь вмѣсто прежнихъ 68.000 р. (составлявшихъ до изданія новаго закона все матеріальное обезпеченіе кандидатовъ), — конечно, прогрессъ не малый, но и эта сумма, могущая съ перваго взгляда показаться даже крупной, блѣднѣетъ при сопоставленіи съ цифрою 918 или почти 1,000 кандидатовъ, состоявшихъ къ 1 октября 1890 г. по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ имперіи, кромѣ округа Тифлисской судебной палаты. При 180 штатныхъ окладахъ едва одна пятая часть всѣхъ кандидатовъ можетъ разсчитывать на содержаніе, а остальные попрежнему будутъ жить случайными служебными источниками, въ видѣ зачисленія кредиторами казны, или постороннимъ заработкомъ, такъ какъ люди состоятельные все рѣже и рѣже поступаютъ на судебную службу. Далѣе, нельзя сказать, чтобы въ новой редакціи закона о кандидатахъ не было предметовъ и постановленій, способныхъ возбудить на практикѣ немаловажныя сомнѣнія. Такъ,

между прочимъ, нелегко предугадать заранѣе, въ какія житейскія комбинаціи и формы сложится то „соглашеніе“ предсѣдателей съ прокурорами, которымъ, по закону, все въ кандидатурѣ опредѣляется и разрѣшается. Вполнѣ возможны и даже очень вѣроятны случаи, когда подобнаго соглашенія не послѣдуетъ; положимъ, коллизія будетъ устранена вмѣшательствомъ и распоряженіемъ министра юстиціи, но всегда ли это окажется удобнымъ для служебнаго обихода, и не представятъ ли вытекающія отсюда затрудненія и недоразумѣнія слишкомъ ненормальнаго явленія? Согласіе и соглашеніе двухъ главенствующихъ должностныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ совершенно различныхъ отрасляхъ, хотя и въ одной и той же общей сферѣ судебной дѣятельности, конечно, весьма желательны, но какъ то, такъ и другое—понятія нѣсколько отвлеченныя и недостаточно опредѣлительныя; ихъ мѣсто скорѣе въ области служебной практики и политики, если такъ можно выразиться, чѣмъ въ нормахъ и предписаніяхъ положительнаго закона, и не рискованно ли отчасти основывать на нихъ все устройство цѣлаго учрежденія? Какъ примѣръ нѣкоторой неясности, можно указать постановленіе ст. 409 и 417: изъ текста ихъ трудно вывести, почему удостовѣреніе о пріобрѣтеніи достаточной практической подготовки для самостоятельныхъ занятій по судебной части, завершающее собою первые полтора года службы кандидата, выдается ему *судомъ* или *палатою* (ст. 409), а окончательное свидѣтельство—*предсѣдателемъ окружного суда.*

Въ заключеніе замѣтимъ, что по самому свойству дѣла, по преимуществу касающагося вседневной практики, быть можетъ, самымъ важнымъ условіемъ для примѣненія новаго закона о кандидатахъ на судебныя должности являются тѣ инструкціи и правила, которыя, какъ выше упомянуто, должны быть для нихъ изданы въ силу ст. 414[1]. Отъ цѣлесообразности этихъ указаній, преподаваемыхъ въ ближайшее поясненіе закона, будетъ зависѣть весь предстоящій ходъ кандидатской службы, а слѣдовательно, въ извѣстной степени и все то, что̀ изъ нея выйдетъ для будущности нашей магистратуры. Не столько законъ, сколько практическія инструкціи и правила проложатъ

путь, по которому пойдутъ подготовительныя занятія кандидатовъ, и установятъ внутренній распорядокъ въ ихъ средѣ. Перваго изъ этихъ предметовъ уже коснулся циркуляръ министерства юстиціи, отъ 9 января 1892 года за № 772, предсѣдателямъ и прокурорамъ о служебныхъ занятіяхъ кандидатовъ на должности по судебному вѣдомству и о порядкѣ выдачи указанныхъ въ ст. 409 и 417 учр. суд. уст. удостовѣреній и свидѣтельствъ. Этимъ циркуляромъ вводится между прочимъ весьма симпатичное и важное для нашего судоустройства начинаніе—практическое испытаніе на званіе старшаго кандидата въ особой коммисіи изъ предсѣдателя судебнаго установленія, судьи и лица прокурорскаго надзора. Предоставляя себѣ впослѣдствіи выработать общую программу подобныхъ испытаній, министерство теперь намѣчаетъ лишь главнѣйшія ея основанія; въ число ихъ входятъ такія элементарныя письменныя и устныя работы, сколько-нибудь удовлетворительное исполненіе которыхъ составляетъ азбуку судебной службы. Таковы: устное изложеніе и составленіе записки съ изложеніемъ обстоятельствъ и хода предложеннаго уголовнаго или гражданскаго дѣла, составленіе по предложеннымъ дѣламъ проектовъ важнѣйшихъ мотивированныхъ судебныхъ актовъ (постановленія слѣдователя, обвинительнаго акта, приговора и проч.), а также и устное изложеніе соображеній и заключенія по предложенному юридическому вопросу. Нѣтъ сомнѣнія, что кандидата, удовлетворившаго такимъ требованіямъ, при полутора-годичныхъ несамостоятельныхъ практическихъ занятіяхъ, съ большею увѣренностью можно допустить и къ самостоятельной дѣятельности, подъ наблюденіемъ старшихъ лицъ судебнаго вѣдомства, чѣмъ нынѣшнихъ кандидатовъ, нерѣдко получающихъ отвѣтственныя командировки случайно и безъ точныхъ свѣдѣній объ ихъ способностяхъ и познаніяхъ.

Въ томъ же министерскомъ циркулярѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія указаніе предсѣдателямъ и прокурорамъ на „первостепенной важности значеніе удачнаго выбора руководителей въ дѣлѣ подготовленія къ службѣ“ кандидатовъ и выраженіе полной увѣренности „что чины судебнаго вѣдомства съ

живымъ участіемъ и рвеніемъ отнесутся къ возлагаемой на нихъ задачѣ по образованію будущихъ судебныхъ дѣятелей". Дѣйствительно, въ этомъ все дѣло и весь залогъ успѣха или неуспѣха. Мы увѣрены, что чины судебнаго вѣдомства не бросятъ на произволъ судьбы ввѣренныхъ ихъ попеченію учениковъ судебнаго дѣла, но окажутъ имъ невидную и скромную, быть можетъ, даже недостаточно благодарную, но несомнѣнно истинную и крупную услугу.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ УСТРОЙСТВА И УГОЛОВНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРСКАГО НАДЗОРА [1]).

(1891 — 1892 г.).

1 Общія условія прокурорской службы. — 2 Подготовка къ прокурорской службѣ.—3 Пополненіе и движеніе личнаго состава —4. Служебное положеніе лицъ прокурорскаго надзора вообще.—5. Подчиненность.—6. Независимость.—7. Единство. — 8. Отвѣтственность — 9. Вѣдомство прокурорскаго надзора и распредѣленіе въ немъ занятій. — 10. Общія основанія уголовной дѣятельности.

1.

Общія условія прокурорской службы.

Для службы въ прокурорскомъ надзорѣ необходима наличность общихъ условій, которыя могутъ быть раздѣлены на формальныя, указанныя въ законѣ, и идеальныя, недоступныя его опредѣленіямъ, но вытекающія изъ характера и призванія прокуратуры. Первыя, имѣя преимущественно отрицательное значеніе, требуются какъ conditio sine qua non прокурорской службы, соблюденіемъ вторыхъ — обезпечивается въ положительномъ смыслѣ успѣшная дѣятельность прокурорскихъ чиновъ и соотвѣтствіе ихъ института цѣлямъ ему поставленнымъ. Условія

[1]) Въ 1889 г. авторомъ изданъ былъ первый томъ сочиненія о прокуратурѣ подъ заглавіемъ: „*Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности*“. Въ этотъ томъ вошли части: историческая, сравнительная и теоретическая; во второмъ же томѣ было предположено изложить догматику собственно русской прокурорской службы. Обстоятельства до сихъ поръ препятствовали выполнить это. Но такъ какъ многіе матеріалы для второго тома названнаго труда были уже собраны, а нѣкоторые изъ нихъ и обработаны, то здѣсь помѣщаются извлеченныя изъ нихъ комментаторскія замѣтки о нашемъ прокурорскомъ надзорѣ, частью напечатанныя въ „Юридич. Вѣстникѣ“ (1892 г., №№ 1—3) и „Журналѣ гражд. и угол. права“ (1892 г., № 2), а частью еще нигдѣ въ печати не появлявшіяся.

первой категоріи для прокурорскаго надзора тѣ же, что̀ и для всего вообще судебнаго вѣдомства, въ которомъ онъ составляетъ неотъемлемую часть. Ко второй же категоріи принадлежатъ спеціальныя качества, вызываемыя особыми требованіями именно прокурорской дѣятельности.

Для правоспособности къ службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ, а слѣдовательно и въ прокурорскомъ надзорѣ, нужно, прежде всего, быть *русскимъ подданнымъ* (ст. 200 учр. суд. уст.). Это основное условіе само говоритъ за себя: вполнѣ естественна и справедлива легальная презумпція, что иностранецъ неспособенъ въ той же мѣрѣ, какъ русскій, вѣрой и правдой служить законамъ и участвовать въ отправленіи правосудія страны, которая не есть его отечество. Но можетъ ли быть въ Россіи судьею или прокуроромъ лицо натурализованное, т.-е. иностранецъ, принявшій наше подданство? Законныхъ препятствій къ этому не представляется, и разрѣшеніе этого вопроса зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ усмотрѣнія власти, уполномоченной на судебныя назначенія. Она, конечно, приметъ во вниманіе, что для занятія такихъ немногочисленныхъ, отвѣтственныхъ и важныхъ мѣстъ, какъ должности въ магистратурѣ, всегда найдется достаточно и кровныхъ русскихъ, вслѣдствіе чего нѣтъ надобности прибѣгать къ услугамъ недавнихъ или случайныхъ переселенцевъ.

Мысль закона о русскомъ подданствѣ, какъ непремѣнномъ условіи прокурорской службы, даетъ основаніе къ нѣсколько болѣе широкому пониманію этого условія. Можно желать, чтобы представители русскаго закона и правительства передъ русскимъ судомъ были и во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствительно русскими людьми, если не по происхожденію и вѣроисповѣданію, то по образованію, знанію языка и нравовъ, а главное — по взглядамъ и направленію. Такое пожеланіе вовсе не противорѣчитъ той равноправности и терпимости, которыми пользуются въ Россіи всѣ подданные ея державы. Законъ и судъ равны для всѣхъ, но жизнь учитъ, что существуютъ расовыя соотношенія между судящими и судимыми, могущія производить трудно уловимыя, но по послѣдствіямъ ощутительныя колебанія вѣсовъ

правосудія. При извѣстной обстановкѣ, въ тѣхъ или другихъ степеняхъ близости и различія, возможны жгучіе вопросы и щекотливые случаи, въ которыхъ встрѣчаются поводы къ проявленію узкихъ національныхъ или племенныхъ влеченій Прокурорская власть—органъ уголовнаго преслѣдованія и наблюденія за охраненіемъ законовъ — должна быть всегда и всюду выше даже тѣни подозрѣній въ чемъ-либо подобномъ и потому тщательно предохранена отъ всякихъ къ тому поползновеній. А такъ какъ чисто русскій элементъ въ каждомъ русскомъ государственномъ дѣлѣ является нормально и правильно господствующимъ, то можно утверждать, что и личный составъ прокурорскаго надзора призванъ дѣйствовать, хотя внѣ всякой политической тенденціи, но въ строгомъ духѣ русскихъ законовъ и русскихъ же правительственныхъ и общественныхъ интересовъ. Эта дѣятельность, исходя отъ природныхъ или коренныхъ русскихъ дѣятелей, представляетъ наиболѣе гарантій безпристрастія. Истинно русскій человѣкъ, облеченный властью, обыкновенно смотритъ на дѣло широко и просто; къ тому же онъ не имѣетъ ни надобности, ни повода благопріятствовать соотечественнику или притѣснять иноплеменника. Приведенное соображеніе отнюдь не мѣшаетъ и русскимъ польскаго или нѣмецкаго происхожденія съ честью и пользою служить въ судебномъ вѣдомствѣ, вдали отъ соотвѣтствующихъ окраинъ, куда ихъ назначать не принято и сами они не должны стремиться. Вообще центръ тяжести этого вопроса, о которомъ здѣсь упомянуто, потому что жизнь и практика съ нимъ считаются, лежитъ не столько въ фактѣ происхожденія или національности, сколько въ направленіи дѣятеля; оно должно быть законное, добросовѣстное, искреннее и уже тѣмъ самымъ будетъ и патріотическое.

Далѣе, въ ст. 201 учр. суд. уст. законъ перечисляетъ формальные признаки тѣхъ юридическихъ положеній, при которыхъ лицо признается недостойнымъ или, точнѣе, *неправоспособнымъ* служить по судебному вѣдомству, между прочимъ и въ прокуратурѣ. Таковы: 1) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія или проступки, а равно и подвергшіеся

по судебнымъ приговорамъ за противозаконныя дѣянія заключенію въ тюрьмѣ или иному, болѣе строгому наказанію, и тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за проступки, влекущіе за собою такія наказанія, не оправданы судебными приговорами; 2) исключенные изъ службы по суду или изъ духовнаго вѣдомства за пороки, или же изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ; 3) объявленные несостоятельными должниками, и 4) состоящіе подъ опекой за расточительность [1]). Всѣ эти положенія дѣйствительно несовмѣстны съ общественнымъ и нравственнымъ достоинствомъ судебнаго дѣятеля, хотя и касаются собственно его частной личной сферы. Неприкосновенность ея ограничивается въ пользу публичнаго интереса, не всегда позволяющаго отдѣлять частное и личное существованіе отъ служебной дѣятельности. Это въ особенности трудно при профессіяхъ, самое существо которыхъ отмѣчено, такъ сказать, критическимъ или дидактическимъ отношеніемъ къ окружающему и которыя, поэтому, требуютъ отъ лицъ, ихъ отправляющихъ, значительнаго нравственнаго авторитета. Священникъ, поучая вѣрѣ и благочестію, наставникъ юношества, внушая ему начала правды и добра, судья, осуществляя начала справедливости и воздавая каждому должное по закону, — всѣ эти дѣятели могутъ успѣшно исполнять свои задачи только въ томъ случаѣ, если они пользуются довѣріемъ и уваженіемъ среды, въ которой дѣйствуютъ; это же возможно лишь при томъ условіи, когда общественная и нравственная физіономія дѣятеля не представляетъ вопіющаго противорѣчія съ принципами, изъ которыхъ исходитъ и къ которымъ стремится его дѣятельность. Та же мѣрка приложима и къ прокурору, преслѣдующему въ преступленіи общественное зло и частный вредъ, по большей части заключающіе въ себѣ и элементы безнравственности въ ея общепринятомъ значеніи. Власть уголовнаго преслѣдованія и соединенное съ нею представительство закона должны находиться въ рукахъ чистыхъ и

---

[1]) Обстоятельная критика этихъ общихъ отрицательныхъ условій судебной службы у *Фойницкаго*, Курсъ, I, §§ 81 и 82.

честныхъ, въ вѣдѣніи лица съ незапятнаннымъ прошедшимъ и безукоризненнымъ настоящимъ; необходимо, чтобы личность государственнаго обвинителя и стража законности стояла на извѣстной моральной высотѣ, внѣ подозрѣній или нареканій въ совершеніи дѣяній, подобныхъ тому, противъ чего онъ призванъ бороться. Но, предъявляя такія требованія, отнюдь не слѣдуетъ морализировать или преувеличивать и искать въ лицахъ прокурорскаго надзора, кромѣ правильнаго и честнаго выполненія ихъ обязанностей, еще какихъ-то частныхъ и личныхъ добродѣтелей. Законы пишутся и учрежденія создаются для людей обыкновеннаго, средняго уровня; въ уставахъ мѣсто лишь минимуму тѣхъ личныхъ условій, которымъ должны удовлетворять исполнители, и притомъ съ отрицательной и формальной стороны. Законъ не можетъ предусмотрѣть всѣхъ житейскихъ случаевъ, способныхъ умалить или уничтожить личное и нравственное достоинство судебныхъ дѣятелей. Они сами должны тщательно избѣгать всего, что̀ можетъ бросить дѣйствительно невыгодную тѣнь на ихъ доброе имя, или заставить усумниться въ ихъ совѣсти и порядочности, понятіе о которой есть лучшій и вѣрнѣйшій критерій соотвѣтствія между личной жизнью и служебной дѣятельностью.

Ст. 201 учр. суд. уст., по точному ея смыслу, распространяется не только на самое вступленіе въ прокуратуру, но и на все прохожденіе службы въ ней. Поэтому лицо прокурорскаго надзора теряетъ право на продолженіе этой службы, какъ только становится въ одно изъ положеній, предусмотрѣнныхъ въ названной статьѣ. Нельзя не замѣтить, что по буквальной редакціи первой части судебная служба, въ томъ числѣ и прокурорская, подвергается крайне строгому ограниченію, едва ли основательному и справедливому. Повидимому, она должна быть закрыта для всякаго, кто „состоитъ подъ судомъ“, хотя бы у мирового судьи за самый ничтожный и вовсе не позорящій проступокъ, напр., за личное оскорбленіе, неосторожную ѣзду и проч., по крайней мѣрѣ на время производства объ этомъ дѣла. Такое толкованіе подтвер-

ждается и законодательными мотивами [1]). Но придерживаясь его, придется допустить, что всякій желающій избавиться отъ непріятнаго для него судьи или прокурора, владѣетъ легкимъ средствомъ удалить его со службы: стоитъ только привлечь его подъ какимъ либо предлогомъ привлечь его къ суду мировыхъ судебныхъ установленій, которыя принимаютъ частныя жалобы и назначаютъ по нимъ разбирательство безъ предварительной провѣрки. Возможна, однакоже, и по нашему мнѣнію правильна, и совершенно иная интерпретація вышеприведеннаго слишкомъ общаго выраженія 1 п. ст. 201, гораздо болѣе согласная съ истиннымъ разумомъ закона, который едва ли могъ имѣть въ виду поставить судебную службу въ зависимость отъ всякаго обвиненія въ маловажномъ проступкѣ. Съ одной стороны, въ томъ же 1 п. говорится о „состоящихъ *подъ слѣдствіемъ* или судомъ“; слѣдствіе по дѣламъ мировой подсудности не производится, и потому всю эту категорію запрещеній можно отнести исключительно къ дѣламъ подслѣдственнымъ, т.-е болѣе важнымъ и при томъ такимъ, по которымъ самое привлеченіе къ слѣдствію обставлено достаточнымъ основаніемъ и извѣстными формальностями, уже указывая отчасти на нѣкоторую вѣроятность изобличенія въ преступленіи, подсудномъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. Съ другой стороны, дальнѣйшій текстъ того же 1 п. ст. 201 указываетъ заключеніе въ тюрьмѣ какъ minimum тѣхъ наказаній, которыя отнимаютъ право на судебную службу; вполнѣ естественно сдѣлать отсюда выводъ, что и предыдущій признакъ „состоящіе подъ судомъ“ пріуроченъ къ тому же наказанію, т.-е., что по судебному вѣдомству и въ прокурорскомъ надзорѣ не могутъ служить лишь тѣ изъ состоящихъ подъ судомъ, противъ которыхъ предъявлено обвиненіе, грозящее не менѣе, чѣмъ тюремнымъ заключеніемъ.

Прокурорская должность *несовмѣстима*: 1) ни съ какою другою правительственною или общественною службою (ст. 246 учр. суд. уст.); 2) съ званіемъ городскихъ и земскихъ гласныхъ; 3) съ участіемъ или службой въ какихъ бы то ни было торго-

[1]) Журн. соед. деп-овъ гос. совѣта 1864 г. № 47, стр. 25.

выхъ и промышленныхъ товариществахъ и компаніяхъ, а также и въ общественныхъ или частныхъ кредитныхъ установленіяхъ (ст. 1 и 2 Высоч. утвержд. правилъ 3 декабря 1884 г.), и съ исполненіемъ обязанности присяжныхъ засѣдателей (п. 6 отд. 2 ст. 84 учр. суд уст.), и наконецъ 4) съ исполненіемъ обязанностей повѣренныхъ по гражданскимъ дѣламъ; изъятіе изъ этого составляютъ: а) дѣла, подсудныя мировымъ установленіямъ не того мирового округа, при которомъ состоятъ лица прокурорскаго надзора, и б) изъ числа подсудныхъ общимъ установленіямъ дѣла ближайшихъ родственниковъ лица прокурорскаго надзора (дѣтей, родителей, сестеръ или жены), производящіяся не въ томъ судѣ, при которомъ онъ состоитъ и не въ подвѣдомственныхъ этому суду мѣстахъ (п. 7 ст. 45 и п. 8 ст. 246 уст. гражд. суд.).

Постановленія эти охраняютъ исключительность прокурорскихъ занятій и личную независимость прокурорскихъ чиновъ, которые, поэтому, могутъ посвящать своей прямой дѣятельности весь свой трудъ, время и энергію, внѣ какихъ бы то ни было посторонніхъ вліяній и при отсутствіи давленія личныхъ или своекорыстныхъ интересовъ и побужденій. Но званіе, правительственное или общественное, не составляющее собственно должности, въ смыслѣ нахожденія на службѣ, не требующее спеціальныхъ усиленныхъ занятій и не сопряженное съ особымъ вознагражденіемъ, можетъ быть соединяемо и съ прокурорской службой. Такъ, лица прокурорскаго надзора могутъ: 1) носить придворныя и иныя почетныя званія и 2) участвовать въ благотворительныхъ обществахъ и учрежденіяхъ [1]). Изъ начала исключительности прокурорской службы и ея занятій практика допустила еще одно изъятіе, а именно, офиціальное преподаваніе лицами прокурорскаго надзора различныхъ отраслей права въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, конечно, въ каждомъ случаѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія министра юстиціи.

Общій вопросъ о частныхъ и внѣ-служебныхъ занятіяхъ

---

[1]) Это участіе разрѣшено и судьямъ; см. рѣш. общ. собр. кассац. д-товъ 23 января 1884 г.

прокурорскихъ чиновъ еще не исчерпывается перечисленными постановленіями закона и тѣми дополненіями и разъясненіями, которыя внесла въ него практика по отдѣльнымъ конкретнымъ поводамъ. Такъ, законъ не воспрещаетъ лицамъ прокурорскаго надзора заниматься торговлей, промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ за свой собственный счетъ или по управленію дѣлами другихъ, умалчиваетъ объ офиціальныхъ занятіяхъ наукою или искусствомъ, напр., въ качествѣ приватъ-доцентовъ, членовъ ученыхъ и художественныхъ обществъ, издателей или редакторовъ повременныхъ изданій и проч. Между тѣмъ во многихъ изъ этихъ занятій могутъ встрѣтиться серьезныя, хотя и непредвидѣнныя или обойденныя закономъ основанія къ несовмѣстимости. По свойству прокурорской организаціи, оцѣнка и признаніе ихъ принадлежитъ начальству, которое въ каждомъ данномъ случаѣ имѣетъ право сказать свое *veto*, почему и низшіе чины прокурорскаго надзора обязаны доводить о всѣхъ подобныхъ случаяхъ до свѣдѣнія высшихъ и не иначе, какъ съ ихъ разрѣшенія, приступать къ такимъ постороннимъ занятіямъ. Не трудно, впрочемъ, установить по этому вопросу и общій правильный критерій. Достоинство прокурорской службы допускаетъ всѣ тѣ занятія или дѣла, которыя, принадлежа къ тому же профессіональному кругу понятій и предметовъ, имѣютъ вспомогательный характеръ для главной служебной дѣятельности—каковы, напр., занятія въ той или другой формѣ юридическими науками—или же, не находясь съ этою дѣятельностью ни въ какой связи, но и не идя съ нею въ разрѣзъ, основаны на высшихъ проявленіяхъ человѣческаго духа и не могутъ поставить дѣятеля въ ложное общественное положеніе. По этому поводу служба предъявляетъ одно лишь категорическое требованіе, чтобы ея отправленіе ни въ чемъ не страдало отъ постороннихъ занятій, на долю которыхъ можетъ выпадать лишь время полнаго досуга и отдохновенія. Наоборотъ, всѣ занятія, несоотвѣтствующія указаннымъ условіямъ, должны быть отброшены уважающими себя и свое дѣло чинами прокуратуры, или запрещаемы ея начальствомъ, даже и безъ прямыхъ предписаній о томъ закона. Такъ, всякое участіе

въ промышленности и торговлѣ, во всѣхъ видахъ его, представляется несовмѣстнымъ съ исполненіемъ прокурорскихъ обязанностей. Конечно, эти занятія могутъ быть ведены вполнѣ честно и сами по себѣ вовсе не умаляютъ нравственнаго достоинства предающагося имъ лица, но въ основѣ ихъ всегда лежитъ стремленіе къ наживѣ, къ обогащенію, съ которымъ трудно совмѣстить ревностное и преданное служеніе высшимъ интересамъ правосудія. Не говоря уже о томъ, что это путь шаткій, скользкій, усѣянный соблазнами, легко приводящій къ незамѣтнымъ компромиссамъ съ совѣстью и долгомъ, даже внѣшняя обстановка тѣхъ и другихъ занятій даетъ сильнѣйшій аргументъ противъ ихъ совмѣстимости. Сегодня за прилавкомъ, въ конторѣ или на биржѣ, среди разсчетовъ, денегъ, лихорадочной тревоги выгодъ и потерь, завтра—въ судѣ, на трибунѣ обвиненія, или при слѣдствіи, съ властью публичнаго преслѣдованія нарушителей закона и съ рѣчью о строгомъ и безпристрастномъ его примѣненіи, быть можетъ, къ той же сферѣ спекуляціи и наживы—нужно ли доказывать всю вопіющую несообразность такого совмѣщенія? Предположеніе о запрещеніи его возникло еще при составленіи судебныхъ уставовъ, но принято тогда не было по соображеніямъ чисто экономическимъ. Съ тѣхъ поръ мысль законодателя пошла дальше и высказанный выше взглядъ является лишь дальнѣйшимъ логическимъ развитіемъ для прокурорскаго надзора идеи, положенной въ основаніе закона 3 декабря 1884 г., который направленъ противъ совмѣстительства вліятельныхъ и отвѣтственныхъ должностей по государственной службѣ съ побочными и частными занятіями по акціонерной или кредитной части. Тѣ же признаки представляетъ и единоличное занятіе всякой торговлей и промышленностью, и частная служба въ какой бы то ни было ея формѣ. Совершенно очевидно, что лицу прокурорскаго надзора не можетъ быть дозволяемо завѣдываніе или управленіе, въ видѣ оплачиваемой профессіи, дѣлами или имуществомъ частнаго посторонняго лица. Служебное, должностное представительство государственныхъ и правительственныхъ интересовъ, охраненіе законнаго порядка въ судѣ и публичное пре-

слѣдованіе нарушителей уголовнаго закона совсѣмъ не вяжутся съ службой частнымъ интересамъ и личной выгодѣ.

Сверхъ общихъ формальныхъ условій, опредѣляющихъ правоспособность къ прокурорской службѣ, существуетъ еще рядъ условій идеальныхъ, нравственныхъ, которыми устанавливается ея *дѣеспособность*. Это—личныя свойства дѣятелей прокуратуры, необходимыя для того, чтобы послѣдніе могли успѣшно и правильно пользоваться своими правами и отправлять обязанности.

Указываемыя опытомъ прокурорской службы, эти качества обладаютъ лишь нравственною обязательностью въ той мѣрѣ, въ какой самъ дѣятель сознаетъ свое призваніе и желаетъ стоять на высотѣ его. Одни изъ нихъ даются природою, впрочемъ по большей части въ зародышномъ состояніи, вызывая дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе; другія пріобрѣтаются и вырабатываются воспитаніемъ, образованіемъ, практикой, трудомъ надъ самимъ собою, даже вліяніемъ окружающей среды. Оставляя въ сторонѣ тѣ общія элементарныя свойства, которыя должны быть присущи каждому служащему вообще и по судебному вѣдомству въ частности [1]), мы разумѣемъ здѣсь только условія преимущественно важныя для прокурорскаго надзора и его спеціальной дѣятельности.

По своимъ особенностямъ она требуетъ, прежде всего, нѣкоторыхъ болѣе или менѣе врожденныхъ качествъ. Такъ, надлежащее исполненіе прокурорскихъ обязанностей немыслимо безъ *энергіи*, необходимой для постояннаго активнаго воздѣйствія, для руководства уголовнымъ преслѣдованіемъ и проведенія его на судѣ. Обратныя свойства, слабость, вялость, апатія, совершенно парализуютъ живую дѣятельность прокурора и низводятъ ее на степень канцелярскаго „очищенія номеровъ“ или безличнаго, автоматическаго присутствованія въ различныхъ засѣданіяхъ. Энергія, побуждающая дѣятеля неотступно и бодро идти къ цѣли, не смущаясь и не тяготясь никакими трудно-

---

[1]) Такія свойства отчасти указаны и въ устарѣлыхъ уже нынѣ по своему нравственно-учительному характеру постановленіяхъ закона о гражданской службѣ, ст. 712—724 т. III св. зак. уст. о службѣ, изд. 1876 г. (см. также статью автора: *„О судебной службѣ“*—См. выше, стр. 268—336).

стями, нужна прокурору точно такъ же, какъ спокойная неустрашимость нужна военному человѣку, профессія котораго по внутреннимъ, специфическимъ ея чертамъ имѣетъ съ прокурорскимъ дѣломъ, несмотря на мирную его обстановку, одинъ общій элементъ—борьбы. Далѣе слѣдуетъ то, что̀ принято называть *характеромъ* или *выдержкой*, т.-е. опредѣленное, сознательное и твердое, а потому болѣе или менѣе постоянное отношеніе воли къ явленіямъ жизни, умѣнье оцѣнивать ихъ по достоинству и съ этою оцѣнкою соразмѣрять свой образъ дѣйствій. Обладаніе выдержкою въ этомъ смыслѣ предохраняетъ дѣятельность прокурора отъ колебаній, даетъ ему возможность быть послѣдовательнымъ, дѣйствовать сдержанно и увѣренно. Безъ этихъ свойствъ трудно избѣжать увлеченій и ошибокъ, опасность которыхъ на прокурорскомъ поприщѣ очевидна уже изъ того, что руководимое прокуроромъ уголовное преслѣдованіе глубоко затрогиваетъ драгоцѣннѣйшія блага личности, ея честь, свободу, собственность. Только человѣкъ, вполнѣ владѣющій собою, поступающій обдуманно и осторожно, можетъ безвредно пользоваться властью, мѣропріятія которой касаются нелегко вознаградимыхъ общественныхъ и личныхъ интересовъ.

Нѣкоторыя другія качества прямо вызываются техническими потребностями дѣла. Обширный кругъ, разнообразіе и сложность прокурорскихъ обязанностей обусловливаютъ значительное количество труда, нужнаго для основательнаго ихъ выполненія; отсюда необходимость въ усидчивомъ *трудолюбіи* и неразлучной съ нимъ *точности* въ отношеніи даже подробностей, изъ которыхъ, впрочемъ, и складывается цѣлое. Добросовѣстное отправленіе прокурорской службы, съ выпадающимъ нерѣдко на ея долю обремененіемъ работой и періодами особенно хлопотливой дѣятельности требуетъ большой *выносливости* и до педантизма аккуратнаго распредѣленія времени и занятій.

Умѣнье владѣть словомъ, какъ письменнымъ, такъ и устнымъ, составляетъ, по самому содержанію дѣятельности прокурора, немаловажную для него способность. Она принадлежитъ скорѣе къ числу вырабатываемыхъ трудомъ и практикой по правилу *oratores fiunt*), но природные ея задатки значительно

чительно облегчаютъ осуществленіе такихъ важныхъ функцій, какъ формулированіе обвиненія на письмѣ до суда и словесное развитіе его на судѣ. Въ этой послѣдней стадіи процесса, да и вообще вездѣ, гдѣ прокурору необходимо быстро примѣняться къ даннымъ обстоятельствамъ, сразу сообразить и взвѣсить создаваемое ими иногда затруднительное положеніе и отыскать соотвѣтствующій изъ него исходъ (напр., въ крупныхъ вопросахъ уголовнаго преслѣдованія, въ постановкѣ юридически-сложнаго или тонкаго обвиненія, въ неожиданныхъ инцидентахъ судебнаго слѣдствія, въ судебномъ состязаніи съ сильнымъ противникомъ и проч.), имѣютъ большое значеніе *тактъ и находчивость*, т.-е. способность дѣйствовать скоро и вмѣстѣ вѣрно, въ мѣру, съ соблюденіемъ тона и оттѣнковъ, вызываемыхъ особенностями случая. Эта способность сглаживаетъ многочисленныя затрудненія практики и пріискиваетъ ея казусамъ надлежащее разрѣшеніе, устраняя по возможности всегда нежелательный разладъ закона съ жизнью. Тактъ необходимъ и при непрерывныхъ служебныхъ сношеніяхъ прокурорскаго надзора съ другими учрежденіями, вѣдомствами и частными лицами. Важны также *подвижность и распорядительность*— свойства, безъ которыхъ почти немыслима дѣятельность, вся состоящая изъ активныхъ распоряженій и упорнаго стремленія, черезъ рядъ препятствій, къ опредѣленной цѣли.

Сказаннымъ, конечно, не исчерпывается весь запасъ нужныхъ или полезныхъ для прокурорской службы психологическихъ и физіологическихъ свойствъ, но намѣчаются наиболѣе выдающіяся изъ нихъ, такія, соединеніе которыхъ въ одномъ лицѣ дѣлаетъ его особенно пригоднымъ къ этой дѣятельности.

2.

Подготовка къ прокурорской службѣ.

Къ числу общихъ условій прокурорской службы принадлежитъ и подготовка къ ней, заслуживающая, по своей первостепенной важности, особаго и болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Необходимость для службы въ судебномъ вѣдомствѣ, а слѣдовательно и въ прокурорскомъ надзорѣ, основательной и многосторонней под-

готовки сильно нуждается въ разъясненіи и доказательствахъ. Первому встрѣчному, случайному выходцу изъ толпы нельзя быть блюстителемъ закона и органомъ карательныхъ правъ государства надъ личностью обвиняемаго въ преступленіи гражданина. Развитой умъ, просвѣщенный взглядъ на вещи, общія и спеціальныя познанія о своемъ дѣлѣ—все это коренныя условія, которыхъ общество въ правѣ требовать отъ прокурора, какъ залога правильнаго пользованія вручаемыми ему обширными полномочіями. Требованія эти предъявляетъ и законъ, но онъ можетъ выразить ихъ только эмпирически, внѣшнимъ образомъ, въ видѣ образовательнаго ценза и срока подготовительной судебной практики; осуществленіе же ихъ въ дѣйствительности, не по формѣ только, а и по внутреннему содержанію, зависитъ отъ признанія и усвоенія ихъ отдѣльными дѣятелями прокуратуры и общимъ господствующимъ въ ней духомъ. Еще мало имѣть дипломъ—нужно и на самомъ дѣлѣ быть образованнымъ юристомъ; недостаточно еще прослужить извѣстное число лѣтъ въ подготовительныхъ должностяхъ и званіяхъ — нужно вынести изъ этой службы настоящую практическую опытность и дѣйствительно полезныя свѣдѣнія.

Подготовка къ судебной дѣятельности вообще слагается изъ трехъ одинаково незамѣнимыхъ элементовъ: *высшаго общаго образованія, спеціально-юридическихъ познаній и судебной практики.* Тѣсно связанные между собою, они не могутъ быть раздѣлены безъ явнаго вреда для дѣятелей и дѣла. Безъ общаго образованія спеціальное сводится къ простому изученію юридическаго ремесла, безъ практики образованіе даетъ лишь кабинетныхъ теоретиковъ или отвлеченныхъ доктринеровъ. Съ другой стороны, юристъ-практикъ, лишенный образованія, можетъ быть только узкимъ дѣльцомъ, чиновникомъ; при одномъ общемъ образованіи, но безъ спеціальнаго, онъ рискуетъ не пойти дальше юридическаго дилетантизма.

Все это примѣнимо и къ прокуратурѣ. Исполняя одну изъ важнѣйшихъ функцій общественнаго механизма, прокуроръ долженъ прежде всего имѣть всѣ тѣ знанія, которыми обусловливается общее умственное развитіе человѣка и гражданина,

позволяющее ему вѣрно и понимать, и оцѣнивать соціальны явленія. Изъ ихъ огромной сферы передъ прокуроромъ широко открытъ міръ преступности, съ его многостороннимъ значеніемъ и безконечнымъ разнообразіемъ. Просвѣщенный знаніями, сильный умственнымъ развитіемъ, государственный обвинитель не будетъ видѣть во всякомъ формальномъ правонарушеніи только безразличный объектъ механическаго приложенія своей власти, а выработаетъ себѣ взглядъ болѣе проницательный и глубокій, охватывающій явленіе вмѣстѣ съ его причиною, обстановкой и послѣдствіями, и потому дѣйствительно способный отыскать ему въ законѣ истинную мѣрку. Прокуроръ имѣетъ дѣло не съ бумагой, не съ мертвыми предметами и отвлеченными понятіями, а съ живыми людьми, съ ихъ страданіями и паденіемъ, съ ихъ непрестаннымъ посягательствомъ другъ на друга и на порядокъ собственнаго ихъ общежитія. Для того, чтобы разобраться въ этой „битвѣ жизни“ и дабы въ извѣстныхъ предѣлахъ регулировать ея явленія, нужно знать a priori человѣка и какъ антропологическую единицу, и какъ соціальнаго дѣятеля; нужно, или по меньшей мѣрѣ очень полезно, владѣть такимъ міровоззрѣніемъ, при которомъ не было бы чуждо „ничто человѣческое“. Это знаніе и этотъ взглядъ пріобрѣтаются общимъ гуманитарнымъ образованіемъ и измѣряются степенью его основательности въ глубь и въ ширь. Кромѣ того, прокуратура должна имѣть въ обществѣ извѣстный интеллектуальный и нравственный авторитетъ, который въ нормальномъ общественномъ быту выпадаетъ на долю только серьезно образованныхъ людей. Значеніе высшаго юридическаго образованія еще яснѣе и проще: для того, чтобы правильно примѣнять законъ, а тѣмъ болѣе съ успѣхомъ охранять его и преслѣдовать другихъ за его нарушеніе, необходимо, очевидно, знать область этого закона со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ частяхъ ея, начиная отъ основныхъ принциповъ права и кончая подробностями его догматики.

Учрежденіе судебныхъ установленій предполагаетъ, что общее образованіе всегда неразлучно съ высшимъ юридическимъ, которое и признается кореннымъ условіемъ занятія

должностей въ прокурорскомъ надзорѣ. Должности эти ..... „замѣщаются .... не иначе какъ изъ числа лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ“..... (ст. 202 учр. суд. уст.) Подъ упомянутыми въ законѣ „другими высшими учебными заведеніями“, дипломы которыхъ наравнѣ съ университетскими даютъ право на службу въ судебномъ вѣдомствѣ, практика разумѣетъ училище правовѣдѣнія, Александровскій лицей, Демидовскій юридическій лицей (въ Ярославлѣ) и военно-юридическая академія. Къ сожалѣнію, вышеуказанное категорическое условіе снабжено въ томъ же узаконеніи добавленіемъ, которое можетъ въ самомъ корнѣ подорвать его значеніе и силу. Наряду съ окончившими высшій курсъ юридическихъ наукъ допускается назначеніе на судебныя должности и „доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части“, другими словами, дѣльцовъ, не получившихъ не только высшаго, но и никакого образованія.

Это ограниченіе, для оправданія котораго составителямъ Судебныхъ Уставовъ понадобилась сложная аргументація, основанная на исключительно утилитарныхъ соображеніяхъ, исходила главнымъ образомъ изъ опасенія, что въ Россіи не достанетъ образованныхъ юристовъ для замѣщенія всѣхъ вновь открывающихся судебныхъ должностей. Теперь, когда предложеніе юридическихъ силъ далеко превышаетъ ихъ спросъ и кандидатура на судебныя должности переполнена дипломированными юристами, тщетно или подолгу ждущими движенія, это правило нельзя не признать совершеннымъ анахронизмомъ. Таковымъ, повидимому, считаетъ его и высшая судебная администрація, почти не пользующаяся своимъ правомъ назначать въ магистратуру лицъ, не получившихъ высшаго образованія, но „доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части“. Можно надѣяться, что вслѣдъ за изъятіемъ этой оговорки изъ практическаго употребленія, она не замедлитъ изгладиться и изъ текста закона.

Пріобрѣтеніемъ высшаго юридическаго образованія въ академической формѣ не должна, однакоже, ограничиваться вся

теоретическая подготовка къ прокурорской службѣ. Пріобрѣтенное нужно поддерживать и развивать, иначе оно заглохнетъ и ослабѣетъ среди заботъ текущей практики и массы подробностей служебной техники. Сухое и узкое чиновничество грозитъ тому, кто замкнется въ тѣсномъ кругѣ дѣлъ, бумагъ и легальной буквы; юридическимъ ремесленникомъ, вмѣсто судебнаго дѣятеля, станетъ тотъ, кто, оставаясь слѣпъ и глухъ къ совершающейся вокругъ него великой работѣ мысли и знанія, будетъ довольствоваться мелкими интересами вседневнаго дѣлового обихода и безучастно или даже съ предубѣжденіемъ махнетъ рукой на теорію, литературу, чтеніе. Напротивъ, ихъ освѣжающій притокъ одинъ предохраняетъ и прокурорскую службу отъ рутины и застоя, держитъ ея умственный уровень на извѣстной высотѣ, при которой дѣятель видитъ въ своихъ обязанностяхъ нѣчто высшее и большее, чѣмъ механическое писаніе обвинительныхъ актовъ или присутствованіе въ различныхъ засѣданіяхъ. Нельзя не желать, чтобы лица прокурорскаго надзора и послѣ окончанія курса, въ круговоротѣ служебной жизни, не чуждались науки и литературы и слѣдили за тѣмъ, что дѣлается въ нихъ. Ничто такъ не обновляетъ дѣла правосудія, какъ этотъ взаимный обмѣнъ между теоріей и практикою права, равно важный для обѣихъ отраслей и возможный только при правильномъ и постоянномъ сближеніи между кабинетною ученостью и судебной дѣятельностью юристовъ-практиковъ [1]). Объемъ и качество академическаго образованія, конечно, не зависятъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ, посвящающихъ себя, послѣ его окончанія, той или другой отрасли судебной дѣя-

[1]) На Западѣ такой обмѣнъ установился давно и прочно; тамъ изъ рядовъ прокуратуры вышли и въ этихъ рядахъ дѣйствовали замѣчательные ученые и писатели. Достаточно назвать *Далессо*, *Сервана*, *Сенье*, *Мерлена*, *Дюпена*, *Беранже*, *Тролона* и множество другихъ во Франціи, *Глонделина*, *Шварце*, *Фукса*, *Штелмина*, *Глазера* въ Германіи и Австріи, *Карминьяни*, *Цезарини*, *Фореста*, *Гарофало* въ Италіи. При слабомъ распространеніи у насъ литературно-теоретическихъ занятій есть, однакоже, и у насъ представители этого направленія въ старой и новой прокурорской службѣ Нашему прокурорскому надзору должны быть дороги имена и труды *Побѣдоносцева*, *Буцковскаго*, *Квачевскаго*, *Неклюдова*, *Фойницкаго*, *Кони*, *Случевскаго* и друг. Въ интересахъ учрежденія русской прокуратуры хотѣлось бы надѣяться, что эти почтенные дѣятели не перестанутъ находить себѣ послѣдователей.

тельности; но въ рукахъ каждаго изъ этихъ лицъ находятся всѣ средства къ тому, чтобы среди практическихъ занятій сохранять полученныя знанія, пополнять ихъ чтеніемъ, очищать практику постояннымъ общеніемъ съ наукой, внѣ которой они легко впадутъ въ казуистику и формализмъ. Направленіе подобныхъ занятій, являющихся какъ бы естественнымъ продолженіемъ образованія, указывается самымъ существомъ и предметами прокурорской дѣятельности. Это прежде всего область уголовнаго и гражданскаго права въ обширномъ смыслѣ, т.-е. матеріальное право, судоустройство и процессъ. Затѣмъ полезнымъ дополненіемъ могутъ служить: судебная политика вмѣстѣ съ судебною статистикой, какъ ученія о цѣлесообразномъ дѣйствіи судебныхъ институтовъ въ жизни; судебная медицина и психіатрія, какъ руководство при разрѣшеніи многихъ важныхъ вопросовъ уголовной практики; тюрьмовѣдѣніе, какъ ученіе о наилучшей организаціи предварительнаго и карательнаго заключенія, этихъ неизбѣжныхъ принадлежностей и послѣдствій уголовнаго преслѣдованія; полицейское право, особенно полиція безопасности, столь близко соприкасающаяся съ уголовной репрессіей; научныя изслѣдованія преступленія, какъ соціологическаго и антропологическаго явленія, и пр. Здѣсь же умѣстно отмѣтить полную неосновательность того довольно распространеннаго въ прокуратурѣ и крайне вреднаго для нея предразсудка, что вслѣдствіе преимущественно уголовнаго характера ея функцій, занятія гражданской юриспруденціей будто бы для нея безцѣльны. Не подлежитъ сомнѣнію справедливость изреченія о томъ, что настоящій юристъ не можетъ не быть въ извѣстной степени и цивилистомъ. Только опредѣленія римскаго и гражданскаго права даютъ прочное общее основаніе всякому юридическому изученію, только они сообщаютъ мышленію и сужденію юриста необходимую твердость, ясность и логичность. Кромѣ того прокуроръ такъ часто сталкивается съ гражданскими казусами и дѣлами, что просто не въ состояніи исполнять съ достоинствомъ свои по нимъ обязанности, безъ подготовки и хоть элементарныхъ, но основательныхъ познаній по гражданской части. А занятія ею, разъ испробованныя на

серьезной и вмѣстѣ съ тѣмъ доступной почвѣ добросовѣстнаго подготовленія къ случаямъ участія прокурорскаго надзора въ гражданскомъ процессѣ, сами по себѣ такъ привлекательны и интересны, что продолженіе ихъ въ тѣхъ же границахъ не только не обременительно, но и вноситъ большое разнообразіе въ область, отведенную вѣдѣнію прокуратуры.

Формы и способы внѣ служебныхъ юридическихъ занятій или, точнѣе, занятій, идущихъ параллельно со службой, могутъ быть очень различны. Наиболѣе полнымъ ихъ проявленіемъ является посильное содѣйствіе научно-литературной разработкѣ разныхъ сторонъ и вопросовъ права. Такая работа, будучи весьма полезной, не для всякаго, однакоже, и не всегда удобна и возможна. Но другіе менѣе сложные и исключительные пути теоретическаго труда открыты всѣмъ чинамъ прокурорскаго надзора и не требуютъ отъ нихъ ничего, кромѣ живого интереса къ дѣлу и желанія работать надъ ними не по одному бюрократическому шаблону. Мы имѣемъ въ виду форму чрезвычайно скромную, но очень производительную, а именно— систематическое и постоянное ознакомленіе съ текущею, хотя бы только отечественною литературой. Она не обильна, и слѣдить за всѣмъ, что появляется въ ней новаго и интереснаго, въ особенности же за періодической печатью, отнюдь не трудно. Между тѣмъ это единственное средство, даже и при незнакомствѣ съ иностранными языками или при маломъ количествѣ свободнаго времени, быть, такъ сказать, въ курсѣ научнаго и литературнаго движенія въ обширной сферѣ судебнаго дѣла и прокурорскихъ въ немъ обязанностей. Пренебрегать же этимъ средствомъ непростительно, такъ какъ, при всемъ практическомъ характерѣ официальной юриспруденціи, одною практикой и опытомъ прожить нельзя; упражнять юридическую мысль только надъ дѣлами и въ лучшемъ случаѣ питать ее кассаціонными рѣшеніями, значитъ обрекать свои духовныя силы на неподвижность и суживать свой умственный горизонтъ до самой обыденной „злобы дня“.

Высшее юридическое образованіе, подготовка теоретическая, даетъ формальное право на службу въ прокурорскомъ надзорѣ

только въ соединеніи съ извѣстнымъ срокомъ судебной практики, посредствомъ которой пріобрѣтается необходимая для прокурора опытность, т.-е. практическая подготовка при самомъ отправленіи судебной дѣятельности. Подготовка заключается въ усвоеніи, съ одной стороны, текста и смысла закона, а съ другой—техническихъ пріемовъ его примѣненія такъ, чтобы оно не встрѣчало затрудненій, и всевозможные инциденты и возникающіе вопросы разрѣшались легко и просто, на основаніи готоваго матеріала, которымъ дѣятель овладѣлъ вполнѣ. Для капитальнаго подготовленія къ прокурорской службѣ судебная практика должна дать рядъ болѣе или менѣе важныхъ результатовъ, а именно: 1) вполнѣ основательное знаніе въ цѣломъ и въ подробностяхъ главнѣйшихъ для прокурора источниковъ закона: учрежденія судебныхъ установленій, устава уголовнаго судопроизводства, уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, со всѣми продолженіями и дополненіями; умѣнье безошибочно примѣнять эти узаконенія и быстро подводить подъ нихъ всякій конкретный казусъ; 2) общее знакомство съ уставомъ гражданскаго судопроизводства, законами гражданскими (т. X ч. 1 Св. Зак.) и торговыми (т. XI ч. 2 Св. Зак.), сводомъ общихъ губернскихъ учрежденій (т. II ч. 1 Св. Зак.), уставомъ о службѣ гражданской (т. III Св. Зак.), уставами о содержащихся подъ стражей и о ссыльныхъ (т. XIV Св. Зак.) настолько, чтобы умѣть всегда найтись въ нихъ и при томъ вполнѣ обстоятельно въ частяхъ, непосредственно относящихся до обязанностей прокурора; 3) усвоеніе важнѣйшихъ положеній, выработанныхъ кассаціонной практикой, и всѣхъ безъ изъятія требованій, предъявляемыхъ къ прокурорскому надзору министерствомъ юстиціи въ его циркулярныхъ предписаніяхъ; 4) умѣнье или по меньшей мѣрѣ достаточный навыкъ излагать письменно и словесно факты въ ихъ логической связи и юридической квалификаціи, при томъ ясно, точно, сжато, языкомъ, по возможности совмѣщающимъ дѣловую строгость съ стилистическою правильностью; 5) наглядное ознакомленіе съ ходомъ дѣлъ въ публичныхъ судебныхъ засѣданіяхъ, если не *de facto*, посредствомъ личнаго участія, въ качествѣ секретаря, защит-

ника и проч., то хоть *de visu*, посредствомъ систематическаго посѣщенія и присутствованія.

Пріобрѣтеніе вышеприведенныхъ свѣдѣній обезпечивается, во-1-хъ, опредѣленнымъ срокомъ подготовительной судебной службы или практики и, во-2-хъ, прохожденіемъ тѣхъ или другихъ званій и должностей, занятія въ которыхъ могутъ служить подготовкою къ прокурорской дѣятельности.

Закономъ, въ ст. 210 учр. суд. уст., установлены четыре минимальныхъ срока подготовленія къ прокурорской службѣ: *4* года —для должности товарища прокурора окр. суда, *6* лѣтъ— для прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты, *8* лѣтъ—для прокурора палаты и товарища оберъ-прокурора и *12* лѣтъ—для оберъ-прокурора. Три послѣдніе срока, относящіеся до должностей довольно высокихъ въ прокурорской іерархіи, сравнительно съ обычнымъ ходомъ гражданской службы, отличаются чрезмѣрной краткостью, которая могла имѣть значеніе лишь при первоначальномъ комплектованіи прокуратуры вслѣдъ за судебною реформою; теперь же назначенія на эти должности имѣютъ мѣсто гораздо позже приведенныхъ сроковъ, которые обыкновенно удлиняются на половину или даже вдвое. Въ дѣйствительности всего важнѣе первый 4-лѣтній срокъ стажа для вступленія въ прокурорскій надзоръ молодыхъ дѣятелей, предназначающихъ себя къ этой дѣятельности. Впрочемъ, и тутъ назначеніе на должность товарища прокурора окружного суда сейчасъ или вскорѣ послѣ истеченія первыхъ 4 лѣтъ службы представляетъ исключеніе все болѣе и болѣе рѣдкое; сокращеніе же этого законнаго минимума, допускавшееся иногда въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, нынѣ уже вовсе не практикуется. Это и правильно, и понятно, такъ какъ недостатка въ контингентѣ не ощущается, а предоставленіе прокурорскихъ полномочій лицамъ, и по годамъ, и по опытности еще незрѣлымъ, можетъ быть сопряжено съ немалымъ рискомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ постановленіяхъ закона о минимальномъ срокѣ практики трудно видѣть вполнѣ достаточную гарантію служебной зрѣлости. Здѣсь все зависитъ отъ субъективныхъ свойствъ лица; одинъ въ два, три законныхъ срока не сдѣлаетъ того, что̀ достигается дру-

гимъ гораздо раньше срока. Поэтому, этотъ послѣдній является лишь нѣкоторымъ формальнымъ и приблизительнымъ ручательствомъ, съ весьма условнымъ внутреннимъ содержаніемъ, которое видоизмѣняется, смотря по тому, гдѣ, надъ чѣмъ и какъ работалъ кандидатъ на должности по прокурорскому надзору. Вопросы эти, составляя объективную сторону подготовки къ прокурорской службѣ, сводятся къ тому, какія именно занятія въ этомъ отношеніи всего важнѣе и полезнѣе, конечно, при равно усердномъ и добросовѣстномъ ихъ исполненіи. Законъ не говоритъ, въ чемъ именно должна заключаться подготовительная судебная практика, повидимому, широко подразумѣвая подъ ней всѣ категоріи офиціальныхъ судебныхъ занятій. Въ мотивахъ ст. 210 учр. суд. уст. умолчаніе это объясняется необходимостью „предоставить министру юстиціи ближайшее соображеніе о достоинствѣ и познаніи лицъ, избираемыхъ имъ органами прокурорскаго надзора, безъ ограниченія выбора ихъ указаніемъ опредѣленныхъ должностей“ [1]). Но это не мѣшаетъ дѣлать выводы изъ наблюденія надъ дѣйствительностью и данныхъ опыта. Они свидѣтельствуютъ, что наиболѣе основательною и твердою оказывается подготовка тѣхъ чиновъ прокурорскаго надзора, которые уже прошли черезъ самостоятельную судебную работу или практически и послѣдовательно изучили главнѣйшія ея отрасли въ званіи кандидатовъ на судебныя должности—этой подготовительной школѣ нашей магистратуры. Въ частности, пригоднѣйшіе дѣятели прокурорской службы скорѣе всего формируются изъ 1) судебныхъ слѣдователей, 2) секретарей судебныхъ мѣстъ и прокуроровъ и 3) тѣхъ кандидатовъ на судебныя должности, которые производили слѣдствія, вели такъ называемыя „казенныя“ защиты (т.-е. по назначенію отъ суда) и занимались составленіемъ различныхъ судебныхъ актовъ. Сюда же можно присоединить 4) тѣхъ изъ мировыхъ судей, которые получили юридическое образованіе и 5) членовъ судебныхъ мѣстъ и чиновъ прокурорскаго надзора прежняго устройства. Все это дѣятели, знающіе по личному опыту чер-

[1]) Суд. Уставы 20 ноября 1864 съ излож. разсужденій, на коихъ они основаны, т. III, стр. 140.

ную и тяжелую работу правосудія, близко знакомые съ самымъ процессомъ возникновенія ея изъ жизни, съ которой они стоятъ лицомъ къ лицу. Книги и бумаги — въ томъ числѣ и сенатское производство и министерскіе доклады, какъ бы они хороши ни были и какъ бы старательно ни изучались — никогда не замѣнятъ непосредственнаго дѣлового столкновенія съ людьми, ихъ отношеніями и поступками, т.-е. настоящей судебной практики.

Присяжная адвокатура также могла бы представлять для прокурорскаго надзора хорошій контингентъ, тѣмъ болѣе, что такъ именно смотритъ на нее и самъ законъ (примѣч. къ ст. 210 учр. суд. уст.). Но значеніе въ этомъ смыслѣ адвокатскаго сословія сильно умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что, при современномъ состояніи обоихъ учрежденій, способнымъ адвокатамъ съ почтеннымъ именемъ и безукоризненною репутаціей—о которыхъ только и можетъ идти рѣчь—нѣтъ матеріальнаго разсчета искать вступленія въ прокуратуру, гдѣ служба оплачивается очень скудно сравнительно съ ихъ гонорарами.

3.

Пополненіе и движеніе личнаго состава.

Порядокъ назначенія чиновъ прокурорскаго надзора основанъ на строго-іерархическомъ его строеніи. Они опредѣляются правительственною властью по представленіямъ начальствующихъ въ прокуратурѣ лицъ. Высшіе чины, оберъ-прокуроры и прокуроры судебныхъ палатъ назначаются, по представленіямъ министра юстиціи, именными Высочайшими указами сенату, т.-е. непосредственно верховною властью (ст. 214 и 220 учр. суд. уст.), а чины средняго ранга, товарищи оберъ-прокуроровъ, прокуроровъ палатъ и прокуроры окружныхъ судовъ—по представленіямъ министра, Высочайшими приказами по министерству юстиціи (ст. 221 учр. суд. уст.). Что же касается до низшихъ чиновъ прокуратуры, товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ, то они назна-

чаются министромъ, его приказами по своему вѣдомству, по представленіямъ прокуроровъ судебныхъ палатъ (ст. 222 учр. суд. уст.), которымъ такимъ образомъ принадлежитъ выборъ и рекомендація кандидатовъ на первыя ступени прокурорскаго надзора. Изъ этого порядка очевидно, что всѣ права и полномочія по избранію личнаго состава прокуратуры сосредоточиваются въ рукахъ генералъ-прокурора; отъ него вполнѣ зависитъ придать прокурорскому персоналу тотъ или другой характеръ и соединить въ немъ тѣ или другія личныя качества и силы. Законная иниціатива прокуроровъ палатъ по назначенію первыхъ, рядовыхъ работниковъ учрежденія—товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ—имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ его комплектованія. Никто ближе и лучше прокурора палаты не можетъ судить о пригодности кандидата для прокурорской службы въ данномъ округѣ, никто больше его не заинтересованъ въ томъ, чтобы выборъ былъ основательный и удачный, такъ какъ тотъ же прокуроръ палаты, руководя прокурорскимъ надзоромъ своего округа, прежде всѣхъ и отвѣчаетъ за неудовлетворительную дѣятельность и упущенія своихъ подчиненныхъ. На практикѣ назначенія помимо этого порядка бываютъ довольно рѣдко, всегда случайныя или исключительныя. У прокуроровъ палатъ должны стекаться всѣ свѣдѣнія о лицахъ, могущихъ съ пользой служить въ составѣ прокурорскаго надзора. Къ этимъ же прокурорамъ слѣдуетъ обращаться всякому, кто желаетъ безъ обхода закона нормальнымъ и прямымъ путемъ вступить въ прокуратуру. Закономъ не установлено ни участія прокуроровъ окружныхъ судовъ въ избраніи кандидатовъ на должности ихъ товарищей. ни такового же участія прокуроровъ палатъ въ назначеніи окружныхъ прокуроровъ, но какъ то, такъ и другое, отнюдь не находясь въ противорѣчіи закону, является весьма полезнымъ и желательнымъ. Во всякомъ учрежденіи, а тѣмъ болѣе въ іерархическомъ, построенномъ на строгой дисциплинѣ и тѣсномъ сцѣпленіи высшихъ и низшихъ чиновъ, возможная децентрализація въ вопросахъ назначенія, хотя бы въ формѣ

рекомендаціи и представленія, служитъ лучшимъ средствомъ противъ случайностей и ошибокъ въ пріисканіи кандидатовъ, которое не можетъ не быть затруднительнымъ для центральнаго управленія. Предоставленіе прокурорамъ палатъ и судовъ совѣщательнаго голоса въ избраніи ихъ ближайшихъ помощниковъ, тѣхъ именно, на кого имъ предстоитъ съ увѣренностью полагаться, прямо вытекаетъ изъ довѣрія, которымъ должны пользоваться эти мѣстные начальники прокуратуры, пока они признаются способными и достойными занимать свои отвѣтственные посты. Сверхъ того, этотъ пріемъ въ замѣщеніи прокурорскихъ должностей способствуетъ единенію и согласію внутри прокуратуры, что̀ очень важно для сообщенія ея дѣятельности дружнаго и стройнаго характера.

Такимъ образомъ служебная карьера низшихъ лицъ прокурорскаго надзора вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія высшихъ чиновъ его. За исключеніемъ немногихъ чисто формальныхъ правилъ и сроковъ службы, законъ и не можетъ нормировать этой по преимуществу умственной и нравственной и притомъ до извѣстной степени всегда субъективной оцѣнки однимъ дѣятелемъ другого. Но тѣмъ болѣе нужно вносить въ нее вниманія, осторожности и справедливости, тѣмъ обдуманнѣе и безпристрастнѣе должна быть эта оцѣнка. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей не слѣдуетъ быть узкою; старшинство и постепенность должны служить лишь ординарнымъ ея основаніемъ съ необходимыми изъятіями въ пользу выдающихся трудовъ, исключительныхъ заслугъ, особеннаго усердія, познаній или таланта. Иначе, силою вещей, въ учрежденіи будутъ преобладать посредственность и бездарность, дѣятели средняго, дюжиннаго калибра. Съ такимъ составомъ трудно вести ту неустанную борьбу, къ которой оно призвано почти на всѣхъ пунктахъ своей службы и въ которой оно сталкивается лицомъ къ лицу со множествомъ дѣлъ и вопросовъ огромнаго, иногда государственнаго, всегда общественнаго значенія, а въ уголовной области—съ сильнымъ противникомъ въ лучше вознаграждаемой адвокатурѣ. Цѣлесообразная практическая постановка прокурорской карьеры

прямо опредѣляетъ уровень прокурорскаго учрежденія, а слѣдовательно и степень ея успѣха.

Увольненіе и перемѣщеніе лицъ прокурорскаго надзора, по основному правилу гражданской и судебной службы, исходятъ отъ той власти, которая опредѣляетъ ихъ въ должности, и совершаются въ томъ же самомъ вышеуказанномъ порядкѣ (ст. 226 учр. суд уст.). Въ противоположность судьямъ, прокурорскіе чины не пользуются несмѣняемостью и неперемѣщаемостью, установленными для предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ (ст. 243 учр. суд. уст.). Министръ юстиціи есть полный распорядитель прокуроровъ и ихъ товарищей; онъ связанъ въ этомъ отношеніи только законнымъ порядкомъ увольненія и перевода по учрежденію судебныхъ установленій и по общему уставу гражданской службы. На основаніи ст. 761 этого послѣдняго (т. III Свод. Зак. изд. 1876 г.), чины прокурорскаго надзора, какъ и всѣ другіе смѣняемые чиновники, могутъ быть увольняемы отъ своихъ должностей безъ прошенія, по усмотрѣнію министра, если они, выражаясь словами закона, „по убѣжденію начальства неспособны къ исправленію возложенныхъ на нихъ должностей или почему-либо неблагонадежны, или сдѣлали вину, извѣстную начальству, но такую, которая не можетъ быть доказана фактами“. Въ подобныхъ случаяхъ, которые даже и относительно низшихъ чиновъ прокуратуры довольно рѣдки, обыкновенно практикуется увольненіе отъ должности, съ причисленіемъ къ министерству юстиціи.

Предполагая возможность перевода лицъ прокурорскаго надзора изъ одной мѣстности въ другую, безъ ихъ о томъ просьбы, а для пользы службы, законъ нѣсколько обезпечиваетъ положеніе переводимыхъ на этомъ основаніи предоставленіемъ имъ права на полученіе, сверхъ прогоновъ, несмотря на разстояніе, еще пособія въ размѣрѣ отъ 150 до 500 р. по усмотрѣнію министра (ст. 245 учр. суд. уст.). Въ числѣ другихъ лицъ судебнаго вѣдомства, и лица прокурорскаго надзора пользуются важной привилегіей не оставлять службу и получать при-

своенное ей содержаніе въ теченіе года со времени приключившейся тяжкой болѣзни, не дозволяющей вовсе являться на службу. Если по истеченіи года больной не подастъ просьбы объ отставкѣ, то прокуроръ палаты напоминаетъ ему объ этой обязанности, а когда и затѣмъ въ теченіе 2 недѣль просьба не будетъ подана, то должностное лицо можетъ быть уволено и безъ прошенія (ст. 229 учр. суд. уст.). Это гуманное и справедливое постановленіе исполнено глубокаго значенія. Среди своей утомительной работы, нерѣдко разрушительно вліяющей и на здоровье, судебный дѣятель, для сохраненія всего необходимаго ему душевнаго спокойствія, долженъ имѣть увѣренность, что въ непредвидѣнномъ случаѣ тяжкаго и продолжительнаго недуга ему не грозитъ перспектива внезапно остаться съ семьею безъ средствъ къ существованію и безъ надежды по выздоровленіи возвратиться къ своимъ обязанностямъ.

Между назначеніемъ и увольненіемъ, какъ предѣльными пунктами служебной карьеры, происходитъ движеніе личнаго состава, вверхъ по іерархіи прокурорскаго надзора, и въ сторону, на судейскія мѣста различныхъ ранговъ. Бываетъ, но гораздо рѣже, обратный обмѣнъ, т.-е. назначеніе судей на прокурорскія должности, притомъ почти исключительно на высшія, такъ какъ низшія и среднія, напр., въ прокуратурѣ окружного суда, настолько безпокойны, хлопотливы и требуютъ такой подвижности и выносливости, что лицу, уже достигшему болѣе спокойнаго судейскаго кресла, нѣтъ основанія переходить на равное, или немногимъ высшее положеніе въ прокуратурѣ. Это, впрочемъ, относится собственно до членовъ судебныхъ установленій, а не до судебныхъ слѣдователей, которые вслѣдствіе своей тяжелой служебной обстановки обыкновенно смотрятъ на назначеніе въ прокурорскій надзоръ какъ на ближайшій исходъ и измѣненіе къ лучшему своего положенія.

Движеніе въ прокурорскомъ личномъ составѣ обусловливается, во-1-хъ, немногими указаніями закона и, во-2-хъ, порядкомъ, установившимся на практикѣ.

Что касается до первыхъ, то, независимо отъ приведеннаго

уже выше распредѣленія между различными должностями минимальнаго срока для ихъ занятія, въ прокурорской карьерѣ дѣйствуютъ еще слѣдующія правила постепенности: 1) товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ могутъ быть назначаемы членами судовъ, если прослужили не менѣе 3 лѣтъ въ должностяхъ не ниже секретаря суда (ст. 204 учр. суд. уст.); 2) прокуроры окружныхъ судовъ, прослужившіе въ этихъ должностяхъ или членами судовъ по крайней мѣрѣ 3 года, могутъ быть назначаемы товарищами предсѣдателей и предсѣдателями окружныхъ судовъ, а также и членами судебныхъ палатъ (ст. 206 учр. суд. уст.); 3) на томъ же основаніи и при тѣхъ же условіяхъ по принадлежности прокуроры судебныхъ палатъ могутъ быть предсѣдателями палатъ и, наравнѣ съ чинами оберъ-прокуратуры, сенаторами кассаціонныхъ департаментовъ (ст. 207 и 208 учр. суд. уст.); 4) несмотря на умолчаніе закона, изъ предыдущаго ясно, что на томъ же основаніи имѣютъ право на назначеніе: товарищи прокуроровъ палатъ—предсѣдателями окружныхъ судовъ и членами палатъ, а оберъ-прокуроры и ихъ товарищи—предсѣдателями палатъ.

Внѣ этихъ правилъ все регулированіе служебнаго движенія въ прокуратурѣ принадлежитъ практикѣ, которая подвергается значительнымъ колебаніямъ и перемѣнамъ въ зависимости отъ того, благопріятствуютъ ли условія даннаго времени условіямъ судебной карьеры и какого взгляда на нее придерживается министръ юстиціи, ея распорядитель. Такъ, послѣдовательное распространеніе судебной реформы на разныя мѣстности имперіи естественно вызывало и оживленное служебное движеніе въ судебномъ вѣдомствѣ, возникавшее всякій разъ, какъ открывался новый округъ судебной палаты или нѣсколько новыхъ окружныхъ судовъ съ большимъ количествомъ требующихъ замѣщенія новыхъ должностей. Но въ промежуткѣ между этими событіями и когда совершится послѣднее изъ нихъ, судебная карьера входитъ и должна войти въ свою нормальную колею, опредѣленную въ общихъ чертахъ закономъ и направляемую усмотрѣніемъ министерства юстиціи, которое, въ свою очередь, можетъ быть

связано денежными соображеніями и отсутствіемъ или недостаткомъ свободныхъ и нужныхъ для движенія вакансій. Между тѣмъ вопросъ этотъ для прокурорскаго надзора въ частности имѣетъ исключительную важность. Какъ уже было неоднократно упомянуто, прокурорская дѣятельность, сопряженная съ борьбою и постояннымъ напряженіемъ, активная и живая, по самой своей природѣ требуетъ особыхъ личныхъ свойствъ, нуждается въ свѣжихъ и неутомленныхъ силахъ. Свойства эти съ теченіемъ времени блѣднѣютъ или даже совсѣмъ изглаживаются подъ вліяніемъ возраста, утомленія и неразлучной съ ними апатіи. Силы безъ обновленія ослабѣваютъ, дѣятели мало-по-малу, теряя бодрость и энергію, становятся гораздо менѣе пригодными къ той службѣ, которую они въ началѣ ея могли исполнять съ успѣхомъ или хоть вполнѣ удовлетворительно. Масса письменнаго труда, публичная устная дѣятельность, разъѣзды, напряженное состояніе постоянной бдительности и готовности къ сложнымъ или рѣшительнымъ дѣйствіямъ, ежедневныя дѣловыя столкновенія съ жизнью и людьми—все это условія, которымъ соотвѣтствуетъ не всякій и не во всякую пору личнаго существованія. А несоотвѣтствіе имъ кладетъ на всю прокурорскую дѣятельность совершенно ее извращающій отпечатокъ вялости и обезличенія. Въ прокуратурѣ, въ противоположность другимъ установленіямъ, особая продолжительность пребыванія въ одной и той же должности сплошь и рядомъ обратно пропорціональна успѣху службы. Перемѣняя ея родъ и обстановку, тотъ же утомленный дѣятель оказывается вновь полезнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ перемѣщеніемъ онъ освобождаетъ мѣсто для болѣе молодыхъ и крѣпкихъ силъ. Въ умѣньи распознавать всѣ эти условія и управлять ими для пользы дѣла и заключаются, такъ сказать, политика и экономія правительственной службы, существенныя какъ для начальства, озабоченнаго успѣшнымъ ходомъ дѣлъ, такъ и для подчиненныхъ, еще не равнодушныхъ къ своимъ обязанностямъ. Практика выработала въ этомъ отношеніи приблизительно слѣдующій общій порядокъ, который можно принять за фактическую норму для нынѣшняго времени.

Всѣ назначенія, доступныя лицамъ прокурорскаго надзора въ предѣлахъ собственно судебной карьеры, могутъ быть раздѣлены на *исключительныя*, выпадающія на долю меньшинства и обусловленныя особенно высокою оцѣнкой способностей и заслугъ лица или таковою же степенью внушаемаго имъ довѣрія, и *ординарныя*, открытыя для большинства, какъ естественный исходъ удовлетворительной, но ничѣмъ особеннымъ не выдающейся службы въ извѣстной должности. При соблюденіи этого дѣленія обыкновенно назначаются: товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ — членами окружныхъ судовъ и предсѣдателями съѣздовъ мировыхъ судей въ мѣстностяхъ, гдѣ мировые судьи опредѣляются правительствомъ, а въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ — прокурорами окружныхъ судовъ; прокуроры окружныхъ судовъ — товарищами предсѣдателей окружныхъ судовъ, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ—членами и товарищами прокуроровъ судебныхъ палатъ; эти послѣдніе—предсѣдателями окружныхъ судовъ и товарищами оберъ-прокуроровъ; прокуроры судебныхъ палатъ и товарищи оберъ-прокуроровъ — предсѣдателями палатъ, и, наконецъ, оберъ-прокуроры, а иногда и прокуроры палатъ—сенаторами кассаціонныхъ департаментовъ. Обмѣнъ между судьями и прокуратурой, сближающій оба родственныя установленія и въ интересахъ обоихъ весьма желательный, имѣетъ мѣсто, какъ уже было замѣчено, по большей части на среднихъ и высшихъ должностяхъ. Такъ, члены и товарищи предсѣдателей окружныхъ судовъ иногда назначаются прокурорами судовъ и товарищами прокуроровъ палатъ, а изъ предсѣдателей судовъ нерѣдко избираются товарищи оберъ-прокуроровъ и прокуроры палатъ. Центральныя учрежденія министерства юстиціи также представляютъ одинъ изъ путей служебнаго движенія чиновъ прокуратуры, чему нельзя не сочувствовать, такъ какъ обязательное близкое знакомство дѣятелей прокурорскаго надзора съ практикой и жизнью для кабинетной атмосферы центральнаго управленія судебной частью можетъ имѣть значеніе освѣжающаго и оживляющаго начала.

Лица, по тѣмъ или другимъ причинамъ оставляющія вмѣ-

стѣ съ прокурорской и судебную службу вообще, нерѣдко уходятъ въ другія вѣдомства или въ адвокатуру. Поводами къ этому чаще всего бываетъ безнадежность или трудность дальнѣйшаго движенія или недостаточность получаемаго содержанія. Такое обновленіе или обмѣнъ личнаго состава имѣетъ и свою хорошую сторону, особенно при невозможности создать благопріятныя условія судебной карьеры. Замѣчательно при этомъ, что въ большинствѣ случаевъ выходцы изъ прокурорскаго надзора и въ новыхъ сферахъ дѣятельности пользуются заслуженнымъ, иногда выдающимся успѣхомъ, составляютъ себѣ солидное положеніе и серьезную репутацію. Это, впрочемъ, и вполнѣ понятно: они приносятъ, кромѣ основательнаго знанія законовъ и практики, еще большую привычку къ обязательному труду, а также ту разумную выдержку и нравственную дисциплину, которыя высоко цѣнятся во всякой и свободной, и зависимой работѣ.

4.

Служебное положеніе лицъ прокурорскаго надзора вообще.

Служебное положеніе чиновъ прокурорскаго надзора опредѣляется, сверхъ приведенныхъ выше указаній, еще нѣкоторыми внѣшними условіями, изъ которыхъ одни относятся къ общимъ правиламъ гражданской службы, а другія принадлежатъ къ числу особенныхъ правъ и преимуществъ лицъ судебнаго вѣдомства (ст. 235 учр. суд. уст.). Но извѣстныя условія и преимущества собственно судейскаго званія не распространяются на прокурорскихъ чиновъ, чѣмъ они существенно отличаются отъ судей, т.-е. предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ.

Для прокурорской службы не существуетъ особой присяги, подобно тому какъ это установлено для судейской должности (ст. 225 учр. суд. уст.). Прокурорскіе чины наравнѣ со всѣми

прочими гражданскими чиновниками только при вступленіи на службу принимаютъ общую присягу на вѣрность ей [1]).

Лица, удовлетворяющія законнымъ условіямъ прокурорской службы, могутъ быть назначаемы въ должности по прокурорскому надзору независимо отъ ихъ чиновъ (ст. 236 учр. суд. уст.). Это спеціальное правило для всей вообще судебной службы представляетъ окончательное развитіе того начала, къ которому уже давно обратилось наше законодательство въ своемъ стремленіи расширить для пользы дѣла стѣснительныя рамки табели о рангахъ и пріурочить значеніе служащаго не къ чину его, какъ признаку исключительно внѣшнему, а къ занимаемой имъ должности и внутреннему содержанію ея обязанностей. Въ судебномъ вѣдомствѣ не дѣйствуютъ формально тѣ общія правила гражданской службы, по которымъ требуется, чтобы чинъ лица, опредѣляемаго въ должность, соотвѣтствовалъ ея классу (ст. 155 уст. о служб., изд. 1876 г.) и только въ видѣ изъятія, „по усмотрѣнію дѣйствительной нужды въ замѣщеніи должностей, дозволяется опредѣлять въ нихъ лицъ, имѣющихъ чины однимъ классомъ выше или двумя ниже того класса, въ которомъ положена должность“ (ст. 156 уст. о службѣ). Но такъ какъ лица прокурорскаго надзора вообще менѣе, чѣмъ судьи, выдѣляются изъ общихъ рядовъ гражданской службы и между прочимъ не пользуются, подобно судьямъ, „заурядъ всѣми правами и преимуществами того чина, который соотвѣтствуетъ классу ихъ должности“ (ст. 239 учр. суд. уст.), то на практикѣ при назначеніи, особенно на высшія прокурорскія должности, принято по возможности соблюдать относительно чиновъ порядокъ, установленный общимъ уставомъ о службѣ. Поэтому еще нельзя сказать, что чинъ утратилъ всякое свое значеніе въ прокурорской службѣ, хотя едва ли подлежитъ сомнѣнію, что это лишь дѣло времени и неизбѣженъ дальнѣйшій прогрессъ въ постановкѣ прокурорской дѣятельности.

---

[1]) Присяга эта, изложенная первоначально еще въ Генеральномъ регламентѣ Петра Великаго 28 февраля 1720 г. и окончательно редактированная въ указѣ 23 декабря 1825 г., помѣщена въ прилож. V къ основн. зак. (т. I ч. 1 Св. Зак.).

Кругъ прокурорскихъ должностей имѣетъ свое особое росписаніе по классамъ и соотвѣтствующему имъ шитью на мундирѣ и разрядамъ пенсіи (прилож. IV къ ст. 238 учр. суд. уст.). Онъ будетъ всего нагляднѣе, если сопоставить три входящихъ въ него прокурорскихъ ранга съ одной стороны съ должностями судейскаго званія, а съ другой—съ чинами, соотвѣтствующими классу должности.

	Классъ.	Чинъ, соотвѣтствующій кл.	Соотвѣтств. должности судейск. званія.
1. Оберъ-прокуроръ правит. сената	IV	Дѣйствит. статскій совѣтникъ.	Старшій предсѣдатель, предсѣдатель деп. суд. палаты и предсѣдатель окр. суда.
2. Прокуроръ судебн палаты.	—		
3. Товарищъ оберъ-прокурора сената	V	Статскій совѣтникъ.	Судья какого бы то ни было суд. мѣста или ранга (чл. суд. палаты, товар. предсѣдат. и членъ окр суда, мировой судья).
4. Товарищъ прокурора судебной палаты. . . .	—		
5. Прокуроръ окружного суда	—		
6. Товарищъ прокурора окр. суда	VI	Коллежск. сов.	Судебн. слѣдователь окр. суда.

Старшинство между лицами прокурорскаго надзора одинаковаго ранга исчисляется по назначенію ихъ не въ данное судебное установленіе, а въ должность той же степени. Между лицами, одновременно назначенными, старшинство опредѣляется общею продолжительностью службы (ст. 237^1 учр. суд. уст.). Такъ, напр., изъ товарищей прокурора столичнаго окр. суда старшимъ считается тотъ, кто ранѣе назначенъ на ту же должность хотя бы въ провинціальномъ округѣ, а изъ одновременно назначенныхъ тотъ, кто ранѣе поступилъ на службу. Впрочемъ, по характеру судебной и въ частности прокурорской службы, это старшинство имѣетъ лишь самое ограниченное значеніе.

Не пользуясь правами и преимуществами судейскаго званія, чины прокурорскаго надзора въ отношеніи производства въ чины и наградъ, также какъ и въ отношеніи порядка и условій увольненія и перемѣщенія, подчиняются всѣмъ общимъ правиламъ гражданской службы. Они не располагаютъ и положеннымъ для судей шестинедѣльнымъ вакантнымъ временемъ (ст. 184 и 185 учр. суд. уст.), а могутъ быть лишь увольняемы своимъ начальствомъ въ отпускъ. При этомъ наблюдаются слѣдующія правила: 1) увольненіе въ отпускъ на срокъ болѣе одного мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія и вообще на срокъ долѣе 4 мѣсяцевъ допускается не иначе какъ съ Высочайшаго разрѣшенія (ст. 233 учр. суд. уст); 2) отпуски на срокъ не болѣе 4 мѣсяцевъ разрѣшаются: товарищамъ прокуроровъ—прокурорами, при которыхъ они состоятъ, прокурорамъ окр. судовъ—прокуроромъ палаты, а оберъ-прокурорамъ, ихъ товарищамъ и прокурорамъ судебныхъ палатъ—министромъ юстиціи (ст. 232 п. 2 учр. суд. уст.); 3) одни и тѣ же лица не могутъ пользоваться отпускомъ до 1 мѣсяца болѣе 1 раза въ годъ и отпускомъ продолжительнѣе мѣсяца болѣе 1 раза въ теченіе 2 лѣтъ; исключеніе допускается лишь въ случаѣ крайней въ томъ необходимости (1 п. ст. 234 учр. суд. уст.) и 4) отъ увольненія въ отпускъ не должно быть замедленія и разстройства въ прокурорскомъ дѣлопроизводствѣ. Это послѣднее правило редактировано въ законѣ (2 п. ст. 234 учр. суд. уст.), собственно по отношенію къ „членамъ присутствія и дѣлопроизводителямъ“, т.-е. къ судьямъ и секретарямъ, но по смыслу своему оно, очевидно, распространяется и на прокуратуру. Въ виду того, что потребность въ ежегодномъ отдыхѣ такъ же настоятельна и у лицъ прокурорскаго надзора, какъ и у судей, практика восполняетъ отсутствіе законнаго ваканта посредствомъ правильныхъ лѣтнихъ отпусковъ, которыми прокурорскіе чины пользуются поперемѣнно, съ разрѣшенія начальства и по взаимному между собою соглашенію; во время отпуска однихъ, за нихъ работаютъ другіе, такъ что интересы службы вовсе не страдаютъ отъ такого справедливаго и благоразумнаго обыкновенія.

Наиболѣе важнымъ вопросомъ внѣшняго служебнаго положенія чиновъ прокурорскаго надзора является вопросъ о матеріальномъ ихъ обезпеченіи. Понятіе объ этомъ послѣднемъ слагается изъ 4-хъ частей: собственно содержанія, состоящаго изъ суммъ различнаго наименованія, разъѣздныхъ и канцелярскихъ денегъ, а также пенсіи по оставленіи службы.

Назначеніе лицамъ судебнаго вѣдомства достаточнаго содержанія было предметомъ особенной заботливости законодателя. Въ мотивахъ къ ст. 238 учр. суд. уст. изложено: „Къ числу условій хорошаго судебнаго устройства надлежитъ отнести и назначеніе судебнымъ чинамъ содержанія, могущаго обезпечить имъ средства къ жизни. Въ особенности необходимо достаточное обезпеченіе для предсѣдателей и членовъ суд. мѣстъ, а равно и прокуроровъ и ихъ товарищей, которые должны быть поставлены въ такое положеніе, чтобы они могли вполнѣ предаться тщательному исполненію своихъ трудныхъ и важныхъ обязанностей, не отвлекаясь для снисканія средствъ къ жизни посторонними занятіями, и не искали бы себѣ службы внѣ судебнаго вѣдомства. . Доставленіе чинамъ судебнаго вѣдомства средствъ приличнаго существованія принадлежитъ къ важнѣйшимъ условіямъ правильнаго судоустройства и едва ли не болѣе всего можетъ содѣйствовать привлеченію хорошихъ людей“. Указанныхъ цѣлей предполагалось достигнуть: 1) достаточными размѣрами содержанія и 2) періодическою къ нему прибавкою по мѣрѣ прослуженія извѣстнаго срока въ одной и той же должности. Послѣдняя мѣра не вошла въ текстъ учрежденія судебныхъ установленій, но нѣкоторое начало ея осуществленія положено закономъ 12 іюня 1884 и 30 апрѣля 1885 гг. о прибавкѣ содержанія членамъ окружныхъ судовъ. Она еще не примѣняется къ чинамъ прокурорскаго надзора, которые такимъ образомъ могутъ ожидать улучшенія своего матеріальнаго положенія только отъ передвиженія и повышенія по службѣ.

Содержаніе состоитъ изъ жалованія, столовыхъ и квартирныхъ денегъ; для товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ сюда присоединяются еще канцелярскія деньги, отпускаемыя въ

ихъ безотчетное распоряженіе. Все содержаніе, за исключеніемъ квартирныхъ, выдается 20 числа каждаго мѣсяца, при чемъ жалованье отпускается за истекшее время, а столовыя деньги впередъ. Квартирныя деньги получаются по третямъ, 1 января, 1 мая и 1 сентября.

Приводимъ росписаніе нормальнаго содержанія, получаемаго лицами прокурорскаго надзора по основнымъ штатамъ судебныхъ установленій (прилож. IV къ ст. 238 учр. суд. уст.).

Должностныя лица.	Жалованіе.	Столовыя.	Квартирныя.	Всего.	Судейскія должности съ тѣмъ же содержаніемъ.
1. Оберъ-прокуроръ сената	3 000	2.000	2 000	7.000	Сенаторъ.
2. Прокуроръ судебной палаты	3.000	1.000	1 000	5.000	Предсѣдатель департамента судебной палаты.
3. Товарищъ оберъ-прокурора сената	2 500	1.000	1.000	4.500	Предсѣдатель окружного суда
4. Товарищъ прокурора судебной палаты	2.000	1.000	1.000	4.000	
5. Прокуроръ окружного суда	2 000	750	750	3 500	Членъ палаты и товарищъ предсѣдателя окружного суда.
6. Товарищъ прокурора окружного суда.	1 000	500	500	2.000	

Сверхъ этого содержанія, по особымъ въ разное время изданнымъ распоряженіямъ, нѣкоторыя лица прокурорскаго надзора получаютъ еще добавочныя суммы различнаго наименованія и назначенія. Таковы: 1) канцелярскія деньги въ размѣрѣ 500 р., получаемыя каждымъ изъ товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ вмѣстѣ съ содержаніемъ; 2) того же характера деньги на разъѣзды, получаемыя столичными товарищами прокуроровъ окружныхъ судовъ въ размѣрѣ 1.000 р. и нѣкоторыхъ другихъ судовъ въ мѣстностяхъ, отличающихся дороговизною жизни (напр., въ Одессѣ, Кіевѣ и Варшавѣ въ раз-

мѣрѣ 600 р.); 3) добавочное содержаніе, получаемое въ той или другой формѣ въ столицахъ и упомянутыхъ выше мѣстностяхъ прокурорами судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Кромѣ того, прокуроры палатъ С.-Петербургской, Московской и Варшавской состоятъ независимо отъ этихъ должностей инспекторами мѣстныхъ зданій судебныхъ установленій, имѣя въ этомъ качествѣ непосредственный надзоръ за ихъ управленіемъ и хозяйственною частью. По этимъ званіямъ они не получаютъ особаго содержанія, но пользуются квартирою въ натурѣ.

Изъ содержанія, получаемаго лицами прокурорскаго надзора, производится вычетъ 2% въ инвалидный и пенсіонный капиталы и 4% въ эмеритуру судебнаго вѣдомства, т.-е. въ капиталъ, изъ котораго производится, на основаніи особаго устава, выдача эмеритальныхъ пенсій лицамъ, оставившимъ судебную службу по прослуженіи въ ней извѣстныхъ сроковъ (ст. 247 учр. суд. уст.).

Путевые расходы по служебнымъ разъѣздамъ прокурорскихъ чиновъ удовлетворяются различными способами. Какъ сказано выше, нѣкоторыя должностныя лица, напр., прокуроры столичныхъ окружныхъ судовъ и ихъ товарищи, завѣдующіе столичными участками, получаютъ разъѣздныя деньги въ видѣ добавленія къ содержанію, заранѣе опредѣленною суммой, которая отпускается впередъ и въ безотчетное распоряженіе. Другой, болѣе обычный и нормальный способъ путевого довольствія заключается въ томъ, что при поѣздкахъ по дѣламъ службы прокурорскіе чины получаютъ по распоряженію командирующаго ихъ начальства прогонныя деньги въ оба пути [1]), а также суточныя и квартирныя по классамъ должностей за все дѣйствительно проведенное въ командировкѣ время (ст. 244 учр. суд. уст.). По большей части разъѣздныя деньги ассигнуются авансомъ, т.-е. впередъ суммами отъ 75 до 300 р. Въ израсходо-

---

[1]) По 2½ коп. на версту и лошадь по желѣзнымъ дорогамъ и по 3 коп. по другимъ путямъ, при чемъ по должностямъ 6 класса разсчетъ дѣлается на 3 лошади, а 5 и 4 класса на 6 лошадей.

ваніи ихъ представляется отчетъ съ оправдательными къ нему документами въ тѣхъ случаяхъ, когда командировка имѣла мѣсто за предѣлы завѣдуемаго округа или участка [1]).

По провѣркѣ правильности этихъ отчетовъ и удостовѣреніи о томъ для товарищей прокуроровъ со стороны ихъ непосредственнаго начальства, они препровождаются къ завѣдывающему кредитомъ предсѣдателю судебнаго мѣста и затѣмъ на общемъ основаніи въ контрольную палату. Только по представленіи и утвержденіи отчета въ израсходованіи полученнаго аванса можетъ быть выданъ новый. Авансовыя деньги считаются отпущенными изъ казны для опредѣленнаго употребленія и за неправильное ихъ расходованіе грозитъ отвѣтственность какъ за передержаніе казенныхъ денегъ по ст. 357 улож. наказ. Есть еще способъ ассигнованія разъѣздныхъ денегъ — выдача ихъ впередъ по сдѣланному разсчету на опредѣленную поѣздку, если маршрутъ и срокъ ея извѣстны; въ израсходованіи такихъ суммъ отчета не представляется. Выборъ того или другого способа удовлетворенія путевыхъ издержекъ зависитъ отъ условій поѣздки или распоряженія командирующаго начальства. Размѣръ разъѣздныхъ денегъ вообще нельзя не признать достаточнымъ; онъ покрываетъ путевые расходы, давая даже иногда и небольшой остатокъ на подъемъ, т.-е. на надобности, неизбѣжно сопряженныя съ частымъ передвиженіемъ. При служебныхъ разъѣздахъ лица прокурорскаго надзора снабжаются отъ своего непосредственнаго начальства особыми свидѣтельствами, удостовѣряющими личность и проѣздъ по казенной надобности [2]).

Затѣмъ, всякія другія денежныя выдачи прокурорскимъ чинамъ различныхъ наименованій и по различнымъ поводамъ, каковы, напр., пособія на лѣченіе болѣзни, воспитаніе дѣтей, на подъемъ при отправленіи къ новой должности или въ командировку и проч., производятся изъ особыхъ суммъ, находящихся

---

[1]) Цирк. м. ю. 15 сентября 1870 года, № 16206.
[2]) Цирк. м. ю. 26 октября 1876 г., № 15895.

въ распоряженіи министерства юстиціи, и зависятъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія министра.

Положеніе лицъ прокурорскаго надзора, оставляющихъ службу, обезпечивается назначеніемъ имъ пенсій изъ двухъ источниковъ и на двоякомъ основаніи (ст. 247 учр. суд. уст.): изъ суммъ государственнаго казначейства по разрядамъ должностей на основаніи общаго устава о пенсіяхъ (т. III Св. Зак.) и изъ эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 іюля 1885 года особаго ея устава (т. III Св. Зак.). Пенсіи получаются единовременно и совмѣстно изъ обоихъ источниковъ; назначеніе и размѣръ пенсій обусловливается срокомъ службы, minimum котораго вообще составляетъ 25 лѣтъ, при чемъ принимается въ соображеніе и болѣзненное состояніе пенсіонера, а по смерти его пенсіи выдаются и его семейству.

5.

Подчиненность.

Учрежденіе прокурорскаго надзора построено на принципѣ *служебной дисциплины*, которая соединяетъ всѣхъ прокурорскихъ чиновъ въ одно стройное іерархическое цѣлое, дѣйствующее подъ высшимъ главенствомъ центральной правительственной власти въ лицѣ министра юстиціи. Этотъ принципъ, по своему характеру, тѣсно связанъ съ другимъ кореннымъ началомъ прокуратуры—ея единствомъ. „Сила учрежденія прокурорскаго надзора“,—сказано въ мотивахъ къ ст. 539 устава уголовнаго судопроизводства,—„заключается въ его единствѣ, а единство его должно состоять въ томъ, чтобы всѣ органы этого надзора дѣйствовали согласно между собою и нераздѣльно. Изъ этого начала можно вывести заключеніе, что низшіе органы надзора должны дѣйствовать по указаніямъ и руководствамъ высшихъ, такъ, чтобы все учрежденіе представлялось какъ нѣчто цѣлое и единое“ [1]). Упоминаемая здѣсь подчиненность и есть глав-

[1]) Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, изд. государственной канцеляріи 1867 г., т. II, стр. 203.

ная форма служебной дисциплины, образующая, вмѣстѣ съ единствомъ, двойное основаніе прокурорскаго института и такой характеристическій его признакъ, которымъ онъ, и въ устройствѣ своемъ, и въ дѣятельности, существенно отличается отъ другихъ установленій.

Дисциплина [1]), какъ юридическій терминъ, имѣетъ довольно широкое и не однородное значеніе. Общее, теоретическое понятіе о ней обнимаетъ все ученіе о постановкѣ и порядкѣ дѣйствія даннаго учрежденія. Въ этомъ обширномъ смыслѣ подъ дисциплиною разумѣется, съ одной стороны, изученіе, а съ другой—и самое примѣненіе на практикѣ правилъ, выработанныхъ наукой или предписанныхъ законодателемъ. Въ смыслѣ же болѣе тѣсномъ и наиболѣе употребительномъ дисциплина представляетъ совокупность правилъ дѣйствія и поведенія, обязательныхъ для всѣхъ чиновъ извѣстнаго установленія, а также и гарантій, которыми обезпечивается исполненіе этихъ правилъ. По объясненію составителей Судебныхъ Уставовъ, „въ каждомъ установленіи внутренняя дисциплина есть первое условіе хорошей организаціи онаго. Внутренняя дисциплина, побуждая всякаго исполнять въ точности свои обязанности, ни въ чемъ не отступать и не уклоняться отъ установленныхъ правилъ, служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ прочнаго порядка“ [2]). Отсюда и житейское, обыденное понятіе о дисциплинѣ, какъ объ особомъ элементѣ или свойствѣ той или другой организаціи. Учрежденіе, корпорацію, всякій вообще личный составъ принято называть дисциплинированными, когда всѣ члены его, одинаково проникнутые сознаніемъ долга, твердо усвоили себѣ не только нормы, но и самый духъ обязательнаго для нихъ порядка и неуклонно его соблюдаютъ, безусловно повинуясь единому импульсу свыше и дѣйствуя въ полномъ между собою согласіи, всѣ какъ одинъ и одинъ какъ всѣ. Въ такомъ именно значеніи дисциплина занимаетъ чрезвычайно важное мѣсто въ построеніи прокурорскаго надзора. Безъ нея немыслима его

---

[1]) Отъ латинскаго *discere plena.*

[2]) Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., изд. государ. канц., ч. III, стр. 183 (мотивы къ ст. 261 учр. суд. уст.).

дѣятельность уже потому, что послѣдняя всецѣло зависитъ отъ правительства, совершается подъ непосредственнымъ его руководствомъ и вся состоитъ изъ борьбы съ безправіемъ, требующей отъ дѣятелей сплоченности, энергіи и силы, другими словами—дисциплинированности. Въ прокуратурѣ, по особеннымъ свойствамъ и задачамъ этого учрежденія, дисциплину можно уподобить нервной системѣ въ живомъ организмѣ: крѣпкая и здоровая, она сообщаетъ ему необходимую чувствительность и воспріимчивость, поддерживаетъ правильное сотрудничество всѣхъ его органовъ и частей; ослабленная, пошатнувшаяся, она ведетъ къ разстройству всѣхъ функцій, которыя уже не достигаютъ своихъ цѣлей и становятся обремененіемъ для окружающей среды. Лишь дисциплина можетъ сдѣлать учрежденіе прокурорскаго надзора гибкимъ и вмѣстѣ сильнымъ органомъ правительственной власти. Безъ этой дисциплины, которая, при большей мягкости ея внѣшнихъ проявленій, имѣетъ много общаго съ военною, прокуратура не въ состояніи быть въ рукахъ правительства тѣмъ грознымъ орудіемъ борьбы съ беззаконіемъ, какимъ хотѣлъ видѣть ее законодатель. При этомъ, такъ какъ прокурорская дисциплина примѣняется въ средѣ людей воспитанныхъ и интеллигентныхъ, съ развитымъ чувствомъ чести и собственнаго достоинства, ей долженъ быть приданъ характеръ въ одно и то же время мягкій, но чуждый слабости, твердый, но свободный отъ педантизма и придирчивости. Со стороны начальника товарищеская форма отношеній къ подчиненнымъ вполнѣ совмѣстна съ дисциплиной и особенно хороша тѣмъ, что смягчаетъ ея нѣкоторую жесткость и принудительность, не ослабляя обязательности. Въ свою очередь и подчиненные не должны тяготиться своею дисциплинированностью или видѣть въ ней посягательство на нравственную свободу личности; наоборотъ, имъ слѣдуетъ самимъ, понимая истинное значеніе и необходимость дисциплины, тщательно поддерживать между собою ея важный принципъ и въ охраненіи его полагать одинъ изъ залоговъ своей успѣшной дѣятельности.

Какъ уже сказано, въ основѣ дисциплины прокурорскаго надзора лежитъ подчиненность его чиновъ, составляющихъ

іерархію, въ которой низшій прокуроръ подчиненъ высшему, а всѣ вмѣстѣ—министру юстиціи, какъ генералъ-прокурору (ст. 124 и 129 учр. суд. уст.). Хотя въ узаконеніяхъ о подчиненности для обозначенія ея употреблены различныя выраженія („подъ высшимъ наблюденіемъ.. " „подъ руководствомъ..." „подчинены..." „состоятъ въ непосредственной зависимости..."), но, въ виду единства прокурорской службы и по характеру и по содержанію всѣхъ опредѣляющихъ ее постановленій, не подлежитъ сомнѣнію, что различіе въ терминологіи объясняется исключительно редакціонными соображеніями законодателя, избѣгавшаго повтореній. Это различіе не вводитъ никакихъ оттѣнковъ въ сущность подчиненія различныхъ прокурорскихъ чиновъ; не завися отъ ихъ ранговъ, она одинакова для всѣхъ безъ изъятія лицъ прокурорскаго надзора, дисциплина котораго была бы подорвана, если допустить разнообразіе и дробность въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ ея. Точно такъ же не измѣняетъ и не умаляетъ подчиненности наименованіе чиновъ прокуратуры, „состоящихъ", по выраженію закона (ст. 129 учр. суд. уст.), при прокурорахъ ихъ „товарищами". а не „помощниками"; первое изъ этихъ названій, издавна принятое въ нашей служебной номенклатурѣ [1]), отличается отъ второго тѣмъ, что понятіемъ „товарищества" яснѣе выражаетъ дѣловую солидарность и, какъ увидимъ ниже, даже равноправность старшихъ и младшихъ лицъ прокурорскаго надзора.

Начало служебнаго подчиненія низшихъ высшимъ, проходя черезъ все учрежденіе прокуратуры, дѣлаетъ изъ него какъ бы іерархическую лѣстницу, нисходящую отъ генералъ-прокурора на вершинѣ и до товарища-прокурора окружного суда на первой ступени. Подчиненіе это осуществляется въ троякомъ, такъ сказать, концентрическомъ направленіи: 1) каждый товарищъ прокурора подчиненъ своему прокурору, 2) каждый прокуроръ окружного суда подчиненъ прокурору судебной палаты своего

[1]) Еще до судебной реформы 1861 года въ вѣдомствѣ министерства юстиціи существовали должности съ подобнымъ наименованіемъ: таковы были товарищи предсѣдателей палатъ уголовнаго и гражданскаго суда и по прокурорскому надзору—товарищъ С.-Петербургскаго губернскаго прокурора.

округа и 3) всѣ лица прокурорскаго надзора Имперіи подчинены министру юстиціи, какъ генералъ-прокурору, т.-е. главному и общему своему начальнику. Сверхъ того, изъ внутренняго смысла ст. 124 и 129 учр. суд. уст., формулирующихъ прокурорскую подчиненность, можно сдѣлать выводы по нѣкоторымъ вопросамъ, которые не разрѣшаются однимъ буквальнымъ смысломъ этихъ статей. Такъ: а) не упомянутое въ нихъ вовсе подчиненіе товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ прокурорамъ палатъ само собою предполагается; оно вытекаетъ изъ подчиненія прокурора суда прокурору палаты, такъ какъ очевидно, что тотъ, кто главенствуетъ надъ начальникомъ, простираетъ это главенство и на его подчиненныхъ. б) Прокуроры судовъ и ихъ товарищи не находятся въ отношеніяхъ прямой іерархической подчиненности къ товарищамъ прокурора палаты. Дисциплина и единство прокурорскаго надзора требуютъ и единства начальственной въ немъ власти, которая и сосредоточивается въ единоличномъ вѣдѣніи прокурора суда надъ его товарищами и прокурора палаты надъ всѣми прокурорскими чинами въ округѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что дробленіе власти между многими и происходящее отсюда излишнее обиліе начальствъ въ такомъ по преимуществу іерархическомъ и боевомъ учрежденіи, какъ прокуратура, неизбѣжно привели бы къ полной спутанности служебныхъ отношеній и фактическому разложенію дисциплины. Поэтому и товарищи прокурора палаты не пользуются никакою начальственною властью. Сохраняя авторитетность своего служебнаго старшинства надъ окружною прокуратурой, они по существу своихъ обязанностей призваны производить критическую повѣрку ея работъ и дѣйствій, какъ по обвинительной камерѣ судебной палаты, такъ и въ апелляціонномъ производствѣ. Но внѣ этой функціи руководящая сторона дѣятельности товарищей прокурора палаты можетъ проявляться только черезъ этого послѣдняго или, во всякомъ случаѣ, съ его вѣдома и согласія. Они въ правѣ давать подчиненнымъ ему лицамъ указанія и предписанія только тогда, когда замѣняютъ его или, говоря технически, дѣйствуютъ „за прокурора палаты“, по его на то уполномочію. На практикѣ, въ обычныхъ письменныхъ

сношеніяхъ прокуратуры палаты съ прокуратурой суда, это бываетъ очень часто, но, тѣмъ не менѣе, вышеприведенный оттѣнокъ заслуживаетъ вниманія; при строгомъ соблюденіи его даже въ самомъ тонѣ служебныхъ отношеній, они не будутъ выходить изъ нормы и не допустятъ однихъ безъ основанія и надобности присвоивать себѣ начальствованіе, а другихъ—сбиваться и разбрасываться въ повиновеніи. То же самое относится къ такъ называемымъ „камернымъ" товарищамъ прокурора окружного суда, замѣняющимъ прокурора по камерѣ, т.-е. по его административно-руководительскимъ обязанностямъ; въ этомъ качествѣ „камерные" легко становятся въ полу-начальственное положеніе надъ остальными товарищами и должны остерегаться въ сношеніяхъ съ ними всего, что̀ имѣло бы видъ узурпаціи власти или непризваннаго главенства. в) Чины мѣстной прокуратуры, состоящіе при судебныхъ палатахъ и окружныхъ судахъ, не подчинены оберъ-прокуратурѣ кассаціонныхъ департаментовъ сената. Обѣ отрасли прокурорскаго надзора существуютъ и дѣйствуютъ отдѣльно, объединяемые лишь общимъ подчиненіемъ министру. Поэтому оберъ-прокуратура можетъ оказывать руководящее воздѣйствіе на мѣстную прокуратуру только косвенно, посредствомъ донесенія министру или чрезъ сенатъ, отъ котораго зависитъ сообщить о всякой усмотрѣнной имъ неправильности въ прокурорской дѣятельности также на распоряженіе министра (ст. 252 учр. суд. уст.).

Ближайшія отдѣльныя проявленія подчиненности, а съ нею и дисциплины въ прокурорской службѣ, очень многообразны; главнѣйшія же изъ нихъ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ предметамъ:

1) Какъ уже было упомянуто выше, непосредственному усмотрѣнію начальства предоставлены пополненіе личнаго состава прокурорскаго надзора и вся служебная карьера его чиновъ, т.-е. ихъ назначеніе, перемѣщеніе, увольненіе, повышеніе, аттестація, представленіе къ наградамъ и проч. Всѣ эти вопросы, по самому ихъ свойству, могутъ быть нормированы въ законѣ лишь общими чертами, въ видѣ немногихъ предѣльныхъ правилъ формальнаго значенія; внутреннее же содержаніе

умственной и нравственной оцѣнки однимъ дѣятелемъ другого есть дѣло прежде всего личнаго взгляда на потребности и интересы службы, результатъ такого субъективнаго пониманія людей съ ихъ качествами и недостатками, которое никакому предустановленному опредѣленію не поддается. Но чѣмъ шире здѣсь личная компетенція начальствующихъ лицъ прокурорскаго надзора, тѣмъ строже слѣдуетъ имъ относиться къ этимъ правамъ своимъ, тѣмъ осторожнѣе и безпристрастнѣе должно быть ихъ примѣненіе. При нарушеніи служебной справедливости подчиненные вмѣстѣ съ надеждой путемъ однѣхъ заслугъ улучшить свое положеніе теряютъ всякую бодрость и энергію. Когда служебное движеніе становится въ исключительную или даже въ преимущественную зависимость отъ случайныхъ причинъ и соображеній, уровень личнаго состава быстро понижается, и прямо по винѣ тѣхъ, кто не можетъ или не хочетъ правильно и добросовѣстно пользоваться своею начальственною властью. Неудовлетворительный выборъ людей, произволъ, фаворитизмъ, безучастность или равнодушіе, приводящее къ застою, — такова возможная оборотная сторона подчиненности, если въ вопросахъ служебнаго движенія она поставлена нераціонально или употребляется во зло. Впрочемъ, избѣгнуть этого не трудно: при условіи элементарной служебной порядочности достаточно сознавать, что начальникъ такъ или иначе всегда несетъ за подчиненнаго живую нравственную и общественную отвѣтственность.

2) Начальство свободно распоряжается личнымъ составомъ прокурорскаго надзора; сюда относится распредѣленіе занятій, назначеніе въ командировки, разрѣшеніе отпусковъ и другія мѣры, которыя, по ихъ зависимости отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, законъ предусмотрѣть не въ состояніи. Принятіе подобныхъ мѣръ лишь ограничено въ законѣ извѣстными предѣлами, внутри которыхъ начальство дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, соображаясь, по крайнему своему разумѣнію, съ надобностями службы.

3) На томъ же принципѣ начальственнаго распоряженія построенъ и порядокъ привлеченія лицъ прокурорскаго надзора

къ отвѣтственности за неправильныя дѣйствія по службѣ. По этому предмету (требующему, въ виду его важности, особаго и болѣе подробнаго изложенія) усмотрѣніе начальства имѣетъ рѣшающее значеніе, замѣняя собою во многихъ случаяхъ коллегіальное или судебное обсужденіе. Для чиновъ прокуратуры дисциплинарный судъ и инициатива въ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія исходятъ отъ генералъ-прокурора (ст. 266 и 270 учр. суд. уст., ст. 1081 уст. угол. суд.), въ рукахъ котораго сосредоточивается все охраненіе дисциплины прокурорскаго надзора, осуществляемое ближайшимъ образомъ при посредствѣ начальствующихъ въ немъ лицъ, т.-е. оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ палатъ и судовъ.

4) Началомъ подчиненности обусловливается форма служебныхъ сношеній между высшими и низшими чинами прокурорскаго надзора. Прокуроры даютъ своимъ товарищамъ, а прокуроры палатъ и всѣмъ прокурорскимъ чинамъ своего округа предписанія и получаютъ отъ нихъ представленія (ст. 197 учр. суд. уст.), т.-е. высшіе приказываютъ, а низшіе доносятъ. Министръ юстиціи даетъ лицамъ прокурорскаго надзора ордера, а отъ нихъ получаетъ рапорты. Въ порядкѣ сношеній соблюдается, кромѣ того, и іерархическая послѣдовательность; низшіе чины не могутъ сноситься прямо съ высшимъ начальствомъ, минуя непосредственное и ближайшее. Исключенія допускаются только въ случахъ особой спѣшности или чрезвычайныхъ, а также и при особомъ о томъ распоряженіи высшаго начальства. Въ общемъ же порядкѣ товарищъ прокурора окружного суда всегда обращается къ прокурору суда, а не къ прокурору палаты, и прокуроры судовъ входятъ въ сношенія съ министерствомъ юстиціи не иначе, какъ черезъ прокуроровъ палатъ [1]). Отступленіе отъ этой постепенности безъ достаточнаго къ тому повода есть уже нарушеніе дисциплины. Не можетъ быть признано правильнымъ и полезнымъ и непосредственное сношеніе органовъ центральнаго управленія судебною частью, департамента и канцеляріи министерства юстиціи, съ прокурорами

[1]) Циркуляръ министерства юстиціи 1866 г ноября 14 (сбор. № 36).

окружныхъ судовъ, помимо прокуроровъ судебныхъ палатъ; не соотвѣтствуя іерархическому устройству прокуратуры, этотъ порядокъ подрываетъ въ ней дисциплину, вредитъ единству руководящей дѣятельности высшаго надзора и препятствуетъ ему нести дѣйствительную отвѣтственность за все, что происходитъ въ подчиненной ему сферѣ. Съ началомъ подчиненности сообразуется въ извѣстной степени и внѣшняя форма личныхъ сношеній низшихъ чиновъ прокуратуры съ высшими, при чемъ подробности того, что можно назвать служебнымъ этикетомъ, регулируются не только установившимся общимъ обычаемъ, но и мѣстными условіями, съ которыми нельзя не считаться во всякой практической дѣятельности. Неизмѣннымъ остается лишь то общее условіе ея наружныхъ проявленій, въ силу котораго въ средѣ людей серьезныхъ и развитыхъ для обѣихъ сторонъ, начальственной и подчиненной, равно обязательны правила вѣжливости, спокойствія и взаимнаго уваженія личнаго достоинства. Высшіе чины прокурорскаго надзора могутъ вызывать къ себѣ, въ мѣсто своего пребыванія, подвѣдомственныхъ имъ должностныхъ лицъ для личныхъ объясненій по дѣламъ службы, конечно, при дѣйствительной въ томъ надобности. О каждомъ подобномъ вызовѣ чиновъ окружной прокуратуры къ прокурорамъ палатъ послѣдніе обязаны сообщать, для свѣдѣнія, въ департаментъ министерства юстиціи, съ указаніемъ и основаній вызова [1]). Само собою разумѣется, что то же право принадлежитъ министру юстиціи въ отношеніи всѣхъ безъ изъятія прокурорскихъ чиновъ. Вызовы такого рода, въ особенности лицъ, состоящихъ во главѣ мѣстныхъ учрежденій прокуратуры (т.-е. прокуроровъ палатъ къ министру и прокуроровъ судовъ къ прокурору палаты), будучи примѣняемы періодически или въ случаяхъ экстренной необходимости, имѣютъ немаловажное практическое значеніе. Они поддерживаютъ живую связь между руководителями и руководимыми и облегчаютъ имъ обмѣнъ мыслей по предметамъ, которые не всегда укладываются на бумагу. Начальствующія лица получаютъ возможность быть,

[1]) Циркуляръ министерства юстиціи 1880 года января 9, № 828 (сборн. № 566).

такъ сказать, всегда въ курсѣ общаго направленія и отдѣльныхъ характеристическихъ инцидетовъ прокурорской практики, а подчиненнымъ становятся яснѣе и понятнѣе взгляды и точки зрѣнія, съ которыми имъ предстоитъ сообразоваться въ своей дѣятельности.

5) Значительная часть этой послѣдней совершается посредствомъ обязательныхъ донесеній низшихъ чиновъ прокурорскаго надзора высшимъ по всевозможнымъ вопросамъ и казусамъ службы. Одни изъ этихъ донесеній, играющихъ вообще весьма важную роль въ области прокурорскихъ сношеній, пріурочены къ извѣстнымъ срокамъ или постояннымъ, періодическимъ поводамъ и касаются заранѣе опредѣленнаго круга свѣдѣній и данныхъ; таковы, напримѣръ, различные отчеты и вѣдомости, періодически представляемые прокуратурой по начальству. Другія донесенія имѣютъ характеръ единовременный и вызываются болѣе или менѣе экстраординарными происшествіями или обстоятельствами; таковы, напримѣръ, немедленныя донесенія начальству о каждомъ чрезвычайномъ случаѣ, почему либо выходящемъ изъ ряду и обращающемъ на себя правительственное или общественное вниманіе, при чемъ за первыми представленіями этой категоріи слѣдуютъ и дальнѣйшія извѣщенія начальства о перипетіяхъ и ходѣ дѣла. Правильное, быстрое и отчетливое дѣйствіе этой системы донесеній ведетъ къ своевременному сосредоточенію заключающагося въ нихъ матеріала у прокуроровъ, а затѣмъ и у генералъ-прокурора. Достиженіе указанной цѣли существенно важно для фактическаго руководительства прокурорской дѣятельностью и для направленія ея, въ предѣлахъ закона, согласно съ видами правительства, которое, сверхъ того, можетъ извлекать изъ обширнаго круга вѣдѣнія прокуратуры рядъ данныхъ, нужныхъ или полезныхъ для различныхъ мѣропріятій или законодательныхъ начинаній.

6) Однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій прокурорской подчиненности является, съ одной стороны, право высшихъ чиновъ прокуратуры давать низшимъ предписанія, а съ другой — соотвѣтствующая этому праву обязанность подчиненныхъ повиноваться приказаніямъ начальства. Такія предписанія бываютъ

двухъ родовъ: 1) общія и руководящія, обыкновенно циркулярныя, распоряженія или инструкціи, касающіяся цѣлыхъ вопросовъ или разъясняющія вообще образъ дѣйствій, безотносительно къ данному конкретному случаю, и 2) частныя, по отдѣльнымъ дѣламъ, простирающіяся только на тотъ или другой опредѣленный случай, дѣйствіе или предметъ. Всякое прокурорское начальство имѣетъ формальное право на обѣ категоріи предписаній, но для сохраненія единства въ руководствѣ прокурорскимъ надзоромъ на практикѣ принято, чтобы общія указанія, циркуляры и инструкціи исходили отъ возможно меньшаго числа начальствующихъ лицъ и притомъ отъ такихъ, въ подчиненіи которымъ состоитъ значительный территоріальный раіонъ съ большимъ количествомъ прокурорскихъ чиновъ разныхъ степеней. Поэтому, между тѣмъ какъ частныя предписанія даютъ всѣ высшія лица прокурорскаго надзора, циркуляры и инструкціи издаются: министромъ юстиціи—для всей прокуратуры въ Имперіи (ст. 124, 129, 254 и 259 учр. суд. уст.) и прокурорами палатъ — для ихъ округовъ. Оберъ-прокурорамъ, по фактической дѣловой ихъ близости къ своимъ товарищамъ и совершенной однородности общихъ имъ занятій, не приходится преподавать какихъ-либо инструкцій. Что же касается до прокуроровъ окружныхъ судовъ, то, въ виду множества министерскихъ циркуляровъ и при дѣйствіи въ округѣ инструкціи прокурора палаты, общія распоряженія окружныхъ прокуроровъ могутъ касаться лишь порядка примѣненія обоихъ названныхъ руководящихъ источниковъ, а также подробностей дѣлопроизводства и вообще вопросовъ мѣстнаго или канцелярскаго значенія, и притомъ въ размѣрахъ, которые отведены прокуроромъ палаты усмотрѣнію въ этомъ отношеніи начальника мѣстнаго прокурорскаго надзора.

7) Изъ начала подчиненности вытекаетъ, наконецъ, и право прокурорскаго начальства отмѣнять, по своему усмотрѣнію, распоряженія низшихъ чиновъ прокуратуры. Это право, весьма существенное для контроля и направленія высшими дѣятельности подчиненныхъ, безусловно въ сферѣ исключительно прокурорскаго воздѣйствія, т.-е. административныхъ распоряженій

по прокуратурѣ или уголовно-полицейскихъ мѣропріятій, но ограничено въ области слѣдственной и судебной. Здѣсь примѣненіе его обставлено извѣстнымъ процессуальнымъ условіемъ или моментомъ: нужно, чтобы отмѣняемое распоряженіе не вышло еще изъ предѣловъ непосредственнаго прокурорскаго вѣдѣнія и по своему юридическому значенію могло быть взято назадъ. Все, что по закону принадлежитъ разрѣшенію слѣдственной или судебной власти и ею одобрено, хотя и вызвано прокурорскимъ предложеніемъ, уже не подлежитъ начальственной отмѣнѣ; ей, наоборотъ, вполнѣ доступно все, что по закону же поставлено въ зависимость исключительно отъ усмотрѣнія и распоряженія прокурорскаго надзора. Такъ, прокуроръ не въ правѣ отмѣнить предложеніе своего подчиненнаго, напр., о возбужденіи предварительнаго слѣдствія, если таковое уже начато, или о производствѣ какихъ-либо слѣдственныхъ дѣйствій, если слѣдователь согласился съ этимъ предложеніемъ и постановилъ его исполнить. Но высшій прокуроръ можетъ всегда отмѣнить предложеніе низшаго, напр., объ освобожденіи обвиняемаго изъ-подъ стражи, такъ какъ принятіе этой мѣры при слѣдствіи составляетъ безусловное право прокурорскаго надзора, обязательное къ исполненію, о дослѣдованіи по такому слѣдствію, которое слѣдователь призналъ достаточно полнымъ, о вызовѣ на судъ новыхъ свидѣтелей, что также, по ст. 573 уст. уг. суд., есть исключительная прерогатива прокуратуры, и проч.—Нельзя, однакоже, при этомъ не замѣтить, что, въ силу единства прокурорскаго надзора и въ виду тѣхъ, хотя бы даже отдаленныхъ и косвенныхъ послѣдствій, которыя можетъ имѣть всякое однажды сдѣланное распоряженіе прокуратуры, желательно какъ можно рѣже прибѣгать къ подобнымъ проявленіямъ прокурорской подчиненности. Они все-таки отчасти колеблютъ солидарность прокурорскихъ чиновъ между собой и подрываютъ авторитетность ихъ распоряженій. Во избѣжаніе этого, начальствующимъ лицамъ прокурорскаго надзора слѣдуетъ остерегаться въ отношеніи дѣйствій подчиненныхъ всякой излишней притязательности, но, не стѣсняя ихъ самодѣятельности, держать ихъ, какъ говорится, „на отчетѣ“; подчиненные же, въ свою очередь, должны

какъ можно больше согласовать свои дѣйствія съ извѣстнымъ имъ общимъ направленіемъ и взглядами начальства во всѣхъ тѣхъ положеніяхъ, которыя не разрѣшаются прямымъ смысломъ или точными указаніями закона.

Подчиненность низшихъ чиновъ прокурорскаго надзора высшимъ, установленная ст. 124 и 129 учр. суд. уст., имѣетъ своимъ логическимъ послѣдствіемъ обязательность для первыхъ всѣхъ предписаній и распоряженій, получаемыхъ ими отъ вторыхъ. Формулируя это общее и основное правило прокурорской службы, министерство юстиціи въ одномъ изъ первыхъ циркуляровъ своихъ вскорѣ послѣ судебной реформы категорически разъяснило, что прокуроры окружныхъ судовъ „обязаны безпрекословно исполнять всѣ предписанія и распоряженія прокуроровъ судебныхъ палатъ“ [1]). Поэтому „всякое неисполненіе начальственныхъ предписаній есть нарушеніе долга подчиненности и, слѣдовательно, дисциплины, подвергающее виновнаго, смотря по важности случая, той или другой отвѣтственности. При этомъ, очевидно, указанія и порученія со стороны высшихъ чиновъ должны быть ясны и категоричны, повиновеніе же и исполнительность чиновъ низшихъ—немедленныя, безпрекословныя, точныя и полныя. Само собою разумѣется, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ представленіе по начальству о встрѣченныхъ при исполненіи затрудненіяхъ не можетъ не быть допущено, но безотлагательныя исполнительныя распоряженія должны быть все-таки сдѣланы, и всякое въ нихъ промедленіе остается на отвѣтственности исполнителя. Разумное, но безусловное повиновеніе безусловнымъ, но разумнымъ приказаніямъ—такова формула прокурорской подчиненности въ ея дѣловомъ осуществленіи. Изъ этого общаго правила объ обязательности начальственныхъ приказаній допускается исключеніе въ пользу того, что можно назвать законной независимостью прокурорскаго надзора. Ученіе объ этой независимости принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ прокурорской организаціи. Мы разсмотримъ его преимущественно съ догматической стороны, оставаясь на почвѣ

[1]) Циркуляръ министерства юстиціи 14 ноября 1866 г. (сборн. № 36).

дѣйствующаго законодательства и не упуская изъ виду потребностей и указаній текущей практики.

6.

Независимость.

Соединенные между собою іерархическимъ подчиненіемъ, чины прокурорскаго надзора въ то же время не лишены и личной дѣловой самостоятельности, которая проявляется, главнымъ образомъ, въ двухъ видахъ: а) въ извѣстной степени процессуальной независимости низшихъ прокурорскихъ чиновъ отъ высшихъ и б) въ полной независимости лицъ прокурорскаго надзора отъ суда.

По поводу перваго изъ этихъ проявленій въ мотивахъ къ Судебнымъ Уставамъ изложено (изъ начала единства и подчиненности): „не слѣдуетъ заключать, чтобы низшіе органы (прокурорскаго надзора) обязаны были слѣпымъ повиновеніемъ волѣ своего начальства, — повиновеніемъ не только въ отношеніи къ принятію тѣхъ или другихъ мѣръ по возбужденію уголовныхъ исковъ или же ихъ преслѣдованію, но даже и въ отношеніи предъявленія заключеній своихъ къ обвиненію или оправданію подсудимыхъ, т.-е. въ отношеніи къ такимъ ихъ обязанностямъ, исполненіе которыхъ должно быть предоставлено вполнѣ ихъ личному убѣжденію. Только съ сохраненіемъ за представителями прокурорскаго надзора свободы дѣйствія по совѣсти и убѣжденію можно ожидать, что учрежденіе это будетъ сильнымъ и удовлетворитъ своему двоякому призванію — быть и обвинителемъ и блюстителемъ закона“ [1]) и далѣе: „первоначально предполагалось установить правило о неподчиненіи лицъ прокурорскаго надзора въ заявленіи или мнѣніи по дѣламъ ничьимъ предписаніямъ [2]); правило это признавалось полезнымъ для огражденія самостоятельности лицъ прокурорскаго надзора.

---

[1]) Судебные Уставы, изд. госуд. канцел., т. II, стр. 203. Мотивы къ ст. 534 уст. угол. суд.

[2]) Въ этомъ смыслѣ и была первоначально редактирована ст. 82 проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ. См. т. I, стр. 394 и 395.

Но дабы правило, выраженное въ такомъ видѣ, не могло подать повода къ недоумѣнію, обязательны ли для лицъ прокурорскаго надзора, при заявленіи ими мнѣній по дѣламъ, предписанія подлежащихъ властей, содержащія въ себѣ толкованіе или поясненіе законовъ, признано необходимымъ яснѣе выразить, что *при заявленіи судебнымъ мѣстамъ своихъ заключеній по дѣламъ, лица прокурорскаго надзора дѣйствуютъ на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ*“ [1]). Правило, редактированное въ такой формѣ, съ прибавленіемъ еще болѣе его подчеркивающаго слова „*единственно* на основаніи“ и проч., вошло въ текстъ ст. 130 учр. суд. уст., заключающей въ себѣ и основное положеніе о прокурорской независимости. Его логическимъ развитіемъ въ законѣ служатъ два частныхъ правила: по одному изъ нихъ прокуроръ судебной палаты не въ правѣ требовать, чтобы прокуроръ окружного суда поддерживалъ на судѣ обвиненіе вопреки своему убѣжденію, уже высказанному имъ по дѣлу (ст. 539 уст. угол. суд.), а по другому прокуроръ не только можетъ, но и обязанъ отказаться отъ обвиненія, которое онъ по совѣсти находитъ опровергнутымъ на судѣ (ст. 740 уст. угол. суд.).

Изъ сопоставленія этихъ узаконеній видно, что существенный моментъ прокурорской независимости есть предъявленіе прокуроромъ суду заключенія по дѣлу или вопросу его производства, иначе говоря,—дѣйствіе прокурора въ качествѣ судебнаго органа, входящаго въ составъ суда (словесное заключеніе) или обращающагося къ суду съ выраженіемъ своего мнѣнія (письменное заключеніе). Въ этой области своей дѣятельности прокуроръ не зависитъ отъ начальства и его предписаній, дѣйствуетъ ли онъ какъ государственный обвинитель въ дѣлахъ уголовныхъ, или же какъ блюститель закона и юрисконсультъ въ вопросахъ его примѣненія, въ дѣлахъ гражданскихъ и по судебному надзору. Выступая передъ судомъ, прокуроръ пользуется полною свободой мысли и слова, руководясь

---

[1]) Судебные Уставы, изд. госуд. канцел., т. III, стр. 9. Мотивы къ ст. 130 учр. суд. уст.

исключительно внутреннимъ убѣжденіемъ относительно фактовъ и точнымъ разумомъ законовъ относительно ихъ толкованія и примѣненія. Въ своемъ заключеніи онъ какъ бы тотъ же судья, но только говорящій, свободно высказывающійся по совѣсти и по закону въ широкихъ предѣлахъ личнаго пониманія дѣла и прокурорской по поводу его обязанности. Наоборотъ, все, что лежитъ внѣ судебнаго заключенія прокурора и, слѣдовательно, касается распорядительной области его дѣятельности, обусловлено іерархическою дисциплиной и подвластно приказаніямъ начальства, которое не только даетъ общее направленіе дѣйствіямъ подчиненныхъ, но и можетъ предписывать имъ тѣ или другія опредѣленныя дѣйствія въ отдѣльныхъ случаяхъ. Въ этой области, обнимающей собою значительную часть всѣхъ прокурорскихъ функцій, прокуроръ свободенъ лишь до тѣхъ поръ, пока не получилъ начальственнаго предписанія, а затѣмъ онъ—исполнитель этого послѣдняго, свободный лишь въ оставленныхъ ему предѣлахъ, въ пріемахъ, способахъ и подробностяхъ исполненія, если они не указаны начальствомъ. Общее теоретическое основаніе двойственнаго характера прокурорской дѣятельности рельефно выставляется профессоромъ Фойницкимъ: въ ней есть,— говоритъ онъ,—кромѣ стороны исполнительной еще сторона творческая, артистическая: „она не отдѣлима отъ личности, со всѣми ея симпатіями и антипатіями, со всѣми убѣжденіями и даже предубѣжденіями; успѣхъ ея, крайне важный для всего государства, можетъ быть обезпеченъ только при условіи признанія въ лицѣ прокурора человѣка, не поглощаемаго въ чиновникѣ. Иначе дѣятельность прокуратуры, къ этой сторонѣ относящаяся, была бы вялою, безцвѣтною, не достигающею своего назначенія. Равенство процессуальной борьбы было бы нарушено, если бы противъ пригнетенной и обезличенной прокуратуры выступала адвокатура во всемъ обаяніи свободныхъ силъ человѣческой личности. Такова именно состязательная дѣятельность прокуратуры передъ судомъ. Здѣсь кончается іерархическая подчиненность и начинается свободная творческая дѣятельность, для которой обязательна только одна

воля—воля закона" [1]). Въ приведенной характеристикѣ, вообще вѣрной и мѣткой, не совсѣмъ точно ограниченіе творческой стороны дѣятельности прокурора одною состязательною сферой, такъ какъ къ той же сторонѣ относятся всѣ судебныя его заключенія, въ томъ числѣ и даваемыя безъ всякаго состязанія, въ качествѣ блюстителя закона. Далѣе, едва ли можно допускать, какъ это дѣлаетъ профессоръ Фойницкій, вліяніе въ творческой и состязательной дѣятельности прокурора личныхъ его симпатій, антипатій и даже предубѣжденій; часто безотчетныя и потому нераціональныя, эти побужденія не особенно высокаго разбора близко граничатъ съ произволомъ подъ видомъ убѣжденія, а такъ далеко не можетъ простираться свобода правительственнаго дѣятеля, связаннаго своимъ долгомъ въ отношеніи закона и государственныхъ интересовъ. Прокуроръ долженъ быть свободенъ въ своемъ судебномъ заключеніи по слѣдующимъ главнымъ причинамъ: 1) онъ дѣйствительно вноситъ въ заключеніе чисто личный элементъ, не поддающійся приказу и принужденію, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ разумный и возвышенно-серьезный; сложный элементъ этотъ—голосъ совѣсти, сила истиннаго убѣжденія, итоги логическаго мышленія, оцѣнка фактовъ, всегда отчасти субъективная, наконецъ личное пониманіе духа и смысла закона не въ отвлеченной только его концепціи, но и съ точки зрѣнія его бытового, жизненнаго мѣста и общественнаго значенія; 2) какъ органъ суда, какъ членъ судебнаго присутствія, дѣйствующій въ его составѣ отъ имени закона и отъ лица правительства, прокуроръ не можетъ быть авторитетенъ, если онъ дѣйствуетъ не отъ себя, не по своей волѣ и убѣжденію, а по извнѣ или свыше приходящимъ приказаніямъ; 3) дѣйствіе этихъ послѣднихъ является въ большинствѣ случаевъ даже и практически невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ устной дѣятельности прокурора передъ судомъ, такъ какъ словесныя заключенія даются на основаніи данныхъ судоговоренія или судебнаго слѣдствія, предугадать которыя немыслимо, а потому

[1]) *Фойницкій.* Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I, стр 610

неизвѣстны напередъ, и не могутъ быть предметомъ предписаній будущіе выводы изъ неопредѣлившагося еще матеріала.

Разсмотримъ ближе содержаніе и объемъ той сферы дѣйствія прокурорскаго надзора, которая управляется началомъ независимости или, точнѣе, въ которой чины его зависимы единственно отъ закона и внутренняго убѣжденія своей совѣсти. Эта сфера ограничивается предъявленіемъ судебнаго заключенія въ его обширномъ смыслѣ [1]), обнимающемъ собою всѣ виды официальнаго выраженія прокурорскимъ надзоромъ своего мнѣнія по существу дѣла или процессуальнаго вопроса. Сюда относятся, кромѣ собственно заключеній, также обвинительные акты и рѣчи. Ст. 130 учр. суд. уст. не дѣлаетъ никакого различія между заключеніями словесными и письменными, которыя и по характеру своему имѣютъ одно и то же значеніе—заявленія суду процессуальнаго мнѣнія прокуратуры, облеченнаго въ одну и ту же общую форму правильнаго юридическаго силлогизма. Поэтому, и вопреки взгляду, котораго еще держатся нѣкоторые практики, мы полагаемъ, что начало прокурорской независимости распространяется и на главнѣйшія письменныя работы прокуратуры—на обвинительные акты о преданіи суду и заключенія о дальнѣйшемъ направленіи дѣлъ. Начальство не въ правѣ предписать подчиненному составить по дѣлу то или другое письменное заключеніе, а, при несогласіи своемъ съ заключеніемъ, уже составленнымъ, можетъ только взять дѣло въ свое вѣдѣніе и замѣнить работу подчиненнаго своею собственной [2]).

---

[1]) Сочиненіе автора „Прокурорскій надзоръ“. т. I, стр. 507.

[2]) Приведенными выше разъясненіями устраняется, между прочимъ, несогласіе съ взглядомъ автора, высказанное по разсматриваемому вопросу *В. К. Случевскимъ* въ его прекрасномъ „*Учебникѣ русскаго уголовнаго процесса*“ („Судоустройство“, 1891, стр. 219). Несогласіе это вызвано лишь недоразумѣніемъ и, вѣроятно, недостаточно подробнымъ и яснымъ изложеніемъ въ I томѣ сочиненія автора „Прокурорскій надзоръ“ того, что авторъ понимаетъ подъ выраженіями „внѣ и до суда“ и „передъ судомъ“, какъ внѣшними признаками для разграниченія прокурорской зависимости и самостоятельности. По мнѣнію автора, прокуроръ независимъ „передъ судомъ“ въ самомъ широкомъ смыслѣ, т-е. всегда и всюду, какъ только онъ, приходя въ соприкосновеніе съ судомъ, дѣйствуя передъ нимъ, предъявляетъ ему свое заключеніе въ какой бы то ни было формѣ и въ какой бы то ни было моментъ процесса, хотя бы и въ предварительной его стадіи, при слѣдствіи или преданіи суду. Поэтому авторъ считаетъ безусловно свободными и всѣ

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ вообще многообразныхъ формъ судебной независимости, прокуроръ пользуется всегда и безусловно — независимостью слова, иногда и условно — независимостью письма (въ письменныхъ заключеніяхъ) и вовсе не пользуется независимостью дѣйствія, поскольку оно не проявляется въ словесномъ или письменномъ судебномъ заключеніи.

Изъ двухъ факторовъ, которыми по ст. 130 обусловливается независимое прокурорское заключеніе, одинъ—внутреннее убѣжденіе—относится преимущественно къ фактической сторонѣ дѣла, регулируетъ оцѣнку существа его. По опредѣленію профессора Владимірова [1]), внутреннее убѣжденіе есть мѣрило судебной достовѣрности, нравственное начало или критерій, посредствомъ котораго судебный дѣятель обращается съ доказательствами и на основаніи ихъ приходитъ къ извѣстнымъ выводамъ. Это критерій чисто судейскій, и построеніе на немъ прокурорскаго заключенія приближаетъ послѣднее, по способу разработки и содержанію, къ типу судебнаго постановленія, для котораго заключеніе является какъ бы проектомъ. Совершенно очевидно, что господство такого начала исключаетъ подчиненность и начальственныя приказанія: убѣжденіе несовмѣстно съ принужденіемъ. Менѣе безусловны сила и значеніе другого фактора—„существующихъ законовъ“, какъ основанія прокурорскаго заключенія. Законы не только допускаютъ, но и требуютъ толкованія въ установленныхъ для того предѣлахъ и по особымъ о томъ правиламъ. Толкованія эти, исходящія отъ компетентныхъ мѣстъ и лицъ, обязательны, конечно, и для заключенія прокурора, который долженъ сообразоваться въ немъ со всѣми общими разъясненіями закона, преподаваемыми властями, на то уполномоченными—правительствующимъ сенатомъ и министерствами. Но отсюда же можно вывести, что іерархи

вообще письменныя заключенія прокурорскаго надзора, какъ объ этомъ вполнѣ опредѣлительно сказано и въ § 2 отд. II, п. I „Инструкціи чинамъ прокурорскаго надзора округа Московской судебной палаты“ (изданіе 1886 года). При такой постановкѣ вопроса никакого разногласія не оказывается и возраженія г. Случевскаго падаютъ сами собой.

[1]) *Владиміровъ*. Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Общая часть. Изд. 2-е 1888 г., стр. 19 и слѣд.

ческое прокурорское начальство ниже министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора, не въ правѣ предписывать подчиненному руководствоваться въ данномъ заключеніи такимъ, а не инымъ пониманіемъ закона; давать общія разъясненія закона этому начальству не предоставлено, а, по точному смыслу ст. 130 учр. суд. уст., всякое лицо прокурорскаго надзора высказывается въ своемъ заключеніи о примѣненіи закона по крайнему своему о томъ разумѣнію, согласованному лишь съ авторитетною интерпретаціей. Иначе независимость заключенія свелась бы къ нулю, такъ какъ пониманіе и толкованіе закона начальствомъ можетъ быть весьма разнообразное по самой численности начальственныхъ органовъ прокурорскаго надзора, и каждый изъ нихъ обязательностью своего разъясненія могъ бы парализовать свободное юридическое самоопредѣленіе подчиненнаго.

Изъ независимости прокурорскихъ заключеній, построенныхъ на такихъ высокихъ и разумныхъ основаніяхъ, какъ внутреннее убѣжденіе и законъ, слѣдуетъ, что заключенія эти должны быть обстоятельно мотивированы. То, что̀ заявляется въ силу подчиненности, не нуждается въ другой мотивировкѣ, кромѣ ссылки на полученное приказаніе, тогда какъ свое продуманное и обоснованное мнѣніе нужно подкрѣпить цѣлесообразными доводами и доказать логическимъ и юридическимъ ихъ развитіемъ.

По отношенію къ началу независимости отдѣльныя проявленія и отрасли прокурорской дѣятельности на точномъ основаніи приведенныхъ выше узаконеній распредѣляются на двѣ группы слѣдующимъ образомъ:

I. Лица прокурорскаго надзора безусловно *подчиняются* распоряженіямъ и указаніямъ своего начальства: 1) по возбужденію уголовнаго преслѣдованія (ст. 278, 297 п. 4, 303, 312 уст. угол. суд.); 2) по принятію какихъ бы то ни было касающихся его мѣръ, т.-е. по всѣмъ безъ изъятія дѣйствіямъ прокурорскаго надзора при производствѣ полицейскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія (ст. 279—286, 512 уст. угол. суд.); 3) по принятію мѣръ, относящихся до исполненія судебныхъ приговоровъ и опредѣленій, а также и до возобновленія уголовныхъ дѣлъ (ст. 934, 935, 948 и 949 уст. угол. суд.); 4) *по наблю-*

денію за охраненіемъ законовъ въ судебномъ вѣдомствѣ (ст. 253 учр. суд. уст.); 5) по исполненію порученій министерства юстиціи и доставленію ему нужныхъ свѣдѣній; 6) по всѣмъ предметамъ внутренняго распорядка и дѣлопроизводства прокурорскаго надзора, и 7) по дѣламъ административнаго свойства, требующимъ участія прокурорскаго надзора.

II. Но чины прокурорскаго надзора *не зависятъ отъ начальства* и дѣйствуютъ единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ: 1) при составленіи подлежащихъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ письменныхъ заключеній о направленіи дѣлъ, въ томъ числѣ и обвинительныхъ актовъ (ст. 518—524 уст. угол. суд.); 2) при предъявленіи въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ какихъ бы то ни было словесныхъ заключеній, въ томъ числѣ и при произнесеніи обвинительныхъ рѣчей, а также при заявленіи суду отказа отъ обвиненія (ст. 539, 736—740 уст. угол. суд.), и 3) по опротестованію приговоровъ и опредѣленій, состоявшихся несогласно съ заключеніемъ прокурорскаго надзора (ст. 853, 858, 893, 894, 909 уст. угол. суд.) [1]). Это послѣднее проявленіе прокурорской дѣятельности отнесено къ числу предметовъ, управляемыхъ началомъ независимости въ виду того, что протестъ, по своему процессуальному значенію, есть въ сущности то же заключеніе по дѣлу, предъявляемое высшему суду въ формѣ ходатайства объ отмѣнѣ приговора или опредѣленія, т.-е. о принятіи перваго заключенія, съ которымъ они несогласны. Если же это такъ, и протестъ является какъ бы продолженіемъ и подтвержденіемъ непринятаго заключенія при тѣхъ же притомъ условіяхъ судебнаго разсмотрѣнія того и другого, то и нѣтъ разумнаго и законнаго основанія выдѣлять протестъ изъ сферы прокурорской независимости и подчинять его начальственному усмотрѣнію [2]). Поэтому высшій прокуроръ не можетъ пред-

---

[1]) Въ такомъ именно смыслѣ и видѣ вопросъ о независимости и подчиненности лицъ прокурорскаго надзора разрѣшается въ § 3 Инструкціи чинамъ прокурорскаго надзора округа Московской судебной палаты, изданіе 1886 года.

[2]) Этотъ взглядъ, высказанный въ литературѣ еще Н. А. Буцковскимъ (Очерки судебныхъ порядковъ, ст. 445, 446 и слѣд.), далеко не всегда усвоивается прак-

писать низшему ни предъявить протестъ, ни оставить приговоръ или постановленіе суда безъ опротестованія. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ мнѣніе или желаніе высшаго лица прокурорскаго надзора могутъ имѣть для низшаго лишь значеніе болѣе или менѣе авторитетнаго совѣта и обязательны non ratione imperii, sed imperio rationis, т.-е. настолько, насколько они для подчиненнаго убѣдительны. Для избѣжанія же несогласнаго съ мыслью закона, даже косвеннаго, давленія на подчиненнаго и всякаго вообще внѣшняго стѣсненія его совѣсти въ области, которая ей самимъ закономъ всецѣло предоставлена, начальству слѣдуетъ, за исключеніемъ развѣ чрезвычайныхъ казусовъ или крайней необходимости, воздерживаться и отъ совѣтовъ. Если же оно, при разногласіи съ подчиненнымъ, не желаетъ допустить проведенія имъ въ дѣло личнаго его взгляда, то у начальника имѣется для этого вполнѣ легальный и удобный путь—воспользоваться своимъ нижеуказаннымъ правомъ замѣны подчиненнаго и взять отъ него дѣла въ свое вѣдѣніе. Для того, чтобы высшій прокуроръ могъ осуществить это право, необходимо установленіе въ дѣлопроизводствѣ такого порядка, при которомъ всѣ письменныя заключенія товарищей прокуроровъ, со включеніемъ протестовъ, направляются въ судебное мѣсто не иначе, какъ черезъ подлежащаго прокурора. Онъ не имѣетъ права предписать своему товарищу составить то или другое заключеніе или не приносить протеста, но съ поступленіемъ этихъ актовъ можетъ замѣнить ихъ своими, а протестъ и вовсе оставить безъ движенія, принявъ такимъ образомъ дальнѣйшее веденіе дѣла на свою отвѣтственность.

Между различными условіями положенія прокурорскаго надзора въ различные моменты его дѣятельности возможно и по

тикой, которая разсматриваетъ принесеніе протеста какъ проявленіе уголовнаго преслѣдованія и подчиняетъ его начальственному усмотрѣнію. Едва ли нужно доказывать несостоятельность такого толкованія; дѣло въ сущности и свойствѣ дѣйствія, а не въ моментѣ времени или процессуальномъ фазисѣ, къ которому дѣйствіе относится. Уголовное преслѣдованіе осуществляется между прочимъ и посредствомъ обвиненія на судѣ, однако прокурорское начальство не въ правѣ—и никто въ этомъ не сомнѣвается—предписать подчиненному обвинять такъ или иначе или отказаться отъ обвиненія.

одному и тому же дѣлу стеченіе, не доходящее однако до настоящей коллизіи, потому что двойственность примиряется и кажущееся противорѣчіе легко разрѣшается правильнымъ приложеніемъ принципа независимости. Такъ напр., высшій прокуроръ можетъ предписать низшему возбудить по данному дѣлу предварительное слѣдствіе, настоять на принятіи при производствѣ его строгихъ мѣръ стѣсненія личности (напр., обыска, ареста), но не въ правѣ воспрепятствовать направленію имъ этого дѣла съ заключеніемъ о прекращеніи, взамѣнъ котораго прокуроръ-начальникъ можетъ только составить обвинительный актъ отъ своего имени. Далѣе, высшій прокуроръ можетъ предписать низшему выступить по дѣлу въ качествѣ обвинителя, но не можетъ заставить его дѣйствительно поддерживать обвиненіе или строить и направлять его въ томъ, а не иномъ видѣ или смыслѣ. Въ указанныхъ случаяхъ соблюдается одинъ и тотъ же общій внутренній критерій: распоряженіе подчиненнаго прокурора зависимо, убѣжденіе же его, выражающееся въ заключеніи, свободно и никакому стѣсненію или принужденію со стороны начальства не подлежитъ. Формально независимыя, мысль и слова прокурора передъ судомъ являются предметомъ контроля со стороны начальства лишь настолько, насколько оно почерпаетъ изъ даннаго подчиненнымъ заключенія свѣдѣнія объ его способностяхъ, познаніяхъ и вообще личныхъ свойствахъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не совершилъ своимъ заключеніемъ преступленія по должности или дисциплинарнаго проступка (напр., произнесеніе оскорбительныхъ для кого-либо выраженій, обнаруженіе явнаго незнанія, имѣющаго характеръ нерадѣнія по службѣ, и проч.), эта начальственная оцѣнка не можетъ имѣть для подчиненнаго прокурора другихъ послѣдствій, кромѣ знанія матеріала, изъ котораго складывается сужденіе о дѣятельности и дѣятелѣ. Во всякомъ случаѣ, сущность и выводы заключенія пользуются безусловной свободой. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что гарантія эта на практикѣ не всегда дѣйствительна, такъ какъ начальство, недовольное заключеніемъ своего подчиненнаго, располагаетъ весьма чувствительными средствами, и, не подвергая его формальной отвѣтственности, дать

ему почувствовать свое неудовольствіе или даже, путемъ увольненія, и вовсе отъ него избавиться. Но, во-1-хъ, такова неизбѣжная принадлежность полуадминистративной организаціи прокурорскаго надзора, при чемъ, однакоже, всякій произволъ въ этомъ отношеніи есть уже злоупотребленіе властью, прямо подлежащее контролю высшей іерархіи, до министра юстиціи включительно. Во-2-хъ, и это главное, между законнымъ правомъ приказать поступить такъ или иначе и скрытою возможностью только впослѣдствіи, и то не безъ затрудненія, фактически проявить неодобреніе—огромная разница и для начальства, связаннаго законною независимостью подчиненныхъ, и для нихъ самихъ, если они обладаютъ стойкими взглядами и твердымъ характеромъ. Для такихъ людей служебныя невзгоды, даже самый рискъ потерять должность, всегда предпочтительнѣе легальной необходимости дѣйствовать противъ убѣжденія или отступить, не высказавъ въ законномъ порядкѣ своего добросовѣстнаго мнѣнія. Конечно, случаи подобныхъ столкновеній могутъ и должны быть крайне рѣдки, и всѣмъ чинамъ прокурорскаго надзора слѣдуетъ тщательно заботиться объ устраненіи ихъ въ интересахъ дѣла. Начальство обязано давать дѣйствіямъ подчиненныхъ общее руководящее направленіе, основанное на опредѣленныхъ, ясныхъ для всѣхъ началахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, старательно избѣгать всего, что̀ можетъ насиловать совѣсть руководимыхъ, которые, въ свою очередь, должны знать заранѣе, что, служа въ прокуратурѣ, нельзя не сообразоваться съ этимъ общимъ, исходящимъ отъ начальства, направленіемъ. Затѣмъ, важнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ не только разрѣшенія, но и предотвращенія всякихъ подобныхъ столкновеній представляется упомянутое уже неограниченное право замѣны начальствомъ своего подчиненнаго.

Въ практикѣ нашего прокурорскаго надзора начало невмѣшательства начальства въ судебную дѣятельность подчиненныхъ, проявляющуюся въ ихъ заключеніяхъ, проводилось до сихъ поръ довольно строго и послѣдовательно какъ въ общемъ тонѣ службы, такъ и въ частностяхъ. Всякій случай нарушенія этого начала, откуда бы онъ ни являлся, трактуется какъ исключительный,

производитъ крайне непріятную сенсацію и, будучи единичнымъ, не успѣваетъ внести въ прокурорскую дѣятельность деморализацію. Послѣдствія каждый разъ показываютъ, что ни дѣло, ни авторитетность начальства отъ такого образа дѣйствій отнюдь не выигрываютъ и нельзя не отмѣтить съ сочувствіемъ, что онъ вовсе не въ обычаѣ и не въ служебныхъ нравахъ нашей прокуратуры. Едва ли нужно говорить, до какой степени заслуживаетъ одобренія и поддержки этотъ симпатичный духъ полной прокурорской независимости въ отведенной для нея не широкой, но достаточной и вполнѣ опредѣленной сферѣ.

Въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы кромѣ изложеннаго выше правила о независимости прокурорскихъ заключеній по ст. 130 учр. суд. уст., существовали еще какія-либо особыя гарантіи дѣловой самостоятельности лицъ прокурорскаго надзора, какія-либо другія ограниченія ихъ іерархической подчиненности. Но въ литературѣ высказано по этому поводу цѣлое теоретическое ученіе, заключающее въ себѣ, по нашему мнѣнію, нѣкоторую сбивчивость понятій и могущее на практикѣ внести въ прокурорскую службу едва ли правильное и желательное начало. Доктрина эта выдвигаетъ вопросъ о томъ, всѣ ли предписанія начальства обязательны для подчиненныхъ лицъ прокурорскаго надзора, или же только одни законныя? Такъ какъ нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что повиновеніе подчиненнаго начальству не можетъ и не должно быть пассивнымъ или механическимъ, и совершенно очевидно, что никакое предписаніе начальства не можетъ заставить подчиненнаго дѣйствовать по службѣ съ нарушеніемъ ея законовъ, то практическая сущность этого вопроса сводится лишь къ вѣрной постановкѣ взаимныхъ между ними отношеній по исполненію полученнаго распоряженія. Н. А. Буцковскій полагаетъ, что подчиненный прокуроръ, получившій незаконное предписаніе своего начальства, обязанъ поступить на общемъ, указанномъ для такихъ случаевъ, основаніи, т.-е., не дѣлая исполненія, довести о встрѣченномъ затрудненіи до свѣдѣнія начальства, а въ случаѣ подтвержденія съ его стороны, представить

начальству высшему и ожидать его разрѣшенія [1]). Порядокъ этотъ установленъ въ рядѣ статей свода законовъ (т. I, ст. 77 и 78 основ. зак., ст. 233—235, 307 учрежд. министерствъ, т. II ч. I изд. 1876 г. ст. 252 и 253 общ. губ. учрежд. и т. III изд. 1876 г. ст. 719 уст. о службѣ гражд.) для всѣхъ вообще гражданскихъ чиновъ и присутственныхъ мѣстъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, примѣняется крайне рѣдко. Еще дальше идетъ въ томъ же направленіи профессоръ Фойницкій, прямо выставляющій тѣсно и притомъ субъективно понимаемую законность предписанія непремѣннымъ условіемъ обязательности его для подчиненнаго лица прокурорскаго надзора. Мнѣніе г. Фойницкаго исходитъ изъ его утвержденія о томъ, что русская прокуратура, въ противоположность французской, вполнѣ подвластной правительству, есть будто бы органъ только одного закона „и творитъ волю правительства, насколько она выражена въ законѣ и согласно съ нимъ“; другими словами—подчиняется правительственному, а слѣдовательно и начальственному распоряженію лишь настолько, насколько оно законно. Отсюда система легальныхъ требованій, которымъ должно удовлетворять предписаніе прокурорскаго начальства для того, чтобы подчиненный былъ обязанъ ему повиноваться. По ученію г. Фойницкаго, такое предписаніе обязательно только въ томъ случаѣ, если оно: а) исходитъ отъ компетентной власти; б) относится къ сферѣ вѣдѣнія того лица, къ которому оно обращено, в) по содержанію своему соотвѣтствуетъ закону и не предписываетъ незаконныхъ дѣйствій и г) облечено въ узаконенную форму [2]). Къ сожалѣнію, г. Фойницкій не указываетъ, какъ долженъ поступить подчиненный прокуроръ, получившій предписаніе, которое не удовлетворяетъ вышеприведеннымъ требованіямъ или хотя бы одному изъ нихъ. Но, примѣняя мысль почтеннаго ученаго въ ея логическомъ развитіи, необходимо признать, что, по полученіи всякаго начальственнаго распоряженія, подчиненному слѣдуетъ прежде всего обсудить его

[1]) *Буцковскій.* Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20 ноября 1864 г.—1874, стр. 395, 396.

[2]) *Фойницкій.* Курсъ уголовнаго судопроизводства 1884 г., I, стр. 609—610.

со стороны упомянутыхъ требованій, и если при этомъ окажется, что предписаніе начальства имъ не соотвѣтствуетъ, то придется дѣйствовать въ вышеуказанномъ общемъ порядкѣ, установленномъ на случай незаконности полученнаго приказанія, доходя въ послѣдовательной серіи восходящихъ представленій о встрѣченныхъ затрудненіяхъ даже до правительствующаго сената (ст. 38 основ. закон).

Едва ли, однакоже, можно согласиться съ этимъ взглядомъ, особенно съ той рѣшительной и категоричной его формулой, которую даетъ профессоръ Фойницкій. Прежде всего намъ кажется невѣрною ея исходная точка зрѣнія на раздѣленіе и различеніе въ функціи нашего прокурорскаго надзора представительства закона отъ представительства правительства. По нашему праву, при отсутствіи въ немъ рѣзкаго дѣленія властей въ западно-европейскомъ смыслѣ и конституціоннаго понятія объ исполнительной власти и ея отвѣтственности, не существуетъ основанія не только къ противоположенію между закономъ и правительствомъ, но и къ какому-либо разъединенію между органами того и другого. Напротивъ, по кореннымъ началамъ нашего законодательства (ст. 47, 65, 80, 81 осн. зак., ст. 1, 2 учр. прав. сен., ст. 1, 189—196 учр. министер.), правительство (понимая его и въ обширномъ смыслѣ совокупности правительствующаго сената и министерствъ, и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ каждаго министерства по его отдѣльной части) есть прямой органъ охраненія и исполненія законовъ, почему и прокурорскій надзоръ, подчиненный министерству юстиціи, будучи органомъ закона или, точнѣе, наблюденія за охраненіемъ законовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно eo ipso и органъ правительства. Это категорически выражено въ основныхъ законодательныхъ мотивахъ къ учрежденію нынѣшняго прокурорскаго надзора: „прокуроры суть *органы правительства* для охраненія силы законовъ“ [1]). Такое положеніе какъ бы не вполнѣ послѣдовательно признаетъ и самъ профессоръ Фойницкій, утверждающій въ своемъ „Руководствѣ“ нѣсколько

[1]) Мотивы къ ст. 8 учр. суд. уст.—Журналъ соед. д-товъ госуд. сов. о преобразованіи суд. части 1862 г., стр. 328.

ранѣе вышеприведенной цитаты, что „мы примкнули къ французскому типу прокуратуры, которая представляетъ органъ правительственной власти“, обязанный слѣдить за правильнымъ примѣненіемъ закона судебными установленіями, при чемъ судебные уставы въ этомъ отношеніи только „воздержались отъ крайностей французскаго законодательства“ [1]). Проводя и далѣе ту же мысль, г. Фойницкій считаетъ главнымъ назначеніемъ прокуратуры „охранять правительственный интересъ примѣненія законовъ“. Поэтому нельзя противополагать нашу прокуратуру, какъ органъ закона, прокуратурѣ французской, какъ органу правительства [2]), а тѣмъ болѣе утверждать, что нашъ прокуроръ обязанъ творить волю правительства „лишь настолько, насколько она выражена въ законѣ и согласна съ нимъ“. Воля правительства догматически предполагается всегда согласною съ закономъ и на немъ основанною, и нѣтъ надобности допускать обратнаго предположенія въ отношеніи прокуратуры и снабжать ее по этому поводу спеціальными гарантіями, тогда какъ она есть только орудіе или прямое продолженіе правительства въ судебной области. Упомянутый выше порядокъ дѣйствія подчиненныхъ по противозаконнымъ предписаніямъ начальства, будучи общимъ правиломъ гражданской службы, касается всѣхъ безъ изъятія вѣдомствъ и гражданскихъ, въ томъ числѣ, конечно, и прокурорскихъ чиновъ. Но нужно ли еще особенно подчеркивать и выставлять его для іерархическаго учрежденія прокуратуры, какъ будто чинамъ ея особенно необходимо располагать средствами противодѣйствія приказаніямъ начальства? Между тѣмъ сила прокуратуры именно и заключается въ ея дисциплинированности, колебать которую произвольнымъ развитіемъ и распространеніемъ этого порядка по меньшей мѣрѣ нераціонально. Ближайшее разсмотрѣніе его убѣждаетъ, что онъ установленъ для случаевъ исключитель-

---

[1]) *Фойницкій.* Курсъ, т. I, стр 604 и 616

[2]) По французской доктринѣ, прокуратура также признается одновременно органомъ закона (organe de la loi), органомъ государства или общества (organe de la société) и органомъ правительства (organe du gouvernement) по управленію судебною частью.

ныхъ и чрезвычайныхъ, а отнюдь не для вседневной юридической оцѣнки подчиненнымъ начальственныхъ предписаній, которую, повидимому, имѣетъ въ виду г. Фойницкій.

Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи ст. 78 зак. осн. и ст. 254 общ губ. учр., подчиненный можетъ и долженъ, не исполняя полученнаго приказанія, представить высшему начальству только въ томъ исключительномъ и чрезвычайномъ случаѣ, если въ этомъ приказаніи онъ усмотритъ *„отмѣну закона, учрежденія или Высочайшаго повелѣнія“*, а вовсе не въ случаѣ простого несогласія своего съ юридическою правильностью предписанія начальства, которое само отвѣчаетъ за его содержаніе и послѣдствія. На это указываетъ и текстъ ст. 719 уст. о службѣ, обязывающей каждаго подчиненнаго „исполнять въ точности приказанія предоставленнаго надъ нимъ старшаго лица“, съ единственною оговоркою слѣдующаго содержанія: „если же данное отъ начальства повелѣніе кто сочтетъ незаконнымъ или противнымъ интересу Его Императорскаго Величества, тотъ обязанъ неупустительно исполнить то, что на подобные случаи въ учрежденіи занимаемой имъ должности предписано“. Въ узаконеніяхъ же о прокурорскомъ надзорѣ предусмотрѣна только независимость заключенія прокурора передъ судомъ (ст. 131 учр. суд. уст.) и, слѣдовательно, внѣ ея предѣловъ подчиненное лицо прокурорскаго надзора обязано безпрекословно исполнять всѣ приказанія своего начальства, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ окажется, какъ упомянуто выше, „отмѣна закона, учрежденія или Высочайшаго повелѣнія“. За исключеніемъ этого совершенно экстраординарнаго случая подчиненному прокурору никакимъ закономъ не предоставлено входить въ юридичеескую оцѣнку даваемыхъ ему начальствомъ предписаній, и ихъ обязательность вовсе не обставлена признаніемъ съ его стороны ихъ законности. Иначе право это было бы ясно выражено въ законѣ, подобно тому, какъ это сдѣлано при опредѣленіи отношеній между прокуроромъ и слѣдователемъ, который, на основаніи ст. 281 уст. угол. суд., обязанъ исполнять только „законныя требованія“ прокурорскаго надзора, а въ извѣстныхъ случаяхъ (ст. 282 и 285 уст. угол. суд.), мо-

жетъ даже и прямо спорить противъ требованій, имъ нераздѣляемыхъ. Это вполнѣ понятно и естественно, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между слѣдователемъ-судьею и прокуроромъ, другъ отъ друга независящими въ іерархическомъ порядкѣ службы, но это было бы совершенно ненормально между дѣятелями, связанными другъ съ другомъ началомъ подчиненности. Выставленіе, если такъ можно выразиться, спеціальной законности приказанія, какъ условія его исполненія, уже само по себѣ предполагаетъ обсужденіе этого условія, а слѣдовательно, возможность разногласія и спора, въ принципѣ противорѣчащихъ идеѣ подчиненности. Далѣе, самое формулированіе перечисленныхъ выше условій законности и обязательности нравственныхъ приказаній по прокурорскому надзору въ значительной степени произвольно, а открываемая этимъ область до крайности растяжима и не опредѣлительна. Такъ, о компетентности предписывающаго начальства, о предѣлахъ вѣдомства, юридической основательности предписываемаго и законности внѣшней его формы могутъ быть самыя разнообразныя мнѣнія и сужденія. Признавать за подчиненнымъ право при каждомъ разномысліи по этимъ вопросамъ оставлять предписанія безъ исполненія и заводить переписку съ начальствомъ предписавшимъ или даже высшимъ, значитъ подрывать въ корнѣ всякую дисциплину и отнимать у подчиненности всякое дѣйствительное значеніе. Какого единства дѣйствія и какой репрессивной энергіи можно ждать отъ прокурорскаго надзора, если товарищъ прокурора окружного суда будетъ облеченъ правомъ не соглашаться и вступать въ пререканіе съ прокуроромъ суда, тотъ съ прокуроромъ судебной палаты, а послѣдній съ министромъ юстиціи по вопросамъ о подвѣдомственности дѣла, о принятіи тѣхъ или другихъ мѣръ по уголовному преслѣдованію, о томъ, соотвѣтствуетъ ли данное предписаніе понятіямъ подчиненнаго объ „узаконенной формѣ“ и т. д.?

Такимъ образомъ, приведенное ученіе, недостаточно обоснованное на законѣ, не выдерживаетъ критики и съ практической стороны, такъ какъ безъ надобности вноситъ разъединеніе и казуистику въ такую среду, которая именно и держится внутрен-

нею сплоченностью и дисциплиной. По точному смыслу закона, и по здравымъ понятіямъ о потребностяхъ и условіяхъ правительственной іерархіи, здѣсь дѣло представляется въ слѣдующемъ общемъ видѣ. Всякое начальственное предписаніе по прокурорскому надзору должно предполагаться законнымъ и подлежитъ немедленному и безпрекословному исполненію, если оно: 1) не содержитъ въ себѣ „отмѣну закона, учрежденія или Высочайшаго повелѣнія", и 2) не нарушаетъ законной независимости заключенія прокурора передъ судомъ. Только въ одномъ изъ этихъ двухъ случаевъ возможно пріостановленіе исполненія и представленіе начальству о встрѣченномъ затрудненіи. Первый случай, совершенно исключительный, имѣетъ мѣсто при прямомъ преступномъ превышеніи власти въ начальственномъ предписаніи, и когда требуемое имъ исполненіе въ свою очередь явилось бы таковымъ же преступленіемъ по должности, (напр., высшій прокуроръ предписываетъ низшему непосредственно, своею властью и внѣ установленнаго порядка содержать или освободить кого-либо изъ-подъ стражи, прекратить или не давать хода дѣлу уже возникшему у слѣдователя или въ судебномъ мѣстѣ, направить безъ предварительнаго слѣдствія дѣло о преступленіи, подвергающемъ лишенію правъ состоянія, продолжать уголовное преслѣдованіе или исполненіе приговора при наличности Высочайшаго повелѣнія о помилованіи или прекращеніи дѣла и проч.). Второй случай касается уже разобранной выше точно опредѣленной въ учрежденіи судебныхъ установленій и ограниченной тѣсными предѣлами гарантіи независимости прокурорскаго надзора передъ судомъ (напр., высшій прокуроръ предписываетъ низшему дать на судѣ то или другое заключеніе). Только въ этихъ двухъ случаяхъ возможна юридическая оцѣнка предписанія подчиненнымъ въ формѣ представленія о затрудненіи съ пріостановленіемъ исполненія; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ обязательно полное и безотлагательное подчиненіе распоряженію начальства, безъ отговорокъ, разсужденій, критики, юридическихъ дебатовъ и проч. Эти послѣдніе возможны и умѣстны между судьей и прокуроромъ, но безусловно несовмѣстимы съ законными взаим-

ными отношеніями высшихъ и низшихъ лицъ іерархическаго прокурорскаго надзора.

До сихъ поръ мы говорили о формальныхъ условіяхъ прокурорской независимости, основанныхъ на законѣ и прямо въ немъ указанныхъ. Но есть еще другія, не менѣе существенныя, чисто нравственныя условія самостоятельности, безъ которыхъ даже и первыя не могутъ быть дѣйствительны. Помимо внѣшнихъ гарантій, истинная независимость человѣка и дѣятеля заключается прежде всего во внутреннемъ содержаніи и характерѣ его личности, въ неуловимыхъ для закона свойствахъ ея и направленіи. Можно быть смѣняемымъ, подвластнымъ — и стойко сохранять въ существенныхъ случаяхъ полнѣйшую самостоятельность человѣка, чутко сознающаго и зорко оберегающаго свои права и нравственное свое достоинство. Наоборотъ, можно плыть подъ флагомъ видимой и крѣпко обезпеченной независимости — и въ то же время легко гнуться по вѣтру, непрестанно колебаться по волѣ всевозможныхъ общественныхъ и житейскихъ волнъ. Самостоятеленъ не тотъ, кто, много говоря о своей независимости и выставляя ее напоказъ, требуетъ особыхъ для нея гарантій и любитъ пререкаться и спорить изъ-за пустяковъ, а тотъ, кто умѣетъ спокойно и сдержанно отстоять свое мнѣніе, и если нельзя провести его, то хотя заставить признать его значеніе и добросовѣстность. При наличности въ отдѣльныхъ чинахъ прокурорскаго надзора нравственныхъ условій самостоятельности, она отнюдь не исключается подчиненностью и повиновеніемъ и, какъ показываетъ практика, прекрасно съ ними уживается. Законная независимость обезпечиваетъ прокурора противъ сверхзаконнаго давленія и произвола, а рядомъ съ этимъ даже формальная подчиненность оставляетъ достаточно широкій просторъ для нравственной самостоятельности человѣческой личности подчиненнаго. Отъ него самого въ сильнѣйшей степени зависитъ держать себя и поступать такимъ образомъ, чтобы и въ наиболѣе подчиненныхъ стадіяхъ своей дѣятельности внушать всѣмъ и каждому невольное уваженіе къ разумной твердости и искреннему убѣжденію, съ которымъ и не нужно никакихъ компромиссовъ въ этой дѣя-

тельности, въ значительной—судебной—своей части именно на убѣжденіи и совѣсти основанной. Фразы о „насиліи“ и „давленіи“ въ прокуратурѣ представляются настолько же лишенными серьезнаго значенія, какъ ходячее въ публикѣ предположеніе о крайней тяжести этой службы, потому что, будто бы, прокуроръ вынужденъ „обвинять всегда и всѣхъ“. Права и обязанности лица прокурорскаго надзора точно опредѣлены въ законѣ и разъясняющихъ его правительственныхъ распоряженіяхъ, почему и вступающій въ прокурорскую службу можетъ знать и взвѣсить заранѣе, что̀ отъ него потребуется. Несущій же эту службу неминуемо удостовѣрится, что ему не приходится быть въ разладѣ съ своею совѣстью, такъ какъ изъ всякаго затруднительнаго или щекотливаго положенія есть согласный съ нею, достойный и приличный выходъ. Такъ, принимаемыя, по приказанію начальства, мѣры по уголовному преслѣдованію еще далеко не окончательны и отнюдь не мѣшаютъ прокурору впослѣдствіи передъ судомъ, въ рѣшительный моментъ разрѣшенія дѣла или вопроса по существу, высказаться въ иномъ смыслѣ на основаніи своего собственнаго внутренняго убѣжденія. Къ тому же, снабженное широкимъ правомъ замѣны, и начальство не имѣетъ повода или надобности непремѣнно вынуждать подчиненнаго къ дѣйствіямъ, не соотвѣтствующимъ его продуманному и основательному взгляду. Спокойная, дѣловая атмосфера судебнаго производства, чуждая элементовъ политической борьбы или страстей, позволяетъ высшимъ и низшимъ чинамъ прокуратуры регулировать свои взаимныя отношенія съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ условій личной нравственной самостоятельности въ законныхъ ея предѣлахъ. Конечно, въ прокурорской дѣятельности, съ ея дисциплиной и правительственнымъ характеромъ, нѣтъ и не можетъ быть мѣста для какой бы то ни было тенденціозности, которая часто не мирится съ подчиненностью начальству, но за-то требуетъ гораздо болѣе стѣснительнаго и унижающаго, иногда рабскаго повиновенія преобладающимъ теченіямъ или могущественнымъ интересамъ. Словомъ, ничто, ни буква закона, ни практика его примѣненія не препятствуютъ лицу прокурорскаго надзора, при всемъ легальномъ

подчиненіи своему начальству, оставаться независимымъ человѣкомъ и самостоятельнымъ дѣятелемъ въ лучшемъ и возвышенномъ значеніи этихъ понятій.

Второй видъ независимости прокурорскихъ чиновъ — отъ судебныхъ установленій и руководящихъ ими предсѣдателей — выражается, по ст. 253 учр. суд. уст., въ томъ, что „ни судебныя мѣста, ни предсѣдательствующіе въ оныхъ не входятъ въ обсужденіе дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора, но о неправильныхъ или противозаконныхъ ихъ поступкахъ сообщаютъ высшимъ чинамъ сего надзора по принадлежности или доводятъ до свѣдѣнія министра юстиціи". Въ силу этого постановленія и въ прямое исключеніе изъ общаго правила, выраженнаго въ ст. 249 учр. суд. уст., на оберъ-прокуроровъ, прокуроровъ и ихъ товарищей не распространяется даже и надзоръ правительствующаго сената [1]), который, усмотрѣвъ неправильности, допущенныя чинами прокуратуры, поступаетъ такъ же, какъ и низшія судебныя мѣста, т.-е. сообщаетъ объ обнаруженномъ на распоряженіе министра юстиціи. Сообразно этому, и къ обсужденію вопросовъ о служебной отвѣтственности чиновъ прокурорскаго надзора сенатъ приступаетъ не иначе, какъ по предложенію министра (ст. 1081 уст. угол. суд.). Отсюда, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы прокурорскіе чины стояли внѣ того общаго руководящаго направленія, которое сенатъ даетъ всей дѣятельности судебныхъ установленій и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства Имперіи (ст. 1, 14, 114 учрежд. суд. уст., ст. 815 уст. гражд. суд. и ст. 933 уст. уг. суд.). Руководство это, однако, проявляется лишь въ томъ смыслѣ, что распоряженія и разъясненія сената какъ по отдѣльнымъ дѣламъ, такъ и по общему примѣненію законовъ, обязательны для чиновъ прокурорскаго надзора наравнѣ съ судебными мѣстами и чинами, но все-таки никакой дисципли-

[1]) Положеніе это, выведенное путемъ толкованія, было высказано еще въ рѣшеніи общ. собранія кассац. департаментовъ 1872 г., № 19, а затѣмъ оно вошло и въ текстъ соотвѣтствующихъ узаконеній, а именно ст. 119^1, 119^3 и 249 учр. суд. уст., по продолж. 1886 г., на основаніи которыхъ прокурорскіе чины изъяты изъ общаго порядка надзора въ судебныхъ мѣстахъ.

нарной или даже просто контролирующей власти сенатъ надъ прокуратурой не имѣетъ.

Несмотря на категорическія выраженія закона (ст. 252 ~~уст. уг. суд.~~ уг. суд. уст.) о неподчиненіи лицъ прокурорскаго надзора контролю предсѣдательствующихъ судебныхъ мѣстъ, въ практикѣ возникъ цѣлый вопросъ о примѣнимости къ прокурору распорядительной и дисциплинарной власти предсѣдателя по охраненію порядка въ судебномъ засѣданіи; другими словами, вопросъ о томъ, можетъ ли предсѣдатель, если нарушеніе этого порядка исходитъ отъ прокурора, принять противъ него, какъ участвующаго въ дѣлѣ лица, одну изъ репрессивныхъ мѣръ, указанныхъ въ ст. 157 учр. суд. уст., отъ предостереженія до удаленія изъ присутствія включительно? Послѣ многихъ лѣтъ неясности и сомнѣнія, вопросъ этотъ получилъ было въ 1883 г. нѣсколько неожиданное и едва ли правильное разрѣшеніе. Сенатъ призналъ, что въ столкновеніи съ прокуроромъ, заявляющимъ въ рѣзкой формѣ неумѣстныя требованія, предсѣдательствующій обязанъ дѣйствовать „съ тою послѣдовательностью, которая указана въ ст. 618 уст. угол. суд. и 279, 282, 283 и 284 ст. т. II ч. I общ. губ. учреж.“, нынѣ суд. уставы Императора Александра II, ст. 154, 157, 158 и 159 учр. суд. уст. [1]). Такимъ разъясненіемъ прокуроръ въ судебномъ засѣданіи приравнивался къ другимъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, къ защитнику, гражданскому истцу и проч., и предсѣдательствующему предоставлялось право по своему усмотрѣнію подвергать представителя прокурорскаго надзора любой изъ дисциплинарныхъ мѣръ сохраненія благочинія въ засѣданіи. Это расширеніе предсѣдательскихъ полномочій на счетъ законной независимости прокурорскаго надзора не замедлило отразиться возникновеніемъ офиціально засвидѣтельствованныхъ случаевъ, въ которыхъ предсѣдательствовавшіе, опираясь на ст. 157 учр. суд. уст. и приведенное выше разъясненіе сената, угрожали чинамъ прокуратуры, по поводу происшедшихъ съ ними пререканій, удаленіемъ изъ залы засѣданія, а въ одномъ случаѣ подобная

[1]) Рѣш. угол. кассац. департамента по дѣлу о бывшемъ судебномъ слѣдователѣ Карповичѣ 1883 г., 23 марта, № 3352 (не напечат.).

угроза была даже приведена въ исполненіе. Полная ненормальность явленія, въ самомъ корнѣ подрывавшаго основу прокурорскаго института, не могла не вызвать противъ него скораго и рѣшительнаго противодѣйствія съ той именно стороны, которая наиболѣе заинтересована въ неприкосновенности правъ и положенія прокуратуры: генералъ-прокуроръ долженъ былъ отстоять ее противъ толкованія, явно натянутаго и случайнаго. Въ 1886 г. министерство юстиціи, признавая необходимымъ правильное и единообразное пониманіе закона по столь важному вопросу, передало его, во исполненіе ст. 259[1] учр суд. уст., на разсмотрѣніе и законное постановленіе сената, высказавъ соображенія, по которымъ образовавшійся порядокъ вещей представлялся несоотвѣтствующимъ значенію лицъ прокурорскаго надзора и несогласнымъ съ закономъ. По точному разуму ст. 157 учр. суд. уст., предсѣдателю предоставлено удалять изъ засѣданія въ указанныхъ закономъ случаяхъ только участвующихъ въ дѣлѣ лицъ или ихъ повѣренныхъ. Между тѣмъ прокуроры и ихъ товарищи не только не отнесены закономъ къ числу участвующихъ въ дѣлѣ лицъ (5 п. ст. 836 уст. угол. судопр.), но прямо противопоставляются послѣднимъ, въ качествѣ должностныхъ лицъ, входящихъ въ составъ присутствія суда (2 п. 836 и 595 ст. уст. угол. суд.), какъ это уже и прежде признавалъ и сенатъ [1]). Кромѣ того, по силѣ той же ст. 157 учр. суд. уст., удаленію изъ залы засѣданія можетъ предшествовать объявленіе предсѣдателя нарушителю порядка предостереженія или выговора, т.-е. наложеніе такихъ мѣръ взысканія, которымъ лица прокурорскаго надзора могутъ быть подвергнуты только по усмотрѣнію министра юстиціи, и то не иначе, какъ по истребованіи отъ нихъ объясненій (ст 266 учр. суд. уст.).

Разсмотрѣвъ въ томъ же 1886 году поставленный такимъ образомъ вопросъ, уголовный кассаціонный департаментъ сената отказался отъ прежняго вышеупомянутаго своего толкованія и преподалъ новое, весьма важное для практики, такъ

[1]) Рѣш. угол. кассац. департамента 1869 г., № 734, и 1877 г., № 94.

какъ въ немъ ясно и точно, а главное вполнѣ согласно съ истиннымъ разумомъ закона, опредѣлено отношеніе предсѣдательской власти къ присутствующему въ засѣданіи лицу прокурорскаго надзора. Сенатъ нашелъ, что постановленныя въ ст. 157 учр. суд. уст. правила, относящіяся, по точному ея содержанію, до нарушенія порядка въ судебныхъ засѣданіяхъ участвующими въ дѣлѣ лицами или ихъ повѣренными, не могутъ быть распространяемы на лицъ, входящихъ въ составъ присутствія суда, въ томъ числѣ прокурора или его товарища (ст. 56, 58, 140, 141 учр. суд. уст., ст. 595 уст. угол. суд.). Что же касается до способа устраненія недопускаемаго закономъ пререканія лицъ прокурорскаго надзора съ предсѣдателями, то способы эти указываются постановленіями закона, опредѣляющими ихъ взаимныя права и обязанности. Въ силу возложеннаго закономъ на предсѣдателя охраненія въ засѣданіяхъ внѣшняго порядка судопроизводства лица прокурорскаго надзора обязаны безпрекословно подчиняться всѣмъ распоряженіямъ его по этому предмету, имѣя право обжаловать впослѣдствіи дѣйствія суда или предсѣдателя, признаваемыя ими несогласными съ законами и нарушающими ихъ права или препятствующими исполненію ихъ обязанностей. Всякое возраженіе прокурора по этому предмету должно быть остановлено предсѣдателемъ; если же, несмотря на это, прокуроръ дозволитъ себѣ продолжать пререканіе съ судомъ или предсѣдателемъ, то, въ виду такого препятствующаго правильному веденію дѣла нарушенія установленнаго закономъ порядка судопроизводства входящимъ въ составъ присутствія суда должностнымъ лицомъ, присутствіе это въ подобномъ составѣ далѣе функціонировать не можетъ и засѣданіе должно быть по постановленію суда пріостановлено или даже отсрочено для замѣны лица прокурорскаго надзора другимъ представителемъ обвинительной власти, съ доведеніемъ до свѣдѣнія министра юстиціи о неправильномъ поступкѣ прокурора (ст. 131, 149, 154, 252 и 253 учр. суд. уст., ст. 173, 175, 597, 611, 617, 630, 858, 893, 906 и 909 уст. уг. суд.). Установивъ изложенныя руководящія правила въ окончательное разрѣшеніе возникавшихъ недоразумѣній,

сенатъ призналъ необходимымъ разослать объ этомъ своемъ рѣшеніи циркулярный указъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ [1]), почему и вопросъ о предѣлахъ и характерѣ независимости прокурорскаго надзора отъ суда и предсѣдательствующихъ долженъ считаться въ настоящее время исчерпаннымъ и порѣшеннымъ.

Резюмируя эти правила въ связи съ постановленіемъ ст. 252 учр. суд. уст., можно установить, что, при полномъ подчиненіи прокурора въ засѣданіи распорядительной власти предсѣдательствующаго, ни судъ, ни предсѣдатель его не имѣютъ надъ лицомъ прокурорскаго надзора никакихъ полномочій сколько-нибудь дисциплинарнаго или даже критическаго оттѣнка [2]); въ крайнемъ случаѣ, если дѣйствія прокурора мѣшаютъ правильности судебныхъ дѣйствій, эти послѣднія должны быть отложены, и прокуроръ предоставленъ дисциплинарному сужденію своего начальства. Тѣмъ тяжелѣе становится нравственная, да и формальная передъ начальствомъ отвѣтственность лица прокурорскаго надзора, которое позволило бы себѣ превратить эту независимость другъ отъ друга двухъ главныхъ органовъ одного и того же дѣла правосудія въ притязательныя пререканія или антагонизмъ, не говоря уже о прямо враждебномъ образѣ дѣйствій. Входя въ составъ присутствія суда, какъ необходимый должностной дѣятель, прокуроръ, даже будучи стороною въ уголовномъ дѣлѣ по отношенію къ защитѣ, естественно является солидарнымъ съ судомъ во всемъ, что клонится къ изслѣдованію истины, соблюденію процессуальнаго порядка и сохраненію судебнаго достоинства. По существу дѣла и возникающихъ изъ него вопросовъ нерѣдко неизбѣжно разномысліе во взглядахъ, при которомъ прокуроръ и судъ, въ силу своей независимости, идутъ каждый своей, закономъ указанной, дорогой, но разногласіе и пользованіе своими правами не составляютъ посягательства на самостоятельность, которая будетъ вполнѣ ограждена для прокурора, если онъ окажется способ-

---

[1]) Указъ уголовнаго кассаціоннаго департамента отъ 24 ноября 1886 г.

[2]) Предсѣдатель можетъ остановить прокурора, но не въ правѣ сдѣлать ему замѣчанія, судъ можетъ отказать прокурору въ его домогательствѣ, но не властенъ выразить ему неодобреніе.

нымъ доказывать правоту своихъ стремленій и добиваться должнаго безъ ложнаго самолюбія и щепетильности, ни въ чемъ не нарушая приличія во внѣшнихъ формахъ и спокойствія въ пріемахъ своей дѣятельности.

7.

Единство.

Какъ уже было упомянуто выше, кромѣ служебной дисциплины, однимъ изъ основныхъ принциповъ устройства прокуратуры представляется ея *единство*, въ силу котораго все прокурорское учрежденіе, состоящее изъ отдѣльныхъ и единоличныхъ дѣятелей, предполагается цѣльнымъ, единымъ и нераздѣльнымъ. Это своего рода юридическая фикція, имѣющая, впрочемъ, весьма реальное значеніе. Каждый прокуроръ фактически дѣйствуетъ отъ своего лица, но считается дѣйствующимъ отъ имени всей прокуратуры, имъ представляемой. Дѣятельность ея поэтому носитъ, если можно такъ выразиться, безлично-коллективный характеръ, обозначаемый и въ судебной терминологіи: лицо какъ бы поглощается учрежденіемъ, почему и принято говорить „прокурорскій надзоръ“, „прокуратура“, „обвинительная власть“ вмѣсто „такой-то“ прокуроръ или товарищъ прокурора. Единство прокурорскаго надзора, тѣсно связанное съ подчиненностью его чиновъ, проявляется въ двухъ главныхъ видахъ: въ ихъ процессуальной *замѣнимости* и въ *нераздѣльности* ихъ дѣйствій. Согласно первому изъ этихъ началъ, по всякому дѣлу и во всякомъ его положеніи одно лицо прокурорскаго надзора можетъ всегда замѣнить другое, принявъ дѣло на свою отвѣтственность, а согласно второму—такая замѣна не вліяетъ формально на ходъ и производство дѣла, только бы прокурорское мѣсто было занято въ процессѣ лицомъ на это компетентнымъ и закономъ къ тому уполномоченнымъ. Въ общей структурѣ и постановкѣ прокурорскаго надзора примѣненіе начала единства довольно ограничено, и оно важно не столько въ процессуальномъ, сколько въ организаціонномъ смыслѣ, какъ элементъ, поддерживающій и концентрирующій силы учрежде-

нія. Въ процессѣ не часто возникаютъ инциденты и вопросы, разрѣшаемые на основаніи этого начала, но въ сферѣ устройства прокурорскій надзоръ нельзя себѣ и представить безъ единства.

Оно развивается по нашему праву въ нѣсколькихъ законоположеніяхъ, изъ которыхъ первое, ст. 131 учрежд. суд. уст., уже имѣетъ свою исторію. По общему разуму этой статьи въ ея теперешней редакціи, *высшій* прокуроръ можетъ по всякому дѣлу и во всякое время замѣнить *низшаго*. Первоначальный же текстъ закона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вошелъ въ первое изданіе судебныхъ уставовъ, былъ гораздо тѣснѣе и ограничивалъ замѣнимость прокурорскаго надзора предѣлами одной и той же судебной инстанціи, постановляя, что всякій прокуроръ можетъ замѣнить только *своего товарища*. Впрочемъ, при проектированіи этого узаконенія, редакторы уставовъ предполагали поставить его шире и установить правило о власти всякаго высшаго прокурора замѣнять низшаго; это признавалось необходимымъ въ виду того, что безъ такого постановленія „высшіе чины прокурорскаго надзора, долженствующіе служить руководствомъ для низшихъ, не могли бы, даже въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ и по самымъ важнымъ дѣламъ, охранять силу законовъ по крайнему своему разумѣнію“. Но при окончательномъ обсужденіи проекта въ государственномъ совѣтѣ было „признано неудобнымъ, а отчасти и вреднымъ для дѣла, чтобы оберъ-прокуроръ сената могъ произвольно замѣнять прокурора судебной палаты, а сей послѣдній—прокурора окружного суда“ [1]). Скоро, однакоже, для большей централизаціи и усиленія начальственной власти въ прокуратурѣ, оказалось нужнымъ возвратиться отчасти къ оставленному предположенію и раздвинуть границы прокурорской замѣнимости. По закону 22 февраля 1872 г., дополнившему текстъ ст. 131 учр. суд. уст. до нынѣшняго его вида, прокуроры судебныхъ палатъ получили право „какъ по собственному усмотрѣнію, такъ и по распоряженію

[1]) Мотивы къ ст. 131 учрежд. суд. уст.—Суд. Уставы 20 ноября 1864 г., изд. госуд. канц., стр. 97.

министра юстиціи принимать на себя или возлагать на своихъ товарищей исполненіе всякой обязанности подчиненныхъ имъ лицъ прокурорскаго надзора". Такимъ образомъ нынѣ принципъ единства по закону не только охватываетъ каждое прокурорское учрежденіе въ отдѣльности и внутри его, но связываетъ между собою и обѣ іерархическія единицы мѣстной прокуратуры — прокурорскій надзоръ судебной палаты и окружного суда. Въ согласіи съ общимъ правиломъ, выраженнымъ въ ст. 131 учр. суд. уст., находится опредѣленіе спеціальнаго случая замѣны предусмотрѣннаго ст. 534 уст. угол. суд., которая вмѣстѣ съ тѣмъ ограждаетъ законную свободу совѣсти и убѣжденія прокурора. На основаніи этой статьи, когда лицо прокурорскаго надзора окружного суда высказалось за прекращеніе дѣла, по которому обвинительная камера судебной палаты постановила опредѣленіе о преданіи суду, прокуроръ палаты можетъ возложить обвиненіе на другого изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ прокуратуры или даже, въ особенно важныхъ случаяхъ, принять его на себя, но онъ не въ правѣ требовать, чтобы мѣстный прокуроръ поддерживалъ обвиненіе вопреки своему убѣжденію.

Въ ст. 131 и 132 учр. суд. уст. опредѣленъ порядокъ замѣны одного лица прокурорскаго надзора другимъ въ случаѣ отсутствія, болѣзни, увольненія и тому подобныхъ причинъ. При ихъ наступленіи должность прокурора исправляетъ или старшій изъ его товарищей, или тотъ изъ нихъ, кто къ этому будетъ назначенъ самимъ прокуроромъ, а должность участковаго товарища прокурора — другой командированный для этого прокуроромъ его товарищъ.

Замѣнимость лицъ прокурорскаго надзора прямо обусловлена ихъ подчиненностью, такъ какъ по закону всякая замѣна одного другимъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ по распоряженію или, по крайней мѣрѣ, съ согласія прокурорскаго начальства. Замѣна есть дѣйствіе, всегда исходящее отъ высшаго лица прокурорскаго надзора, а слѣдовательно, совершаемое или по его иниціативѣ, или съ его разрѣшенія, хотя бы и молчаливаго. Поэтому, произвольная замѣна однимъ товарищемъ про-

курора другого будетъ отступленіемъ отъ законнаго порядка и нарушеніемъ дисциплины, если она послѣдовала безъ вѣдома и согласія начальствующаго лица прокурорскаго надзора. Только подъ этимъ условіемъ допускается и на практикѣ соглашеніе между прокурорскими чинами одинаковаго ранга о взаимной передачѣ другъ другу какихъ-либо обязанностей.

Понятіе единства, изъ котораго вытекаетъ замѣнимость, обнимаетъ не одну солидарность равноправныхъ дѣятелей, но и согласную дѣятельность ихъ по одному и тому же направленію, даваемому сверху, въ силу іерархическаго подчиненія. Для начальствующаго прокурора замѣна подчиненнаго представляетъ не обязанность, а факультативное и притомъ дискреціонное право, пользованіе которымъ вполнѣ зависитъ отъ его усмотрѣнія и съ точки зрѣнія цѣлесообразности не можетъ даже подлежать контролю и критикѣ высшаго начальства. Въ силу іерархической подчиненности оно еще можетъ предписать замѣну, но не въ правѣ ни запретить ее, ни даже входить въ обсужденіе степени ея необходимости.

Основанная на единствѣ и обусловленная подчиненностью, замѣнимость чиновъ прокурорскаго надзора практически проявляется въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ, которыя вытекаютъ какъ изъ буквы закона, такъ и изъ истолкованія его логическаго смысла: 1) министръ юстиціи, въ качествѣ генералъ-прокурора, никогда не замѣняетъ собою подвѣдомственныхъ ему прокурорскихъ чиновъ, но можетъ возложить таковую замѣну на прокурора судебной палаты, своего ближайшаго органа по прокурорскому надзору; 2) оберъ-прокуроръ кассаціоннаго департамента сената, какъ не имѣющій начальственной власти надъ мѣстною прокуратурой, не можетъ ни замѣнить собою, ни распорядиться замѣною кого-либо изъ чиновъ прокуратуры судебной палаты или окружного суда; 3) прокуроръ палаты, стоящій во главѣ мѣстной прокуратуры, можетъ какъ по распоряженію министра, такъ и по собственному своему усмотрѣнію, принять на себя или возложить на одного изъ своихъ товарищей исполненіе всякой обязанности подвѣдомственнаго ему прокурорскаго надзора; 4) всякій прокуроръ, въ томъ числѣ и

оберъ-прокуроръ сената, можетъ какъ по собственному усмотрѣнію, такъ и по распоряженію высшаго начальства, замѣнить всякаго изъ своихъ товарищей или одного изъ нихъ замѣнить другимъ. Но ни министръ юстиціи, ни прокуроръ судебной палаты по принадлежности не въ правѣ: 5) запретить подчиненному прокурору воспользоваться присвоеннымъ ему правомъ замѣны или отмѣнить подобную уже произведенную замѣну; 6) замѣнить старшаго младшимъ, напр., прокурора его товарищемъ, точно такъ же, какъ и 7) сдѣлать какую-либо замѣну между подчиненными имъ лицами прокурорскаго надзора съ нарушеніемъ границъ ихъ подвѣдомственности, напр., замѣнить одного прокурора палаты или суда другимъ таковымъ же. Изъ этого послѣдняго правила практика какъ бы выработала фактическое исключеніе въ формѣ исходящихъ отъ министра порученій лицамъ прокурорскаго надзора окружного суда временно исполнять обязанности товарищей прокуроровъ судебныхъ палатъ, хотя это не составляетъ собственно замѣны въ смыслѣ ст. 131 учр. суд. уст., а есть лишь служебная командировка, выводимая изъ безусловнаго подчиненія генералъ-прокурору всей прокурорской службы и ея дѣятелей. Вообще для правильности замѣны необходимо: а) чтобы замѣняющій имѣлъ на это по отношенію къ замѣняемому право, высказанное въ законѣ или ясно на немъ основанное, и б) чтобы замѣняющій обладалъ не меньшими правами по процессу, нежели замѣняемый.

Таковы субъекты и объекты замѣны. Что же касается до ея поводовъ, то по характеру своему они могутъ быть свойства случайнаго или цѣлесообразнаго. Причины перваго рода не зависятъ ни отъ особенностей дѣла, ни отъ образа дѣйствій лица прокурорскаго надзора, въ немъ участвующаго, а опредѣляются такими случайными надобностями, каковы, напр., отводъ, внезапная болѣзнь или какія-либо иныя исключительныя условія, въ которыхъ оказался замѣняемый. При подобныхъ поводахъ вполнѣ умѣстна замѣна по товарищескому соглашенію между замѣняющимъ и замѣняемымъ одного и то же ранга, конечно, съ дозволенія ихъ начальства. Причины второго рода, напро-

тивъ, допускаютъ замѣну лишь по распоряженію или усмотрѣнію высшаго начальства, съ цѣлью обезпечить болѣе правильное или въ данномъ казусѣ даже просто болѣе удобное веденіе дѣла. Такая замѣна можетъ имѣть даже какъ бы дисциплинарный оттѣнокъ, если, напр., она направлена къ тому, чтобы передать дѣло въ руки, болѣе вѣрныя или способныя, изъ рукъ менѣе надежныхъ. Иногда она оправдывается или вызывается особыми мѣстными обстоятельствами и соображеніями, значеніемъ дѣла или лицъ къ нему прикосновенныхъ, обстановкою производства, затронутыми отношеніями или вопросами и проч. Сюда именно принадлежитъ указанный въ законѣ случай замѣны прокурорскаго надзора окружного суда прокурорскимъ надзоромъ судебной палаты и, между прочимъ, самимъ прокуроромъ палаты. Къ сожалѣнію, этотъ видъ замѣны у насъ еще не привился и практикуется слишкомъ мало, хотя практическая его цѣнность не подлежитъ сомнѣнію. Предполагая, что прокуратура высшихъ степеней должна представлять и высшія гарантіи способностей, познанія и опытности, нельзя не пожелать этой формѣ проявленія прокурорскаго единства побольше распространенія. Появленіе прокурора палаты или его товарищей на прокурорскомъ мѣстѣ окружного суда или съѣзда, при полицейскомъ дознаніи, на предварительномъ слѣдствіи и при исполненіи другихъ, такъ сказать, боевыхъ обязанностей прокуратуры не можетъ не быть полезно: существенная для поддержанія или поднятія, когда нужно, дѣлового ея авторитета, эта мѣра даетъ живые образцы низшимъ чинамъ надзора, а высшихъ вводитъ въ непосредственное общеніе съ важнѣйшими прокурорскими функціями, направлять которыя они призваны, но которыя въ дѣйствительности сосредоточены въ вѣдѣніи низшихъ. Замѣчаніе это въ особенности касается сложныхъ, трудныхъ или почему-либо щекотливыхъ или громкихъ дѣлъ, обращающихъ на себя особое правительственное или общественное вниманіе. Веденіе и исходъ ихъ часто бываютъ такъ отвѣтственны, что начальству слѣдуетъ по всей справедливости снимать съ своихъ подчиненныхъ тяжкое бремя такихъ дѣлъ или, по крайней мѣрѣ, раздѣлять его. Подобное обыкновеніе

стало глубоко укоренившимся обычаемъ и приноситъ прекрасные плоды во Франціи, гдѣ генералъ-прокуроръ апелляціоннаго суда, соотвѣтствующій нашему прокурору палаты, нерѣдко выступаетъ обвинителемъ на судѣ присяжныхъ по исключительно важнымъ дѣламъ и на виду у общества лично и открыто проводитъ и отстаиваетъ высокія задачи публичнаго преслѣдованія. Для прокурорскаго надзора, призваннаго бороться съ нарушеніями закона, это то же, что на войнѣ для войска примѣръ начальника, который идетъ впереди на самомъ опасномъ мѣстѣ и, умѣя командовать, умѣетъ и сражаться, какъ простой солдатъ.

Если въ замѣнимости видѣть форму, въ которой главнымъ образомъ проявляется начало прокурорскаго единства, то содержаніемъ этой формы служитъ нераздѣльность процессуальныхъ дѣйствій прокурорскихъ чиновъ. Существуетъ какъ бы презумпція ихъ процессуальнаго тождества между собою; то, что сдѣлалъ одинъ, сохраняетъ силу и для другого, а для суда и для судящихся дѣятельность прокуратуры представляется юридически непрерывною и однородною. „Отлучка прокурора“—гласитъ ст. 597 уст. угол. суд.—„не прерываетъ судебнаго засѣданія, если онъ замѣнилъ себя кѣмъ-либо изъ лицъ прокурорскаго надзора“, при чемъ законодательные мотивы этой статьи объясняютъ ее именно необходимостью установить, „по примѣру иностранныхъ законодательствъ, нѣкоторую солидарность между чинами прокурорскаго надзора“ [1]). Впрочемъ, употребленное здѣсь слово „нѣкоторый“ уже указываетъ на то, что солидарность эта не безусловна. Дѣйствительно, она ограничивается въ нашемъ правѣ въ пользу законной личной независимости прокурора передъ судомъ. Такъ, для замѣнившаго обязательны всѣ дѣйствія замѣненнаго съ ихъ юридическими послѣдствіями, но въ томъ, однако, только смыслѣ, что его несогласіе съ ними не уничтожаетъ ихъ силы и значенія. Во всемъ остальномъ онъ связанъ лишь своимъ законнымъ подчиненіемъ и независимъ въ предѣлахъ свободы, предоставленной ему закономъ. Но замѣнившій не въ правѣ отказаться отъ дѣйствій прокуратуры, уже

[1]) Судебные Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 223

до него совершенныхъ и судомъ принятыхъ, точно такъ же, какъ и начальникъ не можетъ отмѣнить, какъ выше сказано, такихъ же дѣйствій подчиненнаго. Въ дѣятельности прокурора должны уживаться рядомъ подчиненность, независимость и единство: онъ подчиненъ и связанъ единствомъ за исключеніемъ тѣхъ моментовъ и условій, при которыхъ убѣжденіе его, выражающееся въ словахъ и дѣйствіяхъ, свободно отъ всякаго формальнаго стѣсненія. Такимъ образомъ замѣна одного лица прокурорскаго надзора другимъ сопровождается тѣмъ: а) что замѣняющій принимаетъ дальнѣйшее веденіе дѣла на свою отвѣтственность, продолжая дѣятельность замѣненнаго съ того момента, на которомъ замѣна совершилась; б) что онъ не можетъ дѣйствовать или высказываться вопреки такимъ дѣйствіямъ или мнѣніямъ замѣненнаго, которыя пріобрѣли уже извѣстное процессуальное значеніе, дѣлающееся обязательнымъ для всей прокуратуры. Примѣненіе этихъ основныхъ положеній особенно важно при разрѣшеніи вопросовъ, возникающихъ изъ опротестованія приговоровъ и опредѣленій не тѣмъ лицомъ прокурорскаго надзора, при участіи котораго они состоялись. Въ ст. 858 уст. угол. суд. постановлено общее правило о томъ, что прокуроръ можетъ подавать протесты лишь на тѣ приговоры, которые несогласны съ данными имъ заключеніями, и только по тѣмъ предметамъ, по которымъ требованія его не уважены судомъ первой степени. По началу единства прокурорскаго надзора условіе это обязательно и для прокурора, замѣнившаго при обжалованіи того, кто поддерживалъ обвиненіе въ первой инстанціи. Такъ, высшее лицо прокурорскаго надзора можетъ подавать протесты по дѣламъ, разрѣшеннымъ при участіи подчиненныхъ ему органовъ, наприм., прокуроръ за своихъ товарищей, но только въ случаѣ несогласія опротестуемаго постановленія съ заключеніемъ прокуратуры. Правило это соблюдается какъ по предметамъ существа дѣла и квалификаціи преступленія, такъ и въ отношеніи судебныхъ дѣйствій, касающихся порядка производства [1]).

[1]) Приведенная доктрина высказана въ рядѣ раннихъ кассаціонныхъ рѣшеній угол. департамента, напр., 1867 г., № 471, д. Воронова; 1869 г., № 575, д. Щукиныхъ; 1870 г., № 635, д. Масленникова, и уже давно сдѣлалась однимъ изъ эле-

Далѣе, такъ какъ начало единства обусловлено началомъ подчиненности, то низшее лицо прокурорскаго надзора не въ правѣ протестовать противъ такого судебнаго опредѣленія, которое могло быть, но не было обжаловано высшимъ лицомъ прокурорскаго надзора; напр., прокуроръ окружного суда не можетъ протестовать по такимъ вопросамъ о подсудности или о квалификаціи, которые въ обвинительной камерѣ судебной палаты разрѣшены согласно съ заключеніемъ состоящаго при ней прокурорскаго надзора [1]). Наконецъ, право замѣны служитъ наиболѣе правильнымъ и удобнѣйшимъ выходомъ изъ коллизіи между подчиненностью и независимостью въ случаѣ разномыслія между высшимъ и низшимъ лицами прокурорскаго надзора по предмету принесенія протеста. Если дѣйствіе это, какъ уже указано выше, приравнивать къ выраженію прокуроромъ своего мнѣнія передъ судомъ, т.-е. къ предъявленію заключенія, то, въ силу независимости послѣдняго, начальство не имѣетъ права ни предписать подчиненному принести протестъ, ни запретить его подачу, а можетъ только, принявъ дѣло на свою отвѣтственность, замѣнить подчиненнаго въ томъ или другомъ случаѣ и тѣмъ дать дѣлу иное, желаемое направленіе. Равнымъ образомъ, въ силу единства прокуратуры, начальство не можетъ взять обратно протестъ подчиненнаго, уже поступившій въ судъ, или потребовать, чтобы протестъ этотъ былъ оставленъ безъ разсмотрѣнія; начальникъ воленъ лишь отказаться отъ него при разсмотрѣніи его высшею инстанціей, отъ которой, однакоже, вполнѣ зависитъ согласиться съ протестомъ подчиненнаго прокурора или съ мнѣніемъ прокурора начальствующаго [2]). Тѣмъ же легальнымъ путемъ замѣны начальникъ можетъ и вовсе не допустить до суда протестъ, представленный ему подчиненнымъ, если признаетъ опротестованіе судебнаго опредѣленія несоотвѣтствующимъ высшимъ интересамъ дѣла или руководимаго начальствомъ прокурорскаго надзора. Оставленіе протеста безъ

ментарныхъ основаній прокурорской практики.—См. также. *Буцковскій.* Очерки судебныхъ порядковъ, стр. 445—453.

[1]) Рѣш. угол. кассац. департамента 1869 г., № 41, д. Машмейера.

[2]) Рѣш. угол. кассац департамента 1873 г., № 573, д. Марченко.

движенія имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какъ и замѣна прокуроромъ-начальникомъ представленнаго ему обвинительнаго акта собственнымъ заключеніемъ о прекращеніи или наоборотъ. Замѣна эта легко соглашаетъ необходимую свободу совѣсти самостоятельныхъ судебныхъ дѣятелей, каждаго въ отдѣльности, съ общимъ іерархическимъ направленіемъ ихъ совокупной дѣятельности въ составѣ дисциплинированнаго, единаго и нераздѣльнаго учрежденія прокуратуры.

Изъ сказаннаго уже выше видно, что, сверхъ замѣнимости и нераздѣльности, единство прокурорскаго надзора заключаетъ въ себѣ также и понятіе о процессуальной равноправности его чиновъ, независимо отъ ихъ ранга и того, состоятъ ли они въ числѣ высшихъ или низшихъ, въ числѣ начальствующихъ или подчиненныхъ лицъ. По отношенію къ каждому данному моменту и къ отдѣльнымъ формамъ и обрядамъ судопроизводства всѣ лица прокурорскаго надзора облечены одинаковыми полномочіями, несутъ однѣ и тѣ же обязанности и пользуются одними и тѣми же правами. Въ разные фазисы процесса, напр., при слѣдствіи, на судѣ, каждый компетентный прокуроръ обладаетъ тѣмъ же объемомъ власти, что и другой, такъ какъ эта власть не лица, а единаго и нераздѣльнаго учрежденія. При всемъ различіи функцій, прокуроръ суда ничѣмъ не отличается въ указанномъ смыслѣ отъ прокурора палаты; вполнѣ тождественно и однородно процессуальное положеніе прокурора съ положеніемъ его товарищей. На языкѣ закона это выражается родовымъ наименованіемъ „прокуроръ“ для обозначенія чиновъ прокуратуры, къ какой бы инстанціи или степени они ни принадлежали [1]).

Формально выражаясь въ вышеприведенныхъ видахъ (замѣнимости, нераздѣльности и равноправности), единство прокуратуры со стороны внутренняго своего значенія должно приводить прежде всего къ общему *единообразію* ея дѣятельности, которое проявляется въ полномъ взаимномъ согласованіи ея

[1]) Такъ, напр., учр. суд. уст. ст. 141, 282, 287, 376 и др., уст. гражд. суд. ст. 343—347 и др., уст. угол. суд. ст. 263, 277, 296, 297, 485, 517, 519—528, 545, 573, 630 и мног. друг.

дѣйствій, въ стройномъ и дружномъ движеніи всѣхъ ея дѣятелей по однимъ и тѣмъ же путямъ, одними и тѣми же средствами, къ единой цѣли. Чѣмъ меньше розни во взглядахъ и пріемахъ отдѣльныхъ чиновъ надзора, тѣмъ правильнѣе и успѣшнѣе его отправленіе. При дѣйствіи въ разбродъ, когда каждый дѣлаетъ по-своему, легко поколебать силу единаго и равнаго для всѣхъ закона; напротивъ, дѣйствуя между собой согласно и единообразно, лица прокурорскаго надзора проводятъ и поддерживаютъ въ обществѣ свой великій принципъ—начало законности, а частнымъ лицамъ даютъ вѣрный и неизмѣнчивый, хотя и отрицательный критерій для опредѣленія закономѣрности отношеній и поступковъ. Согласныя и единообразныя дѣйствія прокурорскаго надзора по преслѣдованію нарушеній закона лучше всего охраняютъ очерченную имъ область личной гражданской свободы, для которой ясность содержанія, твердость и опредѣленность границъ гораздо важнѣе даже обширности ея размѣровъ. Такое единообразіе прокурорской дѣятельности достигается двоякимъ путемъ: внимательнымъ объединяющимъ руководствомъ со стороны начальства и живымъ сознаніемъ подчиненныхъ, что на каждомъ изъ нихъ лежитъ непремѣнная обязанность соглашать свои дѣйствія съ дѣйствіями другого и тщательно сообразоваться съ усвоенными и испытанными уже обычаями и пріемами прокурорской практики. Нельзя не упомянуть здѣсь также и о томъ профессіональномъ и до извѣстной степени корпоративномъ духѣ, который долженъ выработаться въ единой и нераздѣльной прокуратурѣ. Безъ него всякое цѣльное общественное учрежденіе рискуетъ превратиться въ „разсыпанную храмину“, въ безжизненное случайное собраніе другъ другу чуждыхъ дѣятелей. Этотъ благотворный духъ, развивающій широкое и чуткое пониманіе профессіональнаго достоинства и корпоративной чести, въ значительной мѣрѣ обусловливается единствомъ членовъ учрежденія. Въ судебномъ вѣдомствѣ вообще оно естественно вытекаетъ изъ высокихъ нравственныхъ условій служенія правосудію, какъ общаго для всѣхъ дѣла; въ прокуратурѣ же въ частности оно, кромѣ того, еще и прямо установлено закономъ,

который требуетъ, чтобы всѣ члены ея держались дружно и работали заодно, другъ друга поддерживая и замѣняя. При подобной внѣшней и внутренней солидарности, приносящей съ собою полезный элементъ дѣлового товарищества, трудная, иногда подавляющая работа идетъ удачнѣе, борьба легче, невзгоды и бремя отвѣтственности чувствуются слабѣе и все учрежденіе крѣпнетъ и правильно развивается; словомъ, и прокурорскій надзоръ испытываетъ на себѣ справедливость прекраснаго девиза: единеніе есть сила (l'union fait la force) [1].

8.

Отвѣтственность.

Для охраненія служебной дисциплины и поддержанія порядка въ каждомъ учрежденіи необходимы точныя и опредѣленныя правила объ отвѣтственности его чиновъ. Внѣ такихъ правилъ дисциплина можетъ быть только фактическая, случайная, не чуждая произвола и потому измѣнчивая, безпорядочная и не достигающая цѣли. Члены учрежденія не знаютъ, чего держаться или избѣгать, чѣмъ руководствоваться, чего страшиться; граж-

[1]) Начало единства прокурорскаго надзора выражено въ вышеприведенномъ смыслѣ въ § 5 Инструкціи чинамъ прокурорскаго надзора округа Московской судебной палаты, изд. 1886 г.; § этотъ снабженъ, кромѣ того, примѣчаніемъ, въ которомъ „въ видахъ достиженія единства и единообразія дѣйствій прокурорскаго надзора, прокурорамъ окружныхъ судовъ рекомендуется въ случаѣ надобности, по возможности, привлекать своихъ товарищей къ обсужденію на совмѣстномъ совѣщаніи наличныхъ чиновъ мѣстной прокуратуры возникающихъ въ текущей практикѣ болѣе важныхъ и сложныхъ казусовъ и дѣлъ". Другими словами, подобно тому, какъ это было постановлено для нашего до-реформеннаго губернскаго надзора и существуетъ еще понынѣ во французской прокуратурѣ („Прокурорскій надзоръ", т. I, стр. 91 и 337), желательно, чтобы въ извѣстныхъ трудныхъ случаяхъ товарищи прокуроровъ составляли какъ бы „*совѣтъ*" этихъ послѣднихъ.— То же начало единства проводится и въ § 10 Инструкціи чинамъ прокурорскаго надзора округа Варшавской судебной палаты, по которому: „общность цѣли, преслѣдуемой всѣмъ прокурорскимъ надзоромъ какъ по охраненію законовъ вообще, такъ въ частности по обнаруженію и преслѣдованію преступленій, возлагаетъ на каждаго представителя прокуратуры обязанность содѣйствовать осуществленію этой цѣли не только въ предѣлахъ округа, но и повсемѣстно, а потому предлагается всѣмъ чинамъ прокурорскаго надзора свѣдѣнія этого рода, почему-либо ими обнаруженныя, немедленно въ установленномъ порядкѣ сношеній сообщать по принадлежности тому изъ прокуроровъ, до вѣдѣнія котораго они относятся".

дане, въ свою очередь, не знаютъ, куда и какъ жаловаться, гдѣ искать защиты отъ неправильныхъ дѣйствій органовъ власти, облеченныхъ важными полномочіями надъ личностью, ея правами и благами. Отвѣтственность должностныхъ лицъ находится въ такомъ же соотношеніи къ ихъ дисциплинѣ, въ какомъ карательная санкція къ различнымъ опредѣлительнымъ законамъ: отвѣтственность обезпечиваетъ соблюденіе дисциплины. Въ кругъ правилъ объ отвѣтственности входитъ, сверхъ матеріальнаго ея содержанія (наказуемыя дѣянія), установленіе органовъ, ее примѣняющихъ (дисциплинарный судъ), и указаніе путей, которыми она осуществляется (дисциплинарный процессъ). Это своего рода цѣлое дисциплинарное право, матеріальное и формальное, близко граничащее въ нѣкоторыхъ частяхъ съ правомъ уголовнымъ и гражданскимъ. Но правилъ объ отвѣтственности въ догмѣ закона еще недостаточно, такъ какъ они болѣе чѣмъ какія-либо другія могутъ оставаться мертвой буквой; нужна дѣятельная и цѣлесообразная ихъ практика, вызывающая въ обществѣ и въ должностной средѣ живое сознаніе дѣйствительности этихъ гарантій служебнаго долга. Для того, чтобы они не сдѣлались фиктивными, нуженъ извѣстный спасительный страхъ передъ отвѣтственностью, должна сложиться увѣренность въ ея неизбѣжности при нарушеніи обязанностей службы.

Въ прокурорскомъ надзорѣ правила и практика отвѣтственности имѣютъ особое значеніе, вытекающее, съ одной стороны, изъ его іерархическаго устройства, а съ другой—изъ важности и силы власти, ему ввѣренной. Строгая отвѣтственность составляетъ одинъ изъ существенныхъ аттрибутовъ такого дисциплинированнаго учрежденія, какъ прокуратура. Чѣмъ содержательнѣе и шире ея права, чѣмъ болѣе добра и зла могутъ сдѣлать ея чины въ обыденномъ, повседневномъ отправленіи своей службы, тѣмъ строже должны они отвѣчать за упущенія и неправильности, тѣмъ осуществленіе отвѣтственности должно быть легче и удобнѣе. Только обязанностями и неразлучною съ ними отвѣтственностью уравновѣшиваются въ гражданскомъ быту болѣе или менѣе обширныя права лицъ должностныхъ

надъ частными и по охраненію общественныхъ интересовъ. Кому много дано, съ того много и взыщется – это начало приложимо не только къ людямъ, но и къ учрежденіямъ. Въ отношеніи прокуратуры, однакоже, этотъ принципъ носитъ обоюдоострый характеръ. Отвѣтственность, строгая и дѣйствительная, въ то же время не должна стѣснять активной дѣятельности, которая изъ энергической становится вялою и безцвѣтною, когда дѣятели чувствуютъ себя связанными по рукамъ излишнимъ обиліемъ карательныхъ угрозъ или чрезмѣрнымъ расширеніемъ мелочной и придирчивой критики. Не легко провести какъ въ законѣ, такъ и на практикѣ границу между этими крайностями; но очевидно, что, если лица прокурорскаго надзора должны быть строго отвѣтственны, то отвѣтственность эта не должна вырождаться въ педантическую придирчивость. Здѣсь вся задача заключается въ томъ, чтобы, предоставляя обществу и частнымъ лицамъ возможно болѣе дѣйствительныя гарантіи противъ уклоненія прокурорскихъ чиновъ отъ ихъ истиннаго служебнаго долга, въ то же время не мѣшать имъ исполнять этотъ долгъ свободно, увѣренно и спокойно.

Отвѣтственность, которой подлежатъ чины прокурорскаго надзора за неправильныя по службѣ дѣйствія, можетъ быть троякая: *уголовная*, *дисциплинарная* и *гражданская*. Тѣ же три категоріи существуютъ и для всѣхъ вообще чиновъ судебнаго вѣдомства, такъ какъ общія правила ихъ служебной отвѣтственности примѣняются и къ прокуратурѣ, впрочемъ, съ значительными видоизмѣненіями и изъятіями, которыя обусловливаются ея организаціей и нѣкоторыми характеристическими чертами прокурорской службы [1]), прокуроръ въ сущности отвѣчаетъ наравнѣ съ судьей, но нѣсколько въ иномъ порядкѣ, главнымъ образомъ, относительно возбужденія уголовныхъ и всей процедуры дисциплинарныхъ дѣлъ. Основное начало прокурорскаго надзора,—его подчиненность генералъ-прокурору,—

[1]) Обстоятельный разборъ постановленій нашего права объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, а также и критику сложившейся по этому предмету практики см. у *Бардзскаго* „Объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства за преступленія и проступки по службѣ“. Тула 1884.

отличаетъ и опредѣляетъ собою всѣ важнѣйшія, допущенныя для прокуратуры отступленія отъ общей системы судебной отвѣтственности.

По тяжести послѣдствій на первомъ планѣ стоитъ *уголовная* отвѣтственность за такія неправильныя по службѣ дѣйствія, которыя, заключая въ себѣ признаки служебнаго преступленія, предусмотрѣны въ уложеніи о наказаніяхъ и подлежатъ преслѣдованію въ особомъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, установленномъ для должностныхъ преступленій (разд. III, кн. III уст. уг. суд.). Этой отвѣтственности лица прокурорскаго надзора подвергаются на томъ же основаніи, какъ и судьи, и съ тѣмъ же разграниченіемъ органовъ, предающихъ суду. Подобно судьямъ, всѣ прокурорскіе чины безъ изъятія, отъ товарища прокурора окружного суда до оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента сената, предаются суду постановленіями соединеннаго присутствія I и кассаціонныхъ департаментовъ сената (п. 2 ст. 1080 уст. уг. суд.). Но въ отличіе отъ судей, для которыхъ власть, возбуждающая судебное преслѣдованіе, и власть, предающая суду, соединяются въ рукахъ одного и того же названнаго выше установленія въ составѣ сената (ст. 1079 и 1080 уст. уг. суд.), въ силу ст. 1081 уст. уг. суд.: „къ постановленіямъ о преданіи суду чиновъ прокурорскаго надзора соединенное присутствіе I и кассаціонныхъ департаментовъ сената приступаетъ не иначе, какъ по предложенію министра юстиціи“, т.-е. исключительно по его иниціативѣ и съ его согласія. Это узаконеніе нужно понимать въ томъ болѣе широкомъ смыслѣ, что указаннымъ въ немъ условіемъ обставлено не только преданіе суду прокурорскихъ чиновъ, но и привлеченіе ихъ къ уголовной отвѣтственности, другими словами—возбужденіе противъ нихъ судебнаго преслѣдованія. Прямо въ законѣ послѣдняго правила не выражено, но оно логически слѣдуетъ: а) изъ сопоставленія ст. 1079 у. у. с., по которой донесенія и сообщенія о преступленіяхъ должности по судебному вѣдомству обращаются къ установленіямъ, предающимъ суду, съ упомянутою уже 1081 ст., по которой въ отношеніи лицъ прокурорскаго надзора преданіе суду обусловлено предложеніемъ генералъ-проку-

рора, и б) изъ коренного и безусловнаго принципа полнаго ему подчиненія всѣхъ чиновъ прокуратуры. Такимъ образомъ, хотя послѣднее слово по вопросамъ судебнаго ихъ преслѣдованія принадлежитъ сенату, отъ министра юстиціи вполнѣ зависитъ начать это преслѣдованіе или на него согласиться. Поводами къ нему являются непосредственный надзоръ начальства за дѣйствіями подчиненныхъ, должностныя сообщенія другихъ вѣдомствъ и жалобы или заявленія частныхъ лицъ, обращаемыя къ министру. Указанія, полученныя однимъ изъ этихъ способовъ, министерство юстиціи можетъ провѣрить тѣмъ или другимъ судебно-административнымъ путемъ, а именно: истребованіемъ или собраніемъ черезъ подлежащее начальство нужныхъ свѣдѣній, назначеніемъ ревизіи или производствомъ первоначальнаго разслѣдованія (дознанія) черезъ командированное съ этой цѣлью должностное лицо. Министерство обязано сообщить обвиняемому прокурору о предметѣ упадающаго на него обвиненія и потребовать объясненія. По разсмотрѣніи полученныхъ данныхъ министръ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, представляются ли достаточныя основанія для предложенія сенату о назначеніи предварительнаго слѣдствія надъ обвиняемымъ лицомъ прокурорскаго надзора, или о преданіи его суду (ст. 1086, 1087, 1089 у. у. с.). Въ дальнѣйшемъ дѣло идетъ общимъ ходомъ производства по служебнымъ преступленіямъ, при чемъ по классу занимаемыхъ должностей подсудны: прокуроры окружныхъ судовъ съ ихъ товарищами—судебной палатѣ, а прокуроры судебныхъ палатъ съ ихъ товарищами и оберъ-прокуроры съ ихъ товарищами — судебному присутствію, образуемому въ составѣ кассаціонныхъ департаментовъ сената (ст. 1073 п. I и 1075 у. у. с.) [1]).

---

[1]) Подсудность товарищей оберъ-прокуроровъ въ законѣ не указана, но изъ того, что, по ст. 1075 уст. угол. суд., не только оберъ-прокуроры и прокуроры судебныхъ палатъ, но и товарищи этихъ послѣднихъ подсудны сенату, а, по ст. 270 учр. суд. уст., ему подлежатъ и дисциплинарныя дѣла о товарищахъ оберъ-прокуроровъ, слѣдуетъ вывести и уголовную подсудность тому же высшему установленію этихъ лицъ оберъ-прокурорскаго надзора, которыя сами принадлежатъ къ учрежденію сената, состоя притомъ и въ одномъ классѣ должности съ подсудными ему по закону товарищами прокуроровъ судебныхъ палатъ.

Матеріальная сторона уголовной отвѣтственности прокурорскаго надзора почти не имѣетъ спеціальныхъ опредѣленій. Прокурорскіе чины отвѣчаютъ за всѣ общія преступленія по службѣ; изъ особенныхъ же видовъ ихъ только одинъ во всемъ уложеніи касается прямо прокурорскаго надзора. По ст. 371 улож. о нак., „должностныя лица, коимъ ввѣренъ надзоръ за правильностью судебныхъ рѣшеній и приговоровъ, прокуроры, чиновники, скрѣпляющіе судебныя опредѣленія (секретари) и т. п., смотря по важности ихъ упущеній и по мѣрѣ ихъ участія въ неправосудіи, обнаруженномъ по дѣламъ, бывшимъ въ ихъ разсмотрѣніи, подвергаются: или наказаніямъ, въ предшедшихъ (366—370) статьяхъ опредѣленнымъ, или же тѣмъ, которыя опредѣляются общими о участіи въ преступленіи правилами". Изъ текста этой статьи, въ которой еще недавно (въ изданіи 1866 г.) упоминалось рядомъ съ прокурорами о стряпчихъ [1]), видно, что происхожденіе ея относится къ тому дореформенному времени и къ тѣмъ порядкамъ прежняго судопроизводства, когда наблюденіе за правильностью судебныхъ опредѣленій, выражавшееся въ просмотрѣ и пропускѣ ихъ, составляло главный предметъ прокурорскихъ занятій. Но такъ какъ и теперь еще на прокурорскомъ надзорѣ въ судебной области продолжаетъ лежать „обязанность наблюденія за охраненіемъ законовъ" (ст. 253 учр. суд. уст.), то ст. 371 улож. и понынѣ не потеряла значенія. Смыслъ ея заключается въ томъ, что за преступно-невѣрныя или даже ошибочныя судебныя опредѣленія отвѣчаютъ, кромѣ судей, также и участвовавшія въ дѣлѣ лица прокурорскаго надзора, конечно, если они при этомъ не воспользовались своимъ правомъ законнаго воздѣйствія противъ такихъ опредѣленій, въ порядкѣ ли обжалованія, или надзора.

Переходя затѣмъ къ примѣненію постановленій закона объ уголовной отвѣтственности прокурорскаго надзора, нельзя не замѣтить, что практики этого вопроса почти не существуетъ. За первое 25-лѣтіе новой прокуратуры было не болѣе 2—3 случаевъ возбужденія противъ ея чиновъ служебнаго уголов-

[1]) Исключено въ изданіи 1885 г.

наго преслѣдованія и при томъ по дѣламъ, сравнительно, весьма маловажнымъ, тогда какъ другіе чины судебнаго вѣдомства подвергались суду гораздо чаще. Съ перваго взгляда явленіе это можно объяснять одною изъ слѣдующихъ причинъ: или личный составъ прокуратуры неизмѣнно стоялъ на такомъ высокомъ уровнѣ, который не далъ вовсе преступныхъ уклоненій отъ служебнаго долга, или же, вслѣдствіе сосредоточенія обвинительной власти въ рукахъ единоличнаго начальства прокурорскаго надзора, власть эта не примѣнялась къ нему съ тою строгостью, какая имѣла мѣсто въ отношеніи, напр., судебныхъ слѣдователей и судей. Ни тотъ, ни другой крайній выводъ не будетъ, однакоже, справедливъ, и здѣсь необходимо допустить еще третье, среднее объясненіе. Гораздо менѣе многочисленный, чѣмъ институтъ слѣдователей, прокурорскій надзоръ дѣйствительно могъ быть пополняемъ съ большею требовательностью и, къ чести его, нельзя отрицать, что, сколько извѣстно, члены его въ самомъ дѣлѣ не подавали повода къ крупнымъ нареканіямъ уголовнаго характера. Но такъ какъ повсюду есть исключенія, и ни одно учрежденіе не застраховано отъ нарушенія его чинами служебныхъ обязанностей, то нарушенія такого рода, хотя бы и не очень значительныя, конечно, случались и случаются и въ прокурорской средѣ. Если же они не вызываютъ судебнаго преслѣдованія, то только потому, что въ прокурорскомъ надзорѣ гораздо шире рамки дисциплинарной отвѣтственности и сильнѣе репрессивная власть начальства. По ст. 264 учр. суд. уст., всѣ судьи, въ томъ числѣ и слѣдователи, въ дисциплинарномъ порядкѣ могутъ быть подвергаемы только легчайшему изъ взысканій — предостереженіямъ — и въ очень немногихъ случаяхъ вычетамъ изъ жалованья; всѣ же другія взысканія за служебныя нарушенія налагаются не иначе, какъ въ порядкѣ уголовнаго суда. Между тѣмъ, по ст. 266 учр. суд. уст., этого ограниченія нѣтъ для лицъ прокурорскаго надзора, которыхъ министръ юстиціи можетъ подвергать дисциплинарнымъ взысканіямъ во множествѣ такихъ случаевъ, когда судью нужно предавать суду. Далѣе, отсутствіе въ прокуратурѣ несмѣняемости и безусловное право начальства перемѣщать ея

чиновъ позволяютъ практиковать въ обширныхъ размѣрахъ предупредительныя и административно-карательныя мѣры, не дожидаясь надобности прибѣгать къ формальному суду. При первыхъ признакахъ того, что лицо прокурорскаго надзора дѣйствуетъ неправильно или вовсе недостойно занимаемой имъ должности, оно можетъ быть призвано къ порядку весьма внушительнымъ воздѣйствіемъ или даже совсѣмъ устранено отъ прокурорской службы безъ дальнѣйшихъ формальностей и проволочки. Это средство, строгое, но дѣйствительное и въ административно-іерархической организаціи прокуратуры вполнѣ умѣстное, дѣлаетъ судебно-уголовную процедуру о виновныхъ чинахъ прокурорскаго надзора излишнею и по большей части пресѣкаетъ зло въ самомъ корнѣ и началѣ, не позволяя служебнымъ упущеніямъ или даже злоупотребленіямъ развиваться именно въ такой области, гдѣ они, по самому свойству прокурорской власти, могли бы быть наиболѣе опасны и вредны. Сюда въ особенности относится вѣрное опредѣленіе, данное составителями судебныхъ уставовъ внутренней судебной дисциплинѣ, которая „слѣдитъ съ равнымъ вниманіемъ за всякою, даже самою малозначительною виною каждаго члена установленія, но не съ тѣмъ, чтобы преслѣдовать его и наказать, а единственно для того, чтобы благовременнымъ взысканіемъ за малую вину не дать развиться наклонности къ пренебреженію обязанностями и черезъ то предупредить болѣе важныя упущенія и самыя преступленія“ [1]).

Такое предупредительное значеніе свойственно *дисциплинарной* отвѣтственности прокурорскаго надзора, построенной на началѣ его іерархической подчиненности. Постановленія закона объ этой формѣ прокурорской отвѣтственности немногосложны. Лица прокурорскаго надзора такъ же, какъ и всѣ другіе чины судебнаго вѣдомства, могутъ быть подвергаемы, безъ преданія суду, дисциплинарнымъ взысканіямъ шести категорій, указаннымъ въ ст. 262 учр. суд. уст. Но въ отличіе отъ судей, для которыхъ установленъ особый порядокъ дисциплинарнаго производ-

[1]) Судебные Уставы, изд. госуд. канцел., ч. III, стр. 183.

ства въ судебныхъ мѣстахъ, прокурорскіе чины подлежатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, по ст. 266 учр. суд. уст., *по непосредственному усмотрѣнію министра юстиціи*, съ соблюденіемъ одного лишь формальнаго условія, а именно—„*не иначе, какъ по истребованіи отъ нихъ объясненій*“. Это „непосредственное усмотрѣніе“ замѣняетъ въ прокурорскомъ надзорѣ судебное разсмотрѣніе и разрѣшеніе дисциплинарныхъ дѣлъ. Генералъ-прокуроръ является единственнымъ и притомъ окончательнымъ дисциплинарнымъ судьею подчиненныхъ ему прокуроровъ, и судъ его не связанъ никакою особою формальною процедурой, кромѣ упомянутаго выше истребованія объясненія. Для этого чисто административнаго суда главнаго начальника надъ подчиненными обязательны, однакоже, матеріальныя постановленія о дисциплинарной отвѣтственности, напр., о родѣ и послѣдовательности взысканій (ст. 261 учр. суд. уст.), о дисциплинарной давности (ст. 273 учр. суд. уст.) и проч.— Сверхъ того, въ той же статьѣ 266 учр. суд. уст., которою опредѣляется дисциплинарная власть министра, указаны и предѣлы ея относительно лицъ ей подвѣдомственныхъ. Министръ пользуется всею полнотою этой власти только надъ товарищами прокуроровъ окружныхъ судовъ, которыхъ онъ можетъ подвергать любому изъ установленныхъ закономъ дисциплинарныхъ взысканій. Высшихъ же лицъ прокурорскаго надзора, прокуроровъ окружныхъ судовъ, прокуроровъ судебныхъ палатъ и ихъ товарищей, а также товарищей оберъ-прокуроровъ министръ въ правѣ подвергнуть въ дисциплинарномъ порядкѣ только первымъ тремъ взысканіямъ, т.-е. предостереженіямъ, замѣчаніямъ и выговорамъ, а оберъ-прокуроровъ—только однимъ предостереженіямъ. Всѣ остальныя взысканія налагаются на этихъ лицъ прокурорскаго надзора не иначе, какъ въ порядкѣ уголовнаго суда Мотивы ст. 266 объясняютъ такое ограниченіе дисциплинарной отвѣтственности необходимою соразмѣрностью между значеніемъ должности и значеніемъ взысканія: чѣмъ важнѣе должность, тѣмъ сильнѣе должна быть отвѣтственность, „такъ что если на лица, занимающія низшія должности, можно за нѣкоторыя упущенія налагать довольно значительныя взысканія

въ дисциплинарномъ порядкѣ, то за тѣ же упущенія лицъ, состоящихъ въ болѣе важныхъ должностяхъ, слѣдуетъ привлекать къ отвѣтственности въ порядкѣ суда уголовнаго". При этомъ въ отношеніи оберъ-прокуроровъ кассаціонныхъ департаментовъ имѣлось въ виду, что хотя они и не пользуются несмѣняемостью, но не могутъ быть поставлены ниже прежнихъ, дореформенныхъ оберъ-прокуроровъ, о которыхъ въ ст. 352 учрежд. прав. сената постановлено, что они „ни чьему суду не подлежатъ, кромѣ Императорскаго Величества, или того мѣста, которое Высочайшею властью къ сему назначено будетъ" [1]). Тѣмъ не менѣе, уже предоставленіе министру права по своему усмотрѣнію объявлять предостереженія оберъ-прокурорамъ довольно существенно понижаетъ ихъ служебное положеніе сравнительно съ прежнимъ. Право это, сколько извѣстно, было примѣнено со времени судебной реформы не болѣе одного раза, но дѣло не столько въ самой практикѣ взысканія, сколько въ его возможности, способной вліять и на постановку отношеній.

Независимо отъ дисциплинарныхъ распоряженій министра, законъ допускаетъ и настоящее дисциплинарное производство о лицахъ прокурорскаго надзора на общемъ основаніи въ судебныхъ мѣстахъ и съ соблюденіемъ всего порядка разсмотрѣнія и разрѣшенія дисциплинарныхъ дѣлъ, установленнаго въ ст. 270—292 учр. суд. уст. Это прямо видно изъ текста ст. 270, по которой „дѣла, подлежащія дисциплинарному производству, вѣдаются", между прочимъ... объ оберъ-прокурорахъ, ихъ товарищахъ, прокурорахъ судебныхъ палатъ и ихъ товарищахъ высшимъ дисциплинарнымъ присутствіемъ правительствующаго сената, а о прокурорахъ окружныхъ судовъ и ихъ товарищахъ—судебными палатами. Но въ законѣ не указано, въ какихъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто это дисциплинарное производство о прокурорскихъ чинахъ, и какъ согласить его съ постановленіемъ ст. 266 о томъ, что они подвергаются дисциплинарнымъ взысканіямъ „по непосредственному усмотрѣнію министра юстиціи". Повидимому, и въ соотвѣтствіи съ началомъ полной под-

[1]) Судебные Уставы, изд госуд. канцел., ч. III, стр. 187.

чиненности прокуратуры министру, это возможно лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда генералъ-прокуроръ, не пожелавъ воспользоваться своею дисциплинарною юрисдикціею, признаетъ нужнымъ предоставить опредѣленіе дисциплинарной отвѣтственности лица прокурорскаго надзора въ общемъ порядкѣ подлежащему судебному установленію.

Далеко не всѣ перечисленныя въ законѣ дисциплинарныя взысканія примѣняются на практикѣ, которая, сообразно существующимъ служебнымъ условіямъ, выработала свои пріемы дисциплинарной отвѣтственности. Сверхъ этихъ взысканій вошли въ употребленіе еще двѣ мѣры не прямо дисциплинарнаго свойства, составляющія какъ бы переходныя ступени къ настоящимъ взысканіямъ. Это, во-1-хъ, *разъясненіе* начальствомъ подчиненному неправильности его дѣйствій, и, во-2-хъ, *поставленіе ему на видъ* сдѣланнаго по службѣ упущенія. Обѣ названныя мѣры практикуются, когда подчиненный прокуроръ дѣйствовалъ хотя и неправильно, но безъ грубаго и сознательнаго нарушенія своего долга или при извиняющихъ обстоятельствахъ и безъ вредныхъ послѣдствій для дѣла и лицъ, такъ что трудно признать его заслуживающимъ формальнаго взысканія, а между тѣмъ нельзя и пройти молчаніемъ допущенное отступленіе отъ правильнаго порядка. Первая изъ этихъ мѣръ, примѣняемая чаще въ случаяхъ добросовѣстнаго заблужденія, имѣетъ характеръ какъ бы наставительный: начальство только разъясняетъ подчиненному, въ чемъ его ошибка или неправильное толкованіе дѣйствующихъ постановленій. Вторая мѣра, скорѣе предупредительнаго свойства, почти совпадаетъ по своему значенію съ низшимъ изъ взысканій предостереженіемъ: начальство, обращая вниманіе подчиненнаго на сдѣланную имъ неправильность, приглашаетъ его быть впредь болѣе осторожнымъ и рачительнымъ. Такъ какъ обѣ мѣры не принадлежатъ къ перечисленнымъ въ законѣ дисциплинарнымъ взысканіямъ, которыя, на основаніи ст. 266 учр. суд. уст., можетъ налагать только министръ юстиціи, то разъясненіе и поставленіе на видъ исходитъ и отъ прокурора судебной палаты въ качествѣ главы мѣстной прокуратуры. Онъ какъ бы предупреждаетъ ими не-

исправныхъ лицъ прокурорскаго надзора, что повтореніе или болѣе важныя упущенія съ ихъ стороны могутъ повлечь за собою донесеніе министру съ цѣлью возбужденія уже настоящей дисциплинарной отвѣтственности. Самый фактъ такого донесенія заключаетъ въ себѣ немаловажную угрозу; неудовлетворительныя „кондуитныя“ свѣдѣнія въ извѣстной степени препятствуютъ дальнѣйшей карьерѣ и въ этомъ смыслѣ оставляютъ на бумагѣ не легко изгладимый слѣдъ. Тѣмъ съ большею осторожностью должно прибѣгать къ нимъ прокурорское начальство, лишь въ рѣзкихъ и крупныхъ случаяхъ, или когда безуспѣшно исчерпаны всѣ средства мѣстнаго воздѣйствія.

Изъ числа собственно дисциплинарныхъ взысканій обыкновенно примѣняются къ лицамъ прокурорскаго надзора только два: *замѣчаніе* и *выговоръ* безъ внесенія въ послужной списокъ (п. 2 и 3 ст. 262 учр. суд. уст.), при чемъ къ послѣднему иногда прибавляется не установленный учрежденіемъ судебныхъ установленій, а заимствованный изъ уложенія о наказаніяхъ эпитетъ *„строгій“*, который, впрочемъ, особаго практическаго значенія не имѣетъ. Наложенію этихъ взысканій всегда предшествуетъ разсмотрѣніе объясненія, истребованнаго черезъ начальство провинившагося; оно прилагаетъ къ этому объясненію свое заключеніе какъ о степени его уважительности, такъ и вообще о доказанности, свойствѣ и послѣдствіяхъ вины подчиненнаго. Министру юстиціи подобныя заключенія, вмѣстѣ съ объясненіями, представляетъ прокуроръ палаты, въ свою очередь требующій ихъ отъ прокурора окружного суда, если дѣло идетъ объ отвѣтственности товарища прокурора окружного суда.

Строго говоря, по точному смыслу ст. 263 учр. суд. уст., дисциплинарныя взысканія должны бы налагаться и на лицъ прокурорскаго надзора, какъ и на судей, исключительно въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, т.-е. за проступки и нарушенія, прямо запрещенныя подъ страхомъ отвѣтственности. Но такъ какъ, по ст. 266, дисциплинарная власть министра юстиціи обусловлена въ извѣстныхъ предѣлахъ лишь „непосредственнымъ его усмотрѣніемъ“, то при наложеніи имъ взысканій не требуется точной юридической квалификаціи вины;

достаточно ея формулировки, хотя бы въ однихъ фактическихъ признакахъ, съ приведеніемъ главнѣйшихъ мотивовъ, вызывающихъ примѣненіе того или иного взысканія. Первое предъявляется обвиняемому въ видѣ „предмета обвиненія“ еще при истребованіи отъ него объясненія, а второе служитъ указаніемъ, почему объясненіе это признано неуважительнымъ. Объемъ дисциплинарной юрисдикціи министра, такимъ образомъ, весьма широкъ; онъ можетъ подвергнуть лицъ прокурорскаго надзора взысканію, какъ только усмотритъ къ тому какой-либо поводъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Если же вина настолько важна, что ни одно изъ вышеуказанныхъ взысканій ей не соотвѣтствуетъ, то слѣдуетъ уже непосредственный переходъ къ мѣрамъ, хотя и не совпадающимъ съ дисциплинарными карами, но еще болѣе тяжкимъ и чувствительнымъ, таковы—перемѣщеніе на ту же должность изъ одной мѣстности въ другую, съ худшими условіями (напр., изъ столицы въ провинцію, изъ мѣстности ближайшей и удобной въ болѣе отдаленную и глухую и т. д.), или—что встрѣчается, впрочемъ, очень рѣдко—перемѣщеніе на другую должность, низшую или хуже обставленную и, наконецъ, увольненіе отъ должности съ причисленіемъ къ министерству юстиціи или, наконецъ, даже—какъ мѣра крайняя и строжайшая—увольненіе вовсе отъ службы безъ прошенія. При полной свободѣ начальства относительно принятія перечисленныхъ мѣръ самая ихъ перспектива гарантируетъ дѣйствительность прокурорской отвѣтственности не меньше, если не больше, чѣмъ дисциплинарное производство обезпечиваетъ значеніе отвѣтственности судейской. Находясь постоянно подъ подобною угрозой, лица прокурорскаго надзора поневолѣ должны быть осмотрительны въ своихъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что по существу прокурорской отвѣтственности, всѣ нити которой стекаются въ рукахъ генералъ-прокурора, его карательныя распоряженія окончательны и безусловны. Въ его просвѣщенной справедливости, такъ же какъ и въ добросовѣстной основательности свѣдѣній, ему доставляемыхъ, все ручательство того, что дѣятели прокуратуры, не оставаясь безнаказанными при явной и несомнѣнной винѣ, въ то же время не будутъ подвергаемы отвѣтствен-

ности по произволу или излишне стѣсняемы мелочно-формальною, бюрократическою критикой ихъ живой дѣятельности. Высшему управленію прокуратурой нужно не мало такта, проницательности, знанія судебной практики и широкаго взгляда на вещи для того, чтобы изъ департаментскихъ кабинетовъ и среди бумажно-канцелярской обстановки центральнаго вѣдомства вѣрно оцѣнивать явленія практической судебной жизни и шаги, сдѣланные въ разгарѣ вседневной дѣловой борьбы. Не одинъ только строгій судъ, но и твердую защиту противъ личной мести, ябеды и придирчивости должны видѣть прокурорскіе чины въ правильной постановкѣ и цѣлесообразномъ примѣненіи дисциплинарной ихъ отвѣтственности.

Тѣмъ же мѣрамъ административнаго воздѣйствія, въ формѣ перемѣщенія или увольненія, они подвергаются и въ случаѣ совершенія въ своей частной жизни такихъ дѣяній, которыя роняютъ личное достоинство служащаго и не могутъ быть терпимы въ учрежденіи прокурорскаго надзора. Такъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи ст. 295—296 учр. суд. уст., принимаются въ особо установленномъ дисциплинарномъ порядкѣ мѣры, имѣющія цѣлью избавить судебное вѣдомство отъ судьи недостойнаго или скомпрометированнаго въ качествѣ частнаго человѣка, чистота прокурорскаго личнаго состава достаточно обезпечивается его смѣняемостью.

Совершенно отдѣльно отъ уголовной и дисциплинарной стоитъ *гражданская* отвѣтственность лицъ прокурорскаго надзора за такія неправильныя или пристрастныя по службѣ дѣйствія, отъ которыхъ произошелъ ущербъ для частныхъ лицъ, получающихъ поэтому право отыскивать свои убытки особымъ порядкомъ гражданскаго судопроизводства. Порядокъ этотъ, одинаковый какъ для прокуроровъ, такъ и для судей, указанъ въ главѣ II раздѣла II книги III уст. граж. суд. (ст. 1331—1336) и сводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ. 1) Для полученія права на искъ понесенные убытки должны быть: а) прямымъ послѣдствіемъ: б) неправильныхъ или пристрастныхъ дѣйствій должностного лица и в) по производству дѣла или постановленію рѣшенія (ст. 1131 уст. гражд. суд.). При этомъ, по разъясне-

нію сената, не находящему себѣ, однако, прямой и твердой опоры въ самомъ текстѣ закона, неправильныя или пристрастныя дѣйствія должны быть совершены непремѣнно въ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ [1]), чѣмъ крайне суживается понятіе о подобныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ они могутъ быть совершены по небрежности, незнанію или по другимъ причинамъ, совершенно неумышленно, безъ всякихъ личныхъ видовъ, а въ то же время причинить убытки, отыскиваніе которыхъ вполнѣ подойдетъ подъ опредѣленіе ст. 1331 уст. гр. суд. 2) Предъявленіе иска объ убыткахъ къ лицу прокурорскаго надзора обставлено полученіемъ предварительнаго на то разрѣшенія отъ высшаго судебнаго мѣста: для чиновъ низшей прокуратуры—отъ судебной палаты, а для прокуратуры высшей—отъ соединеннаго присутствія 1 и кассаціонныхъ департаментовъ сената (ст. 1331, 1334, 1335 уст. гражд. суд.). 3) Это разрѣшеніе дается или отвергается по истребованіи отъ прокурора-отвѣтчика въ назначенный срокъ письменнаго объясненія противъ заявленнаго иска (ст. 1333 и 1334 уст. гражд. суд.). 4) При этомъ истребованію объясненія должно предшествовать предварительное признаніе судомъ, разрѣшающимъ предъявленіе иска, что искъ этотъ можетъ подлежать удовлетворенію. 5) Въ случаѣ выдачи разрѣшенія на искъ, высшее судебное мѣсто назначаетъ окружный судъ для его принятія и разсмотрѣнія, которое затѣмъ производится уже по общимъ правиламъ искового судопроизводства. 6) Матеріальная сторона дѣла, т.-е. самая отвѣтственность за убытки, опредѣляется на основаніи правилъ, постановленныхъ по этому предмету въ ст. 677—682 1 ч. X т. св. зак. гражд. Изъ этихъ статей въ послѣдней (682) упоминается только о лицахъ стараго губернскаго и уѣзднаго надзора, губернскихъ прокурорахъ и стряпчихъ; но тѣ же правила относятся, очевидно, и къ чинамъ новой прокуратуры, разъ для нихъ существуетъ въ судебныхъ уставахъ особый порядокъ взысканія убытковъ.

Нельзя, однакоже, не замѣтить, что въ дѣйствительности

[1]) Рѣш. гражд. кассац. департамента 1874 г., № 884.

весь этотъ порядокъ почти не имѣетъ практическаго приложенія и долженъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе отвлеченныхъ и идеализированныхъ институтовъ судебной реформы. Задуманный съ благими намѣреніями и основанный на теоретически вполнѣ вѣрной мысли, онъ оказался на практикѣ настолько неудобнымъ и трудно исполнимымъ, что никто къ нему не обращается. Причины этого лежатъ и въ самомъ существѣ его, и въ окружающихъ условіяхъ. Вообще не въ нашихъ нравахъ отыскивать денежные убытки съ должностныхъ лицъ за причиненныя стѣсненія. По свойству русскаго характера, не привыкшаго оцѣнивать на деньги полученную непріятность или ущербъ, а также и изъ традиціонной нелюбви или даже боязни тягаться съ чиновниками, лица, считающія себя пострадавшими отъ должностныхъ дѣйствій, и теперь еще предпочитаютъ прежде всего домогаться скорѣйшей отмѣны стѣснительныхъ для нихъ распоряженій власти, къ чему и направляютъ свои жалобы по начальству. Лишь изрѣдка и въ крайнихъ случаяхъ его просятъ о привлеченіи должностныхъ нарушителей частныхъ правъ къ отвѣтственности, и то личной, а не имущественной, представленіе о которой мало распространено и вовсе не укоренилось въ нашемъ гражданскомъ быту. Далѣе, и описанная выше процедура этой отвѣтственности не отличается легкостью и удобствомъ. Нужно много энергіи, настойчивости и свободнаго времени, чтобы упорно пробиваться черезъ всѣ формальности состоящаго изъ нѣсколькихъ стадій предварительнаго разрѣшенія и затѣмъ черезъ всѣ трудности самого иска къ результату, во всякомъ случаѣ, весьма проблематичному. Въ самомъ дѣлѣ, для доказательства права на полученіе убытковъ, происшедшихъ отъ служебныхъ дѣйствій лица судебнаго вѣдомства, нужно установить: 1) формальную неправильность этихъ дѣйствій, преюдиціально признанную компетентною властью или начальствомъ, и 2) прямую, если не исключительную, причинную связь именно этихъ дѣйствій съ понесеннымъ ущербомъ. Доказать же все это по большей части очень трудно, особенно, напр., второе положеніе, по отношенію къ прокурорскому надзору, котораго распоряженія почти всегда подлежатъ обсужденію судебной власти

и могутъ быть ею приняты и отвергнуты, отъ чего и зависитъ ихъ исполненіе. Такъ, напр., не легко доказать гражданскую отвѣтственность лица прокурорскаго надзора за убытки, причиненные неправильнымъ возбужденіемъ слѣдствія или неправильнымъ лишеніемъ свободы по предложенію прокуратуры, когда предложеніе это было уважено слѣдователемъ или судомъ, и дальнѣйшій ходъ слѣдствія опредѣлялся уже ихъ распоряженіями. Въ общемъ вся практика гражданской отвѣтственности за неправильныя по службѣ дѣйствія у насъ еще вовсе не сложилась; тѣмъ менѣе выработана она въ виду указанныхъ трудностей относительно прокурорскаго надзора. Условія нашей государственной и общественной жизни едва ли благопріятствуютъ ея развитію, и порядокъ этой отвѣтственности обреченъ, вѣроятно, еще долго существовать больше in potentia и въ текстѣ закона, чѣмъ въ дѣйствительномъ обиходѣ и оборотѣ.

Для осуществленія главныхъ формъ прокурорской отвѣтственности, уголовной и дисциплинарной, и вообще какъ гарантія противъ неправильныхъ служебныхъ дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора, имѣетъ большое значеніе порядокъ *обжалованія* этихъ дѣйствій. Вовсе не указанный въ законѣ, онъ логически обусловливается господствующимъ въ прокуратурѣ началомъ подчиненности низшихъ ея чиновъ высшимъ. Жалобы приносятся *по начальству* и разрѣшаются имъ въ томъ или иномъ смыслѣ, смотря по характеру дѣла, сущности жалобы и степени власти, принадлежащей ея адресату. Жалобщикомъ на дѣйствія прокуратуры можетъ явиться: 1) всякое заинтересованное въ нихъ частное лицо безъ различія отношенія его къ дѣлу, т.-е. сторона, свидѣтель, повѣренный или даже просто обыватель, такъ или иначе пришедшій въ соприкосновеніе съ дѣятельностью прокурорскаго надзора; 2) всякое находящееся въ томъ же положеніи юридическое лицо, напр., общество, товарищество, кредитное учрежденіе, корпорація и проч., и 3) всякое правительственное или общественное установленіе, вѣдомства или интересовъ котораго коснулись дѣйствія прокуратуры. Въ силу публичнаго ихъ характера едва ли даже можно допустить здѣсь какое-либо ограниченіе права жалобы: жаловаться въ правѣ

всякій, у кого есть къ тому достаточный поводъ, и ни одно частное или офиціальное заявленіе о неправильностяхъ прокурорскаго надзора, откуда бы оно ни исходило, не должно быть оставляемо прокурорскимъ начальствомъ безъ разсмотрѣнія и разрѣшенія. Дѣло не въ источникѣ свѣдѣній, а въ ихъ существѣ и степени достовѣрности. Чѣмъ шире будетъ кругъ обжалованія, тѣмъ больше обезпеченія отъ ошибокъ или злоупотребленій власти, настолько сильной и вмѣстѣ обоюдоострой, что контролировать ее желательно всѣми возможными средствами. Отсюда нимало не слѣдуетъ поощреніе ябедничества; опытное и благоразумное начальство всегда сумѣетъ отличить его отъ сколько-нибудь серьезнаго нареканія, не подвергая напрасно подчиненнаго не только непріятностямъ, но и безпокойству. Стѣснять жалобы указаніемъ имъ какихъ-либо предѣловъ нѣтъ основанія и надобности. Пусть считающіе себя обиженными или пострадавшими отъ прокурорскихъ распоряженій жалуются на нихъ какъ можно чаще и больше,—отъ этого, при безпристрастномъ и вѣрномъ отношеніи къ жалобамъ, произойдетъ двойная выгода: въ обществѣ не укоренится мнѣніе о безотвѣтственности и безнаказанности прокуратуры, а начальство ея получитъ лишній способъ всесторонне узнавать истину. Тѣ же соображенія примѣнимы къ объему и содержанію жалобъ: жаловаться можно на всѣ тѣ дѣйствія, распоряженія и мѣропріятія прокурорскаго надзора, которыя жалобщикъ находитъ неправильными или для себя стѣснительными. И здѣсь нельзя положить обжалованію никакихъ предѣловъ; единственный компетентный судья его умѣстности—самъ жалобщикъ, точно такъ же, какъ единственный компетентный судья основательности жалобы—начальство, ее разрѣшающее.

На практикѣ всѣ жалобы на прокурорскій надзоръ, или по крайней мѣрѣ огромное большинство ихъ, распадаются на двѣ главныя категоріи, иногда, впрочемъ, между собою совпадающія: въ однѣхъ испрашивается отмѣна или измѣненіе извѣстныхъ процессуальныхъ распоряженій прокуратуры, при чемъ сюда относятся чаще всего приносимыя жалобы на отказъ въ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, а въ другихъ—предъявляется

ходатайство о личной отвѣтственности прокурорскихъ чиновъ. Жалобы служатъ такимъ образомъ и средствомъ высшаго наблюденія за ихъ дѣятельностью, и законнымъ поводомъ привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ въ служебныхъ нарушеніяхъ. Жалобы могутъ быть подаваемы и на такія дѣйствія лицъ прокурорскаго надзора, которыя совершены или совмѣстно, или по соглашенію съ судебными мѣстами или съ должностными лицами судейскаго званія въ кругѣ ихъ общей, иногда нераздѣльной функціи. Это стеченіе отнюдь не слагаетъ съ прокурорскаго начальства обязанности обсудить обжалованныя дѣйствія подчиненнаго, поскольку въ нихъ выразилась его личная и самостоятельная дѣятельность, независимо отъ обжалованія дѣйствій суда или слѣдователя. Такъ, по предварительному слѣдствію слѣдователь отвѣчаетъ передъ судомъ, въ особо установленномъ порядкѣ обжалованія и отвѣтственности, даже и за такія дѣйствія, которыя предприняты имъ по предложенію прокурора. Жалобы же на это послѣднее подлежатъ вѣдѣнію прокурорскаго начальства. По различію органовъ и задачъ тѣ и другія жалобы могутъ даже получить различное разрѣшеніе; напр., окружной судъ признаетъ неправильными слѣдственныя дѣйствія, произведенныя согласно прокурорскому предложенію, а прокурорское начальство можетъ найти, что подчиненный его имѣлъ законное и достаточное основаніе къ предъявленію этого предложенія. Въ интересахъ единства судебныхъ органовъ и судебной дѣятельности такіе конфликты, безспорно, нежелательны, но юридически они возможны и практически, по различію руководящихъ точекъ зрѣнія, даже неизбѣжны, хотя и необходимо стремиться къ тому, чтобы они были какъ можно рѣже.

Жалобы адресуются безразлично какъ ближайшему, такъ и высшему начальству, которое, впрочемъ, всегда соблюдаетъ порядокъ подчиненности, и если жалоба подана помимо начальства непосредственнаго (напр., министру юстиціи на прокурора окружного суда помимо прокурора судебной палаты), то передаетъ ее по принадлежности на основаніи ст. 129 учр. суд. уст. По первой изъ двухъ указанныхъ выше категорій жалобъ принято требовать отъ должностного лица, на которое принесена

жалоба, *свѣдѣній по ея содержанію*, т.-е. подробнаго изложенія дѣла и мотивовъ, вызвавшихъ обжалованное дѣйствіе. По второй же категоріи жалобъ, въ виду ихъ дисциплинарнаго характера, прямо требуются *объясненія*. Для доставленія этихъ свѣдѣній или объясненій посылается при письменномъ предписаніи подлинная жалоба со всѣми къ ней приложеніями; все это должно быть возвращено при исполнительномъ представленіи. Если дисциплинарная жалоба принесена не ближайшему, а высшему начальству, то это послѣднее требуетъ объясненій черезъ начальство непосредственное, которое при этомъ обязано, какъ сказано выше, представить свое заключеніе о томъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы разрѣшить жалобу. По полученіи всѣхъ этихъ данныхъ жалоба разрѣшается удовлетвореніемъ въ видѣ соотвѣтствующаго распоряженія по прокурорскому надзору или же отказомъ по формулѣ „*оставить безъ послѣдствій*“. О послѣдовавшемъ разрѣшеніи частному просителю объявляется черезъ полицію, а присутственное мѣсто или должностное лицо увѣдомляются бумагой. Когда по жалобѣ послѣдовалъ отказъ, то въ объявленіи или увѣдомленіи приводятся вкратцѣ его главнѣйшія основанія и, сверхъ того, обыкновенно указывается порядокъ дальнѣйшаго обжалованія, если еще есть куда жаловаться по прокурорской іерархіи. Согласно ст. 188 ч. I т. II свод. зак. общ. губ. учр., всего правильнѣе составленное такимъ образомъ письменное объявленіе о разрѣшеніи жалобы выдавать на руки жалобщику, какъ формальный документъ, устраняющій недоразумѣнія и могущій понадобиться при дальнѣйшемъ веденіи дѣла. Большинство жалобъ на дѣйствія прокуратуры бываютъ письменныя, но начальствующимъ ея лицамъ нерѣдко приходится также принимать и выслушивать и словесныя заявленія подобнаго же содержанія. Уклоняться отъ этого нѣтъ никакого законнаго основанія, а для простыхъ людей это часто и единственный способъ заявить о своей претензіи къ лицу прокурорскаго надзора. Вообще, по вопросу о частномъ обжалованіи ея дѣйствій, какъ одной изъ формъ прямого сношенія прокуратуры съ публикой, необходимо всячески облегчать, а не затруднять эти сношенія, чтобы не

вызвать боязни или неохоты жаловаться, отъ чего всегда страдаетъ довѣріе къ учрежденію и умаляется уваженіе къ его дѣятелямъ.

Всѣ разобранные выше виды прокурорской отвѣтственности легко укладываются въ рамки писаннаго закона и доступны болѣе или менѣе точному нормированію. Но есть еще другія формы этой отвѣтственности, которыя, будучи совершенно неуловимы для положительнаго права, въ то же время имѣютъ большое жизненное значеніе и являются сильнымъ, подчасъ незамѣнимымъ подспорьемъ дѣйствію формальныхъ правилъ. Мы разумѣемъ нравственную и общественную отвѣтственность лица прокурорскаго надзора передъ своею совѣстью и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Та и другая должна существовать для дѣятеля, который при отправленіи своей власти можетъ принести много и вреда, и пользы, какъ въ личномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, дѣйствуя при этомъ гласно и открыто, на виду у всѣхъ, на глазахъ у общества. Отрицать значеніе такой неформальной отвѣтственности возможно развѣ только съ узкой и сухой, ремесленной или бюрократической точки зрѣнія; только чиновнику въ худшемъ смыслѣ этого слова нѣтъ дѣла до отношенія къ нему общества, если обязанности свои онъ несетъ механически и безучастно, какъ средство для достиженія постороннихъ дѣлу, исключительно личныхъ и матеріальныхъ цѣлей. Иначе долженъ смотрѣть на свою дѣятельность добросовѣстный и уважающій себя судебный дѣятель, въ томъ числѣ, конечно, и прокуроръ. Онъ не можетъ не сознавать, что отъ исполненія имъ служебнаго долга часто зависитъ цѣлость или нарушеніе первѣйшихъ благъ личности и основъ общественнаго порядка. Прокурору нельзя не видѣть и не чувствовать всей важности и тяжести послѣдствій такихъ его служебныхъ дѣйствій, какъ, напр., возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, принятіе мѣръ къ ограниченію свободы, участіе въ преданіи суду, обвиненіе на судѣ, заключеніе отъ имени закона въ пользу той или другой стороны и проч. Эти послѣдствія далеко не безразличны для мало-мальски чуткой совѣсти, спокойствіе которой дается лишь сознаніемъ свято и добро-

совѣстно исполненнаго долга. Нельзя, конечно, вложить искусственно пониманіе нравственной отвѣтственности, оно продуктъ всего внутренняго содержанія человѣческой личности,— но и безъ него немыслима никакая просвѣщенная и плодотворная дѣятельность. Что касается до общественной отвѣтственности лицъ прокурорскаго надзора, то о ней мы уже имѣли случай высказаться въ другомъ мѣстѣ, при разсмотрѣніи отношеній прокуратуры къ обществу [1]).

Отмѣтимъ здѣсь лишь то обстоятельство, что общественная критика образа дѣйствій прокуратуры, а слѣдовательно и самыхъ ея дѣятелей, во всякомъ случаѣ не лишена значенія и въ области прокурорской службы. Критика эта порою бываетъ произвольна и даже пристрастна и къ ней въ рядахъ прокуратуры высказывается равнодушіе, но при всемъ томъ съ ней до извѣстной степени считаются и сами прокурорскіе чины, и ихъ іерархическое начальство. Она все-таки отчасти служитъ мѣриломъ общественнаго довѣрія и пріобрѣтеннаго авторитета, а эти условія не всегда остаются безъ вліянія и на карьеру. Да и едва ли можно серьезно возражать противъ такого положенія. Прокуроръ—дѣятель хотя и прежде всего правительственный, но вмѣстѣ съ тѣмъ публичный и, какъ бы ни былъ онъ твердъ и хладнокровенъ, не ему пренебрегать единодушнымъ общественнымъ порицаніемъ, въ которомъ къ тому же всегда есть доля правды.

Таковы разнообразныя формы и виды отвѣтственности лицъ прокурорскаго надзора, гарантирующей въ различныхъ направленіяхъ правильное исполненіе ими служебныхъ обязанностей. Степень дѣйствительности этихъ гарантій обусловливается больше всего характеромъ ихъ примѣненія и всею вообще практическою постановкою вопроса объ отвѣтственности должностныхъ органовъ. Въ законѣ указаны достаточныя средства для осуществленія ея по отношенію къ лицамъ прокурорскаго надзора; все дѣло въ томъ, чтобы пользованіе этими средствами

---

[1]) Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. Томъ I, стр. 510—514.

было цѣлесообразное и разумное, одинаково далекое какъ отъ безнаказанности и распущенности, такъ и отъ мелочной притязательности и формализма.

9.

Вѣдомство прокурорскаго надзора и распредѣленіе въ немъ занятій.

Іерархическая система нашего прокурорскаго надзора уже была указана и главные органы его охарактеризованы въ отдѣльно изданномъ сочиненіи автора [1]); здѣсь же предстоитъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе ближайшаго назначенія этихъ органовъ въ смыслѣ ихъ компетентности или вѣдомства и распредѣленія между ними служебныхъ занятій. Первое понятіе опредѣляется кругомъ дѣятельности прокурорскаго учрежденія по закону; это извѣстное, точно обозначенное юридическое соотношеніе между прокуратурой и дѣлами или предметами ея вѣдѣнія. Второе же понятіе обусловливается простымъ раздѣленіемъ труда внутри прокурорскаго надзора, между его чинами; законъ почти вовсе не касается этой области, всецѣло предоставленной практической техникѣ и распоряженію прокурорскаго начальства. Вѣдомство регулируется путемъ законодательнымъ и распредѣленіе занятій путемъ инструкціоннымъ. Вѣдомство прокуратуры относится къ распредѣленію въ ней занятій такъ же, какъ подсудность судебнаго мѣста или кругъ его вѣдомства къ внутреннему въ немъ распорядку. Вѣдомство (понятіе субъективное) или подвѣдомственность (понятіе объективное) указываетъ, что̀ лежитъ на обязанности прокурорскаго надзора, а распредѣленіе занятій—кто именно изъ его чиновъ и въ какой мѣрѣ исполняетъ эти обязанности; поэтому второе существенно дополняетъ первое и служитъ какъ бы практическимъ его развитіемъ.

Вѣдомство прокурорскаго надзора въ наибольшей своей части совпадаетъ съ подсудностью судебныхъ мѣстъ, при которыхъ онъ состоитъ; внѣ этого совпаденія остаются лишь нѣкоторыя административныя функціи прокуратуры, какъ органа

[1]) Прокурорскій надзоръ. Т. I, стр. 496—499

министерства юстиціи и какъ дѣятеля мѣстнаго управленія, по участію въ различныхъ присутствіяхъ и вообще дѣлахъ административнаго свойства. Прокурорское вѣдомство можетъ быть территоріальное и предметное; относительно перваго выдѣляются три единицы: округъ судебной палаты, состоящій изъ нѣсколькихъ губерній; округъ окружного суда, простирающійся на цѣлую губернію (напр., С.-Петербургскій, Московскій и большая часть всѣхъ другихъ) или только на нѣсколько уѣздовъ одной (напр., Тверской, Ярославскій, Харьковскій, Орловскій, Череповецкій, Великолуцкій, Сумскій и проч)., или даже двухъ сосѣднихъ губерній (напр., Кашинскій, Елецкій, Таганрогскій и проч.), и участокъ, состоящій изъ города или части его, изъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ въ завѣдываніи товарища прокурора окружного суда.

Вслѣдствіе единства прокурорскаго надзора и безотлагательной важности его воздѣйствія, границы территоріальнаго вѣдомства отнюдь не должны быть для него такъ же исключительны и безусловны, какъ границы мѣстной подсудности для судебныхъ мѣстъ. Во избѣжаніе всякаго промедленія и скрытія слѣдовъ преступленій чинамъ прокурорскаго надзора нельзя оставлять безъ вниманія даже неправильно, т.-е. не по мѣсту производства, поступившія къ нимъ свѣдѣнія и данныя, ихъ слѣдуетъ тотчасъ же передавать по принадлежности чинамъ прокуратуры, принявъ въ то же время всѣ неотложно необходимыя мѣры. Поэтому весьма желательно и устраненіе въ средѣ прокурорскаго надзора всякихъ пререканій о подвѣдомственности, совершенно несовмѣстимыя съ его устройствомъ и влекущія за собою лишь потерю времени и напрасную переписку. Но такъ какъ случаи подобныхъ пререканій тѣмъ не менѣе возможны, то не безполезно указать и порядокъ къ ихъ разрѣшенію. Онъ, очевидно, долженъ быть согласованъ съ началомъ іерархической подчиненности, т.-е. въ предѣлахъ однихъ и тѣхъ же округовъ пререканія о подвѣдомственности разрѣшаются мѣстнымъ начальствомъ, прокурорами судовъ и палатъ, а пререканія между чинами прокурорскаго надзора округовъ разныхъ судебныхъ палатъ, не устраненныя мѣстными сноше-

ніями и соглашеніями, восходятъ на окончательное разрѣшеніе министра юстиціи.

Предметное вѣдомство прокуратуры различается по важности и роду дѣлъ, а также и по порядку ихъ производства. Въ этомъ отношеніи вѣдѣнію прокурорскаго надзора подлежатъ вообще всѣ дѣла, которыя по закону могутъ производиться не иначе, какъ при посредствѣ или участіи прокурора. Обнимая такимъ образомъ всю дѣятельность прокурорскаго надзора, вѣдомство его по различнымъ его инстанціямъ представляется въ слѣдующемъ общемъ видѣ:

Прокуратура окружного суда, въ качествѣ первой инстанціи прокурорскаго надзора, вѣдаетъ: 1) всѣ уголовныя дѣла, производящіяся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія, и 2) всѣ дѣла по судебному надзору въ предѣлахъ компетенціи окружного суда; далѣе, чины окружной прокуратуры даютъ заключенія: 3) по извѣстнымъ, указаннымъ въ законѣ, гражданскимъ дѣламъ—въ окружномъ судѣ; 4) по всѣмъ уголовнымъ и извѣстнымъ гражданскимъ дѣламъ—въ съѣздѣ мировыхъ судей, въ уѣздномъ съѣздѣ и губернскомъ присутствіи, и, наконецъ, чины эти участвуютъ 5) въ нѣкоторыхъ административныхъ дѣлахъ. Прокуратура судебной палаты вѣдаетъ: 1) въ качествѣ второй инстанціи прокурорскаго надзора тѣ же дѣла въ судебной палатѣ уголовныя, гражданскія и по судебному надзору, которыя въ первой инстанціи предоставлены вѣдѣнію окружной прокуратуры, и 2) въ качествѣ первой инстанціи прокурорскаго надзора—извѣстныя уголовныя дѣла, подсудныя судебной палатѣ въ томъ же качествѣ. Сверхъ того прокуратура палаты главенствуетъ надъ прокуратурой окружного суда и руководитъ ею, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ посредствующее звено между нею и министромъ юстиціи.

Оберъ-прокуратура кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, ихъ общаго собранія и различныхъ присутствій въ составѣ сената вѣдаетъ своими заключеніями: 1) кассаціонное производство всѣхъ вообще судебныхъ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ и 2) дѣла по высшему судебному надзору, а также 3) въ качествѣ первой или второй инстан-

ціи прокурорскаго надзора—тѣ изъ уголовныхъ, которыя въ томъ же порядкѣ подлежатъ вѣдѣнію сената. Министръ юстиціи, въ качествѣ генералъ-прокурора, кромѣ общаго и высшаго главенства надъ всѣмъ прокурорскимъ надзоромъ Имперіи, вѣдаетъ и непосредственно прокурорскія обязанности по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ и служебныхъ, подсудныхъ верховному уголовному суду. Этимъ исчерпывается все, что можно сказать о прокурорской подвѣдомственности, которая имѣетъ значеніе по преимуществу формальное и не самостоятельное, такъ какъ и прокурорскій надзоръ почти во всѣхъ своихъ функціяхъ дѣйствуетъ не въ видѣ отдѣльнаго и единичнаго органа, а при судебныхъ лицахъ и мѣстахъ въ ихъ составѣ или во всякомъ случаѣ черезъ ихъ посредство.

Гораздо важнѣе практическое значеніе для прокуратуры распредѣленія въ ней занятій, отъ чего зависитъ вся экономія силъ этого учрежденія и вся цѣлесообразность ихъ примѣненія на государственную и общественную пользу. Чѣмъ это распредѣленіе правильнѣе и удобнѣе, тѣмъ легче и производительнѣе прокурорская дѣятельность, во многомъ обусловленная измѣнчивыми условіями времени и мѣста. Въ рукахъ начальства прокурорскаго надзора распоряженіе занятіями подчиненныхъ представляетъ настолько сильное и гибкое орудіе успѣха, что при всякихъ крупныхъ недочетахъ прокурорской работы слѣдуетъ искать одну изъ капитальныхъ причинъ замѣчаемыхъ недостатковъ именно въ самомъ ея распредѣленіи. Регулированіе служебныхъ занятій между отдѣльными чинами почти такъ же важно, какъ и удачный выборъ людей при первоначальномъ ихъ назначеніи и дальнѣйшей карьерѣ. Еще мало имѣть хорошій контингентъ и выбирать изъ него достойнѣйшихъ—нужно умѣть ими пользоваться въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ, сообразно надобностямъ дѣла и особенностямъ личнаго состава дѣятелей. Игнорированіе этой элементарной истины распорядительнаго искусства тотчасъ же отражается на общемъ ходѣ дѣлъ и должно быть поставлено на счетъ распоряжающагося и потому отвѣтственнаго начальства. Мы приведемъ главнѣйшія изъ выработанныхъ опытомъ осно-

ваній, на которыхъ строится распредѣленіе занятій въ прокурорскомъ надзорѣ вообще, безотносительно къ частнымъ условіямъ того или другого округа.

Распредѣленіе занятій бываетъ постоянное и временное, обычное или нормальное и экстраординарное, имѣющее характеръ особыхъ порученій по поводу отдѣльныхъ дѣлъ и случаевъ. Обыкновенно распредѣленіе составляется впередъ, на извѣстный, иногда даже неопредѣленный, періодъ, послѣ чего оно измѣняется и дополняется вслѣдствіе различныхъ вновь наступившихъ обстоятельствъ и требованій службы. Внѣ этого нормальнаго распредѣленія остаются неожиданные и непредвидѣнные заранѣе казусы, на которые по ихъ исключительности никакая норма не можетъ быть впередъ разсчитана. Но составъ каждаго прокурорскаго учрежденія долженъ одновременно удовлетворять тѣмъ и другимъ потребностямъ: въ немъ должно быть достаточно силъ для повседневнаго исполненія ординарныхъ обязанностей и вмѣстѣ такое многообразіе и такая разносторонность въ этихъ силахъ, чтобы всегда былъ наготовѣ и подъ рукой дѣятель, вполнѣ пригодный и для экстраординарнаго случая, какихъ не мало въ „боевой“ практикѣ прокурорскаго надзора. Въ свою очередь, сами дѣятели прокуратуры, помимо усвоенія обычныхъ рутинныхъ пріемовъ дѣйствія, должны обладать хотя бы среднею способностью удовлетворительно справляться и съ чрезвычайными инцидентами, могущими возникнуть въ ихъ дѣятельности. Таковы, напр., важныя и загадочныя уголовныя дѣла, требующія особенно спѣшныхъ, энергическихъ распоряженій, затрудненія въ ходѣ производящихся уже дѣлъ непредвидѣнными усложненіями, тонкіе и сложные юридическіе вопросы, трудовыя и щекотливыя положенія обвинительной власти по разнымъ общественнымъ и бытовымъ условіямъ и многія другія тому подобныя условія, которыя могутъ застать врасплохъ прокуратуру, если она къ нимъ не подготовлена не только наличностью въ ней нужныхъ элементовъ, но и правильнымъ цѣлесообразнымъ ихъ размѣщеніемъ.

Въ числѣ началъ, управляющихъ распредѣленіемъ занятій между лицами прокурорскаго надзора, заслуживаютъ вниманія:

1) раздѣленіе труда, 2) іерархическое соотношеніе отдѣльныхъ чиновъ прокуратуры и 3) спеціализація занятій по преобладающимъ свойствамъ и способностямъ каждаго дѣятеля. Начала эти дѣйствуютъ порознь или совмѣстно, въ различныхъ сочетаніяхъ. Распредѣленіе занятій по большей части однообразное въ прокуратурѣ одинаковаго ранга, въ прокуратурѣ же окружного суда и судебной палаты оно уже различное; еще больше различіе между схемою занятій прокурора и его товарищей, хотя главныя основныя функціи у нихъ, конечно, общія. Іерархическое положеніе вліяетъ, впрочемъ, только на внѣшнюю сторону распредѣленія, указывая, что́ именно на комъ изъ прокурорскихъ чиновъ должно лежать по установленному предписанію или принятому обыкновенію. Мотивы же именно такого, а не иного распредѣленія или внутренняя сторона его зависятъ отъ двухъ другихъ началъ. Раздѣленіе труда, облегчая его выполненіе и дѣлая это послѣднее возможно болѣе быстрымъ и удобнымъ, даетъ возможность соблюдать и его равномѣрность такъ, чтобы одни чины не были обременены свыше другихъ, въ прямой ущербъ закону сохраненія силъ. Въ ихъ экономіи равномѣрность прокурорской работы имѣетъ не малое значеніе. Дѣятельность прокурорскаго надзора вообще нелегкая и сложная, почти не знающая праздниковъ и досуга и кромѣ того обильная многоразличными тревогами, требуетъ постояннаго или частаго нервнаго напряженія, заставляетъ быть всегда настороже́ и потому скоро утомляетъ и легко начинаетъ тяготить дѣятеля. Отягощеніе однихъ при относительномъ освобожденіи другихъ тотчасъ же сказывается и на нравственномъ и физическомъ здоровьѣ первыхъ и на общемъ ходѣ дѣлъ. На практикѣ привилегированное въ отношеніи занятій положеніе нѣкоторыхъ чиновъ прокуратуры по большей части находитъ себѣ достаточное уважительное объясненіе въ причинахъ дѣйствительно серьезныхъ съ точки зрѣнія начальства, распредѣляющаго занятія. Таковы, напримѣръ, болѣзненность и пожилой возрастъ или общая усталость, препятствующіе подвижности, малая способность къ тому или другому роду занятій и проч. Все это бываетъ при томъ нерѣдко при

теперешней медленности судебной карьеры, но все это вмѣстѣ съ тѣмъ явленія несомнѣнно ненормальныя и вредно отзывающіяся на общемъ тонѣ прокурорской дѣятельности, вслѣдствіе чего къ предупрежденію или устраненію ихъ должны быть приложены особыя попеченія того высшаго прокурорскаго начальства, отъ котораго такъ или иначе зависитъ положеніе и движеніе личнаго состава. Въ прокуратурѣ нужны люди бодрые и свѣжіе, могущіе по возможности всѣ одинаково нести бремя общей работы; она, конечно, тѣмъ легче и производительнѣе, чѣмъ правильнѣе и ровнѣе ея дѣленіе. Далѣе, такъ какъ работа эта далеко не однородна и представляетъ много отраслей, требующихъ для успѣшности выполненія по нимъ прокурорскихъ обязанностей спеціальныхъ качествъ и способностей, то въ распредѣленіи занятій между лицами прокурорскаго надзора образуется, а иногда и укореняется, извѣстная спеціализація дѣла и дѣятелей: одинъ чаще выступаетъ обвинителемъ на судѣ по важнымъ и крупнымъ процессамъ; другой болѣе занимается предметами уголовнаго преслѣдованія въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. наблюдаетъ за дознаніями и слѣдствіями; третій преимущественно даетъ заключенія по гражданскимъ дѣламъ, четвертый завѣдываетъ „камернымъ“ дѣлопроизводствомъ, т.-е. перепиской прокурора; пятый участвуетъ въ различныхъ административныхъ присутствіяхъ; шестой имѣетъ значительную опытность и потому спеціализируется въ наблюденіи за производствомъ политическихъ дѣлъ и проч. И это вполнѣ естественно и понятно, потому что одинъ—хорошій обвинитель, другой—энергическій руководитель уголовнаго преслѣдованія, третій—свѣдущій цивилистъ, четвертый—аккуратный и исполнительный администраторъ, соединеніе же всѣхъ этихъ разнообразныхъ свойствъ въ одномъ лицѣ встрѣчается крайне рѣдко. Но здѣсь имѣется въ виду только преимущественное преобладаніе въ дѣятеляхъ прокуратуры одного какого-нибудь свойства отнюдь не въ совершенный ущербъ другимъ и такимъ образомъ предполагается лишь относительная, а вовсе не абсолютная спеціализація. Послѣдняя была бы несовмѣстна съ основными требованіями прокурорской службы,

которую каждый изъ ея дѣятелей долженъ умѣть исполнять въ полномъ ея объемѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ по крайней мѣрѣ хоть удовлетворительно. Необходимая спеціализація занятій должна быть положительная, а не отрицательная; она основывается на большей способности даннаго лица прокурорскаго надзора къ данному роду дѣятельности, а отнюдь не исходитъ изъ неспособности его къ другимъ родамъ ея. Относительная спеціализація всего чаще встрѣчается да и умѣстна въ многочисленныхъ прокурорскихъ составахъ, въ столицахъ и въ большихъ центрахъ, гдѣ возможно всегда имѣть налицо испытанныхъ спеціалистовъ по всѣмъ главнѣйшимъ прокурорскимъ функціямъ. Умѣть найти такихъ спеціалистовъ и, найдя, умѣть такъ ими распорядиться, чтобы интересы службы выиграли, а равномѣрность, цѣлостность и единообразіе занятій не пострадали,—это немаловажная задача для правильнаго руководства прокурорскимъ надзоромъ, и тамъ, гдѣ стараются ея достигнуть, уровень прокуратуры замѣтно повышается.

Какъ уже было упомянуто выше, распредѣленіе занятій, почти не затрогиваемое закономъ, вырабатывается на практикѣ, выводы которой систематизируются въ инструкціяхъ прокуроровъ судебныхъ палатъ—этомъ главнѣйшемъ источникѣ внутренняго распорядка прокурорскаго надзора. При нѣкоторыхъ мѣстныхъ различіяхъ по округамъ можно, однакоже, очертить и общій средній планъ такого распредѣленія для всей вообще прокуратуры. Онъ обнимаетъ, подобно всей ея организаціи, двѣ дѣйствующія прокурорскія инстанціи—прокуратуру судебной палаты и прокуратуру окружного суда [1]), и въ каждой изъ изъ нихъ два іерархическихъ органа—прокурора и его товарищей.

Въ каждой прокуратурѣ занятія распредѣляются прокуроромъ, который является полнымъ хозяиномъ и распорядите-

---

[1]) Оберъ-прокуратура кассаціонныхъ департаментовъ сената стоитъ внѣ общей системы дѣйствующей или, такъ сказать, „боевой прокуратуры“ и занимаетъ такое спеціальное положеніе, что порядокъ распредѣленія въ ней занятій, будучи дѣломъ внутреннихъ распоряженій собственно въ этихъ двухъ департаментахъ сената, не можетъ имѣть общаго значенія.

лемъ этого предмета. Но даже въ случаѣ неправильнаго отношенія прокурора къ своей власти по этому поводу, онъ фактически почти лишенъ возможности, освободивъ самого себя, все бремя работы сложить на своихъ товарищей, такъ какъ только онъ лично отвѣчаетъ передъ начальствомъ за ходъ дѣлъ въ округѣ, а бездѣятельность прокурора обнаруживается немедленно при первомъ же дѣловомъ усложненіи. Прокуроръ палаты, распредѣляя занятія своихъ товарищей, не имѣетъ никакого основанія вмѣшиваться въ подробности такого же распредѣленія въ окружной прокуратурѣ; это область иниціативы и ближайшаго вѣдѣнія мѣстнаго прокурора, которому виднѣе, какъ слѣдуетъ раздѣлить работу между товарищами, конечно, съ соблюденіемъ общихъ правилъ, указанныхъ въ инструкціи прокурора палаты, и съ донесеніемъ ему о состоявшемся уже распредѣленіи. Точно также и обо всѣхъ послѣдующихъ въ немъ измѣненіяхъ должно быть своевременно донесено прокурору палаты для того, чтобы онъ могъ воспользоваться, когда признаетъ нужнымъ, своимъ начальственнымъ правомъ руководства и отмѣны.

Занятія прокуратуры палаты могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Въ одну судебно-административнаго характера входитъ: общее руководство окружною прокуратурою, разнородныя сношенія съ министерствомъ юстиціи и съ высшими административными властями, непосредственный высшій надзоръ по округу съ участіемъ въ общемъ собраніи департаментовъ судебной палаты и наблюденіе за политическими дознаніями. Всѣ эти обязанности вмѣстѣ съ общимъ наблюденіемъ за дѣлопроизводствомъ, канцеляріей и кандидатами на судебныя должности лежатъ лично на прокурорѣ палаты, которому только въ рѣдкихъ отдѣльныхъ случаяхъ по особому его назначенію могутъ помогать его товарищи въ этихъ занятіяхъ, почти не допускающихъ делегаціи со стороны высшаго мѣстнаго главы прокуратуры. Ко второй же категоріи занятій относится исполненіе собственно прокурорскихъ обязанностей при судебной палатѣ, по судебнымъ дѣламъ разнаго рода, под-

лежащимъ ея вѣдѣнію съ участіемъ прокурорскаго надзора. Эти уже чисто судебныя обязанности исполняются товарищами прокурора палаты по росписанію, имъ установленному или утвержденному на основаніи общаго соглашенія, которое всегда практикуется въ палатской прокуратурѣ. При этомъ дѣла гражданскія и уголовныя въ 1 инстанціи распредѣляются между товарищами прокурора по очереди или по назначенію прокурора палаты, дѣла же уголовныя по обвинительной камерѣ слѣдуютъ по заранѣе опредѣленнымъ территоріальнымъ участкамъ, которые состоятъ каждый изъ нѣсколькихъ округовъ въ завѣдываніи товарища прокурора палаты. Такой порядокъ удобенъ въ томъ отношеніи, что товарищи прокурора палаты, просматривая слѣдствія и письменныя прокурорскія работы постоянно однихъ и тѣхъ же округовъ и должностныхъ лицъ, могутъ лучше изучить дѣятельность личнаго состава въ данной мѣстности и знать всѣ судебно-бытовыя ея особенности. Но и самъ прокуроръ палаты долженъ принимать извѣстное участіе въ судебныхъ занятіяхъ своихъ товарищей, по крайней мѣрѣ по дѣламъ наиболѣе выдающимся или отвѣтственнымъ, а также и для того, чтобы ближе познакомиться съ трудами и свойствами слѣдственнаго и прокурорскаго персонала Приведенное распредѣленіе, быть можетъ, нѣсколько неравномѣрно въ пользу товарищей прокурора палаты, должности которыхъ справедливо причисляются къ числу наиболѣе спокойныхъ мѣстъ въ нашей магистратурѣ. Въ недавнее время, впрочемъ, онѣ сдѣлались гораздо болѣе подвижными и хлопотливыми, съ перенесеніемъ въ судебныя палаты изъ окружныхъ судовъ ряда уголовныхъ дѣлъ по закону 7 іюля 1889 г., въ силу котораго палаты вынуждены дѣлать довольно частые выѣзды на сессіи въ различные города своего округа.

Значительно сложнѣе распредѣленіе занятій въ прокуратурѣ окружного суда, различающейся къ тому же весьма существенно, смотря по рангу суда, при которомъ прокуратура состоитъ. Въ судахъ перворазрядныхъ, столичныхъ, съ многочисленнымъ прокурорскимъ персоналомъ (всегда болѣе 20 лицъ) дробность и спеціализація занятій могутъ быть проведены съ большою

точностью и послѣдовательностью; наоборотъ, въ судахъ 4-го, напримѣръ, разряда при трехъ чинахъ прокурорскаго надзора эти послѣдніе несутъ совмѣстно и дѣлятъ между собою почти однородныя обязанности; округа же 2 и 3 разрядовъ представляютъ переходныя формы къ тому и другому типу, позволяющему выдѣлить изъ ряда разновидностей общія характеристическія черты.

Какъ уже было указано выше, на прокуратурѣ окружного суда сверхъ дѣлъ по судебному надзору и участія въ дѣлахъ административныхъ лежатъ многоразличныя обязанности по участію въ судебныхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, производящихся въ окружномъ судѣ, съѣздахъ мировыхъ судей (тамъ, гдѣ они существуютъ), уѣздныхъ съѣздахъ и губернскихъ присутствіяхъ. По уголовнымъ дѣламъ въ особенности прокуратура суда вѣдаетъ важнѣйшую предварительную стадію уголовнаго преслѣдованія, отъ возбужденія дѣла до направленія его къ судебному разсмотрѣнію. Всѣ эти обязанности распредѣляются между прокуроромъ и его товарищами, изъ которыхъ, согласно ст. 126 учр. суд. уст., „одни состоятъ при самомъ судѣ, а прочіе въ другихъ городахъ округа того суда по особому росписанію". Практика, видоизмѣнивъ это послѣднее опредѣленіе, ввела по распредѣленію товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ свою терминологію. Въ дѣйствительности одни изъ товарищей прокурора завѣдуютъ территоріальными участками, почему и называются *участковыми*, хотя иногда проживаютъ и внѣ своихъ участковъ, въ томъ городѣ, гдѣ находится окружный судъ, а другіе, не имѣя участковъ, состоятъ для разныхъ обязанностей при камерѣ прокурора, вслѣдствіе чего и носятъ названіе *камерныхъ*. Это теперь уже укоренившееся дѣленіе имѣетъ, какъ будетъ указано ниже, большое практическое значеніе. Въ *камерѣ* или канцеляріи прокурора суда сосредоточивается общее дѣлопроизводство прокурорскаго надзора, въ завѣдываніи самого прокурора, что̀ и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ его обязанностей. Исполняя ее, онъ отправляетъ главную функцію своей должности—общее руководство ввѣренной ему прокуратурой, соединенное между

прочимъ съ разнообразными дѣловыми сношеніями, отчетностью и регистраціей. У прокурора стекаются и отъ него исходятъ всѣ прокурорскія дѣйствія по судебному надзору; онъ долженъ по возможности лично присутствовать въ засѣданіяхъ общаго собранія отдѣленій окружного суда, гдѣ разрѣшаются судебно-административные и дисциплинарные вопросы. Точно такъ же желательно личное его участіе въ губернскихъ административныхъ присутствіяхъ—трудъ не малый, такъ какъ число ихъ все возрастаетъ и дѣла, имъ подвѣдомственныя, становятся все сложнѣе и разнообразнѣе. Участіе это необходимо, потому что серьезная дѣятельность въ присутствіяхъ, помимо непосредственной отъ нея пользы для дѣлъ, болѣе всего способствуетъ установленію закономѣрнаго авторитета прокурора въ его округѣ. Затѣмъ прокуроръ суда, распредѣляя общія прокурорскія обязанности между своими товарищами, сохраняетъ лично за собою исполненіе этихъ обязанностей въ такихъ случаяхъ, когда то потребуетъ важность или особо-отвѣтственный характеръ дѣла. Въ частности въ области уголовнаго преслѣдованія онъ обыкновенно оставляетъ въ своемъ вѣдѣніи возбужденіе дѣлъ по жалобамъ и по непосредственному усмотрѣнію прокурорскаго надзора, наблюденіе за слѣдствіями, производимыми слѣдователемъ по особо важнымъ или важнѣйшимъ дѣламъ, направленіе дѣлъ въ окружный судъ и къ прокурору палаты, а также и исполненіе приговоровъ. При столь многостороннемъ кругѣ и руководящемъ характерѣ занятій прокурора, онъ отнюдь не долженъ и не можетъ избѣгать личнаго выполненія какой бы то ни было отрасли прокурорской службы, а тѣмъ болѣе быть недостаточно способнымъ къ какой-либо изъ нихъ. Нельзя признать удовлетворительнымъ такого прокурора, который, напримѣръ, никогда не обвиняетъ на судѣ, вовсе не знаетъ гражданской части, тяготится выѣздами въ округъ и т. п. Прокуроръ окружного суда долженъ обладать по меньшей мѣрѣ среднею способностью и подготовленностью ко всѣмъ безъ исключенія обязанностямъ прокуратуры, а по нѣкоторымъ изъ нихъ даже и возвышаться надъ уровнемъ своихъ товарищей. Иначе его начальственное преобладаніе, являясь простой случайностью, будетъ лишено дѣйствительной,

руководящей авторитетности. Недостатокъ въ ней, къ сожалѣнію, иногда прикрывается уклончивымъ и эластичнымъ понятіемъ о „хорошемъ администраторѣ“, которымъ, будто бы, только и слѣдуетъ быть прокурору суда по свойству всѣхъ его занятій. Это большая ошибка. Административный тактъ и умѣнье управлять цѣлой частью, конечно, очень полезны, но они все-таки отнюдь не могутъ замѣнить въ прокурорѣ такихъ совершенно необходимыхъ данныхъ, какъ спеціальныя познанія, судебная опытность и природная способность успѣшно прилагать то и другое къ дѣлу. Поэтому нельзя сочувствовать тѣмъ прокурорамъ, которые, или замкнувшись въ своей камерѣ, заботятся лишь о сохраненіи внѣшняго дѣлопроизводственнаго порядка или, стараясь о поддержаніи повсюду добрыхъ отношеній, пренебрегаютъ живыми проявленіями собственно судебной функціи и требованіями дѣйствительнаго, а не формально-бумажнаго надзора. Вообще прокуроръ суда, по характеру и значенію своей должности, призванъ быть прежде всего настоящимъ судебнымъ дѣятелемъ и не только начальникомъ, но и первымъ въ числѣ работниковъ мѣстной прокуратуры.

Въ окружныхъ судахъ 1 и 2 разряда при прокурорѣ состоятъ „камерные“ его товарищи; ихъ вовсе нѣтъ въ судахъ 3 и 4 разрядовъ, гдѣ всѣ товарищи прокурора завѣдуютъ участками. Собственно „камерный“ товарищъ прокурора есть непосредственный помощникъ этого послѣдняго, раздѣляющій его труды по камерѣ или, точнѣе, по завѣдыванію дѣлопроизводствомъ прокурора, „за“ котораго онъ и подписываетъ часть бумагъ. Онъ же обыкновенно замѣняетъ прокурора или исправляетъ его должность въ случаѣ его отсутствія по какой-либо причинѣ. Вслѣдствіе этого въ „камерные“ принято избирать изъ числа старшихъ по службѣ товарищей прокурора. „Камерныя“ занятія уже сами по себѣ даютъ какъ бы извѣстное первенство надъ остальными лицами прокурорскаго надзора, но нужно наблюдать, чтобы это чисто дѣлопроизводственное главенство не переходило въ прямое начальственное надъ товарищами, къ чему „камерные“ иногда бываютъ склонны, хотя и безъ всякаго на то права или основанія. Въ столицахъ, при

судахъ 1 разряда, кромѣ собственно „камерныхъ", въ числѣ ихъ считаются нѣкоторые товарищи прокурора, имѣющіе, вмѣсто участковъ, особыя и постоянныя порученія. Такъ, одинъ изъ этихъ товарищей прокурора предъявляетъ заключенія въ гражданскихъ отдѣленіяхъ суда, другой—въ столичномъ съѣздѣ мировыхъ судей, третій наблюдаетъ за производящимися въ мѣстномъ губернскомъ жандармскомъ управленіи политическими дознаніями и т. д., при чемъ по сложности и непрерывности этихъ занятій исполняющіе ихъ обыкновенно освобождаются отъ всѣхъ другихъ прокурорскихъ обязанностей.

Характеристическимъ и полнымъ типомъ должности, а вмѣстѣ съ нею и занятій товарища прокурора окружного суда можно признать положеніе „участковаго" товарища прокурора. Столько же дѣятельное, сколько въ своемъ родѣ самостоятельное, оно совмѣщаетъ въ себѣ всю совокупность функцій мѣстнаго прокурорскаго надзора и есть въ сущности главный практическій рычагъ прокурорской службы. Въ дѣятельности участковаго товарища прокурора находится первая точка приложенія прокурорской власти къ жизни съ ея бытовыми и индивидуальными явленіями. Нѣтъ той отрасли прокурорскихъ обязанностей, которую онъ не выносилъ бы такъ или иначе на своихъ плечахъ, нѣтъ и тѣхъ качествъ или недостатковъ прокурорской дѣятельности, которые бы не коренились именно здѣсь на низшей ея ступени. Прокуроры палатъ и судовъ руководятъ, повѣряютъ, контролируютъ, даютъ тонъ и направленіе,—но вся черная, если такъ можно выразиться, а въ то же время и главная работа прокурорскаго надзора лежитъ на участковыхъ товарищахъ прокуроровъ окружныхъ судовъ. Отсюда важность вѣрнаго взгляда на ихъ положеніе и правильной его постановки въ дѣйствительности.

Округъ каждаго суда раздѣляется на нѣсколько участковъ, поручаемыхъ завѣдыванію товарищей прокурора. Участки бываютъ уѣздные и городскіе; въ составъ первыхъ входитъ по одному или, самое большее, по два сосѣднихъ уѣзда, съ ихъ уѣздными городами, вторые же образуются губернскимъ городомъ или извѣстною его частью, если городъ слишкомъ великъ для одного участка.

Въ столицахъ и большихъ городахъ (какъ, напр., Кіевъ, Одесса, Варшава и пр.) по нѣскольку прокурорскихъ участковъ; въ С.-Петербургѣ и Москвѣ ихъ бываетъ, смотря по распредѣленію, до десяти [1]). Въ каждомъ прокурорскомъ участкѣ по нѣскольку слѣдственныхъ участковъ, отъ одного до четырехъ. Участки товарищей прокурора обозначаются по нумерамъ или по названіямъ уѣздовъ и городовъ. По своему участку завѣдывающій имъ товарищъ прокурора исполняетъ всѣ мѣстныя прокурорскія обязанности, а именно: наблюдаетъ за полицейскими дознаніями и слѣдствіями, направляетъ оконченныя дѣла, присутствуетъ и даетъ заключенія въ съѣздахъ мировыхъ судей и уѣздныхъ, поддерживаетъ обвиненія на сессіяхъ окружного суда, принимаетъ и разрѣшаетъ прошенія и жалобы частныхъ лицъ, наблюдаетъ за правильностью содержанія арестантовъ и направляетъ подаваемыя ими бумаги, ведя по всѣмъ этимъ предметамъ сношенія и переписку съ различными мѣстами и должностными лицами; кромѣ того, въ уѣздномъ участкѣ онъ ex officio участвуетъ во всѣхъ требующихъ того административныхъ присутствіяхъ и комитетахъ. Такимъ образомъ участковый товарищъ прокурора является полноправнымъ и дѣятельнымъ мѣстнымъ органомъ прокурорскаго надзора; въ предѣлахъ своего участка онъ почти такой же прокуроръ, какъ и самъ прокуроръ суда на пространствѣ округа. Отсюда возникаетъ для участковаго товарища прокурора не легкая, но за-то и благодарная задача: онъ долженъ высоко и твердо держать въ своихъ рукахъ всѣ аттрибуты прокурорской власти по данной мѣстности, такъ чтобы присутствіе прокурорскаго надзора ощущалось всюду и немедленно, когда того потребуютъ обстоятельства. Если участковый товарищъ прокурора не ограничивается формальнымъ только исполненіемъ своихъ обязанностей,

[1]) Какъ уже было упомянуто выше (стр. 433—434), товарищи прокуроровъ, завѣдующіе столичными и городскими участками въ г. Кіевѣ, Варшавѣ и Одессѣ, получаютъ сверхъ жалованья еще на разъѣзды: первые по 1000 р., а послѣдніе по 600 р. въ годъ, и такимъ образомъ въ матеріальномъ отношеніи поставлены гораздо лучше всѣхъ остальныхъ товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ; эта добавочная сумма составляетъ, въ сущности, придатокъ къ содержанію, такъ какъ на разъѣзды по городу она, конечно, далеко вся не выходитъ.

то передъ нимъ, особенно въ уѣздахъ, открывается широкое и производительное поле дѣйствія. Какъ прямой руководитель судебно-уголовной дѣятельности полиціи и ближайшій участникъ предварительнаго изслѣдованія преступленій, онъ можетъ въ сильнѣйшей степени содѣйствовать правильному ходу розысковъ и слѣдствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможно болѣе успѣшнымъ результатамъ уголовнаго преслѣдованія въ участкѣ. При нормальныхъ отношеніяхъ прокурорскаго надзора къ полиціи, чинамъ ея естественно обращаться именно къ участковому товарищу прокурора за указаніями и разъясненіями во всемъ, что̀ касается уголовныхъ дѣлъ, на производство и направленіе которыхъ прокуроръ имѣетъ столь сильное вліяніе. Далѣе, идя рука объ руку со слѣдователями, помогая имъ своимъ наблюденіемъ, товарищъ прокурора способствуетъ и благопріятному конечному исходу слѣдствій, по которымъ ему же приходится поддерживать обвиненіе на судѣ. Здѣсь, въ особенности передъ судомъ присяжныхъ, ярко выражается степень пріобрѣтеннаго имъ мѣстнаго авторитета. Если обвинительныя его требованія не только основательны и умѣренны, но и соединены съ практическимъ знаніемъ мѣстныхъ бытовыхъ условій, то присяжные скоро и прочно привыкаютъ относиться къ нимъ внимательно безъ всякаго предубѣжденія, наоборотъ, съ довѣріемъ и уваженіемъ. Такого товарища прокурора „слушаютъ и понимаютъ“, а это уже огромное преимущество для интересовъ государственнаго преслѣдованія, вынужденнаго въ извѣстной мѣрѣ считаться и съ мѣстными обстоятельствами. Въ съѣздахъ, какъ мировыхъ, такъ и уѣздныхъ, состоящихъ въ большей своей части изъ не-юристовъ, значеніе участковаго товарища прокурора не менѣе высоко и важно: онъ—настоящій правительственный юрисконсультъ, предлагающій въ своемъ безпристрастномъ заключеніи безотносительное къ интересамъ сторонъ обсужденіе даннаго дѣла и толкованіе примѣняемыхъ къ нему законовъ. Въ томъ же качествѣ является товарищъ прокурора, если не юридически, то фактически въ разнообразныхъ сношеніяхъ своихъ съ мѣстными властями и населеніемъ, среди котораго еще не изгладился взглядъ на прокурорскій надзоръ прежде всего какъ на блю-

стителя законности. Едва ли нужно распространяться о томъ, насколько важно для прокуратуры всѣми силами поддерживать этотъ взглядъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока съ той же, повидимому, точки зрѣнія смотритъ на нее и законодатель, расширяющій, а не ограничивающій проявленія ея законоохранительной дѣятельности. Много вѣскихъ теоретическихъ возраженій можно сдѣлать противъ этого положенія, но не говоря уже о томъ, что оно еще существуетъ въ нашемъ законодательствѣ, обстановка нашей уѣздной жизни такова, что трудно отвергать необходимость или полезность присутствія въ ней активнаго органа законномѣрнаго надзора, хотя бы даже только въ тѣхъ сферахъ, которыя и теперь доступны его воздѣйствію. Возможность возбудить и провести уголовное преслѣдованіе, понудить въ случаѣ надобности слѣдственную и даже судебную власть выдвинуть вопросы о должностныхъ злоупотребленіяхъ — все это такія могучія орудія, изъ которыхъ дѣльный товарищъ прокурора можетъ сдѣлать живое и полезнѣйшее употребленіе среди застоя и рутины, нерѣдко подавляющихъ провинціальный обиходъ. Наконецъ, если участковый товарищъ прокурора внимательно слѣдитъ по своему району за всѣми общественными явленіями или событіями, могущими имѣть то или другое отношеніе къ его дѣятельности, то онъ всегда располагаетъ цѣннымъ матеріаломъ свѣдѣній, весьма существенныхъ для высшаго начальства. Представленія и доклады этихъ низшихъ органовъ прокурорскаго надзора образуютъ тотъ первый непосредственный источникъ, черезъ который генералъ-прокуроръ, а стало-быть и высшія правительственныя власти, можетъ узнать правду.

Какъ ни желательно, чтобы каждый участковый товарищъ прокурора посильно стремился къ достиженію всѣхъ намѣченныхъ задачъ, полное ихъ осуществленіе встрѣчается довольно рѣдко, хотя практикѣ извѣстенъ рядъ выдающихся образцовъ именно подобнаго авторитетнаго и энергическаго представителя прокурорскаго надзора въ своей мѣстности. Этому препятствуетъ, между прочимъ, частая смѣна завѣдующихъ участками, переходъ товарищей прокурора изъ одного въ другой, обусловленный общимъ служебнымъ движеніемъ, при которомъ старшій

старается получить участокъ лучшій, болѣе удобный, съ меньшими разъѣздами. Этимъ передвиженіямъ, кромѣ неизбѣжныхъ случаевъ, въ интересахъ дѣла нельзя сочувствовать: нужно время и опытъ, чтобы товарищъ прокурора какъ слѣдуетъ познакомился съ своимъ участкомъ и овладѣлъ его особенностями. Противоположность вышеуказаннымъ чертамъ идеальнаго типа составляетъ типъ болѣе или менѣе свѣдущаго, болѣе или менѣе способнаго чиновника, исполняющаго въ данной мѣстности съ формальною отчетливостью формальныя прокурорскія обязанности, и только. Результатъ такого образа или, точнѣе, характера дѣйствій, часто, впрочемъ, трудно уловимаго, ждать себя не заставляетъ: прокурорскій надзоръ, фигурирующій на бумагѣ и на прокурорскомъ мѣстѣ въ засѣданіи, въ практической дѣйствительности отсутствуетъ и тщетно ищутъ его въ случаѣ надобности другія власти и обыватели. Но между обѣими крайностями много среднихъ, переходныхъ тоновъ, свойствомъ которыхъ и окрашивается въ тотъ или другой цвѣтъ мѣстное значеніе прокуратуры.

Въ тѣсной связи съ характеристикой положенія участковыхъ товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ находится вопросъ о ихъ мѣстожительствѣ—одинъ изъ самыхъ трудныхъ и существенныхъ въ практическомъ обиходѣ нашего прокурорскаго надзора. Исторія этого вопроса любопытна между прочимъ и какъ примѣръ жизненнаго развитія и дополненія недосказанныхъ постановленій закона. Изъ текста приведенной выше ст. 126 учр. суд. уст., не особенно опредѣлительной по своей редакціи, слѣдуетъ заключить, что товарищи прокурора окружного суда раздѣляются на двѣ категоріи: одни находятся или состоятъ при самомъ судѣ, а прочіе—въ другихъ городахъ округа, по особому на этотъ предметъ росписанію. При этомъ по смыслу въ данномъ случаѣ выраженія „состоятъ“—подъ нимъ нужно разумѣть не только мѣсто занятій, но и пребыванія, такъ какъ должностному лицу, „состоящему гдѣ-либо“, слѣдуетъ очевидно и находиться или постоянно жить въ томъ же мѣстѣ. Но законъ все-таки не устанавливаетъ безусловно жительства товарищей прокуроровъ въ завѣдуемыхъ ими участкахъ и не опре-

дѣляетъ ни числа, ни мѣстопребыванія лицъ прокурорскаго надзора внѣ того города, гдѣ находится окружный судъ; законъ даетъ лишь общее правило. предоставляя всѣ способы, подробности и самую форму его примѣненія ближайшему распоряженію прокурорскаго начальства. Въ первое время послѣ судебной реформы одна половина товарищей прокуроровъ, т.-е. всѣ завѣдующіе городскими (города, гдѣ окружные суды) или даже и уѣздными, но близкими участками, была оставлена на жительствѣ въ мѣстѣ пребыванія окружного суда (по большей части въ губернскихъ городахъ), а другая размѣщена по уѣздамъ съ назначеніемъ товарищу прокурора жительства въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ его участка.

Въ семидесятыхъ годахъ это распредѣленіе стало постепенно измѣняться: товарищи прокуроровъ одинъ за другимъ, по разнымъ поводамъ и причинамъ, мало-по-малу переселились съ разрѣшенія прокуроровъ палатъ и судовъ въ города окружныхъ судовъ, продолжая завѣдывать уѣздными участками, въ которыхъ осталось на жительствѣ лишь самое небольшое число лицъ прокурорскаго надзора. Усмотрѣвъ это обстоятельство, министерство юстиціи признало его неправильнымъ и въ циркулярѣ отъ 14 августа 1879 года [1]) преподало прокурорамъ судебныхъ палатъ и губернскимъ прокурорамъ слѣдующія важныя и до сихъ поръ еще не отмѣненныя указанія: въ городахъ, въ которыхъ имѣютъ постоянное мѣстопребываніе окружные суды или палаты уголовнаго и гражданскаго суда, должно быть оставлено на жительство лишь самое необходимое число товарищей прокуроровъ и во всякомъ случаѣ при судахъ 2 разряда не болѣе 3-хъ, а при судахъ 3 и 4 разрядовъ и при соединенныхъ палатахъ не болѣе 2-хъ. Затѣмъ всѣ остальные состоящіе въ округѣ товарищи прокуроровъ переводятся на жительство въ районы тѣхъ участковъ, которые ввѣрены ихъ завѣдыванію, при чемъ ближайшее избраніе того или другого пункта для жительства въ предѣлахъ участка должно быть сдѣлано прокурорами палатъ или губернскими прокурорами по принадлежности. Въ тѣхъ городахъ, въ кото-

[1]) № 14758 (Сборн. № 557).

рыхъ имѣются по штатамъ особые городскіе товарищи прокуроровъ (т.-е. въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ, Одессѣ и Варшавѣ), остаются на жительствѣ только эти послѣдніе, а отнюдь не тѣ, которые завѣдуютъ уѣздными участками. Товарищи прокуроровъ, остающіеся въ мѣстахъ постояннаго пребыванія окружныхъ судовъ и соединенныхъ палатъ, преимущественно избираются изъ числа лицъ, вновь назначенныхъ къ должности, не успѣвшихъ еще вполнѣ ознакомиться съ своими служебными обязанностями и нуждающихся поэтому въ руководствѣ прокуроровъ. Напротивъ, самые отдаленные участки должны быть поручаемы наиболѣе опытнымъ товарищамъ прокуроровъ, вполнѣ подготовленнымъ и способнымъ къ самостоятельной дѣятельности, при чемъ завѣдываніе этими участками съ жительствомъ въ нихъ принимается министерствомъ юстиціи „въ особое уваженіе для предоставленія повышенія по службѣ". Приведенное распоряженіе не имѣло, однакоже, успѣха и не получило полнаго осуществленія. Во исполненіе его первоначально послѣдовало переселеніе большинства товарищей прокуроровъ въ уѣздные города. Но такое положеніе продолжалось не долго и практика не замедлила выяснить серьезныя неудобства и затрудненія отъ слишкомъ строгаго и безусловнаго примѣненія этой мѣры, тѣмъ болѣе, что оказалось крайне труднымъ и потому рѣдкимъ исполненіе обѣщанія, которымъ оно было обусловлено — скорѣйшей и предпочтительной передъ другими карьерой для товарищей прокуроровъ, водворившихся въ уѣздныхъ участкахъ. Поэтому уже съ начала 80-хъ годовъ во многихъ мѣстахъ послѣдовало возвращеніе къ прежнему порядку, т.-е. къ размѣщенію на жительство по уѣздамъ не большей, а напротивъ, меньшей части товарищей прокуроровъ, въ такихъ немногихъ пунктахъ округа, гдѣ того безусловно требуютъ интересы службы. Остальными же уѣздными участками товарищи прокуроровъ завѣдуютъ, проживая въ городѣ, гдѣ находится окружный судъ, и выѣзжая въ уѣзды по мѣрѣ надобности. Такой порядокъ отнюдь не противорѣчитъ закону, не указывающему въ ст 126 учр. суд. уст., сколько именно товарищей прокуроровъ и по

какимъ основаніямъ должны проживать въ уѣздахъ Но сверхъ того порядокъ этотъ является. по нашему мнѣнію, и вполнѣ правильнымъ, согласуясь какъ съ общими интересами судебно-правительственной дѣятельности, такъ и съ надобностями собственно прокурорской службы Нельзя отрицать, конечно. что жительство товарищей прокуроровъ въ ихъ участкахъ до извѣстной степени полезно въ смыслѣ большей ихъ близости къ производству дѣлъ при ихъ участіи или наблюденіи. Товарища прокурора, постоянно живущаго въ уѣздѣ, очевидно, легче и скорѣе найти на мѣстѣ, онъ чаще видится и сносится со слѣдователями и другими чинами своего участка, и меньше времени и денегъ истратится на его поѣздки. Но преимущества эти еще далеко не исчерпываютъ вопроса; они недостаточно уравновѣшиваются невыгодами, и обязательное повсемѣстное жительство товарищей прокуроровъ по уѣздамъ имѣетъ другія стороны, едва ли желательныя и полезныя, которыя не слѣдуетъ терять изъ виду. Прежде всего, даже при такомъ распредѣленіи лицъ прокурорскаго надзора, близость ихъ къ завѣдываемымъ участкамъ достигается только отчасти и относительно. По малому числу товарищей прокуроровъ они почти всегда завѣдуютъ каждый двумя уѣздами, вслѣдствіе чего, даже проживая въ одномъ изъ нихъ, товарищъ прокурора находится къ другому совершенно въ такомъ же отношеніи, какъ если бы онъ жилъ въ губернскомъ городѣ, т -е. періодически пріѣзжаетъ въ уѣздъ для исполненія текущихъ обязанностей. Затѣмъ, живя постоянно въ уѣздѣ, товарищъ прокурора скоро становится настоящимъ мѣстнымъ дѣятелемъ, невольно втягивается въ мѣстные интересы, свыкается съ людьми и явленіями и можетъ незамѣтно подвергаться мѣстнымъ вліяніямъ въ самой разнообразной формѣ: родства, знакомства, личныхъ отношеній, слуховъ, такъ называемыхъ „партій“ и проч. Какъ бы ни былъ дѣятель твердъ и независимъ, окружающая обстановка не остается безъ воздѣйствія, которое, естественно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше сила сопротивленія. Въ уѣздѣ кругозоръ по необходимости не широкъ, а людямъ свойственно обживаться, что̀ такъ или иначе отражается и на дѣятельности. Многое начинаетъ

представляться подъ тѣмъ или другимъ узкимъ или мѣстнымъ угломъ зрѣнія, способность къ критикѣ слабѣетъ или утрачивается, или же, напротивъ, слишкомъ обостряется подъ давленіемъ различныхъ мѣстныхъ или личныхъ теченій, которыя въ провинціи иногда склонны отождествлять съ пользой дѣла. Все это особенно вредно именно для прокурорской дѣятельности, которая по самой своей сущности должна быть проникнута идеей живого и энергическаго закономѣрнаго надзора съ болѣе широкой правительственно-общественной точки зрѣнія, совершенно чуждой того, что̀ французы мѣтко называютъ les intérêts du clocher. Чиновъ прокуратуры слѣдуетъ оградить отъ всякаго мѣстнаго вліянія; они должны считаться съ нимъ, какъ съ однимъ изъ факторовъ общественнаго быта, знать его значеніе и характеръ, но отнюдь ни въ чемъ ему не поддаваться. Опытъ показываетъ, что по большей части это гораздо лучше и легче осуществляется періодическими наѣздами изъ „губерніи“ или столицы, нежели постояннымъ жительствомъ въ уѣздѣ среди условій, не всегда благопріятствующихъ самостоятельности и безпристрастію. Умный, дѣльный и тактичный товарищъ прокурора, бывая въ уѣздѣ ежемѣсячно по нѣскольку дней, для присутствованія на съѣздѣ и разсмотрѣнія слѣдственныхъ производствъ, сумѣетъ и въ это кратковременное пребываніе получить всѣ нужныя ему свѣдѣнія и обмѣняться съ мѣстными должностными лицами необходимыми личными сношеніями, которыя все-таки не могутъ вполнѣ замѣнить дѣловой переписки, неизбѣжной и при жительствѣ въ уѣздѣ; такому товарищу прокурора со стороны виднѣе и свободнѣе, а мѣстнымъ силамъ труднѣе сдѣлать его „своимъ“, да и вообще чувствительнѣе дѣйствіе извнѣ идущаго контроля. Что же касается до ближайшихъ сотрудниковъ по профессіи, то для уѣздныхъ слѣдователей, напр., при нормальныхъ добрыхъ отношеніяхъ, въ лицѣ товарища прокурора съ его періодическими пріѣздами, поддерживается какъ бы живая связь съ мѣстнымъ судебнымъ центромъ. Этотъ порядокъ въ частности не препятствуетъ и прокурорскому наблюденію за дознаніями и слѣдствіями, такъ какъ

товарищъ прокурора, и живя въ уѣздномъ городѣ, по составу и количеству своихъ занятій рѣшительно не въ состояніи фактически наблюдать за всѣми дѣлами по своему участку; онъ можетъ осуществлять это наблюденіе, за исключеніемъ немногихъ выдающихся дѣлъ, только въ общемъ смыслѣ, путемъ просмотра ихъ время отъ времени, т.-е. совершенно такъ же, какъ онъ дѣлаетъ и не живя въ участкѣ, при своихъ ежемѣсячныхъ пріѣздахъ. Дѣлъ же особенно важныхъ или спѣшныхъ бываетъ сравнительно очень немного и спеціальныя по нимъ поѣздки вполнѣ возможны, чѣмъ устраняется и это послѣднее затрудненіе отъ отсутствія на мѣстѣ лица прокурорскаго надзора. Далѣе, въ мѣстопребываніи окружного суда сосредоточивается большая часть прокурорскихъ занятій, съ массою которыхъ трудно справиться прокурору суда съ одними городскими его товарищами, если всѣ уѣздные живутъ въ участкахъ. Самое руководство прокурорской службой легче и дѣйствительнѣе при извѣстной централизаціи личнаго состава: удобнѣе преподаніе указаній, обмѣнъ взглядовъ и мыслей, доставленіе свѣдѣній. Наконецъ,—и это обстоятельство при всей его второстепенности едва ли можно игнорировать—дѣятельность прокуратуры требуетъ, для своего успѣха, постояннаго умственнаго обновленія посредствомъ общенія съ сослуживцами и вообще съ образованными людьми, путемъ участія въ болѣе высокихъ и широкихъ интересахъ и проявленіяхъ интеллигентной жизни съ ея удобствами и украшеніями; между тѣмъ уѣздный обиходъ представляетъ очень мало рессурсовъ въ этомъ отношеніи, и обрекать судебныхъ дѣятелей на обязательное въ немъ пребываніе можно только въ случаѣ крайней въ томъ необходимости, которой не существуетъ для чиновъ прокуратуры. Единственный безусловно вѣскій аргументъ въ пользу подобной мѣры—соображенія финансовыя объ уменьшеніи издержекъ казны на поѣздки уѣздныхъ товарищей прокуроровъ въ ихъ участки—подрывается неотвратимою необходимостью все-таки ѣздить въ другой изъ завѣдуемыхъ уѣздовъ и въ губернскій городъ для личныхъ объясненій съ прокуроромъ и участія въ общихъ занятіяхъ прокуратуры. Сверхъ того, расходы эти въ сущности

такъ ничтожны и могли бы быть такъ успѣшно возмѣщены экономіей по другимъ статьямъ бюджета министерства юстиціи, что ихъ собственно не слѣдовало бы и брать въ разсчетъ при разрѣшеніи важнаго вопроса о правильномъ и цѣлесообразномъ размѣщеніи лицъ прокурорскаго надзора по территоріи, ввѣренной его наблюденію. Не отличается практичностью и мѣра, принятая для упорядоченія этого размѣщенія въ вышеприведенномъ циркулярѣ министерства юстиціи отъ 14 августа 1879 г.,—выселеніе въ уѣзды старѣйшихъ и опытнѣйшихъ товарищей прокуроровъ съ обѣщаніемъ именно имъ преимущественнаго повышенія по службѣ. Послѣднее едва ли исполнимо: не говоря уже о томъ, что хорошій уѣздно-участковый товарищъ прокурора можетъ сплошь и рядомъ оказаться неудовлетворительнымъ прокуроромъ или товарищемъ предсѣдателя, министерство даже при всемъ желаніи не находитъ и не найдетъ достаточно мѣстъ для представленія болѣе скорой карьеры $^3/_4$ всѣхъ товарищей прокуроровъ, обязанныхъ по смыслу циркуляра жить въ уѣздахъ, конечно, если не считать карьерой назначеніе въ члены суда, чего не признаетъ повышеніемъ ни одинъ заслуженный товарищъ. Да и самая перспектива—по пріобрѣтеніи старшинства, опыта и хорошей служебной репутаціи быть перемѣщеннымъ изъ губернскаго города въ уѣздный—настолько непривлекательна, что строгое исполненіе циркуляра, бывшее одно время настоящей грозой для низшихъ, но важнѣйшихъ чиновъ прокуратуры, могло бы только повести къ усиленной эмиграціи изъ ея рядовъ. Пишущему эти строки памятно печальное и не безосновательное недоумѣніе, въ которомъ находились многіе достойнѣйшіе дѣятели, вынужденные какъ бы въ награду за полезную и продолжительную службу ломать съ трудомъ сложившуюся семейную обстановку, въ томъ числѣ въ особенности воспитаніе дѣтей, для переселенія изъ одного лучшаго города въ другой худшій. Мѣра, не обусловленная необходимостью, оказывалась и не политичною. Тѣмъ не менѣе предполагаемое разрѣшеніе этого вопроса не въ пользу разселенія товарищей прокуроровъ по уѣздамъ, какъ уже было указано выше, не безусловно и ка-

сается только большинства; нѣкоторые же товарищи, въ числѣ, зависящемъ отъ условій округа, должны жить въ участкахъ, въ пунктахъ, опредѣляемыхъ прокуроромъ палаты по представленіямъ окружныхъ прокуроровъ. За основаніе при этомъ принимается: а) отдаленность участка отъ мѣстопребыванія окружного суда (напр., въ губ. Костромской, Вятской, Пермской, Саратовской и проч., гдѣ есть уѣздные города, отстоящіе отъ губернскаго на 300—600 верстъ) и б) особое значеніе города или мѣстности, требующее постояннаго пребыванія тамъ лица прокурорскаго надзора. По этимъ, приблизительно, основаніямъ установлено дѣйствующее теперь распредѣленіе, измѣняющееся отчасти сообразно личнымъ воззрѣніямъ того или другого прокурора палаты, но въ общемъ достаточно отвѣчающее какъ интересамъ дѣла, такъ и законнымъ потребностямъ передовыхъ тружениковъ прокурорскаго надзора.

Число товарищей прокуроровъ въ каждомъ округѣ опредѣляется штатами, утверждаемыми въ законодательномъ порядкѣ. Но относительно товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ закономъ 3 іюня 1879 г. (нынѣ примѣч. къ ст. 125 учр. суд. уст.) предоставлено министру юстиціи „въ случаяхъ крайней необходимости измѣнять распредѣленіе назначеннаго штатами общаго числа“, другими словами — своею властью перечислять должности товарищей прокурора изъ одного округа въ другой съ предварительными, впрочемъ, предложеніями объ этомъ сенату для распубликованія. Министръ нерѣдко пользуется этимъ правомъ съ цѣлью по возможности уравнять количество занятій и устранить обремененіе. Сдѣлать это не легко, потому что почти вездѣ число лицъ прокурорскаго надзора минимальное, какъ говорится „въ обрѣзъ“, едва успѣвающее отбывать общія текущія обязанности прокуратуры. Письменной работой товарищи прокуроровъ обыкновенно не обременены, но обширность разстояній, частые разъѣзды и многочисленность засѣданій, какъ судебныхъ, такъ и административныхъ, составляютъ тотъ главный камень преткновенія, съ которымъ всюду приходится встрѣчаться при распредѣленіи прокурорскихъ занятій. Малочисленность состава прокурорскаго надзора заставляетъ обходить его, иногда не безъ

ущерба для качественной стороны работы. Напряженія сверхъ силъ требовать нельзя, и нужно довольствоваться возможнымъ при данныхъ условіяхъ времени и мѣста [1]).

10.

Общія основанія прокурорской дѣятельности по уголовнымъ дѣламъ.

Дѣятельность прокурорскаго надзора по уголовнымъ дѣламъ, наиболѣе сложная и обширная, а по значенію своему и наиболѣе существенная изъ всѣхъ отраслей прокурорской службы, требуетъ особенно внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія. И по закону, и въ дѣйствительности, прокуратура является однимъ изъ главныхъ дѣятелей уголовнаго правосудія, которое можетъ быть отправляемо не иначе, какъ при властномъ ея участіи во всѣхъ процессуальныхъ стадіяхъ. Черезъ нихъ послѣдовательно проходитъ уголовная дѣятельность прокурора, въ ея поступательномъ движеніи къ конечной цѣли уголовнаго процесса. Съ его строеніемъ и фазисами совпадаетъ весь ходъ и объемъ прокурорскихъ дѣйствій въ уголовной области; поэтому, изложить эти послѣднія въ систематическомъ порядкѣ— значитъ коснуться почти всего процесса съ самыхъ капитальныхъ сторонъ его. Но, прежде чѣмъ приступить къ подробному разбору отдѣльныхъ проявленій прокурорской дѣятельности въ каждомъ изъ судопроизводственныхъ моментовъ, не безполезно бросить бѣглый взглядъ на общія основанія этой дѣятельности, въ ея содержаніи, задачахъ и руководящихъ началахъ.

Мотивы къ Судебнымъ Уставамъ прямо указываютъ на то, что уголовное преслѣдованіе составляетъ главный предметъ занятій современнаго прокурорскаго надзора [2]). Изъ сопоставле-

---

[1]) Объ этомъ предметѣ см. сочиненіе автора „Прокурорскій надзоръ“, т. I., стр. 523—526.

[2]) Судебные Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 27 и 28; ч. III, стр. 102.

нія относящихся сюда многочисленныхъ статей устава уголовнаго судопроизводства ясно, что законъ смотритъ на прокуратуру какъ на главный и, притомъ, нормальный органъ уголовнаго преслѣдованія, а всѣ допущенныя отъ этого отступленія трактуетъ какъ изъятія изъ общаго правила (ст. 4, 5, 249, 250, 253, 255, 278—287, 297, 311, 314, 479, 510, 511, 540, 543, 545, 630, 736—741 и друг. уст. угол. суд.) Въ томъ же духѣ сложилось и житейское, бытовое понятіе о прокурорскомъ надзорѣ; въ глазахъ общества и гражданъ прокуроръ есть, прежде всего, государственный обвинитель, должностной преслѣдователь преступленій по преимуществу.

Для обозначенія уголовной функціи прокурора законодатель употребляетъ четыре термина однороднаго, но не тождественнаго значенія: 1) *обвинительная* или *прокурорская власть* (ст. 3 и 4 основн. полож. угол. суд. 1862 г., ст. 510 и 511 уст. угол. суд.); 2) *судебное* или *уголовное преслѣдованіе* (ст. 51 основн. полож. судоустр., ст. 2 и 3 основн. полож. угол. суд., ст. 1, 2, 5, 16, 18, 511, 523, 528—529 и друг. уст. угол. суд.); 3) *обличеніе* обвиняемыхъ передъ судомъ (ст. 4 уст. угол. суд.), и 4) *обвиненіе* (ст. 539, 737, 744 и друг. уст. угол. суд.). Эти выраженія вошли во всеобщее практическое употребленіе, кромѣ, впрочемъ, термина „*обличеніе*“, встрѣчающагося и въ законѣ только однажды, въ видѣ какъ бы вводнаго наименованія. Подъ „обвинительною“ или „прокурорскою властью“ разумѣется совокупность субъективныхъ правъ и обязанностей прокуратуры по уголовнымъ дѣламъ. Тотъ же терминъ прилагается въ судебномъ обиходѣ и къ самому институту прокуратуры, которую принято называть „обвинительною властью“, въ смыслѣ совокупности чиновъ или органовъ, пользующихся этой властью. „Судебнымъ или уголовнымъ преслѣдованіемъ“, производимымъ прокуратурой, называется объективное примѣненіе вышеуказанныхъ ея правъ и обязанностей къ конкретнымъ случаямъ. Что же касается до „обвиненія“, однозначущаго съ „обличеніемъ“, то подъ тѣмъ или другимъ подразумѣвается лишь часть или отдѣлъ уголовнаго преслѣдованія, одинъ изъ процессуальныхъ его моментовъ, ограничен-

ный собственно судебнымъ разбирательствомъ, точнѣе—преслѣдованіе передъ судомъ, въ судебномъ его засѣданіи. Распредѣляя приведенныя понятія по соотвѣтствующимъ мѣстамъ, можно сказать, что прокурорскій надзоръ, какъ судебно-уголовное учрежденіе, облеченъ обвинительною властью, которая проявляется вообще въ уголовномъ преслѣдованіи и, въ частности, въ обвиненіи на судѣ.

Сообразно постановленіямъ нашего законодательства, прокурорское уголовное преслѣдованіе представляетъ должностную процессуальную дѣятельность, направленную къ раскрытію преступленія и къ изобличенію передъ судомъ виновнаго въ немъ лица, для того, чтобы оно могло быть подвергнуто опредѣленному въ законѣ наказанію. Положеніе прокурора и размѣръ его. власти въ различныхъ фазисахъ этой дѣятельности далеко не одинаковы и подвергаются многообразнымъ ограниченіямъ: такъ, напр., не одинъ прокуроръ возбуждаетъ преслѣдованіе, не по всѣмъ дѣламъ его производитъ, не всегда имъ свободно распоряжается и не вездѣ обладаетъ равною обвинительною силой. Важнѣйшія изъ такихъ видоизмѣненій пріурочиваются къ двумъ моментамъ—возбужденію преслѣдованія и обвиненію на судѣ; это пункты характеристическіе и рѣшительные для всей постановки преслѣдованія въ нашемъ уголовномъ процессѣ. Вслѣдствіе смѣшаннаго его характера, совмѣщающаго въ себѣ весьма разнородные элементы (обвинительные и законоохранительные, слѣдственные и состязательные, публичные и частные и проч.), въ типическихъ очертаніяхъ нашего прокурора-обвинителя недостаетъ полной выдержанности и цѣльности. Но самая сложность и даже нѣкоторая ихъ пестрота и эклектизмъ, самое соединеніе въ нихъ разнообразныхъ свойствъ сообщаютъ этимъ чертамъ извѣстную гибкость и способность приспособляться къ нерѣдко исключительнымъ особенностямъ и настойчивымъ требованіямъ жизни. Незаконченность типа оставляетъ открытымъ путь къ развитію и совершенствованію, позволяя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и при настоящихъ данныхъ выдѣлить и сгруппировать родовые или преобладающіе признаки. Для этого необходимо, прежде

всего, обратиться къ тѣмъ офиціальнымъ мотивамъ закона, изъ которыхъ, какъ изъ авторитетнѣйшаго источника, раскрывающаго внутреннюю мысль законодательства, слѣдуетъ черпать первоначальныя его объясненія. „Прокуроры"—гласятъ эти мотивы—„суть органы правительства для охраненія силы законовъ и на этомъ основаніи сущность ихъ обязанности заключается: 1) въ обнаруженіи и преслѣдованіи всякаго нарушенія законнаго порядка и въ требованіи распоряженій къ его возстановленію....; 3) въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона" [1]). „Прокуроръ долженъ являться публичнымъ обвинителемъ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ и вести ихъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ въ качествѣ представителя правительства и закона" [2]). Терминъ „прокурорскій надзоръ" употребляется „въ смыслѣ общей обязанности прокуроровъ наблюдать, чтобы законъ не былъ никѣмъ нарушаемъ, и, въ случаѣ замѣченныхъ нарушеній, принимать мѣры къ возстановленію онаго" [3]). Между тѣмъ какъ въ частныхъ уголовныхъ дѣлахъ „является истцомъ частное лицо", въ дѣлахъ публичныхъ „истцомъ представляется власть обвинительная, преслѣдующая преступленія во имя закона;.... прокуроры—обвинители во имя закона" [4]). По основнымъ положеніямъ уголовнаго судопроизводства „на прокуратурѣ лежитъ не одна обязанность быть обвинителемъ, но также и другая: быть блюстителемъ закона.... Въ качествѣ органа обвинительной власти прокуроръ пользуется правомъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Дѣятельность его идетъ еще дальше; если изъ собранныхъ при предварительномъ слѣдствіи свѣдѣній прокуроръ удостовѣрится, что привлеченное къ слѣдствію лицо основательно подозрѣвается въ преступленіи, то онъ долженъ продолжать преслѣдованіе такого лица, обвинять его передъ судомъ, объяснять основанія, по коимъ оно оказывается виновнымъ, и стараться изобличить вину его при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ. Но если, наоборотъ,

[1]) Судебные Уставы, изд. госуд. канц., ч. III, стр. 23 (къ ст. 8 учр. суд. уст.).
[2]) Суд. Уставы, изд. госуд. канц., ч. III, стр. 102 (къ ст. 135 учр. суд. уст.).
[3]) Тамъ же, стр. 179 (къ ст. 253 учр. суд. уст.).
[4]) Суд Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 28 (къ ст. 5 уст. угол. суд.).

послѣ надлежащаго разслѣдованія преступленія, тотъ же прокуроръ придетъ къ убѣжденію въ неосновательности дальнѣйшаго преслѣдованія, то въ качествѣ блюстителя закона и правосудія онъ можетъ и долженъ дать заключеніе о прекращеніи преслѣдованія, начатаго имъ въ качествѣ обвинителя". Этотъ „двойственный характеръ прокурорскихъ обязанностей" долженъ отличаться еще и тѣмъ, „чтобы обѣ обязанности, обвинителя и блюстителя закона, шли рука объ руку" [1]). При обвиненіи на судѣ представителямъ прокурорскаго надзора обезпечивается свобода дѣйствія по совѣсти и убѣжденію; только при такомъ условіи „можно ожидать, что учрежденіе это будетъ сильнымъ и удовлетворитъ своему двоякому призванію—быть и обвинителемъ, и блюстителемъ закона" [2]). Отношенія къ дѣлу на судѣ прокурора и подсудимаго далеко не одинаковы и не сходны. Между тѣмъ какъ подсудимому свойственно оправдываться всѣми зависящими отъ него способами, не различая ихъ значенія и имѣя въ виду лишь одну цѣль—свое оправданіе, „прокуроръ есть обличитель преступленія во имя закона, видамъ котораго осужденіе невиннаго еще болѣе противно, чѣмъ оправданіе виновнаго. Поэтому цѣль всѣхъ дѣйствій прокурора должна быть не обвиненіе, но исключительно раскрытіе истины, въ чемъ бы она ни состояла—въ виновности или невиновности подсудимаго. Правда, прокуроръ является на судъ какъ обвинитель, но онъ составляетъ обвинительный актъ и поддерживаетъ во время судебнаго слѣдствія обвиненіе не для того, чтобы добиться, во что бы то ни стало, осужденія обвиняемаго, но единственно для того, чтобы опредѣлительнымъ указаніемъ всѣхъ представляющихся въ дѣлѣ поводовъ и основаній къ обвиненію дать возможность объяснить ихъ съ точки зрѣнія защиты и даже вовсе устранить ихъ, если они могутъ быть опровергнуты" [3]). „...Прокуроръ обязанъ

---

[1]) Суд Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 188, 189 (къ ст. 510 уст угол. суд.).

[2]) Суд Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 203 (къ ст. 539 уст. угол. суд.)

[3]) Выразившаяся въ этихъ словахъ крайняя состязательная теорія процесса, съ преобладающимъ попеченіемъ не объ интересахъ государственной репрессіи, а объ участи подсудимаго, нѣсколько отзывается доктринерскою односторонностью

представить всѣ представляющіяся въ дѣлѣ противъ подсудимаго доказательства и улики; но имѣя въ виду, что конечная цѣль его дѣйствій есть раскрытіе истины, онъ не долженъ представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ, дабы при защитѣ, не равносильной обвиненію, не ввести судей въ заблужденіе". Короче, прокуроръ не только обвинитель, но въ то же время „блюститель закона и общественныхъ интересовъ" [1]). При предварительномъ изслѣдованіи преступленій „прокуроръ, по вліянію своему какъ на полицейскихъ чиновниковъ, черезъ которыхъ онъ въ правѣ собирать по дѣлу всевозможныя свѣдѣнія, такъ и на самого судебнаго слѣдователя, а черезъ него—и на ходъ дѣла, никакъ не менѣе опасенъ для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, чѣмъ слѣдователь, подъ наблюденіемъ прокурора собирающій матеріалы слѣдствія" [2]). Но на судѣ „прокуроръ не рѣшаетъ дѣла, заключеніе его не обязательно для суда и обвинительные его доводы могутъ быть опровергаемы защитою, имѣющею во всѣхъ преніяхъ послѣднее слово" [3]). Подобныя же мысли высказаны въ двухъ руководящихъ рѣшеніяхъ сената, по разъясненію котораго—права прокурора и подсудимаго не могутъ быть уравнены до открытія по дѣлу судебнаго засѣданія, такъ какъ до этого момента обязанности прокурора состоятъ „исключительно въ раскрытіи истины", что и представляетъ конечную цѣль его дѣятельности"; при чемъ этою одною цѣлью онъ и долженъ руководствоваться, тогда какъ подсудимый, въ „естественномъ стремленіи оправдаться", способенъ и не быть разборчивымъ въ средствахъ своего оправданія. Только съ открытіемъ судебнаго засѣданія прокуроръ вступаетъ въ права стороны и обязанность его противопола-

---

и далеко не была послѣдовательно проведена въ законѣ. Едва ли можно признать, что по нашему дѣйствующему праву прокуроръ обвиняетъ „единственно" для того, чтобы предъявленіемъ подсудимому доводовъ дать ему возможность отвѣчать на нихъ и оправдаться. Правильнѣе было бы сказать не „единственно", а „между прочимъ", такъ какъ главная задача обвинителя все-таки заключается въ изобличеніи и наказаніи по законамъ дѣйствительно виновнаго.

[1]) Судебные Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 218 и 219 (къ ст. 573 уст. угол. суд).

[2]) Суд. Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 127 (къ ст. 287 уст. угол суд.).

[3]) Тамъ же, стр. 226 (къ ст. 609 уст. угол. суд.).

гается обязанности защиты [1]). Однакоже и здѣсь, на судѣ, задача прокурора отмѣчена въ сущности тѣмъ же характеромъ дѣятельнаго безпристрастія, такъ какъ чины прокурорскаго надзора „являются на судъ не исключительно для предъявленія требованія о приложеніи къ виновному наказанія, а для содѣйствія суду въ достиженіи по дѣлу истины, раскрытіемъ совершенія преступленія, изобличеніемъ виновныхъ, или же обнаруженіемъ невинности обвиняемыхъ“ [2]).

Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается, въ сжатомъ видѣ, цѣлое принципіальное ученіе о главныхъ основаніяхъ всей прокурорской дѣятельности по уголовнымъ дѣламъ. Оно можетъ быть резюмировано слѣдующими положеніями: являясь обвинителемъ, прокуроръ, какъ органъ правительства, обязанъ преслѣдовать преступленія въ общественныхъ интересахъ; но, будучи въ то же время блюстителемъ закона, онъ ведетъ это преслѣдованіе, во имя закона, исключительно для раскрытія истины и, притомъ, такъ, что до суда на немъ лежитъ безпристрастное участіе въ предварительномъ изслѣдованіи, а на судѣ, гдѣ прокуроръ уже дѣйствуетъ въ качествѣ настоящаго обвинителя, права его уравновѣшиваются правами подсудимаго, хотя и здѣсь прокурору воспрещается всякая односторонность и всякое увлеченіе въ пользу обвиненія. Прилагая къ этому общему выводу научныя или теоретическія понятія уголовнаго процесса, мы найдемъ, что уголовная дѣятельность прокурорскаго надзора основана: а) на соединеніи задачъ *обвинительной* съ *законоохранительной*; б) на обязанности *безпристрастія*; в) на преобладаніи начала *слѣдственнаго* съ многими, впрочемъ, проявленіями *состязательнаго* начала; г) на господствѣ *общественнаго* или *публичнаго* начала, въ извѣстномъ, впрочемъ, соотношеніи съ *частными* элементами процесса, и наконецъ д) на примѣненіи начала *закономѣрности*, смягченномъ его умѣстностью или *цѣлесообразностью*. Всѣ эти основные принципы, при ихъ осуществленіи въ законѣ и на практикѣ, состоятъ между собою въ тѣсной связи и постоянномъ взаимодѣйствіи.

[1]) Рѣш. угол. кассац. департ. 1868 г. № 943, д. Устиновой и Ивановой.
[2]) Рѣш. угол. кассац. департ. 1877 г. № 68, д. Бѣлокопытова.

Проявленіе ихъ можно прослѣдить во всѣхъ постановленіяхъ закона о правахъ и обязанностяхъ прокурорскаго надзора: это выдающіеся устои, на которые опирается или вокругъ которыхъ совершается вся его судебно-уголовная работа.

Обвинительная задача прокурорской власти получаетъ примѣненіе въ такихъ капитальныхъ дѣйствіяхъ ея по уголовному преслѣдованію, какъ: возбужденіе дѣла (п. 4 ст. 297 уст. угол. суд.), попеченіе объ обнаруженіи преступленія и виновнаго, посредствомъ руководства полицейскимъ дознаніемъ и наблюденія за предварительнымъ слѣдствіемъ (ст. 278, 281, 285, 286 и др. уст. угол. суд.), составленіе обвинительнаго акта (ст. 519—521, 545 уст. угол. суд.), участіе въ судебномъ разсмотрѣніи дѣла для поддержанія обвиненія (ст. 630 уст. угол. суд. и др.), произнесеніе обвинительной рѣчи (1 п. 736, 737 ст. уст. угол. суд.), предъявленіе суду заключенія о наказаніи подсудимаго (ст. 738, 820 уст. угол. суд.), опротестованіе неблагопріятныхъ для обвиненія опредѣленій и приговоровъ (ст. 858, 893, 906 уст. угол. суд.) и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этихъ послѣднихъ (ст. 948 и 949 уст. угол. суд.). Ближайшая цѣль всѣхъ этихъ дѣйствій, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія обвиненія, заключается въ томъ, чтобы обезпечить и провести его интересы, достигнуть репрессіи преступленія посредствомъ возмездія преступнику. Но у тѣхъ же средствъ и мѣропріятій обвиненія есть и другая, внутренняя подкладка, окрашивающая ихъ своеобразнымъ цвѣтомъ—*законоохраненія*. Эта задача сводится къ точному соблюденію въ области уголовнаго преслѣдованія законнаго порядка и къ возстановленію его при всякомъ нарушеніи. Все преслѣдованіе ведется на строго законномъ основаніи, съ неуклоннымъ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для него правилъ, формъ и обрядовъ судопроизводства (ст. 1 и 783 уст. угол. суд.). Только вполнѣ легальное судебное преслѣдованіе заслуживаетъ этого названія, только безусловно законныя обвинительныя средства могутъ быть признаны дозволительными и цѣлесообразными. Прокуроръ наблюдаетъ за правильностью и законностью содержанія подъ стражей (ст. 10

и 11 уст. угол. суд.). Онъ же является блюстителемъ и истолкователемъ законности въ мировыхъ судебныхъ и мѣстныхъ судебно-административныхъ установленіяхъ (ст. 53, 53[1], 166, 146 и 173 уст. гражд. суд., ст. 219, 229 и 237 правилъ угол. судопр. 29 декабря 1889 г. и ст. 106 положенія 12 іюля 1889 г. о земск. участк. нач.). На прокурорѣ лежитъ спеціальная забота о соблюденіи и возстановленіи законной подсудности (ст. 234, 235, 246 и 518 уст. угол. суд.). Онъ наблюдаетъ за производствомъ, а слѣдовательно и за правильностью предварительнаго слѣдствія (ст. 249, 278 уст. угол. суд.). Для того, чтобы предложенія прокурора слѣдователю были обязательны и дѣйствительны, они должны быть, прежде всего, законны (ст. 281 уст. угол. суд.). Всякое обвиненіе, предъявляемое прокуроромъ, какъ первоначальное, въ обвинительномъ актѣ, такъ и окончательное, въ обвинительной рѣчи и въ заключеніяхъ на судѣ, должно содержать въ себѣ точное указаніе того, какимъ закономъ предусмотрѣно дѣяніе подсудимаго и какой, по закону же, отвѣтственности онъ за него подлежитъ (п. 5 ст. 520, 737, 738, 820 уст. угол. суд.). При производствѣ дѣла въ судѣ прокуроръ, независимо отъ своего участія въ немъ въ качествѣ обвинителя, предъявляетъ суду, въ качествѣ блюстителя закона, заключенія по всѣмъ процессуальнымъ вопросамъ, относящимся къ порядку производства дѣла (ст. 141 учр. суд. уст., ст. 555, 604, 619, 649 уст. угол. суд.). Прокуроръ приноситъ протесты на судебные приговоры и опредѣленія въ случаяхъ нарушенія закона по разъясненію сената, хотя бы въ пользу обвиненія (рѣш. угол. кассац. департ. 1870 г. № 682, д. Алексѣева; 1871 г. № 573, д. Прозорова, № 637, д. Кречуна, № 1145, д. Алексѣева; 1872 г. № 187, д. Егорова, и друг.). При кассаціонномъ разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ оберъ-прокуроръ даетъ свои заключенія, главнымъ образомъ, въ качествѣ блюстителя закона (ст. 920 уст. угол. суд.) [1]). Въ такомъ же смыслѣ дѣйствуетъ про-

[1]) Въ этомъ отношеніи едва ли можно признать вполнѣ точнымъ и согласнымъ съ истиннымъ духомъ закона указаніе офиціальныхъ мотивовъ къ ст. 920

куроръ и при возобновленіи уголовныхъ дѣлъ (ст. 934 уст. угол. суд.). Наконецъ, точный смыслъ ст. 253 учр. суд. уст. въ настоящей ея редакціи, по прод. 1886 г., не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что по уголовнымъ дѣламъ прокурорскій надзоръ вообще обязанъ наблюдать за закономѣрною правильностью производства и рѣшенія этихъ дѣлъ.

Проявляясь въ изложенныхъ видахъ, задача охраненія закона проникаетъ собою все производимое прокуроромъ уголовное преслѣдованіе, не покидая его ни въ одномъ изъ его моментовъ, и повсюду стоитъ рядомъ съ задачею обвиненія. Прокуроръ-обвинитель есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда и блюститель закона, что́ и выражается въ неизмѣнно присущей ему двойственной обязанности стремиться не только къ тому, чтобы виновный въ преступленіи былъ обнаруженъ, изобличенъ и наказанъ, но и къ тому, чтобы при этомъ законъ не былъ нарушенъ ни въ пользу обвиненія, ни въ пользу оправданія. Прокуроръ преслѣдуетъ преступленія и преступниковъ лишь настолько, насколько это предписывается закономъ и необходимо для его возстановленія. Преслѣдуя, обвиняя, прокуроръ всегда имѣетъ передъ собою требованія закона и не въ правѣ оставлять безъ вниманія и воздѣйствія всякое отступленіе отъ него при отправленіи уголовнаго правосудія. По ходу дѣла, интересы обвиненія могутъ фактически стоять впереди, на первомъ планѣ, привлекая къ себѣ главнѣйшія заботы и трудъ представителей обвинительной власти, но нигдѣ, даже въ самый разгаръ борьбы, неразлучной съ преслѣдованіемъ, этимъ интересамъ не должны быть приносимы въ жертву интересы законности и никогда прокурору не слѣдуетъ забывать своего законоохранительнаго призванія. Оно, напротивъ, даже какъ бы заслоняетъ собою и обвинительную задачу въ нѣкоторыхъ про-

---

уст. угол. суд. о томъ, что „оберъ-прокуроръ долженъ быть представителемъ обвинительной власти и, слѣдовательно, стороною въ уголовномъ департ. касаціоннаго сената". Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго текста этихъ же мотивовъ можно заключить, что это неудачное выраженіе употреблено лишь для обозначенія, что оберъ-прокуроръ долженъ быть и въ сенатѣ именно прокуроромъ, а не судьею, т.-е. что онъ не имѣетъ права голоса и участія въ разрѣшеніи поставленныхъ себѣ сенатомъ вопросовъ (Суд. Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 334).

цессуальныхъ положеніяхъ, напр., на предварительномъ слѣдствіи, при формулированіи обвиненія въ законной его квалификаціи, при предъявленіи суду заключеній о порядкѣ производства дѣлъ. Эти условія, въ извѣстной мѣрѣ ограничивая и сдерживая пріемы исполненія прокуроромъ его обвинительной задачи, въ то же время отнюдь ей не мѣшаютъ и не вредятъ, но сообщаютъ каждому шагу прокурорскаго преслѣдованія характеръ дѣйствія, основаннаго не на произволѣ или случайности, а на незыблемомъ, единомъ и равномъ для всѣхъ законѣ. Такой характеръ преслѣдованія не обусловливаетъ вовсе того узкаго юридическаго формализма, который могъ бы быть помѣхой обвинительной дѣятельности, связывая ей руки тамъ, гдѣ для успѣха необходимы сила и энергическая свобода распоряженій. Ничего подобнаго не существуетъ для прокурора: нужна истинная, внутренняя законность, а не внѣшній педантизмъ, упускающій сущность изъ-за формы. Указывая лишь главныя нормы, направленіе и предѣлы дѣйствій, законъ, по большей части, предоставляетъ подробности и мелочи ихъ выполненія ближайшему усмотрѣнію дѣятелей преслѣдованія. Прокуроръ-обвинитель и не долженъ вовсе исчезать или какъ бы стушевываться въ прокурорѣ-блюстителѣ законности; они должны, говоря словами составителей Судебныхъ Уставовъ, идти рука объ руку, легко соединяясь въ одномъ лицѣ, взаимно другъ друга поддерживая и дополняя. Охраняя законность преслѣдованія, прокуроръ тѣмъ самымъ охраняетъ его чистоту, достоинство и правоту. Преслѣдуя наказуемыя нарушенія закона, прокуроръ способствуетъ его возстановленію. Это неразрывный кругъ, которымъ держатся величіе и святость обвинительныхъ мѣропріятій государства, дѣйствующаго черезъ спеціально призванныхъ къ тому органовъ—прокуроровъ.

Ставя цѣлью всѣхъ прокурорскихъ дѣйствій по уголовнымъ дѣламъ—раскрытіе истины, въ чемъ бы она ни заключалась, въ обвиненіи или въ оправданіи, законодатель вмѣняетъ прокурору въ обязанность *безпристрастіе* и тѣмъ приближаетъ его дѣятельность къ типу и характеру судейской. Это въ сущности начало, также вытекающее изъ охраненія закона или,

по крайней мѣрѣ, съ нимъ тѣсно связанное, такъ какъ законъ требуетъ преслѣдованія только дѣйствительной виновности и лишь въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ быть выяснена и доказана законными средствами. Когда нѣтъ или нельзя установить этихъ элементовъ—должна быть признана невиновность и объявлено оправданіе, столь же, если еще не болѣе, близкое и дорогое интересамъ закона, какъ и обвиненіе. Отсюда, самъ законъ предписываетъ прокурору внимательно и осторожно взвѣсить степень основательности обвиненія и, въ случаѣ отрицательнаго результата, указать суду его неосновательность, а отчасти даже и активно противъ него дѣйствовать: прокуроръ высказывается противъ обвиненія и его интересовъ, какъ только находитъ къ тому въ дѣлѣ достаточныя данныя. Въ этомъ отношеніи законъ какъ бы включаетъ прокурора въ составъ чисто судебныхъ органовъ, облекая его не властью судить, но полномочіями и обязанностями судейскаго свойства или оттѣнка. Такъ, прокуроръ прекращаетъ дознаніе или переписку, не обнаружившія преступленія, а если дѣло поступило уже къ слѣдователю, то онъ исполняетъ это по соглашенію съ слѣдственной властью (ст. 253, 309 и 310 уст. угол. суд.). Прокуроръ не долженъ требовать начатія слѣдствія безъ достаточныхъ къ тому основаній (ст. 312 уст. угол. суд.); черезъ него восходятъ въ судъ представленія слѣдователя о прекращеніи начатыхъ уже слѣдствій (ст. 277 уст. угол. суд.). Требованія прокурора, предъявляемыя слѣдователю по всѣмъ предметамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленія и къ собранію доказательствъ, могутъ одинаково относиться и къ даннымъ обвиненія, и къ даннымъ въ пользу обвиняемаго (ст. 281 уст. угол. суд.), при чемъ прокуроръ можетъ дать слѣдователю обязательное для него предложеніе объ освобожденіи изъ-подъ стражи такого обвиняемаго, который не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ тяжкомъ преступленіи (ст. 283 уст. угол. суд.). Въ тѣхъ же видахъ не обвинительнаго только, а всесторонняго и объективнаго разслѣдованія, прокуроръ можетъ возвратить оконченное слѣдствіе къ дополненію по его указаніямъ (ст. 286 и 512 уст. угол. суд.). По

полученіи и разсмотрѣніи оконченнаго слѣдствія прокуроръ обсуждаетъ, между прочимъ, не слѣдуетъ ли дѣло прекратить и, въ утвердительномъ случаѣ, составляетъ и представляетъ куда слѣдуетъ заключеніе о прекращеніи или пріостановленіи дѣла (п. 3 ст. 510, 518 уст. угол. суд.). Прокурора, высказавшагося въ такомъ заключеніи противъ обвиненія, даже высшее начальство не въ правѣ принудить обвинять на судѣ вопреки убѣжденію (ст. 539 уст. угол. суд.). Вообще на судѣ—кульминаціонный пунктъ проявленія прокурорскаго безпристрастія. Прокурору прямо запрещается быть одностороннимъ въ обвинительной рѣчи или преувеличивать значеніе обвиненія, а отъ обвиненія недоказаннаго или опровергнутаго онъ обязанъ по совѣсти отказаться (ст. 739 и 740 уст. угол. суд.). При обжалованіи прокуроръ можетъ, по разъясненію сената, приносить протесты и противъ назначенія подсудимому болѣе строгаго, чѣмъ слѣдовало, наказанія, а о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ прокурорскій надзоръ ходатайствуетъ, между прочимъ, и на основаніи доказательствъ невиновности подсудимаго или понесенія имъ чрезмѣрнаго наказанія (пп. 1 и 2 ст. 935 уст. угол. суд.).

Закономѣрное и безпристрастное прокурорское преслѣдованіе организовано съ помощью компромисса двухъ различныхъ процессуальныхъ началъ—*слѣдственнаго* или розыскного и *состязательнаго* или обвинительнаго—и носитъ, поэтому, характеръ смѣшанный, соотвѣтствующій, какъ было уже замѣчено, и смѣшанному типу самаго процесса. Первое изъ этихъ началъ требуетъ, чтобы къ раскрытію матеріальной истины, какъ цѣли уголовнаго производства, дѣятельно стремился самъ судъ со всѣми органами, входящими въ его составъ, и чтобы въ этой самодѣятельности онъ не былъ ограниченъ дѣйствіями, домогательствами и желаніями сторонъ или участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Другое же начало сводитъ процессъ къ правовому спору между двумя равноправными сторонами—обвиненіемъ и защитой; въ состязаніе ихъ судъ почти не вмѣшивается, регулируя только его правильность, и затѣмъ беретъ для своего сужденія только одни самостоятельно выработанные сторонами результаты и вы-

воды изъ этого состязанія. По слѣдственному началу распорядителемъ уголовнаго преслѣдованія является та же судебная власть, которая призвана разрѣшить его своимъ приговоромъ или опредѣленіемъ; сторонъ, обвиненія и защиты или вовсе нѣтъ, или они лишены всякой самобытности. По началу состязательному преслѣдованіемъ свободно распоряжается обвинитель, все равно— частный или должностной, т.-е. прокуроръ; ему, на равныхъ правахъ, противопоставляется подсудимый или его защитникъ, и область судейскаго сужденія заранѣе ограничена предѣлами обвиненія и защиты. Въ уголовномъ преслѣдованіи нашего смѣшаннаго, слѣдственно-состязательнаго процесса имѣетъ мѣсто сложная комбинація обоихъ началъ, при чемъ черты того и другого совмѣщаются или чередуются, смотря по процессуальному моменту. По отношенію къ этимъ началамъ нашъ процессъ построенъ дуалистически, распадаясь на двѣ послѣдовательныя, но другъ отъ друга весьма отличныя части: предварительную, до открытія судебнаго засѣданія, и собственно судебную, обнимающую разсмотрѣніе дѣла въ судебномъ засѣданіи. Въ теченіе первой рѣшительно преобладаетъ слѣдственное начало: прокуроръ, заинтересованный только въ раскрытіи истины, дѣйствуетъ какъ блюститель закона и органъ правосудія, совмѣстно съ слѣдственной и судебной властью. Вторая часть или стадія организована если не по чисто обвинительному принципу, то, во всякомъ случаѣ, въ состязательной формѣ: прокуроръ, продолжая принадлежать къ составу судебнаго присутствія, является въ то же время государственнымъ обвинителемъ и, будучи заинтересованъ въ раскрытіи истины преимущественно въ смыслѣ обвиненія, вступаетъ въ права стороны, которой противопоставляется равноправная съ ней защита [1]). Но въ той и другой стадіи отчасти примѣняются и начала, противоположныя преобладающимъ, въ значеніи, впрочемъ, лишь второстепенномъ и ограничительномъ. Въ *предварительномъ періодѣ* преслѣдованія слѣдственное начало дѣйствуетъ въ слѣдующихъ главныхъ видахъ: 1) прокуратурѣ не принадлежитъ монополія въ возбужденіи

[1]) Это разграниченіе категорически указано въ цитированномъ уже выше рѣшеніи угол. кассац. департамента сената 1868 г. № 943.

преслѣдованія; право это съ ней раздѣляютъ и другія должностныя мѣста и лица, въ томъ числѣ судебный слѣдователь и судебная палата (пп. 2 и 5 ст. 297, 536 уст. угол. суд.); 2) при дознаніи и слѣдствіи прокуроръ представляется не обвинителемъ, а руководящимъ или наблюдающимъ органомъ правосудія. Дознаніе производится полиціей подъ непосредственнымъ руководствомъ прокурора, который, однакоже, самъ лично, одною своею властью, никакихъ мѣръ къ обнаруженію преступленія принимать не можетъ. Слѣдствіе производится слѣдователемъ на розыскномъ основаніи, при безпристрастно-наблюдательномъ участіи прокурора, но безъ всякаго участія защиты, при чемъ и прокуроръ никакихъ слѣдственныхъ дѣйствій не предпринимаетъ и не производитъ [1]) (ст. 249, 264—266, 278, 279, 281, 283, 286, 287, 478, 485—485[1], 493, 505, 511, 512 уст. угол. суд.); 3) прокуроръ не можетъ своею властью ни измѣнить подсудность дѣла, ни прекратить его; это зависитъ исключительно отъ слѣдственной и судебной власти (ст. 277, 482, 518, 523 уст. угол. суд.); 4) право преданія суду присвоено непосредственно прокурору только по менѣе важнымъ дѣламъ, по болѣе же важнымъ вопросъ о преданіи суду рѣшается судебной властью (ст. 523, 527—528[3], 545 уст. угол. суд.); 5) во время приготовительныхъ къ суду распоряженій прокуроръ пользуется такими правами, которыхъ не имѣетъ вступающая въ дѣло защита, и, кромѣ того, онъ не связанъ поставленными для нея условіями и ограниченіями въ представленіи доказательствъ (ст. 570, 573—577, 590—594 уст. угол. суд.), и 6) чины прокурорскаго надзора отводятся отъ исполненія своихъ обязанностей по тѣмъ же основаніямъ, какъ и судьи, хотя нѣсколько и въ иномъ порядкѣ (ст. 287, 608 и 609). Тутъ же рядомъ проявляются, однако, и другіе, чисто обвинительные элементы прокурорской дѣятельности, а именно:

[1]) Въ этомъ отношеніи не точно выраженіе ст. 4 основн. полож. угол. суд о томъ, что въ объемъ обвинительной власти, принадлежащей прокурорамъ, входитъ не только преслѣдованіе, но и *обнаруженіе* преступленій; прокуроръ собственною своею властью, помимо полиціи или слѣдователя, никакихъ розыскныхъ или слѣдственныхъ дѣйствій производить не можетъ и, такимъ образомъ, самое „обнаруженіе“ находится внѣ его компетенціи.

а) прокуроръ возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе, хотя и не исключительно, но за-то вполнѣ свободно, по различнымъ доходящимъ до него свѣдѣніямъ (п. 4 ст. 297, 303, 306, 311, уст. угол. суд.); б) у прокурора стекаются всѣ свѣдѣнія и данныя по всякому производящемуся полицейскому дознанію (ст. 250, 253, 255, 261[1] уст. угол. суд.); в) къ прокурору поступаетъ и, по большей части, имъ же или при его участіи разрѣшается рядъ вопросовъ по производству слѣдствія, обусловливающихъ собою ходъ уголовнаго преслѣдованія (ст. 263, 284, 285, 309, 310, 314, 482 уст. угол. суд.), и г) прокуроромъ составляется обвинительный актъ съ изложеніемъ обвиненія, служащаго основаніемъ для преданія суду и судебнаго слѣдствія (ст. 510 п. 3, 519—521, 545 уст. угол. суд.). Въ *судебномъ періодѣ* преслѣдованія, въ которомъ, съ открытіемъ судебнаго засѣданія, прокуроръ становится обвиняющею стороною, на первый планъ выступаетъ состязательное начало. Оно опредѣляетъ, что прокуроръ и подсудимый или его защитникъ „пользуются въ состязаніи одинаковыми правами“, точно означенными въ законѣ (ст. 630 уст. угол. суд.), при чемъ сторона защищающая имѣетъ даже въ правѣ послѣдняго слова извѣстный перевѣсъ надъ обвинителемъ (ст. 632 уст. угол. суд.). Равноправность эта съ большою послѣдовательностью проходитъ черезъ все судебное слѣдствіе (ст. 640, 656, 682, 687, 688, 692, 694, 695, 700, 703, 704, 720, 721, 728, 733, 744—749 уст. угол. суд.), при постановленіи приговора (ст. 762, 820—825 уст. угол. суд.), а также и въ порядкѣ обжалованія (ст. 858, 905—909 уст. угол. суд.). Состязательный характеръ преслѣдованія, между прочимъ, съ особенною ясностью выражается въ правилѣ о томъ, что при вторичномъ, апелляціонномъ, разсмотрѣніи дѣла наказаніе осужденному подсудимому не можетъ быть увеличено безъ требованія или протеста прокурора-обвинителя (ст. 891 уст. угол. суд.). Впрочемъ и слѣдственное начало здѣсь находитъ себѣ примѣненіе вслѣдствіе того, что прокуроръ, будучи обвинителемъ, не перестаетъ въ то же время быть блюстителемъ закона, „*во имя*“ котораго онъ только и обвиняетъ и „видамъ котораго обвиненіе невиннаго еще болѣе противно, чѣмъ оправ-

данiе виновнаго". Этотъ принципъ, въ теорiи основанный на безпристрастiи, обязываетъ прокурора не ограничиваться пассивнымъ оставленiемъ недоказаннаго или опровергнутаго обвиненiя, а самому активно противъ него высказаться, точно такъ же, какъ и противъ чрезмѣрныхъ, по мнѣнiю прокурора, карательныхъ послѣдствiй осужденiя. То же начало проявляется на судѣ въ нѣкоторыхъ условiяхъ подчиненiя прокурорскаго обвиненiя распорядительной власти предсѣдателя и самодѣятельности суда (ст. 611—619, 673, 684, 686, 688—690, 696, 697, 710, 724, 751, 766, 774, 775 и др. уст. угол. суд.), который ни на судебномъ слѣдствiи, ни при постановленiи приговора не стѣсненъ выводами обвиненiя въ своемъ самостоятельномъ стремленiи къ истинѣ и вполнѣ свободномъ о ней сужденiи. Вотъ почему и отказъ прокурора отъ обвиненiя въ судебномъ засѣданiи еще не прекращаетъ преслѣдованiя, разрѣшаемаго, во всякомъ случаѣ, судебнымъ приговоромъ.

По самой природѣ прокурорскаго обвиненiя, возложенное на прокуратуру уголовное преслѣдованiе есть преслѣдованiе *публичное*, производимое въ публичномъ, т.-е. въ государственномъ и общественномъ интересѣ, и безотносительно къ интересу частному, въ томъ смыслѣ, что этотъ послѣдній интересъ не имѣетъ для прокурорскаго преслѣдованiя ни рѣшающаго, ни преобладающаго значенiя. Производство преслѣдованiя прокуроромъ есть обязанность, лежащая на немъ по закону, въ видахъ государственной и общественной пользы [1]). Даже являясь въ извѣстные моменты преслѣдованiя обвиняющею стороною, равноправною съ защищающимся подсудимымъ, прокуроръ неизмѣнно занимаетъ въ теченiе всего процесса особое положенiе, рѣзко отличающееся отъ положенiя другихъ „участвующихъ въ дѣлѣ лицъ"—именно, своимъ должностнымъ, офицiальнымъ характеромъ [2]). Прокуроръ производитъ преслѣдованiе не по личному

[1]) Судебные Уставы, изд. госуд. канц., ч. II, стр. 208; ч. III, стр. 102. Ст. 4 уст. угол. суд.... „обличенiе обвиняемыхъ передъ судомъ *возлагается* на прокуроровъ и ихъ товарищей". См. также рѣш. угол. кассац. департ. 1877 г. № 68, по д. Бѣлокопытова.

[2]) Ст. 573—576, 595, 597 уст. угол. суд. По точному смыслу пп. 2 и 5 ст. 836 уст. угол. суд., прокуроръ, какъ должностное лицо, присутствующее въ засѣданiи,

своему произволу или хотѣнію и не въ какихъ-либо личныхъ и частныхъ выгодахъ, какъ бы уважительны онѣ ни были, а единственно въ интересахъ закона и охраняемаго имъ общаго или публичнаго блага Но такъ какъ это благо слагается изъ множества отдѣльныхъ личныхъ и частныхъ благъ и интересовъ, то они вовсе не чужды уголовной дѣятельности прокуратуры, которая ихъ ограждаетъ и съ ними считается, однакоже не прямо и непосредственно, а лишь настолько, насколько они согласуются съ принципами общаго блага или публичнаго интереса, воплощаемыми въ законѣ и правительственныхъ распоряженіяхъ. Публичность прокурорскаго уголовнаго преслѣдованія рельефнѣе всего выражается въ порядкѣ его возбужденія и разрѣшенія, а также и въ его отношеніи къ частному воздѣйствію. По установленному закономъ порядку преслѣдованія различаются, какъ извѣстно, три категоріи уголовныхъ дѣлъ: публичныя, публично-частныя и частныя (ст. 4—6, 16 п. 3, 20, 479, 511 уст. угол. суд.). Первыя возбуждаются помимо воли и желанія частнаго лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, производятся безъ его участія или при факультативномъ и второстепенномъ участіи его, въ качествѣ гражданскаго истца, и не могутъ быть прекращаемы примиреніемъ частныхъ, участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. По этимъ дѣламъ, къ которымъ относится наибольшее количество преступныхъ дѣяній — всѣ явно противообщественныя, возбужденіе преслѣдованія принадлежитъ, между прочимъ, прокурору, которымъ оно и ведется въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ и прекращается при ближайшемъ его участіи не иначе, какъ по усмотрѣнію суда. Здѣсь повсюду господствуетъ публичная дѣятельность прокурора, и хотя частное потерпѣвшее лицо можетъ также заявлять и отстаивать свои права, но его дѣятельность факультативна и не имѣетъ формальнаго вліянія на процессъ. Публичнымъ дѣламъ противополагаются дѣла частныя, въ которыхъ все—и возбужденіе, и производство преслѣдованія, и самое его прекращеніе пре-

---

не относится къ числу участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, къ которымъ причислены всѣ другіе представители сторонъ. См. рѣш угол. кассац. департ. 1869 г. № 734, по д. Шахова.

доставлены частному обвинителю, въ полной зависимости отъ его воли. Въ такихъ дѣлахъ, обнимающихъ сравнительно немногочисленныя и точно въ законѣ указанныя нарушенія частныхъ интересовъ и правъ, огражденныхъ уголовною санкціей, прокуроръ не принимаетъ другого участія, кромѣ: а) передачи ихъ по принадлежности и б) наблюденія за тѣмъ, не заключается ли въ нихъ признаковъ публичнаго преступленія, требующихъ прокурорскаго вмѣшательства. Всецѣло замѣненный частнымъ обвинителемъ, прокуроръ не теряетъ, однакоже, изъ виду производящагося преслѣдованія и долженъ взять его въ свои руки, какъ только обнаружится публичный его оборотъ. Съ этою цѣлью онъ можетъ даже присутствовать, если найдетъ нужнымъ, во всякомъ судебномъ засѣданіи, происходящемъ въ порядкѣ частнаго обвиненія. Наконецъ, дѣла публично-частныя заимствуютъ свои черты у той и другой изъ разсмотрѣнныхъ категорій: по возбужденію они сходны съ частными, начинаясь не иначе, какъ по частной жалобѣ, а по дальнѣйшему своему теченію примыкаютъ къ публичнымъ, такъ какъ преслѣдованіе по нимъ ведется прокурорскимъ надзоромъ и миромъ они не прекращаются. Касаясь немногихъ преступныхъ дѣяній, перечисленныхъ въ ст. 157 улож. наказ, они носятъ, такъ сказать, средній, смѣшанный оттѣнокъ, вслѣдствіе соединенія въ нихъ публичныхъ и частныхъ свойствъ. Отсюда и смѣшанное участіе въ нихъ прокуратуры: оставляя потерпѣвшему иниціативу преслѣдованія, прокуроръ принимаетъ на себя все дальнѣйшее обвиненіе въ силу публичнаго интереса, съ которымъ оно сопряжено.

Такимъ образомъ, публичность прокурорскаго преслѣдованія выражается, прежде всего, въ томъ, что оно производится не частнымъ, а особо къ тому назначеннымъ должностнымъ лицомъ — прокуроромъ. Онъ преслѣдуетъ всѣ тѣ преступленія, которыя не предоставлены закономъ, въ видѣ изъятія, частному преслѣдованію или, по крайней мѣрѣ, частному возбужденію. Внѣ подобныхъ изъятій частная дѣятельность имѣетъ для прокурорской вспомогательное и, притомъ, случайное значеніе: это одинъ изъ поводовъ и нерѣдко первый источникъ свѣдѣній о

преступленіи, а при гражданскомъ искѣ—добровольное содѣйствіе установленію виновности. Разъ законъ указываетъ и предписываетъ прокурору *что* и *какъ* преслѣдовать, то формально и теоретически отношеніе частнаго лица къ публичному преслѣдованію для прокурора безразлично, и онъ, дѣйствуя ex officio, съ помощью цѣлой системы законныхъ обвинительныхъ средствъ, можетъ даже его игнорировать. Но далеко не таково положеніе вещей на практикѣ. Уже изъ цитированныхъ выше процессуальныхъ постановленій видно, какое существенное мѣсто отводится частному дѣйствію въ кругѣ даже публичнаго преслѣдованія. Частное лицо, потерпѣвшее отъ преступленія или только бывшее его очевидцемъ, можетъ возбуждать наравнѣ съ прокуроромъ и публичное преслѣдованіе (ст. 297 п. 1, 298, 301 — 308) и затѣмъ въ немъ дѣятельно участвовать въ качествѣ гражданскаго истца (п. 3 ст. 304, 309, 559, 560, 594, 630, 631, п. 2 ст. 736, 742, 793 уст. угол. суд.). Частному же лицу принадлежитъ исключительное право возбужденія публично-частнаго преслѣдованія и все веденіе частнаго обвиненія съ начала до конца. Еще значительнѣе и шире общая практическая цѣнность частнаго участія въ уголовномъ преслѣдованіи. Не менѣе, если не болѣе половины всѣхъ уголовныхъ дѣлъ возбуждается по заявленію частныхъ лицъ, отъ которыхъ и прокуратура, главнымъ образомъ, получаетъ первыя незамѣнимыя данныя о преступленіяхъ и указанія на виновныхъ. Въ огромномъ большинствѣ подобныхъ дѣлъ бываютъ такъ глубоко затронуты важнѣйшіе частные блага и интересы, что ихъ реальное нарушеніе какъ бы затемняетъ собою скрывающееся въ дѣлѣ идеальное посягательство на общій, публичный интересъ. Это особенно ярко въ многочисленныхъ преступленіяхъ противъ собственности, гдѣ сплошь и рядомъ вся преступность, а съ нею весь ходъ и исходъ уголовнаго преслѣдованія обусловливаются вполнѣ частными отношеніями между потерпѣвшимъ и обвиняемымъ. Въ своемъ обвиненіи прокуроръ одновременно и пользуется какъ показаніями, такъ и личностью потерпѣвшаго, и косвенно защищаетъ его, разъясняя и доказывая дѣйствительность совершеннаго надъ нимъ преступленія. Если же при-

бавить сюда неизбѣжное соприкосновеніе прокурорскаго преслѣдованія съ обширною сферою всѣхъ частныхъ интересовъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ и вообще, такъ или иначе, сталкивающихся съ уголовнымъ правосудіемъ, то нельзя не видѣть, до какой степени уголовная дѣятельность прокурора, будучи публичною, испытываетъ на себѣ вліяніе частнаго начала, съ нимъ сообразуется и даже подчасъ отъ него зависитъ.

Совокупность началъ законности, безпристрастія и публичности, вмѣстѣ съ принадлежностью прокурора къ числу органовъ правосудія, стремящихся единственно къ раскрытію уголовной истины, въ чемъ бы она ни заключалась—въ осужденіи или въ оправданіи, въ строгости или въ смягченіи, все это кладетъ на прокурорскую дѣятельность по уголовнымъ дѣламъ необходимый отпечатокъ спокойствія или, точнѣе, спокойнаго достоинства. Въ ней не должно быть мѣста ни страсти, ни увлеченію: прокуроръ преслѣдуетъ преступленія не отъ себя, не за свой личный счетъ—если такъ можно выразиться—и въ результатѣ преслѣдованія онъ лично не заинтересованъ, хотя и не долженъ относиться къ нему равнодушно или апатично, не долженъ видѣть въ немъ только одну формальную обязанность. Уголовное преслѣдованіе есть актъ государственнаго правосудія, а не гоненіе или травля сильнымъ слабаго. Но преслѣдованіе не есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, механическое отправленіе извѣстныхъ чиновничьихъ функцій: это высокое правительственное служеніе, требующее не малаго юридическаго, а иногда даже и политическаго искусства, если дѣло идетъ о крупныхъ или жгучихъ общественныхъ интересахъ. Не легко соблюсти необходимое равновѣсіе между двумя такими крайностями, и въ этомъ задача того спокойнаго, но въ то же время энергическаго отношенія къ уголовнымъ дѣламъ, которымъ должна быть проникнута вся дѣятельность по нимъ чиновъ прокуратуры. Они найдутъ и сохранятъ его, если, правильно понявъ свое призваніе, не отступятъ отъ вышеприведенныхъ основныхъ началъ его.

Въ тѣсной связи съ ними находится вопросъ о томъ, какимъ критеріемъ — *закономѣрности* или *цѣлесообразности*, должна руководствоваться прокуратура въ своей уголовной дѣятельности.

Общее понятіе объ этомъ вопросѣ, возбуждающемъ въ теоріи значительное разногласіе и оживленные, до сихъ поръ еще неразрѣшившіеся споры, было уже приведено нами въ другомъ мѣстѣ [1]; здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить практическое значеніе въ прокурорской службѣ относящихся сюда ученій. Законом*ѣ*рность—въ основномъ принципѣ, цѣлесообразность или умѣстность—въ выборѣ средствъ и пріемовъ дѣйствія, законом*ѣ*рность — какъ общее правило, цѣлесообразность или умѣстность—какъ исключеніе, ограниченное опредѣленнымъ моментомъ преслѣдованія и, притомъ, строго обусловленное яснымъ и настоятельнымъ публичнымъ интересомъ, безъ малѣйшаго въ чемъ-либо ущерба интересамъ частнымъ—такова высказанная нами руководящая точка зрѣнія. Изъ отечественныхъ процессуалистовъ ее, повидимому, раздѣляютъ гг. *Тальбергъ* и *Случевскій* [2]) и, наоборотъ, отвергаетъ г. *Фойницкій* [3]). Но и этотъ послѣдній признаетъ, что въ текстѣ нашихъ законовъ не содержится отвѣта на указанный вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ въ пользу законом*ѣ*рности только „изъ разума постановленій“ закона. Главнымъ аргументомъ за такое разрѣшеніе г. Фойницкій выставляетъ обязательность для прокуратуры производить уголовное преслѣдованіе при наличности признаковъ преступленія, хотя это и не устраняетъ ея свободнаго отношенія къ обвиненію, вытекающаго изъ процессуальнаго ея положенія и выражающагося въ правѣ ея направлять дѣла къ прекращенію, отказаться отъ обвиненія и оставить оправдательный или недостаточно-карательный приговоръ безъ обжалованія. При этомъ почтенный профессоръ самъ указываетъ на извѣстныя нашему законодательству отступленія отъ начала законом*ѣ*рности, а именно—ограниченіе почина прокуратуры усмотрѣніемъ частнаго лица, начальства или административнаго вѣдомства въ уголовномъ преслѣдованіи по дѣламъ частнаго обвиненія, о всѣхъ преступленіяхъ по службѣ и нѣко-

---

[1]) Сочиненіе автора—*Прокурорскій надзоръ*, т. I, стр. 16—20, 505—507.

[2]) *Тальбергъ*, Русское уголовное судопроизводство, т I, 1889 г., стр. 282—284.—*Случевскій*, Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство, 1891 г., стр. 222 и 223.

[3]) *Фойницкій*, Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I, стр. 72 и 73.

торыхъ преступленіяхъ противъ вѣры и противъ уставовъ благочинія и казенныхъ управленій. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ профессора Фойницкаго даже въ той вышеприведенной, ограничительной формѣ его, въ которой оно къ тому же какъ бы само себя колеблетъ и подрываетъ. Если отъ общаго принципа допущены отступленія, если самое примѣненіе его ограничено,—онъ уже не безусловенъ и нѣтъ основанія выводить во что бы то ни стало его мнимую незыблемость, отстаиваніе которой какъ съ юридической, такъ и съ утилитарной точки зрѣнія представляетъ въ данномъ случаѣ едва ли благодарный трудъ. Разсматриваемый вопросъ имѣетъ, въ сущности, гораздо болѣе узкіе и скромные предѣлы, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго на него взгляда. Никто не сомнѣвается и не отрицаетъ: 1) что закономѣрность служитъ главнымъ принципомъ прокурорской дѣятельности; 2) что преслѣдованіе преступленій въ случаяхъ, установленныхъ закономъ, составляетъ не право, а обязанность прокурорскаго надзора, но 3) что, тѣмъ не менѣе, въ границахъ, начертанныхъ закономъ, ближайшее опредѣленіе подробностей и способовъ преслѣдованія зависитъ отъ усмотрѣнія чиновъ этого надзора. Затѣмъ, при слѣдствіи и на судѣ почти всѣ дѣйствія прокурора не обязательны для суда и получаютъ силу только по мѣрѣ согласія съ ними судебной власти (таковы всѣ предложенія, заключенія, обвинительные акты и рѣчи). Поэтому, вся практическая важность вопроса о закономѣрности или умѣстности не простирается далѣе двухъ моментовъ преслѣдованія, которые дѣйствительно могутъ опредѣляться тѣмъ или другимъ началомъ, такъ какъ образъ дѣйствій по нимъ прокуратуры всецѣло предоставленъ ея распоряженію. Моменты эти—возбужденіе или невозбужденіе преслѣдованія прокурорской властью и опротестованіе или необжалованіе ею судебнаго приговора. Общая обязанность преслѣдованія всѣхъ наказуемыхъ правонарушеній едва ли можетъ тутъ играть рѣшающую роль. Подобно всякому правительственному чиновнику, обязанному дѣлать то дѣло, къ которому онъ приставленъ, и прокуроръ вообще обязанъ преслѣдовать извѣстныя преступныя дѣянія, но слѣдуетъ ли отсюда,

чтобы онъ лишенъ былъ права оставлять безъ преслѣдованія нѣкоторыя изъ нихъ, хотя бы съ внѣшней стороны и заключающія въ себѣ формальные признаки преступленія? Прежде всего, нигдѣ въ законѣ не содержится категорическаго по этому предмету запрещенія. Напротивъ, въ текстѣ подлежащихъ постановленій можно встрѣтить даже какъ бы косвенное указаніе, намекъ на возможность отрицательнаго разрѣшенія этого вопроса. Такъ, по ст. 311 уст. угол. суд., чины прокурорскаго надзора „*могутъ*“, а не обязаны возбуждать дѣла по тѣмъ или другимъ доходящимъ до нихъ поводамъ, и изъ этихъ поводовъ лишь частная жалоба потерпѣвшаго, по ст. 303 уст. угол. суд., безусловно ихъ къ тому обязываетъ. Нѣтъ жалобы—нѣтъ и такой безусловной обязательности, тѣмъ болѣе, что, по ст. 253 уст. угол. суд., прокуратура возбуждаетъ преслѣдованіе по направленному къ ней полицейскому дознанію, если ею „будутъ *усмотрѣны* въ происшествіи признаки преступленія или проступка“, какъ достаточное къ тому основаніе, отсутствіе котораго, по ст. 312 уст. угол. суд., *запрещаетъ* преслѣдованіе и, слѣдовательно, основаніе это только въ отрицательномъ смыслѣ имѣетъ формально-обязательное значеніе. Еще болѣе опредѣленныя указанія въ томъ же направленіи заключаются и въ нѣкоторыхъ руководящихъ разъясненіяхъ сената. Такъ, несмотря на то, что по ст. 297 п. 2 уст. угол. суд. „сообщенія... присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ“ признаются законнымъ поводомъ къ начатію предварительнаго слѣдствія, для прокурорскаго надзора въ этомъ смыслѣ, по толкованію сената, не обязательны ни сообщенія суда гражданскаго объ оказавшемся въ дѣлѣ уголовномъ обстоятельствѣ, ни сообщенія судебнаго или иного присутственнаго мѣста о должностномъ оскорбленіи; въ подобныхъ случаяхъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія вполнѣ зависитъ, какъ это категорически выражено въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, „*отъ усмотрѣнія прокурорскаго надзора*“ [1]). Затѣмъ, согласно ст. 124, 129 и 130 учр. суд.

[1]) Рѣш. гражд. кассац. д—та 1867 г. № 343, 1868 г. № 228, 1869 г №№ 746 и 1155; угол. кассац. д—та 1866 г. № 32, 1867 г № 513, 1870 г № 7-1, 1871 г. №№ 692 и 1270; общ. собр. 1870 г. № 26 и 1871 г. № 126.

уст., возбужденіе уголовнаго преслѣдованія есть дѣйствіе вполнѣ подчиненное распоряженіямъ начальства, у котораго, поэтому, въ лицѣ хотя бы министра юстиціи, какъ высшаго правительственнаго органа, нельзя отнять право предписать подвѣдомственной ему прокуратурѣ не возбуждать преслѣдованія въ извѣстномъ случаѣ, по тѣмъ или другимъ правительственнымъ или государственнымъ, т.-е. публичнымъ, соображеніямъ. Это можетъ послѣдовать, если на пути предполагаемаго или возможнаго преслѣдованія стоитъ такое очевидное обстоятельство или такое исключительное ихъ стеченіе, которое грозитъ обратить дѣйствія, по формѣ закономѣрныя, въ дѣятельность по существу вредную для общей пользы или безплодную, но сопряженную съ напрасными тяготами и стѣсненіями для интересовъ, охраняемыхъ правительствомъ въ силу его общественнаго долга. Всѣ относящіеся сюда казусы и сомнѣнія оцѣниваются и разрѣшаются по началу цѣлесообразности и умѣстности; при этомъ для того, чтобы свобода такой оцѣнки и рѣшенія не теряла правового своего характера и усмотрѣніе не переходило въ произволъ, необходимо соблюденіе трехъ ограничительныхъ условій: 1) наличности серьезнаго публичнаго интереса въ невозбужденіи уголовнаго преслѣдованія; 2) признанія этого повода со стороны компетентнаго прокурорскаго начальства, не ниже прокурора судебной палаты, какъ непосредственнаго органа министра юстиціи, въ его качествѣ высшаго правительственнаго главы прокуратуры, и 3) неприкосновенности частныхъ интересовъ потерпѣвшаго, при заявленіи которыхъ уже не можетъ быть отказано въ преслѣдованіи. Интересы эти, впрочемъ, уже достаточно гарантированы тѣмъ, что, помимо прокурорскаго почина, объявленіе или жалоба частнаго лица служитъ законнымъ поводомъ къ преслѣдованію (1 п. ст. 297 уст. угол. суд.). Вообще, признаваемое нами право прокурора не возбуждать преслѣдованіе, несмотря на существованіе внѣшнихъ признаковъ преступленія, касается лишь тѣхъ, сравнительно весьма не частыхъ случаевъ, когда дѣло подлежитъ возбужденію по свѣдѣніямъ, непосредственно доходящимъ до прокурора, т.-е. по прямому его усмотрѣнію (п. 4 ст. 297 и

311 уст. угол. суд.); во всѣхъ же остальныхъ, гораздо болѣе многочисленныхъ и частыхъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи объ этомъ правѣ, такъ какъ полномочія по возбужденію слѣдствія раздѣляютъ съ прокуроромъ частныя и должностныя лица, полиція, судебный слѣдователь и даже самъ обвиняемый, приносящій повинную въ совершенномъ преступленіи (пп. 1, 2, 3 и 5 ст. 297 уст. угол. суд.).

Логическимъ продолженіемъ и развитіемъ права прокурора не начинать преслѣдованія, является право его оставлять безъ протеста приговоры и опредѣленія, хотя и несоотвѣтствующіе обвинительнымъ требованіямъ, но тѣмъ не менѣе въ публичномъ интересѣ уже не вызывающіе дальнѣйшаго пересмотра въ пользу обвиненія. Это послѣднее право подтверждается текстомъ ст. 858 уст. угол. суд., по которой прокуроръ „*можетъ*“, но не обязанъ подавать апелляціонные протесты на приговоры суда первой степени. То же выраженіе факультативнаго значенія употреблено и въ ст. 895 и 906 уст. угол. суд., по поводу опротестованія частнаго и кассаціоннаго [1]). Интересъ потерпѣвшаго огражденъ и въ этомъ фазисѣ правомъ гражданскаго истца принести жалобу, хотя бы прокуроръ и не протестовалъ (ст. 859 уст. угол. суд.). Такая жалоба не касается личной отвѣтственности подсудимаго (ст. 891 уст. угол. суд.), но этотъ предметъ и не входитъ вовсе въ кругъ частно-гражданскихъ домогательствъ потерпѣвшаго.

Итакъ, въ тѣ оба момента уголовнаго процесса, когда единственно отъ прокурора зависитъ двинуть преслѣдованіе по

---

[1]) Согласно такому пониманію прокурорскаго обжалованія въ смыслѣ возможности и при пользованіи имъ руководствоваться началомъ умѣстности, въ § 36 инструкціи чинамъ прокурорскаго надзора округа Московской судебной палаты, изд. 1886 г., сказано: „лица прокурорскаго надзора приносятъ протесты на всѣ опредѣленія судебныхъ мѣстъ, признаваемыя ими явно неправильными и *вызывающія по обстоятельствамъ дѣла такое обжалованіе*“. Правда, въ п. 3 отд. II § 2 той же инструкціи опротестованіе отнесено къ предметамъ, не подчиненнымъ распоряженіямъ начальства, но не подлежитъ сомнѣнію, что начальство, не имѣя права предписать подчиненному не приносить протеста, въ то же время можетъ, по праву замѣны, оставить протестъ безъ движенія, принявъ дѣло на свою отвѣтственность и, такимъ образомъ, разрѣшить и вопросъ объ опротестованіи, въ случаѣ надобности, по соображеніямъ умѣстности и цѣлесообразности.

установленному для него пути или же, напротивъ, отступить отъ дѣла и тѣмъ или вовсе не начинать его, или, по крайней мѣрѣ, лишить его прокурорской иниціативы, прокуроръ можетъ выбрать тотъ или другой способъ дѣйствія на основаніи свободнаго и всесторонняго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ и особенностей даннаго случая, не стѣсняясь одними формальными признаками преступленія, а имѣя также въ виду и то, что̀ обѣщаетъ выйти изъ преслѣдованія въ государственномъ и общественномъ отношеніи. Вопреки теоретическимъ мнѣніямъ сторонниковъ безусловной закономѣрности, мы думаемъ, что взглядъ прокурора, этого судебнаго дѣятеля правительственной практики, можетъ и долженъ быть обращенъ не только въ прошедшее, но и въ будущее, не только на форму и букву, но и на живую сущность дѣла. При такомъ образѣ дѣйствій прокуроръ, не имѣя права производить преслѣдованія безъ достаточнаго къ тому основанія, властенъ, однакоже, не возбуждать или не продолжать его даже при подобномъ основаніи. Намъ могутъ возразить, что, отдавая предпочтеніе при разрѣшеніи настоящаго вопроса публичнымъ интересамъ въ широкомъ смыслѣ, мы забываемъ важнѣйшій изъ нихъ—интересъ *закона*, блюстителемъ котораго поставленъ прокуроръ и который требуетъ, чтобы всякое, безъ исключенія, дѣяніе, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, подвергалось преслѣдованію и карѣ, безотносительно къ какимъ бы то ни было постороннимъ послѣдствіямъ этого акта законнаго возмездія. Но не забудемъ и того, что представитель карательнаго закона, издающагося именно въ огражденіе общаго блага и государственной пользы,—прокуроръ—является и органомъ правительства, на которомъ лежитъ попеченіе о цѣлесообразномъ примѣненіи этого закона; правительству же и судить, не слѣдуетъ ли остановить его воздѣйствіе тамъ, гдѣ въ сложномъ ходѣ жизни внѣшніе преступные признаки не соотвѣтствуютъ внутреннему смыслу факта, и репрессія можетъ оказаться вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ игнорированіе. Фактическая обстановка случаевъ, въ которыхъ для прокурорскаго надзора возникаетъ необходимость воздержаться отъ преслѣдованія или опротестованія, такъ же разнообразна, какъ и создающія

ихъ бытовыя или жизненныя условія, числомъ же эти случаи не бываютъ многочисленны и часты, потому что всѣ они характеризуются обстоятельствами болѣе или менѣе исключительными и чрезвычайными. Нѣсколько обобщенныхъ примѣровъ пояснятъ, что̀ мы подъ этимъ разумѣемъ. Указанные случаи всего возможнѣе и чаще въ области преступленій государственныхъ и противъ порядка управленія. Такъ, правительство можетъ признать, что хотя данное дѣяніе и подходитъ подъ опредѣленіе уголовнаго закона, охраняющаго государственный или общественный порядокъ или административный строй, но что дѣйствительный вредъ отсутствуетъ или ничтоженъ, а преслѣдованіе соединено съ такими невыгодами и неудобствами для разумной внутренней политики, при которыхъ умѣстнѣе отказаться отъ репрессіи и отнестись къ правонарушенію съ великодушнымъ снисхожденіемъ или съ величавымъ равнодушіемъ. Далѣе, возможенъ рядъ предусмотрѣнныхъ уголовнымъ закономъ казусовъ, гдѣ подъ давленіемъ всевозможныхъ нравственныхъ и житейскихъ компликацій, при добрыхъ субъективныхъ намѣреніяхъ виновнаго, дѣйствія его сложились съ формальной стороны преступно, объективнаго же вреда не послѣдовало, и тяжесть уголовной кары глубоко возмущаетъ общественное чувство справедливости и противорѣчитъ сознанію полезности закона. Бываютъ также и дѣла, въ которыхъ побѣда закона надъ правонарушеніемъ болѣе, чѣмъ гадательна, а между тѣмъ вторженіе обвинительной власти въ личную или семейную сферу угрожаетъ тяжкими послѣдствіями для неповинныхъ или ущербомъ для общественной нравственности. Таковы же и вообще дѣла, по которымъ признаки преступленія налицо, а возможность изобличенія и наказанія виновнаго почему-либо до очевидности безнадежна, вслѣдствіе чего и уголовное преслѣдованіе заранѣе обречено на безплодную дѣятельность, способную лишь посѣять мысль о его безсиліи. Наконецъ, и по возбужденному уже преслѣдованію, разрѣшившемуся несогласно съ требованіями прокуратуры, возможны, и даже сравнительно нерѣдки, такіе казусы, когда она сама убѣждена, что хотя приговоръ или опредѣленіе по формѣ и неправильны, но по существу не

противорѣчатъ ни справедливости, ни государственной пользѣ, а также когда прокуратура, по какой-либо особенной причинѣ — напр., по измѣненію въ составѣ или суммѣ доказательствъ,— основательно утрачиваетъ надежду на успѣхъ своихъ домогательствъ при пересмотрѣ дѣла, неразлучномъ, между тѣмъ, съ тягостнымъ продленіемъ судебной процедуры. Оставленіе дѣла безъ преслѣдованія или протеста — единственный достойный и безвредный выходъ изъ подобныхъ положеній, которыя можно подвести и подъ общую формулу. Они возникаютъ, если публичный интересъ, не находясь въ противорѣчіи съ интересомъ частнымъ, удовлетворяется не репрессіей, а скорѣе бездѣйствіемъ обвинительной власти. Здѣсь представительство ея беретъ въ прокуратурѣ верхъ надъ представительствомъ формальнаго закона; въ лицѣ своего блюстителя онъ сознательно опускаетъ мечъ передъ тѣмъ, что въ исключительныхъ обстоятельствахъ можетъ быть выше его буквы,—передъ справедливостью и общимъ благомъ. Въ подобныхъ случаяхъ, по условіямъ нашей судебной практики, нѣтъ ничего жгучаго или остраго. За отсутствіемъ внутренней политической розни и противоположенія между правительствомъ, обществомъ и закономъ, случаи эти не возбуждаютъ затрудненій и разрѣшаются легко и мирно, не создавая ни щекотливыхъ инцидентовъ, ни предлоговъ для какой-либо борьбы. Ручательство противъ всякаго произвола и злоупотребленій въ ихъ разрѣшеніи заключается въ общей системѣ тѣхъ же гарантій, которыми вообще обезпечивается правильность уголовной дѣятельности прокурорскаго надзора. Опытъ показываетъ, что ихъ достаточно для того, чтобы ни съ чьей стороны не могло быть сколько-нибудь серьезныхъ и основательныхъ нареканій на приложеніе, въ приведенныхъ выше, весьма тѣсныхъ и умѣренныхъ предѣлахъ, начала умѣстности и цѣлесообразности въ прокурорскомъ преслѣдованіи преступленій.

Совокупность упомянутыхъ *гарантій* образуетъ также одно изъ капитальныхъ основаній уголовной дѣятельности прокуратуры, такъ какъ цѣль ихъ—одновременно ограждать оба великіе интереса, участвующіе въ процессѣ: публичный—государ-

ства, заинтересованнаго въ репрессіи, и частный—отдѣльныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы репрессія эта постигла дѣйствительно виновнаго, въ точной мѣрѣ его вины и притомъ на строго законномъ основаніи, т.-е. съ предоставленіемъ частному лицу пользоваться всѣми его законными правами. Для достиженія этой цѣли репрессивная дѣятельность прокурорскаго надзора поставлена подъ контроль многихъ условій и постановленій, взаимно другъ друга дополняющихъ и поддерживающихъ. Въ числѣ такихъ условій нельзя не указать и на самый *дуализмъ* основныхъ началъ преслѣдованія. Если законодатель не нашелъ возможнымъ построить его единообразно на одномъ, логически проведенномъ, или нѣсколькихъ однородныхъ принципахъ, а, принявъ типъ смѣшанный, допустилъ комбинацію разныхъ началъ въ ихъ различныхъ сочетаніяхъ, то въ самомъ этомъ эклектизмѣ и взаимодѣйствіи можно видѣть элементъ сдерживающій и восполняющій пробѣлы. Одно начало ограничиваетъ другое, служа коррективомъ его крайностямъ и, въ свою очередь, испытывая на себѣ то же вліяніе съ его стороны. Задача цѣлесообразнаго примѣненія разнохарактерныхъ постановленій, связанныхъ всегда нѣсколько механически, и состоитъ въ томъ, чтобы они другъ другу не мѣшали, не парализовали себя взаимно и не порождали вялости тамъ, гдѣ нужна сила, стройность и энергія. Такъ, законностью всѣхъ дѣйствій прокуратуры должна умѣряться обвинительная стремительность; розыскной или слѣдственный характеръ ея предварительной дѣятельности встрѣчаетъ противовѣсъ въ равноправномъ состязаніи ея съ защитою на судѣ; публичныя цѣли преслѣдованія не должны заслонять и подавлять собою существенные и для прокуратуры права и интересы частныхъ лицъ; умѣстностью прокурорскихъ распоряженій можно иногда сгладить и смягчить все то мертвенное, сухое или излишне жестокое, что вносится въ судебную практику исключительнымъ и педантическимъ господствомъ легальной формы. Но въ этихъ догматическихъ сочетаніяхъ скрывается и своя опасность. Нельзя отрицать, что практически блюститель закона и обвинитель не всегда между собою уживаются; что эта двойственность допускаетъ

ростъ одного на счетъ другого; что равноправностью и состязаніемъ на судѣ далеко не всегда можно поправить испорченное или упущенное при предварительномъ изслѣдованіи въ розыскномъ духѣ; что частному интересу трудно бороться съ могуществомъ публичнаго; что соединеніе закономѣрности съ цѣлесообразностью можетъ оказаться дилеммой, изъ которой не легко выйти безъ произвола или безъ формализма, смотря по тому, въ чью сторону склонится предпочтеніе. При смѣшанномъ и двойственномъ построеніи прокурорской уголовной службы, исполненіе начертанныхъ ей задачъ во многомъ зависитъ отъ искусства, просвѣщенной благонамѣренности и разумнаго направленія личнаго состава прокурорскаго надзора, отъ его правительственнаго такта и вѣрнаго пониманія имъ какъ предписаній закона, такъ и требованій общественнаго блага.

Ближайшія законныя гарантіи правильности прокурорской дѣятельности по уголовнымъ дѣламъ распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одна относится къ устройству прокурорскаго надзора, а другая — къ процессуальной постановкѣ его правъ и обязанностей. Къ первой принадлежатъ предметы, требующіе особаго разсмотрѣнія въ ученіи объ устройствѣ прокурорскаго надзора: 1) надзоръ начальства за дѣйствіями подчиненныхъ и вытекающій отсюда порядокъ обжалованія ихъ дѣйствій и 2) порядокъ отвѣтственности лицъ прокурорскаго надзора. Далѣе въ составъ второй группы входятъ относящіеся къ общимъ процессуальнымъ ученіямъ: 3) контроль судебной власти надъ дѣйствіями власти обвинительной, выражающійся въ разрѣшеніи судебными установленіями всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ по уголовному преслѣдованію (преданіе суду, прекращеніе дѣлъ и проч.), 4) права потерпѣвшаго по участію въ преслѣдованіи, независимо отъ прокурорской дѣятельности, 5) права обвиняемаго при слѣдствіи и подсудимаго на судѣ по огражденію или защитѣ себя отъ прокурора-обвинителя, при чемъ въ объемъ тѣхъ и другихъ правъ входитъ 6) отводъ чиновъ прокуратуры по причинамъ, одинаковымъ съ отводомъ судей. Если всѣ перечисленныя гарантіи дѣйствуютъ правильно и нормально, въ постоянномъ соотвѣтствіи съ истинными намѣреніями законо-

дателя, то силы этихъ ручательствъ правомѣрнаго и успѣшнаго преслѣдованія вполнѣ достаточно. Если же въ ихъ практическомъ осуществленіи есть болѣе или менѣе серьезные недочеты и упущенія, то сложныя тому причины нужно искать во многихъ условіяхъ уголовно-судебной дѣятельности по нашему праву и нашей практикѣ.

Главные моменты и предметы уголовной дѣятельности прокурорскаго надзора располагаются по схемѣ уголовнаго процесса. Прокуроръ *возбуждаетъ* уголовное преслѣдованіе, *руководитъ* полицейскимъ дознаніемъ, *наблюдаетъ* за предварительнымъ слѣдствіемъ, *участвуетъ* въ преданіи суду, *обвиняетъ* на судѣ, *протестуетъ* противъ неправильныхъ судебныхъ приговоровъ и опредѣленій и *исполняетъ* тѣ изъ нихъ, которые вошли въ законную силу.

Для болѣе удобнаго обозрѣнія всѣхъ этихъ отдѣльныхъ фазисовъ прокурорской дѣятельности и сообразно указанному выше дѣленію процесса по преобладающему началу (слѣдственному—органъ правосудія и состязательному—обвиняющая сторона), она можетъ быть пріурочена къ двумъ главнымъ процессуальнымъ періодамъ—*предварительнаго* и *судебнаго* производства, при чемъ ко второму примыкаетъ и дополнительный третій—производства *заключительнаго*. Въ каждомъ изъ нихъ проявленія прокурорской функціи соотвѣтствуютъ извѣстнымъ судопроизводственнымъ моментамъ. Такъ, въ первомъ, *предварительномъ*, періодѣ нужно разсмотрѣть: 1) возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, 2) права и обязанности прокурорскаго надзора по полицейскому дознанію и, вообще, отношенія прокурора къ полиціи, 3) наблюденіе за предварительнымъ слѣдствіемъ и отношенія къ судебному слѣдователю, 4) направленіе оконченныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ составленіемъ письменныхъ по нимъ заключеній и, въ частности, обвинительнаго акта, 5) участіе прокуратуры въ преданіи суду, 6) права и обязанности прокурора во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Второй, *судебный*, періодъ распадается на два отдѣла. Въ одномъ изъ нихъ, обнимающемъ собственно *судебное разсмотрѣніе*, должно быть выяснено, 7) участіе прокурорскаго над-

зора въ судебномъ засѣданіи вообще и съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ особенности, 8) въ частности, участіе прокурора въ судебномъ слѣдствіи, 9) участіе прокурора въ заключительныхъ преніяхъ и, въ особенности, произнесеніе обвинительной рѣчи, 10) участіе прокурора въ постановкѣ вопросовъ и 11) отношеніе прокурора къ постановленію приговора. Другой отдѣлъ касается *производства по обжалованію* и состоитъ изъ 12) прокурорскаго обжалованія и, въ частности, 13) апелляціоннаго, кассаціоннаго и частнаго опротестованія и процедуры. Третій, *заключительный* періодъ содержитъ въ себѣ 14) распоряженія прокуратуры по исполненію судебныхъ приговоровъ и опредѣленій и 15) дѣйствія ея по возобновленію уголовныхъ дѣлъ. Всѣ эти отдѣльные моменты прокурорской уголовной дѣятельности объединяются намѣченными выше основными ея началами. Пользуясь предоставленными ему правами, исполняя возложенныя на него обязанности, прокуроръ дѣйствуетъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ и съ разнородными оттѣнками, то одновременно, то послѣдовательно, въ многообразномъ качествѣ: а) блюстителя закона, б) государственнаго обвинителя, в) органа правосудія, г) стороны въ уголовномъ дѣлѣ, д) публичнаго представителя правительства, е) не игнорирующаго и частные интересы, при чемъ въ дѣйствіяхъ своихъ онъ руководствуется ж) закономѣрностью, не упуская изъ виду, гдѣ это необходимо и возможно, и ихъ з) умѣстность. При всемъ различіи этихъ качествъ и обусловленныхъ ими направленій, они должны сливаться и примиряться въ одномъ общемъ стремленіи прокуратуры къ охраненію закона и общаго блага, къ реальному торжеству правды и справедливости среди явленій общественнаго быта и дѣйствительной жизни.

